

ПОЛНОЕ РУКОВОДСТВО

КО

ПСОВОЙ ОХОТЕ

СОСТАВЛЕННОЕ

ПЕТРОМ МИХАЙЛОВИЧЕМ ГУБИНЫМ

в трех частях

ОГЛАВЛЕНИЕ:

- Предисловие
- ЧАСТЬ I. ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ ОБО ВСЕМ, ОТНОСЯЩЕМСЯ КО ПСОВОЙ ОХОТЕ
 - Глава 1. О псовой охоте вообще
 - Глава 2. О псарном дворе
 - Глава 3. О составе псовой охоты
 - Глава 4. О собаководстве
 - Глава 5. О распределении охотников по должностям
 - Глава 6. Об обязанностях охотников и лиц, участвующих в деле псовой охоты
 - Глава 7. О платье и охотничьих принадлежностях
 - Глава 8. О форме, значении и употреблении охотничьих принадлежностей
 - Глава 9. О роговых и пантомимных охотничьих сигналах
 - Глава 10. О сборах к выезду с собаками из дома и порядок одевания охотников
 - Глава 11. Об охотничьих седлах
 - Глава 12. О набое седлами лошадей и мерах, временно против того принимаемых охотниками
 - Глава 13. Об охотничьих лошадях, их седлании, посадке охотника и управлении лошастью
 - Глава 14. Об обозе для объезжих полей и его составе
 - Глава 15. Об обязанностях людей, находящихся при обозе
 - Глава 16. О приготовлении квартиры под охоту в отъезжем поле
 - Глава 17. О размещении псовой охоты в отъезжем поле
 - Глава 18. О переходе псовой охоты с одной квартиры на другую
 - Глава 19. О дневках в отъезжем поле
 - Глава 20. О тенетах, необходимых при псовой охоте
 - Глава 21. О содержании охотничьих верховых и обозных лошадей вообще
 - Глава 22. Охотничья терминология
 - Волки
 - Лисицы
 - Зайцы
 - Виды волков
 - Части волка вообще
 - Виды лисиц
 - Части лисицы
 - Виды зайцев
 - Части зайца вообще
 - Части борзой собаки
 - Части гончей собаки
 - Глава 23. Употребительнейшие клички русским борзым, сообразные их породам
 - Глава 24. Употребительнейшие клички русским гончим собакам
 - Глава 25. О заразительных болезнях у собак
 - Глава 26. О заразительных болезнях у лошадей
 - Глава 27. О походной аптечке для отъезжих полей
 - Глава 28. О действии означенных медикаментов и их применение к заболевшим людям

- **ЧАСТЬ II. О СОБАКОВОДСТВЕ ВООБЩЕ С ТОЧНЫМ ОПРЕДЕЛЕНИЕМ ПОРОД БОРЗЫХ И ГОНЧИХ СОБАК**

- **От автора**

- Глава 1. О породах борзых собак, известных в России
- Глава 2. О чистопсовых борзых собаках
- Глава 3. О псовых борзых собаках
- Глава 4. О курляндских борзых собаках
- Глава 5. О брудастых борзых
- Глава 6. Английские борзые
- Глава 7. Хортые борзые
- Глава 8. Горские борзые собаки
- Глава 9. Крымские борзые собаки
- Глава 10. О породах гончих собак, известных в России и пригодных для псовой охоты
- Глава 11. Русская прямогонная гончая
- Глава 12. Русская крутогонная гончая
- Глава 13. Костромская гончая
- Глава 14. Русская брудастая гончая собака
- Глава 15. Гончие арлекины
- Глава 16. Польские гончие собаки
- Глава 17. Английская гончая собака
- Глава 18. Об общих признаках досужести борзых и гончих собак
- Глава 19. Общие признаки резвости борзых собак всех пород
- Глава 20. Об общих признаках слабости и тупости борзых собак
- Глава 21. Общие признаки досужести гончих собак
- Глава 22. Общие признаки плохой гончей, необещающей быть собакой досужей
- Глава 23. О восстановлении и видении породы борзых и гончих собак вообще
- Глава 24. О блюдке сук и выжловок
- Глава 25. Об отдержке борзых и гончих собак
- Глава 26. О вязке борзых и гончих собак
- Глава 27. О содержании щенных сук и выжловок и о метке ими щенят
- Глава 28. О щенятах, оставляемых под матерями и о щенятах забракованных
- Глава 29. О выборе из помета лучших щенков в слепом возрасте
- Глава 30. О содержании сук, выжловок и кормилиц со щенками
- Глава 31. О содержании и выкормке борзых и гончих щенков
- Глава 32. О воспитании борзых щенков
- Глава 33. О серьезной высворке борзых щенят
- Глава 34. О формировании свор борзых собак
- Глава 35. О сосваривании скоросых борзых собак
- Глава 36. О воспитании гончих щенят
- Глава 37. О приездке гончих собак
- Глава 38. О нагонке гончих собак
- Глава 39. О сформировании стаи гончих собак
- Глава 40. О езде выжлятников
- Глава 41. О порсканий доезжачих
- Глава 42. О содержании борзых и гончих собак на псарном дворе
- Глава 43. О корме взрослых собак по способу старинных псовых охотников
- Глава 44. О корме взрослых собак по моему способу
- Глава 45. Испытанные мной средства против некоторых болезней борзых и гончих собак
- Глава 46. Испытанные мной средства против некоторых болезней у лошадей

- **ЧАСТЬ III. О ПРОИЗВОДСТВЕ ПСОВОЙ ОХОТЫ**
- **От автора**
 - Глава 1. О способах производства псовой охоты
 - Глава 2. Главные основные правила псовой охоты
- **РАЗДЕЛ I. ЕЗДА ПО ЧЕРНОТРОПУ**
 - Глава 3. Общие замечания
- **ОТДЕЛ I. Езда с одними борзыми**
 - Глава 4. Значение езды с борзыми и разделение ее на виды
 - Глава 5. Езда в наездку
 - Глава 6. Езда в равнинку
 - Глава 7. Выездка на зарю
- **ОТДЕЛ II. Езда с борзыми и гончими вместе**
 - Глава 8. Общие замечания
- **СПОСОБ I. Езда домашняя или обыденная около дома**
 - Глава 9. О сборе на охоту
 - Глава 10. О выезде псовой охоты из дома
 - Глава 11. О проходе к месту охоты из дома
 - Глава 12. О возвращении псовой охоты с поля домой
 - Глава 13. Общие правила езды с собаками
 - Глава 14. Езда островная
 - Глава 15. Езда вражистая
 - Глава 16. Езда болотистая
 - Глава 17. Общие правила о травле зверя борзыми из-под гончих
- **СПОСОБ II. Езда в отъезжем поле или езда по волкам**
 - Глава 18. О приготовлении к отъезжему полю
 - Глава 19. О выступлении псовой охоты в отъезжее поле
 - Глава 20. О прибытии псовой охоты на квартиру и вступлении в дело производства охоты в отъезжем поле
 - Глава 21. Об обыске волков вообще
 - Глава 22. О вытье волков вообще
 - Глава 23. О подвывании волков
 - Глава 24. О проверке волков ловчим
 - Глава 25. Общие правила квартирования, выезда и возвращения с поля
 - Глава 26. О езде по волкам вообще
 - Глава 27. Езда уймистая
 - Глава 28. О травле борзыми волков из-под гончих
 - Глава 29. Об окончании псовой охоты по чернотропу
- **РАЗДЕЛ II. ЕЗДА ПО БЕЛОЙ ТРОПЕ**
 - Глава 30. Общие замечания
 - Глава 31. О порошах вообще
- **ОТДЕЛ I. Езда с одними борзыми в порошное время**
 - Глава 32. Общие правила
 - Глава 33. Езда на съездку
 - Глава 34. Езда на глазок
 - Глава 35. Езда по волкам с помощью привады
- **ОТДЕЛ II. О езде в порошное время с борзыми и гончими вместе**
 - Глава 36. Общие замечания
 - Глава 37. О порядке съемки, расправки, высушки и сохранения шкур с затравленных и словленных собаками красных зверей
- **Заключение**
- **Приложение: СТАРИННЫЕ РУССКИЕ МЕРЫ ДЛИНЫ, ВЕСА И ОБЪЕМА**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Говорить о том, что псовая охота исстари была любимой забавой еще удельных князей, царей, великих князей и бояр русских, я не стану. Надо самому быть в поле с правильно организованной псовой охотой, чтобы вполне убедиться, что не даром же, в самом деле, псовая охота издревле вызывала к себе сочувствие людей нередко высокопоставленных, высоконравственных и благородных. Что же в ней такого привлекательного? И что так тянет к ней даже и не страстного иногда охотника?.. Представьте себе, уважаемый читатель, картину травли зверя лихими борзыми — и я уверен, что Вы, хотя бы были совсем не охотник, не отвернетесь от нее... а остановитесь и полюбуетесь ею!.. При этом вдруг слышится в острову стройная гоньба голосистой стаи гончих... и что-то непонятно приятное, невыразимо увлекающее, уносит Вас в какой-то неведомый новый идеальный мир! Вы на некоторое время забываете все Вас окружающее, Вы на несколько минут отрешаетесь от всего Вас удручающего, Вы забыли все неприятности и горе... Вы спокойны... счастливы... и эти-то несколько минут душевного спокойствия дает Вам охота псовая — как же не любить ее?.. Да и какая другая охота в состоянии сравниться с охотой псовой? Напрасно г. Аксаков силился доказать преимущество охоты ружейной перед псовой. Но напрасно и г. Мачеварианов старался доказать противное, защищая преимущество охоты псовой!.. Для псового охотника подобная защита должна казаться оскорбительной: защищать преимущество псовой охоты перед другими — значит унижать ее достоинство. Достаточно сказать, что нет ни одной другой охоты, кроме псовой, которая бы давала такой простор страсти и увлечению, которая бы заключала в себе столько поэзии, прелести и вместе с этим настолько приносила бы пользы общественной! Взгляните с другой, более серьезной точки зрения на псовую охоту, и Вы убедитесь в справедливости мною сказанного. Поверьте, что человек с черствой душой, скупой, эгоистичный, никогда не заведет псовой охоты; да и сам никогда не может быть псовым охотником, если верить хотя и глубоко правдивым, но, по моему мнению, слишком преувеличенным словам древних авторов, писавших об этом предмете, и о которых упоминает в своих записках г. Мачеварианов, говоря при определении качеств псового охотника так: «Истинным псовым охотником может быть лишь тот, кто благовоспитан, умен, образован, честен, благороден, добр и вечно юн душою. Хотя эти качества не мешают иметь каждому человеку, но для псового охотника они необходимы». Далее он продолжает: «Без чести, благородства и сердечной доброты не может быть чистой и спокойной совесть, а без нее могут ли идти на ум забавы и удовольствия?» А я со своей стороны добавлю, что человек без чести, благородства и сердечной доброты никогда не будет способен на какое-либо доброе дело, он не подаст куска хлеба неимущим, не решится без корыстной цели сделать какие-либо затраты для пользы общественной! — Псовая же охота, минуя удовольствия и забавы, дает средства к безбедному существованию людям, необходимых для ее состава, дает возможность к жизни прекрасным домашним животным, усовершенствует их и, кроме того, имеет или, по крайней мере, должна иметь одну из главных и полезных целей — это стремление к уничтожению зверей хищных. Без этой последней цели содержание псовой охоты не будет оправдывать вполне своего назначения, т.к. для уничтожения одних только зайцев не нужно содержать псовой охоты, а достаточно иметь одну-две борзых собачонки. Но, несмотря на это, мне неоднократно приходилось встречать псовые охоты, которые постоянно ограничивались травлей одних только зайцев, хотя владельцы их всегда в начале осени собирались перетравить громадное количество волков и лисиц, по поводу чего нередко происходили между охотниками споры, причем, они сильно горячились и, в конце концов, по окончании осени, получив ноль в своих ожиданиях, некоторые охотники начинали уже проклинать травлю волков, восхваляя охоту на зайцев, а другие просто оправдывались плохой осенью, неудачным выездом и вообще причинами, не существующими для настоящего псового охотника, т.к. понимающий дело охоты

определяет подобные неудачи только двумя причинами: или незнанием езды по красному зверю, или недоброкачеством борзых и гончих собак. Это доказывается тем, что охота по красному зверю производится или, по крайней мере, должна производиться всегда наверняка; следовательно — неудачи при охоте по волкам никогда быть не должно. Дурная погода во время осени может только лишить псового охотника того удовольствия, которое он мог получить на охоте в хорошее время, но чтобы вследствие дурной погоды нельзя было перетравить взводок волков, раз уже выехавши в поле, — я этого положительно не допускаю, т.к. практический мой опыт доказал мне, что в продолжение тридцати лет специальной моей охоты по волкам, самые удачные поля мне приходилось брать в самые неблагоприятные для охоты дни поздней осени. Этому, конечно, виной отчасти был я сам, т.к. никогда не начинал охоты по волкам ранее октября, не находя ничего интересного травить в августе и сентябре молодых волчат, как кошек. Но дело не в том, кому что нравится, а каким путем избежать неудачных полей в каком бы то ни было осеннем месяце, т.к. неудачные поля всегда только досадуют владельца охоты, отравляют всякое желание продолжать это дело и нередко убивают в нем саму страсть к этому занятию, а из-за этого переводятся псовые охоты и зачастую безвозвратно гибнут великолепные борзые и гончие собаки.

Вот в виду-то всего этого я и решился издать это «Полное руководство ко псовой охоте», которое, надеюсь, для опытных охотников будет служить памятной справочной книгой, а молодых и неопытных научит правильной езде по красному зверю, точному распознаванию и ведению пород борзых и гончих собак и вообще правильному пониманию всего, относящегося к псовой охоте. Вследствие чего для удобства справки о каком-либо предмете, касающемся псовой охоты, я разделил эту книгу на три части, а каждую часть на главы, заключающие в себе отдельное объяснение каждого предмета с подразделением всего руководства на статьи и с особыми (где нужно) моими примечаниями, в которых я счел себя обязанным уяснить по мере возможности все причины, следствия и основания — почему, как и для чего то или другое должно делаться, быть и называться так, а не иначе.

П.М. Губин

ЧАСТЬ I

Общие понятия обо всем, относящемся ко псовой охоте

ГЛАВА 1 О ПСОВОЙ ОХОТЕ ВООБЩЕ

1. Страсть к борзым и гончим собакам, желание поддержать, усовершенствовать породу и их полевые качества, стремление к травле зверей и любовь ко всему, принадлежащему к псовой охоте, составляют предмет псовой охоты.

2. Строгое соблюдение охотниками правил ухода за собаками, правил езды с ними в поле и безусловное послушание и вежливость перед заведующим псовой охотой составляют порядок и как бы гармонию псовой охоты.

3. Псовая охота в смысле объективном представляет собой такое учреждение, такое орудие, с помощью которого возможно было бы уничтожение у нас всякого зверя, т.е. волка, лисицы и зайца и во всяком месте доступном охоте с борзыми собаками.

4. Т.к. цель псовой охоты есть стремление к травле всякого рода зверей собаками, то именоваться самостоятельной псовой охотой может только такое учреждение, комплект которого будет вполне достаточен для достижения предполагаемой цели. Но прежде чем приступить к описанию *состава* псовой охоты, необходимо изложить устройство псарного двора.

ГЛАВА 2 О ПСАРНОМ ДВОРЕ

5. Без псарного двора держать псовую охоту невысказано.

Примечание 1. Не имея псарного двора, т.е. особого помещения для борзых, гончих, щенят и людей, присматривающих за ними, владелец охоты рискует терпеть постоянные неприятности, которые могут выражаться в убытках, произошедших вследствие шалостей распущенных на произвол случайностей собак; т.к. собаки могут, разыгравшись, свалиться на одну из своих же собак и загрызть ее насмерть, броситься на скотину, чужую дворовую собаку и т.п., а из-за этого кроме убытка можно нажить целую историю с владельцами загрызенного животного, который, в свою очередь, защищая собственность, может и неумышленно убить или изувечить нередко лучшую собаку из псарни. Кроме того, распущенные на свободе без присмотра собаки всегда, имея возможность сообщаться и обнюхиваться с посторонними дворовыми и охотничьими собаками, скорее всего из-за этого вносят в охоту самые опасные заразительные болезни как, например, чуму, бешенство, стечку, забойку и сухие парши.

Примечание 2. Относительно гончих собак можно утвердительно сказать, что они не могут быть хорошими гонцами без псарного двора, на котором они постоянно день и ночь должны находиться. Безусловная свобода для гончих, кроме вреда, ничего принести им не может, т.к. шатающиеся по воле гончие никогда не будут послушны в острове, никогда не будут гонять привязчиво и стаينو по зверю, стараясь гнать в отбой, и то ненадолго, предпочитая заниматься выкапыванием из земли мышей, брызней и тому подобных земляных зверьков. Вообще свобода для гончих собак настолько же вредна, насколько она необходима и полезна для борзых. Единственный выпуск для гончих с псарного двора — это стайная течка за доезжачим в проводку, нагонку или на охоту.

6. Устройство псарного двора зависит от средств и вкуса владельца охоты, а потому планы псарных дворов, как и планы домов, не могут быть одинаковы.

7. Главное условие устройства псарного двора — это разделение его на два отделения так, чтобы было помещение для гончих особо от борзых, заключающееся в дворе и непременно одном хлеве, и особый двор для борзых со стольким количеством хлевов, сколько имеется свор борзых при охоте; затем при псарном дворе должны находиться: изба для охотников, варница, т.е. кашеварка; большие светлые сени для кормления собак и чулан для седел и охотничьего платья; а также травяные выпуски, отдельно как для гончих, так и для борзых собак, для летних прогулок их, но никак не для постоянного держания собак на выпуске.

Примечание 1. Гончие должны содержаться отдельно от борзых по той причине, что вследствие разнородности характеров и воспитания как тех, так и других, они никогда не могут ужиться мирно между собой; кроме того, гончие никого не должны знать, кроме своего доезжачего с выжлятниками, вследствие чего даже вход на двор к гончим другим охотникам должен быть воспрещен. Доезжачий отвечает за целость и воспитание гончих, он их составляет, приручает к послушанию, словом, дрессирует, и поэтому никто не должен из посторонних вмешиваться в его дело, за исключением ловчего или владельца охоты. Чтобы гончие помешались все в одном хлеву это необходимо ввиду того, что они приучаются таким образом быть в стае, а следовательно, находясь постоянно вместе, они скорее свыкаются между собой и делаются дружными, а для стаи гончих это необходимее всего ради полевого их досуга. Для постоянного надзора за гончими, всегда следует стараться при постройке псарного двора иметь в виду, чтобы хлев для гончих был пристроен одной стеной к охотничьей избе, из которой нужно прорубить небольшое слуховое окно с задвижкой прямо в хлев для того, чтобы во время ночи обязанный всегда ложиться спать подле этого окна доезжачий, услышав драку собак, мог бы живо отодвинуть задвижку и окричать их по кличкам, или, просунув руку с арапником, мог бы ударить, постращать виноватую.

Примечание 2. Отдельные хлева для борзых по числу свор в охоте необходимы на том основании, что борзые, находящиеся в одной своре, будучи на ночь запираемы в одном хлеву, точно так же, как и гончие, более свыкаются между собой, из-за чего делаются более дружными при приемке зверя, а это имеет важное значение при травле волка и вообще требуется от борзых во время рыска их на своре. Кроме того, размещая в хлевах порознь, посворно борзых на ночь, охотник менее рискует стравить

какую-либо собаку из псарни, т.к. если все борзые свалятся на одну собаку, то нередко бывает, что при всем проворстве и ловкости борзятников, они не могут успеть отбить от борзых собаку живой.

Примечание 3. Большие, очень светлые сени, при которых должна быть варница, необходимы во всякое время, но для зимнего времени в особенности, когда удобнее для людей греть котел и приготавливать корм собакам в защищенном от ветра и холода месте; это обязывает охотников делать свое дело как следует, не спеша, и дает возможность собакам наедаться досыта, не торопясь уйти в хлев от сильного нередко мороза, от которого на открытом месте собаки у корыта, переминаясь с ноги на ногу, не наедаются как следует и нередко знобят себе мякиши лап.

Примечание 4. Т.к. седла, платье и все охотничьи принадлежности, т.е.: ножи, рога, своры, погоны, смычки, ошейники и арапники должны быть розданы на руки каждому охотнику, который отвечает за целость всего им полученного, то необходимо, для сбережения всего этого, дать охотникам помещение в месте постоянного их жилища, т.е. особый чулан для седел и платья; охотничьи же принадлежности должны быть размещены по стенам охотничьей избы для того, чтобы все вещи находились на всякий случай под руками, на глазах у охотников, которые должны в свободное время поправить, почистить и починить, что возможно самим, или тотчас же донести о том до сведения ловчего, который и отдает кому следует поправить испорченное. Помещение вещей в месте постоянного жилища охотников избавляет последних от бесполезной траты времени на ходьбу за ними взад и вперед, оставляя при этом собак без надзора; и кроме того, это необходимо для более удобного осмотра всего этого ловчим или владельцем охоты.

8. В хлевах у борзых, гончих и щенят должны быть потолки с отдушниками вверху из каждого хлева для вентиляции, и кроме того, хлевы должны быть хорошо проконопачены. Пол в хлевах, так же как и на псарном дворе, должен быть крепко набитый, глиняный и сверху усыпан песком.

Примечание 1. Потолок в хлевах необходим для того, чтобы собаки не могли перепрыгивать из одного хлева в другой, еще потому, что с потолком хлева, запираемые на ночь, более сохраняют собак от стужи зимой, а в летнее время дают им лучшую прохладу. Отдушники в потолке необходимы для уничтожения скопившихся за ночь в хлевах газов, которые вообще вредно влияют на здоровье собак и нередко портят у собак зрение.

Примечание 2. Непроконопаченные хлевы, в которых может сквозить ветер и заносить снег, способствуют развитию у собак ревматизма и вообще разных заболеваний, и даже более чем в том случае, если бы собака была на свободе, где она могла бы побегать и вообще погреться с другими собаками, выбирая сама по своему усмотрению себе место.

Примечание 3. Глиняный пол полезнее деревянного на том основании, что собаки, хоть и чувствуют во время ходьбы под ногами твердый грунт, что и требуется для них, тем не менее имея возможность царапать глиняный пол, впуская в него когти, сохраняют себе ноги; а при деревянных полах

были случаи, что крупные псовые собаки распускали себе пальцы. При том глиняный пол не лишает собак врожденной склонности рыть землю, что также способствует укреплению их мускулов, да и вообще глиняный пол практичнее деревянного, который очень скоро подгнивает, и вследствие этого при малейшем недосмотре собака, просунувшись в прогнившую половицу, очень легко может остаться совсем без ноги. Усыпать пол песком необходимо для опрятности, во избежание грязи и нечистоты.

9. Нары или кровати для собак в хлевах должны быть сделаны из прочных, вершковых в толщину досок, сбитых плотно между собой к стене; а край нары обшивается двухвершковым в толщину и четырехвершковым в ширину брусом, у которого верхняя сторона должна быть закруглена с обеих сторон. Высота нары от земли должна быть не менее и не более восьми вершков; длина нары должна быть во всю стену хлева и ширина нары — у борзых в два, а у гончих в три аршина.

Примечание. Обшивать нары брусом необходимо для того, чтобы собака, разославшись, не могла упасть с нары и не спихивала бы с них солому; закруглить верхнюю сторону бруска необходимо для того, чтобы собака, при вскакивании на нары, не могла бы ушибить себе ноги; высота нары от земли определена ввиду того, чтобы не беспокоить собак более высоким вспрыгиванием и соскакиванием и вместе с тем для того, чтобы удобно было ежедневно выметать метлой из-под нары, т.к. безусловная чистота везде на псарном дворе необходима.

10. Все хлевы на день должны быть непременно растворены во всякое время года, исключая только время сильных зимних метелей.

Примечание. Это необходимо как для проветривания хлевов, так и для того, чтобы постоянно, ежедневно собаки могли между собой обнюхиваться, из-за чего они становятся смирнее между собой, не гадят в хлевах, когда хлевы растворены, и главное, необходимое для собак — это возможность во всяком положении пользоваться дневным светом.

11. Величина псарного двора зависит от количества борзых и гончих собак в охоте, поэтому если взять за минимум псовую охоту в 20 борзых и 18 гончих, не включая сюда щенков, то достаточно иметь двор величиной приблизительно в 10 сажень длины и $6\frac{1}{2}$ сажень ширины вместе с хлевами, полагая каждый хлев для борзых в 4 арш. длиной и $3\frac{1}{2}$ аршина шириной, а для гончих — в 6 арш. шириной и 10 арш. длиной, не включая сюда сени, варницу, чуланы и выпуски, как это изображено на рисунке 1 (Планы приложены в конце 1-й части «Руководства» — *Прим. Автора*). Забор выпусков должен быть забран тыном, т.е. стояком, и тогда достаточно иметь его вышиной только в 4 арш., чтобы не могла перепрыгнуть через него никакая лихая борзая.

Примечание. Для большей наглядности устройства псарных дворов я прилагаю в конце 1-й части план псарного двора, причем прибавляю, что при постройке псарных дворов нужно стараться избегать поднавесных столбов, о которые собаки, разыгравшись, могут ушибиться.

12. В тех псовых охотах, при которых имеются Горские, Крымские и Английские борзые, необходимо иметь для них при охотничьей избе (смотря по количеству собак и величине помещения) или особое, или в той же избе теплое помещение.

Примечание. Особое помещение для Горских, Крымских и Английских борзых с печкой, которую следует ежедневно зимой и вообще в холодное время протапливать, необходимо потому, что эти собаки не могут без ущерба своей красоте выносить дворное содержание. Этим собакам вполне было бы справедливо дать название «Комнатные борзые» на том основании, что они хоть и не теряют своих полевых качеств от дворного содержания, но за то, делаясь шерстистыми, с грубой псовиной, навсегда утрачивают главную свою прелесть — это грацию и элегантность.

13. Вблизи от псарного двора, и не в одном с ним помещении должна находиться конюшня для охотничьих лошадей, с двором для них же и сараем для экипажей, фур, телег и всех принадлежностей, необходимых при псовой охоте на время отъезжих полей. Кроме того, при этом дворе должны находиться: особое помещение для ловчего, изба для служащих при этом же дворе, чулан или хлев для сук и выжловок пустовочных и три особых хлева, из которых один для борзых щенков перед домом ловчего, а два — для больных собак сзади двора и со входом через всю конюшню.

Примечание 1. Для того, чтобы удобнее было ловчему следить за всем, относящемся к псовой охоте, необходимо конюшню с двором для охотничьих лошадей иметь неподалеку от псарного двора. В одном же помещении с псарным двором это неудобно, потому что при этом дворе, где должен жить ловчий, должны находиться суки пустовочные, выжловки, суки со щенками и щенки, отставшие уже от матерей, выкормка которых должна производиться под непосредственным наблюдением ловчего, а для этого нужно, чтобы щенки были постоянно у него на глазах, и т.к. щенки должны воспитываться безусловно на полной свободе, то при псарном дворе держать их нельзя по той причине, что спущенные на день с псарного двора старые борзые могут искушать щенят, а слепых у матерей даже подъесть.

Примечание 2. Особое помещение для ловчего должно отделяться от избы для служащих при этом дворе только сенями, как это изображено на рисунке 2, для того, чтобы ловчий всегда мог иметь у себя вблизи людей для распоряжений. Что же касается двора для охотничьих лошадей, то он необходим ввиду того, что лошади охотничьи, верховые, с окончанием порошной езды обязательно должны быть спущены на ворок, и с весны до августа должны находиться на подножном корме, на траве, вследствие чего двор или ворок для них необходим, как и для лошадей охотничьих обозных. Такое содержание охотничьих лошадей полезно как для их здоровья, так и в экономических соображениях.

14. Чулан или хлев для сук пустовочных должен быть с таким потолком, как в хлевах у борзых и с прочным деревянным полом; дверь в чулан должна быть снизу обшита до половины со внутренней стороны жестью, а с наружной иметь прочный пробой с накладкой для замка, ключ от которого постоянно должен находиться у ловчего. Кроме того, в чулане с двух наружных сторон, вверху, под самым потолком, в стенах должны быть прорублены узенькие окна и так, чтобы свет из них падал по направлению сверху вниз, а собака не могла просунуть в них голову.

Примечание. Потолок с вентилятором необходим для очистки воздуха; пол деревянный для того, чтобы собака не могла подрываться под стену и не ушла из чулана; дверь обшита жестью для того, чтобы нельзя было прогрызть

дверь; окна для света необходимы для собаки, находящейся более трех недель взаперти, и замок, ключ от которого должен быть у ловчего для того, чтобы не пришлось прокормить даром год щенят от укравшейся суки и не перепортить их из-за этого при неопытности владельца породы собак.

ГЛАВА 3 О СОСТАВЕ ПСОВОЙ ОХОТЫ

15. Комплект самостоятельной псовой охоты определяется по произволу владельца охоты приблизительно серединою между малой и большой псовыми охотами.

16. Самая малая, но вместе с тем самостоятельная псовая охота должна состоять не менее чем из стаи гончих в восемнадцать собак, с доезжачим и двумя выжлятниками, пяти свор борзых, полагая по четыре собаки в своре, двенадцати крыльев волчьих тенет и обоза отъезжих полей, с особой при нем прислугой.

Примечание 1. Малая псовая охота есть достояние людей с ограниченными средствами, вполне дельных и страстных охотников, т.к. малая псовая охота, правильно организованная, никогда относительно травли зверей не уступит никакой большой псовой охоте по той причине, что сколько может найти и затравить зверей большая охота, столько же в известном, т.е. том же, месте может найти и затравить зверей малая псовая охота.

Примечание 2. Большее ограничение комплекта малой псовой охоты представляется положительно невозможным, ввиду избежания неудачных полей по красному зверю.

17. Самая большая псовая охота должна состоять не более как из стаи гончих в сорок собак, с доезжачим и тремя выжлятниками, двенадцати свор борзятников, полагая по три собаки в свору, двенадцати крыльев волчьих тенет и обоза для отъезжих полей с особой при нем прислугой.

Примечание 1. Большая псовая охота составляет роскошь и прихоть владельца охоты, она имеет то преимущество перед малой охотой, что количеством своих собак дает больше удобства, при желании иметь чистокровных, породистых собак — удержать, сохранить и улучшить породы борзых и гончих собак, а это очень важно в деле псовой охоты для страстного любителя собак.

Примечание 2. Более увеличенный комплект большой псовой охоты не должен быть допускаем в виду того, что и в старые времена, когда в охотах считали собак сотнями, а оравы выжлят и псарни доходили до 500 и более собак, когда существовали действительно настоящие знатоки охотничьего дела, оравы выжлят всегда делились на стаи, из которых каждая имела при себе особых доезжачего и стаешников с приличным комплектом борзятников (о чем упоминается и в книге под названием «Псовый охотник» 1728 года издания). Следовательно, и в те времена охоту с оравой гончих и бесчисленным количеством борзятников находили если не безрассудной, то бесполезной.

Примечание 3. Борзятникам при больших охотах назначается по три собаки в свору на том основании, что, занимая места под островом, борзятники больших охот становятся гуще — ближе друг к другу, вследствие чего при травле матерого волка всегда бывает возможность борзятникам помочь друг другу, а в малой охоте на это рассчитывать нельзя, т.к. борзятники размещаются под островом нередко на очень большом расстоянии друг от друга и поэтому им для большей уверенности назначается по четыре собаки в свору, т.к. для того, чтобы принять как следует матерого волка одной своре нужно, чтобы эти четыре собаки были вполне надежны.

18. Все участвующие в деле псовой охоты верхом на лошадях с борзыми и гончими собаками называются вообще псовыми охотниками, которые разделяются на борзятников (при борзых) и выжлятников (при гончих).

19. Кроме того, в состав псовой охоты входят псаря, прислуга, находящаяся при обозе для отъезжих полей, тенетчики, и могут быть допущены к участию при псовой охоте ружейники, с непременным условием — чтобы они занимали места в острову только при тенетах или на местах, где бы должны были быть раскинуты тенета, а также при каждой псовой охоте по желанию владельца ее и без ущерба делу охоты могут быть допущены сверхкомплектные борзятники, которыми всегда и бывают приглашенные владельцем охоты его гости и которые обязаны на поле, т.е. во время производства псовой охоты, подчиняться правилам охоты и распоряжениям ловчего, который в свою очередь обязан относиться к гостям своего хозяина с предупредительностью и вежливостью.

ГЛАВА 4 О СОБАКОВОДСТВЕ

20. Содержание неограниченного количества, превышающего комплект псовой охоты, борзых и гончих собак с правильным ведением разнородных пород их — называется собаководством.

Примечание 1. Собаководство может быть доступно только людям очень богатым, любителям породистых собак. Только собаководство дает положительную возможность иметь всегда чистокровных породистых борзых и гончих собак.

Примечание 2. Количество сверхкомплектных собак, необходимое для ведения пород, определить точной цифрой нельзя, т.к. иногда достаточно бывает для поддержания известной породы одного-двух экземпляров, независимо от пола; если это кобель, то сука к нему назначается из комплектных собак, и наоборот. Нередко случается, что собака, негодная для полевой езды, драгоценна для породы как производитель, и потому при собаководстве сохранение таких собак обязательно.

21. При собаководстве оравы гончих сортируются на стаи по породам и их призванию, а псарни борзых в комплектное число свор, необходимое для каждой стаи, вследствие чего собаководство дает возможность хозяину иметь у себя несколько стай гончих собак, сформированных исключительно из одних зверогонов или красногонов, или зайчатников.

Примечание 1. Оравой называется количество гончих собак, неограниченно превышающее комплект или стаю (т.е. minimum 18 и maximum 40 гончих). Меньше, чем 18 количество гончих не составляет стаи и считается смычками, полагая 2-х собак на один смычок. Псарней называется неограниченное количество свор борзых, соединенных вместе на псарном дворе. Слово свора употребляется в 4-х различных смыслах и обозначает:

- 1) соединение 1—4 борзых, рыскающих за одним охотником;
- 2) неопределенное количество борзых, принадлежащих одному борзятнику, которые, кроме него, ни за кем другим рыскать не должны;
- 3) совокупность борзых, лошади и охотника;
- 4) самый ремень, на котором водят борзых.

Примечание 2. Делить ораву гончих на стаи следует на том основании, что охота с оравой гончих кроме неудовольствия, беспорядка и порчи гончих принести ничего не может по той причине, что и стаю-то в большой псовой охоте трудно сформировать из однохарактерных «одних ног» гончих, а ораву и подавно не возможно, а вследствие того орава гончих, наброшенная в остров, вместо того, чтобы гнать по зверю как следует, с напуска разобьется врознь, и гончие непременно начнут перекликаться в острову, из которых лучшие помкнут и поведут зверя, а плохие будут вызывать, отыскивая доезжачего; пешие станут только «справлять» удалелого, сбивая друг друга; переки займутся своим делом, словом, орава гончих может только произвести кутерьму в острову, а толку и порядка никакого, вследствие чего правильной гоньбы от оравы гончих никогда нельзя ожидать. Не количество брошенных гончих собак доставляет удовольствие на охоте, а качество слаженной мастерски стаи составляет прелесть, гармонию псовой охоты и удачу поля.

22. При распределении оравы гончих на стаи каждая из стай должна иметь своего доезжачего и непременно одного. Два доезжачих и более при одной и какой бы то ни было стае гончих положительно воспрещаются правилами езды гончих (см. III ч. «Руководства»).

ГЛАВА 5

О РАСПРЕДЕЛЕНИИ ОХОТНИКОВ ПО ДОЛЖНОСТЯМ

23. Выжлятниками называются те охотники, которые находятся при гончих.

24. Старший из выжлятников называется доезжачим, а младшие (т.е. все остальные) выжлятники называются стаечниками или подгонщиками.

25. Борзятниками называются все те охотники, которые имеют за собой свору борзых собак.

26. Главным борзятником во время производства охоты является владелец псовой охоты, а за ним — ловчий и старший борзятник, который называется заездным; остальные

называются просто борзятниками и исполняют свои должности беспрекословно, согласно распоряжениям ловчего; из них назначается один к своре борзых владельца охоты и называется стремянным.

27. Псари при псовой охоте составляют чернорабочих и подразделяются по должностям на корытничего, сырейщика и обыщика.

28. В состав прислуги, находящейся при обозе для отъезжих полей, входят: буфетчик, повар, кучер, обыщик, багажные и фурщики.

29. Тенетчики формируются только на время надобности по распоряжению ловчего, частью из обозной прислуги, а частью из поденщиков — крестьян, на этот предмет нанятых в месте стоянки псовой охоты.

30. Участвующим в деле псовой охоты ружейникам, между прочим, поручается наблюдение за правильным разметыванием в указанном ловчим месте тенет и за тишиной людей, находящихся при тенетах. Когда же ружейников при псовой охоте нет, то подобное поручение дается кому-либо из более сметливых или уже бывалых, опытных людей из обозной прислуги.

ГЛАВА 6

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ОХОТНИКОВ И ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ ПСОВОЙ ОХОТЫ

31. Ловчий есть главное действующее лицо в псовой охоте; он дома и в поле распоряжается и заведует всюю псовой охотой, со всем к ней относящимся. Словом, ловчий есть после владельца псовой охоты главный ее начальник, в силу чего все остальные охотники и люди, состоящие при псовой охоте, обязаны беспрекословно ему повиноваться и исполнять его распоряжения, относясь к нему с уважением и вежливостью. А т.к. прежде всех ответственным лицом в деле псовой охоты является ловчий, то поэтому ему предоставляется право требовать от охотников и людей, принадлежащих к псовой охоте, точного исполнения их обязанностей, следить за их поведением, делать им замечания, выговоры, штрафовать их вычетом из жалованья, ходатайствовать перед владельцем охоты о награде достойных, а неисправимых даже увольнять с должности, заменяя их другими немедленно, для чего он должен всегда стараться на всякий случай иметь в виду людей, способных к псовой охоте, чтоб не остаться совсем без охотников.

32. Ловчим может быть только страстный в душе псовый охотник; без страсти к охоте и любви к собакам нельзя изучить псовую охоту; одна только страсть к псовой охоте может заставить человека изучить все правила езды и вообще содержания псовой охоты; только страсть к охоте подвигает человека на всевозможные ухищрения в деле искусства езды с собаками и усовершенствования их породы для достижения желаемых результатов, а ловчему необходимо знать дело псовой охоты, как свои пять пальцев, езда с борзыми и гончими собаками должна быть изучена им до тонкости.

33. Ловчий должен быть непременно грамотен, умен, предусмотрителен, честен, добр и вместе с тем справедливо строг и взыскателен, правдив, деятелен, находчив, распорядителен, вежлив и постоянно трезв.

34. Ловчий обязан иметь у себя инвентарь всему, принадлежащему к псовой охоте, книгу для записи служащих при охоте; книгу «Родословная борзых и гончих собак», и книгу для записи блюдки племенных сук и выжловок.

а) Книга для записи служащих: в ней ловчий занимает одну страницу для имени каждого служащего, отмечает год и число поступления его на службу, обозначает количество следующего ему жалования, определяет его должность: где он должен находиться и что из охотничьих вещей выдано ему на руки. Затем внизу под этим определением, на этой же странице записывает, с обозначением чисел месяца, выдачу жалования — штрафы, налагаемые им, с объяснением их причин и награды, которые могут быть только от владельца охоты по ходатайству ловчего для лиц их заслуживших.

б) Родословная книга борзых и гончих собак.

Эта книга подразделяется на столько частей, сколько имеется пород собак в охоте. Для каждой части книги оставляется столько страниц, сколько есть собак одной породы в охоте, и на каждой из этих страниц вписывается одна собака по кличке с обозначением ее роста, окраса, оседей, досуга, особых примет, произошедших от болезни или от рождения, и самым подробным объяснением родословной этой собаки; эта книга необходима для правильного ведения породы собак и для выдачи из нее свидетельства собаки, за подписью самого владельца псовой охоты на случай предоставления собаки на общественные собачьи выставки или на случай перехода ее из охоты в другие руки.

в) Книга для записи блюдки племенных сук и выжловок.

В этой книге, также как и в предыдущей, на каждой странице записывается по одной собаке следующим порядком: пишется кличка племенной суки или выжловки с обозначением ее отца и матери, затем какой породы, когда запустовала, когда поблюдена, с кем, означая при этом отца и мать кобеля, когда пометала, сколько оставлено щенят и каких, определяя их по окрасу и кличкам, которые следует давать щенятам тотчас по рождении, не выжидая возраста, во избежании ошибок со стороны охотников о их происхождении, при одновременной выметке щенят несколькими однопородными суками или выжловками.

35. Непосредственными помощниками ловчего должны быть старший борзятник и доезжачий.

36. Под личным наблюдением ловчего должны находиться пустовочные суки и выжловки, блюдка их, выметка и выкормка щенят.

37. Ловчий обязан следить за правильной проводкой собак, состоянием здоровья их и лошадей, принимать меры к излечению их, строго взыскивать со своих помощников за плохую запарку корма собакам, за нечистоту в хлевах и на псарном дворе; он должен знать всех собак по кличкам и какие собаки за кем из борзятников находятся в рыску; он по возможности присутствует при кормежке собак и, если владелец охоты дома, обязан после уборки лошадей и собак каждый вечер являться к нему и рапортовать о состоянии псовой охоты, ожидая каких-либо приказаний.

38. Во время езды с собаками ловчий распоряжается охотой, проверяет взводки волков лично сам, указывает лазы борзятникам, которых он сам расставляет по местам, в случае невозможности поручает сделать расстановку заездному, а сам остается со своей сворой

на том месте, откуда делается напуск гончих, т.к. напуск на гнездо волков должен делаться непременно в присутствии ловчего.

39. В тех псовых охотах, в которых не имеется вовсе ловчего, обязанности его распределяются между самим владельцем охоты, заездным и доезжачим.

40. Заездной есть старший борзятник. Он постоянно во время езды с гончими должен находиться в заезде, т.е. на противоположной стороне от места напуска гончих, потому и носит название заездного. На эту должность избирается самый опытный и сметливый борзятник. Свора собак назначается ему самая надежная.

41. Заездной должен быть хорошего поведения, не ленив, трезв, смел, проверен и в душе охотник; он должен любить собак, безрассудно не бить их, строго запрещая то и другим, и содержать их опрятно. Все борзое отделение псарного двора должно находиться под непосредственным его наблюдением; он должен жить постоянно на псарном дворе; у него под рукой находятся все борзятники, живущие с ним.

42. Заездной обязан лично сам поочередно с доезжачим, запаривать овсянку и постоянно находиться при утренней и вечерней кормежках борзых собак: он каждый раз осматривает всех сук, находящихся в охоте и как только заметит у какой-либо «краску», сейчас же обязан донести о том ловчему, который немедленно должен взять ее с псарного двора в пустовочный чулан. Вообще все борзые собаки, находящиеся на псарном дворе, должны находиться под присмотром и личной ответственностью заездного, поэтому он обязан следить за обращением борзятников с собаками, запрещать грубое с ними обхождение при выворке молодых собак, наблюдать за постоянным дежурством дневальных, обязанных неотлучно находиться целый день при выпущенных с псарного двора борзых; он каждый вечер при загоне собак на ночь в хлевы обязан сосчитать и осмотреть всех борзых, он наблюдает за чисткой борзятниками хлевов и двора, а также за переменной подстилки в хлевах, словом, заездной в борзом отделении псарного двора является некоторым образом хозяином, и потому все борзятники для порядка на псарном дворе должны подчиняться его распоряжениям, в противном случае он доносит на них ловчему, который немедленно должен принять меры.

43. Стременной есть тот борзятник, который смотрит за сворой собак владельца охоты, он водит их к корму и в проводку под наблюдением заездного, а во время охоты неотлучно находится при владельце охоты, становясь с ним рядом, как бы у его стремени, вследствие чего носит название стремени. Он в доме исполняет все приказания заездного относительно сворных собак владельца охоты, а в поле исполняет беспрекословно все распоряжения хозяина, при котором находится; принимает и торочит на свою лошадь затравленного господской сворой зверя, принимает собак на свору и подает их своему господину. Когда не выезжает экипаж в поле, то у стремени на случай непогоды должен находиться в тороках господский плащ; он должен иметь при себе для своего господина запасные папиросы, спички и тому подобные необходимые для господина в поле вещи. В должность стремени поступают преимущественно молодые и не совсем еще опытные борзятники на том основании, что эта должность дает возможность правильно и скоро изучить езду с борзыми и уход за ними в доме. Из стремени чаще всего выходят дельные мастера ездоки-борзятники.

44. Обязанности всех вообще борзятников дома: кормить, чистить, чесать, мыть и водить в проводку всю свору собак, приучать их к себе, чтобы они от него ни к кому другому не отрыскивали; во время езды — беречь своих собак и лошадь, не мучить их бесполезной скачкой; показывать зверя собакам следует в меру, а не мерного лучше не

показывать. Борзятник должен быть сметлив, таек под островом, хладнокровен, смел и проворен, он обязан седлать лошадь себе всегда сам, осматривая каждый раз ее и по возвращении с поля не бросать ее, а расседлать и передать конюху, седло же прибрать самому. Каждого затравленного зверя обязан снять и расправить его шкуру — тот борзятник, который затравил его своей сворой, а когда шкура высохнет, он обязан снять ее с пял, расчесать и представить ловчему, который сохраняет их впредь до распоряжения владельца охоты.

45. Доезжачий есть старший выжлятник. На эту должность избирается самый опытный и в душе страстный охотник, он должен быть крепкого телосложения, легок на ногу, не ленив и страстно любить гончих собак. Он вываживает молодых гончих на смычках, составляет их и «доезжает» гончих до полного послушания, вследствие чего и носит название доезжачего. Все гончее отделение псарного двора должно находиться под непосредственным наблюдением доезжачего, он должен жить постоянно на псарном дворе и в безусловном его распоряжении должны быть всегда находящиеся при нем остальные выжлятники, а потому доезжачий обязан быть постоянно трезв и рассудителен.

46. Доезжачий обязан лично сам, поочередно с заездным, запаривать собакам овсянку и постоянно находиться при утренней и вечерней кормежках гончих собак, он обязан каждый раз осматривать всех выжловок и как только заметит у какой «краску», то сейчас же доносит о том ловчему, который тотчас же делает распоряжение об отсадке ее в пустовочный хлев. Доезжачий каждый раз у корма, а в отъезде поле и при загоне в хлев, обязан сосчитать и осмотреть всех гончих собак и если какая-то из собак не ела корма, не весела, словом, заболела, то он сейчас же должен принять ее на смычек и вести для осмотра к ловчему или владельцу охоты, от которых и получает приказания относительно заболевшей собаки. Доезжачий обязан наблюдать за чистотой в хлеву у гончих, следить за чистотой двора и переменной у гончих, он следит за чисткой двора и переменной у собак подстилки, словом, обязанности доезжачего в хозяйственном отношении должны быть совершенно одинаковы с заездным, заведующим борзым отделением псарного двора, вследствие чего доезжачий и заездной, в отсутствие кого-либо одного из них, обязаны в хозяйственном отношении заменять друг друга.

47. Обязанности подгонщиков заключаются в точном и беспрекословном исполнении распоряжений доезжачего; они в поле и дома непосредственные его помощники. Подгонщик должен быть проворен, ловок, смел и находчив. Лошади назначаются под погонщиков резвые и самые выносливые. Подгонщики чистят двор и хлев у гончих, ездят с доезжачим в проводку, нагонку и на охоту с гончими; перед выпуском гончих в остров один из подгонщиков в незнакомых местах обязан быстро осмотреть остров; нет ли в нем скотины и немедленно сообщить о том доезжачему; во время гоньбы гончих подгонщики направляют хлопаньем арапниками зверя бежать туда, куда следует и следят за гончими, чтобы они не прорывались в поля и не бросались бы за скотиной. Подгонщики снимают и расправляют шкуры словленных гончими зверей.

48. Псари, корытничий и сырейщик обязаны: поочередно готовить дрова под котел, который греет дневальный охотник, доставлять овсянку на псарный двор и все необходимое для собак, сохранять псарную посуду в чистоте, резать и снимать лошадей для собак и сберегать для них мясо, во всякое время года в сыром, соленом и вяленом виде. Тот из псарей, который сохраняет псарную посуду, называется корытничий, а кто снимает лошадей и сберегает их мясо — сырейщик. Кроме того, псари, находясь постоянно дома, обязаны выкармливать под непосредственным наблюдением ловчего борзых и гончих щенков и смотреть за ними, в отсутствие же охотников они греют котел

сами, в ожидании возвращения охоты. Во время отъезжего поля все оставленные дома собаки должны находиться под присмотром корытничего и сырейщика.

49. Псарь обыщик выбирается из людей грамотных, самых верных, не лживых и трезвых. Обыщику дается упряжная лошадь, зимой в санях, а летом в телеге. В зимнее время обыщик ездит по базарам для покупки лошадей собакам и продажи лошадиных кож; эту коммерцию он ведет с самой поздней осени и до февраля на хозяйские деньги, в которых и дает отчет ловчему, а с 15 июля обыщик отправляется с одним из охотников-подвывал для обыска волчьих взводков, на каковой предмет он также получает на расходы (по содержанию себя, подвывалы и двух лошадей) деньги, в которых по возвращении из обыска обязан отдать отчет ловчему. Кроме того, обыщику дается седло, которое он кладет во время дороги в свою телегу, а верховая лошадь подвывалы привязывается сзади к телеге; по приезде на квартиру и по расспросу у крестьян о волках обыщик с подвывалом к взводу волков обязаны отправляться непременно вдвоем верхом, оставив телегу у хозяина квартиры. В тех местах, где будут найдены волки, обыщик нанимает квартиру для охоты, выговаривая при этом на время стоянки охоты у хозяина квартиры дрова под котел собакам и солому для подстилки им и лошадям, дает задатки за квартиру хозяину при посторонних свидетелях, предварительно сторговавшись с ним в цене и, по возвращении из обыска домой, что должно последовать не позднее первого числа сентября, обязан отдать верный во всем отчет ловчему, т.к. со слов обыщика составляется маршрут отъезжему полю. Обыщик во время отъезжего поля должен находиться при обозе в качестве путевода, и во все время охоты обязан заблаговременно подыскивать по сходным ценам для охоты все необходимое: овес, сено, овсянку, говядину, пшено, крупу, хлеб ржаной и т.п.

ГЛАВА 7 О ПЛАТЬЕ И ОХОТНИЧЬИХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЯХ

50. От владельца охоты полагается охотникам на время езды с собаками форменная одежда: кафтан, шаровары, коротенький полушубок, плащ и фуражка с козырьком, остальное — белье, перчатки и сапоги, каждый охотник обязан иметь свои собственные.

51. Кафтаны охотничьи должны быть сшиты свободно как для того, чтоб не стеснять движений охотника, так и для того, чтобы в холодное время можно было под кафтан надевать коротенький полушубок; при этом кафтаны должны быть сшиты по талии, двубортные, на крючках, со стоячим воротником, с подкладкой из плотной холстины под лифом и рукавами, с двумя по бокам карманами по бокам в юбке, которая длиной должна быть до колен; цвет сукна для кафтанов у борзятников должен быть темный, например, черный, синий, зеленый, коричневый и т.п., а у выжлятников кафтаны могут быть и ярких цветов, например, красные, голубые, желтые и т.п.

Примечание: Темного цвета кафтаны у борзятников способствуют тайкости борзятника под островом, когда он наживает зверя из-под гончих. Длина кафтана до колен и двубортный лиф предохраняют ноги и грудь охотника от сырости и холода, да и ветер не так сильно пронизывает охотника, яркие же кафтаны у выжлятников не мешают успеху охоты, а напротив, способствуют отчасти скорейшему выпугиванию зверя из острова.

52. Шаровары должны быть у опоясая со складками, карманами и одного цвета для всех охотников псовой охоты, носить их следует в сапогах, а для того, чтобы они во время езды не выбивались из голенищ сапог — шить их следует внизу поуже и пришивать штрипки к ним из сукна или холста, дабы не потереть подошв ног охотника.

53. Коротенький полушубок необходим для всех охотников вообще для холодного, осеннего времени и порошной езды; надевать его следует под кафтан, шьется он из дубленых овчин, длиною и вообще формой напоминает гусарскую венгерку или доломан, только без шнуров и без всякой отделки. Полушубок этот должен быть непременно нагольный (т.е. не крытый сукном), на крючках или маленьких плоских пуговках и безо всяких сзади оборок.

Примечание. Выпуклые пуговицы, собранная в сборки юбка полушубка и покрывка его сукном — только беспокоят и тяготят охотника в то время, когда следует ему надевать кафтан на полушубок.

54. Плащ для всех охотников необходим для отъезжих полей, порошной езды, переезда с собаками во время дождя и на квартире; он в отъезде поле служит для охотника одеялом, халатом, нередко постелью, словом, плащ для охотника есть самая важная и необходимая вещь. Во время выезда на охоту осенью плащ никогда не должен надеваться охотником, а оставляется на квартире для того, чтобы застигнутый на охоте дождем охотник по возвращении с поля мог намокшее платье снять и просушить, а сухой плащ на это время надеть на себя; в плащах охотники в ненастное время ходят к котлу для запарки корма собакам в отъезде поле, в них же поверх кафтана с полушубком отправляются подвывалы с ловчим для проверки волчьих взводков. Плащ делается для легкости и скорой просушки преимущественно из полутонкого сукна, он должен быть весь на коленкоровой подкладке, с рукавами, без карманов, которые только препятствуют стоку дождя с плаща во время езды в нем, с откладным воротником, застегивающимся на один прочный крючок у горла, с прямой спинкой и косыми полами, с небольшими лацканами — словом, покрой охотничьего плаща должен быть одинаков с покроем русской чуйки. Плащ длиной должен быть ниже колена на одну четверть и в полах широк настолько, насколько это нужно для того, чтобы охотник, сидя в нем на лошади, мог бы, прикрыв им спину лошади, подвернуть полы под колени ног своих спереди, таким образом распушенный плащ на охотнике спасет его от дождя лучше всех пальто и кожанов, которые для верховой езды положительно неудобны. В сильный ветер и дождливое время откладной воротник у плаща приподнимается.

55. Фуражка охотничья, какой бы формы ни была, должна быть непременно с козырьком, т.к. без козырька в ясный солнечный день трудно смотреть глазам, а из-за этого охотник легко может просмотреть зверя.

Примечание: Несмотря на существующие и чрезвычайно разнообразные формы охотничьего платья, я решился в этой главе для наглядности представить форму охотничьей одежды, как одну из самых недорогих, удобных и практичных.

56. От владельца охоты выдаются также каждому охотнику на руки охотничьи принадлежности: борзятникам — нож, свора, ошейники по числу сворных борзых собак, арапник, ременной пояс для ножа и сигнальный небольшой рожок; доезжачему — нож с ременным поясом, арапник, большой позывистый рог, две кожаных сумки для прикормки гончих собак, длинные болотные сапоги и смычки — для гончих. Подгонщикам — ножи с ременными поясами, арапники, средней величины рога, также позывистые и погоны.

ГЛАВА 8

О ФОРМЕ, ЗНАЧЕНИИ И УПОТРЕБЛЕНИИ ОХОТНИЧЬИХ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ

57. Охотничий нож должен быть в ножнах и надеваться на пояс за ремennую прочную подцепку, он должен быть остроконечный, с одним лезвием, т.е. острый с одного края, т.к. кинжалы и вообще обоюдоострые ножи для псового охотника положительно не годятся, ибо очень легко ими при отпазанчивании зайца охотник может перерезать себе большой или указательный пальцы левой руки. Охотничий нож должен быть увесистый, с плотным обухом, словом, такой, которым бы можно было при необходимости нарубить хворосту и который при этом не сломался бы. Этим ножом охотник откалывает и отпазанчивает затравленных зайцев и принимает на этот нож из-под собак волков, вонзая его в бок волка под переднюю лопатку. Клинок охотничьего ножа должен быть длиной вместе с рукояткой около девяти вершков, а ширина клинка — около трех четвертей вершка. Подцепка от ножен, в которую вдевается ремennой пояс, должна быть длиной не менее четырех вершков для того, чтобы нож с ножнами, имея на длинной подцепке свободное движение, не мог при падении охотника воткнуться ему рукояткой в бок; для того чтобы не потерять при скачке ножа из ножен, верхний конец рукоятки ножа привязывается очерненным сыромятным ремешком, длиной в семь четвертей аршина, а шириной в одну восьмую вершка, к ушкам ножен, на которые надета подцепка. Охотничий нож следует носить с левой стороны и на левом бедре, т.к. впереди ножа с левой же стороны охотника должны находиться за поясом: свора и чумбур от узды лошади.

58. Свора должна быть из сыромятного ремня длиной в девять аршин и шириной в четверть вершка, она должна состоять из перевязи и собственно своры. Перевязь нередко делается из самой воры, т.е. к одному концу своры пришивается железное или медное кольцо и за тем этот конец своры перегибается через правое плечо, сводится на левом боку у пояса со сворой, которая продевается в кольцо и тут же у пояса наглухо захлестывается за кольцо узлом, и таким образом у своры получается самая практичная, хотя и нероскошная перевязь. Отступая на полвершка от другого конца своры в ней делается прорез посредине вдоль своры на три вершка, образующий таким образом петлю, которая удобна для охотника во время рыска собак на своре, т.к. охотник может, надев этот конец своры на какой-либо палец левой руки, несколько отдохнуть и что-либо сделать руками, как например, закурить трубку и т.п. Более длинный разрез конца у своры ни в коем случае не должен быть допускаем по той же причине, по которой не следует никогда охотнику надевать этот конец своры на кисть руки и вообще на руку и на луку седла, а именно потому, что при спуске собак на зверя при более длинном разрезе и расширенной петле от надевания своры на руку и т.п. свора может захлестнуться накинувшись на «щипец» борзой собаки, а из-за этого собака будет биться на своре и не будет спущена на зверя до тех пор, пока борзятник не соскочит с лошади и не распутает захлестнутую сворой собаку, а зверь между тем может уйти без травли. Особые перевязи для свор делаются из вершкового в ширину лакового ремня или бывают шитые шерстью, бисером и шелком по сукну или канве, но такие перевязи должны снизу подшиваться черной кожей, края которой загибаются на шитво и прострачиваются, а без кожаной подкладки шитые перевязи не могут быть прочны. В низу перевязи должно быть кольцо, за которое привязывается наглухо свора. Перевязь своры надевается через правое плечо и на левом боку прихватывается у кольца поясом. Когда свора свободна от борзых, борзятник ее собирает, как веревку, в кольцо два раза петлей из верхнего конца этого же сворного ремня, вследствие чего образуется как бы пучок из своры, вершков в шесть длиной, который он и носит на левом боку под поясом, впереди охотничьего ножа; когда же нужно брать собак на свору, то борзятник распускает всю свору, собирает собак на

сворный ремень, вдевая свободный конец своры в кольца погончиков у ошейников и затем уже, взявши этот конец своры в левую руку, прихватив также и верхний конец своры, ведет собак с левой стороны и левой рукой.

Примечание. Кроме того, бывают своры круглые, плетеные из ремней, струн и даже шелковые, с особыми машинками для спуска собак, но о таких я не говорю, как о непрактичных и не всегда удобных для настоящего охотника.

59. Ошейники для борзых собак должны быть непременно с металлическими раздвигающимися погончиками, кожаные и с пряжками, но могут быть и шитые по сукну и канве, как и перевязи, также подшитые кожей, но эти шитые ошейники совсем непрактичны по той причине, что собака очень скоро их портит «зацепами» задних ног и притом они делаются без пряжек, которые точно также портят шитво, а потому нельзя будет прибавить и убавить ошейник по собаке, а это нередко бывает необходимо во время охоты с борзыми собаками. Ошейник отнюдь не должен быть узок на собаке, а раздвигающийся погончик во время скачки собаки способствует свободному ее движению, тесный ошейник лишает собаку настоящей ее скачки.

60. Арапники у всех вообще охотников должны быть одинаковые: кнутовище арапника должно быть длиной в три четверти аршина, круглое и толщиной у рукоятки по диаметру в три четверти вершка, а в тонком конце к столбунцу — в полвершка; оно должно быть обшито черной кожей и может быть оплетено мелкими сыромятными ремешками, также вычерненными; в конце рукоятки должна быть подцепка из узенького ремня для надевания на руку. Кнутовище должно иметь небольшую гибкость, для чего их изготавливают на китовом усе, камыше или из тонких, перевитых между собой прутиков таволги; и конце кнутовища у подцепки вделывается железная шишка для приемки матерых волков на случай, если волк, вырвавшись из-под собак, бросится на охотника и для того, чтобы взятую от собак левой рукой за шею, но еще живую лисицу этим кнутовищем можно было из правой руки, ударив по переносью, пришить ее, т.к. не совсем убитую лисицу торочить в седло чрезвычайно опасно. Бить волка, которого собаки держат как следует, кнутовищем арапника нельзя по той причине, что охотник может обмахнуться и вместо волка убить собаку. Столбунец арапника у основания, т.е. у плети (которая должна быть из прочных, сложенных вдвое, с узлом посередине сыромятных ремней), соединяющий кнутовище со столбунцом, в толщину должен быть по диаметру в полвершка, а к низу, постепенно утончаясь на протяжении одного аршина в длину, — в две восьмых вершка; он делается на скрученном сыромятном ремне и затем оплетается мелкими сыромятными ремешками, к низу столбунца привешивается за имеющуюся петельку из крученого ремня, плоский, в один аршин длиной, сыромятный ремень, до половины сверху перегнутый вдвое (вследствие чего длина ременного хвостца будет в три четверти аршина), утончаясь постепенно к концу до полутора восьмой вершка. За этот конец прицепляется через прорезанную в конце дырочку для лучшего хлопанья волосяной хвостец в шесть вершков длиной. Арапник носят борзятники за поясом на правом боку либо, завязав столбунец за подцепку, надевают его через левое плечо поверх всего кнутовищем на спину так, чтобы шишка арапника приходилась на бок под правой рукой. У выжлятников арапники во время езды с собаками должны постоянно находиться в правой руке, и только в случае надобности, освобождая руки, они вешают арапники спереди через голову себе на шею. На седло за луку вешать арапники никогда не следует, дабы беспрестанно не терять их.

61. Охотничий пояс должен быть прочным, ремненным с пряжкой, шлевкой и металлическим наконечником, он может быть набран каким-либо набором. Наконечник затыкается охотником за пояс сверху с правой стороны. Пояс надевается поверх охотничьего кафтана.

62. Сигнальные небольшие рога для борзятников должны быть полукруглыми, носят их на перевязи через левое плечо так, чтобы середина рога приходилась на правый бок борзятника, а мундштук его касался правого соска груди охотника. Эти рожки необходимы борзятникам для извещения ловчего о случившемся с ними на охоте несчастье и о затравленном борзятником волке подачей в этот рожок голоса в то время, когда охотой берется взводок волков.

63. Рога у всех выжлятников должны быть одной формы, прямые, с загнутой лишь шейкой у мундштука, только доезжаческий рог должен быть больше других, легок, басист и позывист. Выжлятники носят рога на перевязи через левое плечо так, чтобы рог лежал весь на спине охотника, а мундштук рога касался его правого локтя. Доезжачий в рог вызывает гончих и подает голос по волку и лисице, подгонщики при доезжачем только подают голос о перевиданном ими красном звере, по волку или по лисе и только в том случае, если доезжачий, не перевидев зверя, не подал еще голоса. Ввиду необходимости или какой-либо случайности, выжлятники также в свои рога подают охотничьи сигналы.

64. Две кожаные сумки, в каждую из которых должно помещаться фунта по три собачьей прикормки, привешиваются доезжачим на переднюю луку по обеим сторонам седла за вздержки сумок и каждая из них привязывается к седлу передними тороками. Шьются сумки из черной кожи и вверху вздергиваются прочными двумя сырмятными ремешками.

65. Болотные доезжаческие сапоги необходимы для болотных мест, по которым на лошади проехать нельзя, а доезжачий должен идти пешком с гончими серединой болота. Сапоги эти должны быть выше колена с застежками на пряжках, чтобы не могли спускаться с ноги.

66. Смычки необходимы для гончих собак, которых смыкают на каждый смычек по две собаки для того, чтобы во время стайной течки за доезжачим, бросившихся за чем-либо гончих, удобнее было выжлятникам переехать и остановить; и, кроме того, сомкнутых гончих скорее можно приучить к стойке и вообще к послушанию. Смычки должны представлять собой вид двух ошейников, раздвижные погончики которых должны быть соединены между собой прочным железным кольцом с вертушками; вообще смычки делаются из более толстой проволоки, нежели погончики ошейников и длиннее их настолько, чтобы длина смычка, меряя от кожаных ремней одно железо, была не менее и не более девяти с половиной вершков. Недостаточно съезженные гончие собаки должны постоянно во время течки за доезжачим быть на смычках, когда же гончих бросают в остров, то отрешенные от гончих смычки доезжачий обязан собрать и второчить на седло задними тороками.

Примечание. Более длинные смычки не годятся по той причине, что собаки, во время течки на смычках, будут переступать через них и путаться, а более короткие смычки затрудняют гончим течку.

67. Подгонщики носят погоны на перевязи через правое плечо, прихватывая погон на левом боку поясом, так же как борзятники прихватывают свору; погон состоит из перевязи с кольцом, к которому наглухо пришиваются три или четыре (смотря по количеству смычков в стае) сырмятных ремня, длиною в три аршина каждый и шириной в четверть вершка, на нижние концы которых наглухо пришиваются железные карабины, подобные тем (но только большего размера), какие можно встретить на цепочках для комнатных и легавых собак. Эти погоны необходимы на то время, когда берут охотой взводок волков и вообще при охоте с очень азартными гончими зверогонами. На этих погонах держат и водят по три или четыре смычка гончих собак, зацепив карабином за среднее кольцо смычка. Водят гончих на погонах подгонщики с левой стороны и левой

рукой. При подбрасывании гончих с погонов, гончие собаки отрешаются со смычком, а смычки остаются на карабинах и в таком виде собранные в пучок как своры у борзятников, остаются на левому боку подгонщика, впредь до передачи смычков доезжачему.

ГЛАВА 9 О РОГОВЫХ И ПАНТОМИМНЫХ ОХОТНИЧЬИХ СИГНАЛАХ

68. Каждый псовый охотник обязан знать все охотничьи сигналы как роговые, так и пантомимные, но уметь выражать роговые сигналы все без исключения на рогу обязаны лишь ловчий или выжлятники. Остальные борзятники могут ограничиться только умением выражать на рогу некоторые сигналы, вследствие чего роговые сигналы и распределены для выжлятников и борзятников отдельно, согласно их специальности.

Примечание. Иногда необходимо знать ловчому или владельцу охоты, а также и другим охотникам, кто подал голос и что означает этот сигнал, т.к. некоторые совершенно одинаковые сигналы на рогу доезжачего, подгонщиков и борзятников имеют равное значение; поэтому звуки рогов доезжачего, подгонщиков и борзятников должны резко отличаться один от другого, вследствие чего для различия роговых звуков я обозначил звуки рогов борзятников скрипичным ключом, звуки доезжаческих рогов — басовым ключом и звуки рогов у подгонщиков — альтовым ключом.

69. Специальные ловческие сигналы:

а) «БРОСАЙ ГОНЧИХ!» (доезжачему)

Примечание. После этого сигнала доезжачий делает распоряжение подгонщикам; как и кому идти, размыкать гончих, и с ними идет в указанное ловчим место. Этот сигнал иногда, в тихих местах, в которых ловчий ее разводит по местам борзятников, должен быть подан заездным.

б) «ВЫХОДИ» (доезжачему)

Примечание. После этого сигнала доезжачий собирает гончих и выходит из острова, останавливает в саженях пятнадцати от острова, продолжает звать в рог гончих, еще не прибывших, а которые прибыли, тех смыкать на смычки и ожидать, если прежде не было получено приказания, приезда ловчего или владельца охоты. Подгонщики же в это время ездят по острову, хлопают арапниками и кричат: «Пошел, вались к рогу!», а когда видят гончую, должны на нее крикнуть: «В стаю! Слушай рог! Пошел! Вались!» и до тех пор они продолжают выгонять из острова гончих, пока доезжачий не известит в рог: «Гончие все!» Тех гончих, которые не подваливают к рогу, подгонщики подлавливают по острову и, привязав на один из ремней погона, каждую выводят к доезжачему. По собранию всех гончих, доезжачий подает сигнал в рог: «гончие все!»

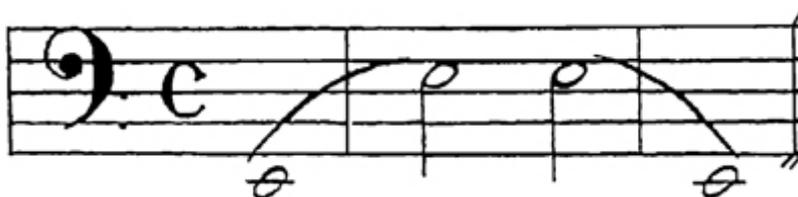
70. Специальные доезжаческие сигналы:

а) «ПОЗЫВ ГОНЧИМ»

Примечание. На этот «позыв» гончие должны валиться к доезжачему: употребляется этот позыв доезжачим только тогда, когда нужно вызвать гончих из острова, вернуть пронесшихся гончих с напуска и в уймистых местах подзвать гончих удалелых.

б) «ГОНЧИЕ ВСЕ»

Примечание. Этот сигнал подает только доезжачий, когда соберет всех гончих выйдя из острова и всех гончих примет уже на смычки.

71. Общие для всех псовых охотников сигналы:

а) «ГОЛОС ПО ВОЛКУ»

Примечание. Этот сигнал подает доезжачий, когда гончие поведут, и он перевидит водимого ими волка.

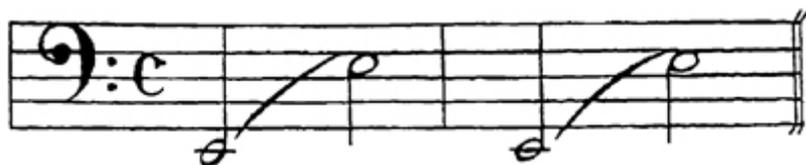

Примечание. Подгонщик подает этот сигнал, когда гончие на острове словили волка. Если же сигнал этот подан подгонщиком прежде доезжачего, то он означает, что подгонщик только перевидит волка. Если же выжлятники увидели волка только тогда, когда его словили гончие, то подгонщик подает этот сигнал повторяя его с перерывом два раза.

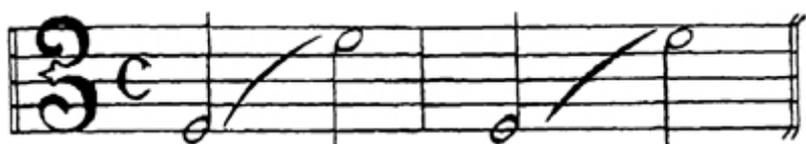

Примечание. Борзятник подает этот сигнал тогда, когда из-под гончих при взятии взводка волков, затравит своей сворой волка и для того, чтобы известить о том ловчего, который должен знать сколько охотой взято волков из взводка для дальнейших распоряжений гончими.

б) «ГОЛОС ПО ЛИСИЦЕ»

Примечание. Доезжачий подает этот сигнал, когда перевидит водимую гончими по острову лисицу.

Примечание 1. Подгонщик подает этот сигнал только в том случае, если успеет перевидеть водимую гончими лисицу прежде доезжачего.

Примечание 2. Борзятники по лисице голоса не подают.

в) «ТРЕВОГА»

Примечание. Этот сигнал подает тот охотник, которого на охоте постигло какое-либо несчастье или он наехал на убитого товарища и один не может оказать ему помощь, или потопил свою лошадь, с которой также один не может справиться, или когда сделано кем-либо на него нападение, или отбита у него лошадь, собака и т.п. То тогда, услышавшие этот сигнал псовые охотники, обязаны немедленно все поспешить на голос рога и тотчас же оказать благоразумную помощь товарищу. В деле же нападения на охотника прискакавшие на помощь должны по мере возможности избегать драки и самоуправства, стараясь словами уговорить бунтующих и тотчас же должны пригласить ловчего, если он почему-либо не мог слышать сигнала и не явился на рог. По прибытии же на место катастрофы, ловчий обязан разобраться в чем дело, снисходительно отнестись к невежеству грубой толпы, и если уже не успеет миролюбиво окончить с нею дела, то тогда он берет несколько человек с собой в качестве свидетелей из лиц, участвующих в деле псовой охоты, самого потерпевшего и отправляется с толпой к ближайшему начальству, для заявления жалобы от лица потерпевшего.

72. «Голос по волку» кроме вышеозначенных случаев должен быть подан, но с большой осмотрительностью, дабы не делать напрасной ломки и с потерей времени для целой охоты, тем охотником, который при переходе охоты из одного острова на другой, перевидит или положительно достоверно убедится из рассказов очевидцев, что волки сошли не в то место, куда направляется охота, а в другое, находящееся от охоты на таком расстоянии, что взять это место охотой можно в это же поле. Тогда вся охота заравнивается к этому охотнику, а ловчий, расспросив его, делает распоряжение о занятии борзятниками мест и напуске гончих.

73. Пантомимные охотничьи сигналы:

- a) когда псовый охотник остановится и, подняв правой рукой арапник, «атукает», т.е. протяжно и громко произносит слова «А—ту—е—го», то это означает, что

он подозрел на «логове» зайца и ждет желающих померить резвость своих борзых собак. Тогда борзятники, желающие потравить зайца, увидев этот сигнал, подъезжают к «атукавшему» охотнику, спрашивают: «Где лежит заяц?», велют пугать его подозревшему охотнику и травят с ним вместе. После этого, чья бы собака зайца не поймала, он бесспорно должен принадлежать тому, кто его подозрел, хотя бы у подозревшего зайца не было ни одной борзой собаки. Если же подозревший зайца охотник, не дождавшись желающих его травить, спугнет его, или заяц сам не улежит и вскочит, хотя бы и после «отуканья», а при этом заловят его собаки разных борзятников, то этот заяц будучи затравлен, должен принадлежать тому охотнику, чья собака его поймала и не спустила;

- б) когда псовый охотник остановится и, молча подняв рукою над головой кверху свою фуражку, стоит в таком положении, то это означает, что он подозрел лежащую лисицу, но которую одному ему травить, по каким-либо причинам нельзя или неудобно, как, например, лисица лежит от него за обрывистым оврагом, который нельзя в этом месте переехать, а объезжать его опасается, чтобы не спугнуть зверя, или лежит лисица в опушке небольшой оклады, с помощью которой легко она может прометать собак и т.п., а потому охотник этим сигналом обязан (в силу главного правила охоты, выраженного в ст. 16 ч. III «Руководства», по которому: «каждый охотник в поле должен принимать все возможные меры к тому, чтобы не ушел найденный зверь и помогать один другому») известить ближайших борзятников, которые сейчас же должны, увидев этот сигнал, окружить подозревшего лисицу со всех сторон и, наждавая зверя, подчиниться его распоряжениям относительно того, кому куда заехать и что делать. Распоряжения эти охотник, подозревший зверя, делает молча или махая фуражкой.

ГЛАВА 10

О СБОРАХ К ВЫЕЗДУ С СОБАКАМИ ИЗ ДОМА И ПОРЯДОК ОДЕВАНИЯ ОХОТНИКОВ

74. Приказание относительно выезда на охоту ловчий передает охотникам словесно.

75. По получении приказа от ловчего или от владельца охоты о выезде с собаками на охоту или при наступлении времени ехать в проводку с борзыми или гончими собаками и в нагонку с одними гончими, охотники, к кому это относится, обязаны к назначенному часу собраться как следует и быть готовыми к выступлению.

76. Сборы охотников к выезду с собаками на охоту заключаются в том, что они, позавтракав за час до назначенного для выезда времени, обязаны каждый, взяв своих лошадей, дав им овса и напоив их, а стременной — и господскую лошадь, привести к псарному двору и, привязав к имеющейся у наружной стены двора коновязи, обмахнув с них пыль, если они уже вычищены конюхами, а если некоторые выпачканы — почистить, оседлать их со вниманием как следует, а доезжачий и второчить сумки с прикормкой для собак, — они оставляют лошадей привязанными за чумбуры у коновязи для того, чтобы можно было самим пойти одеваться в охотничье платье.

77. Все охотники, одевшись в охотничье платье, т.е. заправив шаровары в сапоги и надев в теплое время охотничий кафтан, а в холодное поддев под него еще коротенький полушубок, должны надевать на себя охотничьи принадлежности в следующем порядке.

- а) Борзятники прежде всего надевают через правое плечо замотанную в пучок свору, затем опоясываются поясом, на котором с левой стороны должен быть охотничий нож, надевают через левое плечо сигнальный рожок, берут арапник, надевают фуражку и, взяв ошейники по числу своих собак, которые должны идти за каждым из них в поле, идут на борзое отделение псарного двора за собаками. Затем в борзое отделение надевают на своих собак ошейники и, распустив сворный ремень, берут их там же на свору, на которой осторожно выводят их со двора и, приласкав, огладив собак рукой, взяв свою лошадь и заткнув чумбур от узды лошади за пояс с левой стороны, пешком выходят на указанное сборное место охоты, где выстраиваются все борзятники в одну линию, находясь пешком до распоряжения ловчего или владельца охоты.

Дополнение. Когда борзятник выводит на своре собак с псарного двора, то один из псарей обязан, отвязав от коновязи его лошадь подать ее ему. Это делается для того, чтобы борзятник не затирался с собаками у коновязи между лошадьми, которые легко могут в это время или отдавить собаке ногу, или ее ударить, т.к. несмотря на всю смиренность охотничьих лошадей, им все-таки безусловно доверяться никогда не следует.

- б) Стременной, как и каждый борзятник, соблюдает одинаковый со всеми борзятниками порядок одевания и затем, когда владелец охоты пожелает выехать в поле из дома вместе со всеми охотниками верхом и при этом не берет с собой экипаж, то стремной, когда вся охота уже выстроится на сборном месте, обязан пешком подвести к крыльцу господского дома верховую лошадь господина и свору его собак, подав их владельцу охоты и получив из дома необходимые для своего господина в поле вещи (см. ст. 43), отправляется за своей лошадью и собаками (если ему приказано взять с собой на свору собак в поле) и, догнав владельца охоты, следует за ним с левой стороны в трех саженях сбоку от него, отставая на пол-лошади сзади для того, чтобы не горячить лошадь господина, а с левой стороны — для того, чтобы находящиеся у господина на своре собаки, подтянувшись к стремному или его собакам, не попали бы под лошадь владельца охоты. Когда владелец охоты отправляет псовую охоту без себя, а сам обещает приехать в поле в экипаже, то стремной должен взять господских, каких приказано собак на свору и, сев на свою лошадь, принять из рук псара чумбур от господской лошади в правую руку и вести собак с левой, а лошадь с правой стороны на сборное место, где став в одну линию с борзятниками, находящимися пешком с правого фланга, сидя верхом на своей лошади ожидает приказаний охоте выступить; по получении его он отправляется вместе с борзятниками к назначенному месту, где ожидает приезда владельца охоты. Во время пути стремной должен следовать за заездным с правой стороны для того, чтобы господские собаки, потянувшись к собакам заездного, не попали под лошадей стремного. Для большей безопасности лошадь господина нередко отдается одному из погонщиков, который и ведет ее с левой стороны.
- в) Подгонщики прежде всего надевают замотанные в пучок через правое плечо погоны, затем опоясываются поясом, на котором с левой стороны должен быть охотничий нож, надевают через левое плечо за спину рог, берут арапники и,

надев фуражки, дожидаются доезжачего, с которым идут вместе в гончее отделение псарного двора смыкать гончих собак.

- г) Доезжачий прежде всего опоясывается поясом, на котором с левой стороны должен быть охотничий нож, надевает через левое плечо за спину свой рог, перекидывает на шею арапник, надевает фуражку и, взявши смычки по числу гончих в стае, идет с подгонщиками в гончее отделение псарного двора, смыкает там гончих, и когда стая будет перемкнута, он, приказав одному из подгонщиков растворить ворота, выводит с псарного двора стаю гончих собак. Отойдя шагов на пятнадцать от псарного двора, доезжачий останавливает стаю словами: «Стой! В кучку!» и спрашивает себе лошадь. В это время подгонщики садятся на своих лошадей, а один из них подводит лошадь доезжачему, который, сев на лошадь и сказав собакам: «Сюда!», выводит за собой стаю гончих на сборное место вместе с погонщиками, где останавливаются, не слезая с лошадей, шагов на пятнадцать впереди середины линии борзятников впродоль до выступления охоты.

78. Сборы к выезду в поводку собак и нагонку гончих производятся так же, как и сборы к выезду на охоту, с той только разницей, что борзятники и выжлятники не выезжают на сборное место, а собравшись прямо с псарного двора, отправляются куда следует с собаками; и в летнее, жаркое время, без завтрака, до рассвета для того, чтобы охотники могли с собаками сделать верст пятнадцать холодком, по заре, и успели бы к завтраку и кормежке собак, т.е. часам к семи или восьми утра, возвратится домой. В осеннее и зимнее время проводки собак производятся днем.

ГЛАВА 11 ОБ ОХОТНИЧЬИХ СЕДЛАХ

79. Охотничье седло, как самое удобное и преимущественно употребляемое во всех псовых охотах, должно быть устроено наподобие седла казачьего. Составные части охотничьего седла: потник с наметом, арчак с чепраком, крылья, стремяна с путлицами, подушка, две подпруги с гартами и трок. При охотничьем седле должны находиться: торока, пахвы, поперсье и узда с чумбуром.

80. Потник делается из хорошей поярковой полости в четыре листа; длина потника посредине, вдоль спины лошади, должна быть 13 вершков, длина обоих краев потника, вдоль боков лошади, должна быть 14 вершков, а сзади — 16 вершков. Намет на потник делается из черной кожи, он должен закрывать потник сверху, и края его кругом должны быть подпушены вершковым ремнем, вырезанным из этой же кожи; подушка должна быть приклеена клейстером к краям намета, будучи обращена мездром внутрь и затем уже прострочена в два ряда; длина намета должна быть посредине, вдоль спины лошади $13\frac{3}{4}$ вершка, длина нижних краев намета, по бокам лошади, должна быть 16 вершков, ширина намета спереди должна быть 1 арш. 4 вершка, а ширина намета сзади — 1 арш. 11 вершков, вследствие чего ширина потника с наметом предохранит бока лошади от побоев их пряжками от подпруг и трока, которые всегда должны находиться не на голых боках лошади, а на намете, а длина потника с наметом не даст побиваться лошади от второченных в седло лисиц и зайцев, которые должны находиться также не на голой спине лошади, а на потнике с наметом и, кроме того, указанного размера намет дает

возможность охотнику не пачкать кровью от затравленных зверей потник и лошадь. Передние углы потника с наметом должны быть тупыми, а задние — острыми. Сложенные и обрезанные ровно листы потника вдоль передней стороны, обращенной к шее лошади, прошиваются редкими швами дратвой, чтобы они не выбивались из-под седла, и затем в двух местах посередине, вдоль спины лошади, потник и намет связываются самым тонким и узким сыромятным ремешком, концы которого должны выходить наверх намета, где туго завязываются и плотно обрезаются для того, чтобы узелками нельзя было побить лошадь. С передней стороны намет должен быть спущен с потника на две четверти вершка, чтобы потник никогда не мог виднеться из-под намета.

81. Арчак должен быть деревянный и обклеен жилами для прочности, вследствие чего такие арчаки носят название жилинных арчаков. Лучшие арчаки выделяются из корня дерева, такие арчаки бывают очень прочны и без обжиливания. Вообще, при выборе арчаков следует обращать внимание на их верность — косые и неверно сделанные арчаки всегда будут побивать лошадь. Передняя лука должна быть прямая, т.е. поставлена вертикально и при том не особенно высока; прямая лука дает возможность охотнику повесить что-либо на нее, как например, сумку для прикормки собак и т.п., а невысокая передняя лука, которая едва только должна выделяться из-за седельной подушки, не даст возможности охотнику ушибиться об нее при падении. Задняя же лука должна быть наклонена к заду лошади и прикрываться почти вся седельной подушкой; такое положение лук дает спокойное сидение охотнику. Длина досок арчака не должна превышать девяти вершков, ширина всего арчака по нижним краям досок сзади должна быть 7,5 вершков, а спереди — 6,5 вершков. Арчак должен быть прикрыт чепраком из черной кожи, он выкраивается и шьется по арчаку так, чтобы он плотно обхватывал всю верхнюю часть арчака, длина чепрака посередине, вдоль спины лошади, должна быть 11 вершков, ширина чепрака поперек лошади посередине должна быть 14 вершков, края чепрака должны быть подпушены полувершковым ремнем, как у намета, и все четыре угла закруглены. Дыры для трока по бокам чепрака должны быть прорезаны от нижних краев чепрака на 2,5 вершка, а от среднего долевого шва чепрака — на 4,5 вершка; от переднего края чепрака — на 5 вершков, а от заднего края чепрака — 5,5 вершков и обе дыры снизу должны быть подпушены ремнем из кожи и обстроены.

82. Крылья к седлу делаются из толстой полувальной кожи, они должны иметь вид правильного четырехугольника. Длина каждого должна быть вдоль лошади 9 вершков, а ширина вдоль ноги охотника — 8 вершков. На крыльях выбивают различные узоры, и лицевая сторона их должна быть вычернена. Подцепка к крылу от арчака спереди должна быть 2,5 вершка, а сзади — 3 вершка, все четыре подцепки должны быть сделаны из сыромятного ремня в четверть вершка шириной; назначение крыльев — прикрывать подпружные и от трока пряжки, чтобы охотник не мог о пряжки тереть себе ноги.

83. Подпруги делаются из плотных и вместе с тем отмятых сыромятных ремней; ширина подпруги должна быть в три четверти вершка, длина же должна быть по лошади, во всяком случае, передняя подпруга должна быть короче задней: к ним с обоих концов пришиваются пряжки, за которые подпруги пристегиваются к гартам. Гарты должны быть привязаны с обеих сторон по два к доскам арчака сыромятными ремешками, которые должны быть затоплены с нижней стороны в доску арчака для того, чтобы нельзя было побивать ими спину лошади. Гарты делаются из сложенных вдвое плотных сыромятных ремней, шириной по подпружным пряжкам, а длиной в восемь вершков каждый, они с краев прострачиваются дратвой, и посередине на них пробиваются дырочки для

пряжечных шпеньков. Концы привязочных гартовых ремешков должны служить подцепками к крыльям седла. Гарты накладываются на верхнюю сторону арчака и туго притягиваются к арчаку вышеупомянутыми привязочными ремешками.

84. Трок делается также из проделанного хорошо сыромятного ремня в полвершка шириной и длиной по толщине лошади так, чтобы возможно было троком обхватить лошадь вместе с седлом и подушкой. К троку с одного конца пришивается пряжка, а на другом его конце пробиваются дырочки для шпенька пряжки. Трок накладывается поверх подушки, оба конца его пропускаются в дырочки чепрака, пряжечный конец его должен быть с правой стороны лошади, далее трок идет под крылья седла и затем, наравне с подпружными пряжками, застегивается на левом боку лошади.

85. Стремена должны быть просторные и с широкими ушками для путлицей. Путлицы делаются из таких же, как подпруги, прочных сыромятных ремней, шириной в один вершок, а длиной — по ногам охотника. С одного конца путлицей пришиваются пряжки, а другим концом, зацепив через ушко стремени и пропустив этот конец путлица сверху вниз арчака через нижнюю дырочку снизу наверх арчака, застегивается на пряжку, которая должна помещаться под краем чепрака, чтобы она не терла ногу охотнику. Стремена с путлицами должны находиться поверх крыльев седла, и чтобы конец путлицей не болтался и не закручивался от ноги на путлицах, для этого на путлице делаются ременные две шлевочки, которые следует надевать на путлице прежде стремени для того, чтобы зацепив после стремя, можно было опять конец путлица продеть в эти шлевочки, от чего путлице не будет раздваиваться, и конец путлица, прихваченный верхней шлевкой, не будет мешать ноге охотника.

86. Седельная подушка делается из черной кожи, она должна быть набита пухом. Приблизительный размер подушки: в широком месте, сзади, между швов $12\frac{1}{2}$ вершк., в широком месте спереди — $11\frac{1}{2}$ вершк., и в узком месте посередине — $9\frac{1}{2}$ вершк. Длина подушки вдоль лошади между швов $10\frac{1}{2}$, вершков. Углы подушки должны быть закруглены. Бочка подушки должна быть шириной в один вершок и шиты с кантиком для того, чтобы по швам не вылезал пух. Подушка кладется на седло поверх чепрака и прихватывается троком посередине.

87. Торока делаются из узких сыромятных ремней в $\frac{1}{4}$ вершка шириной и длиной в два аршина с четвертью; каждый такой ремень перегибается вдвое и продевается в концы досок арчака через имеющиеся в концах арчака две дырочки снизу вверх, затем оба эти конца ремня продеваются в привязочный ремень от пряжек для пахвей и поперсья, проходят через дырочки в чепрак наверх и туго закрываются на чепраке, продев один ремень в другой через прорезанные плотно у арчака, в каждом ремне дырочки. Снизу арчака ремень затапливается в доску арчака, а сверху оба конца ремня, закрепленные поверх чепрака, представляют торока в два ремня, каждый длиной в один аршин два вершка. На седле должно быть четверо тороков: два задних и два передних, их назначение торочить в них затравленных зверей, зайцев и запасное платье охотника.

88. Пахвы и поперсье имеют значение как бы поддерживать седло на своем месте при спуске охотника с горы и подъеме на гору. Пахвы и поперсье для красоты набираются, как и узда, набором. Поперсье находится на груди лошади, и два верхних конца ремней застегиваются на пряжки, прикрепленные к торокам — между арчаком и чепраком седла спереди, а нижний конец поперсья проходит вниз по груди между передних ног лошади и надевается через имеющуюся на этом конце петлю на переднюю подпругу. Пахвы же

находятся сзади седла на спине лошади и, надетые на хвост лошади, застегиваются на имеющиеся также у седла пряжки, прикрепленные к торокам — между арчаком и чепраком седла, как и пряжки для поперся.

89. Охотничья узда должна быть непременно с чумбуром, который привязывается снизу на кольцо подбородника и который длиной должен быть $4\frac{1}{2}$ арш.; чумбур должен находиться у охотника за поясом, с левой стороны, на нем он водит за собой лошадь, когда идет пешком, и за него привязывает лошадь, когда появится необходимость. Чумбур за пояс охотник только затыкает, сложив половину его вдвое, но отнюдь не должен его привязывать к поясу во избежание несчастных случаев. Узда может быть набрана для красоты набором, причем удила с левой стороны узды должны быть на пряжке для того, чтобы не скидая узды, можно было лошадь когда нужно разнуздать и взнуздать.

90. Вообще при сборке охотничьего седла следует обращать внимание на то, чтобы мастер (шорник) не смел прибавить что-либо к арчаку гвоздями, а все, что нужно, привязывал сыромятными ремнями — так не портится арчак, и седло такой сборки всегда прочное.

Примечание. Есть другой сорт охотничьих седел под названием «Московское охотничье седло без дерева», которое похоже частью на кавалерийские, частью на английские седла и все состоит из войлока и кожи, действительно без деревянного арчака и без подушки, но насколько они прочны, практичны и покойны для охотника, и ничего не могу сказать, т.к. седла такие я только видел, но не имел у себя, т.к. привык ездить в обыкновенном охотничьем седле.

ГЛАВА 12

О НАБОЕ СЕДЛАМИ ЛОШАДЕЙ И МЕРАХ, ВРЕМЕННО ПРОТИВ ТОГО ПРИНИМАЕМЫХ ОХОТНИКАМИ

91. Псовый охотник никогда не должен седлом побивать свою лошадь, для этого он обязан: седло всегда иметь исправным, никогда не бросать его на землю, потники после езды просушивать и отминать, чтобы они всегда были мягки и чисты.

92. Летом потники просушиваются на солнце, а осенью и зимой — в жаркой избе или на печках.

93. В том случае, когда охотнику попадает новое седло не по его лошади или с неверным арчаком и перед отъездом по полю, когда нет возможности заменить его другим, то и тогда охотник не должен побивать им свою лошадь, будучи обязан немедленно, после первого же поля, принять против того меры, указанные в нижеследующих статьях.

94. Если у арчака неглубока передняя выемка, а холка у лошади высока, то под передние концы досок снизу следует подвязывать войлочные подкладки шириной в доски арчака и длиной в полтора или два вершка, смотря по положению арчака, а толщиной подкладки должны быть такие, чтобы арчак выемкой не мог наминать холку лошади. Подкладки эти следует затягивать дратвой с верхней стороны досок арчака, тогда они не

будут выскакивать или выбиваться из-под концов досок. Таким образом сделанные подкладки, будучи прикрыты чепраком, нисколько не безобразят наружный вид седла и не допустят побивать холку лошади.

95. Если неверный арчак побивает спину лошади задними концами досок, то тогда следует от края задних концов досок арчака, отступя на два или на три вершка, смотря по месту побоя, под остальные части досок подложить снизу войлочные подкладки во всю ширину и оставшуюся длину досок арчака. Таким образом сделанная подкладка, отдаляя от спины лошади неподложенные части задних концов досок арчака, избавит лошадь от побоя.

96. Если неверный арчак набивает спину лошади серединой досок, то тогда войлочные подкладки подвязывают под все четыре конца досок арчака, оставляя середину досок неподложенной, пустой.

97. Если охотнику назначена лошадь уже с побитой седлом спиной, то и тогда, несмотря на езду на ней, охотник обязан кроме лечения побоя различными смягчительными и подсушивающими медикаментами устроить свое седло так, чтобы оно не мешало у этой лошади, поджить и залечиться побитой ее спине — для этого он должен, придерживаясь правил, выраженных в предыдущих 94—96 статьях, кроме того, над местами побоя в потнике вырезать дыру во всех трех нижних листах войлока, оставляя целым только верхний, четвертый лист потника так, чтобы во время езды верхний лист потника не мог нажимать и растирать побоя, и тогда побой у лошади может быть залечен даже и во время езды на ней в поле.

ГЛАВА 13

ОБ ОХОТНИЧЬИХ ЛОШАДЯХ, ИХ СЕДЛАНИИ, ПОСАДКЕ ОХОТНИКА И УПРАВЛЕНИИ ЛОШАДЬЮ

98. Употребительнейшими лошадьми в псовой охоте должны быть мерини и кобылы. Жеребцы не должны допускаться по той причине, что они ржут и криком своим могут отпугивать зверя с лаза, кроме того, вообще жеребцы бывают беспокойнее меринов и с ними на квартире при размещении лошадей нередко встречаются затруднения.

99. Охотничья верховая лошадь должна быть поводлива, т.е. не тянулась бы на чумбуре за охотником, знать повода, непуглива, сносна и непременно смирна к собакам.

100. Охотник обязан седлать свою лошадь с особенным вниманием, дабы не испугать при этом лошадь и не побить ее и не оподпругить. Для этого охотник обязан, привязав лошадь к коновязи и почистив ее, прежде всего тщательно осмотреть свое седло и потник — не заруднился ли он, и если все седло исправно, тогда он, заложив правое стремя, подпруги, трок, правое крыло, поперсье и пахвы на подушку седла, с левой стороны, обеими руками берет седло под потник спереди и сзади и, зайдя с левой стороны лошади, отпрукивая лошадь, осторожно кладет седло ей на спину, затем, огладив рукой лошадь и выпрямив как следует потник, осмотрев, не завернулся ли какой лист потника, осторожно спускает на правый бок лошади с седла завернутые подпруги, трок, крыло и стремя. Затем, сдвигая седло к заду лошади настолько, чтобы можно было надеть пахвы на хвост

лошади, после этого охотник подвигает опять седло на середину спины лошади, уложив его как следует так, чтобы передние концы арчака не захватывали плеча лошади, а помещались во впадине у плеча или у верхней части лопатки, приступает к седланию лошади следующим порядком: т.к. правый верхний ремень поперся никогда и при расседлывании лошади не отстегивается, то поэтому охотник берет левый верхний ремень поперся, переносит его через грудь лошади и застегивает его на пряжку с левой стороны седла; нижний же ремень поперся пропускает по груди лошади вниз и, продев его между передних ног лошади, достает из-под ее брюха переднюю подпругу, которую продевает под брюхом лошади в петлю нижнего ремня поперся и затем застегивает подпругу на пряжку также с левой стороны седла. При этом никогда не следует переднюю подпругу подтягивать туго, чтобы не оподпружить лошадь. После этого туго притягивают, чтобы седло не могло свалиться с лошади на какую-либо сторону, заднюю подпругу и трок. А затем, надев узду на лошадь, заправив челку на левую сторону лба, под налобник узды, поправив гриву у лошади на левую сторону и завязав хвост, охотник может считать лошадь вполне оседланной.

Примечание. Хвост завязывается у охотничьих верховых лошадей не только для красоты, как некоторые полагают, и не в одно грязное время, но и для того, чтобы лошадь, отмахиваясь хвостом, не пугала собак и в особенности — молодых.

101. Расседлывать лошадь следует в таком порядке: отстегнув верхний ремень поперся с левой стороны, затем с левой же стороны отстегнув подпруги и трок, сняв петлю нижнего ремня поперся — с передней подпруги, охотник должен осторожно заложить подпруги и трок на седло — с правой стороны, а поперсье — между передней лукой и подушкой, сдвинув седло на крестец лошади настолько, чтобы можно было освободить пахвы из-под хвоста лошади и, заложив их также между задней лукой и подушкой, он обеими руками за потник снимает седло через зад лошади и несет его на место, на которое и кладет его в таком виде. Уздечка с замотанными поводками и чумбуром вешается на переднюю луку седла с левой стороны.

Примечание. Место для седел устраивается вдоль стены чулана, предназначенного для седел и охотничьего платья, и делается из двух досок, длиной во всю стену чулана и шириной в 8 вершков каждая, сколоченных между собой верхними долевыми своими краями и утвержденных на столбиках высотой около $1\frac{1}{4}$ арш. так, чтобы верхний край сколоченных досок имел горизонтальное положение и шел параллельно стене чулана, отступая от нее не менее, чем на $\frac{3}{4}$ аршина. Эта подставка называется «кобылой»; на нее кладут седла, как на лошадь. В отъезде поле, расседлывая лошадей, охотники свои седла размещают по наклесткам телег или кладут на фуры, только в последнем случае седла следует класть боком, крылом книзу, свернув обе стороны потника вместе, для того чтобы не руднить войлоков потника.

102. Все псовые охотники обязаны садиться на лошадей с левой стороны таким образом: подобрав левой рукой повод у лошади настолько, чтобы она чувствовала их и не могла двинуться с места, чтобы не отдала при этом ноги какой-либо собаке, и левой рукой придерживаясь за гриву у ходки лошади, охотник ставит левую ногу в левое стремя,

отпрукивая лошадь и не обрыниваясь на седло, легко поднимается на левой ноге и, быстро перенеся правую ногу через зад лошади в правое стремя, садится в седло.

103. Сидеть в седле охотник должен прямо, не сваливаясь ни на какую сторону, придерживаясь на стременах, и сидеть должен на лошади крепко, чтобы во время скачки при спотычке лошади, не летел бы ей через голову и в случае, если бы молодая лошадь, неожиданно испугавшись, бросилась в сторону он не мог бы вылететь на противоположную сторону из седла. Для этого стремяна у седла должны быть не коротки и не длинны, а как раз по ноге охотника, и охотник, постоянно придерживаясь на стременах, не должен растопыривать ноги на седле врозь, как это делают неумелые ездоки, а наоборот, охотник должен в седле держать ноги отвесно своему туловищу и слегка отворотив носки в стороны, он должен икрами ног чувствовать бока лошади. При такой посадке охотника путлища стремён, проходя по передней поверхности голени, дают охотнику лишнюю точку опоры и предохраняют его от падения вперед, а ноги, плотно прижатые к бокам лошади, предохраняют от падения с лошади в сторону. Для облегчения лошади во время скачки, охотник должен наклонить свой корпус слегка вперед и никогда не должен бросать повод, а наоборот, постоянно во время скачки обязан придерживать лошадь на поводках, чтобы лошадь не могла запутаться ногами и от того споткнуться, и кроме того, придерживая лошадь на поводках, охотник тем оберегает силы лошади на продолжительную скачку.

104. Управлять лошадей псовые охотники преимущественно должны левой рукой, для чего должны повод держат в левой руке, исключая случаи, когда борзятники ведут собак на своре, а подгонщики имеют гончих на погоне; тогда как борзятники, так и подгонщики держат повод в правой руке и управляют лошадью правой рукой. При желании остановить лошадь, охотник должен ровно натянуть оба поводка, при желании повернуть лошадь влево — накладывается правый повод на правую сторону шеи лошади, а при повороте лошади вправо — накладывается левый повод на левую сторону шеи лошади; при желании пустить лошадь вскачь, охотник, наклонив слегка корпус вперед, «отдаст ей повод», т.е. отпускает настолько повод лошади, чтобы она сразу бросилась скакать и тогда, постепенно поддерживая лошадь на поводках, продолжает скачку.

ГЛАВА 14

ОБ ОБОЗЕ ДЛЯ ОБЪЕЗЖИХ ПОЛЕЙ И ЕГО СОСТАВЕ

Примечание. Т.к. обоз для отъезжих полей не всегда составляет одну только необходимую принадлежность псовой охоты, а нередко формируется для большей роскоши и комфорта по прихоти владельца охоты, то потому определить точный состав обоза невозможно, как и невозможно согласовать вкусы и привычки двух разных людей. Потому я представляю, для наглядности, в этой главе состав обоза как минимум самой неприхотливой и небольшой псовой охоты. Что касается собачьих фур, то находя их во всякой охоте не только бесполезными, а, скорее, вредными для здоровых собак, т.к. тряска во время перевозки утомляет собак больше, чем пеший переход, а о них не скажу ничего, потому что с больными на охоту не ездят, а если какая-нибудь из них заболит на охоте, то для такой всегда найдется место в обозе и самой неприхотливой малой охоты.

105. Обоз при самой малой псовой охоте (см. ст. 16) для отъезжих полей необходимо должен состоять: из одной фуры для овсянки; одной телеги с кожаной покрышкой для тенет, занавесов для борзых (см. ст. 125), двух фонарей, котла, корыт, запасного охотничьего белья и платья, складной господской кровати и двух складных стульев; одной телеги для господского чемодана с бельем и платьем, кожаного чехла с господскими подушками и матрасом, ковров, двух буфетных ящиков с закусками, винами, лакомством, столовой и чайной посудой, двух ящиков с самоваром и кухонной посудой, домашней аптечки и двухведерного бочонка с водкой, одной одноконной полевой тележки и экипажа для владельца охоты. Фуры и телеги должны быть устроены с коновязями и хребтугами сзади для охотничьих верховых лошадей.

106. Фура должна представлять собой вид большого ящика с выпуклой крышкой (для ската дождя) на петлях и пробоем с накладкой для замка; она должна вмещать в себя до 30 пудов овса или овсянки; при фуре должны быть козлы, на которых могли бы помещаться два человека. Необходимость таких фур при псовой охоте в отъезжем поле объясняется тем, что овес для лошадей и овсянка для собак постоянно необходимы, а достать овсянки и купить овса не во всяком месте стоянки с псовой охотой возможно, поэтому впредь до приискания обыщиком овса и приготовления им овсянки как то, так и другое необходимо иметь свое в переносных как бы амбарах, т.е. в фурах и под замками, ключи от которых должны находиться по усмотрению ловчего у кого-либо из фурщиков. В каждую фуру следует впрягать по тройке лошадей на тот случай, что псовая охота часто забирается в такие глухие места, что по проселочным дорогам и в особенности топям, нередко приходится с большим трудом выезжать с фурой и на тройке. При каждой фуре должен быть один человек, исполняющий должность кучера, называется он фурщиком. Лишнее место на козлах фур необходимо на всякий случай для размещения в обозе людей, нужных при охоте.

107. Телеги должны быть обыкновенные, четырехколесные, просторные, с глубокими ящиками, оббитыми с внутренней стороны плотно лубками или жостью. Для телег должны быть сделаны покрышки из черной кожи, которыми по укладке возов покрывается все уложенное, и вместе с кожей увязываются воза веревками. В каждую телегу следует впрягать по паре лошадей, принимая однако в соображение тяжесть каждого воза. При каждой телеге должен быть также человек, управляющий лошадьми, и называется он багажным.

108. Одноконная полевая тележка необходима в отъезжем поле для различных потребностей: во время пути обоза на этой тележке едут повар и буфетчик или кто-либо из участвующих в псовой охоте ружейников; во время стоянки охоты на этой тележке обыщик нередко ездит за покупками в ближайший город или базарные селения и, наконец, во время производства охоты, на этой тележке иногда подвозят ружейников к месту охоты; она нередко следует за охотниками по полям и когда не выезжает простая телега в поле с тенетами, на эту тележку складывают затравленных охотниками зверей. Эта тележка, во время отъезжих полей, нередко бывает необходима для ловчего, в поле она бывает необходима для заболевших людей или убитой собаки и т.п. случайностей.

109. Экипаж необходим для владельца охоты в отъезжем поле по весьма разнообразным причинам, которые все перечислить невозможно, хотя многие из владельцев охот, не доверяя свою свору борзых никому, никогда не выезжают на поле в экипаже, а всегда едут верхом со своей сворой, вместе со всеми охотниками, однако и в таком случае господский экипаж в отъезжем поле необходим. Мало ли что может случиться в отъезжем поле. И тогда необходимость экипажа делается очевидной, а достать его не во всякой местности возможно, тем более, что иной раз как, например,

болезнь владельца охоты и т.п. может вызвать немедленную потребность в экипаже, а поэтому господский экипаж в отъезде поле всегда должен быть налицо. Какой должен быть экипаж, это зависит от вкуса владельца охоты, но только он должен быть непременно прочен и покоен, т.е. не трясок, при нем должен находиться кучер и тройка лошадей, если только экипаж не с дышловой упряжкой.

ГЛАВА 15

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ЛЮДЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ ПРИ

ОБОЗЕ

110. Все люди, находящиеся при обозе на время отъезжих полей, должны беспрекословно подчиняться распоряжениям ловчего, от которого зависит и распределение их обязанностей на все время отъезжих полей. Кроме исполнения каждым своей специальности, багажные и фурщики, по установленной ловчим очереди, обязаны каждый день греть в указанном ловчим месте котел для собак.

111. Во время пути и на занятой квартире все люди, находящиеся при обозе, должны в исключительных случаях помогать друг другу. Распорядителем во время дороги над обозной прислугой назначается ловчим один из самых сметливых и более почтенных людей, находящихся при обозе.

112. Обыщик во время дороги служит (за редкими исключениями) путеводителем обоза, а на квартире — исполняет обязанность поставщика, заготавливая необходимые материалы как для господской кухни, по требованию повара, так и все необходимое для псовой охоты, отдавая во всем отчет ловчему, от которого и получает деньги на расход.

113. Фурщики, багажные и кучер обязаны беречь во время пути свои экипажи и лошадей; каждый из них отвечает за целостность своей клади, они убирают каждый, кроме своих лошадей, еще и охотничьих верховых; распределение между ними верховых лошадей, т.е. по сколько лошадей приходится на каждого из них и какие именно — зависит от ловчего, причем распределение это должно быть сделано ловчим один раз на все время отъезжих полей для того, чтобы каждый из них знал своих лошадей и мог быть ответственным перед ловчим за небрежный или вообще плохой уход за ними. Каждый из охотников, зная у кого находится на руках его лошадь, по возвращении с поля и по расседлании передает ее прямо тому, кому поручен уход за ней и уже сам для себя следит за порядочностью ухода. Как кучер, так и фурщики и багажные, когда заметят, что какая-либо из лошадей, находящихся на руках, заболела или невесела, не ест корма и т.п., обязаны сейчас же донести о том ловчему, который немедленно обязан осмотреть ту лошадь и, если требуется, принять меры по излечению и на время заменить ее другой — из заводных, т.е. запасных или обозных.

114. Буфетчик на время отъезжих полей должен совмещать в себе три должности: камердинера, официанта и буфетчика; он заведует господской квартирой, на его руках находится господский багаж, он сохраняет столовую и чайную посуду, оберегает чай, сахар, кофе, закуски, лакомства, вино, водку и т.п. и расходует все согласно распоряжению владельца охоты. Он выдает назначенную порцию водки людям, находящимся при псовой охоте и при израсходовании чего-либо обязан заблаговременно сообщать о том владельцу охоты или ловчему для своевременного пополнения израсходованного через обыщика, занимающегося покупками всего необходимого для

псовой охоты во время отъезжих полей. Для сохранения всего находящегося у буфетчика, т.к. за целость всего он отвечает перед хозяином, ему должны быть выданы особенно устроенные на этот предмет укладки с замками следующего рода: два ящика одинаковых размеров, а именно $\frac{3}{4}$ арш. высотой, 1 арш. шириной и $\frac{5}{4}$ арш. длиной; оба эти ящика должны иметь плотные крышки на петлях и оба должны запираются замками, ключи от которых должны находиться у буфетчика. По объему эти ящики вполне достаточны для укладки в них столовой и чайной посуды, столового белья, чая, сахара, кофе и т.п., а в другой — вин и разного рода закусок; эти ящики хорошо устанавливаются на телегах и, будучи составлены рядом, вдоль, заменяют кровать для буфетчика на квартире; двухведерный бочонок для водки с железными обручами с пробоем и накладкой через втулочную пробку для замка, ключ от которого должен также находиться у буфетчика. Кроме того, на руках у буфетчика должны находиться: домашняя аптечка, ящик с самоваром, свечи, подсвечники, теплое платье господина, ковры, гвозди для разбивки в квартире ковров, господская кровать, постель, стулья, словом, все необходимое для владельца охоты. Для этого буфетчик перед отъездом из дома обязан спросить своего господина, что прикажет он брать с собой в отъезд и тогда, уложив все по местам, отдает багажному со счетом место в обозе. Число отданных мест в обоз буфетчик обязан помнить и на каждой квартире их проверять, чтобы не позабыть чего на квартире и не потерять,

115. Повар в отъезде поле обязан возить с собой и охранять в выданных ему для того ящиках кухонную посуду и всякие приправы к кушаньям. Он обязан готовить стол для владельца охоты с его гостями и варить русский обед и завтрак для всех людей, входящих в состав псовой охоты. Он также сберегает выданную ему на расход провизию, об израсходовании которой заблаговременно доносит ловчому, сообщая при этом, что ему еще из провизии требуется.

ГЛАВА 16

О ПРИГОТОВЛЕНИИ КВАРТИРЫ ПОД ОХОТУ В ОТЪЕЗЖЕМ ПОЛЕ

Примечание. Во время отъезжих полей псовая охота у мест для производства охоты вынуждена бывает останавливаться в ближайших к тем местам селениях и деревнях и поэтому нередко приходится квартировать с псовой охотой у самых небогатых крестьян, ввиду чего и я представляю в этой главе и последующих порядок приготовления квартиры под охоту в обыкновенном нашем селе и у обыкновенного русского крестьянина, т.к. говорить о приготовлении квартиры в имении какого-нибудь богатого землевладельца нет никакой надобности по той причине, что в богатом имении всегда возможно без труда скорее найти покойные помещения как для владельца охоты и его прислуги, так и для лошадей с собаками. Притом многие из владельцев псовых охот вполне основательно предпочитают останавливаться с псовой охотой у кого-либо из крестьян на селе, т.к. в этом случае они за квартиру платят деньги по договору, и потому, делаясь полными хозяевами своей квартиры, они, никем не одоляясь, нимало не стесняются продолжительностью квартирования и нисколько не стесняются тем домохозяина, получающего с них за квартиру хороший доход. Причем считаю нужным добавить, что с псовой охотой в отъезде поле всегда следует по возможности избегать квартиры на

постоялых дворах, или непременно следует выговаривать право у дворника не пускать никого из проезжающих посторонних на постоянный двор во все время квартирования псовой охоты.

116. Обоз всегда должен приходиться на квартиру за несколько часов раньше псовой охоты для того, чтобы находящаяся при обозе прислуга могла вполне приготовить квартиру под охоту.

117. По прибытии обоза в село, в котором предполагалось остановиться с псовой охотой и, когда квартира в этом селе заранее не была нанята под охоту обыщиком при обыске им волчьих взводков, обоз при въезде в это село должен остановиться среди улицы, а обыщик с буфетчиком и другими свободными людьми из обозной прислуги обязаны немедленно отправиться пешком по селу для приискания удобной квартиры под охоту. При этом следует обращать внимание на то, чтобы двор, нанимаемый под квартиру, был крепкий, с хорошими запорами у ворот, и при нем были просторный, крепкий хлев для всей стаи гончих собак, поднавесные сараи и две избы, из которых одна должна быть очищена для владельца охоты, а в другой должны помещаться люди, находящиеся в составе псовой охоты, вместе с домохозяевами этого двора. Если же в селе не найдется такого двора, при котором было бы две избы, что нередко и случается, или он так мал, что одного двора для квартиры недостаточно, то в таком случае нанимается под охоту два или три двора, сообразуясь с величиной псовой охоты, причем необходимо стараться найти такие дворы для квартиры рядом или, по крайней мере, в самом близком расстоянии один от другого. Это необходимо для того, чтобы весь состав псовой охоты: люди, собаки и лошади в отъезде поле были всегда на глазах владельца охоты или ловчего.

118. При найме облюбованных дворов для квартиры под охоту обыщик обязан прежде всего договориться с домохозяевами положительно обо всем относительно того, что будет требоваться от них для охоты, а именно: чтобы одна изба была непременно очищена для владельца охоты, чтобы домохозяин отвел место у воды для котла, где безопасно для селения можно было бы греть котел для собак, чтобы в продолжение всего времени квартирования псовой охоты была бы хозяйская ржаная солома на подстилку лошадям и собакам, чтобы всегда были дрова под котел и для кухни и, наконец, чтобы для всей обозной прислуги и охотников был хозяйский русский обыкновенный квас. Все это выговорить и за это лишнее заплатить хозяину квартиры необходимо; в каждом селе и у всякого домохозяина-крестьянина все это есть и потому он легко может все это исполнить, без всякого для себя ущерба; не выговорив при найме квартиры всего вышеизложенного, псовая охота легко может стать в самое неприятное положение: или она будет лишена всякой возможности достать предметы первой необходимости или вынуждена будет платить за все в десять раз дороже настоящей их стоимости.

119. Нанимать квартиры следует посуточно на все время стоянки псовой охоты, т.е. сколько бы времени ни простояла псовая охота на квартире, хозяин должен только считать время по суткам, за которое, по счету суток, и должен при расчете за квартиру получить деньги. Это условие необходимо для того, чтобы он ни в каком случае не мог требовать от владельца охоты ухода с квартиры ранее того времени, до которого пробыть найдет нужным владелец охоты в этой местности.

120. Торг о найме квартиры во избежание впоследствии всяких недоразумений должен производиться с домохозяином квартиры непременно при посторонних свидетелях, недостатка в которых в этих случаях никогда не бывает, и при них же, сторговавшись в цене, обыщик дает задаток хозяину и затем занимает с обозом квартиру.

ГЛАВА 17

О РАЗМЕЩЕНИИ ПСОВОЙ ОХОТЫ В ОТЪЕЗЖЕМ ПОЛЕ

121. Квартира занимается обозом следующим порядком: господский экипаж и одноконная полевая тележка выпрягаются на улице, под окнами квартиры, а фуры и телеги въезжают во двор, на котором выпрягаются и устанавливаются в задней стороне двора так, чтоб только коновязи их помещались под навесом сараев, затем у всех экипажей оглобли поднимаются вверх и в таком положении укрепляются чересседельниками. Под колеса фур и телег подкладываются подкладки, чтобы привязанные к их коновязям верховые охотничьи лошади не могли двигать их с места.

122. Упряжные обозные лошади размещаются в самой дальней от избы стороне двора, у хозяйских колод и чанов. Прежде чем привязать лошадей, чаны и колоды должны быть тщательно выметены и вычищены из предосторожности — чтобы не заразить какими-либо болезнями своих лошадей, и потому никогда не следует своих лошадей подпускать к оставшемуся в колоде чужому корму.

123. В то время, когда кучера убирают лошадей обозных по местам, буфетчик при себе заставляет хозяина квартиры выбрать все лишнее хозяйское из избы, назначенной для владельца охоты, вынести ее и вообще очистить избу от всякой грязи и сора. Затем заставляет багажных разгружать телеги и весь господский багаж вносить в избу, где, согласно вкусу владельца, и начинает меблировать комнату коврами, из которых одним по печному брусу отделяет себе комнату, где вместо кровати, у ковра, устанавливает для себя вышеупомянутые два ящика, которые и заменяют на время отъезжих полей и буфет. Все же остальные вещи: чемоданы, бочонок с водкой, самовар и т.п. размещаются по лавкам и под лавками крестьянской избы, смотря по тому, где что удобнее поместить; те же из закусок, которые не могут без вреда находиться в теплой комнате, буфетчик обязан немедленно передать хозяину или хозяйке под сохранение на ледник или в погреб. Он устанавливает для господина железную кровать, приготовляет постель, покрывает скатертью стол, приготовляет закуски и вина или готовит чай, словом, что требует владелец охоты, и затем ожидает приезда господина в квартиру, находясь постоянно в ней неотлучно.

124. Фурщики, убрав своих лошадей, немедленно начинают готовить помещение для борзых и гончих собак.

125. Для борзых устраивается помещение с помощью полотняных или парусиновых занавесов в поднавесном сарае у избы, следующим порядком: место под сараем, назначенное для борзых, очищается от всякого хлама и затем, по количеству борзых собак, размещается метлами; потом берут из багажного воза занавесы длиной в 6 аршин и шириной в 3,5 аршина, у боковых и верхнего краев с веревочными завязками, и ими занавешивают две незащищенные стороны сарая, вследствие чего образуется просторный для борзых четырехугольный хлев с двумя полотняными и двумя деревянными стенами; у того места стены сарая, от которого начинают привешивать занавесы, на углу, если нить поднавесного столба, где занавес образует угол и отступя два аршина от стены избы, для двери из занавеса же устраиваются шесты или колья, за которые и привязываются к шестам пелены (крыши сарая), а поперечная сторона хлева к связи сарайной или вместо связи к нарочно для того укрепленной слеге. Нижний край занавесов подгибается внутрь хлева и застилается соломой, которую следует наложить к трем сторонам хлева — для лежки борзых, с закладкой соломы изнутри круглыми бревнами, что и заменит для борзых нары. У четвертой — избыной стены хлева, у дверной занавески, устраивается кое из чего кровать для ночного дежурного при борзых борзятника. Посредине хлева у борзых

привешивается, с принятыми мерами предосторожности, на веревке круглый шарообразный фонарь, а за неимением такового — простой, который всю ночь должен освещать хлев у борзых.

Примечание. Количество занавесов для борзых имеется при охоте по количеству имеющихся в охоте собак; для малой охоты вполне достаточно иметь три занавеси. Круглый, шарообразный стеклянный фонарь безопаснее простого и дает больше света.

126. Для гончих помещение устраивается в хозяйском хлеве, причем необходимо обращать внимание на то, чтобы в хлеве этом не были прежде загоняемы овцы, т.к. гончие собаки от ночевки в овечьем хлеву теряют чутье на некоторое время. Хлев, назначенный для гончих, вычищают начисто от навоза, выметают метлами и затем толсто, во всю половину хлева, для лежки гончих накладывают свежей ржаной соломы, закладывают круглым бревном солому и запирают дверь впредь до прибытия охоты. Дежурный выжлятник во все время отъезжих полей ночует у хлева с гончими собаками; фонаря в хлеве для гончих не требуется.

127. Обыщик тотчас по занятии квартиры заготавливает для лошадей сено и все необходимое для псовой охоты.

128. Повар устраивается с кухней у печки в избе для людей, сдает под сохранение хозяевам квартиры провизию на ледник или в погреб и заботится о приготовлении к известному времени обедов господину и прислуге.

129. Очередные к котлу — из обозной прислуги берут с собой котел, заступ, ушат и приглашают хозяина квартиры указать место для котла, на котором вырывают из земли горн для котла, натаскивают в него чистой воды и кипятят воду хозяйскими дровами, которые хозяин квартиры к котлу обязан доставить. Вода должна быть приготовлена, т.е. кипеть белым ключом, к известному часу кормления собак.

130. На время отъезжих полей дежурным, кочующим при собаках на дворе борзятнику и выжлятнику, от владельца охоты выдаются для ночи два теплых овчинных тулупа.

131. В теплое осеннее время вся прислуга и охотники не должны, за исключением занемогших, забираться на ночь в избу, а должны размещаться на дворе и у экипажей на принесенном для того сене или соломе.

132. По прибытии охотников на квартиру багажные и фурщики принимают назначенных им для уборки охотничьих верховых лошадей, а кучер — господскую верховую, и размещают их к коновязям у фур и телег, заблаговременно настлав для них подстилку из ржаной соломы.

133. Доезжачий с подгонщиками вводит стаю гончих собак прямо в приготовленный для них хлев и в хлеве, отрешив их от смычков, запирает дверь хлева так, чтобы гончие никак не могли вырваться из хлева.

134. Борзятники посворно вводят борзых собак в приготовленное для них помещение, где, спустив их со своры, некоторое время должны побыть в помещении борзых, пока все собаки не улягутся, и затем, оставив у них дежурного борзятника, идут переодеваться. На время ужина и для переодевания один из борзятников должен сменять дежурного для того, чтобы никогда борзые не оставались без охотника.

135. Если в числе борзых есть такие собаки, которые никогда прежде не запирались на псарном дворе вместе со всеми остальными борзыми собаками, то для таких должен быть приготовлен особый чулан или крепкий хлев, что при найме квартиры обыщик всегда обязан иметь в виду.

ГЛАВА 18

О ПЕРЕХОДЕ ПСОВОЙ ОХОТЫ С ОДНОЙ КВАРТИРЫ НА ДРУГУЮ

136. О переходе с одной квартиры на другую владелец охоты отдает приказание ловчему за сутки ранее дня, назначенного для перехода.

137. По получению приказания, ловчий немедленно должен отправить обыщика верхом или в одноконной полевой тележке в то место, где предположено остановиться с псовой охотой, для приискания квартиры, если она не была заблаговременно нанята.

138. Обыщик обязан подыскать и нанять непременно удобную квартиру в самом ближайшем селении или деревне к назначенной местности для производства охоты и в тот же день, возвратившись обратно, донести о том ловчему.

139. Вечером накануне дня перехода с квартиры, ловчий сообщает о том всем охотникам и обозной прислуге, вследствие чего обыщик prepares счет за квартиру и забранным продуктам, который подает поутру в день перехода ловчему или владельцу охоты, а повар озабочивается для людей до рассвета приготовить завтрак.

140. Затемно, т.е. до рассвета, в день перехода, вся прислуга и охотники обязаны позавтракать и, слегка подкормив борзых и гончих собак, приступить: обозная прислуга — к укладке багажных возов, а охотники — к седланию верховых лошадей.

141. Подкормленные собаки должны находиться в своих помещениях все время, пока не подмажут экипажей и не уложат все возы; для этого занавесы у борзых не снимаются до тех пор, пока весь обоз будет потов к выступлению, т.е. возы — уложены, лошади — запряжены, верховые — оседланы, за квартиру и забор продуктов расчет окончен, и вся обозная прислуга на своих местах, тогда только борзятники входят в помещение для борзых, разбирают своих собак на своры и, взяв своих верховых лошадей, выходят пешком со двора на улицу или на зады крестьянских дворов, смотря по распоряжению ловчего, и выстраиваются в ожидании владельца охоты или ловчего. Выжлятники в это время снимают занавесы у борзых, свертывают их и передают в воз багажному, с которым вместе уложив занавесы, увязывают воз веревками. После этого обоз съезжает со двора на улицу и, получив приказание от владельца охоты или ловчего куда и как ехать, отправляется дорогой на новую квартиру. Ловчий же со своей сворой борзых дожидается, пока доезжащий с подгонщиками сомкнет гончих и с ними последним выходит со двора на сборное место охоты, откуда полями вся охота идет на новое место стоянки.

Примечание. Перед переходом с одной квартиры на другую, необходимо немного подкормить борзых и гончих собак. Подкормленные собаки во время укладки обоза лежат смирно и, притом успевают еще перележаться, вследствие чего вреда от того, что собаки были подкормлены, во время перехода быть собакам не может, а наоборот: собаки в рыску будут гораздо свежее и рыскуе.

142. Переход с одного места стоянки на другое ни в каком случае не должен быть более тридцативерстного расстояния.

143. При большом переходе никогда не следует бросать гончих в уймастые по дороге места, чтобы не запоздать в поле и не потерять собак из стаи. Поэтому во время перехода допускается охотиться только с одними борзыми, в равнинку, заровнявшись полями развернутым фронтом, имея доезжачего с гончими за серединой фронта борзятников, сажень в двухстах позади для того, чтобы случайно закричавшая гончая и возгласы на них выжлятников не побудили бы могущего попасться борзятникам зверя.

Примечание. О перевозке псовой охоты по железным дорогам я считаю необходимым сказать только следующее: псовая охота с обозом и в полном ее составе должна перевозиться в багажных или товарных вагонах. Борзые, в отдельном от гончих вагоне, должны быть постоянно на сворах у борзятников, а гончие — под непосредственным наблюдением выжлятников; вагоны должны быть крытые. Не следует сажать собак по железным дорогам в конуры для собак — это, кроме возможности заразить, собаку только утомит, распростудит ее и нередко может изувечить совсем. В вагонах, где помещаются собаки, непременно должна быть вода в корыте и подстилка из соломы; у лошадей — хребтуги с сеном и торбы с овсом, а также солома на подстилке. Людям, находящимся при лошадях и собаках в вагонах, курить воспрещается. Кормление собак в продолжение пути по железной дороге производится из запасенной по расчету времени, запаренной и взятой с собой в котле овсянки, которую отнимают по количеству собак в корыта и разводят на станциях холодной водой, подбавляя печеного ржаного хлеба в корм. Людям дается сухая закуска в вагоны, им не позволяется уходить от собак и лошадей из вагонов все время пути.

ГЛАВА 19 О ДНЕВКАХ В ОТЪЕЗЖЕМ ПОЛЕ

144. Те дни, в которые псовая охота во время отъезжих полей не выезжает в поле для производства охоты, а остается на квартире, называются дневками.

145. Дневки бывают двух родов: очередные и вызванные обстоятельствами.

146. Очередные дневки необходимо делать в отъезжих полях для отдыха собак через два дня на третий, т.е. после двух дней кряду производства охоты, на третий день собакам следует дать отдохнуть, сделать дневку, дабы не затаскать собак.

147. Дневки, вызванные обстоятельствами, в отъезжем поле бывают или по случаю дурной погоды, когда владелец охоты не желает выезжать в поле в такой день для производства охоты, или по необходимости во время охоты за волками, вследствие того что взводок волков тронут кем-либо с места. По этой последней причине необходимо дневать с псовой охотой до тех пор, пока ловчий не обыщет волков как следует. Непонимающие только охоты за волками могут с гончими и борзыми объезжать все подозрительные места в этой местности, на авось отыскивая волков, и поэтому положительно никогда не могут перетравить взводка волков как следует, получая в результате лишь неудовольствие, непроизводительный расход денег и бесполезно убитое время.

148. Во время дневки для людей готовят обед и ужин, а собак борзых и гончих кормят по два раза в день, т.е. утром и вечером.

149. Если приходится дневать несколько дней кряду, то борзых посворно, а гончих на смычках охотники пешком обязаны среди дня, часа два, поводить по выгону или ближайшему к селу полю.

150. Во время дневок ловчий, взяв с собой несколько охотников, обязан отыскать тронутый с места взводок волков, а остальные охотники приводят в порядок свое платье, сбрую и охотничьи принадлежности.

151. Все охотники, прислуга и вообще люди, входящие в состав псовой охоты, во все время квартирования охоты в селе или деревне, не должны отлучаться куда-либо для развлечения на село, например, на посиделки, в кабаки, трактиры и т.п. Эти прогулки по посиделкам и кабакам, кроме неприятных историй и ссоры с обывателями да неудовольствия и убытка, легко могущего быть от этого владельцу охоты, другого ничего принести не могут. Поэтому в отъезде поле следить за поведением людей, входящих в состав псовой охоты, крайне необходимо, и провинившиеся в самовольных отлучках с квартиры, днем или ночью, должны подвергаться самой строгой и в высшей мере ответственности, без всякого снисхождения со стороны ловчего. Для развлечения во время дневок и в свободное от занятий время людям, входящим в состав псовой охоты, допускается на своей только квартире игра на каких-либо инструментах и пение песен, если только эти развлечения не будут беспокоить владельца охоты и будут им позволены. Вообще во время стоянки с псовой охотой на квартире, все люди, входящие в состав псовой охоты, должны стараться вести себя скромно, трезво и честно, избегая всевозможных споров и ссор с обывателями того места, где квартирует псовая охота.

ГЛАВА 20

О ТЕНЕТАХ, НЕОБХОДИМЫХ ПРИ ПСОВОЙ ОХОТЕ

152. Необходимыми тенетами при псовой охоте могут считаться только тенета волчьи, и эти-то тенета при псовой охоте не оправдывают вполне своего назначения; они берутся в поле при псовой охоте не для того, чтобы непременно ловить волков тенетами, а для того только, чтобы в уймистых местах тенетами можно было преградить путь волкам и заставить их с помощью тенет бежать на борзятников. Поэтому волчьи тенета при охоте за волками берут в поле только тогда, когда встречается в них надобность. В местах же островных — отъемных, при охоте за волками тенет брать в поле, за очень редкими исключениями, никогда не следует.

153. Волчьи тенета вяжутся, как всякие другие сети или филе, только из прочной английской бечевы и величиной с такими ячейками, в которые свободно могла бы пролезть волчья голова. Длина каждого крыла тенет должна быть приблизительно 20 сажень, а ширина — 3 аршина.

154. Т.к. волчьими тенетами при псовой охоте преграждается в уймистых местах путь волкам, то поэтому по большей части приходится разметывать тенета в середине леса, для чего необходимо выбирать для раскидки тенет полянки, дороги, просеки и лесные тропинки.

155. При разметывании тенет наблюдается, чтобы тенета подвешивались во всю их ширину на сучья деревьев или на срубленные нарочно для того кольца не туго, так чтобы нижний край тенет лежал на земле и в длину они не были натянуты, а свободно висели бы на сучьях и подставных кольях, и чтобы тишина при разметывании тенет между тенетчиками была абсолютная.

156. Количество крыльев тенет берут в поле по соображению того расстояния, которое предполагается откинуть тенетами.

157. На каждое крыло тенет полагается два тенетчика, которые формируются ловчим из свободной обозной прислуги, ружейников, если они находятся при псовой охоте, и крестьян-поденщиков, нанятых на этот предмет в месте стоянки псовой охоты.

158. Тенетчики, раскинув тенета и вооружась дубинками (а некоторые железными вилами о двух рожках, если приказано владельцем охоты случайно попавшего в тенета волка принять живым), отходят шагов на 15 от цепи тенет в ту сторону, в которой находятся волки и, заняв каждый напротив своего крыла место, находясь на равном расстоянии друг от друга, поодиночке садятся в куст или прислоняются к дереву и тихо дожидаются волков и как только увидят, что волк их миновал, пробираясь к тенетам, то увидевший это тенетчик обязан выскочить из засады и с криком броситься к волку, который, будучи перепуган криком тенетчика, сейчас же бросится или в тенета, где его принимают тенетчики дубинками или вилами, или, осмотрев тенета, пойдет вдоль их или назад и непременно побежит на кого-либо из борзятников, если еще в острову не попадет в зубы гончим.

159. Когда же наткнется на тенета волк, ведомый гончими, то нередко случается, что в тенета попадают гончие собаки; тенетчики обязаны не допускать гончих до тенет, окричав их, загораживая собой им дорогу к тенетам, а если какая-нибудь, несмотря на это, все-таки попадет в тенета, то тенетчик обязан осторожно ее распутать и прогнать в сторону напуска к остальным гончим собакам. Поваленные тенета необходимо сейчас же поправить, как были.

160. Ружейники занимают места у концов цепи тенет и стрелять должны только тех волков, которые не пошли в поля на борзятников. При этом ружейники должны быть крайне осмотрительны и осторожны, дабы, стреляя в волка, не убить какую-либо гончую собаку или человека.

161. По снятии тенет в любое время, на квартире тенета следует просушивать на том основании, что тенета даже и не в дождливое время становятся сырыми от росы.

162. Тенета вывозятся в поле и обратно на квартиру на телегах, на которые кладут и затравленных волков. Тенетчики сопровождают тенета пешком.

ГЛАВА 21

О СОДЕРЖАНИИ ОХОТНИЧЬИХ ВЕРХОВЫХ И ОБОЗНЫХ ЛОШАДЕЙ ВООБЩЕ

163. Охотничьи верховые лошади во время полевой езды как около дома, так и в отъезде в поле, должны получать одинаковое содержание.

164. Конюхи обязаны каждый день чистить охотничьих лошадей и давать утром и вечером на каждую лошадь не менее как по два, а в отъезде поле — по три гарнца овса и вдоволь сена, при этом следует наблюдать, чтобы сено закладывалось в ясли понемногу, дабы лошади, наевшись, не офыркивали корм, который после этого лошадь есть уже не будет, а будет только стоять над ним или выбросит его мордой под ноги и будет несыта, а сено пропадет даром.

165. Поить лошадей следует утром, перед дачей овса, а вечером — после дачи овса, причем следует наблюдать, чтобы не напоить лошадь потную или разгоряченную и от этого не обезножить лошадь. Поэтому возвратившихся с охоты лошадей и сильно разгоряченных следует выпаивать следующим порядком: через два часа по возвращении с охоты следует дать лошади воды не более десяти глотков, после чего дать порцию овса и затем, еще через час, дать воды по одному ведру, более до утра воды лошадям давать не следует. Утром же поить лошадей досыта. Но т.к. на отъезде поле вообще следовать за точным исполнением конюхами вышеизложенного правила не всегда удобно, псовые охотники, при возвращении с поля домой или на квартиру, должны, не доезжая версты три до дома, непременно пользоваться случившейся чистой речной или другой водой, чтобы попоить своих лошадей досыта, что во время езды неопасно, т.к. опоить лошадь во время езды никогда нельзя, лишь бы лошадь после водопоя не стояла, а была в движении. Только после сильной скачки не следует сейчас же поить лошадь, пока она не остынет или не успокоится, т.е. не перестанет «носить боками».

166. Охотничьи верховые лошади с августа, а обозные — за неделю до отъезда, берутся на конюшню, где получают вышеуказанное содержание. Обозные лошади по возвращении из отъездного поля, а верховые — по окончании порошной езды, спускаются из ворок и получают уже зимой ворковое содержание: едят яровую солому, сено и всякую хлебную мелочь, т.е. колос, мякину и т.п., при этом овса давать лошадям не следует; весной же и летом лошади пасутся на подножном корме в табуне. Обозные лошади по большей части исполняют в свободное от отъездных полей время по имению владельца другие хозяйственные работы. Верховых же лошадей употреблять на другие работы никогда не следует, т.к. им и в свободное от охоты время всегда есть работа: верхом на них охотники постоянно в очередные дни, шагом, водят собак в проводку, кроме того, верховые лошади, если будут употребляться в упряжь, становятся впоследствии неверны ногами.

ГЛАВА 22 ОХОТНИЧЬЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

167. Выражения, употребляемые для различия псовых охотников по страсти к псовой охоте.

Настоящий охотник — тот, который имеет правильно организованную охоту, причем, будучи в то же время собаководом, неутомимо заботится об усовершенствовании всего состава псовой охоты, страстно любит чистокровных борзых и гончих собак, умеет разобрать, поддержать и усовершенствовать их породу, для чего со строгой аккуратностью ведет родословные книги своих собак: он охотится с собаками только в осеннее и подходящее порошное время, в неподходящее для охоты время он со своими собаками в поле не пойдет, точно так же, как и не станет травить своими собаками зайцев в пенях по порубу и в лесу на полянах, где

легко можно убить собаку. Настоящий охотник не терпит в своем собаководстве выборзков и вообще собак мешаных, нечистокровных, он строго придерживается того правила, что от мешаных собак, как бы они ни были досужи в поле, ничего путного вывести никогда нельзя, и поэтому всегда очень скуп на кровных борзых и гончих собак. Он знает все правила езды с собаками, правила ухода за ними и охотничьими лошадьми и поэтому псовая охота вообще у настоящего охотника постоянно в безукоризненном порядке.

Дельный охотник — почти все то же самое, что и настоящий охотник. Он также знает все правила псовой охоты, и разнится с настоящим охотником только тем, что не имеет у себя самостоятельной псовой охоты по независимым от него обстоятельствам, а ограничивается несколькими борзыми и иногда держит несколько смычков гончих собак, породу которых также дорожит и ведет ее правильно. Собаки у дельного охотника всегда бывают в примерном порядке.

Полевой охотник — тот, который процесс травли зверей предпочитает всему остальному в псовой охоте, поэтому полевой охотник часто не обращает внимания на породы собак в своей охоте, для него вполне достаточно, чтобы борзые ловили, а гончие — гнали, даже если это выборзки от дворовых собак. Полевой охотник хорошо знает правила езды с собаками, но всегда как-то мало обращает внимание на собак и вообще на псовую охоту, вследствие чего у полевого охотника псовая охота редко бывает в порядке.

Приватные охотники — те, которые вообще любят только развлечения и удовольствия и поэтому лишь не отказываются никогда от участия в псовой охоте. Для этого держат иногда у себя собак самых разнопородных, которых перед каждой осенью имеют обыкновение выпрашивать у охотников настоящих, или «по дружбе», или скупать у крестьян-охотников рубля по три за собаку, не дороже, и по приобретении восхвалять их до необыкновенных совершенств. В присутствии непсовых охотников, они нянчатся с этими сбродными собаками, как молодые родители со своими первенцами-детьми, причем всегда успевают рассказать об их знаменитой породе и полевых качествах; в обществе же дам приватные охотники чуть не целуют своих собак, стараясь выказать себя страстными и дельными охотниками, на самом же деле они любят веселую компанию, общество, выпивку с хорошей закуской, а совсем не собак, о которых по окончании охоты они забывают бесследно. Клички своим собакам приватные охотники дают всегда самые оригинальные, вроде тех, которые мне приходилось встречать у них, например борзых — Брошка, Матренка, Кувшин, Бисмарк, Анка, Смертонос и т.п., а у гончих — Свистюлька, Тюльпан, Бочка, Патти и даже Соколов (в честь известного певца) и т.п. Приватного охотника всегда можно встретить во время производства охоты у экипажа с дамами, громко рассказывающим анекдоты, смеющимся во все горло и тем потешающим дамское общество, или у экипажа с выпивкой и закусками. Костюмы на приватных охотниках иногда очень дорогие и всегда самого фантастического фасона, на охоту они всегда выезжают вооруженными с ног до головы, на них нередко можно встретить дорогой турецкий ятаган или черкесский кинжал громадных размеров, заткнутый наискось впереди за пояс, они непременно успеют им похвалиться относительно доброкачественного

клинки, без ущерба разрубаящего медные монеты и гвозди, что доказать всегда готовы на деле; при охоте же на волков у частного охотника нередко можно встретить в кобуре револьвер или на боку саблю, взятую им на случай приемки матерых волков и т.п. Вообще частные охотники — люди, по большей части, хорошие и приятные в обществе, но на охоте положительно нетерпимые настоящими и дельными псовыми охотниками. Никто так быстро не смечет собак на скотину, никто так быстро не поссорится с кем-либо из крестьян, случившихся в поле, как частные охотники, воображающие себя в фантастических костюмах какими-то рыцарями, для которых и ветряная мельница кажется непримиримым врагом.

168. Выражения, употребляемые при определении псовых охотников по искусству езды с собаками, сноровке и неблагоприятным поступкам в поле.

Мастер — тот охотник, который знает хорошо все правила псовой охоты, а правила езды с борзыми или гончими собаками изучены им до тонкостей; он любит своих собак и лошадь, бережет их и поэтому никогда не затаскает и не измучит, несмотря на то, что травит зверей всегда более других и даже тогда, когда его собаки будут и не из лучших по резвости, у него собаки, лошадь и сбруя всегда в порядке. В поле он хладнокровен, сметлив, ловок, не лгун и всегда справедлив; его охотничье самолюбие никогда не позволит ему зажилить у кого бы ни было зверя и сказать неправду о чьей бы то ни было собаке, поэтому он никогда не присвоит себе пойманного чужими собаками зверя и всегда возвратит его хозяину, считая такой поступок полным бесчестьем для истинного охотника. При занятии мест он никогда не жадничает, не скачет без толку и как будто не торопится, а всегда успевает занять лучший лаз и вовремя куда нужно поспеть.

Ездок — тот охотник, который умеет хорошо занять лаз, съехать по следу и затравить зверя, умеет съездить стаю гончих, вовремя сбить, остановить или повернуть стаю, но зато в доме как-то забывает о собаках и вообще мало заботится о них. Главный интерес — травля, а своих собак и лошадь он ставит на второй план, поэтому у него лошади и собаки редко бывают в порядке.

Бестолковые охотники — это те, которые жадничают затравить зверя и поэтому во время производства охоты никогда не могут постоять на месте, они всегда в поле разъезжают от одного охотника к другому, для них не существует никаких правил езды, они знают только одно правило: если побежал зверь, то его надо травить. И поэтому, кто бы ни стал травить из охотников, они, не жалея лошади и собак, непременно поспеют к нему. Нередко случалось и так, что травивший борзятник затравил уже зверя и принимает его от собак, а бестолковый охотник не только не остановится скакать к нему, но даже и не убавит аллюра, только ради того, чтобы узнать и посмотреть, что затравил борзятник, поэтому они никогда сами ничего не могут затравить, если только их собаки не поймут из-под угонок собак другого охотника, но и это удается очень редко по той причине, что замученные лошадь и собаки скоро совсем устают скакать, а последние даже не бросаются к зверю. Бестолковыми охотниками бывают выжлятники, которые носятся по острову сломя голову, а толку и порядка от этого никакого нет.

Сонные охотники — это, в противоположность предыдущим, такие охотники, которых если поставили на лазу, или сами они заняли место под островом, то хотя бы ничего на них не бежало, они готовы будут стоять на этом месте чуть не целый день так, что приходится почти каждый раз посылать за ними. У сонных выжлятников гончие всегда прорываются из острова и по пословице: «Каков поп — таков и приход» никогда хорошо не гоняют. Сонные же борзятники всегда просматривают зверя.

Шкурятники — это такие борзятники, которые стараются доказать искусство езды с борзыми только количеством шкур с затравленных ими зверей, и потому они, не жалея себя, своих собак и лошади, забираются и в лес на поляны, и в пеньки по порубу, и опушничают с целью второчить на седло лишнего зайца, не говоря уже о красном звере, ради которого они готовы изувечить не только собак и лошадь, но нередко и самих себя.

Жилы — это самые неприятные шкурятники, которые постоянно спорят из-за затравленного зверя, заводят ссоры и нередко со скандалом, отбивают у другого борзятника пойманного не их собаками, а следовательно, чужого зверя, уверяя при этом непозволительными способами, что они сами видели, как поймала их собака, т.е. им принадлежащая, или изобретают собственные свои, несуществующие правила охоты, с помощью которых успевают иногда также в приобретении чужой собственности. Такой сорт борзятников только посрамляет доброе имя истинных псовых охотников, а потому в отличие от истинного охотника, который должен быть всегда справедлив и честен, дано такому борзятнику название «жила».

169. Выражения, употребляемые охотниками при определении полевых качеств и недостатков борзой собаки.

Лихая — такая борзая собака, от которой не уходит никакой русак и ни в какое время. Этим словом определяется необыкновенная резвость борзой собаки, поэтому от лихой борзой ухода русаку (за исключением волка и лисицы, которых по своей незлобивости она может и не брать) не должно быть, несмотря на то, в какое бы подходящее для травли время она его ни ловила. У лихой борзой, по выражению охотников, «зверь не бежит» (т.к. не берущих лисицу борзых встретить можно как исключение, как редкость), а от спущенных тут же других борзых она отделяется «как от стоячих». Лес, назема или сурчина только могут быть уважительными причинами ухода зверя от лихой борзой, но и то не всегда, т.к. лихая борзая, совмещая в себе страшную резвость и поимистость, ловит русака и лисицу почти без угонок. Страшная резвость лихой борзой, для которой не существует меры, должна быть вне всякого сравнения. Лихая борзая — выродок, поэтому может выродиться случайно из каждой породы борзых, но до сего времени лихие борзые получались преимущественно из пород кровных чистопсовых или кровных горских собак, а также и от соединения вышеуказанных пород между собой, но в этом случае лихие — мешаные, т.е. дети, полученные от соединения кровной чистопсовой и кровной горской, утрачивали навсегда признаки породы и способность передать в потомство, хотя бы приблизительно, резвость и остальные полевые качества своих родоначальников, а наоборот, с каждым новым поколением получались от мешаных экземпляров собаки все более

утрачивающие полевые достоинства. Поэтому от собак мешаных, хотя и вполне лихих, ничего путного вывести нельзя.

Тупица — которая ни одного зверя и ни на каком расстоянии никогда не догоняет, несмотря на все ее желание. Тупица может приспеть к зверю и зайцу на самое близкое расстояние, когда кажется, что вот-вот догонит, но это ошибочное предположение охотника, тупица никогда зверя не догонит, т.е. не даст угонки русаку и лисице, она повиснет на русаке и в этом положении проводит его с глаз, не прибавив ни на йоту резвости. Тупица также выродок из борзых в противоположность лихой, и потому хотя и получают тупицы иногда от очень резвых отца и матери, но дельные охотники никогда их у себя в охоте не держат.

Резвая — от которой без угонок не должен уйти ни один русак, даже и по топкому грунту. Резвая борзая может не поймать русака, но догнать его, как бы далеко он ни вскочил, она должна непременно. Резвые борзые есть и должны быть у каждого настоящего и дельного псового охотника. Но т.к. резвые борзые могут быть во всякой породе борзых, то при определении степени резвости борзой собаки следует всегда соотноситься с ее породой и никогда нельзя делать сравнения резвости, например, псовой борзой с крымской, а всегда следует сравнивать резвость собак однопородных. Только этим путем определения резвости борзых, при ведении их породы, можно достигнуть от умелого подбора производителей блестящих результатов в потомстве.

Сильная — та борзая, которая, отличаясь особенной выносливостью в скачке, может хорошо ловить русаков в полях на большом пространстве и на очень далеком расстоянии. От сильной собаки в чистом поле не должен уйти никакой русак, несмотря на то, как далеко он от нее ни вскочил и по какому бы грунту ни побежал. На коротком расстоянии сильная собака может и не догнать зверя.

Прутка — та борзая, которая может страшно резво скакать только на коротком расстоянии, а вдаль — слабеет, поэтому если пруткая борзая после трех-четырёх угонок не захватит русака и не зацепит его грудью, то русак от нее может всегда уйти, но никогда не уйдет без угонок. Из-под угонов пруткой собаки, охотники говорят, зверь шалает, и были случаи, что действительно обеспамятевший от угонки пруткой борзой заяц, как шальной, не имея времени даже рассмотреть своего пути, нередко наповал убивался о случившуюся на пути между, дерево и даже об твердый грунт земли.

Зоркая — которая не проморгает в поле ни одного зверя и всегда увидит его скорее даже самого борзятника.

Азартная — которая с самоотвержением бросается к зверю, не разбирая ни кустов, ни обрывистых оврагов, ни пеньков, ни чащи леса. Азартную собаку всегда следует беречь во время производства охоты и не спускать без надобности со своры, дабы она не убила; в местах же, неудобных для травли, как, например, в пеньках по порубу, в лесу на полянках, у обрывистых оврагов и т.п. азартной борзой не следует показывать зверя,

потому что из десяти случаев только один раз азартная собака может уцелеть и вырыскать к борзятнику невредимой.

Поимистая — та борзая, которая необыкновенно ловко всегда ловит зайцев. Для такой собаки не нужно даже большой резвости, ей стоит только приспеть к угонкам других собак, и заяц непременно будет у нее в зубах.

Непоимистая — может быть даже очень резвая борзая, такая собака, как говорится, избьет русака на угонках*), ключьями шерсть будет лететь с него, а как следует она его не захватит, и потому русак от нее всегда уйти может. Непоимистыми борзыми, по большей части, бывают собаки рослые, высокопередые, короткошеи, подузоватые.

Ловец — такая борзая, которая ловит почти каждого зайца без угонок и редко-редко даст две угонки, но с третьей потащит зайца непременно. Ловцом может быть только очень резвая борзая.

Одиночная к русаку — такая борзая, которая может в одиночку ловить каждого мерного русака (т.е. вскочившего от нее в меру**) и без помощи других собак. Но несмотря на это, одиночные к русаку борзые могут быть собаками и не особенной резвости, которых нередко на известной дистанции могут оскакать другие, более резвые, хотя и не одиночные к русаку, борзые. Одиночные к русаку собаки встречаются большей частью из собак мешаной породы — это усилки, которые не имеют большой силы и большой пружинистости, а обладают настолько средней резвостью, поимчивостью и выносливостью, что уйти русаку от такой собаки удастся очень редко. А поэтому владельцы таких собак иногда совершенно непритворно и чистосердечно удивляются сами мнимой перемене скачки своих собак в обществе других борзых, видя, что их собака не догоняют зверя (т.к. чужие собаки успевают догнать его раньше ее) и нередко ошибочно находят тому причины в том, что будто бы в других собаках их собака скакать робеет.

*) Угонкой называется тот момент при ловле собаками зайца или лисицы, когда собака, догнав зайца или лисицу, хочет схватить зверя, но он в этот момент увертывается от собаки в сторону, и вследствие этого собака пронесется в прежнем направлении мимо него, т.е. делает промах (обмахивается, охватила — промахнулась). Вот этот момент, когда заяц или лисица делает вынужденный поворот в сторону с прежнего направления своего пути от приспевшей к нему собаки (т.е. догнавшей его) собаки, но обмахнувшейся и не зацепившей зверя, а как бы пронесшейся (по инерции) вперед, и называется псовыми охотниками «угонкой». Угонки подразделяются по своему качеству на крутые угонки и повивки, т.е. слабые угонки. Крутыми угонками называются такие угонки, когда борзая так «угонит» зайца или лисицу, что зверь вынужден бывает в этот момент, желая увернуться от борзой, круто повернуть в сторону или назад (в последнем случае охотники говорят: «обратила» или «бросила назад ушами», т.е. собака — зайца, а иногда даже от сильной угонки заяц, не успев увернуться в сторону, взвивается в вершки, т.е. делает громадный или очень высокий прыжок вверх, в момент чего иногда борзая ловит его на лету или пронесется под ним вперед (по инерции), а заяц в это время, опускаясь на землю, изменяет прежнее свое направление и убегает в другую сторону, чем много выигрывает у пронесшейся собаки. Повивками же называются такие слабые со стороны собаки угонки, когда заяц или лисица от догоняющей собаки не круто поворачивает с избранного пути в сторону, а как бы едва уклоняясь от собаки — «вихляет», т.е. делает слабые повороты, увертки, вследствие чего псовые охотники и говорят: не угнала борзая, а только повихнула, т.е. сделала повивку. Волков же борзые никогда не угоняют (т.е. не делают волкам угонок) по той причине, что волки никогда от собак не увертываются, а поэтому говорят: догоняют волка (борзые или гончие собаки), а не угоняют. Во многих случаях слово «догоняют» заменяется словом «спеют», так например, спеть к волку, лисице, зайцу означает, догнать волка, лисицу, зайца.

**) «Мера» см. II часть «Руководства»

Злобная — такая борзая, которая злобная к волку, а не к каким-либо домашним животным, и при этом хорошо берет волка.

Мертвой злобы — та собака, которая как бы замирает на хватке — так, что оторвать такую собаку от волка можно только тогда, когда разведут ей челюсти и силой оттянут от зверя.

Обапальная — такая злобная борзая, которая без разбора, во что ни попадя, влипает в волка и, не соображая опасности, держит волка без отрыва нередко на весьма невыгодной для себя хватке, вследствие чего обапальная борзая почти никогда не обходится без «хваток», полученных ею со стороны волка.

Приемистая — такая злобная борзая, которая без разбора никогда не примет волка, а выберет всегда момент, в который ловко, безопасно для себя и без отрыва возьмет его в ухо или в горло так, что волк уже ничего не в состоянии ей сделать. Были случаи, когда приемистая борзая, приспев к волку, некоторое время не трогает его, а только с ним равняется сбоку и затем, уловив выгодный для себя момент, так треснет его в ухо сбоку, что волк вдруг, неожиданно для себя, делается весь во власти приемистой собаки, которая, взяв его в ухо или в горло, не спустит уже до прибытия борзятника и, за очень редкими исключениями, приемистая борзая держит волка всегда безопасно для себя. Только матерый волк может стряхнуть с себя приемистую борзую, но и тому редко удается при этом ее поранить. Некоторые приемистые борзые, приспев к волку, дают ему такой ровок в гачу, что он летит через голову и тогда, пользуясь моментом, приемистая борзая берет его в горло и, как железными вилами, прижав к земле, держит его на месте, если же почему-либо для приемистой борзой неудобно взять волка «по месту», т.е. в горло или в ухо с одной стороны, то были и такие случаи, что собака, перепрыгнув через волка на другую сторону, принимала его в ухо или в горло с другой стороны и также порешила с волком Приемистая собака для волка — погибель. Нет в своре приемистой борзой — и от очень злобных собак волк может уйти, а приспела приемистая борзая, и волк покончен почти без борьбы и сопротивления.

Одиночная-волкодав — такая борзая, которая может брать всякого волка в одиночку, без помощи других собак. Одиночная борзая должна совмещать в себе мертвую злобу, приемистость и страшную мощь, но не смотря на это, к матерому волку никогда не следует подпускать в поле одну такую собаку, а всегда надо дать ей помощника, не потому чтобы одиночная собака не могла взять в одиночку волка, а ради того, чтобы сохранить такую собаку на будущее, т.к. беречь и дорожить такой собакой заставляет само благоразумие и истинно страстный охотник никогда не решится рисковать такой собакой ради пустого бахвальства или тщеславия, только крайняя необходимость, случайность может заставить спешащего на помощь охотника, с замиранием сердца, видеть свою неоцененную собаку в страшной и весьма опасной борьбе, один на один с матерым волком. Такая собака может привести в восторг даже и не охотника. Я был свидетелем неудержимых слез радости простого крестьянина, ямщика с его пассажиром, бросившего без внимания среди дороги тройку лошадей и экипаж со всем, что в нем находилось, только

для того, чтобы полюбоваться увлекательной картиной приемки матерого волка из-под одного волкодава, и бесчисленные похвалы и поцелуи собак от людей совершенно посторонних, проезжающих и даже совсем, быть может, не охотников, были справедливой оценкой замечательного по красоте и досугу одиночного волкодава.

Незлюбная — такая борзая, которая вовсе не берет волка. Незлюбная собака, если и бросится к волку и догонит, то непременно «взмост» мимо него; некоторые из незлюбных по породе собак, догнав волка, решаются даже его подщипывать за «полено» или «в гачи», быстро «взмывая» мимо, но как только другие собаки приспели к волку и приняли его, то незлюбная сразу отойдет в сторону, поджав хвост, и будет лаять или выть у лошади борзятника. При этом не могу не заметить, что эти же незлюбные к зверю собаки бывают очень злобны к дворным собакам и домашней скотине, а потому заключение некоторых молодых охотников о том, что если борзая хорошо берет дворных собак, то непременно будет хорошо брать и волка, совершенно ошибочно.

170. Выражения, определяющие окрас псовины у борзых, всех пород собак.

Белый — когда вся собака белая, без отметин, и даже тогда, когда на ушах собаки бывают едва заметные одно или два бледно-половых пятнышка. Белые без отметин борзые собаки встречаются чрезвычайно редко, но если и бывают без отметин положительно белые борзые, то оказываются непременно глухими, что, впрочем, не мешает им быть годными для охоты. Эта странность неоднократно мной замечена только в борзых собаках, хотя объяснить причины глухоты безусловно белых борзых я не берусь, предоставляя решить этот вопрос ветеринарам и медикам. Если же на ушах белой борзой собаки будут другого, более темного окраса отметины, то тогда по окрасу отметин на ушах борзая собака называется белая половоухая, белая сероухая, белая мургоухая, белая черноухая и т.д.

Половой — когда окрас псовины походит на желтый цвет, и также, согласно распределению теней желтого цвета, подразделяется половой окрас на бледно-половой, половой и красно-половой.

Грязно-половой — когда псовина половой борзой подернута как будто пылью, и поэтому кажется грязноватой, отчего и получилось название такого окраса — грязно-половой.

Примечание. Некоторые охотники грязно-половой окрас переименовали в бурматный, но слово «бурматный» никогда не существовало на языке и в записках старинных псовых охотников, и только в «Записках г. Мачеварианова» назван грязно-половой окрас назван бурматным, судя по его определению окраса, т.к. о грязно-половом окрасе в «Записках г. Мачеварианова» нигде не упоминается. Ввиду того обстоятельства, что мне неоднократно показывали борзых мургопегих за бурманпегих, я предполагаю, что слово «бурматный» произведено от неправильного слова «бурманпегий», переименованного простолюдными-охотниками из слова «мургопегий», а т.к. окрас бурматный не представляет собой окраса мурагого и не может

вытеснить точного определения окраса мурагого, то г. Мачеварианов, по всей вероятности, и заменил этим словом термин окраса грязно-половой.

Грязно-половой с мазуриной — когда у грязно-половой борзой щипец оконечности ушей и иногда оконечности ног бывают черными. Просто грязно-половые борзые без мазурины встречается очень редко.

Красный — когда окрас псовины походит на светло-гнедую или красно-рыжую масть лошади.

Красный с мазуриной — когда у красной борзой щипец, оконечности ушей и иногда оконечности ног бывают черными.

Муругий — когда по красному или красно-половому окрасу пробивает черная ось и к оконечностям иногда переходит в черный цвет.

Чубарый — когда по красному или половому окрасу идут полосами темные пятна, как на тигре, или как жилы на мраморе.

Серый — когда окрас псовины походит на цвет спины русака и, несмотря на все разновидности серого цвета, окрас таких борзых вообще называется серым.

Голубой — когда окрас псовины походит на цвет мышинной шерсти или на цвет золы.

Черный — когда окрас псовины походит на вороную масть лошади.

Полово-пегий — когда по белому окрасу половые отметины.

Полово-пегий с мазуриной — когда по белому окрасу бывают грязно-половые отметины.

Красно-пегий — когда по белому окрасу — красные отметины.

Красно-пегий с мазуриной — когда у красно-пегой борзой щипец и оконечности ушей, а иногда и ног, черные.

Мурго-пегий — по белому окрасу — муругие отметины.

Чубаро-пегий — по белому — чубарые отметины.

Серо-пегий — по белому — серые отметины.

Голубо-пегий — по белому — голубые отметины.

Черно-пегий — по белому — черные отметины.

С загривинной — когда вокруг шеи борзой есть белая отметина. С загривинной могут быть борзые всех окрасов, за исключением только белых и пегих.

Белогористая — такая борзая, у которой грудь и нижняя часть шеи покрыта белой псовиной. Белогористыми могут быть борзые всех окрасов, за

исключением белых и пегих. Термин «белогористая» образовался, вероятно, от слова «белогорлая» или «белогорлистая».

В подпалинах — когда у борзой черной, голубой, серой, черно-пегой, голубо-пегой и серо-пегой на щипце, щеках, иногда над глазами и на оконечностях ног бывает половая или красная псовина.

Серо-подпалая — когда у черной, черно-пегой и вообще темного окраса борзой на щеках и щипце серая псовина.

Примечание. Не следует смешивать с серо-подпалыми (получившими этот окрас от рождения) очень осенистых, т.е. старых борзых, у которых иногда показывается на щипце седина от старости.

171. Выражения, употребляемые охотниками при определении полевых качеств и недостатков гончих собак.

Мастер — такая гончая, которая не пройдет никогда зверя, а всегда, далеко его зачуяв, прямо помкнет по нем и будет водить его, не скальваясь. Мастер-гончая должна совмещать в себе все полевые качества гончей собаки, т.е. должна быть чутыста, верна, привязчива к зверю, неутомима, парата и злобна. Мастер-гончая всегда является вожаком всей стаи, которому верят все гончие стаи. У мастера-гончей упалого и удалелого зверя никогда не может быть, если мастер-гончая отзовется в острову, то это наверняка означает, что зверь есть, а если помкнет по зверю, т.е. поведет, то тогда смело можно поздравить владельца охоты «с полем», т.к. зверь тот наверняка будет или в тороках у борзятника, или в зубах у таких же ног гончих. Если мастер-гончая не полезет в остров, а обнесет его опушкой, то это означает, что в острову зверя нет. Были случаи, что в то время, когда ловчий с доезжачим, при охоте за волками, окинутся гончими, то мастера-гончие — зверогоны, не обращая внимания на выжлятников, с напуска забирали в противоположную сторону и нередко, перебравшись вплавь через реку, отыскивали волков совсем на другой стороне, и в это время мастера-гончую ни уехать, ни поворотить положительно невозможно, он становится непослушен и зол за людскую оплошность.

Добывчивая — такая гончая, которая может скоро «добыть» зверя, т.е. найти его и «сбудить», т.е. спугнуть с логова, но во время гоньбы по зверю часто «скальвается», т.е. сбивается со следа его и в это время, пока она будет «обымать ползами», т.е. давать круги, отыскивая затерянный след, «смалкивает», т.е. перестает гнать, отдавать голос. Добывчивую гончую некоторые охотники называют также мастером к натечке.

Мороватая — такая гончая, которая мешкотно или длительно, медленно отыскивает зверя, словом, вообще копотливая.

Гонец — такая гончая, которая моровата в натечке, но если уж помкнет зверя, то водит и справляет его хорошо, т.е. верно, не скальваясь.

Отдирчивая — которая «в отбой гоняет», т.е. постоянно старается гонять зверя в одиночку, одна, и как только к ней «подвалится» стая гончих, то она

сейчас же бросает гнать этого зверя и отправляется вновь отыскивать себе другого.

Заемистая — такая гончая, которая «с напуска» далеко оставляет всех гончих и доезжачего и, «обывая полазом» остров, старается захватить зверя в самой отдаленной местности от «напуска». Заемистые гончие преимущественно бывают из зверогонов и очень ценятся охотниками на волков. Для побудившегося зверя заемистая гончая — самая опасная, т.к. от такой гончей зверь никогда не слезет безнаказанно, она всегда скорее всех его «добудет», т.е. отыщет.

Перека — такая гончая, которая во время гоньбы по зверю не участвует в гоньбе стаи, а старается «умычкой», т.е. молча «сперечить» или «повстречать» зверя, чтобы поймать его, а потому переки с этой целью носятся по острову и тем только сбивают остальных гончих. Вследствие чего таких перека-гончих не терпят ни в одной порядочной стае.

Отбивчивая — такая гончая, которая постоянно отбивает из стаи гончих, т.е. как бы пропадает в острову. При выходе из острова на рог не вываливается, и каждый раз приходится выжлятникам отыскивать ее по острову. Отбивчивыми гончими бывают по большей части любители мышей, к числу которых нередко принадлежат очень хорошие гончие зверогоны и вот в тех местах, где зверя нет, они и забавляются мышами, но есть и такие гончие, которые мышей предпочитают всякому зверю, и таких уж ни в одной стае не держат, т.к. кроме того, что такие гончие во время напуска не исполняют своих обязанностей, занимаясь разрытием мышиных нор и отысканием других земляных зверьков, за что, конечно, им достается порядком от выжлятников; изошряются до такой степени в деле отбивания из стаи, что найти их в острову составляет немалый труд для выжлятников. Отбивчивая гончая, как только услышат рог доезжачего, т.е. позыв гончим, означающий сбор гончих из острова, сию же минуту заляжет где-либо под кустом и пролежит, притаившись под ним до тех пор, пока охотники перейдут из этого острова в другой, тогда она, осмотревшись кругом, не видит ли ее выжлятники, преспокойно отправляется опять на свое дело и, наевшись досыта мышей, прямо с поля уходит домой или на квартиру.

Полазистая — такая гончая, которая с напуска и до конца поля идет по острову на скачках, весело, обнюхивая каждое подозрительное место, где только можно ожидать добыть зверя.

Стомчивая — которая скоро слабеет, устает и потому в острове лезет как невольница — нехотя, а под конец поля от доезжачего уже не отходит.

Стайная — которая хорошо и привязчиво водит в стае, она как только услышит голос гончих, сейчас же бросает все то, чем бы ни занималась и «со всех ног» несется к стае, пристав к которой, прихватывает на чутье след зверя и, вместе со стаей, водит зверя до конца.

Позывистая — которая немедленно вываливается к доезжачему на рог, т.е. на роговой позыв гончим, и вообще послушна выжлятникам.

Неслух — которая непослушна выжлятникам а рогу.

Враль — которая отзывается в острову не по следу зверя, в зря: нередко по собачьему следу и по следу выжлятников; также вралем называют такую гончую, которая кричит в «жирах», т.е. в том месте, где заяц «жировал», т.е. играл, но не лег, или водит зверя «в пяду», т.е. ведет зверя по следу в голос не по тому направлению, куда зверь бежал, а наоборот, ведет туда, откуда он бежал, т.е. назад.

Умычкой водит — говорят о такой гончей, которая справляет, т.е. водит зверя не отдавая на его следу голоса, т.е. по следу ведет молча. Такую гончую нередко называют «немой».

Орет с напуска — говорят о таких гончих, которые лезут в остров с напуска в голоса. Это бывает с гончими от плохой их приездки доезжачим и составляет великий недостаток в гончих, т.к. с такими гончими охотиться по волкам невозможно. Кроме того, такие гончие нередко под островом кричат на смычках и почти всегда уходят в остров со смычками, а оттого никогда не может быть правильной охоты, а выходит только кутерьма. В этом недостатке гончих виноват доезжачий.

Зайчатники — такие гончие, которые ни по чем, кроме зайца, не гоняют, т.е. ни по лисице, ни по волку.

Красногоны — которые гоняют по лисице и зайцу, но по волкам не гонят.

Зверогоны — которые предпочитают всему волка, хотя и гонят по всякому зверю, например, в местах, где есть волки и лисицы, настоящий зверогон всегда прежде найдет и будет водить по волкам, и когда уже в острову не останется ни одного волка, тогда только начнет гонять по лисицам. По зайцу же настоящие зверогоны, за редкими исключениями, никогда не водят и, только случайно наткнувшись на зайца, разве отзовутся несколько раз «по-зрячему» и тотчас же смолкнут. И это позволяют себе только молодые гончие, а старые опытные зверогоны по зайцу и голоса не отдадут. Такая особенность характера объясняется, кроме врожденной их склонности к гоньбе по зверю еще приездкой гончих в охотах, занимающихся специально только травлей волков, т.к. в таких охотах положительно не допускается гоньба по зайцу. При этом считаю не лишним заметить, что т.к. приездка гончих в известной доле влияет на их характер, то казалось бы возможным предположение, что всякую гончую приездкой, т.е. нагонкой, можно заставить не гонять по зайцу, а гнать по зверю, и наоборот, но такое предположение будет вполне ошибочно на том основании, что заядлую зайчатницу никакой приездкой нельзя остановить, чтобы она не гоняла по зайцу, точно так же, как беспородную и незлобную гончую никакой нагонкой нельзя заставить гнать по волку. Вот по этой-то причине настоящие охотники чрезвычайно дорожат известной уже породой гончих собак.

Верхочут — такая гончая, которая водит зверя на «верхнее чутье», не наклоняя головы и не припадая чутьем к следу зверя. Такая гончая очень ценится охотниками и бывает очень скоро к натечке и верна в гоньбе по зверю.

С низким поиском — такая гончая, которая отыскивает зверя и справляет его, наклоняя голову книзу и припадая чутьем к следу зверя. Бывают также хорошими гонцами и мастерами.

Паратая — которая при присущей ей резвости может водить, как говорится, «одними ногами» весь день, т.е. как с напуска, так и к концу поля, не слабея. Паратую гончую трудно уехать на лошади, для того нужна лошадь очень резвая и сильная.

Примечание. Есть сорт гончих очень резвых с напуска (и потому ошибочно называемых паратыми), но затем они скоро ослабевают и к вечеру не только не ведут по зверю, но даже и в остров не лезут, едва поспевая шагом за доезжачим. Таких гончих охотники называют «слабцами», и это самый плохой сорт гончих, с такими гончими охотиться положительно нельзя. Такой недостаток у гончих бывает наследственный в некоторых породах гончих и приобретается в породе близким кровосмешением.

Средней ноги — такие гончие, которые не особенно резвы, но и не «пеши», притом не «стомчивы» и водят зверя «во все ноги». Таких гончих некоторые охотники называют «погастыми». Из гончих средней ноги чаще всего бывают мастера-гонцы, но которые никогда и ни в каком случае не могут сравниться с мастерами-гонцами из паратых гончих.

Пешие — такие гончие, которые водят зверя «шагом», т.е. очень тихо. От пеших гончих зверь никогда не бежит, а беспрестанно останавливается, прислушивается к гону гончих и потихоньку, не спеша, удаляется от гоньбы в противоположную сторону. У пеших гончих всякий зверь держится «на кругах» и из большого острова из-под таких гончих в поля зверя не дождешься, а потому пешие гончие для псовой охоты совсем непригодны и могут только составлять достояние ружейных охотников. Пешие гончие преимущественно встречаются из пород французских и польских гончих. Под старость же пешими становятся гончие всех пород, словом, собаки очень осенистые.

Редкосколая — такая гончая, которая когда ведет зверя, то отзывается очень редко, отдает голос через несколько шагов, а не учащенно, как водят «яркоголосые» гончие. Чтобы вернее определить голос редкосколой гончей, я представлю следующий пример: предположим, что голос редкосколой гончей мы положили на ноты и деление нот обозначили в четыре четверти, тогда голос редкосколой, выражаемый, положим словом «ах» будет слышаться только на первой четверти каждого такта. Редкосколые гончие встречаются преимущественно из русских прямогонных и английских гончих.

Яркоголосая — представляет противоположность редкосколой гончей. Она ведет «ярко», учащенно, т.е. пользуясь предыдущим примером, можно выразиться так: голос яркоголосой гончей во время гоньбы выражаемый также словом «ах» при делении нот в четыре четверти выражается восьмью нотами и слышится восемь раз в течение одного такта. Яркоголосые гончие никогда не обладают «крупными» голосами.

Тонкий голос — у гончей походит чрезвычайно на звучные, высокие, тенорные ноты.

Ровный голос — у гончей подходит к средним звукам между контральто и басом.

Крупный голос — у гончей совершенно подходит к басовым звукам, и если встречается гончая с голосом, подходящим к басовой октаве, то о такой гончей выражаются как о собаке с «очень крупным» или «страшным» голосом.

С заливом голос — у гончей называется тогда, когда голос гончей во время гоньбы не находится на одной какой-либо ноте, а как будто она голосом варьирует, переходя с низких на высокие и наоборот ноты. Голос у таких гончих, когда они ведут, совершенно как будто не прерывается, вследствие чего о таких гончих, когда они помкнут по зверю, говорят: залилась, заливается. Когда гончая «с заливом» идет одна по зверю, то кажется, что ведут звери несколько голосов, т.е. несколько собак. Некоторые охотники сравнивают голос «с заливом» с голосом собаки, которую наказывают арапником, но такое сравнение не совсем верно на том основании, что голос или визг наказываемой собаки каждому положительно неприятен, тогда как гоньба голосистых «с заливами» гончих всякого приводит в восторг, это такая выразительная, звучная гармония, которую их словами, ни пером передать невозможно.

Голос с гнусью — этот голос скорее можно было бы назвать «томным», потому что когда такая гончая отзывается, то звук ее голоса напоминает как будто вопль, плач, и такой заунывный, томный, что невольно хватается за сердце, но назван охотниками этот голос «голосом с гнусью» не без оснований, т.к. действительно голос у такой гончей как бы гнусит, как бы выливается с помощью носовых органов.

Ничто не может сравниться с теми хватающими за душу звуками, когда на утренней заре, когда еще не совсем сошла роса с травы, когда кругом царит полная тишина, а воздух прохладный и редкий, когда каждое тихо произнесенное слово раздается в воздухе чрезвычайно далеко и отчетливо, начнет добираться такая гончая в «добор» по красному зверю. Ее каждый отзыв по следу выражает как бы предостережение: враг тут, недалеко! И в этом томном голосе невольно слышится выражение какой-то безотчетной грусти, сомнения от неуверенности в своей силе, от неизвестности будущего: кто-то еще останется победителем? Но беззаветно преданный и послушный воле человека, испытанный зверогон уже добирается до злодея... С первым звуком его «отзыва» у борзятника сердце екнуло, он встрепенулся, борзые вскочили, насторожили уши, и все замерло в каком-то лихорадочном ожидании, но вот голос повторился, загнусил Томилушко, подвалился Решило, зверь побудился, побежал... подхватила вся стая... дрогнула окрестность, кажется, вся природа ожила, и заварилась каша! Как в котле кипит вся стая, и пошла потеха! Да что и говорить, кто лично сам не слышал настоящей гоньбы голосистых гонцов, тот только не поверит тому, что это — такая музыка, которая не у одних страстных охотников настраивала нервы до такой степени, что слезы удовольствия и радости нередко текли по щекам людей с железными характерами.

172. Выражения, определяющие гончих всех пород по цвету их шерсти.

Черные — черные красно-подпалые, серо-подпалые и бело-подпалые. Черные с загривиной, бело-гористые и черно-пегие, и также могут быть в подпалинах.

Багряные — багряные с загривиной, бело-гористые и багряно-пегие.

Подласые — подласые с загривиной и бело-гористые.

Кофейные — кофейные с загривиной, бело-гористые, кофейно-пегие и могут быть в подпалинах.

Соловые — соловые с загривиной, бело-гористые и солово-пегие.

Серые — серые с загривиной, бело-гористые и серо-пегие, которые также могут быть в подпалинах и в черенках, т.е. с шерстью вроде окраса — чубарного у борзых.

Каурые — каурые с загривиной, бело-гористые и кауро-пегие.

Мраморные — мраморные с загривиной, бело-гористые, арлекины и мраморно-пегие, которые также могут быть в подпалинах.

Примечание. Определять точно каждый цвет шерсти у гончих, очень сходный с окрасом борзых, я нахожу лишним, во избежание повторения, а только некоторые цвета объяснить считаю необходимым, а именно: багряный цвет схож с красным окрасом у борзых; подласый, когда из темного цвета, находящегося только на спине гончей, цвет этот постепенно, на боках к брюху переходит в самый светлый (почти белый) цвет; кофейный походит на коричневый; соловой сходен с бледно-половым окрасом у борзых; каурий — грязно-половым окрасом; мраморный, когда по серому фону бывают темные пятна, вроде лошадиной масти серой «в яблоках»; когда же бывают по белому или темному фону «мраморные» отметины, то тогда собаку называют по шерсти мраморно-пегой; арлекином, когда на зрачке глаза, по которому определяется цвет глаза собаки, находятся белые пятна, и притом цвет шерсти должен быть мраморный или мраморно-пегий.

173. Выражения, определяющие различие борзых и гончих собак, а также травимых собаками зверей и зайцев по их полам.

Самец, самка — у волков, лисиц и зайцев.

Кобель, сука — у борзых собак.

Выжлец, выжловка — у гончих собак.

174. Выражения, определяющие возраст борзых и гончих собак.

Щенячья осень — означает собаку несогодовалую.

Первая осень — означает, что собаке полтора года, ее следует уже брать в поле.

Вторая осень — означает, что собаке два с половиной года, она вторую осень идет в поле.

Третья осень — три с половиной года, и третью осень собака в поле.

Четвертая осень — четыре с половиной года и т.д. — до восьми осеней, после которых собаки начинают слабеть и терять свои полевые качества. Как исключение и редкость встречаются собаки, не утратившие своих полевых качеств до возраста двенадцати осеней. Я в моей жизни встретил таких феноменальных собак только четырех: трех гончих, которые в гоньбе не уступали молодым, и одну борзую, которая по двенадцатой осени не давала бегу ни русаку, ни волку.

175. Выражения, определяющие возраст травимых собаками зверей и зайцев.

ВОЛКИ

Прибылой — волк несогодовалый.

Переярок — волк переогодовалый.

Матерый — волк более двух лет.

Старик — волк более пяти лет, у которого уже зубы подъедены и клыки поломаны.

Примечание. Матерых волков, находящихся при гнезде, т.е. при детях, называют: самца, т.е. отца волчат — «гнездарем», а самку, т.е. мать волчат — «гнездаркой», не имеющих же взводка, т.е. детей — «холостяками».

ЛИСИЦЫ

Прибылая лисица — несоговодалая.

Переток лисица — переоговодалая.

Матерая лисица — более двух лет.

Матерущая лисица — более пяти лет, зубы у которой подъедены и пожелтели.

ЗАЙЦЫ

Прибылой заяц — несогодовалый.

Прошлогодний заяц — переогодовалый.

Материк заяц — более двух лет.

Примечание. Прибылые зайцы охотниками подразделяются на «настовиков», т.е. ранних, «гречишников», т.е. средних, «листопадников», т.е. поздних. «Настовики» рождаются в марте еще на снегу в такое время, когда есть наст. «Гречишники» — во время сева гречихи, и «листопадники» — осенью, когда с деревьев начинает падать лист.

176. Выражения, определяющие время охоты с собаками.

Езда по чернотропу — означает время езды с собаками по земле, не покрытой снегом; эта езда по чернотропу подразделяется в следующем порядке:

- а) брызги — такое время, когда весь снег весной раскroveет, местами совсем стает, и образуются большие плешины в полях; в этих обнаженных от снега местах промерзлая земля еще не отошла, и только верхний слой ее оттаял и покрылся грязью. В это время из-под ног лошадей, даже на шаге, и из-под собак во время скачки летят брызги, поэтому время это охотниками названо «брызгами». Время это не настоящее для охоты с собаками, и только ради моциона для просидевших всю зиму гончих и борзых, охотники в «брызги» ездят близ дома своего по зайцам, т.к. волков в это время не ищут, а лисиц настоящий охотник травить не станет, жалея затравить ценную самку;
- б) по пожару — время, наступающее вслед за брызгами, т.е. когда снег в поле весь стаял, поляя вода прошла, земля вся отошла, села и местами совершенно высохла, снег остался только в оврагах, и то в очень ограниченном количестве в виде остатков от снежных набоев. Это время самое короткое для травли зайцев — оно продолжается только до посевов яровых хлебов, после чего уже охотиться становится невозможным как по причине засеянных хлебом полей, так и по причине устанавливающегося жаркого времени. «По пожару» заяц бежит вообще резвее осеннего времени и поэтому в это время борзятники стараются испытать близ дома резвость своих молодых собак, после чего уже охота с собаками прекращается до самой осени;
- в) осень — это время настоящей охоты с борзыми и гончими собаками. Время это считается псовыми охотниками с 1-го сентября и продолжается до ноября, а иногда, смотря по погоде, и далее, т.е. до половины или конца ноября.
- г) узерка — это самое позднее осеннее время, когда лист с деревьев уже облетел, начались небольшие морозы, но земля еще не промерзла, заяц выцвел и из леса, от шума нападавших листьев, перебрался в поля, где борзятники охотятся с одними борзыми за зайцами и лисицами в «наездку» или «равнинку». В это время выцвелою зверя легко «подозреть» на логове как зайца, так и лисицу, поэтому от слова «подозреть», т.е. узреть, увидеть, и образовалось существительное «узерка», означающее время, в которое можно охотиться с борзыми по зверю «подозренному» на логове. Узеркой оканчивается езда по чернотропу.

Езда по белой тропе — означает время езды с собаками по земле, покрытой уже снегом, и эта езда по белой тропе подразделяется на времена охоты в следующем порядке, а именно:

- а) пороши — время перевозимья, когда выпадет снег на столько, что не лишает еще борзую собаку возможности ловить зверя и зайца по снегу. Порошей называется такое время, когда снег, падая на землю, укрывает ее ровным слоем толщиной от 1-го до 4-х вершков и затем перестает идти, и вот этим-то временем охотники пользуются для охоты, съезжая по следу зверя с борзыми, или берут близлежащие к дому островные места с гончими, умеющими гонять по белой тропе. Время продолжения порошной езды

определить невозможно, это зависит от погоды, иногда пороши выпадают очень часто и продолжаются до половины декабря, а иногда их совсем не бывает, т.е. выпадает сразу глубокий, мокрый снег и от сильных морозов зачеренеет, т.е. образуется на поверхности снега черепок, корка, нередко толщиной в палец, и тогда охоте с собаками конец, пока не отойдет весь черепок, т.к. скакать собакам уже невозможно;

б) наст — время, в которое снег держит свободно лошадь с седоком на шаге. При этом только условия, не рискуя борзой собакой, можно травить по насту. Если же на шаге лошадь снег не держит, то и борзую собаку на скаку также не удержит, она непременно будет проваливаться в снег, а от этого легко может или поломать себе ногу, или убиться. Время наста приблизительно (в средней полосе России) бывает в последних числах февраля — первых числах марта.

177. Выражения, употребляемые псовыми охотниками в обращении к борзым и гончим собакам как во время производства охоты, так и дома.

Улю-лю! — говорят борзым, когда, желая травить, показывают им волка или лисицу.

Улю-лю-лю-лю! Улю-лю-лю! — улюлюкают борзятники борзым, а выжлятники гончим, когда собаки принимают или таскают волка.

Ото-то-то! — говорят борзым и гончим, когда показывают им зайца.

Ого-го-го! — говорит борзятник, т.е. «отгокивает» борзым, когда соскакивает с лошади, чтобы принять от них пойманного ими зайца или лисицу.

Арап! — окрикивает борзятник борзых, когда желает, чтобы пойманное ими они бросили. Этим словом выражается приказание борзым: брось, оставь; происходит оно от слова «арапник» — смысл его для собак тот: брось или за непослушание получишь арапник (сокращенное «арап»).

Отрыш! — говорит борзятник борзым, когда желает, чтобы собака не жалась под ноги лошади, а отошла бы, отрыскала подальше, и у корма, когда нужно помешать в корыте или прибавить корма, или чтобы не лезли к корыту, когда приготавливают в нем корм. Слово «отрыш» происходит от глагола отрыскасть и означает приказание: отрыскай, отрыщ, т.е. удались, посторонись.

Назад! — окрикивает борзятник борзых, когда они воззрились и намереваются броситься или уже набросились на какой-либо предмет, на который бросаться борзым не следует.

На-на! — зов борзых борзятниками. «Наначить» — борзятник (такую-то) означает: что борзятник (зовет к себе) «кличет» (какую-то) борзую собаку.

Сюда! — зов выжлятников к себе гончих собак.

Стой! — окрикивает выжлятник гончих, когда желает остановить прорвавшихся из острова или набросившихся куда-либо гончих, а также и у корма, чтобы гончие перестали есть и отошли от корыта. «Стой!» для гончих означает тоже самое, что «отрыш» и «назад» — для борзых.

В кучку! — приказание доезжачего гончим собраться всем вместе как бы в тесную толпу, в стаю.

Дбруц! — приказание борзым и гончим собакам есть, т.е. приступать к еде; это выражение употребляется охотниками вообще при кормлении собак, в поле у воды, при желании напоить собак и тогда, когда собаки поймали зайца, если охотник пожелает, чтобы они его съели.

Пошел, вались! — приказание гончим идти к своему хозяину, к доезжачему.

В стаю! — приказание гончей не отбивать из стаи гончих и поспешать за стаей.

В остров! — приказание гончей не опушничать и не носиться полями, а быть в том месте, куда наброшены все гончие, вся стая.

Слушай, к нему! — приказание гончим немедленно присоединиться к гоньбе, погнавшей по зверю или зайцу гончей.

Стой, гончая, врешь! — окрикивает и сбивает выжлятник гончую, если она врет.

На место! — приказание борзым собакам отправляться по хлевам на свои места.

Пошел, гончие! — приказание гончим отправляться в хлев на место.

Цуцо! — зов маленьких щенят борзых и гончих до трехмесячного возраста, после которого приучают уже щенят к данным им кличкам.

Тить! — приказание щенятам вообще бросить то, что они теребят или оставить драку, когда они грызутся между собой.

Примечание. В этой статье перечислены только самые главные термины, употребляемые охотниками, а подробное употребление, применение и значение охотничьих терминов изложено во 2-й и 3-й частях «Руководства», вместе с подробным изложением правил ухода, обращения и езды с борзыми собаками.

178. Выражения употребляемые псовыми охотниками о местах для охоты с собаками:

Остров — такое большое лесистое или болотистое место, которое со всех сторон окружено полями, и которое поэтому представляет самое удобное положение для занятия лазов борзятниками. Для охоты с борзыми и гончими собаками островная езда считается самой лучшей. (Под словом: «остров» при разговоре подразумевается нередко всякое место куда наброшены гончие, хотя место это было уймистое, а не островное, вследствие чего всегда одинаково выжлятники окрикивают гончих: «в остров»*).

Уйма — такое сплошное лесистое место, которое простирается на несколько верст в длину и ширину; и потому для охоты с борзыми и гончими собаками нередко представляет большие неудобства и затруднения, а иногда и невозможность.

* См. примеч. К ст. 137 ч. III «Руководства».

Болото — для псовых охотников должно представлять непременно глухую болотистую местность, поросшую лесом, тальником и камышами, где можно было бы ожидать найти волков или лисиц, не говоря уже о зайцах. Всякое же другое болото, не представляющее возможности держаться в нем зверю, для псового охотника значения (в смысле охотничьем) иметь не должно.

Отъемные места — под этим словом псовые охотники подразумевают лесистую местность, состоящую из отдельных один от другого островов, покрытых достаточно крупным лесом. Образовавшиеся вследствие того между островами большие прогалины и поляны представляют достаточный простор для травли борзыми, а потому «отъемные места» для псовой охоты считаются самыми удобными.

Мелоча — представляют мелколесье, состоящее из массы сплошных и отъемных мест, покрытых мелким лесом или хворостняком; и, по имеющимся в середине «мелочей» прогалинам и полянам, представляют достаточно удобную местность для производства псовой охоты.

Соры или бурьяны — означают местность, оставленную из-под хлебных посевов и запущенную в «залежах», т.е. в луга, вследствие чего в первые года на этих «залежах» вырастают очень высокие сорные и крупные травы, например, полынь, чернобыль и т.п. и, оставаясь на «залежах» необработанными, т.е. неподкошенными, образуют совершенное мелколесье, которое и называется «сорами» или «бурьянами». В степных местах в «сорах» попадаются нередко и волки, а для лисиц и для лежки русаков — «соры» представляют излюбленное место.

Балки — означают среди полей очень длинные, с многочисленными «отвершками» нередко очень глубокие и крутые «враги», покрытые крупным или мелким лесом.

Голые враги — означают также среди полей враги, не покрытые только лесом.

Поля — означают чистые, свободные от леса местности. Под словом «поля» подразумеваются жнива, яровища, озими (посеянные озимые хлеба), взметы (вспаханные под зиму жнива), луга и вообще чистые, безлесные пространства, вследствие чего псовые охотники говорят: «наехал — в чистых полях», «травили чистыми полями», «побежал — чистым полем» и т.п. Но между тем, слово «поля» имеет у псовых охотников и другое значение — в смысле глагола: «полевать», т.е. охотиться, производить охоту, так, например, «В таком-то месте я взял только одно поле», т.е. охотился один раз, один день; или вопросы: «Во сколько полей вы обошли (известную) местность? Во сколько полей вы натравили столько лисиц и зайцев?». Кроме того, это слово у псовых охотников имеет еще и третье значение, когда говорят о полевого досуге борзой собаки, например, «Эта собака хороша в полях». Это означает, что собака та не короткая, т.е. не пруткая, а сильная.

Камыши — означают низины врагов и берега речек, покрытые камышом и тальником. Места эти под «камышами» бывают по большей части топкие, так что ездить на лошади по таким местам нередко бывает невозможно; а иногда эти низины бывают и суходольными.

Прогалина — означает достаточно большое — для травли борзыми — полевое пространство между лесами и оврагами.

Поляны — означают большие и малые среди леса и мелочей луговины или пашни.

Перемычки — означают узкое — между лесом или мелочами — пространство, на котором затравить борзятнику довольно трудно. Для травли на перемычках борзые должны быть собаками очень резвыми и цепкими, а борзятник — не «сонным».

Перелески — означают «Перемычки», покрытые более или менее редким лесом или кустами, на которых, хотя и трудно, но тем не менее возможно травить борзыми если не зайца и лисицу, то по крайней мере волков.

179. Выражения, обозначающие название следов травимых борзыми собаками зверей и зайцев в порошное время:

Волчьи следы — означают видимые на снегу отпечатки волчьих лап. При этом псовые охотники разбирают следы: «Матерого волка» и «Волка прибылого». Следы бродящего, т.е. идущего шагом волка, матерого или прибылого — безразлично, отпечатывается в виде круглого, большого (у матерого) или сравнительно малого (у прибылого) волчьего следа, идущего в виде изогнутой линии, образуемой отпечатками лап. Эта линия следа обыкновенно бывает одиночная, хотя иногда местами она двоится, что означает, что в этом месте волк замедлил шаг или делал остановку.

Гонный волчий след — означает отпечаток на снегу следов побежавшего волка и отличается от следов бродящего волка тем, что линия, образуемая отпечатками следов, представляется более прямою и неодинокною, а именно: два рядом лежащие отпечатка чередуются с двумя следующими, расположенными один за другим; следующие два опять лежат рядом и т.д. в сказанном порядке чередования. Два отпечатка рядом означают следы задних ног, следующие два отпечатка, лежащие один за другим, обозначают следы передних ног.

Лисий след — означает хорошо видимые на снегу отпечатки лисьих лапок: вследствие чего предоставляется возможность псовому охотнику съехать зверя по следу. При этом разбирается охотниками след матерой лисицы и след лисицы прибылой. Лисий след отпечатывается на снегу в виде круглых небольших следов лисицы, идущих один за другим в виде прямой или изогнутой одиночной линии. Линия эта иногда местами двоится так же, как у волка.

Лисьи нарыски — обозначают лисьи следы плохо видимые на снегу, так что съехать по следу лисицу не представляется никакой возможности; и поэтому псовые охотники выражаясь: «нарыски (там-то) были», «видели один нарыск» — ясно означают этим выражением, что лисицы они не съезжали, хотя и были в том месте.

Кресты — означают лисий след, который перед местом «лежки» лисицы, в разных направлениях и в нескольких местах, пересекаясь между собою, от даваемых лисицею кругов, образует на снегу как бы узор перепутанных крестообразно лисьих следов и этот узор искрещенных лисьих следов называется псовыми охотниками «крестами».

Гонный лисий след — означает отпечаток на снегу следов побежавшей лисицы и отличается от обыкновенного лисьего следа, когда она «мышковала», т.е. ходила тихо, спокойно, тем, что линия следа представляется более прямой и обозначенной отпечатками, чередующимися попарно, подобно волчьему гонному следу.

Лежка — означает место, где лежала лисица. Лежка лисицы находится, за редкими исключениями, всегда вблизи «крестов» — по той причине, что лисица, как зверь очень хитрый, безошибочно рассчитывает своими крестообразными следами, образовавшимися из многочисленных кругов, даваемых ею в разных направлениях, и этой путаницей следов задержать преследователя своего на этом месте, т.е. на «крестах», на некоторое время, в которое она имеет более шансов на то, чтобы пробудиться от сна, рассмотреть неприятеля и, улучив удобный момент к спасению своей дорогой шкурки, уйти от преследователя.

Заячий след — означает отпечаток на снегу зайчих лапок. Под словом «заячий след» псовые охотники подразумевают вообще следы всех видов зайцев, хотя и различают след «русака» от следа «беляка», несмотря на то, что следы всех видов зайцев очень схожи между собою, и только след русака разнится от следа беляка тем, что у русака видна лапка на снегу в более продолговатой форме, а у беляка в менее продолговатой, хотя и не совсем круглой форме. При этом псовые охотники разбирают также следы матерых зайцев от прибылых, называя в последнем случае след поздних прибылых зайцев, т.е. листопадников, как очень маленьких — «маликом». Слово «малик» образовалось от слова «малый», небольшой след зайца, т.е. след поздних — прибылых. След же ранних прибылых, материков и прошлогодних зайцев называется вообще: «заячьим следом». «Заячий след» отпечатывается на снегу в виде продолговатых больших или сравнительно малых следов по прямой или изогнутой линии, образуемой отпечатками, чередующимися попарно, подобно гонному волчьему или лисьему следу с той только разницей, что расстояние между отпечатками лап по направлению хода зайца значительно менее, чем у волка и лисицы. Такой рисунок заячьего следа объясняется тем, что зайцы никогда не ходят, а «дыляют», т.е. прыгают.

Двойка — означает, что заяц вернулся своим следом назад, и этот двойной взад и вперед след зайца называется: «двойкой». Если заяц возвратится опять по «двойке» и проложит третий след по тому же месту, где «сдвоил» еще «строит», то тогда это называется «тройкой». «Троит» заяц не всегда, но «двоит» перед «логовом» постоянно: без «двоек» никакой заяц не ляжет. «Двойками» и «тройками» заяц желает затерять свой след от

преследователя, и потому «двойки» верные предвестники близости «логова».

Смет — означает когда заяц с «двойки» скинет, т.е. даст большой прыжок (не менее полуторы сажени, а то и более) в сторону, и какими же большими «скидками», т.е. прыжками всеми четырьмя ногами вместе, оставляя в глубоком снегу как бы след одной большой волчьей лапы, пойдет к «логову». Вот этот то след, в виде большой — от четырех заячьих ног, собранных вместе как бы в кучу — ямки, видимой на снегу, в полуторасаженном расстоянии, а иногда и более от заячьего следа (вернее от «двойки») и называется «сметом» — от слова «сметнуть» — скинуть в сторону.

Накопы — означает снег, накопанный в нескольких местах зайцем, желающим скоро лечь. «Накопы» в слепую порошу, когда следов заячьих не видать, служат для псовых охотников признаком местопребывания зайца.

Маяки — означают заячьи следы, плохо видимые на снегу, так что разобрать следов положительно нельзя, усматривая на снегу только кое-где один или два следочка заячьей лапки. Слово «маяки» происходит от маяк, что значит признак.

Жиры — означает место заячьей кормежки, где он кормится и «жирует», т.е. играет. В «жирах» след заячий отпечатывается на снегу в виде того, как бы заяц, делая мелкие прыжки, т.е. частые, подвигался вперед сидя на пазанках задних ног.

Логово — означает место лежки зайца, куда он ложится на весь день, после ночных своих походов.

Выгребка — означает фальшивое «логово», в котором заяц не лег, но которых наделал несколько вблизи своего «логова», чтобы замаскировать настоящее свое местопребывание. Более трех-четырех «выгребков» зайцы не делают, но зато так искусно устраивают их, что трудно отличить настоящее «логово» от «выгребки».

Пудак — означает гонный след, пробудившегося зайца. «Пудак» отличается от обыкновенного, ночного следа зайца тем, что линия следа представляется более прямою и обозначенною отпечатками также попеременно: двумя — рядом и двумя — прямо по направлению линии следа, стоящими более в далеком пара от пары (т.е. задних от передних ног) расстоянии; а каждая пара отпечатков, т.е. ног, делается между собой в более близком расстоянии, что происходит от усиленных прыжков зайца во время его бега, вследствие чего как задние лапы сближаются между собою, так и передние. Слово «пудак» образовалось от глагола «спудить», т.е. спугнуть.

180. Выражения, определяющие виды травимых собаками зверей и зайцев, а также исключительные названия частей их:

ВИДЫ ВОЛКОВ

Лесной волк — по величине — самого крупного вида. Держится преимущественно в лесах и крепких болотах; самец — серебристо-черной, темно-серой шерсти; самка ростом менее самца и шерстью — изжелта-серая.

Степной волк — ростом — менее лесного волка; держится в балках, камышах и отъёмных островах; самец — белесовато-серой шерсти, а самка — изжелта-серая.

Примечание. Как редкость, иногда встречаются волки совершенно черной шерсти. Я в течение моей жизни затравил двух черных волков, в Пензенской губернии Нижне-Ломовского уезда близь села Атмиса — одного из пяти прибылых одногнездников, из которых четыре — были все обыкновенной серой шерсти, и в Керенском уезде — переярка находящегося также при гнезде, в котором все прибылые, гнездари и остальные два переярка — были также обыкновенной серой шерсти. Видел одного черного волка на границе Шацкого и Сапожковского уездов близь села Белоречье.

ЧАСТИ ВОЛКА ВООБЩЕ

Голова, морда, зев, зубы, клыки, уши, шея, шиворот, горло — глотка, хребтина, полено (хвост), гачи (ляжки), ноги, лапы, лопатки, ребра и брюхо.

ВИДЫ ЛИСИЦ

Огнянка — лисица красно-огненного цвета, с голубым подшерстком под шеей, с белой грудью и темно-бурым, продолговатым пятном на белесовато-красном брюшке.

Серебрянка — лисица красно-серебристой шерсти, с белесовато-голубым подшерстком под шеей, с белесовато-желтой грудью и желто-серым с красниной брюшком.

Примечание 1. Лисицы живут преимущественно в «назьмах», которые вырывают себе в земле на очень значительную глубину и нередко с многочисленными «отнорками» в разных направлениях выводя их на поверхность земли. На день же, для сохранны себя от преследователей в полях лисицы вырывают не особенно глубокие норы, которые называются «денниками», а в степях они спасаются в «сурчины» (т.е. норы сурков). Держатся лисицы в полях преимущественно на вражистой местности в жнивах, сорах и взметах, а в лесистых местах повсюду, т.е. в лесу, балках, болотах, камышах и отъемах.

Примечание 2. В начале 50-х годов я видел белую, как зимний беляк, лисицу, которую затравил в Воронежской губернии знаменитый в то время псовый охотник генерал В.П. Войков, помещик Тамбовской губернии; более в

моей жизни белых лисиц я не встречал и ни от кого из знакомых мне псовых охотников не слышал, чтобы еще кому-нибудь попадалась такая замечательная редкость.

ЧАСТИ ЛИСИЦЫ

Голова, сурна, зубы, клыки, уши, шея, горло, спинка, труба (хвост), гачи, ноги, лапки и брюшко.

Оговорка. Я перечисляю у каждого зверя, травимого собаками, только те части, о которых псовые охотники по отношению к этому зверю могут иметь разговор.

ВИДЫ ЗАЙЦЕВ

Русак — зимой — серебристо-серой, а летом изжелта-буро-серой шерсти. Уши очень длинные, тонкие; голова — продолговатая, сухая; ноги — сухие; пазанка (часть ноги от колена до лапы) — высокая; лапки продолговатые, с длинными костистыми, плотно сжатыми между собой пальцами. Держится русак более в полях, сорах, мелочах, врагах, степях и кочкарных болотцах. Русак бежит очень резво.

Беляк — зимой совершенно белой, а летом буро-серой шерсти. Уши короче русачьих и плотнее; голова и ноги серые, пазанки средней величины; лапки — хотя продолговатые, но много круглее русачьих, держится более в местах лесистых. Беляк по резвости тупее русака, но много изворотливее на угонках. Поэтому псовые охотники о беляках выражаются иногда так: «садок проклятый», т.е. увертлив от борзых.

Тумак — помесь русака с беляком. Тумак по цвету шерсти летом совершенный беляк; зимою же, когда выцветет, он так же бел, как беляк, только спинка его светло-серой шерсти, и все строение головы, ушей и ног его напоминает складом совершенного русака. Тумак держится близ леса в полях и ложится преимущественно в отъемных кочкарных болотцах и окладинах. Тумак, соединяя в себе «садкость» белика и резвость русака, «злит» борзых жестоко на угонках, и затравить его труднее, чем русака и белика.

ЧАСТИ ЗАЙЦА ВООБЩЕ

Голова, уши, спина, почки — (весь задок от ребер), хвост, ноги, пазанки и лапки. (Хвост зайца некоторые охотники называют «цветком»).

181. Выражения, определяющие действия псовых охотников в поле вообще и в исключительных случаях.

Примечание. Параграфы, означенные большой буквой, показывают действие охотников вообще, а строчной буквой — действия охотников в исключительных случаях.

<p>А. «Идет»
«Остановилась»
«Берет: остров, уйму, враг и т. под. места»
«Полюет»
«Днюет, ночует, квартирует»</p>	}	Псовая охота
<p>Б. «Едут полями»
«Берут: остров, враг, уйму и т.д. под. места»
«Не пропускают в поля гончих»
«Подловили гончих»
«Оттопывают зверя»
«Принимают волка, лисицу, зайца от собак»
«Отбивают от собак (только домашних животных)»
«Зайца откалывают и отпазанчивают»
«Лисицу пришибают»
«Волка режут, принимают живьем и
(в крайних только случаях) убивают кистенем
или шишкой арапника»
«Торчат в седло зайца, лисицу и (в самых редких случаях) волка»
«Работают волки — трусы»</p>	}	Охотники
<p>б) «Перевидел зверя»
«Подает в рога голос — по волку или тревогу каждый»
«Указывает, где пролез зверь»
«Подозрел зайца, лисицу»
«Увидел, обозрел зайца, лисицу и волка (бегущих)»
«Осмотрел волков (идущих)»
«Наехал на волка, лисицу, зайца»
«Ведет борзую или гончую»
«Перетравил скотину»
«Бросился вплавь через реку»
«Перебрался через топь на другую сторону»
«Оскакал на плотину, на мост, на переезд»
«Потопил лошадь»
«Отъехал ногу собаке»
«Наскакал на собак, смял собаку»</p>	}	Охотники

beckman.ru

- В.** «В наездку¹ ездят по зайцу и по лисице»
 «В равнинку² ездят преимущественно по лисицам, но отчасти и по зайцам»
 «В узерку³ ездят по зайцу и по лисицам»
 «На выездку на зарю⁴ ездят по волкам»
 «По пороше ездят съездку⁵»
 «По пороше ездят на глазок⁶»
 «Равняются с гончими местами»
 «Занимают лазы»
 «В заезде бывают»
 «С напуска становятся»
 «Берегут поле»
 «Нажидают зверя»
 «Опушничают⁷»
 «Травят зайца, лисицу, волка»
 «Показывают собакам волка, лисицу, зайца»
 «Пропускают зайца, т.е. не показывают собакам, нажидая красного зверя или выдерживая молодых борзых при высваривании их»
 «Берут борзых на свору»
 «Спускают со своры»
 «Держат на своре»
 «Водят собак на своре»
 «Сосваривают собак (скоросых)»
 «Высваривают собак (молодых)»
 «Врыскивают собак (залежалых)»
 «Подпускают собак к волку в угон, в встречу, с искоса»
 «Подпускают собак к зайцу и к лисице в угон, в поперек и с искоса»
 «Затаскивают собак»
 «Шкурятничают и жалят»
 «Берегут лошадь и собак»
 «Мастерят волка⁸, лисицу и зайца»
 «Кружат зверя заезжают»
 «Съезжают по следу (в порошу)»
 «Таятся под островом на лазах»
 «Спешиваются на лазу (и в других случаях)»
 «Припадают к луку, нажидая зверя»

Борзятники

Борзятники

1 }
 2 }
 3 } Способы или виды езды с одними борзыми.
 4 }
 5 }
 6 }

7 Означают, когда ездят борзятники по опушке с намерением затравить.

8 Пересекают путь, заскакивают зверя.

- в) «Прометал собак¹ с волка, лисицы, зайца»
 «Сметал собак на скотину»
 «Втравил в стадо, в остров»
 «Обозрелся»
 «Наначить² собак»
 «Протравил волка, лисицу, зайца»
 «Затравил волка, лисицу, зайца»
 «Не показал собакам волка, лисицу, зайца»
 «Насадил собак скверно, хорошо, молодцом»
 «Обазартился, погорячился»
 «Обмахнулся по собаке» (при приемке волка)
 «Отхлопать³ собак от волка, лисицы, зайца»
 «Отшиб собак от волка»
 «От-отукал, от-улюлюкал собак в противную сторону»
 «Задержал собак»
 «Не выпустил из опушки зверя»
 «Не выдержал зверя»
- Г. «Распоряжается псовой охотой»
 «Делает проверку взводка волков»
 «Делает при себе напуск гончих»
 «Указывает борзятникам лазы лично сам или через заездного»
- Д. «Управляет стаей»
 «Ведет стаю»
 «Отрешил гончих со смычков»
 «Принял гончих на смычки»
 «Набросил гончих»
 «Напуск делает»
 «Порскает гончим»
 «На свисток идет⁴»
 «Вызывает гончих» (в рог)
 «Собрал гончих»
- } Борзятники
- } Ловчий
- } Доезжачий

¹ Неудачно или неловко показать зверя, вследствие чего борзые прометались, т.е. пронесли не в ту сторону, куда бежал зверь, а в другую.

² Зовет, кличет собак.

³ Борзятник, прискакавший к пойманному или принятому собаками зверю, начал хлопать арапником, вместо того, чтобы взять зверя руками, а от того собаки бросили зверя, и зверь ушел или стая в таком положении, что мог уйти.

⁴ Означает особый вид порсканья, употребляемый при охоте за волками.

	«Пешком идет ¹ болотом»	}	Доезжачий
	«Идет серединою острова ² »		
	«Навел гончих на логово»		
	«Насадил на гнездо волков»	}	Доезжачий и ловчий
д)	«Не захватили волков»		
	«Окинулись гончими ³ »	}	Подгонщики
Е.	«Правят стаю»		
	«Направляют зверя в острову»		
	«Отхлопывают зверя ⁴ »		
	«На погонах держат, водят гончих»		
	«Подбрасывают гончих»		
	«Водят доезжаческую лошадь»		
	«Подают лошадь доезжачему»		
	«Осматривают место» (для охоты)		
е)	«Пропустили гончих ⁵ »		
	«Уезжают гончих ⁶ »		
	«Не уехали гончих ⁷ »		
	«Поворотили гончих»		
	«Остановили гончих»		
Ж.	«Проходят местами с гончими»	}	Выжлятники
	«Подваливают гончих»		
	«Сбивают гончих»		
	«Смыкают и размыкают гончих»		
	«По опушке ездят»	}	Выжлятники
ж)	«Перевидал зверя»		
	«Называет на горячий след ⁸ »		
	«Отулюлюкал гончих ⁹ »		
	«Повстречал, сперечил гончими волка»		
	«Повалил гончими волка» (в полях)		
	«Замотал гончими лисицу, зайца» (в полях)		
	«Запротивил гончими лисицу» (в острову)		
	«Подшкурил гончими зайца» (в острову)		
	«Зарезал волка» (в острову)		

¹ Один без лошади.

² Верхом на лошади.

³ Бросили гончих не туда, где находятся волки.

⁴ Подгонщики хлопаньем арапников не пускают бежать зверя туда, куда он хотел.

⁵ Прозевали гончих, которые вследствие того прорвались, т.е. ушли в другое место.

⁶ Догоняют гончих на лошадях.

⁷ Не догнали гончих на лошадях.

⁸ Особый вид порсканья (см. «О порскании доезжачего» ч. II).

⁹ Отхватил несколько гончих с гоньбы для того, чтобы насадить их на другого «шумового», т.е. пролезшего без гончих волка.

- З. «Обыскивают волков» } **Обыщик и подвывало.**
 И. «Проверяет волков» } **Ловчий с подвывалом.**
 I. «Подвывает волков» } **Подвывало (охотник).**

Примечание. Настоящий термин у псовых охотников есть «подвывало», а не «вабельщик». Вабельщик — это термин ружейных охотников, произведенный ими от слова «вабить рябчиков» и других птиц. Волков же не вабят, а подвывают.

- і) «Держат на вытье волков» }
 «Переводят (сводят с гнезда) волков» } **Хорошие подвывалы.**
 К. «Подбивают волков» }
 «Прогоняют волков (из острова)» } **Плохие подвывалы.**

Примечание. Т.к. эта статья включает в себе кроме выражений, определяющих действия охотников, еще и распределение этих действий по должностям, то, помня специальное назначение этой главы, как объясняющей охотничью терминологию, каждому охотнику, имеющему претензию на знание охотничьего языка, следует особенно заметить: кем из охотников и что именно может делаться или делается во время производства охоты, например, § Б. «Не пропускают в поля гончих — охотники». Это означает, что не пропускать в поля гончих могут как доезжачий, подгонщики, так и каждый борзятник. Другой пример § Д. «Вызывает гончих в рог — доезжачий». Это означает, что вызывать гончих в рог может один только доезжачий. И третий пример § Ж. «По опушке ездить — выжлятники». Это означает, что термин этот применяется только говоря о выжлятниках, а не о борзятниках, которые (как сказано в § В) «опушничают». Но из этого еще не следует выводить заключение, что выжлятники должны непременно ездить по опушке, а борзятники — опушничать; правила, указывающие обязанности охотников: что должны они делать и чего не должны делать во время производства охоты, изложены в III ч. «Руководства».

182. Выражения, употребляемые псовыми охотниками вообще о борзых собаках:

Рыск
 Поскачка
 Псовина¹
 Окрас псовины
 Лады, стати у борзых
 Порода
 Рост
 Осеня²
 Резвость
 Сила³
 Мощность
 Пруткость⁴
 Слабость
 Злобность у борзых

У борзых

¹ Шерсть.

² Лета собаки, определяемые не годами, а числом *осеней*.

³ Не в схватках со зверем, а в скачке на далекое расстояние.

⁴ Страшная резвость на коротком расстоянии.

Рыщут на своре, без своры
 Скачут за волком, лисицей, зайцем
 Ловят зайца, лисицу
 Берут волка, лисицу
 Спеют к волку, лисице, зайцу
 Принимают волка
 Щиплют волка
 Подрывают, но плотно не принимают волка
 Не догоняют волка, лисицу, зайца
 Не берут волка, лисицу
 Не знают зайца (молодые)
 Не видали еще волка, лисицы, зайца (молодые)
 Поймали зайца, лисицу
 Взяли волка
 Ловят без угонок¹ зайца, лисицу
 Опрокидываются на угонках
 Пометили волка, лисицу, зайца
 Прометались с волка, лисицы, зайца
 Сметались на скотину
 Сморгали зверя² — носятся
 Угоняют зайца, лисицу
 Бьют на угонках³ — не захватят
 Проезжаются на угонках
 Разъехались во встречу
 Догоняют (т.е. догнали) волка
 Скачут на охотке⁴
 Заловила, заложились, влегла
 Приспела и понесла в поноску зайца, лисицу
 Поймала, покатила с зайцем, лисицей
 Приспела и покатила с волком
 Опрокинула, но не удержала волка
 Захватила, но спустила зайца, лисицу
 Приспела и взмыла⁵ мимо волка
 Вылавливает из бурьянов, кустов и леса зверя
 В пазанках⁶ у зайца
 Под трубой⁷ у лисицы
 В полене⁸ у волка
 Висит, а не натянет
 Обрѣхивает при приемке волка
 Рвет зайца, лисицу
 Таскает волка
 С передним, задним, бестолковым и у стремени рыском
 С поскачкой, варкой⁹, вытяжной¹⁰ и с броском¹¹
 Смердничает¹²
 На чутьѐ выловила
 Прикинула на чутьѐ следом
 На логове ловит
 Рысуча — по ножам ловит¹³

Борзые

Борзые

¹ Не промахиваясь, не давая увернуться зайцу или лисе.

² Стеряли, просмотрели зверя и носятся как бы его отыскивая.

³ Догоняют, делая беспрестанные промахи.

⁴ Скачут, когда желают: захотят — скачут резво, не захотят — скачут плохо, а не всегда равно.

⁵ Обошла мимо волка, боясь его взять.

⁶ Подле задних ног зайца, почти касаясь их.

⁷ Тоже подле хвоста лисицы.

⁸ Тоже подле хвоста волка.

⁹ Вид или манера скачки, свойственная собакам прутким; варкая — означает поскачку частыми скачками.

¹⁰ Поскачка вытяжная свойственная собакам сильным и выражается редкими маховыми движениями, т.е. собака скачет редкими махами «редкомахом».

¹¹ Страшная быстрота при моменте взятия или поимке зверя. Бросок можно сравнить с выстрелом из ружья; раздался выстрел, и 10—15 сажень расстояния между собакой и зверем не существует.

¹² Разнюхивает следы зверя.

¹³ По жесткому, мерзлomu грунту, как ножи.

183. Выражения, употребляемые псовыми охотниками вообще о гончих собаках:

Хода¹
Течка за доезжачим
Полаз²
Шерсть
Цвет шерсти
Лады, стати
Голос
Чутье, чутьистость
Порода
Рост
Осентя
Паратость³
Пешость⁴
Злобность
Мощность
Привязчивость
Слабость, стомчивость
Гоньба⁵
Вежливость
Полазистость
Верность
Добывчивость
Непослушливость
Позывистость
Текут за доезжачим
Стоят в поле, под островом
Полезли в остров
Лазают по острову
Полями носятся
Ведут волка, лисицу, зайца
Увели из слуха
В жирах покрикивают

У гончих

Гончие

¹ То, что у борзых называется рыском.

² То, что у легавых называется поиском.

³ Нестомчивая резвость во время гоньбы по зверю.

⁴ Тихая, т.е. нерезвая гоньба по зверю.

⁵ Выгивание в голосе зверя из острова и т.п. месте.

Отзываются в добор по волку и лисице

Добираются

Зачуяли, причуивают

Перед напуском, еще на смычках, зачуяли волков на гнезде

Прихватив на верхнее чутье взводок волков за полверсты от гнезда и запрокинув на перед шерсть и приподняв гоны, выросли освирепелые зверогоны¹

Натекли

Свалились

Гоняют

Смолкли, скололись

Обымают полазом²

По горячему ведут

По зрячему ведут

Справляют упалого, удалелого

Шагом водят

Во все ноги ведут

Валки³

Перекликаются

Рассыпались по острову

Варом варят

На чутье несут

Словили волка, лисицу, зайца

Обрехивают в острову (означает, что словили что-то)

Побросились на скотину

Знают доезжачего

Послушны

Одной ноги⁴

Однокорытники

Сброд

Гончие

Гончие

¹ Картинное изображение на охотничьем языке того момента, когда зверогоны-гончие, за полверсты зачуявши гнездо волков, так озлобились и ошетинились, что через это как бы прибавились даже в росте.

² Оббегают кругами, т.е. дают круги, отыскивая след зверя.

³ Означает, как бы дружны, т.е. стайны. Как только одна гончая отзовется, поведет, так и все спешат, валятся к ней на голос.

⁴ Одинаковой паратости или пешости.

Одномастный
 Ищут зверя
 Выгоняют из острова и т.п. мест зверя
 Справляют, ведут полями зверя
 На глазок умычкой спеют в полях к зверю
 На глазок водят зверя
 Добыла
 Помкнула
 Сбудила
 Отозвалась
 Врет
 В пяту ведет¹
 Отслушалась²
 Подвалилась
 Отбыла
 Таится в острову
 На скачках идет по острову
 Пешком ходит
 В полях мышей роет
 Умычкой водит
 Перечит
 Не валится к рогу
 Подбыла³
 Взывает
 В голос валится по доезжаческому следу
 Ведет по собачьему следу
 Скальвается
 Взвизгнула⁴ (во время гоньбы по волкам)

Гончие

Гончие

184. Выражения, определяющие положения и действия травимых собаками зверей и зайцев.

Волк — лежит, встает, идет, бродит, на добычу ходит, от собак бежит, воет, гнездари — при гнезде находятся⁵, переярки — при гнезде бывают⁶, переярки —

¹ Ведет в сторону: откуда, а не куда бежал зверь, т.е. обратно.

² Потеряла из слуха гончих или рог и не знает, где их найти.

³ Пришла.

⁴ Когда погрызется с волком, если волк зацепил ее больно.

⁵ Гнездари, т.е. отец и мать волчат, большей частью находятся при гнезде, при детях.

⁶ Переярки иногда бывают при гнезде, а иногда их совсем не бывает.

тянут¹, прибылые — скалят², гнездарка — скучит³, собирает молодых, сводит их, обрехивает⁴ их, побудился, напрыгом пошел, остановился, ошелкивается, бросился на собаку, на человека, лезет островом, болотом и т.п. местами; вылез из опушки; матерый волк, подколол⁵ гончую; побежал полем, врагом; оттерпелся от собак; приподнял всех, влипавшихся в него собак; встал с собакой на дыбы и схватился с нею зев-в-зев; страхнул (с себя) собак; матерый волк (гнездарь или гнездарка) подменился⁶ к гончим, прямика хватил, увел гончих за собой; прибылой опрокидывается на спину, при доскачке борзых; гоняет за собаками (незлобными); перехватал борзых; оттерся лесом, мелочами и ушел, как от стоячих.

Лисица — лежит; вскочила; побежала; мышкует⁷; назьмится поназьмилась⁸; в полях ложится; бежит от собак; приостановилась; сгорбилась, распушилась, циркает⁹ на собак (не берущих лисицы); подыгрывает с борзыми; трубой обманывает собак; лезет островом, болотом, врагом и т.п. местами; вылезла из опушки; ползет межой; сползла из острова; вздыбила¹⁰ — прислушивается; осмотрела собак, охотников; покатила чистым полем; ушла от борзых; обманула борзятника и слезла без травли.

Заяц — лежит на логове; дыляет¹¹; жирует¹²; побудился; вскочил; выскочил из опушки; усел¹³; вздыбил¹⁴: ложится (во всяком месте); бежит полем, врагом, кустами и т.п. местами; бежит от собак; лазает¹⁵ по острову из-под гончих собак; слез из острова; сполоз¹⁶ из болотца, из окладыны; обманул борзых врагом, мелочами и т.п. местами; раскидал борзых собак нолями, мелочами: сел¹⁷ на рубеж, на дорогу; отделился от борзых; усаживается¹⁸ на угонках; запал в окладине, в болоте; упал в сорах, жнивах, озимях и во взмете; в вершки¹⁹ взвился из-под угонки: камнем упал²⁰ в собаках: переломя ногу²¹ и, прометав борзых собак, отделился от них и ушел из угонок; в глубокую порошу, когда собаки поймают зайца, то он иногда кричит. Ушел из видков²².

1 }
2 } Известным образом воют (см. «О вытье волков», III ч.)
3 }
4 }

5 Бросился на гончую и ранил или на смерть загрыз ее.

6 Явился матерой (гнездарь или гнездарка) к гончим, когда они гнали по другому прибылому волку, и повел гончих за собой, находясь или стараясь быть у них постоянно почти на глазах, чтоб отвлечь гончих от прибылых волков, т.е. от своих детей.

7 Ходит в полях, отыскивая мышей.

8 Уходит в назьму (в нору), ушла в назьму (в нору).

9 Кричит особенным образом на собак.

10 Села и поднялась на задних лапках.

11 Ходит прыжками, прыгает.

12 Когда кормится, то оставляет особенные следы, называемые «жирами» и представляющие массу перепутанных следов; по этим следам охотники говорят: „здесь заяц жировал; жирует». (См. 179 гл., I ч., «Руководства»).

13 Означает: присел, сел.

14 Сел и поднялся на задних лапках (как служат иногда комнатные собаки).

15 Бегаёт, дыляет в лесу.

16 «Сполоз», т.е. сполз, ушел, от глагола «ползти».

17 Означает: побежал рубежом, дорогой, межой.

18 Увертывается от собак, как бы прилегая, припадая к земле.

19 В тот момент, когда борзая хотела взять зайца, он, не имея места, куда бы увернуться, делает высокий прыжок вверх, «в вершки», вследствие чего собака проносится иногда мимо, а заяц через это нередко спасается.

20 Упал как камень, перед догнавшими его собаками, вследствие чего собаки проскакали через него, а он, вскочивши после того, мог уйти, спастись.

21 Означает: круто и быстро возвратившись обратно назад, тем же следом.

22 Скрылся из вида.

185. Выражения, определяющие борзых и гончих собак по характеру их и наклонностям:

Скоросая — означает собаку упрямую, злую, сварливую; любящую заводит драку со своими собаками; могущую укусить даже хозяина своего, если он неосторожно будет обращаться с ней.

Свирепая — означает такую собаку, которая не только по виду кажется угрюмою, сердитою, но и в действительности как необщительна со своими собаками, так и нелюдима к постороннему человеку. Она знает только своего хозяина, которому беззаветно предана и вполне подчиняется, позволяя делать с собою все, что ему одному только заблагорассудится, но за то другому не позволит безнаказанно даже приласкать себя. Были случаи, что свирепая собака не брала даже куска мяса из рук чужого человека.

Сиротливая — такая, которая всех и всего боится, жмется и ложится, при желании приласкаться к человеку и перед каждой другой собакой; ее всегда могут обидеть собаки безнаказанно.

Вежливая — та, которая не трогает ни птицы, ни домашней скотины, и вообще не позволяет себе ничего такого, что запрещается ей ее хозяином.

Веселая — такая собака, которая не только по виду кажется веселою, но и вообще с удовольствием, весело исполняет все свои обязанности. Поэтому охотники о таких собаках нередко выражаются так: «веселая в рыску» — борзая: «веселая в полазе» — гончая и т.п.

Понурая — та, которая на вид кажется ленивою, скучною. Борзая: оттягивает на своре; без своры далеко отрыскивает сзади; гончая: на смычке оттягивает назад, в полазе — ленива, как будто нехотя принимается за дело; но, тем не менее, понурые собаки из борзых бывают иногда собаками очень резвыми, а — гончие, хорошими и верными гонцами.

Набалованная — такая собака, которая не послушна в поле, бросается на все, гоняет за птицей, за скотиной; борзая носится под гончими, не дается борзятнику на свору, рыщет бестолково, вырыскивает к каждому охотнику и ходит за ним пока ей не наскучит или пока ее не прогонит от себя; гончая не лезет островом, а носится полями, лезет не туда, куда порекает и едет доезжачий, а нередко совершенно в противоположную сторону; словом, с набалованными собаками езда не только неприятна, но настоящей, правильной езды даже и быть не может.

Скотинники — это такие набалованные собаки, которые на верхнее чутье принимают стадо скотины, врзаются в стадо и кладут овец и других домашних животных. Отъездить, т.е. отучить скотинников от их наклонности, в особенности гончих, чрезвычайно трудно, а нередко бывает невозможным, поэтому псовые охотники собак-скотинников не только не держат, но как только заметят в собаке такую наклонность, сейчас же (в особенности гончую) приказывают немедленно сбить из стаи, и это самая радикальная мера, чтобы не набаловать и не погубить остальных собак в охоте.

Настойчивая — такая борзая собака, которая если поведет зверя, то уже не бросит гнать — пока не выставит его до тороков борзятника или пока сама его не словит. Привязчивая среди гончих означает тоже самое, что настойчивая среди борзых.

Жадна к корму — та, которая наедается всегда до сыта и хватает корм полным ртом, захватывая его со дна корыта, для чего нередко опускает в корм голову совсем с глазами, чуть не до ушей. Такие собаки в большинстве случаев бывают досужи, вследствие чего составила у псовых охотников примета, вошедшая в поговорку: «жадная к корму — жадна и к зверю».

Скабежливая к корму — которая не ест, а только лижет корм, находя его как будто не вкусным, беспрестанно отрываясь от корыта как бы отыскивая чего-либо повкуснее и только после нескольких таких приемов станет лакать корм языком сверху, со всеми мерами предосторожности, чтобы не выпачкать себя; такие собаки до сыта никогда не наедаются и их непременно следует подкармливать особо.

Смирная — такая собака, которая избегает ссоры и драки со своими собаками, смирна к человеку, послушна к хозяину и вполне подчиняется его воле.

Зрящая — означает собаку глупую, которая зря бросается на всех и на все и в то же время ко всем ласкается. Для нее не существует хозяина; ей каждый человек — хозяин; она одинаково может и ласкаться, и укусить и чужого, и хозяина; точно также зрящая собака бестолкова и в полях.

Ласковая — такая собака, которая очень любит человека и при виде его выражает всегда радость: она готова прыгать, визжать от радости, лизать у него руки и быть готовой всегда к исполнению его приказаний. Ласковые собаки необыкновенно скоро привязываются к своему хозяину.

186. Выражения, употребляемые псовыми охотниками о наружном виде и частях борзой собаки:

Прямостекая — такая борзая, у которой степь (т.е. спина) пряма, как доска, находящаяся в горизонтальном положении. Прямостекаемость составляет преимущественно принадлежность всех сук борзой породы; насколько прямостекаемость служит достоинством у сук, настолько же считается недостатком у кобелей.

С верхом — означает борзую, у которой степь, возвышаясь постепенно от маклоков к середине, образует выгнутую кверху линию, которая, начиная от середины степи, изгибается к низу и незаметно соединяется с загривком собаки образуя у последней более или менее крутой наклон к переду и подъем к задку. «Верх» у борзых составляет принадлежность кобелей всех пород, за исключением крымских, означает: мощность, силу, пруткость и составляет красоту борзой собаки.

Перелякая — когда у борзой есть западина над ребрами, представляющая как бы изгиб к низу позвоночного столба, т.е. провислость степи, вследствие чего перелякая собака кажется седлистою (как лошадь); маклоки и концы лопаток сильно выдаются, возвышаются над степью: пахи большие и не

прикрывают подхвата. Вообще вид перелякой борзой самый безобразный и ничего не обещающий в пользу ее досуга.

С перслежиной — означает, что у борзой, иногда «с верхом» или хорошей «колодкой», есть небольшая перелякость, т.е. западинка степи у загривка. Перслежина составляет недостаток у борзых собак, за исключением крымских.

Растянутая — такая борзая, которая непропорционально длинна, т.е. расстояние степи от ребер к маклокам очень длинно, а зад (от маклоков до основания «правила») короток; причем ребра бывают редкие, много выше локотков, т.е. не низкие, а паха длинные. Растянутость у борзых вообще (а у кобелей в особенности) составляет большой порок.

В комке — означает собаку широкую плотно и коротко собранную, в противоположность растянутой, т.е. ребра — низкие, бочковатые; степь — короткая, колодка широкая, верх хороший, подхват высокий и паха малые. Лад собаки «в комке» составляет принадлежность кобелей всех пород борзых за исключением чистопсовых, брудастых, горских и крымских собак, которые никогда не бывают собаками очень собранными.

Ребристая — означает собаку с крутыми, бочковатыми, низкими и плотно между собой лежащими ребрами. Ребристость — неотъемлемый признак резвости, силы, пружинистости и мощности борзой собаки.

Лещеватая — означает собаку с редкими, плоскими, вислыми, низкими ребрами; такая форма ребер по-современному называется «ребра карасем», что составляет бесспорно большой недостаток в собаке и что никуда непригодно ни в какой породе борзых, означая несомненную слабость и тупость собаки.

Высокопередая — означает такую собаку, у которой загривок выше маклоков, вследствие чего линия степи находится не в прямом горизонтальном положении, а наклонена к задку. Высокопередые борзые встречаются по большей части среди собак мешаной породы и прямостепых.

Низкопередая — означает собаку, у которой загривок ниже маклоков, вследствие чего линия степи находится не в прямом горизонтальном положении, а наклонена к передку. Низкопередые встречаются по большей части среди борзых «с верхом» и несомненно своим строением обещают большую резвость и поимистость.

Вислозадая — такая борзая, у которой зад (начиная от маклоков, по направлению к основанию правила) сильно понижен от линии степи, образуя как бы тупой угол в горизонтальной линии степи, вследствие чего зад борзой кажется свислым, а потому такая борзая и называется «вислозадою». Вислозадыми борзыми могут быть и собаки низкопередые, а также и всех вышеозначенных видов.

Широкая — такая борзая, которая совмещает в себе ширину костей: зада, переда, груди, колодки и бочковатость ребер. Ширина борзой при сухости ног и головы составляет большое достоинство собаки.

Бескостная — в противоположность «широкой», такая борзая, у которой во всем видна скудость костей: ребра лещеватые, колодка узкая, с шатриной, маклоки близко поставлены между собой, ноги тонкие, не «костистые», груди совсем нет и вообще представляет вид «пряничного конька». Бескостная борзая может служить только комнатной забавой для детей.

Длинная — такая борзая, которая кажется длинною не от безмерной длины ступи (когда борзая называется «растянутой» или «саратовскими дорогами»), а от длины зада, при пропорциональности остальных частей тела. Длина у борзых (и в особенности у сук) составляет достоинство и красоту собаки.

Крупная — борзая собака должна быть ростом не менее семнадцати вершков в наклоне и не более девятнадцати вершков; более девятнадцати вершков борзых собак не бывает, и этот то рост встречается у борзых очень редко. Настоящий рост крупной борзой должен быть около восемнадцати вершков в наклоне.

Среднего роста — борзая считается от шестнадцати до семнадцати вершков в наклоне.

Небольшими — называются борзые, которые ростом бывают менее шестнадцати вершков в наклоне.

Глазастая — такая борзая, у которой большие, на выкате, черные глаза и черные веки. Такие глаза составляют красоту борзой собаки и много обещают в пользу полевого ее досуга.

Подслеповатая — такая борзая, у которой глаза маленькие и как бы прищуренные. Такие глаза составляют большой недостаток борзой, доказывают ее непородность и ничего не обещают в пользу ее полевых качеств.

Ореховый глаз — означает цвет глаза, который походит на цвет орехового дерева или на темно-карий глаз у человека. Ореховый глаз у борзой не составляет недостатка; и если по положению своему, величине к выражению не отнимает красоты у борзой, то тогда и с «ореховым глазом» борзая вполне может быть названа «глазастой».

Белоглазая — означает борзую, у которой цвет глаз светло-желтый или светло-зеленовато-желтый, белесоватый. Такой цвет глаз у борзых их безобразит, говорит о том, что такие борзые происходят от кровосмешения в близких степенях родства или от собак смешанной породы, составляет положительный недостаток собаки и ничего не обещает в пользу полевых ее достоинств.

С подопрелым глазом — означает борзую, у которой на одном или на обоих глазах веки не темного, а светлого телесного цвета, даже в том случае, если бы не все веки (т.е. крайки век), а только часть их была цвета телесного. Подопрелость глаз у борзой несколько не составляет порока, доказывающий ее или непородность, или полевую недосужность. С «подопрелыми глазами» борзые собаки могут быть собаками очень породистыми, в особенности из породы «псовых» собак, очень досужими в поле и при этом собаками «глазастыми», т.е. с прекрасными большими черными, навывкате и выразительными глазами. «Подопрелый глаз» может быть только неприятен на вид, как и неприятна иногда бывает

какая-нибудь неправильная отметина окраса на щипце или голове, нередко чистокровной и вполне лихой борзой. Поэтому пренебрегать породистой и во всех отношениях прекрасной борзой собакой, хотя бы и с подопрелыми глазами, никогда не следует, тем более, что подопрелый глаз преимущественно есть принадлежность борзых белого окраса, а белый окрас много говорит в пользу чистокровности борзых, «чистопсовой» и «псовой» породы.

С мертвым глазом — борзая, у которой яблоко, нередко большого и прекрасного глаза, очень глубоко помещается в глазной орбите, вследствие чего глаз кажется ввалившимся, сидящим как бы в яме, а веки — как будто отставшими от глазного яблока. С мертвым глазом борзые встречаются очень редко, и если встречаются, то преимущественно из породы горских и крымских собак; но за то сколько мне не приходилось встречать борзых собак с «мертвым глазом», за исключением уродов, я всегда находил их вполне лихими.

Со страшным глазом — когда у борзой на белках большого, свирепого глаза видны кровяные жилки, вследствие чего у такой борзой глаза ее кажутся с кровяными белками и, выражая при этом свирепость взгляда, такие глаза вполне оправдывают название «страшного» глаза. Борзые со «страшным» глазом встречаются преимущественно из породы курляндских, хортых и в особенности псовых собак, закрепивших за собою название «волкодав».

Шеистая — такая борзая, у которой шея длинная, гордая, конистая, как бы образующая от загривка собаки до затылка головы изогнутую кверху линию. Шеистая борзая необыкновенно красивая и доказывает свою чистокровность. Шеистые борзые встречаются по большей части из кровных чистопсовых, псовых и английских собак. Шеистость составляет отличительный признак чистокровности означенных пород.

Короткошея — такая борзая, у которой шея короткая, вследствие чего борзая бывает непоимиста и не особенно красива. Короткошеи встречаются преимущественно из мешаных борзых.

С правильной шеей — борзая, у которой шея хотя и негордая, неконистая, но тем не менее достаточно длинная, не провислая книзу, а прямая, пропорциональная величине собаки и правильно поставленная. С правильной шеей должны быть борзые всех пород и различия со шеистыми только тем, что не имеют той гордой постановки шеи, которой обладают шеистые борзые.

С ушами в отклад — означает борзую, у которой уши как бы сложенные вдвое вдоль, отложены назад и лежат вдоль шеи. «Уши в отклад» служат типичным признаком известных пород борзых собак, о чем и говорится во II ч. «Руководства».

С правильным зарезом ушей — означает борзую «с ушами в отклад», у которой маленькие уши лежат хорошо, подвернутыми внутрь, у затылка собаки, вдоль шеи, вместе рядом как бы соприкасаясь концами между собой. Такое положение ушей у борзой может быть только в спокойном состоянии; в возбужденном же состоянии она ставит их прямо — «конем» и держит строго. «С правильным зарезом ушей» могут быть только чистокровные

«чистопсовые» борзые. Это главный и неотъемлемый признак самой древнейшей русской борзой: «чистопсовой породы».

- С распущенным ухом — означает борзую «с ушами в отклад», у которой уши не имеют «правильного зареза», а помещаются вдоль шеи не соприкасаясь между собой концами и, кроме того, плохо подвернуты, т.е. сложенное вдвое ухо, как не подвернутое внутрь, не прячет лицевую свою сторону и не совсем открывает ушное отверстие. «Распущенное» ухо хотя и составляет недостаток у борзых, за исключением курляндских и мешаных, но тем не менее может встречаться иногда и у породистых борзых «псовой» породы, только, конечно, в слабой степени.
- С приподнятым ушком — означает борзую «с ушами в отклад», у которой и в спокойном состоянии почти постоянно одно ушко бывает приподнято прямо, «конем». «Приподнятое ушко» бывает преимущественно у борзых «с правильным зазором ушей» и служит признаком полевого досуга борзой.
- С ушами в чепце — означает, что у борзой, которая ставит уши «конем», кончики ушей в это время запрокидываются наперед. В «чепце» встречаются борзые преимущественно из породы псовых собак.
- Мешаное ухо — означает борзую, у которой уши низко и широко одно от другого поставлены, очень распущены и находятся в полуоткладе по бокам головы, в спокойном состоянии собаки; при возбуждении же состоянии она их поворачивает на хрящах к переду, свесив и запрокинув всю конечную половину уха наперед. Мешаное ухо составляет принадлежность мешаных борзых.
- С висячими ушами — означает борзую, у которой широкие, большие продолговатые уши висят, как у гончей собаки. Висячие уши должны прикрывать все ушное отверстие и прилегать плотно к щекам борзой собаки как в спокойном, так и в возбужденном состоянии; в последнем случае борзая только приподнимает их на хрящах кверху и, не поворачивая их никуда, как бы вздернувши их, ставит уши только выше и сближает их основаниями между собой, нисколько не изменяя при этом постоянно параллельного щек положения. «Висячие» уши составляют принадлежность чистокровных борзых горских и вообще азиатских собак.
- С ушами в бурках — означает борзую, у которой висячие уши покрыты длинной, мягкой, волнистой и шелковистой псовиной. Уши «в бурках» составляют исключительную принадлежность борзых горской породы.
- С голыми ушами — означает борзую, у которой уши не имеют бурок и покрыты очень короткой псовиной, как у пойнтера. Голые висячие уши составляют исключительную принадлежность борзых «крымской» и других азиатских пород борзых собак.
- С ушами на хрящах — означает борзую, у которой висячие уши не сразу от основания прилегают к щеке, а поддерживаясь на хрящах в верхней части, т.е. в загиб уха, отстают от щеки, образуя между щекой и ухом как бы просвет; вследствие чего, при возбужденном состоянии, такая собака, настораживая уши, непременно лицевую сторону их оборотить к переду

и тем положительно докажет свою нечистокровность. С ушами на хрящах могут быть только мешаные собаки, по большей части полукрымки.

С хорошей головой — такая борзая, у которой все части головы пропорциональны, правильны, изящны и совершенно соответствуют ее породе. «Хорошая голова» борзой должна быть сухая, костистая и покрыта тонкой кожей, сквозь которую должны быть видны жилы на щипце борзой.

С грубой головой — когда части головы хотя и соответствуют породе борзой собаки, но сыры, непропорциональны между собой и вообще не изящны.

Правильная голова — когда у борзой щипец длинный, ровный, лоб узкий, острок выдающийся, голова сухая, костистая и вообще со щипцом вместе представляет фигуру с боков как бы сжатую двумя прямыми почти параллельными плоскостями, едва заметно суживающимися у конечности щипца; линии же верхней и нижней части головы, означая профиль, образуют как бы клинообразную фигуру, сжатую сверху и снизу почти параллельными плоскостями, идущими от конца щипца до глаза, а от глаза заметно удаляющимися одна от другой. Такая голова (очень красивая) выставялась образцом головы борзой собаки старинными псовыми охотниками и называлась «клинчатой» или «головой клином»; она составляет исключительный признак чистокровности борзых «чистопсовой» и «горской» породы. Кровная «чистопсовая» борзая, не имеющая правильной «клинчатой» головы и ушей «с правильным зарезом» не докажет свою нечистокровность. Для собак же псовой породы такая голова только может быть желательной, приятной и нередко встречаемой, но обязательна, как исключительный признак чистокровности борзой псовой породы, т.к. псовая борзая есть собака, выведенная от чистопсовых с курляндскими борзыми, и поэтому, присущая последним некая грубоватость и широколобость головы сохранилась и у псовых борзых, только в более облагороженных и видоизмененных формах.

Широколобая — когда голова борзой хотя и представляет ровной, без западин, соединение со щипцом, но к ушам делаясь во лбу шире, как бы напоминает своей формой голову волка.

Прилобистая — когда лобные части головы, щеки и основание щипца не представляют ровного и прямого соединения с щипцом, а заметно увеличиваются в объеме против толщины щипца у его основания, вследствие чего голова такой формы и называется «прилобистой».

С прилобью — когда лоб борзой возвышен над щипцом и кажется выпуклым спереди, а к заду покатым. Многим псовым охотникам головы борзых «с прилобью» нравятся и не составляют недостатка собаки в смысле ее породности.

С правильным щипцом — такая борзая, у которой щипец как от основания, так и к концу почти не суживается, а представляет прямое и ровное продолжение головы борзой собаки; при этом обе челюсти должны быть одинаковой длины, так, чтобы верхние зубы соединялись с нижними, клыки скрещивались поверх десен и только один вощек выделялся над подбородком нижней челюсти борзой. Правильный щипец должен быть

ровный, длинный, сухой так, чтобы сквозь кожу его просвечивали жилы, и притом не курносый, т.е. без переслежины.

Острощиповатая — означает борзую, у которой тонкий щипец от основания своего по направлению к вошку очень суживается, заостряется и представляется (по выражению старинных охотников) «свайкой». Такая борзая очень некрасива и, не имею достаточной силы в челюстях, слаба для приемки зверя.

Короткощиповатая — означает борзую, у которой щипец короток, при чем всегда бывает грубой формы и нередко западиной у основания, вследствие чего кажется как бы вздернутым — курносым. «Короткощиповатость» доказывает в борзой грубую помесь и ровно как «острощиповатость» составляют большой недостаток в собаках борзой породы.

Горбоносая — такая борзая, у которой щипец, возвышаясь от лобной части головы борзой по направлению к вошку, образует верхней своей частью горбину, напоминая как бы голову донской лошади. «Горбоносые» борзые встречаются, хотя и редко, но преимущественно из собак псовой породы и, будучи во всех других отношениях правильными собаками, вполне могут быть собаками породными и очень хорошими. Горбоносые борзые могут не нравиться некоторым псовым охотникам, как не нравится типичная голова донской лошади, но из этого еще нельзя выводить заключения, что горбоносые борзые не могут быть собаками вполне дельными, красивыми и чистопородными.

Подуздоватая — у которой нижняя челюсть намного короче верхней, вследствие чего верхние передние зубы борзой как бы прикрывают нижние, не соединяются с ними и, выделяясь из-за нижних зубов вперед, нередко на палец и более, образуют пустое пространство между рядами зубов, которое всегда можно видеть, приподняв щипец борзой кверху. Кроме того, у «подуздоватых» борзых никогда не бывает заметного подбородка на нижней челюсти; вследствие чего щипец борзой собаки кажется стерляжьим носом, очень некрасив и составляет положительное уродство собаки, проявляющееся нередко у чистокровнейших борзых от кровосмешения в близком родстве. «Подуздоватость» составляет большой порок и иногда передается в потомство.

С сухими ногами — означает борзую, у которой ноги немясисты, покрыты тонкой кожей, сквозь которую видны выдающиеся жилы, и при том тонкие костью; поэтому сухие ноги борзой не всегда составляют большое достоинство собаки.

Сухие — костистые ноги — означают высшее достоинство борзой собаки. Такие ноги крепкие, прочные и широки костью, т.е. костистые; мускулы ног твердые, упругие и резко выделяющиеся; тонкая кожа обрисовывает все жилы и сочленение костей. С такими ногами борзая, при правильности остальных частей, не может быть тупой.

Сырые ноги — означают мясистость ног, вследствие чего сырые ноги представляются не плоскими с боков, а как бы кругловатыми; сочленения костей и жилы не

обрисовываются из-под кожи, и при том такие ноги бывают тонки костью. Вообще сырые ноги мало обещают резвости у борзой собаки.

Прямые ноги — когда передние и задние ноги борзой стоят как бы по отвесу, т.е. перпендикулярно к земле, если смотреть на собаку в профиль, сбоку.

В размет — когда передние и задние ноги борзой лапами повернуты в поле, локотки передних ног подвернуты внутрь так, что трут о ребра, а коленки задних ног почти соединены вместе и при движении едва не зацепляют одно о другое. Если случается, что у борзой задние ноги хорошие, а передние в размет, то так и говорят: «передние ноги в размет» и наоборот: если передние хорошие, то «задние ноги в размет».

Лыжеватые — когда передние и задние ноги борзой поползли вперед, вследствие чего борзая при движении кажется сидящею на ногах или как бы ползущею на пазанках. Лыжеватые ноги у борзой собаки бывают от плохой выкормки в щенячестве; от кормления щенят сырым мерзлым мясом или от кормления целой тушей, мясо которой щенок рвет зубами, упиравшись в него ногами, вследствие чего и портит себе ноги; от постоянной сидки взаперти без движения; и как последствие болезненного состояния собаки в щенячестве.

Лучковатые — говорят о задних ногах борзой собаки, у которой задние ноги, если смотреть с боку, стоят не прямо по отвесу, а как бы согнутыми в коленях или точнее, когда верхняя часть ноги, от стоячего как бы по отвесу пазанка, с коленки, подалась наперед, образуя в коленке тупой угол.

Задние ноги потянулись — означает постановку задних ног у борзой собаки. Такая постановка задних ног у борзой признана старинными псовыми охотниками за самый правильный и обещающий в собаке большую резвость. С такой постановкой ног борзая, когда стоит в спокойном состоянии, выражает как бы намерение броситься, вследствие чего задние ноги, как бы перенося свою тяжесть тела на передние ноги и, как бы приподнявшись на зацепах, упиравшись ими в землю, подались, потянулись вперед; словом, такая борзая всегда и везде выражает постановкой своих ног как бы напряженное внимание, желание воззреться, броситься, а потому о таких борзых нередко псовые охотники выражаются так: «не стоит, а летит ведь собака!»

С козинцем — означает борзую, у которой передние ноги согнуты в коленях, как у разбитой лошади. «Козинец» у борзых бывает как последствие английской и других болезней собаки в щенячестве. С «козинцем» борзые не приятны на вид, но скачут в поле хорошо и никакой хромоты не имеют.

С распущенными пальцами — означает болезненное состояние собаки, когда у нее от усиленной работы в полях ослабнут пальцы, вследствие чего они у борзой распускаются, и собаки стоят уже на одних пятках, а пальцы как мертвые, лежат прямо вытянутыми по земле, все рядом не образуя промежутков. С распущенными пальцами борзая уже скакать не может, и т.к. распущенные пальцы препятствуют при движении борзой, то она при ходьбе ноги приподнимает, как слепая или как лошадь со шпатом.

Распускаются пальцы преимущественно у собак рослых, очень резвых и осенистых.

- С гусиными лапами — означает борзую, у которой пальцы не сжаты плотно между собой, а как бы растопырены, образуя заметные промежутки. «Гусиная лапы» составляют врожденный и большой порок у борзой собаки.
- С русачьей лапой — означает борзую, у которой лапы продолговатые, сухие, костистые, как у русака: пальцы длинные, плотно прижатые как бы склеенные между собой и собраны так, что когтями втыкаются в землю. Такая лапа должна служить образцом лапы борзой и признаком резвости.
- С круглой лапой — означает борзую, у которой лапа менее продолговата, чем «лапа русачья», но все-таки продолговатая, а не совсем круглая, в буквальном смысле лапа может быть только у собак не борзой породы. «Круглая» лапа у борзых доказывает только некоторую сыроватость собаки и, при сравнении других частей, может служить признаком, говорящим не в пользу как полевых достоинств, так и чистокровности породы борзой собаки. При правильных же и вполне соответствующих известной породе ладах борзой собаки, круглая лапа может служить настолько же недостатком у борзой, насколько можно считать порочную руку человека с более короткими пальцами, но во всех отношениях правильную; т.к. у борзой собаки кругловатость лапы происходит от того, что пальцы такой лапы менее длинные, чем пальцы «лапы русачьей». Борзые с круглой лапой бывают необыкновенно крепконогие для скачки по колоте, т.е. по замерзлой земле, и каменистому грунту.
- На коготках стоит — это выражение должно относиться к постановке передних ног борзой собаки, у которой «задние ноги потянулись», и означает, что борзая стоит на зацепах передних ног, утыкая когтями в землю, а не на пятках. Такая постановка ног борзой может быть только при таком положении собаки, когда она «вся впереди», что считается псовыми охотниками лучшей постановкой, обещающей много в пользу резвости такой борзой.
- С хорошими черными мясами — означает борзую, у которой «черные мяса» полные, огромные, жилистые, твердые; мускулы узловатые и упругие. С хорошими черными мясами должны быть борзые всех пород. Черные мяса составляют неотъемлемую принадлежность резвости, силы, красоты и мощности борзой собаки.
- Без черных мяс — означает борзую, у которой черные мяса малы, слабы, на ощупь мягкие, мускулы неузловатые и неупругие. Без черных мяс борзая, какой бы породы она не была, не может быть никогда резвой, красивой, мощной. Плохие черные мяса положительно означают слабость и уродство борзой собаки.
- С хорошим подхватом — означает борзую, у которой живот, от нижних оконечностей ребер, постепенно подтягивается к позвоночному столбу; вследствие чего борзая с хорошим подхватом кажется как будто без живота, т.к. живот ее не должен быть виден из-за пахов. С хорошим «подхватом» должны быть все виды пород борзых собак.

Прибрюшистая — означает борзую, у которой живот плохо подхвачен и виден из-за пахов. Прибрюшистыми борзыми бывают собаки безреберные, т.е. у которых ребра не низкие, а намного выше локотков и преимущественно из борзых мешаной породы.

Пашистая — означает борзую, у которой паха низко спущены и длинны, образуя как бы занавески с боков собаки, чего не должно быть у борзой; паха, хотя и должны закрывать подхват, но должны быть подтянутыми и недлинными, т.е. малыми. Пашистыми собаками бывают преимущественно собаки «растянутые».

С правилом в чистом серпе — означает борзую, у которой «правило» (т.е. хвост), слегка понижаясь от основания к середине и затем, правильно загибаясь вверх, к концу, представляет вид серпа, т.е. правило, так же как серп, никуда не повихнутое и пологое, именно как серп изогнутое. Такая постановка у борзой правила очень красивая и составляет в некоторых породах борзых исключительный признак чистокровности.

С правилом в кольце — означает борзую, у которой правило от основания, постепенно загибаясь кверху, образует правильное кольцо, которое концом направляется к своему основанию. Такое правило также, как и предыдущее, правильно, красиво и также составляет исключительный признак чистокровности борзых некоторых пород.

С повихнутым правилом — означает борзую, у которой правило, нередко с середины, а иногда и в конце, при подъеме его сваливается на какую-либо сторону в виде конца штопора. Такое правило составляет недостаток в собаке и не очень красиво.

Примечание. Повихнутое правило означает иногда (при сравнении остальных частей борзой) нечистокровность борзой, а иногда бывает последствием повреждения его во время щенячества и даже в утробе матери. В последнем случае, у чистокровных борзых, в возрасте до 12 месяцев, повихнутое правило следует выправлять и всегда, умеючи можно его исправить (см. II ч.).

Повислое правило — если борзая собака никогда его не приподнимает и поднять не может, а оно висит у нее, как плеть, стучаясь о коленки задних ног. Такое правило составляет болезненное состояние собаки, произошедшее нередко от ушибов в поле, на угонках при травле в пеньках по порубу и т.п. причин.

Мешаное правило — такое, которое у всех пород русских мешаных борзых, завертывается на самом конце (как у борзых английской породы) в колечко, имея при этом значительное утолщение по середине правила, происходящее от густоты привеси; вследствие чего правила кажется распушившиеся с боков, от густой неправильной, т.е. не книзу опущенной привеси. Кроме того, мешаное правило никогда не представляет правильной постановки; оно по большей части бывает от основания прямым до конца, где и изображает какую-либо фигурку, в роде колечка или повихнутости и при этом никогда не может быть «в себе свободно», т.е. борзая таким правилом может только махать, как палкой, не имея способности ни

собрать, ни распустить его по произволу, имея способность движения только в основании правила. Мешаное правило служит у борзой доказательством ее нечистокровности.

Прикуц — означает борзую, у которой нередко правильное правило не имеет совсем одного или двух последних хвостовых позвонков или они бывают загнуты на какую-либо сторону. «Борзая прикуц» наводит на мысль, что в породе их были собаки «куцые» и только в редких случаях, при уверенности, что в данном роде, за несколько десятков лет, не было ни одной куцей собаки, можно с некоторой достоверностью сказать, что ненормальность данного экземпляра произошла случайно, в утробе матери.

Полухвостая — такая борзая, у которой правило вдвое короче нормального и представляется как бы отрезанным, а другая его половина как будто оторвана, не существует. Причины этой ненормальности те же самые, как и у борзых «прикуц».

Куцая — означает борзую, у которой правила совсем нет, а вместо него есть небольшой хвостик, в роде козлиного. Куцые, прикуцые и полухвостые борзые могут встречаться во всякой породе собак, нередко в совершенстве сохраняя типичные признаки своей породы. Такое явление в борзых, которое я объясняю игрой природы, может, как и «подуздоватость», передаваться в породу.

Примечание. Некоторые псовые охотники относят куцых борзых к особой породе под названием Анатольской. Против этого я ничего не скажу, допуская возможность существования куцых борзых всякой породы, а поэтому ничего нет удивительного, если и в Анатолии из борзых выражались собаки куцые. Но при этом считаю не лишним передать два проверенных мною в виде опыта следующих факта: «в 1851 году от маркловской суки и кобеля той же породы (род которых велся еще у моего отца несколько лет), я подарил кобеля и суку (щенят) моему управляющему из крепостных людей, Дмитрию Григорьевичу Щербакову, проживавшему в другом имении. Спустя после этого месяцев пять, я поехал в то имение, где управлял Щербаков, и встретил там моих легашей совершенно бесхвостыми, — Щербаков отсек им, и очень коротко (почти у самого основания) хвосты, по ложному уверению кого-то: «будто бы от этого легавые собаки бывают чутьистее». Таким образом, обезображенные прекрасные легавые собаки, навели меня на мысль: не будут ли они, при скрещивании их между собой передавать свое уродство, т.е. бесхвостость в род? И поэтому я приказал ему, Щербакову, произвести этот опыт; и опыт удался в пятом колене. Щербаков мне представил сучку, совершенно куцую, но от кровосмешения в близком родстве измельчавшую и не представлявшую уже тех высоких качеств, которыми обладает порода маркловских собак. Другой опыт я произвел над дворными собаками у себя в деревне, под личным моим наблюдением, и положительно пришел к убеждению, что вывести породу куцых собак всегда возможно щербаковским способом, а это приводит к заключению, что от случайного быть может повреждения или уничтожения хвостовых позвонков у собаки, всегда можно рассчитывать в породе таких собак встретить щенят с такими же недостатками, а потому и бесхвостые (т.е.

куцые) борзые также могут, выраживаться, во всякой породе борзых, вследствие только причин, для нас неизвестных, т.е. от намеренного ли или случайного повреждения хвостовых позвонков у представителей борзых куцой породы. По уверению меня старейших псовых охотников, знавших хорошо породу псовых собак, которую веду и я в настоящее время, в 1823 году была впущена в эту породу кровь куцого, благо в завитках, псового кобеля Наяна, принадлежавшего г. Богданову. И что же? Вот уже 65 лет как ведется эта псовая порода борзых и, при правильном ее ведении мною, более 35 лет, от собак этой породы, с правильными «в чистом серпе» правилами, нет-нет да и выкинется в помете один или два щенка «прикуц». А потому я никак не могу считать вероятным толкование о том, чтобы борзые куцые, и псовые, и брудастые, и крымские, и т.п., были все породы Анатольской, считая более правильным называть куцых борзых по породе их, т.е. «куцая горская», «куцая крымская», «куцая псовая», «куцая брудастая», «куцая мешанная» и т.д.

Псовая в завитках — означает борзую псовой породы, у которой псовина длинная, около двух вершков длины (за исключением уборной, отчесов и привеси, которые много длиннее) и вся как бы завитая в крутые кудри или завитки.

С вилой псовиной — означает борзую псовой породы, у которой псовина длинная, волнистая, но без завитков.

Прямопсовая — означает борзую псовой породы, у которой псовина длинная, прямая, но не волнистая и без завитков, а как бы развалившаяся на обе стороны собаки, висит прямыми прядями.

С клокастой, щетинистой псовиной — означает борзую брудистой породы, у которой псовина длинная, жесткая, запрокинутая наперед на шее, с клокастыми, густыми, щетинистыми бровями и жесткими усами.

С грубой, шерстистой, косматой псовиной — означает борзую мешаной породы, у которой псовина длинная, густая, как на волке, и жесткая на ощупь.

С мягкой, шелковистой псовиной — означает борзую, у которой псовина мягкая на ощупь, блестящая, как серебро, как шемаханский шелк.

Голошерстая — такая борзая, у которой псовина короткая, но у которой имеются отчесы, привесь и уборная псовина.

Голая — такая борзая, у которой вся псовина вообще короткая, и у которой нет ни отчесов, ни привеси, ни уборной псовины. У голой борзой все части головы, шеи, ног, правила и гачи покрыты почти одинаковой короткой псовиной.

ЧАСТИ БОРЗОЙ СОБАКИ:

Голова, глаза, веки, брови, уши, лоб, остряк, щипец, верхняя и нижняя челюсти, зев, зубы, клыки, воцек, десны, подбородок, шея, горло, загривок; степь, колодка, наклон, верх, шатрина, почки, крестец, маклоки, зад, правило; задние ноги, черные мяса, гачи, тетивы, вертлуги, сальце, коленки, пазанки, лапы, пальцы, зацепы, когти, подошвы, пятки,

мякиши; передние ноги, плечи, лопатки, локотки, коленки, пазанки, прибылые пальцы, лапы, пальцы, зацепы, когти, подошвы, пятки, мякиши; грудь, сокол, ребра, бока; подхват, брюхо, паха, посик и петля. Псовина, уборная псовина, отчесы, привеси и бурки.

Примечание. Пояснять все части борзой собаки я нахожу лишним ввиду того, что название большинства частей понятно для каждого, даже и не псового охотника. Некоторые же части борзой собаки, в виду своеобразности охотничьей терминологии, и нередко ошибочного определения их некоторыми псовыми охотниками, пояснить считаю необходимым, а именно:

Остряк — означает выдающуюся часть затылочной кости.

Щипец — означает верхнюю и нижнюю челюсти, взятые вместе с вошком и подбородком, от своего основания, т.е. от щек и лобных частей головы борзой собаки.

Вошек — оконечность носа, где помещаются ноздри, непокрытые шерстью, именно то, что у гончих и легавых собак называется чутьем.

Подбородок — нижняя часть оконечности нижней челюсти.

Загривок — продолжение верхней части шеи, лежащее над лопатками.

Степь — спина борзой собаки.

Колодка — часть спины борзой, от маклоков до ребер.

Маклоки — выдающиеся оконечности «папортных» костей, т.е. таза, к которым прикрепляются кости задних ног борзой и между которыми помещается крестец собаки.

Черные мяса — означают ляжки, окорока борзой собаки.

Гачи — задняя часть черных мясов борзой, на которой у некоторых пород борзых бывает уборная псовина.

Тетивы — сухожилия, соединяющее коленки задних ног с черными мясами.

Вертлюг — означает сустав, где соединяется задняя нога с папортною костью таза (1-й сустав).

Сальце — второй сустав задней ноги, направленный углом вперед.

Колено — третий сустав задней ноги, обращенный углом назад.

Пазанок — часть ноги между коленкой и лапой всех четырех ног борзой. Поэтому пазанки передних ног называются «передними пазанками», а задних ног — «задними пазанками».

Зацепы — оконечности пальцев с когтями, взятые вместе.

Мякиши — подошвенные части пальцев и пяток.

Посик и Петля — половые органы кобеля и суки.

Соколок — остроконечная, выдающаяся вперед, между плеч, часть груди.

Прибылые пальцы — находятся у борзых на внутренней стороне передних пазанков, между лапой и коленкой, и служат для упора борзой во время скачки, при остановке и поворотах на угонках.

Уборная псовина — бывает у борзых на гачах, кругом головы, на шее и на нижней стороне ребер и подхвата, и отличается сравнительной длиной.

Отчесы — выдающаяся с боков шеи, вроде бак, бакенбард у борзой собаки, псовина.

Привесь — псовина, висящая с нижней части правила и с задней стороны (от локотков до коленок) передних ног.

Бурки — означают длинную, волнистую псовину на ушах у борзой с висячими ушами.

187. Выражения, употребляемые псовыми охотниками о наружном виде и частях гончей собаки:

Ладистая — такая гончая, у которой все части пропорциональны, т.е. ни высока на ногах, ни низка, ни длинная, ни коротка, при этом была бы широка, сухонога, подрывиста, немелкая и непереляка; чутыста, глазаста, с правильным гоном и головой.

Суховата — означает гончую, у которой ноги очень высоки, ребра коротки, много выше локотков; не подрывиста, хотя вообще очень тонка; вследствие чего кажется как бы стоящая на «сохах» (посохах, т.е. тонких столбах), вместо ног.

Таксовата — такая гончая, у которой ноги очень коротки, кривоватые, а сама она длинная.

Переляка — (см. перелякую борзую, ч. I).

Прясловатая — такая гончая, у которой спина очень растянута, узка, как и крестец, вследствие чего между маклоками не укладывается даже двух пальцев, и вообще видом своим она напоминает растянутую и лещеватую борзую.

Ребристая — (см. ребристую борзую, ч. I). Ребристость гончей собаки означает ее мощность, выносливость и составляет достоинство собаки.

Подрывистая — такая гончая, у которой живот не выдается из-за пахов и так же подтянут, как у борзой «с хорошим подхватом». Подрывистая гончая, при сухости и костистости ног, а также ребристости обещают быть собаками очень паратыми и нестомчивыми.

Широкая — (см. широкую борзую, ч. I). Ширина гончей, при сухости ног и головы, составляет большое достоинство собаки.

Рослая — такая собака, которая должна быть не менее четырнадцати и не более шестнадцати вершков в наклоне. Как исключение, как редкость, встречаются гончие около семнадцати вершков ростом.

Среднего роста — гончая считается от тринадцати до четырнадцати вершков в наклоне.

Мелкими — гончими называют таких гончих, которые ростом бывают менее тринадцати вершков в наклоне.

Глазастая — такая гончая, у которой большие, навывкате, черные глаза и притом умные, выразительные.

С глазом на слезе — означает гончую, у которой большие, умные и выразительные глаза, как бы подернутые слезой, из-за которой виднеется кровяной белок свирепого на вид ее глаза. С «глазом на слезе» гончие встречаются преимущественно из зверогонов, и такие глаза составляют большое достоинство у гончих собак.

С дурацким глазом — означает гончую, у которой хотя глаза большие навывкате, но цветом светлые, как у «белоглазой» борзой (см ч. I) и притом ничего не выражающие. С дурацким глазом гончие никогда не могут быть хорошими гонцами, всегда бывают непослушны, бестолковы, беспрестанно забывают приказание и вообще очень глупы.

Подслеповатые — (см. подслеповатую борзую, ч. I). Подслеповатые глаза у гончей доказывают ее непородность и ничего не обещают в пользу полевых ее качеств.

Чутьистая — такая гончая, у которой чутье широкое, ноздри большие, вся поверхность чутья «смачная», мокрая, из ноздрей постоянно выделяется как хрусталь чистая влага, которая, собираясь, как прозрачная росинка в капельку, держится на чутье гончей, пока не переполнится и не скапнет в ожидании новой капли. При этом чутье вообще (что называется у борзой вощком) и ноздри в особенности у чутьистой гончей очень подвижны, развиты, она может ими ворочать во все стороны и зачуивать на очень далеком расстоянии.

С тонким, плотно прилегающим ухом — такая гончая, у которой ухо тонкое, не очень большое и не маленькое, висит ровно вдоль щеки собаки, плотно прилегая к щеке, как ухо у крымской борзой, при этом форма уха должна быть не круглая, а суживающаяся книзу, вроде треугольника, нижний угол которого не острый, а закругленный. Если у гончей ухо внизу совершенно круглое и книзу не суживается, а все от основания ровное, то такое ухо означает месь в породе русских гончих. Длиной ухо должно быть в полголовы гончей собаки, т.е. если взять за конец уха и приложить его к глазу собаки, то чтобы ухо не доставало немного до глаза.

Лопухая — такая гончая, у которой большое, длинное, спускающееся много нижней части головы ухо, которое при этом довольно толсто полотном, ровно краями и внизу совершенно круглое. Такие уши болтаются у гончей, как лопухи. Лопухие гончие никогда не бывают очень параты.

С легавыми ушами — означает гончую, у которой большие тонкие и длинные уши, свернувшиеся в трубку, как у легавой маркловской породы; с такими ушами гончие также не бывают параты и преимущественно встречаются из породы французских гончих и мешаных с легавыми собаками.

Полувисячее ухо — очень небольшое на хрящах и имеет способность по желанию собаки откладываться, как у борзых «в откладе» или запрокидывается вперед, как у мешаных борзых «с ушами на хрящах» (см. ст. 186, ч. I); полувисячее ухо составляет исключительный признак гончих костромской породы и вообще мешаных гончих с дворными собаками-остроушками.

Головастая — означает гончую, у которой голова велика, кругла, короткочутовата и прилобиста. С такими головами гончие бывают преимущественно из породы польских пеших гончих собак.

Длинночувоватая — означает гончую, у которой голова продолговата, чутье, т.е. то, что у борзых называется щипцом, длинное, ровное, лоб скорее широкий, чем узкий, но соединение его с чутьем незаметное. С такой головой гончая очень красива и должна быть парата.

Короткочувоватая — такая гончая, у которой чутье немного вздернуто и коротковато, голова прилобиста (см. прилобистую борзую ст. 186, ч. I) и вообще кругловата. Короткочувоватые гончие бывают очень чутьисты, верны, нестомчивы и средней ноги (см. гончих средней ноги, ст. 171, ч. 1).

Вострочувоватая — у которой чутье к концу сужено, а во лбу голова широка, словом, голова вроде волчьей.

Узкоголовая — означает гончую, у которой с боков голова ровная, лоб узкий, а чутье коротковато.

Крепконогая — такая гончая, у которой ноги сухие, костистые, а портки задних ног и мускулы передних ног вообще хорошо развитые, когти короткие, прочные, острые, постанов ног правильный, и ноги зацепами утыкаются в землю (см. ноги борзых ст. 186, ч. I).

С прибылыми пальцами — означают гончих, у которых на пазанках задних ног с внутренней стороны бывают по одному и по два от одного корня выросшие пальцы. С прибылыми пальцами на задних ногах гончие хотя и бывают иногда хорошими гонцами, но не всегда бывают собаками очень паратыми, а скорее всегда пешими и притом, исключая польских гончих, положительно доказывают мес: присутствие в породе таких собак польской или легавой крови.

Прямогонная — такая гончая, у которой гон (т.е. хвост) прямой, идущий от основания прямо и в конце только приподнятый кверху, вследствие чего у прямогонной гончей гон представляет продолжение прямой линии спины, полого изгибаясь кверху, изображая как бы серповидную фигуру.

Крутогонная — такая гончая, у которой гон от основания идет кверху, загибаясь в правильное кольцо на спине гончей, при этом никуда на сторону не должен быть повихнут или скинут.

С мешаным гоном — такая гончая, у которой гон от основания идет книзу прямо и на конце завертывается в колечко, притом в себе несвободен, шерстист, нередко повихнут на сторону и вообще напоминает собой мешаное правило борзой (см. ч. I).

Сырая — такая гончая, у которой голова и ноги сыры, сама же прибрюшиста, и костей мало, а мускулы слабы.

В борзых ладах — такая гончая, у которой ноги и голова сухи, костисты, гон прямой, сама подрывиста и длинночутовата.

Прибрюшистая — означает гончую, у которой нет подрыва, и брюхо выделяется в виде бочонка.

С кровеным когтем — означает гончую, у которой на некоторых из пальцев, при черных или белых когтях, бывают когти коричнево-телесного цвета. С такими когтями гончие, по уверению некоторых псовых охотников, бывают хорошими гонцами.

Шерстистая — такая гончая, у которой шерсть плотная, густая, блестящая, не длинная и не особенно короткая, но плотно прилегающая к телу собаки. Таких гончих называют иногда «теплыми собаками». На гачах и с нижней стороны гона шерсть пушистая.

Голошерстая — такая гончая, у которой шерсть очень короткая, блестящая, как у пойнера, и только шерстиста на нижней части гона и на гачах.

С брудью — означает гончих, у которых шерсть жесткая, грубая, довольно длинная, как бы завитая, при этом жесткие, густые усы и такие же брови, нависшие над глазами.

Густошерстая — такая гончая, у которой шерсть не в меру длинна, космата, на гачах и на гону образуется от длины шерсти как бы привесь и уборная псовина.

ЧАСТИ ГОНЧЕЙ СОБАКИ

Голова, глаза, веки, брови, уши, лоб, остряк, чутье, верхняя и нижняя челюсти, зев, зубы, клыки, десны; подбородок, горло, шея, загривок; спина, мочи, почки, крестец, маклоки, зад, гон; задние ноги, портки, гачи, вертлуги, тетивы, сальце, коленки, пазанки, задние прибылые пальцы*), лапы, пальцы, зацепы, когти, подошвы, пятки, мякиши, грудь, соколок, ребра, бока, подрыв, брюхо, паха, посик, петля, передние ноги, плечи, лопатки, локотки, коленки, пазанки, лапы, зацепы, пальцы, передние прибылые пальцы, когти, подошвы, пятки, мякиши и шерсть на собаке.

*) Задние прибылые пальцы некоторые называют шпорами, но это неправильно по той причине, что это термин не псовых охотников, а термин петушиных охотников, разбирающих шпоры у петухов. У собак же, как бы то ни было, даже и у легавых, это не шпоры, а *прибылые пальцы*.

Примечание. Части гончей собаки называются почти так же, как и у борзой, только некоторые из частей рознятся в названии, а потому только о них я и считаю нужным объяснить следующее: «чутьем» называется у гончих как та часть, которая называется у борзых «щипцом», так и та часть, которая у борзых называется «вощком». «Подбрудок» означает отвислость кожи под нижней челюстью, вроде брылей у легавой. «Мочи» означает ту часть спины, что у борзых называется «колодкой». «Гон» означает хвост гончей собаки. «Портки» означает ту часть, которая у борзой называется «черными мясами».

ГЛАВА 23

УПОТРЕБИТЕЛЬНЕЙШИЕ КЛИЧКИ РУССКИМ БОРЗЫМ, СООБРАЗНЫЕ ИХ ПОРОДАМ

188. Клички борзым собакам чистокровной породы:

Кобелиные:

Резвый
Крылат
Порхай
Завьял
Пылай
Швырок
Сокол
Стреляй
Злодей
Пагуб
Терзай
Завладай
Вихрь
Убей
Поражай
Разбой
Черкай
Отличай
Подар
Мильй
Размет
Красай
Удар
Кидай
Любим
Отмен
Наглец
Невзор
Озорной
Награждай
Примет
Сорван
Угар
Срамец
Сайтар
Раскос
Карай
Удалой и т.п.

Сучьи:

Быстра
Летка
Пулька
Стрелка
Вьюга
Една
Змейка
Язва
Доезда
Пагуба
Лихотка
Завлада
Вихра
Заезда
Победка
Челна
Совка
Отлика
Юрга
Милка
Раскида
Красотка
Сударка
Любка
Отменка
Наградка
Нагла
Зорка
Шельма
Сорва
Товарка
Мытарка
Тиранка
Сайга
Насмешка
Касатка
Ерза
Заноза и т.п.

189. Клички борзым собакам псовой породы:

Кобелиные:

Обругай
Жеман
Розан
Хищный
Поспех
Дарьял
Злоим
Дружок
Завит
Ругай
Троян
Нахал
Беркут
Позор
Блистай
Одинор
Рамзай
Обгор
Ураган
Злорад
Опромет
Партизан
Наян
Обрываи
Пальман
Тиран
Удав
Оспор
Чаус
Изверг
Урвач
Ахид
Колпик
Сердечный
Похвал
Зверь
Свиреп и т.п.

Сучьи:

Обруга
Жеманка
Розанка
Подруга
Награда
Дара
Нега
Дружба
Завитка
Отрада
Голубка
Обжога
Колцица
Слава
Обида
Досада
Дивна
Нимфа
Услава
Плюха
Проказа
Партиза
Зара
Обрыва
Пальма
Страда
Белка
Кара
Утеха
Ковка
Прорва
Ладна
Угроза
Замета
Победа
Отвага
Зазноба и т.п.

190. Клички борзым собакам курляндской породы:

Кобелиные:

Ахиллес
Асмодей
Нанан
Барс
Тигран
Аяй
Султан
Вельзевул
Скосырь
Атаман
Полкан
Арнаут
Чародей
Добрыня
Вулкан
Марс и т.п.

Сучьи:

Роксана
Дия
Волна
Сильфида
Тигра
Урбина
Преслава
Фея
Наяда
Львица
Гарпуна
Туча
Чародейка
Буря
Сирена
Изида и т.п.

191. Клички борзым собакам брудастой породы:

Кобелиные:

Дракон
Сатана
Вандал
Пожар
Демон
Сатир
Черт
Дикобраз
Леший
Вампир
Шайтан
Усач
Сибирь
Хапун
Аспид и т.д.

Сучьи:

Ведьма
Жаба
Сваха
Искра
Выдра
Злыдня
Чертовка
Медуза
Колдунья
Камбала
Брюзня
Усанка
Фурия
Кострика
Хапуга и т.д.

192. Клички борзым собакам горской породы:

Кобелиные:

Аслангир
Мамлюк
Джигит
Мулланур
Арамис
Хан
Драгоман
Узбек
Гасанбей
Кайсак
Мурза
Амалатбек
Джейран
Караус
Кокташ
Лезгин
Тимур
Чулубей
Шамиль
Фоблаз
Кунак
Казбек
Алакун
Гудал
Селим и т.п.

Сучьи:

Зюльма
Чадра
Селима
Гольда
Кокетка
Ханка
Сумбука
Зарема
Заира
Коханка
Фатима
Гречанка
Бэлла
Гайда
Лезгинка
Грузинка
Тайга
Сора
Леста
Таира
Тамара
Картинка
Птичка
Мулатка
Зюлейка и т.п.

193. Клички борзым собакам крымской породы:

Кобелиные:

Моряк
Цыган
Черкес
Ятаган
Гривас
Ветран
Чумак
Аргос
Зефир
Бедуин
Булат
Валах
Агат
Любезный и т.п.

Сучьи:

Ганза
Цыганка
Арапка
Полька
Сарна
Молдаванка
Фраза
Астра
Алта
Сахара
Черкиза
Ласка
Хивинка
Ночка и т.п.

ГЛАВА 24 УПОТРЕБИТЕЛЬНЕЙШИЕ КЛИЧКИ РУССКИМ ГОНЧИМ СОБАКАМ

194. Клички гончим выжлецам:

Ошара. Бушуй. Бандор. Водило. Гаркало. Реут. Громило. Говор. Кашмило. Коптило. Сполох. Кутило. Кенарей. Волторн. Докучай. Дикарь. Ворон. Грачик. Палило. Добор. Заиграй. Перекат. Набат. Хлестало. Соловей. Строчило. Сарачай. Чудило. Помыкай. Томило. Турило. Жадай. Рыдало. Вопило. Звонило. Утешай. Брызгало. Журило. Сирота. Остан. Колотило. Звонок. Габой. Фагот. Скворец. Добыч. Задирай. Ворошило. Страдай. Плакун. Добывай. Орало. Ярило. Скакун. Будило. Прыгун. Решило. Крушило. Сокрушай. Шумило. Губило. Гвоздило. Зажигай. Волнуй. Срамило. Правдило. Румяный. Закликай. Крутило. Задор. Заливай. Норман. Зепало. Бранчило. Зазвон. Запевай. Хорошай. Запевало. Росило. Стонай. Красило. Рыдай. Рачило. Попирай. Хайло. Дрозд. Певун. Натекай. Полаз. Стебало. Драчун. Дроздило. Дурило. Бурлило. Обымай. Подхват. Поласкай. Допрос. Замышляй и т.п.

195. Клички гончим выжловкам:

Арава. Шумка. Бандорка. Водишка. Ракетка. Громишка. Говорушка. Кутишка. Канарейка. Флейта. Докука. Дикарка. Галка. Задорка. Звонишка. Доборка. Дубрава. Соловка. Сорока. Помыка. Плакса. Вопишка. Утешка. Журишка. Скворка. Колотушка. Добывка. Крикса. Будишка. Зажига. Румянка. Заклика. Крутишка. Заливка. Помчишка. Норма. Запевка. Росишка. Натечка. Рачишка. Дубровка. Тревожка. Тревога. Правдишка. Прыгуша. Певунья. Кликуша. Хорошавка. Красишка. Чечетка. Волторна. Веста. Галда. Застона. Разгрома. Замысла. Обыма. Шумка и т.п.

ГЛАВА 25

О ЗАРАЗИТЕЛЬНЫХ БОЛЕЗНЯХ У СОБАК

196. Заразительными болезнями у борзых и гончих собак псовыми охотниками признаны болезни следующие: забойка, парши, чума, стечка и бешенство. Поэтому при приобретении собак нужно быть крайне осторожным, дабы не заразить приобретенной собакой всех своих собак и не погубить их окончательно, т.к. некоторые из упомянутых болезней бывают неизлечимыми.

197. Признаки забойки:

Забойка у собак всегда начинается с ног и служит преддверием паршей, в которые она непременно перейдет, если не будет захвачена вовремя лечением. Забойка у собак прежде всего замечается между тетивами и костью задних ног, на пазанках, ляжках и между локотками и ребрами, т.е. подмышками. Обозначается забойка краснотой тела на упомянутых частях собаки, и зудом этих частей, т.е. чесоткой, которую собака выражает тем, что беспрестанно чешется задними ногами или грызет зубами свербящие места. Затем краснота тела распространяется на пах, брюхо, к ушам и на щипец борзой, также на чутье, т.е. передние части головы гончей, причем волосы на пораженных частях начинают выпадать, обнажая красноватое, покрытое как бы мелкой сыпью тело собаки. Если потереть пораженные забойкой места у собаки пальцами руки и потом понюхать эти пальцы, то от них будет сильно пахнуть псиной. Это верное доказательство присутствия у собаки забойки, хоть на глаз она и не особенно заметна. Забойка до такой степени заразительна и прилипчива к здоровым собакам, что для того чтобы заразить здоровых собак, достаточно им пробыть вместе с больной собакой одни сутки или поместить их в то помещение, где находились прежде, хотя бы несколько дней тому назад, больные забойкой собаки. Забойка есть первая степень болезни паршей, заводится вследствие плохого и неопрятного содержания собак, вследствие постоянного кормления собак сырым мясом и падалью и вследствие заражения. Вывести застарелую забойку довольно трудно, а когда она перейдет в «сухие парши», то почти совершенно невозможно, хотя и есть верные средства от «сухих паршей», но вынести болезнь и лечение, сопряженное с большой осторожностью, может из десяти только одна или две собаки.

198. Признаки паршей:

Шерсть на собаке облезла, кожа на пораженных местах утолщена и местами собрана в складки рубцами, между которыми иногда мокнет, вследствие чего образуются мелкие струпочки, собака ужасно чешется, с визгом, шерсть, которая на ней еще осталась, становится редкой, песиковатой, опрокинувшейся наперед. Собака худеет и начинает терять аппетит и бодрый вид. Запах псиной от такой собаки невыносим, достаточно привести такую собаку в комнату, чтобы моментально наполнить ее отвратительнейшим запахом псины. Другой вид паршей называется «сухими паршами». «Сухие парши» не мокнут, но зато вся собака в сухих паршах становится голой, на ней не остается ни одного волоска. Кожа также утолщена, собрана в складки, собака чешется также ужасно, быстро худеет и более года-двух уже не живет в «сухих паршах», околевает.

199. Признаки чумы:

Собака прежде всего начинает першить, т.е. кашлять, чутье делается горячее, сухое, затем кашель усиливается с позывом к рвоте; собака начинает избегать дневного света, глаза воспаляются, веки прищурены, дыхание делается тяжелым, иногда собака начинает «носить боками», перестает употреблять пищу, вдруг ослабевает, лежит почти без движения и вскоре околевает или показывается из ноздрей слизистая мокрота, глаза начинают гноиться, собака продолжает бродить, есть корм, но быстро худеет, доходит до

изнеможения, начинает шататься, падает, затем или околевает, или болезнь, затягиваясь на несколько месяцев, проходит у собак иногда бесследно, а иногда оставляет после себя на всю жизнь у собаки или слепоту или шать, т.е. подергивание членов. Чума — болезнь до сих пор пока неизлечимая и очень заразительная, но избежать чумы у собак почти всегда возможно предлагаемым мной (в ч. II «Руководства») способом, если только произведенный мной опыт в течение двух десятилетий не был простой случайностью.

200. Признаки стечки:

Стечка есть (по моему мнению) первая, а иногда и последняя степень бешенства. В первом случае признаки стечки выражаются следующим: собака, на вид совершенно здоровая, вдруг перестает есть корм, затем делается необыкновенно весела, играет, ласкается к человеку и собакам, глаза наигранные, веселые, чутье только горячее, хвост в сильном движении, как у собаки в возбужденном состоянии, во время рыска или (у гончей) в ползае; уши также возбуждены, при этом заболевшая собака, если она на свободе, бежит со двора, играючи, куда глаза глядят. На кличку является, как будто не теряет памяти, но брошенный ей кусок хлеба она не ест, а хватается, грызет, как бы с остервенением, если только собака эта была очень послушной, ручной; если же собака эта была более дикой, скоросой, то она будет бежать от брошенного ей куска хлеба, как от палки или камня. Необыкновенная в характере собаки перемена, и к тому же беспричинная, ясно для охотника докажет признаки болезни собаки, называемой стечкой и, продолжая следить за такой собакой, вы убедитесь в самом непродолжительном времени (т.е. если заболела собака поутру, то к вечеру), что собака эта стекла, т.е. сбежала со двора, если она на свободе, или совершенно ослабевает, или начинает грызть других собак, кидаться на людей и на все, попадающееся ей на пути. Кроме того, перед стечкой собаки начинают иногда взвывать каким-то странным, изменившимся голосом, что опять-таки опытный охотник всегда может узнать. Нередко случается так, что собака вдруг, без всякой причины, сидит и воет или сидит и ошелкивается, как будто ловит мух, которых совсем нет. Все это, взятое во внимание, ясно говорит о ненормальном состоянии собаки и указывает на стечку, которая необыкновенно быстро уничтожает собаку, т.е. собака или очень скоро околевает, или окончательно бесится, или приходит в параличное состояние и также во всяких случаях скоро оканчивает свое существование. Иногда стечка выражается у собак обратно; собака делается очень скучна, хвост опущен и болтается как плеть между ног, чутье горячее, ест корм она как будто хорошо, а корм не убавляется, это происходит от парализации нижней челюсти, которая вскоре после постепенного отпадания совершенно отваливается, повисает так, что собака никак не может уже сжать зева и в таком виде, нередко поражаясь шатом, собака околевает в припадке тихого бешенства. Признаки стечки до такой степени разнообразны, что все их перечислить положительно невозможно, например, нередко стечка начинается беспричинной хромотой собаки или опухолью горла, но конечный результат один и тот же: быстрая смерть в припадке тихого или буйного бешенства. Поэтому всякое ненормальное, беспричинное состояние собаки с потерей аппетита, при горячем чутье и с необыкновенными проявлениями движений, всегда может служить основанием к предположению у собаки стечки, вследствие чего всегда полезно немедленно отделить такую собаку, т.к. стечка чрезвычайно прилипчива и заразительна, более даже самого бешенства, которое передается другому животному только при укусе. Стечка — болезнь неизлечимая, смертельная и скоротечная.

Примечание. Считаю нелишним сообщить редкий случай стечки гончих собак в охоте господ А.В. и Л.В. Жихоревых (в то время они имели общую псовую охоту). В 1853 году во время отъезжего поля г.г. Жихоревы охотились в Бобровском уезде Воронежской губернии, где с ними и я с моим отцом вместе охотились до 16-го октября и совершенно благополучно, гончие гоняли великолепно, собаки были все в порядке, здоровы и веселы. 14-го октября мы перешли с охотой в село Александровку, имение генерала А.Б. Казакова, где 15-го сделали дневку, а 16-го выехали в поле с

собаками. Часов до 12-ти гончие гоняли отлично; затравлено было штук семь лисиц из-под гончих и несколько русаков, после чего гончим велено было идти на квартиру, а борзятникам проравняться сорами к дому. Только мы с борзыми стали заравниваться местами, а гончие с доезжачим и подгонщиками отправились левее нас на квартиру, как вдруг мы были изумлены следующей картиной: находящаяся еще на виду у нас стая гончих, и в чистом поле, вдруг побросилась в голоса за чем-то; живо подгонщики заскакали и остановили гончих; доезжачий зазвал в рог, гончие повалились на рог, и, наконец, мы видим: доезжачий собрал гончих в стаю, поворотил с ними в противоположную сторону с одним погонщиком; а другой погонщик бросился во все ноги по тому направлению, куда прежде побросилась была вся стая. Надо заметить, что вся стая гончих состояла из 32 собак в напуску, постоянно ходили за замечательным по езде мастером, жихоревским доезжачим, Данилом Яковлевым, без смычков и была вполне послушна доезжачему. Что же такое могло произойти у гончих, что стая побросилась... Доезжачий повернул в другую сторону, а другой подгонщик ускакал, скрывшись из вида! Посланный к доезжачему стремной объяснил нам, что Заливка вырвалась из стаи и во все ноги, в голос, затопилась в чистые поля, а за нею побросилась было в голоса и вся стая, которую остановили и собрали; но Заливку не могли уехать, и поэтому за ней ускакал один погонщик. На это известие, в высшей степени опытный и понимающий дело псовой охоты, страстный и настоящий псовый охотник Лев Васильевич Жихорев заметил мне, опечалившись: «Ну, брат, конец охоте — стечка!» И действительно, слова его оправдались: Заливку подгонщик не нашел. Она как в воду канула, скрывшись в сорах за непроездной ложиной. На другой день стекло у нас еще две гончих собаки, и, пока мы пришли домой в Шацкий уезд Тамбовской губернии, в течение 11 дней перехода, из тридцати двух собак гончих мы довели домой только девять собак, из которых уже дома стекли еще три собаки, а остальные все покончились еще дорогой. Вот случай быстрой стечки собак, из которых ни одна не болела более 2¹/₂ суток, а некоторые околевали в течение нескольких часов. Что за болезнь стечка и какие были к ней причины? — это осталось для нас и по сей день неразгаданным. Поэтому я и решился сообщить об этом факте стечки собак, доказывающем силу заразительности этой болезни, с целью обратить на эту болезнь, называемую на охотничьем языке стечкой, внимание людей, более меня ученых и сведущих. Быть может, они найдут причины ее и средства к определению и излечению этой страшной губительной болезни у собак.

201. Признаки бешенства:

Бешенство у собак выражается также не одинаковым образом: или собака скучна, понура; хвост опущен, глаза блуждающие, зрачки расширены; бежит она зря, шатается, как пьяная, натывается на предметы, как слепая; кусает все встречное, или собака имеет вид бодрый, веселый, бегаёт твердой поступью, глаза веселые, какие-то отчаянные и вместе с тем как бы пугающиеся, зрачки так расширены, корма в обоих случаях бешеные собаки не только не едят, но к ним не подходят; боятся воды и жидкой пищи *). Бешеная собака бросается за всем, кусает и грызет все, ей попадающееся на пути, и если бросается на какое-либо животное, то принимает мертво, но в это время, видимо, теряет память, так что здоровая, т.е. небольшая собака, всегда легко может вырваться и убежать от бешеной собаки, которая в припадке бешенства нередко обмахивается, т.е. делает промахи, берет

*) В первый период бешенства заболевшие собаки иногда даже едят жидкий корм и вообще все, им даваемое, поэтому надо быть *всегда* очень осторожным с подозрительной собакой.

собаку не в то место, куда следует или куда намеревалась, а в другое; нередко, например, вместо шиворота, куда метилась бешеная собака, вцепляется зубами в землю и т.п., но после этого, сейчас же приходит в память и на зов хозяина бежит к нему ласкаясь. Этот вид бешенства у собак самый опасный, т.к. хозяин, не совсем еще уверенный в действительном бешенстве своей собаки, а нередко из жалости, из любви к собаке, стараясь отклонить предположение даже о бешенстве, допускает ее близко к себе и оттого всегда рискует быть ею укушенным. Бывали такие случаи, что взбесившаяся собака, ласкаясь к своему хозяину, извивается у ног его, улыбается (приподнимая верхнюю губу), но в то время, как хозяин хочет ее приласкать рукой, она (как бы от желания предостеречь хозяина от опасности) судорожно защелкает зубами и, отстраняясь от его ласк, стараясь убежать от него. Взбесившаяся собака всегда старается сбежать с двора, но ожидать ее возвращения, хотя бы на самое короткое время, непременно следует до трех дней; т.к. взбесившаяся собака, если не погибнет за эти три дня после ухода, непременно в этот период времени навестит свое пепелище. Бешенство у собак — болезнь опасная, смертельная и по нынешнее время неизлечимая, т.к. до сих пор я не знаю случая, чтобы взбесившаяся собака могла быть вылечена, не включая тех случаев, когда собак, перекусанных бешеной собакой, лечат еще совершенно здоровых, но только израненных; такие собаки иногда и без всякого лечения, частью остаются совершенно здоровыми, а частью, несмотря ни на какие лекарства, бесятся, и что особенно удивительно, нередко бесятся те собаки, у которых нет ни одной хватки; а израненные иногда выздоравливают, т.е. не заболевают бешенством ни после укушения, ни в продолжение остальной их жизни, если не повторится вторичного случая укушения бешеной собакой.

ГЛАВА 26 О ЗАРАЗИТЕЛЬНЫХ БОЛЕЗНЯХ У ЛОШАДЕЙ

202. Заразительными болезнями у лошадей псовые охотники признают: сап, лихой, паршу и прикуску. Поэтому при приобретении лошадей для псовой охоты, прежде всего следует обращать внимание на лошадь, — не одержима ли она какой-либо заразительной болезнью, дабы не перепортить и не погубить имеющихся уже лошадей, т.к. дорожить хорошими охотничьими лошадьми заставляет само благоразумие, ввиду того, что доставать хороших *настоящих охотничьих* лошадей чрезвычайно трудно и притом сопряжено нередко с большими расходами.

203. Признаки сапа:

Шерсть на лошади как опаленная; десны очень бледные; под нижней челюстью, около костей (салазки) ощупываются железы вроде горошин, катающихся под кожей с внутренней стороны салазок; из ноздрей идет гноевидная материя. Сап — болезнь неизлечимая и заразительная даже для человека.

204. Признаки болезни лихой:

Лошадь худосочна; под нижней челюстью, между салазок и на шее, подле ганашей, у ушей, большие железы; десны бледные; по всему телу, преимущественно по животу, шишки, вроде жевлаков, величиной от грецкого ореха до крупного яйца, которые нарываю и прорываются, как чирьи, испуская гноевидную вонючую материя; раны эти не заживают и цветом бывают красны, как ветчина. Лошадь верхом быстро истощается и околевает. Лихой — болезнь неизлечимая и также, как сап, заразительна.

205. Признаки паршей:

Парши у лошадей прежде всего начинаются подмышками, у передних ног, около ушей, на шее и затем распространяются по всему телу. Шерсть на пораженных частях отпадает; кожа утолщается, собирается рубцами в складки, между которыми начинает мокнуть; если отвернуть верхнюю губу кверху, то на внутренней ее стороне, а также иногда и на нижней губе, можно заметить пупры; лошадь в паршах очень чешется, и если потереть рукой пораженные места, то рука примет запах псины. Парши у лошади очень заразительны и в зимнее время излечиваются с большими затруднениями и неудобствами.

206. Признаки прикуски:

Прикуска у лошадей есть вредная привычка, которая выражается тем, что лошадь при приеме корма схватывает или вцепляется зубами в какой-либо предмет, например, ясли, стену и т.п., при этом как бы вытягивается и кричит, т.е. издает звук, выражающий как бы напряжение, отчего захваченный ею корм нередко теряет изо рта; вследствие чего никогда не может наесться досыта и оттого бывает постоянно худа. При осмотре лошади с прикуской следует обращать внимание на передние зубы лошади, которые у лошадей с прикуской непременно с наружных краев будут съедены, т.е. наружный край резцов как у нижних, так и у верхних зубов, стерт о предметы, прикусываемые лошадь. Прикуска такая заразительная болезнь, что если лошадь с прикуской поставить в одну конюшню вместе с другими, здоровыми лошадьми, то в самое непродолжительное время все находящиеся с ней лошади переймут привычку прикусывать и сделаются одинаково больными, т.е. с прикуской. Отучить лошадь от этой привычки чрезвычайно трудно, а иногда совсем нельзя.

Примечание. Считаю нелишним прибавить, что все означенные болезни собак и лошадей, в 25—26 главах поименованные, за исключением «прикуски» и «бешенства», сообщают заразу даже через помещение, в котором находились больные животные, если эти помещения недостаточно хорошо вычищены, проветрены и дезинфицированы.

ГЛАВА 27 О ПОХОДНОЙ АПТЕЧКЕ ДЛЯ ОТЪЕЗЖИХ ПОЛЕЙ

207. Походная аптечка для отъезжих полей необходима, ввиду немедленного оказания первоначальной помощи случайно заболевшим на охоте людям, а также могущим заболеть лошадям и собакам.

208. Походная аптечка в отъезжем поле должна представлять собой небольшой ящик или баул, с отдельными в нем местами (для стеклянной посуды с медикаментами), обитыми внутри мягко сукном для того, чтобы в дороге, при тряске телеги, не перебить заключающихся в них ст. склянок, и достаточно места для инструмента и медикаментов в сухом виде. Аптечка эта должна быть постоянно заперта, и ключ от нее должен находиться у самого владельца охоты или у ловчего, если при псовой охоте нет фельдшера.

209. Необходимые медикаменты для оказания первоначальной помощи заболевшим людям, до прибытия врача, а также для лечения заболевших лошадей и собак, должны находиться в походной аптечке *приблизительно* следующие:

1. Карболовая кислота.
2. Нашатырный спирт.
3. Касторовое масло.
4. Очищенный скипидар (так наз. французский скипидар).
5. Деревянное масло.
6. Камфара.
7. Зеленое мыло (*Sapo viridis*).
8. Перуанский бальзам.
9. Капли полуторахлористого железа.
10. Йодистая настойка.
11. Настойка опиия обыкновенная.
12. Гофманские капли.
13. Серный цвет.
14. Салициловый натр.
15. Соленокислый хинин.
16. Английская или Глауберова соль.
17. Сода.
18. Квасцы жженые и простые.
19. Винный спирт.
20. Горчица сухая.
21. Керосин.
22. Селитра.
23. Довэров порошок.
24. Гуммозный пластырь.
25. Сухие шпанские мушки.
26. Простое мыло.
27. Свиное топленое (не соленое) сало.
28. Липовый цвет сушеный.

Кроме того, при аптечке должны находиться: маленькие вески, с разновесами на граны, и большие вески с разновесами на унции; стеклянная мензурка, емкостью 1 унц., с означением драхм; два клизопомпа с тремя отдельными отвинчивающимися наконечниками: для людей, лошадей и собак; два ланцета для кровопускания: собачий и лошадиный; оберточная и газетная бумага для горчичников; простая и дезинфицированная вата; полотняные бинты для перевязки ран, вывихов и переломов; лубки для переломов; стеклянная воронка; спиртовая лампочка; каменная или фарфоровая иготь (ступка) и для нее такой же пестик, нитки и тонкие булавки.

ГЛАВА 28

О ДЕЙСТВИИ ОЗНАЧЕННЫХ МЕДИКАМЕНТОВ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ К ЗАБОЛЕВШИМ ЛЮДЯМ

210. *Карболовая кислота* употребляется как наружное средство, а следовательно как средство очищающее и способствующее скорому заживлению ран, язв, ссадин. Употребляется $2\frac{1}{2}$ —4 % ее в виде примочек и промываний. В походной аптечке лучше иметь ее в кристаллическом виде, а для того, чтобы привести ее в жидкий вид, надо или подогреть ее, или прибавить к ней немного спирта. Для растворов ее можно брать пресную воду.

211. *Нашатырный спирт* употребляется как противоядие при остром отравлении алкоголем (5 капель на рюмку воды, внутрь). Затем при обмороках, для приведения в

чувство (дают нюхать) и при угаре. Смешивая нашатырный спирт с деревянным маслом в равных пропорциях, получаем так называемую летучую мазь, употребляемую в виде натираний при ушибах, ломоте, растяжениях суставов и т.д.

212. *Касторовое масло* употребляется как слабительное, совершенно безвредное, в количестве от 1—1½ унций (2—3 столовых ложки) на прием. Его дают при запоре и при поносе, происходящем от засорения желудка.

213. *Очищенный скипидар* употребляется как растирание (досуха) при тех же болезнях, при каких употребляется летучая мазь.

214. *Деревянное масло* для приготовления разных мазей.

215. *Камфора* употребляется как раздражающее, т.е. отвлекающее средство. Так, например, при зубной боли кладут кусочек камфоры в наружный слуховой проход (в ухо). Растворяя камфору в деревянном масле (в пропорции 1:9), получаем камфорное масло, которое употребляют как растирание при ушибах, вывихах, растяжениях суставов, если только нет островоспалительных явлений, и при простудной стрельбе в ушах — смоченную камфорным маслом вату закладывают в уши. Растворяя камфору (в той же пропорции) в спирту получаем камфорный спирт, употребляемый при ломоте, ушибах, холодных опухлях и т.д.

216. *Зеленое мыло* (*Sapo viridis*) употребляется и у людей против чесотки, однако гораздо лучше в этом случае действует Перуанский бальзам.

217. *Перуанский бальзам* — это густая, маслянистая жидкость с запахом ванили. При чесотке он употребляется следующим образом, у людей: больной моется хорошенько в теплой воде на ночь и, натерев все тело насухо, намазывается весь мазью. Утром эта мазь смывается. Мазь эта делается так: на шерсть частей Перуанского бальзама одну часть винного спирта, и когда растворится в спирту бальзам — тогда подбавить деревянного масла, полагая на 2 драхмы Перуанского бальзама 1 унц. деревянного масла. Взболтать хорошенько, и мазь готова.

218. *Капли полторохлористого железа* употребляются как кровоостанавливающее средство (рану смазывают кисточкой, обмакнутой в эту жидкость). Однако при обширных порезах, особенно где повреждены крупные сосуды, лучше это средство не употреблять без доктора вследствие его опасности. Здесь лучше употреблять снег или лед, или прижатие пальцем сосуда, или перетягивание поврежденного члена выше места ранения.

219. *Йодистая настойка* употребляется как отвлекающее и как помогающее всасыванию средство при ушибах, ломоте (простудной) и растяжениях суставов. Прямо намазывается кисточкой или перышком до темно-коричневого окрашения на ломящее или ушибленное место, если не повреждены наружные покровы.

220. *Обыкновенная настойка опия* есть средство, понижающее деятельность как чувствующих, так и двигающих нервов, поэтому и употребляется как средство болеутоляющее и как средство задерживающее деятельность некоторых органов. Как болеутоляющее весьма часто употребляется при зубной боли (на вату и на зубы); как средство, задерживающее отравление органов употребляется при поносах, когда вредных веществ уже нет в кишечнике. Пример: больной засорил желудок, у него открылся понос, ему дают касторового масла, его прослабило; понос не прекращается, тогда ему лучше всего дать от 10 до 15 капель настойки опия раза 2—3 в день в кипяченой воде при известной, конечно, диете (лучше всего молочной). Вообще следует наблюдать, чтобы

больной ни в каком случае не получал больше 45 капель в сутки этого средства. Детям моложе 7—10 лет лучше вовсе не давать этого средства без доктора.

221. *Гофманские капли* есть смесь 1 части серного эфира с 2 частями спирта. Употребляются они при обмороках, при тошноте и при долго продолжающихся поносах. Дают их в воде, от 10 до 15 капель на рюмку, несколько раз в день.

222. *Серный цвет* употребляется против чесотки. Для этого делают смесь 1 части серного цвета на 2 части сала или масла. Пользуются им так же, как Перуанским бальзамом.

223. *Салициловый натр* употребляется при остром суставном ревматизме, причем его дают по 20 гран 2—3 раза в день, лучше на пустой желудок. При этом следует наблюдать, чтобы не было тошноты и шума в ушах, в случае приемы салицилового натра следует приостановить. Принимать его следует так: взяв порошок на бумажке, высыпать его на язык и залить его содовой водой, за неимением же содовой воды можно сделать раствор соды: $\frac{1}{2}$ чайной ложечки соды на $\frac{1}{2}$ стакана простой воды.

224. *Солянокислый хинин* употребляется при лихорадках. Давать его следует так, чтобы один прием был по крайней мере за час до пароксизма, а другой после пароксизма: в дни, свободные от лихорадки, полезно все-таки принимать 1 или 2 порошка, и даже после лихорадки (когда она совсем прекратилась) следует давать гран по 5 в день в продолжении 4—5 дней, чтобы не было возврата болезни. Относительно доз надо заметить, что привычным к этому средству людям надо давать порошки гран по 8—10, в непривычным достаточно по 5 гран на прием. Хинин можно принимать в капсулах, или высыпая прямо на язык и запивая водой. Принимать хинин лучше на очищенный желудок.

225. *Английская (или Глауберова) соль*. Употребляется как слабительное для тех больных, которые не могут принимать касторовое масло, а также для тех, которые склонны к приливам крови к голове. Доза 1 или $\frac{1}{2}$ унца на прием; означенную дозу высыпают в $\frac{1}{2}$ стакана горячей воды и мешают ложечкой до полного растворения, а затем долить стакан холодной водой и как остынет, выпить весь стакан.

226. *Сода* употребляется при изжогах у людей, страдающих катаром желудка, $\frac{1}{2}$ —1 чайные ложки на прием, прямо высыпав на язык и запивая водой.

227. *Квасцы жженные и простые* употребляются как вяжущее средство в раствор: 1 унция на 6 унций воды, например, при хронических (давно существующих) жабах (полоскания); при насморке (втягивать в нос); при потении ног (обмывания). Жженные квасцы употребляются при чрезмерном развитии дрануляций на ранах («дикое мясо») для присыпки этого «дикого мяса» (вместо ляписа).

228. *Винный спирт* для растворения некоторых медикаментов и для различных лекарственных спиртов.

229. *Горчица сухая*. Для горчичников, которые готовят в обыкновенной холодной воде, и затем сделанная из горчицы таким образом масса, в виде негустого теста, намазывается на оберточную или газетную бумагу, затем бумага складывается вдвое так, чтобы горчица была в середине между листами бумаги и, сбрызнув одну сторону горчичника теплой водой, этой стороной прикладывают горчичник на голое тело больного и держат от 15 до 30 минут на одном месте. Горчичники употребляются как отвлекающее средство во время сильного жара и головной боли у человека и нередко

ставятся одновременно: на шею сзади и около затылка, на руки между плечом и локтем, спереди и на икры ног; также на живот, при болях в кишках.

230. *Керосин* против головных и лобковых вшей (мазать).

231. *Довэров порошок* дают при кашле, по 3—5 гран, раза 2 в сутки.

232. *Селитра* — как мочегонное средство. Употребляется как питье с молоком или оршадом (в пропорции 1 ст. ложка на 1 бутылку).

233. *Гуммозный пластырь* как средство от чирьев или вередов.

234. *Шпанские мушки*, как раздражающее или отвлекающее наружное средство, необходимы для мазей, пластырей и идут преимущественно для лечения лошадей.

235. *Простое мыло* для приготовления мазей и служит как пластырь при болезни горла; его намазывают на полотно и привязывают шерстяным платком (кругом шеи) к горлу.

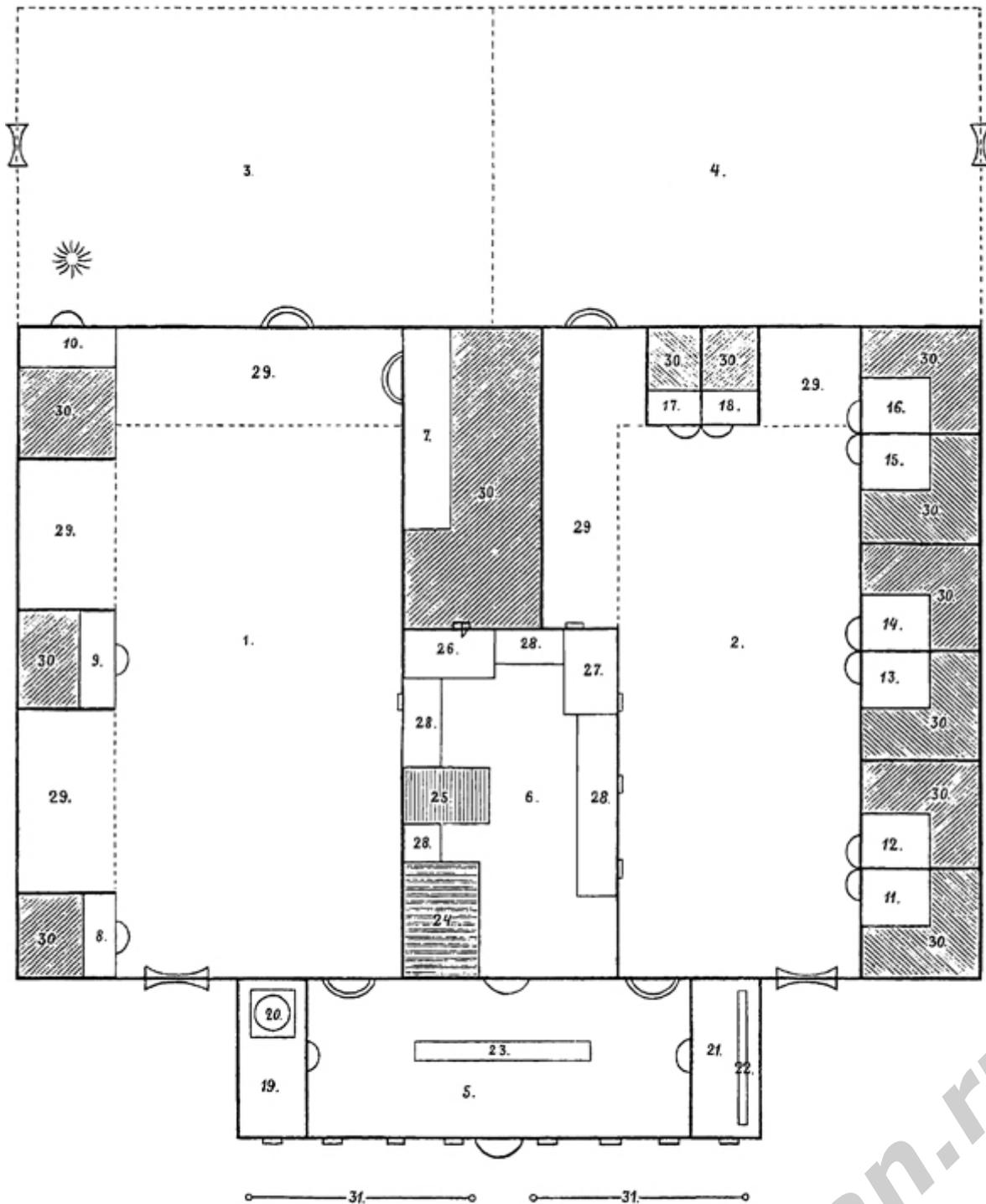
236. *Свиное сало* для составов мазей.

237. *Липовый цвет* — как потогонное средство. Пить на ночь, как чай.

Оговорка. Оканчивая первую часть «Руководства», я счел нужным упомянуть о необходимости и полезности для отъезжих полей походной аптечки и, с тем вместе, желая наглядным образом представить походной для отъезжих полей аптечки, с необходимыми при ней инструментами и медикаментами, не будучи врачом и ветеринаром, я, приблизительно перечислил общеупотребительные известные мне медикаменты и средства, и счел необходимым объяснить (насколько мне это известно) и о действии упомянутых мной медикаментов, с объяснением применения их к заболевшим людям до прибытия врача, а потом, в случае болезней людей, собак и лошадей, я предлагаю всегда обращаться за помощью к врачу и ветеринару (т.к. я ни то и ни другое, т.е. ни врач, ни ветеринар), а вследствие того в моем «Руководстве ко псовой охоте», как не представляющем собой «Лечебника», найти подробное описание болезней людей, лошадей и собак, а также и их лечения — нельзя, ввиду чего и делаю настоящую оговорку, предупреждая, что если я и упоминаю о болезнях собак и лошадей где-либо в моем «Руководстве», а также и предлагаю против этих болезней различные средства, то это я делаю из желания упомянуть о встречаемых у собак и лошадей болезнях, против которых, за неимением ветеринара, я лично практиковал рекомендуемыми мною средствами и довольно успешно над моими собственными собаками и лошадьми. Точно так же в деревнях, в глуши, нередко за неимением врача, мы лечимся сами, и лечим заболевших людей общеупотребительными средствами; и с Божьей помощью, всегда остаемся живыми и здоровыми, для предстоящих полеваний, и до глубокой старости.

ПЛАНЪ № I.

Планъ охотничьяго двора.

- Дверь.
- Окно.
- Слуховое окно съ задвижкой.

- Ворота.
- Ворохъ песку.

- Широкая дверь (кашитка).

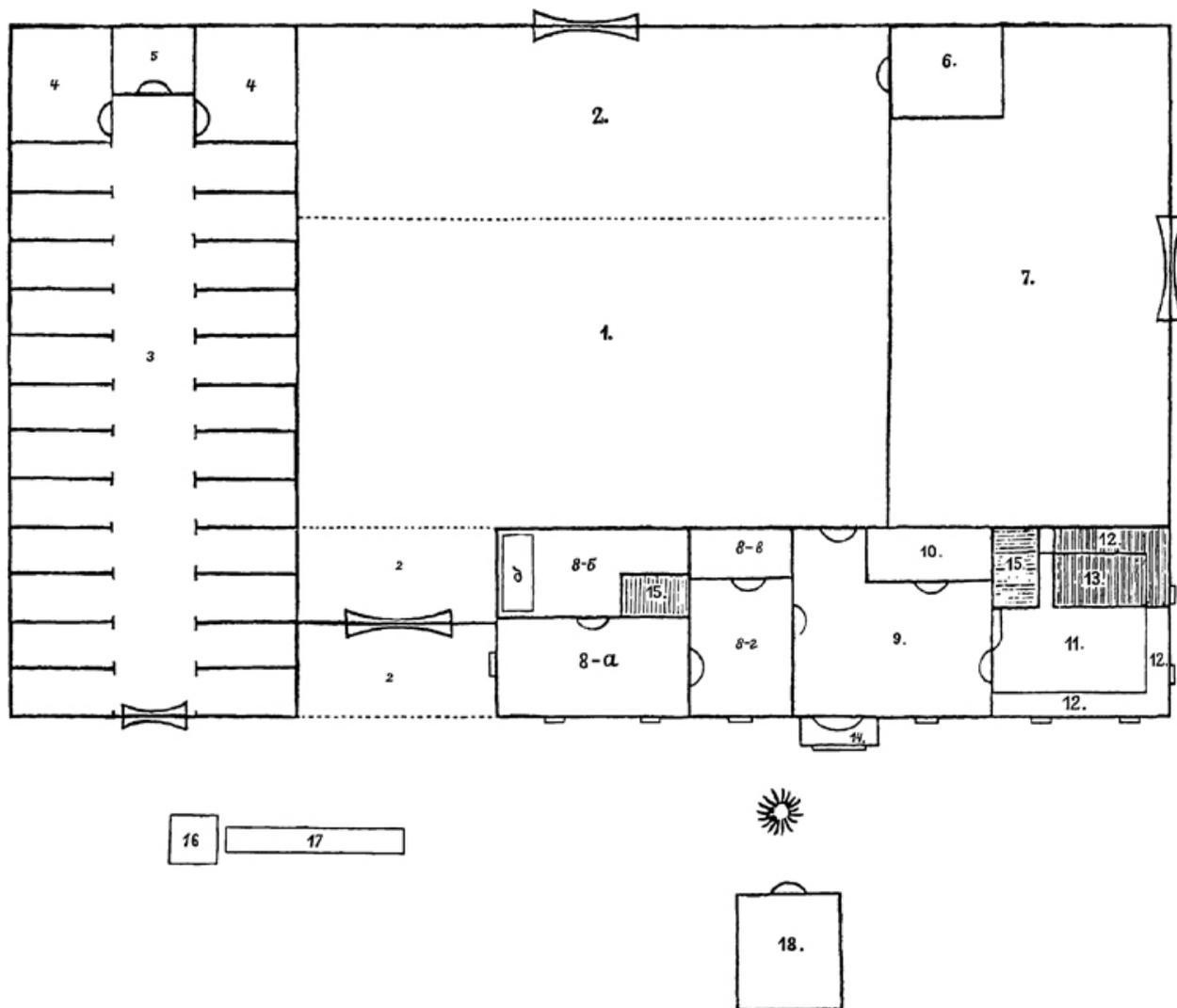
- Заборъ, забранный стоякомъ (тынникомъ).
- Поднавѣсъ безъ столбовъ.

ОБЪЯСНЕНИЕ (к плану № 1)

1. Гончее отделение.
2. Борзое отделение.
3. Луговой выпуск, с травой «пыреем» и разнотравьем, для гончих щенков и некоторых выжловок-матерей.
4. Луговой выпуск (такой же) для борзых собак.
5. Зал и светлые сени для кормления борзых и гончих собак.
6. Охотничья изба, с лавками и нарами для комнатных борзых, т.е. горских, крымских и английских собак.
7. Хлев гончих собак.
- 8 и 9. Лишние хлевы для скоросых гончих.
10. Щенячий хлев для гончих щенков.
- 11, 12, 13, 14, 15 и 16. Хлевы для каждой своры борзых собак.
- 17 и 18. Хлевы для лишних борзых собак.
19. Кашеварка или варница.
20. Котел, вмазанный в горн, для кипячения воды, для заварки овсянки.
21. Чулан для седел и охотничьего платья.
22. Кобыла, на которую кладут (прибирают) седла.
23. Общее большое корыто для кормления собак.
24. Избяные палаты для охотничьих постелей и спанья на них.
25. Печка.
26. Кровать доезжачего.
27. Кровать старшего борзятника (заездного).
28. Лавки и ары для комнатных борзых.
29. Поднавесное, не загороженное и без столбов пространство двора.
30. Нары в хлевах для собак.
31. Коновязи для привязывания и седлания лошадей.

ПЛАНЪ № II.

Планъ охотничьяго коннаго двора.

beckman.ru

ОБЪЯСНЕНИЕ (к плану № 2)

(Знаки см. рис. № 1)

1. Конный двор.
2. Поднавесные на столбах сараи.
3. Конюшни для верховых и обозных лошадей, с стойлами на 24 лошади.
4. Два хлева для больных собак.
5. Ларь для овса лошадям, стоящим на конюшне.
6. Пустовочный чулан для сук и выжловок.
7. Каретный сарай для охотничьих фур, телег и экипажей.
8. Квартира ловчего (а — зал, б — спальня, в — передняя, г — чулан для платья, д — кровать ловчего).
9. Сени.
10. Чулан для чернорабочих.
11. Изба для чернорабочих при охотничьем дворе.
12. Лавки кругом избы.
13. Палаты для постелей, платья и спанья рабочих.
14. Крыльцо.
15. Две печи («русская» печь в избе и «голландская» у ловчего).
16. Колодезь.
17. Колода у колодца для водопоя лошадей (перед окнами ловчего).
18. Щенячий хлев для борзых щенков (перед окнами ловчего).

Примечание. Предлагая планы псарных дворов, изображенные на этих двух рисунках, только для наглядности, я считаю необходимым заявить что планы эти я вовсе не намерен выдавать за самые образцовые и усовершенствованные. Это дело личного вкуса каждого владельца псовой охоты. При этом, приложенные мной планы псарных дворов составлены для самой малой, но самостоятельной и правильно организованной псовой охоты, а именно: для псовой охоты, состоящей из стаи гончих 18—20 собак и шесть свор борзых, при 24 лошадях, из числа которых одна заводная, т.е. лишняя (запасная).

ЧАСТЬ II.

beckman.ru

ОТ АВТОРА

Приступая к описанию известных в России пород борзых и гончих собак, я считаю необходимым коснуться и разобрать обойденные мной молчанием резкие заметки на мою статью «О псовых и чистопсовых собаках» некоторых гг. псовых охотников, помещенные в журнале «Природа и охота» за 1879 и 1880 года. Не отвечал я на эти заметки в то же время по той простой причине, что высказав о породах псовых и чистопсовых собак непреложную истину и увидав, до какой степени правда колет глаза, не хотел впредь до издания моего «Руководства», как говорится, «дразнить гусей», тем более, что люди противоположного со мной взгляда вместо того, чтобы хладнокровно обсудить каждый вопрос со всей последовательностью, не горячась и не оскорбляя другого, отвечали на мои заметки одной лишь печатной дерзостью, а на такие приемы я считаю возможным отвечать словом печатным! И поэтому, обходя молчанием все то, что лично ко мне в тех заметках относилось, я, приступая к описанию пород борзых и гончих собак, считаю себя положительно не вправе не разобрать всего того, что писалось в журнале «Природа и охота» моими антагонистами, по поводу указанной моей статьи, помещенной в том же журнале за 1879 год.

Начну с «Ответа» г. Мачеварианова, помещенного в декабрьской книжке журнала «Природа и охота» за 1880 год и, не касаясь резкости этого «Ответа», ясно доказывающей его несостоятельность, я не могу согласиться с тем, что для того, чтобы убедить кого-либо и в чем-либо достаточно было бы одной голой просьбы убеждающего «поверить ему на слово». По-моему, этого мало: тут нужны доказательства и доказательства веские!

Нельзя же в самом деле, желая доказать, например, что порода псовых собак улучшается до совершенства через смешения их с горскими собаками (см. 44 стр. «Записок» г. Мачеварианова, приложение к журналу «Охоты» за 1876 год) заставить всех поверить этому безусловно, в силу того только, что г. Мачеварианов убедительнейше просит ему поверить и поверить потому, что он, т.е. г. Мачеварианов, все испытал и все знает, и, обещая при этом ничего не говорить бездоказательно, он вместо доказательств приводит только одно речательство: дорогой для него славой охотника толкового. Я приведу буквально слова г. Мачеварианова для того, чтобы не могли сказать мне опять, что я искажаю его «Записки», стр. 453 «Записок»: *«поверьте, господа, я видал все охотничьи виды и испытал многое, относящееся к псовой охоте, а потому на обум, на авось и очертя голову, бездоказательно не скажу ничего!»* Стр. 72 тех же «Записок»: (его доказательства) *«ручаюсь дорогой для меня славой охотника толкового»*. Далее стр. 389 «Ответа» на мою статью г. Мачеварианов говорит: *«мало ли чего Вы, г. Губин, не видали!»*

Ну согласитесь, уважаемый читатели, что это ведь тоже не доказательство! Но я и на этот раз не буду возражать на его резкие выражения, недостойные печати, следуя его же совету, выраженному им в 16—19 строках на 21 стр. «Записок», хотя признать г. Мачеварианова всевидящим, всезнающим и всемогущим не могу. Что же касается того, что видел, читал и что изучил в моей жизни, то говорить о том, приводить в подтверждение моих слов доказательства и на сколько сумею, обсуждая виденное и прочитанное, выводить свои заключения, я надеюсь да позволят мне мои антагонисты! В «Ответе» своем г. Мачеварианов на статью мою «О псовых чистопсовых собаках» вопиет о правде (!) и предлагает некоторым образом вопросы, на которые я считаю себя обязанным отвечать и отвечать по порядку. Начну с охоты по волку, о чем в статье моей «О псовых и чистопсовых собаках» я сказал, что это описано у г. Мачеварианова слабо, сбивчиво и неправдоподобно.

Буду отвечать:

1) Слабо — потому, что непространно, непдробно, словом, не так описано, как описано у него езда по зайцу, с чем соглашается и сам г. Мачеварианов, говоря на 387 стр. «Ответа» так: «Зная же, что молодежь примется прежде всего за травлю зайцев, я эту травлю и представил первой, имея на то полное право». В этом г. Мачеварианов в праве, я полагаю, никто и не сомневается, равно как и в праве каждого заметить, что написано в «Записках» г. Мачеварианова дельно и подробно, и что описано у него слабо.

2) Сбивчиво — потому, что как-то неясно, так и видишь, как г. Мачеварианов, говоря в своих «Записках», все про *красного зверя*, вдруг собьется на русачка. Так, например, на 89 стр. «Записок» г. Мачеварианов, определяя передний рыск у собаки, говорит о езде по *красному зверю*: «не должно забывать, что степь, в которой водится в изобилии красный зверь», «красный зверь чуток, осторожен», «если вы не знаете езды на красного зверя, то лисицы и волка не увидите никогда». Далее продолжает: «она (т.е. собака с передним рыском) обнесется кругом волка, станет на дыбки и смотрит соколом: только попробуй зверь пролезть на том пространстве, которое обнимает ее зоркий сторожевой глаз, она понесется к нему вихрем, перепрыгивая через все препятствия, выгонит его на чистое место и в один момент свернет, как котенка». И это все г. Мачеварианов говорит о *красном звере*? Не вернее ли будет предположить, что речь г. Мачеварианова сошла на русака?! Т.к. только заяц-русак, побудившийся от охотника может и усесть, и снова собакой быть поднят и выловлен (по-мачевариановски: «выгнать») и свернут, как котенок. Но лисица и волк, побудившись уже раз от охотника, усаживаются ли когда-либо? А если красный зверь, побудившись, не усаживается и не залегает на виду охотника, то кого же собака может, по-мачевариановски, «выгнать» и «свернуть, как котенка», если не русака? Да и всякого ли волка свернет одна собака «как котенка?!..»

Наконец, на 129 стр. «Записок» г. Мачеварианов говорит: «Волк бежит куда ни попало, большею частью в противную сторону от напуска».

Опять неясно, сбивчиво, неизвестно, когда и какие волки так бегут. Есть время, когда преимущественно материки, гнездари держатся на кругах, а о молодых и говорить нечего: в раннюю осень они не изменяют своего лаза ни при каких условиях, занимая лазы по острову, разбившись врзнь в разных направлениях.

Далее г. Мачеварианов говорит: «из-под надежных волкодавов, которые берут не в отхват, но мертво в глотку и в ухо, можно волка сострунить, т.е. взять живьем, затянув из сыромятного ремешка глухой петлей морду». Опять неясно, неизвестно, о каком волке идет речь? Беда, если поверит этому молодой охотник и соскочит к матерому волку с целью принять его живьем и присунется к волчьей голове с «петлей из сыромятного ремешка!» Утвердительно можно сказать, что смельчак, наверное, за это поплатится рукой, если не выйдет чего еще хуже.

Так легко отзываться о приеме волков живьем из-под собак может только тот, кто не только никогда сам не принимал волка, но даже и не видал, как принимают волков другие, опытные люди, а только (быть может, и неверно) слышал об этом, на том основании, что и молодого-то, октябрьского волка одному принять живьем из-под собак, не совсем-то удобно. Я не говорю о волчатах, которых некоторые охотники травят в августе и сентябре; тех, конечно, и живыми можно принять не труднее русака и лисицы; но кто принимал крупных волков живьем из-под собак, тот, вероятно, знает, что как бы плотно собаки не держали волка, зев-то у него всегда свободен, да ведь он и не мертвый, следовательно, копошится, возится, притом собаки, таская его, мешают охотнику;

поэтому с большими волками это делается так: один охотник, соскочив с лошади к волку, старается осторожнее поймать волка за уши, давши предварительно в зубы волку кнутовищем арапника; затем садится на него верхом и крепко держит его в ногах, а руками за уши до тех пор, пока другой охотник не сострунит его стрункой*) или сворой, связав при этом волку все четыре ноги, что необходимо сделать для того, чтобы в дороге волк не мог расструниться лапами, и чтобы ловчее можно было довести волка до квартиры или до дома. Так принимают волков у настоящих охотников, старающихся по возможности не мучить и не увечить животное; но есть и другой способ приемки волка, с помощью которого и не вдвоем, а один охотник может сострунить волка, предварительно оглушив волка в голову кистенем арапника; но такой способ приемки волков я нахожу недостойным истинного охотника, так поступают только трусы-охотники, рассчитывающие нередко на живучесть волка, в большинстве случаев в том ошибаются. Наконец, принимают из-под собак живьем и матерых волков; но это делается охотниками или ради спора, или из желания убедить неверующих собратьев в злобе и силе своих собак, что не раз и делали некоторые охотники, привозя матерых волков к себе на двор живыми, которых принимали, конечно, не с помощью «сыромятного ремешка», а с помощью людей, ошейников с пряжкой на двух цепях и с помощью вил о двух рожках, которыми прижимают шею волка к земле, для того чтобы надеть ошейник на волка и застегнуть, затем сажают его на сани, развязав концы цепей по наклесткам, и везут домой совсем расструненного. Но все это делается неподалеку от дома и преимущественно зимой, в порошу, т.к. осенью, во время отъезжих полей, с матерыми волками никто так не забавляется.

И 3) Неправдоподобно — потому, что г. Мачеварианов на 129 стр. своих «Записок» говорит: «старого (волка) травят в лоб (встречного) потому, что ныне нет еще собак, которые бы догоняли в угон старого голодного волка; а этого пострела, кроме доскачки, нужно еще растянуть».

Это уже совершенная неправда, на том основании, что кто травил матерых волков, тот хорошо знает, что матерый волк, хотя бы бежал и навстречу охотнику, но стоит только спустить на него собак, как он сейчас же моментально делается им «по угону», а поэтому ловить его собакам всегда приходится в угон, и резвые, пруткие борзые всегда его догонят, если только волк побежал им в меру. Не в меру же и ружье не бьет. А что есть и ныне собаки, которыми травят матерых волков и следовательно их догоняют, я уже не буду говорить о известных мне собаках, а сошлюсь на свидетельство сторонних охотников, которые неоднократно об этом публиковали в журнале «Природа и охота», как например, г. Сухотин, г. Блохин и многие другие охотники (см. жур. «Природа и охота» за 1879 год, апрель, стр. 126 и июль стр. 61).

Наконец основательна ли ссылка г. Мачеварианова на «Записки Мелкотравчатого», сочинения Дрянского, как на руководство, которое научит езде по красному зверю? (стр. 129 «Записок» г. Мачеварианова). Недурно написанные «Записки Мелкотравчатого» могут только свидетельствовать о литературной способности автора, но не как о его знании охотничьего дела, например, что это за охотничье выражение: *«стать на матку?»* Что за необходимость ходьбы *Феопена с громадным шестом по такому трясиннику, который не в состоянии сдерживать пешего человека?...* Ведь не уток же в самом деле искал *Феопен?*... Правда, что волки держатся в болотах мест крепких, густо заросших камышами, тальником или мелкоколесьем, где невозможно бывает проехать верхом на лошади, но не как не таких мест, где трясина будет служить ежедневным препятствием

*) Особый снаряд для сострунивания волка.

ходьбе волков на добычу. Даже и в таких то местах, где легавая собака порой прорывается в тину, а ружейный охотник, хотя и с трудом, но без вспомогательных шестов и других снарядов для ходьбы, искаживают все болото, волки всегда выбирают места для логова сухие и более удобные, по которым пройти может каждый пеший человек и *без шеста Феопоновского*, который в сущности не чем иным как только препятствием в чаше и лишней для охотника ношей быть не может. Далее, на 123 стр. тех же «Записок» г. Мачеварианов говорит: «Доезжачий должен гончих насадить прямо на гнездо, накрыть его — чтобы разгромить, разбить во все стороны врознь, в противном случае весь выводок*) может выйти на один лаз, а один борзятник, как там ни труби «на драку», с целым выводком не справится, и он у него уйдет перед носом».

Ну, правдоподобно ли это?! Я согласился бы с г. Мачевариановым в единственном случае, если бы он доказал мне, что волки и овцы имеют одинаковые привычки и характер, и согласился бы потому, что замечал: когда дрогнет одна овца из стада, то правда, что и все стадо овец шарахнется за ней, но волки ведь далеко не овцы! Волки при малейшей первой тревоге разбиваются врознь и, как животное хитрое и тайкое, они стараются тотчас же скрыться врассыпную, это врожденная их особенность характера. Возьмите самых маленьких волчат, принесите их в комнату, пустите на пол, и вы увидите, как они сейчас же расшныряются врознь: кто под стул, кто под диван или кровать, словом, по всем углам комнаты. Ступайте в августе и в начале сентября ко взводку волков и на утренней заре, когда волки уже вберутся в место своих логовов, идите по росному их следу прямо за ними на логова и, если вы сумеете подойти к ним тихо, осторожно, то непременно увидите их всех отдыхающими от ночной прогулки на какой-нибудь полянке, но стоит вам произнести одно только слово, произвести шорох или выйти на эту полянку, как все волки встрепнутся, вскочат на ноги и на секунду, много на две, остановясь, изображая в это время из себя великолепную картину страха и изумления, моментально бросятся врассыпную, в чащу этого острова. Кроме того, существование этой привычки у волков доказывается еще тем, что борзятнику чрезвычайно редко приходится из взводка, в одном поле и на одном лазу, затравить более двух-трех волков. А если это и бывает, то совершенно случайно, точно так же, как случайно иногда удается гончим захватить сразу по двум волкам, которых они вместе и выставляют в поле. Трех же волков, бегущих из-под гончих вместе, мне не приходилось видеть в продолжение всей моей жизни, а чтобы целым взводком, как стадом бежали волки из-под гончих, ни я, ни кто другой из охотников, занимающихся травлей волков, я уверен, об этом никогда даже и не слыхивали.

Наконец, чтобы окончательно убедиться в невероятности взгляда г. Мачеварианова на дело охоты по волку, стоит только обратить внимание на следующее обстоятельство:

Каждому охотнику, охотившемуся на волка, известно, что с напуска гончих на взводок волков нередко (а положительно большей частью) кто-либо из гнездарей (если только они при гнезде) подменивается к гончим и уводит их за собой иногда верст за 20 и более; и нередко не без ущерба себе, при условии, если гончие хороши, т.е. параты, злобны, мощны и привязчивы к зверю.

Также известно каждому охотнику, что переехать гончих, т.е. сбить и воротить их не всегда бывает возможно. Спрашивается теперь: что же должен делать владелец охоты со своими борзятниками, когда наброшенная по совету г. Мачеварианова стая гончих на логова подхватит материка и уведет его из слуха?

*) Т.е. взводок волков, а не выводок (тетеревов).

Конечно, владельцу охоты в утешение в таком случае остается одно: отнести это обстоятельство к неудаче поля и затем или ехать с борзыми в наездку по русачкам, или ехать домой, на квартиру, а с квартиры на другую, куда-нибудь дальше искать другой взводок волков, т.к. охотиться за теми волками, у которых по гнездарю важно отхватили гончие, словом, которых накануне потревожили, я никому не советую, потому что это будет не охота, а самое пустое занятие! Это будет похоже на собирание грибов после времени, на отыскание прошлогоднего снега, словом, это бесполезное утомление людей, собак и лошадей охотничьих в деле осуществимого желания: перетравить, как следует, на другой день волков накануне потревоженных, как нельзя больше оправдывает пословицу, что у пустой головы ногам и... покоя никогда не бывает. Для настоящих же охотников, которые специально охотятся за волками, подобной «неудачи» никогда быть не должно, а для таких охотников, каким был покойник Ф.В. Протасьев, с которым я постоянно охотился вместе, такая «неудача поля» показалась бы положительно невероятной, невозможной, так тонко изучено было у нас дело охоты по волкам! Конечно, главную роль в охоте играют у нас не доезжачий, который по словам г. Мачеварианова (стр. 8 «Записок» его), *«угощает охотников скучным или потешным полем»*.

Я опять повторяю, что охота по волку имеет громадную разницу с охотой по зайцу, где действительно может быть и нужно доезжачему иметь и *«горло завидное»*, и *«магический жезл»*, там, пожалуй, не помешают и *«речетативы»*, и *«трели»*, и *«заливные перекаты»*, и *«соловьиные присвисты, рассыпчатые охотничьи прибаутки»*... Словом, все то, что так красноречиво описал г. Мачеварианов на 8 стр. своих «Записок», но охота по волку далеко ведь не то! Что может сделать какой бы ни был доезжачий во время охоты по волкам, находясь пешком в середине глухого болота, которое может тянуться на десятки верст, как, например, Бычковское (Сапожковского уезда), описанная в «Записках Мелкотравчатого», в котором я неоднократно охотился и по которому действительно местами на лошади верхом проехать невозможно! Вот те причины, на основании которых я считал себя вправе заметить, что насколько верно описано в «Записках» г. Мачеварианова охота по зайцу, настолько слабо, сбивчиво и неправдоподобно описана у него охота по волку.

Теперь перейду к следующему: на 389 стр. «Ответа» г. Мачеварианов говорит: *«издеваясь над моим разделением псовых собак на несколько видов (Губин) уверяет, что я объяснил их признаки только длиной псовины»*, далее продолжает, на той же и следующих страницах, что для этого я будто бы *«хватал одни вершки для издевки»* из его «Записок» и даже *«утаил из них четыре страницы, именно 18, 19, 20, 21»*.

Насколько добросовестно такое обвинение меня со стороны г. Мачеварианова, я говорить не стану, а попрошу читателя на 390-ю стр. «Ответа», где г. Мачеварианов говорит так: *«я и счел нужным описать разницу только в псовине»*.

Что же тут сказал я лишнего?

Г. Мачеварианов, смешав породы псовых собак с чистопсовыми, густопсовыми (существование которых как отдельной породы я положительно не допускаю) и курляндскими собаками в одну общую категорию, словом, сделав из них «винегрет», на 18-й стр. «Записок» говорит: *«все стати и приметы этих 4-х видов собак совершенно одинаковы»*, а на стр. 27, 28, 62 тех же «Записок» указывает на разницу этих видов собак только по псовине. Теперь спрашивается: если стати и приметы этих 4-х видов борзых одинаковы, чем же разнятся они между собой, как не псовиной? Что мной и было сказано при определении разницы пород собак псовых от породы собак чистопсовых, т.е. при определении разницы между двумя видами собак, смешанными г. Мачевариановым в

одну общую категорию. Думаю, что сказать это я имел полное основание, не имея при том никакого намерения издеваться над «Записками» г. Мачеварианова.

Далее г. Мачеварианов упрекает меня в том, что я сказал в моей статье о «Псовых и чистопсовых собаках»: «но я повторяю, что это точно также неверно, как и предположение г. Мачеварианова восстановить или улучшить пропавший тип псовых собак путем скрещивания собак псовых с крымскими (стр. 44 его же «Записок») и затем на 391 стр. «Ответа» он спрашивает: «Для чего это г. Губин выставил № страницы?»

Несмотря на то, что здесь проглядывает одна только придирка к моим словам, т.к. у меня действительно было сказано: «крымские» вместо «горские», «скрещивание» вместо «смешение» и т.п. Хотя крымские и горские собаки по словам самого г. Мачеварианова, составляют одно и то же (см. 31 стр. «Записок»), я все-таки постараюсь доказать, что я имел полное основание выразиться таким образом: общий отзыв многих охотников о том, что порода настоящих псовых собак почти уничтожилась, а также отзыв о том и самого г. Мачеварианова, дало мне полное основание сказать обществу как молодых, так и старых охотников и сказать с уверенностью, что этим способом смешения псовых с горскими, порода псовых собак ни восстановиться, ни улучшиться не может, для чего я и указал страницу 44-ю «Записок», где г. Мачеварианов *утверждает: «что наши псовые породы улучшаются до совершенства через смешение их с горскими собаками».*

Вот это то ложное уверение г. Мачеварианова и побудило меня в особенности настойчиво отрицать полезность этого способа. На 60—62 стр. своих «Записок» г. Мачеварианов объясняет причину уничтожения многих пород, а в начале «Записок» говорит: «Главная цель моих записок та, чтобы передать незнающим охотникам как поддерживать, выводить и сберегать породы борзых собак» (см. 5 стр. предисловия «Записок»), а между тем предлагает способ «улучшить породу псовых собак смешением их с горскими...» (стр. 44, 67, 72 «Записок»). Способ, несколько не улучшающий породу, а напротив, ухудшающий!

Вот если бы г. Мачеварианов на 44 стр. «Записок» сказал, что наша псовая порода собак через смешение с горскими не только ухудшается, но положительно утрачивается, а взамен ее нарождается новая порода мешанок, по словам г. Мачеварианова, он видел, как имел и имеет (стр. 389 «Ответа») генерал Тимашев ездил с ними до конца своей жизни (стр. 393 «Ответа»), а уважаемый «Старый охотник» прекрасно изобразил на рисунке в образе «Лаферма» (см. стр. 131, март, 1879, «Природа и охота») — точно так же, как и не скажу ничего против *наконец-то* верного замечания г. Мачеварианова: «что порода псовых собак, как и всякая другая порода, восстанавливается из себя самой». Об этом совершенно верно упоминает г. Новиков (на 24 стр. майской книги «Природа и охота» за 1879 год) и многие другие охотники, заслуживающие доверия.

Относительно же того, что г. Мачеварианову показалось:

- 1) Что я списал у него почти слово в слово стати чистопсовых собак.
- 2) Что утаил с целью из его «Записок» 4 страницы, на которых описаны у него общие признаки резвости всех пород борзых.
NB описанные еще в 1728 году в книге под заглавием «Псовый охотник», не сохранившей, к сожалению, имя автора.
- 3) Что такую дичь написал я (а не он).
- 4) Что я очень желаю, чтобы никто из охотников г. Мачеварианову не верил.

- 5) Что будто я описываю собак с 1603 года, а он, г. Мачеварианов, с 1645 года (хотя историю борзой собаки, сочинения г. Мачеварианова, читать мне не приходилось).

На все эти 5 пунктов я ответить положительно не могу на том основании, что лично никогда не знал г. Мачеварианова, а не зная человека и вообще особенностей его характера и привычек, трудно определить причины, почему это показалось, т.к. казаться человеку может от причин весьма разнообразных.

При этом считаю необходимым исправить уже не кажущееся, а действительное искажение моих слов г. Мачевариановым: на 398 стр. «Ответа» г. Мачеварианов говорит, что в статье моей «О псовых и чистопсовых собаках» я написал, что псовые собаки должны иметь *«отвислые кровавые нижние веки»*. Это неправда! У меня сказано было о признаках псовой собаки так: *«глаза очень большие, свирепые, с слегка отвислыми нижними веками, из-за которых должен виднеться кровавый белок страшного глаза»*. С этим и сам г. Мачеварианов в «Ответе» своем соглашается, проговорившись: *«что таких псовых собак он знал и что кровавые пятнышки на белках у упомянутых волкодавов иногда бывают»* (см. 393 и 394 стр. «Ответа»).

Вот все причины, почему я счел необходимым, прежде чем приступить к описанию пород борзых и гончих собак, объяснить те основания, какие я имел при разборе «Записок» г. Мачеварианова, выразиться о них так, а не иначе, тем более, что «Записки» г. Мачеварианова во многом заслуживают полного доверия и тем несомненно доказывают, что г. Мачеварианов, как ездок по зайцу, как охотник по страсти к собакам стоит несравненно выше многих других псовых охотников, не говоря уже о тех, которые своими заметками о псовой охоте только сбивают молодых охотников, обманывая последних вымышленными своими правилами и положительно непониманием дела псовой охоты. Для таких господ (я не называю их даже и охотниками) всегда будет непонятна бескорыстная речь правды; всякое слово глубокой истины непременно вызовет у них удивление и, со свойственной только им... я не умею назвать, ну, пожалуй, бесцеремонностью, они, не утруждая себя проверкой услышанного, готовы всегда кричать, что «все превратно стало под нашим зодиаком». А потому отвечать на замечания таких господ я нахожу положительно лишним, т.к. эти замечания считаю ниже всякой критики.

Что же касается заметки г. Ермолова, помещенной в ноябрьской книжке журнала «Природа и Охота», за 1879 год, то я считаю себя обязанным сознаться, что желая сказать одну только истинную правду, быть может, я поступил и неделикатно, но что же делать, если нынче уж так принято, что говорить громко правду считается всегда неделикатным. Но несмотря на это, при всем своем желании никого не гневить, я не могу не сказать, что о такой породе собак, которая, по словам г. Ермолова, ныне не существует, и от которой он не требует *бочковатых* ребер и *огромных черных мясов* и которой г. Мачеварианов приписывает *полуаршинную* псовину (стр. 62 «Записок» г. Мачеварианова), словом, о породе собак, по их выражению, *«густопсовых»*, я никогда не слыхивал, не только — не видывал! Я не могу даже предположить о существовании когда-либо подобной породы борзых собак! А если только и существовали, по словам г. Ермолова, такие собаки, то это были, вероятно, собаки не борзые, т.к. от борзых непременно требуется скачка. Таких собак удобнее было бы называть «овцесобаками», или еще как-нибудь, в отличие от собак борзой породы; тогда большинство охотников даже и не «времен очаковских» скорее пришли бы к убеждению, что такое резкое отличие, по названию породы собак, дано натурально собакам не псовой породы, т.к. признанная всеми понимающими охотниками резвость и страшная пруткость борзой собаки псовой породы, не допускает в ней ни

безреберности, ни плохих черных мясов, т.е. неотъемлемых признаков тупости и слабости собаки, о чем даже г. Мачеварианов совершенно верно замечает на 21 и 22 стр. своих «Записок».

Впрочем, продолжать речь о породе «густопсовых» собак, которые без *бочковатых* ребер и *огромных черных мясов* могли быть резвыми и самыми пруткими собаками, я отказываюсь на том основании, что в те времена чудес, когда могла существовать такая порода «густопсовых», ныне уже не существующая, по словам г. Ермолова, «вероятно как и другие допотопные животные», столько было всего сверхъестественного, что не мудрено поверить, что резвости и пруткости таким, ныне не существующим «густопсовым» борзым помогала тогда, вероятно, *«полуаршинная и аршинная»* их псовина? (стр. 62 «Записок» и стр. 390 «Ответа» г. Мачеварианова). Относительно же того замечания г. Ермолова, которое вызвано моими (будто бы) «новаторскими» идеями и «открытиями происхождения пород борзых собак», я скажу для тех, кому это ново, что и Галилей, который, несмотря на весь ужас последствий приговора инквизиции, при произнесении торжественного отречения от великих истин, в которых был убежден, не выдержал и, ударив ногой о землю, сказал с гневом: «Пусть будет по-вашему, а все же она движется».

Поэтому, если уже такой великий мыслитель и ученый, как Галилей ничего не мог поделать в то время с заблуждением, то что же я то, малограмотный, могу сделать в подтверждение моего убеждения, кроме того только как повторить слова ученого «пусть будет по-вашему», *а все же древнейшей породой русских борзых была порода кровная «Чистопсовая».* И затем я предложу господам псовым охотникам следующий вопрос: какую борзую собаку можно считать сообразной нашему климату, ту ли, которая во всякое время года может быть годна для охоты с ней в нашем климате, или той, которая в известное время года не выносит нашего климата?

Вопрос этот я предложил ввиду того, чтобы доказать, как трудно переменить нередко дельному охотнику укоренившееся у него ложное убеждение и только собственным его противоречием можно доказать несостоятельность этого убеждения. За примером далеко ходить я не буду, а попрошу только господ псовых охотников обратить свое внимание на то, как опытный и вполне дельный псовый охотник г. Мачеварианов сам себе противоречит, уверяя на 389 стр. «Ответа», что: *«густопсовые и псовые собаки суть древнейшие русские борзые, сообразные нашему климату», а на 27 стр. «Записок» говорит: «еще неприятная для охотника вещь та, что густопсовые собаки в жаркое и душное время зарываю и сбавляют резвость, по крайней мере, на две трети против своей настоящей скачки».*

Не ясно ли из этого, что древнейшей и вполне сообразной нашему климату породой русских борзых ни как не могла быть порода собак псовых? Кровная же «чистопсовая» борзая годна во всякое время для охоты в нашем климате, и хотя она обладает короткой псовиной, но к зимнему времени имеет в ней столько пуха, что в позднюю осень и зимнюю стужу она никогда не зазябнет и не будет дрожать от холода как крымка или хортая собака, а в жаркое летнее и осеннее время она, сбросив с себя к июлю старую псовину, остается с новой, постепенно подрастающей и еще такой короткой псовиной, которую едва можно бывает захватить пальцами «в особенности на сытых, т.е. нехудых собаках» так что душное и жаркое время для нее ни по чем, она переносит его не труднее каждой крымской собаки. При этом я повторяю, что говорю о «чистокровных чистопсовых борзых», а не о тех *«мешанках»*, которых многие охотники, не исключая г. Мачеварианова (см. 28 стр. «Записок»), называют *«чистопсовыми»* и производят их от меси псовых с крымскими и хортными собаками. Я говорю о той первобытной породе

русской борзой, которая получила название «*Чистопсовой*» не в смысле ее голошерстости (голошерстных собак было и во времена отдаленной древности многое множество), а в смысле ее чистокровности, в смысле чистоты ее форм, качеств и общего вида собаки, в смысле *охотничьего желания* исключить или как бы отличить названием «чистый пес» такую собаку от среды других собак, отнесенных вообще к животным «нечистым» и вот в таком-то смысле, при понятии о подразделении животных на «чистые» и «нечистые» я говорю о собаке по тогдашнему выражению, получившей название «чистого пса» и сохранившейся в виде отдельной породы «чистых псов», т.е. собак (по современному выражению) чистопсовой породы.

И, наконец, название чистопсовыми всех борзых мешаной породы и даже выведенных «мешанок» от меси «псовых с крымскими и хортими борзыми» так же неправильно на том основании, что в большинстве случаев перемешанные породы борзых, по теории улучшения собак, допустим хотя, например, Мачевариановской, представляют нам в настоящее время изуродованные типы не одних чистопсовых, а нередко и псовых и других пород собак.

Вследствие чего, при желании выбрать породную собаку, необходимо при ее выборе, к какой бы чистокровной породе она не принадлежала, быть как можно более внимательным ко всем ее отклонениям от общих признаков чистокровности ее породы и никому не верить в улучшение через смешение с другими породами породы собак, установившейся уже веками и выведенной такими знатоками псовыми охотниками, для которых одна только псовая охота составляла всю прелесть, цель и заботу их жизни. Этим именно способом смешения ради мнимого улучшения перепортили у нас великолепные породы настоящих русских борзых собак.

ЧАСТЬ II

О собаководстве вообще, с точным определением пород борзых и гончих собак

ГЛАВА 1

О ПОРОДАХ БОРЗЫХ СОБАК, ИЗВЕСТНЫХ В РОССИИ

1. Всех установившихся пород борзых собак, известных в России, насчитывается восемь, а именно: чистопсовая, псовая, курляндская, брудастая, английская, хортая, горская и крымская.

2. Всякая упомянутая порода борзых собак имеет свои отличительные признаки, лад и стати; и поэтому псовый охотник всегда может определить по виду породу каждой чистокровной борзой собаки, если беспристрастно и строго будет относиться к ней при осмотре.

3. Всякое малейшее отклонение в собаке от типичных признаков известной породы доказывает, что в породу эту была подпущена кровь собак другой породы, а поэтому таких собак следует называть по преобладающей в них крови мешаными, например, если у чистопсовой во всех отношениях типичной борзой уши не затянуты, а распущены, или псовина нечистопсовой собаки, т.е. очень длинна или очень коротка, без уборной псовины; или ненастоящего окраса; или в голове, степи, правиле и т.п. есть уклонение от признаков чистопсовой кровной борзой, тогда такую собаку называют *«мешаная чистопсовая»*. Если же встречается с такими уклонениями от типичных признаков псовая собака, то говорят о ней: *«мешаная псовая»*; если же встречается крымская борзая с такими же уклонениями от типичных признаков, то говорят *«мешаная крымская»* или *«полукрымка»*, смотря по степени меси и т.п. Когда же мешаная борзая так перемешана, что по виду не подходит ни к какому типу чистокровной борзой, тогда таких собак называют, смотря по степени меси, *«мешанками»*, или *«выборзками»*, или *«полуборзыми»*.

ГЛАВА 2

О ЧИСТОПСОВЫХ БОРЗЫХ СОБАКАХ

4. Самой древнейшей и сообразно нашему климату породой русских борзых была порода собак кровная *«чистопсовая»*. Название этой породы борзых образовалось, как я уже сказал, от слова «чистый пес», в смысле чистокровности, чистопородности и *«чистоты»* собаки по виду, т.е. элегантности, пропорциональности частей и необыкновенной красоте ладов ее. Вследствие чего, старинные псовые охотники, убедившись при этом в изумительной резвости этих собак, необыкновенно дорожили ими и тщательно вели породу этих «чистых псов», которая сохранилась на Руси до наших времен под названием «породы чистопсовых» борзых.

5. Чистопсовую борзую собаку старинные знатоки, псовые охотники сравнивали, относительно кровности, с кровной арабской лошастью и поясняли это тем, что в пометах от кровных чистопсовых отца и матери дети-«сюрпризы» (как нынче называют) никогда не выраживались, а я утверждаю, что и не выраживаются.

Примечание. От мешаных же чистопсовых, производимых гг. Мачевариановым, Ермоловым и другими охотниками, от меси псовых с крымскими и хортыми борзыми, в пометах всегда будут «сюрпризы», т.е. щенята типов разных и неожиданных.

6. По виду чистопсовая кровная борзая должна быть красоты неописанной; чрезвычайно пропорционально сложенная, элегантная. Такая собака никогда не должна быть очень крутой и короткой, т.е. «в комке», а скорее «длинной», не исключая и кобелей. Кобель должен быть *непрерменно* «с верхом», а сука — «прямостепая» и *непрерменно* с самой легкой напружиной, т.е. чтобы степь слегка была выгнута кверху вроде небольшого вершка, едва заметного у суки.

7. Голова чистопсовой борзой должна быть небольшая, «правильная», узкая, чрезвычайно сухая, продолговатая, с пропорционально длинным, «правильным щипцом»; с блестящими, темными или черными, всегда веселыми, навывкате глазами (см. «Глазастая», ч. I).

8. Уши чистопсовой борзой должны быть маленькие, узкие и продолговатые и правильно поставленные; должны, в спокойном состоянии собаки, *непрерменно* лежать на затылке вместе, как бы соединяясь концами, и только в тревожном состоянии собака ставит их «конем», а иногда бывает и «с приподнятым ушком», словом, уши чистопсовой кровной борзой должны быть *непрерменно* «в откладе» и «с правильным их зарезом».

9. Ноги чистопсовой борзой должны быть «сухие, костистые»; лапа русачья, продолговатая; задние ноги «потянулись», с правильным постановом их, т.е. не очень «прямые» и не очень «лучковаты» и зацепами утыкались бы в землю; задние пазанки средней величины; передние ноги должны быть прямы, как бы подобраны под собаку и стоять должны «на коготках», как бы слегка суживаясь от локотков к земле в лапах, если смотреть на собаку спереди.

10. Грудь — выпуклая, полная, так что сокол груди не образует, в стоячем положении собаки, по сторонам своим *глубоких* западин. Ширина груди должна быть пропорциональна ширине зада и вообще, ширине собаки, которая, если смотреть сверху, должна казаться собакой «широкой» и «длинной». По выражению старинных охотников о чистопсовой борзой в книге под заглавием: «Псовый Охотник», издания 1728 года, говорится так: «*не узка и не кругла, была бы сверху широка*».

11. Шея чистопсовой борзой есть отличительный признак ее чистокровности и непременно должна быть длинная и конистая, как у кобелей, так и у сук (см. «шеистая», ч. I).

12. Ребра — бочковатые, но не особенно низкие и невысокие, во всяком случае, не выше локотков (см. «ребристая», ч. I).

13. Подхват — тонкий, хороший.

14. Правило чистопсовой борзой составляет исключительный признак чистокровности ее и поэтому непременно должно быть «в чистом серпе», всегда весело приподнятое в рыске и главное «*в себе было бы свободно*». Длина правила должна быть такой меры, что когда пропустить его между задних ног собаки и вывести из-под брюха сбоку наверх, то чтобы последний хвостовой позвонок мог прикрыть первый с того бока маклок; такой длины правило будет всегда пропорциональным росту собаки и всегда будет красиво; более короткое или более длинное правило для чистокровной чистопсовой борзой будет составлять уже недостаток, не говорящий в пользу ее чистокровности.

15. Плечи — полные, мускулистые. Движения в локотках свободное. Соколок груди должен выдаваться из-за плеч вперед.

16. Черные мяса — полные, хорошие.

17. Псовина чистопсовой борзой должна быть короткая, немного длиннее, чем у крымской борзой, но только необыкновенно мягкая, блестящая и в зимнее и осеннее время имеющая густой, пушистый подшерсток. Уборная псовина, привесь и отчесы не особенно редки и при этом неравномерно распределены, а именно: уборная псовина на гачах, сравнительно, очень длинная, достигает полуторавершковой длины, волнистая или вернее «вилая», с густым подшерстком у своего основания и красиво вниз висящая пушистыми шелковистыми прядями: на нижней стороне ребер и подхвате без заметного подшерстка, но достаточно густая, шелковистая, прямая, постепенно удлиняющаяся с половины ребер и пахов книзу, никогда не превышает внизу одновершковой длины; на шее, кругом головы, едва превышает полувершковую длину обыкновенной псовины чистопсовой борзой, и лежит гладко, волнообразно; отчесы небольшие; привесь на правиле полуторавершковой длины, шелковистая, прямая и не очень густая, висящая с нижней стороны правила, тогда как верхняя часть правила покрыта короткою вилой псовиной; вследствие чего правило должно казаться тонким, постепенно утончающимся от прочного основания к концу; на передних же ногах, с задней их стороны, шелковистая, редкая привесь не превышает длины одного вершка. Псовина на голове, начиная от ушей и шеи, и на ногах спереди должна быть приблизительно длины мышиной шерсти, блестящая и атласисто гладкая.

18. Настоящий окрас чистопсовой борзой: белый, половый всех теней, половопегий и мургопегий.

19. Линька у чистопсовой борзой начинается с первых чисел мая и в течение двух месяцев оканчивается совершенно, так что к 1-му июля здоровая (т.е. небольшая) собака должна окончательно перебраться, сбросив с себя всю старую псовину.

20. Рост чистопсовой борзой средний.

21. Характер — вежливый, ласковый, веселый, смирный и настойчивый в полях.

22. Рыск — веселый, передний и всегда на «рысях».

23. Резвость чистопсовых борзых баснословная как на коротке, так и в полях; хотя в силе с горскими и крымскими они сравниться не могут, но тем не менее уходу русаку от чистопсовых почти быть не может, на том основании, что по причине их шеистости они очень «поимисты» и потому более двух-трех угонок русаку не дают никогда, а чаще ловят русаков без угонок. При этом очень зорки, азартны и злобны, но никогда не «волкодавы», хотя травят волков и чистопсовыми борзыми, также как травят их и крымскими.

ГЛАВА 3

О ПСОВЫХ БОРЗЫХ СОБАКАХ

24. Второй установившейся веками породой русских борзых, но позднее первой (т.е. позднее чистопсовой породы), следует считать породу кровных псовых собак.

25. Порода псовых собак образовалась от меси чистопсовых с курляндскими борзыми собаками и поэтому, относительно кровности, псовую борзую можно сравнивать с кровным орловским рысаком, который выведен был знаменитым коннозаводчиком графом Орловым-Чесменским, от меси арабских с голштинскими и другими породами лошадей, а псовая русская борзая выведена старинными знатоками, псовыми охотниками, не оставившими, к несчастью, потомству своих имен, но тем не менее с достоверностью можно утверждать, что порода псовых русских борзых, в начале 1800 годов, считалась еще большою редкостью, т.к. в те времена, помещик Тамбовской губернии, Шацкого уезда, Павел Ермолаевич Мосолов, обладая настоящими псовыми борзыми, продавал их в Царство Польское по баснословно дорогой цене для того времени, а именно: по семи и десяти тысяч рублей на ассигнации за собаку (что известно мне от лиц, знавших его лично, а также и от его потомков, — моих соседей по имению в настоящее время) и что порода псовых борзых собак есть выведенная, то доказывается тем, что в пометах от кровных псовых собак всегда и прежде выраживались «сюрпризы»; так, например, от кровных, в завитках, красавцев псовых отца и матери, некоторые щенята, выраживались голошерстыми и наоборот, от голошерстых родителей дети выходили с отличной, в завитках, псовиной и вполне в ладах псовой собаки. В этом я положительно убедился как из сохранившихся у меня охотничьих записок моего отца, деда и прадеда, так и из продолжительных моих личных наблюдений над собственными моими собаками; причем добавлю, что дельный охотник никогда не станет пренебрегать слегка голошерстной, но во всех других отношениях правильной псовой борзой собакой, точно так же, как и коннозаводчик, а полагаю не станет пренебрегать кровной рысистой лошадию, выродившейся у него в ладах арабской лошади.

26. По виду кровная псовая борзая должна быть громадна, мощна, псова и свирепа. Пропорционально сложенная такая борзая, если это кобель, то должен быть крутой, с верхом страшной ширины и в «комке», точно (сбитый), а сука — прямостекая, широкая, с богатырской колодкой и длинная, но не переляканная, не растянутая и без всякой переслежины.

27. Голова псовой должна быть большая, сухая и костистая, с длинным, здоровым, ровным щипцом, и никак не вострощиповата, т.е. не тонкорыла или, как говорят, кувшинница; вообще голова псовой борзой не должна представлять «пряничной головки», словом, голова псовой борзой должна быть очень правильной, но в увеличенном, пропорционально росту, размере против чистопсовых собак (см. «правильная голова», ч. I). Лоб средний, не очень широк и не узок; глаза очень большие, свирепые, со слегка отвислыми нижними веками, из-за которых должен виднеться кровавый белок «страшного глаза».

28. Уши псовой борзой должны быть «в откладе» так же, как у чистопсовых, небольшие и даже немного крупные, при этом могут быть «в чепце» или без него, стоячими, «конем» или «с приподнятым ушком», но *всегда* в спокойном состоянии — «в откладе» и чем ухо псовой борзой более имеет «правильный зарез», тем лучше, это означает, что такая псовая борзая выродилась ближе к типу чистопсовых собак; с «распущенным ухом», но только в слабом виде распущенности, могут быть псовые

борзые, выродившиеся ближе к типу собак борзых курляндской породы, что хотя и не доказывает непородности псовой борзой, как и все упомянутые разновидности постанова ушей у псовой собаки, но тем не менее уменьшает красоту собаки, большая же распушенность уха у псовой борзой (т.е. «мешаное ухо») несомненно должна служить доказательством грубой меси собаки.

29. Ноги — прочные, мускулистые, крепкокостистые при этом должны быть сухи так, чтобы на костях, через кожу, видны были жилы; пазанки средней величины пропорционально росту собаки и задние пазанки должны быть скорее высоки, т.е. длинны, чем низки; лапа большая, продолговатая, с сухими, плотно прижатыми друг к другу костистыми пальцами; передние ноги от бочковатости ребер и ширины груди должны быть обращены лапами как бы внутрь и, слегка суживаясь в оконечностях, стоять должны прямо, как натянутые струны; задние ноги должны быть скорее лучковаты, чем прямы, но непременно правильно поставлены, т.е. не в размет и не лыжеваты, стоять псовая борзая должна на «коготках», как и всякая хорошая борзая.

30. Грудь — широкая, но не выпуклая, грудные западины довольно глубоки, соколок груди едва выдается из-за плеч.

31. Шея — длинная, но еще лучше, если конистая, как у чистопсовых (см. «Шеистая», ч. I).

32. Ребра — очень низкие, ниже локотков пальца на три, и бочковатые, так что на загривке собаки (т.е. над передними лопатками) должна свободно укладываться ладонь; ширина зада так велика, что между маклоками можно укладывать семь пальцев, и вообще зад должен быть шире переда.

33. Подхват — хороший, высокий, необходимый для собаки с верхом.

34. Правило псовой борзой должно быть длинное, прочное в основании и к концу тонкое; в спокойном состоянии собаки опущенное книзу и только в рыску приподнятое в «чистом серпе». Длина правила у псовой борзой определяется таким же способом, как и у чистопсовой, только правило псовой борзой должно быть немного длиннее правила чистопсовой, т.е. чтобы последний хвостовой позвонок мог при изменении только доставать до позвоночного столба и ни в каком случае не далее, т.к. более длинное правило или более короткое, чем у чистопсовой будет составлять уже большой недостаток, не говорящий в пользу чистокровности борзой псовой породы.

35. Плечи — полные, мускулистые, движения в локотках свободное. Соколок груди едва выдается из-за плеч вперед.

36. Черные мяса — огромные, полные, с страшно развитой мускулатурой и крепкие.

37. Псовина псовой борзой должна быть длинная, приблизительно двухвершковой длины, притом редкая, негустая, всегда мягкая, как шемаханский шелк, и непременно блестящая, серебристая, одинаково длинная как на ребрах, мышках, шее, так и на спине: уборная псовина, привесь и отчесы много длиннее обыкновенной, так, например, уборная псовина на гачах нередко достигает четырехвершковой длины с густым подшерстком и висит вниз волнообразными и шелковистыми прядями; на нижней стороне ребер и подхвате очень редкая, без заметного подшерстка и никогда не превышает двух с половиной вершков длины, и то только в самом низу так, что на взгляд это удлинение против обыкновенной псовины должно быть почти незаметно. Отчесы у кобелей иногда

бывают громадные и нередко достигают 4-вершковой длины, у сук же отчесы бывают преимущественно одинаковой длины с обыкновенной псовиной и редко превышает ее. Привесь на правиле от трех до четырех вершков длины, висящая вниз с нижней стороны правила и всегда, за очень редкими исключениями, прямая, шелковистая; волнообразная привесь встречается очень редко; с верхней стороны правила псовина должна быть короче обыкновенной и, постепенно укорачиваясь к концу правила, только у основания его всегда бывает «в завитках» или волнообразной; на передних же ногах с задней стороны шелковистая, редкая привесь не должна превышать длины обыкновенной псовины. Псовина на голове, начиная от ушей и шеи, и на ногах спереди должна быть очень короткая, в виде мышинной шерсти и только немного от глаз к ушам — крупнее, но непременно блестящая и атласисто-гладкая. Вообще псовина борзых псовой породы бывает трех сортов, а именно: прямая, вилая, т.е. волнистая или волнообразная, и в завитках. По этим видам псовины и выражаются охотники о псовых собаках так: «Прямопсовая; с вилой псовиной; с псовиной в «завитках». Все эти разновидности псовины происходят у псовых борзых вследствие того, что собака если выраживается ближе к типу курляндских борзых, то бывает с вилой или в завитках псовиной, если она вырождается ближе к типу чистопсовых собак, то бывает с псовиной более прямой. И поэтому ни одна из этих трех разновидностей псовины у борзых псовой породы не исключает их чистокровности, при одном только условии, чтобы псовина эта была не густа, т.е. не шерстиста, т.к. шерстистость, густопсовость всякой борзой есть неизменный признак грубой меси в собаке и доказательство подмеси крови овчарных или дворных собак.

38. Настоящий окрас псовой борзой: белый, бледно- или красно-полово-пегий, серо-пегий и мурго-пегий.

39. Линька борзых псовой породы составляет главную их особенность и заключается в том, что кровные борзые псовой породы начинают линять с апреля и продолжает линьку до половины сентября, совершенно незаметно для глаз неопытного охотника; они никогда не вылинивают сразу, а теряет псовину постепенно, по волоску, так что вида своего не изменяют и во время линьки, чего никак не может быть с грубомешанными псовыми и других пород собаками.

40. Рост борзой псовой породы: крупный.

41. Характер — энергичный, но скоросый и свирепый.

42. Рыск — передний или у стремени, походка гордая и как бы иноходью.

43. Резвость чистокровной борзой псовой породы выражается ее пруткостью (см. ч. I, «прутка») и пруткость псовой борзой должна быть страшная, изумительная, а потому требовать от псовой борзой силы в скачке никогда нельзя, да и не следует на том основании, что сила в полях у псовых борзых служит верным доказательством их непородности. Злоба псовых собак должна быть «мертвая» и при страшной силе, развитой у них в челюстях и корпусе, от таких четырех собак не должен бы сорваться никакой волк, будучи раз ими задержан. Эти то собаки всегда в мире охотничьем и назывались волкодавами.

Примечание. За последнее время некоторые из псовых охотников возбуждали споры о признаках псовой собаки, утверждая, что старинная псовая борзая (якобы утратившаяся) не должна была иметь бочковатых ребер и полных, хороших, черных мясов, т.к. у таких (по их выражению «густопсовых»)

собак ребра должны быть «карасем» и только «низки», а черные мяса «плоские», словом, вообще псовая борзая должна быть лещеватая, безреберная и без черных мясов (что всегда может быть приобретено у каждой породы борзых от кровосмешения в близком родстве), но это толкование положительно неверно, это есть уродство, страшный недостаток всякой борзой, неотъемлемый признак негодности собаки в поле и положительное ее безобразие. Поэтому я еще раз повторяю, что во всякой породе борзых, а тем более в породе псовых собак, от которых требуется страшная пруткость и мощь, прежде всего следует обращать внимание на крепость и полноту черных мясов, на бочковатость ребер и их спуск, на сухость головы, ног и вообще на костистость и мощь собаки. Возьмите, уважаемый читатель, в пример матерого волка! Вот лады, которые дают ему возможность быть самым резвым и сильным (в смысле мощи) из всех зверей нашей местности! И вот в таких-то приблизительно ладах, т.е. ладах матерого волка, и были старинные и поныне существующие у дельных охотников борзые псовой породы. Украсьте олов матерого волка гордой шеей, правильной головой, правилом, псовиной и ногами борзой собаки, и Вы получите идеал псовой борзой, т.е. такую собаку, какой были в старину и должны быть всегда настоящие русские псовые борзые. А если бы возможно было увеличить матерому волку размер задних ног, т.е. дать ему накат борзой собаки, то поверьте, не его бы догоняли борзые, а он при остальном своем сложении догонял бы каждую борзую.

ГЛАВА 4 О КУРЛЯНДСКИХ БОРЗЫХ СОБАКАХ

44. Курляндская борзая представляет собой самый крупный тип собак из всех пород борзых, известных у нас в России.

45. По виду курляндская собака страшна и как бы неуклюжа. Движения ее походят как бы на движения медведя, бегать рысью она никогда почти не могла, а рыскала иноходью, с развалом, или напрыгом, а потому курляндская борзая при громадной своей величине, необъятной ширине зада, страшной низкопередости и общей сыроватости при понуром ее виде, казалось бы, ничего не должна обещать по виду в пользу своей резвости, но тем не менее необыкновенная правильность ее частей, в отдельности взятых, дает ей возможность быть страшно резвой, но только на очень коротком расстоянии. Вообще курляндские борзые как кобель, так и сука должны быть «с верхом», зад много выше и шире переда, вследствие чего при крутом верхе собаки и большом ее наклоне к переду она должна быть всегда низкопереда.

46. Голова курляндской борзой прилобиста и сыра, с продольной впадиной (лощинкой) посередине лба, щипец длинный, здоровый и правильный, лоб средний, скорее широк, чем узок, глаза большие, свирепые (см. «с страшным глазом», ч. I).

47. Уши — средней величину, скорее велики чем малы, узки, продолговаты и постоянно в откладе лежат по обеим сторонам головы вдоль шеи (см. «с ушами в откладе», ч. I). При этом, в возбужденном состоянии, собаки курляндской породы никогда ушей не ставят во всю их длину, а только как бы вздергивают их кверху, причем кончик

уха свисает как бы назад и набок, но несмотря на распушенность уха (см. «с распушенным ухом», ч. I) никогда не поворачивают их к переду, свесив и запрокинув всю конечную половину уха наперед, как это делают борзые мешанной породы (см. «мешаное ухо», ч. I).

48. Ноги — прочные, сухие и крепко-костистые, главная особенность ног курляндской борзой заключается в том, что задние ноги много длиннее передних (сравнительно с размером ног борзых собак других пород), задние пазанки длинные, передние — пропорциональны величине передних ног и скорее низки, чем высоки, лапа большая, продолговатая, но, сравнительно с лапами борзых других пород, круглее; передние ноги должны быть прямы, а задние лучковаты и слегка как бы в размете, но так, чтобы это не составляло положительного недостатка или порока в собаке, как это выражено в ч. I в определении порочного постанова ног под словом «в размет». Вообще постанова ног и, в особенности передних, должен быть правильный.

49. Грудь — неширокая, сравнительно с шириной зада, соколок груди не выдается из-за плеч, и грудные западины довольно глубокие.

50. Шея — правильная (см. «с правильной шеей», ч. I).

51. Ребра — низкие и бочковатые (см. «ребристая», ч. I), ширина стери, крестца и в особенности зада необыкновенная. Зад много шире переда.

52. Подхват — хороший, высокий, необходимый у собак с верхом.

53. Правило курляндской борзой очень длинное и ровное, так что при измерении длины правила способом, указанным в ст. 14, ч. II, последний хвостовой позвонок, проходя через маклок, может соприкасаться с другим противоположным маклоком, но не далее того, притом правило курляндской борзой во всяком ее положении должно быть опущено книзу и только в конце загибается немного кверху, изображая из себя как бы прописную букву «г»; во время же скачки за зверем курляндские борзые отделяют правило так же, как и всякие другие борзые собаки.

54. Плечи — полные, мускулистые. Движения в локотках свободные. Соколок груди не выдается из-за плеч вперед или иначе незаметен.

55. Черные мяса — огромные (см. «с хорошими черными мясами», ч. I).

56. Псовина курляндской борзой должна быть длинная, приблизительно двухвершковой длины и вся в мелких завитках, притом совершенно равномерно распределена по всему корпусу собаки, за исключением кобелей, у которых псовина на шее, постепенно удлиняясь к голове, нередко достигает трехвершковой длины и бывает с более крупными завитками, что и заменяет у кобелей отчесы, у сук же и этого не бывает, а потому псовина на всем корпусе у сук должна быть одинаковой длины. Главная особенность породы курляндских борзых та, что эта порода собак не имеет ни отчесов, ни привеси. Щипец и нижняя часть головы, а также ноги передние от локотков, а задние от колен, покрыты очень короткой, атласисто-гладкой и блестящей псовиной, как голова и ноги спереди у псовых и чистопсовых борзых; лоб, начиная от глаз до ушей, хотя покрыт такой же короткой псовиной, но уже псовина эта лежит волнообразно, переходя между ушей как бы в завитки, сливающиеся у ушей с завитками обыкновенной псовины, правило же кругом покрыто короткой волнообразной псовиной, как у двухмесячных щенят псовой породы. Вообще псовина курляндских борзых мягкая, шелковистая, но тем не менее грубее псовины борзых псовой породы.

57. Настоящий окрас курляндской борзой серый, половый всех теней, муругий, чубарый и пегий означенных мастей. Окрас белый без отметин никогда у курляндских борзых мне не встречался.

58. Линька у курляндских борзых начинается с апреля и продолжается до сентября, как у псовых борзых, но только вылинивает курляндская не так, как псовая, она начинает линять частями, так например, прежде вылинивает шея, затем перед, а на заду держится еще старая псовина, и наоборот, словом, курляндская борзая сбрасывает с себя старую псовину не по волоску, как псовая борзая, а частями.

59. Рост курляндской борзой — самый крупный, так что суки менее 17 вершков, а кобели менее 18 вершков встречаются как исключение (см. «крупная», ч. I).

60. Характер — свирепый и притом понурый.

61. Рыск — задний и у стремени, притом всегда напрыгом или иноходью с развалом, рысью же почти никогда.

62. Резвость курляндской борзой страшная, но только на очень коротком расстоянии, при этом курляндские борзые очень поимисты, чему способствует их низкопередость, а в схватке с волком они незаменимы по причине необыкновенной их силы, т.е. мощности и злобы.

Примечание. В книге «Псовый Охотник» (о которой я неоднократно упоминал в моем «Руководстве»), откуда и выписаны мной лады курляндских борзых, говорится о них так: «Эти собаки не ловили, а били, как поленом, зайцев на маленьких полянах, вследствие чего были незаменимы для лесных местностей, но ими преимущественно травили волков и кабанов, в чем наши чистопсовые борзые никогда не могли с ними сравниться».

ГЛАВА 5 О БРУДАСТЫХ БОРЗЫХ

63. Брудастые борзые представляют тип собак средней величины и отличаются от других пород борзых собак необыкновенно жесткой (как у тюленя) псовиной, длинными, жесткими бровями, такими же усами и некоторыми отличительными признаками своих частей.

64. По виду брудастые борзые скорее прямостепы, но при этом должны быть непременно с легкой напружиной как кобели, так и суки.

65. Голова брудастой борзой средней величины с прилобью или круглолоба, щипец средней величины, лоб скорее широкий и выпуклый, глаза обыкновенные с нависшими над ними жесткими бровями.

66. Уши — продолговатые и очень маленькие, постоянно находятся в откладе, резрез ушей правильный, но только концы ушей не могут соприкасаться между собой, как у борзых чистопсовой породы. В возбужденном же состоянии брудастые борзые

приподнимают уши, как и все чистокровные борзые с ушами «в откладе» и только никогда не бывают с ушами «конем» и «в чепце».

67. Ноги — прочные, сухие и костистые, пазанки средней величины, скорее низкие чем высокие, лапа небольшая с плотно прижатыми костистыми пальцами, хотя и продолговатая, но тем не менее круглее, чем лапы борзых других пород. Постанов ног правильный и задние ноги скорее прямые, чем лучковаты (см. «прямые ноги», ч. I).

68. Грудь — широкая, выпуклая, соколок груди заметно выдается из-за плеч вперед и не образует глубоких западин.

69. Шея — средней длины пропорционально росту собаки и, хотя скорее коротка чем длинна, но тем не менее правильна (см. «с правильной шеей», ч. I).

70. Ребра — очень бочковатые, но не низкие, во всяком случае, не ниже локотков.

71. Подхват — тонкий, но не особенно высокий.

72. Правило брудастой борзой должно быть «в окороть», т.е. короче правила чистопсовой борзой, так что при измерении его указанным способом (ст. 14, ч. II) оно не должно доставать до первого маклока на полпальца или на одну четверть вершка, притом прочное в основании и к концу тонкое, оно должно быть всегда «в себе свободно». В рыску брудастые борзые всегда несут правило весело приподнятым в чистом серпе или в полукольце.

73. Плечи — полные, мускулистые. Движение в локотках свободное. Соколок груди выдается из-за плеч вперед.

74. Черные мяса — полные, хорошие.

75. Псовина брудастой борзой составляет исключительный признак ее породы и должна быть скорее длинной, чем короткой, вследствие чего псовина у брудастых борзых достигает нередко полуторавершковой длины, но при этом она клокаста и жестка, как у тюленя. Только ноги с передней стороны и лапы у брудастой борзой бывают покрыты жесткой, короткой псовиной, все же остальные части собаки должны быть покрыты одинаково длинной клокастой и жесткой псовиной, не исключая даже головы, которая еще вдобавок украшается густыми, жесткими и длинными волосьями бровями и усами, одни только уши должны быть покрыты сравнительно мягкой и очень короткой, наподобие мышинной шерсти, псовиной. Правило брудастой борзой привеси не имеет, а кругом должна быть покрыта одинаково жесткой псовиной равномерной длины, с псовиной обыкновенной, и только к концу заострена. Вообще брудастые борзые уборной псовины, отчесов и привеси не имеют.

76. Настоящий окрас брудастых борзых красный, половой, грязно-половой, с мазуриной, красный с мазуриной, черный и черный в подпалинах.

77. Линька у брудастых борзых начинается с первых чисел мая и оканчивается к августу совершенно.

78. Рост брудастых борзых приблизительно средний, но преимущественно кобели бывают около шестнадцати, а суки — около пятнадцати вершков.

79. Характер — очень скоросый, но вместе с тем бывает вежливый и послушный.

80. Рыск — веселый и всегда на рысях.

81. Резвость брудастых борзых средняя как накоротке, так и в полях, но при этом брудастые борзые очень азартны, поимисты и злобны (см. «резвая», ч. I).

ГЛАВА 6 АНГЛИЙСКИЕ БОРЗЫЕ

82. Английские борзые представляют собой необыкновенно изящный тип собак средней величины и отличаются от других пород борзых своею «голой псовиной», они не имеют ни уборной псовины, ни отчесов, ни привеси, и притом необыкновенно короткая атласисто-гладкая их псовина чрезвычайно равномерно покрывает все части их тела, не исключая головы, ног и правила (см. «голая», ч. I).

83. По виду английские борзые должны быть все, не исключая и сук, «с верхом» и преимущественно вислозады (см. «вислозадые», ч. I). Обладая при этом длинной, конистой шеей (см. «шеистая», ч. I), с широкой колодкой, необыкновенно низкими и бочковатыми ребрами, тонким и высоким подхватом, огромными черными мясами с резко очерченными мускулами, английская борзая представляет собой совершенный тип левретки, только в увеличенном и более правильном виде.

84. Голова английской борзой очень сухая, небольшая, прилобистая, даже скорее широколоба, с длинным и слегка вострощиповатым щипцом, с блестящими навывкате темными или черными, всегда веселыми глазами (см. «глазастая», ч. I).

85. Уши — очень маленькие, узкие и продолговатые, постоянно «в откладе». Зарез ушей правильный, но только концы ушей не могут соприкасаться между собой, т.к. уши широко расставлены; в возбужденном же состоянии английские борзые ставят уши так же, как и все борзые чистокровной породы с ушами «в откладе» (см. курляндскую борзую), за исключением только постанова ушей «в чепце» и «конем».

86. Ноги английской борзой должны быть необыкновенно сухи и костисты; лапа русачья, продолговатая, но только голая, т.е. не имеет с подошвенной стороны между пальцами длинной шерсти, как это бывает у всех борзых других пород. Постанов ног правильный, задние ноги лучковаты и с длинными пазанками; передние ноги прямые, жилистые, и вообще стоять должна английская борзая, как и всякая хорошая борзая, на коготках (см. «лучковатые», ч. I).

87. Грудь — выпуклая, полная, так что сокол груди не образует очень глубоких по сторонам своим грудных западин. Ширина груди должна быть пропорциональна ширине зада и вообще ширине собаки.

88. Шея английской борзой составляет отличительный признак ее породы и непременно должна быть длинной и конистой, как у кобелей, так и у сук (см. «шеистая», ч. I).

89. Ребра — очень низкие, ниже локотков и бочковатые (см. «ребристая», ч. I).

90. Подхват — необыкновенно тонкий, хороший.

91. Правило английской борзой составляет исключительный признак ее породы, оно должно быть в основании прочное, к концу же очень тонкое, притом ровное, без всякого утолщения в середине (как это бывает только у собак мешаной породы) и на конце завернутое в колечко, которое не может быть разогнуто ни произвольно, ни даже насильственно, притом правило книзу и несвободно в себе. Такой постанок и виде правила составляет отличительный признак породы английских борзых и поэтому не следует правило английской борзой смешивать с «мешаным правилом», которое имеет два общих признака с правилом английской борзой, а именно «несвободное в себе» и «завиток» или «колечко» на конце правила и отличается от него утолщением в средней своей части, чего никогда не бывает у английской борзой.

92. Плечи — полные, мускулистые. Движения в локотках свободные. Соколок груди выдается из-за плеч вперед.

93. Черные мяса — огромные, полные, с резко обрисованными упругими мускулами.

94. Псовина английской борзой должна быть необыкновенно короткая (немного крупнее мышинной шерсти), плотно прилегающая к телу собаки; притом блестящая, мягкая и атласисто-гладкая и, кроме того, равномерно покрывающая все части собаки, не исключая головы, ушей, ног и правила. Уборной псовиной, привеси и отчесов английские борзые не имеют совсем (см. ч. I, что означает: уборная псовина, привесь и отчесы).

95. Настоящий окрас английской борзой — половой, грязно-половый и с мазуриной, голубой, черный, *но без подпалин*, красный и красный с мазуриной, муругий и чубарый; при этом английские борзые могут быть белогористыми и с загривинами, но никогда не должны быть совершенно белыми; белый окрас английской борзой несомненно доказывает подмесь крови собак другой породы.

96. Линька у английских борзых начинается с первых чисел мая и оканчивается к июлю месяцу совершенно.

97. Рост английских борзых приблизительно средний, но преимущественно кобели имеют около 16, а суки около 15 вершков.

98. Характер — смирный, вежливый и послушный.

99. Рыск — веселый и всегда на рысях.

100. Резвость английских борзых неравномерна, так что, наверное, определить резвость борзых английской породы по виду положительно нельзя, два совершенно одинаковых по ладам однопометника бывают совершенно разных досугов, так, например, один очень резв, а другой совершенная тупица; кроме того, английским борзым присуща еще «скачка по охотке», т.е. одно поле борзая скачет лихо, а на другое не поспеет и к угонкам других борзых. Вообще из английских борзых выраживаются собаки как очень резвые, так и очень тупые, и такой резкой противоположности в досугах собак, нередко одного семейства, ни в какой другой породе борзых встретить нельзя. Точно также ничего нельзя сказать и о их злобе; есть английские борзые мертвой злобы, а есть и такие собаки, которые ни за что не подойдут к зверю, а наоборот, когда другие собаки принимают зверя, так они поодаль сидят и воют, что мне неоднократно приходилось видеть.

Примечание. Описанная мной порода английских борзых в настоящее время уже перемешана (по уверениям некоторых охотников с породой бульдогов) и потому много утратила из своих типичных и характерных признаков, как, например, потеряла верх, русачью лапу, кольцообразность конца правила, шеистость, вислозадость и т.п.

ГЛАВА 7 ХОРТЫЕ БОРЗЫЕ

101. Порода хортых борзых есть выведенная от меси английских с русскими чистопсовыми и псовыми борзыми собаками, а т.к. порода хортых собак выведена и образовалась прежде всего в Царстве Польском, откуда уже и распространилась по всей России, то поэтому она и сохранила за собой название «породы собак хортых», т.к. слово «хортые» есть переименованное русскими охотниками слово от польского «харты», означающее в русском переводе «борзые», вследствие чего под словом «хортые борзые» русские псовые охотники всегда и подразумевали «польскую борзую собаку».

102. По виду хортые борзые много рослее и сырее английских борзых и хотя так же представляют собой тип «голой» борзой (см. «голая», ч. I), но псовина хортых собак несравненно теплее и плотнее псовины борзых английской породы, при том псовина у хортой борзой неравномерно покрывает все части ее тела, так например, голова, ноги и подхват покрыты более короткой псовиной, а весь корпус ее и правило сравнительно более длинной, достигающей нередко полувершковской длины; кроме того, хотя уборной псовины, отчесов и привеси хортые борзые также не имеют совсем, но тем не менее на местах, где должна бы была быть упомянутая псовина, сохраняет хотя и слабые, но заметные ее признаки. Кобели должны быть с верхом, а суки — прямостепые, хотя и встречаются нередко хортые борзые с противоположными ладами, но зато всегда как кобели, так и суки должны быть с напружиной и при том всегда широки и массивны.

103. Голова хортой борзой большая, сухая и прилобистая, с длинным ровным и здоровым щипцом и, несмотря на ширину лба, голова хортой борзой вообще много складнее и приятнее головы английской борзой; глаза очень большие, свирепые, со слегка отвислыми нижними веками, из-за которых должен виднеться кровавый белок страшного глаза.

104. Уши — небольшие, узкие и продолговатые, должны находиться постоянно «в откладе» и с правильным зарезом, как у борзых английской породы.

105. Ноги хортой борзой должны быть сухие и крепко-костистые, лапа — русачья, большая, продолговатая и также не имеет с подошвенной стороны между пальцами длинной шерсти. Постанов ног необыкновенно правильный, пазанки средней величины, пропорционально росту собаки, стоять хортая, как и всякая другой породы хорошая борзая, должна «на коготках».

106. Грудь — широкая и выпуклая, пропорциональная ширине зада.

107. Шея — длинная и нередко конистая (см. «шеистая», ч. I), как у кобелей, так и у сук.

108. Ребра — низкие, бочковатые (см. «ребристая», ч. I).

109. Подхват — хороший.

110. Правило — очень длинное, так что при измерении, сказанным в ст. 14 ч. II способом, последний хвостовой позвонок может, проходя через маклок, почти доставать до противоположного маклока, при том правило хортой борзой должно быть все ровное, утонченное к концу и всегда прямое, без всяких завитков, колечек, неповигнутое и всегда опущенное, как у псовых борзых, к низу; правило хортой борзой только во время рыска и скачки немного отделяется и принимает как бы серповидную форму.

111. Плечи — полные, мускулистые. Движения в локотках свободные. Соколок груди выдается из-за плеч вперед и не образует глубоких западин.

112. Черные мяса — огромные, упругие, с резко обрисованными мускулами.

113. Псовина хортой борзой очень короткая, мягкая, блестящая и плотно прилегающая к телу собаки, но во всяком случае теплее и грубее псовины английской борзой, и теплота псовины хортой борзой объясняется тем, что она, несмотря на короткость своей псовины, которая ни в каком случае не должна быть длиннее полувершка, имеет небольшой подшерсток в обыкновенной псовине. Голова же, ноги и подхват покрыты самой короткой, как у чистопсовых борзых, атласисто-гладкой псовиной. Уборной псовины, отчесов и привеси хортые борзые совсем не имеют, а только сохраняют едва заметные их признаки.

114. Окрас псовины хортых борзых черный, серый, половой, грязно-половой, красный, красный с мазуриной, муругий, чубарый, голубой и пегий означенных выше мастей. Окрас белый встречается редко, хотя и возможен у борзых хортой породы.

115. Линька у хортых борзых начинается с первых чисел мая и оканчивается к половине июля месяца совершенно.

116. Рост хортых чаще средний, но нередко кобели бывают около 18 вершков, а суки около $16\frac{1}{2}$ и 17 вершков в наклоне.

117. Характер — энергичный, но смирный и послушный.

118. Рыск — хороший, по большей части у стремени и всегда размашистой рысью.

119. Резвость хортых борзых хорошая, как на коротке, так и в полях, но преимущественно хортые борзые бывают более скоры, чем сильны в полях; злоба хортых борзых, за очень редкими исключениями бывает «мертвая», и при их силе, развитых челюстях и корпусе, они не уступают в приемке зверя ни курляндским, ни псовым борзым собакам.

ГЛАВА 8

ГОРСКИЕ БОРЗЫЕ СОБАКИ

120. Горские борзые составляют совершеннейший тип борзых азиатских собак; и он в своем роде так же, как и у нас чистопсовые, представляет одну из самых чистокровнейших пород борзых — вислоушек. Первоначальная родина горских борзых — Кавказ, и ими туземцы-охотники дорожили не менее, чем дорожат бедуины своими первоклассными арабскими скакунами. И я предполагаю, что все остальные виды вислоухих борзых — не более и не менее как видоизмененная различными подмесями порода распространившейся повсюду горской борзой собаки. Предположение свое я основываю на том, что во всех видах азиатских борзых лучшее качество и стати собаки так схожи с досугом и ладом собак горской породы, что невольно приходишь к предположению, что все это взято прямо от собак горской породы. Допустить противоположное мнение невозможно потому, что совершеннее породы горских борзых, из всех вислоухих собак, нет, да и быть не может. А поэтому все виды борзых вислоухих собак, под какими бы названиями они не существовали, как, например, крымские, бессарабские, турецкие, хивинские, туркменские и т.п. борзые вислоухие собаки, *по моему мнению*, не должны представлять собой каждый отдельной самостоятельной породы борзых, а только продукт меси борзых горской породы.

121. По виду горская борзая должна быть красоты неописанной: чрезвычайно пропорционально сложенная, в высшей степени элегантная и грациозная. Горская борзая представляет собой, в полном смысле слова, тип совершенной красавицы комнатной борзой собаки. Хотя горские борзые относятся скорее к собакам прямостепым, но тем не менее они должны быть непременно с легкой напружиной как кобели, так и суки; совершенная прямизна стери у чистокровной горской борзой составляет скорее недостаток; при этом степь горской борзой должна быть без всякой перелякости и переслежины, гармонируя вполне своею напружиной необыкновенно изящному и тонкому своему подхвату; и при небольшом своем росте горские борзые как кобели, так и суки, должны быть скорее, пропорционально росту, длинные, чем короткие.

122. Голова горской борзой должна быть небольшая, хорошая и правильная, узкая, чрезвычайно сухая, так чтобы лобные кости: остряк, средний шов и его отростки к бровям были заметны из-под кожи; лоб узкий; щипец сухой, пропорционально длинный и чрезвычайно правильный; глаза большие, серьезные, всегда черные, как гранаты, и необыкновенно выразительные. Из горских борзых нередко встречаются собаки «с мертвым глазом».

123. Уши горской борзой составляют отличительный признак ее чистокровности и должны быть непременно длинные, висячие и обязательно под хорошими бурками (см. «с ушами в бурках», ч. I); чем длиннее ухо у горской борзой, тем лучше; бурки достигают иногда у некоторых собак полуторавершковой длины, но никогда у горской борзой они не должны быть короче вершковой длины; поэтому все ухо, взятое вместе с привесью бурок, нередко достигает слишком четырехвершковой длины, обыкновенная же длина уха с бурками — около трех с половиной вершков; при этом полотно уха должно быть не узко и не особенно широко, приблизительно около полуторавершковой ширины, к концу суженное, наподобие слегка закругленного угла, но суженность полотна может быть заметна только тогда, когда ухо обернуть и рассмотреть с нижней его стороны; сверху же, если только смотреть на ухо горской борзой, не прикасаясь к нему руками, этого сужения в конце уха заметить нельзя по той причине, что вниз висячие шелковисто-волнистые длинные бурки собаки это скрывают, кроме того, ухо горской борзой должно висеть

правильно, параллельно щеке и шее собаки, т.е. по отвесу, не свертываясь ни в трубку и не закладываясь, а так именно, как объяснено это в ч. I «Руководства» в определении борзых «с висячими ушами».

124. Ноги — совершенно сухие, костистые: лапа русачья, продолговатая, с плотно прижатыми друг к другу костистыми пальцами; с подошвенной стороны между пальцами растет не менее длинная, чем у псовых и чистопсовых борзых, мягкая шерсть; пазанки пропорциональны росту собаки, скорее длинны, чем коротки; постанов ног в высшей степени правильный, с достаточным простором между задних ног; задние ноги «потянулись», стоять горская борзая должна «на коготках» (см. «на коготках» и «лучковатые», ч. I).

125. Грудь — средней ширины, пропорциональна ширине собаки, полная и выпуклая, так что сокол груды не образует глубоких западин.

126. Шея — длинная, правильная.

127. Ребра — низкие, ниже локотков и бочковатые.

128. Подхват — необыкновенно тонкий и изящный (см. «с хорошим подхватом», ч. I).

129. Правило горской борзой длины правильной, а именно: не длиннее и не короче правила чистопсовой борзой, в себе очень свободное; при этом тонкое и в рыску приподнятое выше ступи в правильном кольце. В скачке же распускается по направлению к низу наклонно; вообще горская борзая имеет способность, в стоячем положении, давать всевозможные направления и положения своему правилу, но только всегда грациозные, вследствие чего горская борзая нередко ставит правило «в чистом серпе» или как английский сеттер: несет свое «перо».

130. Плечи — полные, мускулистые. Движения в локотках свободные. Сокол груды выдается из-за плеч вперед.

131. Черные мяса — полные, упругие и вообще очень хорошие.

132. Псовина горской борзой очень короткая, вроде псовины английской борзой, и никак не длиннее псовины хортой, но несравненно нежнее, реже и мягче последней, всегда плотно прилегающая к телу собаки и блестящая, как шелк, атласисто-гладкая; она равномерно покрывает весь корпус собаки, за исключением головы от ушей, ног с передней стороны (где псовина должна быть длиной в виде мышины шерсти, т.е. короче обыкновенной), и ушей, которые должны находиться под длинными, волнистыми и мягкими блестящими, как шемаханский шелк, бурками; уборная псовина у горских борзых бывает только на гачах, где она достигает нередко двухвершковой длины, причем она должна быть редкая и прямо вниз висящая; кругом же головы на шее, на ребрах и подхвате уборной псовины совсем не бывает, а вместо отчесов остаются по бокам шеи едва заметные признаки; привесь у горских борзых должна быть только на правиле, с нижней его стороны и должна висеть вниз прямыми и необыкновенно редкими, несколько не выступающими в ширину из-за стержня правила, тонкими шелковисто-мягкими двухвершковыми прядями, укорачивающимися к концу очень тонкого правила; верхняя же сторона его покрыта короткой, обыкновенной псовиной; с задней же стороны передних ног и с задней стороны задних пазанков вместо должной привеси остаются только достаточно заметные ее признаки (см. «уборная псовина, отчес, привесь и бурки», ч. I).

133. Настоящий окрас горской борзой: черный, черный в подпалинах, красный, красный с мазуриной, чубарый, муругий и пегий означенных мастей. Белого же окраса у чистокровных горских борзых *никогда* не бывает.

134. Линька у горских начинается с последних чисел апреля и оканчивается совершенно к половине июня, при этом бурки на ушах никогда не теряют своего вида и во время линьки; и поэтому представляются как бы не линяющими, а наоборот с возрастом, к совершенным годам собаки постепенно улучшающимися, т.е. удлиняющимися.

135. Рост горской борзой небольшой, но кобели нередко достигают более шестнадцативершковой вышины в наклоне, суки же всегда бывают значительно мельче кобелей и очень редко достигают пятнадцативершковой вышины.

136. Характер — энергичный, веселый, настойчивый в полях, но в большинстве случаев упрямый и не всегда вежливый; вследствие чего горские борзые требуют особенно хорошей выворки и присмотра, дабы не набаловать их и не сделать из них собак «зрящих» и «скотинников», к чему горские борзые бывают весьма предрасположены.

137. Рыск — веселый, но положительно бестолковый, так что без своры хорошо рыскающую за борзятником горскую борзую редко можно встретить; по большей части горские борзые или уносятся в сторону от хозяина, или рыщут впереди его на очень далеком расстоянии, а иногда, но реже, отстают позади охотника; и на зов борзятников при этом непослушны; но только стоит побудиться какому-либо зверю, как моментально горская борзая, где бы она ни была, его пометит и как птица к нему приспеет, разметав нередко находящихся впереди ее собак, «как стоячих». Зоркость горских борзых изумительная. Кроме того, горские борзые имеет большую склонность к смрадничанью и нередко, наткнувшись на гонный след, на чутье догоняют и ловят ушедшего «из видков», т.е. из вида русака или лисицу.

Примечание. Рыскучьность горских борзых безсъездная, затаскать горскую борзую почти невозможно, и если бы не бестолковый их рыск, то им цены нет. Какая же причина склонности горских борзых к такому бестолковому рыску? Я объясняю это двумя причинами, а именно: страшной самоуверенностью собаки в своей резвости и силе и страстью к смрадничанью, поэтому хотя все борзые требуют хорошей выворки, но горские требуют выворки особенно тщательной и продолжительной, так что первую осень, положительно всю, молодых горских борзых отнюдь не следует брать в поле без своры никогда, и в поле спускать со своры следует только собак на зверя, во время травли, остальное же время горские борзые должны быть без своры, словом, спускать их нельзя ни на минуту, и только по возвращении домой, у самого крыльца дома, сойдя уже с лошади, можно спустить собак со своры, огладив их и обласкать предварительно. После только такой продолжительной и непрерывной, со времени начала выворки щенят, езды с горскими борзыми, можно добиться от них рыска великолепного. В этом я убедился на собственных моих горских борзых и на хорошо известных мне горских собаках знаменитых охотников гг. А.В. и Л.В. Жихоревых.

138. Резвость горских баснословная, и не смотря на страшную и безмерную их силу в полях, они необыкновенно скоры на коротком расстоянии, а некоторые из них выраживаются и такие, что при такой страшной силе в полях несколько не уступают в

прутки даже борзым псовой породы, может быть на очень уж коротком расстоянии псовая борзая возьмет переда у такой горской, но никак не больше, как только на одну угонку, а вторая и последующая будут несомненно делом уже горской борзой. Для русака и лисицы горская борзая — смерть, вследствие чего охотники, знающие хорошо горских борзых, прозвали их «русачьей смертью». И это название они вполне оправдывают по своей безмерной резвости. При этом горские борзые очень злобны к зверю и жадно, а иногда и приемисто «влипают» в волка, но за неимением силы для схватки с ним, т.е. мощности (т.к. горская борзая не в состоянии удержать большого волка) требуют непременно помощи псовых собак; задержать же волка горские борзые всегда в состоянии и нередко бывали случаи, когда горские борзые замучивали волков постоянными рывками до того, что охотник мог без особого затруднения принять волка и из-под одних горских собак.

Примечание. Но для того, чтобы горская борзая собака могла всегда доставлять своему хозяину удовольствие, она *обязательно* должна содержаться в комнате, а не на псарном дворе. При этом она требуют самого тщательного за ней ухода: ее необходимо каждое утро чистить соломой и затем конской щеткой, выбивая назад и вперед из псовины плоть, после того тупейным частым гребнем вычесать ее (по направлению псовины) и расчесать бурки и привесь, выгладить всю суконкой в одну сторону, начиная вытирать с головы по направлению к праву. Кроме того, т.к. горские борзые вообще «скабежливы» на корм, кормить их следует в день два раза (за исключением дней охоты, когда кормить их следует один раз вечером), прибавляя в овсянку молоко, остатки от стола и кусочками черный ржаной хлеб, соблюдая при этом крайнюю чистоту и опрятность, в противном случае горские борзые не будут наедаться и начнут быстро худеть. При таком только тщательном уходе за этими необыкновенно элегантными и грациозными, не оцененными по своему досугу и красоте горскими борзыми, они всегда будут незаменимой утехой страстного охотника и в доме, и в поле, где никогда горская борзая не побоится ни холода, ни чичера осеннего, лишь бы по окончании поля она опять была принята в чистую и теплую комнату хозяина и на мягкую постель или диван.

ГЛАВА 9 КРЫМСКИЕ БОРЗЫЕ СОБАКИ

139. Крымские борзые очень схожи с горскими борзыми и разнятся от них только тем, что вообще грубее горских, совсем не имеют на ушах бурок и, обладая в скачке такой же непомерной силой в полях, не имеют той скорости или пруткости на коротком расстоянии, какую обладают борзые горской породы.

140. По виду крымская борзая менее элегантна, чем горская. При этом как кобель, так и сука очень прямостепы, без всякой напружины и нередко с переслежиной; колодка широкая, но маклоки всегда резко выделяются, вследствие чего крымская борзая всегда кажется худой, как бы не в порядке. Кроме того, крымская борзая на вид всегда как бы понура, не веселая, но это не мешает ей быть очень зоркой и вместе с тем очень азартной на все, нередко и на скотину.

141. Голова крымской борзой небольшая, сухая, но прилобистая, щипец достаточно правильный: глаза большие, темного или черного цвета; нередко крымские борзые встречаются с «мертвым глазом».

142. Уши — висячие, но без бурок (см. «с голыми ушами», ч. I).

143. Ноги — сухие, костистые; лапа русачья, продолговатая, с плотно сжатыми, костистыми пальцами; с подошвенной стороны между пальцами длинная шерсть; пазанки средней величины; постанов ног в высшей степени правильный; задние ноги потянулись и широко одна от другой поставлены; стоять крымская борзая должна «на коготках».

144. Грудь — средней ширины; соколок груди выдается из-за плеч вперед.

145. Шея — правильная.

146. Ребра — очень бочковатые, но не особенно низкие, так что иногда бывают выше локотков, но в большинстве достигают до локотков.

147. Подхват — необыкновенно тонкий и высокий, но не изящный в смысле красоты.

148. Правило — тонкое, правильной длины, и в себе очень свободно, носит правило крымская борзая (так же, как и горская) в кольце.

149. Плечи — полные, мускулистые. Движения в локотках свободное.

150. Черные мяса — огромные, упругие и хорошо развитые.

151. Псовина крымской борзой очень короткая, но немного грубее псовины горской борзой, всегда плотно прилегает к телу собаки и также блестящая и атласисто-гладкая; она равномерно покрывает весь корпус собаки, за исключением головы, ушей и ног с передней стороны, где псовина должна быть короче обыкновенной; уборная псовина на гачах и привесь на правиле (так же, как у горских борзых) достигает двухвершковой длины и также должна быть прямой, редкой и вниз висящей. На местах же, где должна быть уборная псовина и привесь (так же, как у горских) остаются только ее признаки: вместо отчесов едва заметные, а вместо привеси достаточно видные (см. у горских, ч. II).

152. Настоящий окрас крымской борзой более светлый, чем у горских, но тем не менее, крымские борзые бывают почти всех мастей, за исключением окраса голубого (см. «окрасы борзых», ч. I).

153. Линька у крымских борзых начинается с мая и оканчивается совершенно к июлю месяцу.

154. Рост — одинаковый почти с горскими — небольшой.

155. Характер — настойчивый в полях, но упрямый, зрящий и не всегда вежливый; вследствие чего крымские борзые (как и горские) требуют особого присмотра и высворки, т.к. они очень предрасположены к непослушанию и набалованности. Склонны к скачке «по охотке».

156. Рыск — хотя и веселый, но так же, как и у горских, — бестолковый, с той только разницей, что от горской не уходит русак и на коротком расстоянии, не смотря на ее рыск,

а от крымской, при ее бестолковом рыске, на коротких полях уйдет каждый «прибыляшка»; поэтому крымская борзая требует или самой лучшей и продолжительной высворки, чтобы она не отрыскивала от охотника, а была всегда при нем; или постоянно в малых полях, ее иметь надо всегда на своре.

157. Резвость крымской борзой в полях страшная, непомерная; но на коротке она не скоро, с места принимает как бы не хотя, но чем дальше скачет, тем резвее и сильнее... и если уж приспееет в пазанки к русаку, то как пришитая к нему, без крутых угонок, т.е. не проезжаясь на угонках, на смерть его заматает в одиночку. Словом сказать, в полях или степях с одной крымской борзой можно перетравить всех до единого наеханных русаков, но на малых полях крымских собак вообще назвать способными для травли зайцев нельзя, хотя выраживаются и из крымских собак собаки очень скорые или пруткие, но очень редко.

Примечание. При выборе горской и крымской собаки советую обращать особенное внимание на уши собак, требуя от чистокровной собаки непременно все то, что сказано в определении борзой «с висячими ушами» ч. I «Руководства».

ГЛАВА 10

О ПОРОДАХ ГОНЧИХ СОБАК, ИЗВЕСТНЫХ В РОССИИ И ПРИГОДНЫХ ДЛЯ ПСОВОЙ ОХОТЫ

Заметка: Приступая к описанию пород гончих собак, известных в России, и хотя пригодных только для псовой охоты, не касаясь описания пород подружейных гончих собак, я тем не менее считаю необходимым сделать оговорку, а именно: что из пригодных пород гончих собак для псовой охоты, мною составлено подробное описание только тех пород, которые мне хорошо известны. Что же касается других пород гончих собак, известных в России и, быть может, также пригодных для псовой охоты, чрезвычайно сбивчивые описания которых хотя мне и приходилось неоднократно читать, но воспользоваться теми описаниями для пополнения моего «Руководства ко псовой охоте» или рекомендовать их уважаемым моим читателям я никогда не осмелюсь, и поэтому я решил лучше умолчать совсем о таких породах, которые мало мне известны.

158. Употребительнейшими для псовой охоты в России были породы гончих собак следующие: Русская прямогонная, Русская крутогонная, Костромская, Русская Брудастая, Арлекины, Польская и Английская,

159. Все упомянутые породы гончих собак точно также, как и породы борзых собак имеют свои отличительные признаки, лады и стати; но т.к. за последнее время все породы гончих собак до такой степени перемешаны, что встретить чистокровную гончую собаку в настоящее время представляется несравненно труднее, чем встретить чистокровную борзую, то поэтому каждый псовый охотник должен быть как можно осторожнее, при выборе гончих собак для породы; и тем более, что никакая порода собак не скрывает так своей меси (по виду), как собаки гончие.

160. Кроме уклонения от типичных признаков в ладе и статях гончей собаки, необходимо еще обращать внимание и на ее голос, т.к. учащенно-отрывистый «дворноватый» голос у гончей, словом, голос не певучий, не выражающий тона (трудно объяснить это словами), а похожий как бы на отрывистый и даже не лай, а как бы учащенные взбрехи дворной собаки, у гончей служит верным признаком грубой в ней меси. Как бы ни была редкоскола или как бы учащенно ни водила чистокровная гончая, у ней всегда есть в голосе музыкальность тона, понятная каждому настоящему псовому охотнику и истинному любителю гончих собак. Поэтому, для породы, выбирая гончую собаку, важнее всего знать ее происхождение, а если порода ее неизвестна, то после *тщательного и самого строгого* разбора ее частей и вообще лада собаки, необходимо еще слышать ее голос *во время гоньбы в поле*, т.к. неоднократно были случаи, что от гончих неизвестной породы, но совершенных красавцев по виду и выдающих себя только голосом, выходили щенята положительно неопределенной породы и никуда негодные.

ГЛАВА 11 РУССКАЯ ПРЯМОГОННАЯ ГОНЧАЯ

161. Самой лучшей во всех отношениях породой гончих собак в России была порода «Русских прямогонных гончих». Эти собаки, кроме необыкновенной правильности частей своих и красоты, обладали преимущественно верхним чутьем, страшной злобой, безсъездной неумимостью, необыкновенной паратостью и безграничной привязчивостью к зверю. Кроме того, все «Русские прямогонные гончие» обладали страшно крупными голосами и преимущественно «с гнусью», а некоторые в особенности из выжловок и «с заливом».

Примечание. Такие гончие преимущественно находились в рязанской и тамбовской губерниях, и лучшие экземпляры были у знаменитого псового охотника, известного своим лечением от бешенства. Фед. Андр. Левашова, в его имении Пехлеце; затем у Ивана Васильевича Колемина, у которого такие гончие сганивали матерых волков, и у Александра Савича Траковского; после того, кровь этих собак продолжала сохраняться в гончих собаках, у гг. Протопопова, Сухарева, Ф.М. Протасьева (в Липовке Моршанского уезда), у меня и у Жихоревых до приобретения ими знаменитого Английского выжлеца «Остана».

162. По виду русская прямогонная гончая свирепа, велика, мощна и тепла (см. «шерстистая», ч. I); ладиста, подрывиста, ребриста, росла и широка, словом, прямогонная гончая должна быть всегда в «борзых ладах».

163. Голова — большая, длинночутоватая и сухая; лоб хотя и широкий, но ровный к основанию чутья (см. «длинночутоватая», ч. I). Подбрудка не бывает (см. примечание, что значит «подбрудок», ч. I), исключая очень осенистых.

164. Основание чутья — длинное, толстое и при этом *непрерывно ровное*, не утончающееся к концу (как бы четырехугольное) и конец его развитой, подвижный (см. «чутьистая», ч. I, а также примечание, что называется у гончей «чутьем»).

165. Глаза — большие, черного или очень темного цвета и всегда «на слезе».

166. Уши — тонкие, правильные и плотно прилегающие к щеке собаки (см. «с тонким, плотно-прилегающим ухом», ч. I). При возбужденном состоянии она их никуда не запрокидывает, а только вздергивает кверху, как крымская или горская борзая. Уши поставлены не низко и не особенно высоко.

167. Ребра — низкие, ниже локотков, бочковатые и крутые (см. «ребристая», ч. I).

168. Спина — прямая, с легкой напружиной; мочи широкие, крепкие; тело мускулистое, твердое; портки очень развитые (см. примечание, что означают «мочи» и «портки», ч. I).

169. Ноги — прочные, сухие и крепко-костистые; лапа круглая «в комке», т.е. с плотно сжатыми, сухими, костистыми пальцами; постанов ног правильный; задних прибылых пальцев никогда не бывает; и вообще прямоугольная русская гончая скорее должна быть высока на ногах, чем низка, и при этом *как бы* высокопереда, но не «сахостовата» и не «переляка». Стоять должна на коготках и впереду, как борзая.

170. Гон — прямой, пологосерповидный (см. «прямогонная», ч. I), почему она и носит название «русской прямогонной гончей».

171. Шерсть — недлинная и не особенно короткая, на боках около полувершковой длины, на спине около трех четвертей вершка длины, но плотная, густая и грубая на ощупь; при этом плотно, т.е. гладко лежащая к телу собаки и всегда блестящая. На шее такая же грубоватая шерсть достигает длины нередко до одного с четвертью вершка, но лежит так же гладко, как и вся обыкновенная шерсть прямогонной русской гончей; и только на гачах и с нижней стороны гона эта шерсть пушиста, не превышая, однако, средней длины шерсти на спине и шее. На голове же, ушах и ногах шерсть очень короткая, мягкая и атласисто-гладкая. В возбужденном состоянии русская прямогонная гончая запрокидывает шерсть на спине и шее наперед, как щетину и через то как бы «вырастает на ногах» (охотничье выражение), что и делает во время гоньбы по волку.

172. Цвет шерсти у прямогонных гончих: черный, но всегда с серым подшерстком и в подпалинах с очками; подласый; багряный и серый и также иногда в подпалинах. Пегих, светлых мастей и белых прямогонных чистокровных русских гончих никогда не бывает.

173. Рост — очень крупный (см. «рослая», ч. I), как выжлецы, так и выжловки, которые менее выжлецов бывают только на какой-нибудь один вершок.

174. Характер — свирепый, привязчивый к зверю, упрямый и в большинстве случаев скоросый; но, несмотря на это, прямогонная гончая необыкновенно умна, необыкновенно привыкает к своему доезжачему, знает его одного и только ему одному послушна; но в силу необыкновенной злобы и азартности этих гончих собак, с ними всегда надо быть осторожным, в особенности в таких местах, где нет зверя, т.к. в тех местах, где нет зверя, вообще звериные собаки, а русские прямогонные зверогоны в особенности, перестают быть вежливыми и легко могут побросаться на скотину и в особенности на свиней, овец и на дворных собак, вследствие чего требуют постоянно особенно осторожной и *умелой езды* с ними. С умелым доезжачим «мастером» езда с такими гончими — наслаждение; с неумелым же доезжачим — одно только горе; неприятности и убыток владельцу охоты.

Примечание. В старинных псовых охотах, как, например, у Алек. Савича Траковского, у Фед. Андреевича Левашева и других гг. псовых «настоящих» охотников, выдающиеся скоросые гончие (понятно, не все), нередко на

псарном дворе находились постоянно на привязи, на цепях. В присутствии только доезжачего (своего) они делались как бы смирными и послушными, но и тогда смыкали их непременно: выжлеца с выжловкой, т.к. скоросых выжлеца с выжлецом, а выжловку с выжловкой, смыкать на один смычок никогда не должно, во избежание того, чтобы не стравить кого-либо из этих гончих, которых во время драки их разнять или растащить, в особенности, в большинстве случаев бывает положительно невозможно.

175. Полаз — веселый, заемистый и «на скачках» во все время; и только когда гончая нападает на свежий ночной след зверя, то она останавливается, разбирает его и уже к логову или вблизи зверя, по красному (т.е. по лисе или по волку) идет сдержанно, тихо «в добор». Когда же помкнет по зверю, то уже водить его во все ноги до конца и при этом всегда на верхнее чутье (см. «заемистая», «полазистая» и «верхочуть», ч. I).

176. Паратость и неутомимость страшная (см. «паратая», ч. I).

177. Голос у прямогонных русских гончих страшный и преимущественно «с гнусью», а у некоторых, и в особенности у выжловок, у которых вообще голос ровнее, «с заливом» (см. голоса, ч. I). С очень крупными голосами гончие бывают более редкосколы, а с ровными — «яркоголосы». Тонкие голоса у русских прямогонных гончих бывают только у выжловок и встречаются сравнительно реже. Главная особенность голоса прямогонных русских гончих — это необыкновенная его *музыкальная* «тонкость» — *певучесть*.

178. Злоба и привязчивость к зверю у русских прямогонных гончих мертвая и безграничная, а потому из них преимущественно всегда выходили «зверогоны», в полном смысле этого слова (см. «зверогоны» и «привязчивая» ч. I). По зайцу гоняли неохотно и часто скалывались; узнавши же зверя, совсем переставали гнать по зайцу. По лисе гнали хорошо, но волка предпочитали всему.

ГЛАВА 12

РУССКАЯ КРУТОГОННАЯ ГОНЧАЯ

179. Крутогонная русская гончая несомненно выведенная в России от меси русских прямогонных гончих и, по моему предположению, вероятно с гончими собаками, подходящими к пешим французским пегим гончим, замечательными своими необыкновенными «с заливами» голосами. Породы этих французских гончих собак назвать я не умею, но видел их лично, привезенных прямо из-за границы. Они все были черно-пегие в подпалинах, с очками и багряно-пегие; ростом они были очень небольшие, приблизительно около десяти вершков; но *голосищи* с заливами у них были необыкновенные, какие-то ярко-звонкие и положительно не перерывающиеся. (Я не мог видеть их без смеха: они очень малы ростом, а ревут буквально неистово, и нередко густым басом, оправдывая вполне пословицу, что «не из тучи гром гремит»). При том уши у них были очень тонкие, низко поставленные и очень длинные, достигающие почти до конца головы; голова во лбу, очень узкая, с заметно выдающимся остряком; чутье вздернуто и скорее коротковатое, чем длинное. Сами таксоваты; и при этом постанов гона необыкновенный: в виде или крутоизогнутой по направлению к переду свечи, поставленной чуть не перпендикулярно к спине собаки, или в виде ковычки, или изогнутого знака восклицания, поставленного над точкой основания гона так, что весь гон

находится над спиной собаки. Глаза большие, навывкате, темного цвета. Шерстью — голошерсты вроде пойнтеров, с подшерстком, одноцветным с отметинами, так например, если отметина черная, то и подшерсток черный и т.п., при этом длина обыкновенной ее шерсти распределена совершенно равномерно по всему корпусу собаки, за исключением ушей, головы и ног, на которых шерсть очень короткая и атласисто-гладкая, за исключением гачей и гона с нижней стороны, на которых шерсть пушистая. Вот от меси этих-то французских гончих, или от подобных им собак, с русскими прямогонными, я предполагаю, и выведена была порода русских крутогонных гончих собак. Предположение мое я основываю на следующем факте: один знакомый мне, хотя и «приватный», но вполне милейший, псовый охотник, из любви к искусству, повел породу гончих своих собак от русского прямогонного (великолепного) выжлеца, с сказанной французской выжловкой и добился собак средней ноги и прелестных гонцов по голосам, совершенно подходящих по виду к типу русских крутогонных гончих собак, но зато навсегда он утратил породу прямогонных, незаменимых русских гонцов.

180. По виду крутогонные русские гончие собаки небольшие, но и не особенно мелкие, скорее среднего роста; всегда веселые, ласковые и смирные, хотя между собой очень драчливые, но неопасные, т.к. беспрестанная их грызня между собой на псарном дворе, со страшным обрехом и возней, приводящая неопытного охотника всегда к предположению: «ну, свалились и изорвали какую-нибудь!» при первом же окрике выжлятника, моментально оканчивалась пустым только звуком и, в большинстве случаев, даже и без хваток на собаках. При этом крутогонная гончая ребристая, широкая, но не подрывиста, сравнительно с русскими прямогонными, хотя и не очень прибрюшиста; и кроме того, голошерстее их, сырее и ниже на ногах, сравнивая пропорционально росту собаки.

181. Голова — узкая, с заметно выдающимся остряком (см. «узкоголовая», ч. I) и, несмотря на кажущуюся сухость головы, имеет небольшой подбородок (см. примечание, что значит «подбренок», ч. I).

182. Чутье — ровное, коротковатое, немного вздернутое на конце и хорошо развитое.

183. Глаза — большие *на выкате*, веселые и *всегда* черного или темного цвета (см. «глазастая», ч. I).

184. Уши — правильные, тонкие, но немного длиннее ушей прямоногой, ниже поставлены и немного круглые на концах, хотя и не лопаухие и не завертывающиеся в трубку, как это объяснено в ч. I в определении гончих «лопоухих» и «с лягавыми ушами», а правильно суживающиеся книзу, на подобие треугольника, с *более* закругленным нижним углом (см. «с тонким, плотно прилегающим ухом», ч. I). При этом уши у крутоногой гончей, при возбужденном состоянии собаки, не вздергиваются кверху и почти не изменяют своего положения, т.к. она (едва заметно) отодвигая их к заду, тем самым как бы открывает спереди ушное отверстие, выражая более возбужденное свое состояние, поднятием головы кверху и быстротою своего взгляда.

185. Ребра — бочковатые, но не ниже локотков и крутые.

186. Спина — прямая, без всякой напружины; зад и грудь широки, но мочи слабоваты; портки развиты хорошо, но вообще все тело — средней упругости.

187. Ноги — прочные, достаточно сухие, правильные, с правильной, круглой «в комке» лапой; постанов ног правильный; задних прибылых пальцев никогда не бывает; вообще

крутогонная гончая должна быть скорее как бы низковатой на ногах, чем высоконогой, иначе говоря: ноги должны быть средней высоты и при том стоять должны «на коготках».

188. Гон — крутой, всегда загнутый круто на спине в кольцо (см. «крутогонная», ч. I); отчего собака и носит название русской крутогонной гончей.

189. Шерсть — более короткая, чем у прямогонных (см. «голошерстая», ч. I), менее грубоваты и более равномерно распределена по всему корпусу собаки; притом плотно прилегает к телу и всегда блестящая. На голове, ушах и ногах атласисто-гладкая и очень коротенькая, как у прямогонных. На гачах и на нижней стороне гона шерсть пушиста, при возбужденном состоянии у крутогонной гончей шерсть на верхней части шеи и на спине также приподымается и щетинится.

190. Цвет шерсти у крутогонных гончих бывает черный в подпалинах и с очками и с серым подшерстком, но не всегда; багряный, подласый, серый и пегий означенных мастей; и также, если черно-пегий — в подпалинах и с очками.

Примечание. Серые в этой породе выраживаются очень редко и то всегда неправильного цвета, скорее выраживаются, или багряно-серые, или кауро-серые. Серо-пегих же правильного цвета никогда почти не бывает.

191. Рост — почти средний, но не более того; преимущественно рост крутогонной гончей бывает около тринадцати вершков; выжловки же и того менее.

192. Характер — веселый, ласковый и смирный; хотя и драчливый между своими собаками, но не опасный; вообще крутогонные гончие очень послушны и делаются очень скоро вежливыми. К зверю же достаточно злобны и привязчивы преимущественно в гоньбе по лисице и зайцу.

193. Полаз веселый (см. ч. I, «полазистая») преимущественно «с низким поиском» и всегда «в кругу», т.е. не отдаляются значительно от доезжачего, как это делают всегда собаки «заемистые». При этом крутогонные русские гончие склонны к покрикиванию в жирах, в особенности под старость, что очень непохвально, хотя и объясняется их горячностью (молодые отъезжаются скоро) но тем не менее по зверю, и в особенности по лисе идут в добор по большей части очень верно и вообще гоняют всегда стайно и хорошо.

194. Паратость — средней ноги.

195. Голос — яркий, с заливом, но бывает и без залива, как исключение. Вообще голоса крутогонных гончих очень хорошие и преимущественно ровные (см. «ровный голос» и «с заливом голос»).

196. Злоба к зверю у крутогонных гончих достаточно хорошая, водят привязчиво и стайно (дружно) по всякому зверю, но лисицу предпочитают всему и потому из них выходят чаще всего замечательные «красногоны», хотя бывают гонцы и по волкам. Зайцы же никогда им не противны. Главная особенность породы русских крутогонных гончих заключается в том, что они в гоньбе необыкновенно верны, редко скальваются, добывчивы, неотдирчивы, неотбивчивы, полазисты, нестомчивы, стайны, позывисты и очень послушны и вежливы.

ГЛАВА 13

КОСТРОМСКАЯ ГОНЧАЯ

197. Костромская гончая выведена в России, во времена довольно отдаленные, татарами-охотниками от меси русских прямогонных гончих собак с ищейками, наполнявшими в те времена дворы каждого охотника-татарина Костромской, Ярославской и других смежных губерний. В конце тридцатых и начале сороковых годов псовые охотники еще продолжали посылать в те губернии, преимущественно в Костромскую, как более обитаемую татарами-охотниками, за покупкой целых стай гончих нагоненных собак, как, например, помещики Тамбовской губернии П.Е. Мосолов, Ф.И. Богданов, В.П. Можаров, Нестеров и др., которые неоднократно посылали за гончими собаками в Костромскую губернию, а г. Мосолов — так тот никогда не держал более двух осеней у себя одной и той стаи гончих и потому ему постоянно приводили целыми стаями их из Костромы. Как именно произошла эта замечательная по гоньбе установившаяся впоследствии порода гончих костромских собак, объясняют старинные псовые охотники, имевшие дела с костромскими охотниками-татарами следующим образом: в те времена, когда татары густо еще населяли Костромскую и смежные с ней губернии, много было из татар охотников-промышленников и преимущественно ружейников, которые специально занимались только одной охотой за разными зверями со своими разного рода и вида ищейками, т.е. особого рода дворняжками-лайками, исполнявшими у них обязанности гончих собак, но которые, понятно, никогда не могли сравниться в гоньбе с настоящими гончими собаками, а потому охотники-татары, слыша много о досуге русских прямогонных гончих собак (а быть может, и зная их) заказывали своим братьям татарам, торговцам (искрещивавшим в те времена всю Россию для торговли разными товарами) доставать где возможно «из сбывочных» в псовых охотах гончих собак для охоты с ними, а т.к. «в сбывку» по окончании каждой осени назначалось владельцами псовых охот очень много разного сорта устаревших и вообще почему-либо негодных для езды собак, которые и поступали в собственность охотников-псарей, то татары-торговцы и выменивали их у прислуги (псарей) за бесценок, а именно: за какой-нибудь ситцевый платок, фунт чая или за несколько фунтов рыбы и т.п., и приводили их к себе в Костромскую, Ярославскую и другие смежные губернии своим братьям татарам, охотникам-промышленникам, которые, выбрав лучших гонцов из русских прямогонных гончих (как преобладающей в те времена породы гончих собак в псовых охотах), оставляли их у себя, охотились с ними и ищейками на всяких зверей и держали их постоянно на свободе, вместе со своими ищейками, на положении дворных собак. Вследствие чего, вначале, быть может, и случайно, оставляя щенят от русских прямогонных гончих со своими ищейками, татары-охотники добились очень хороших мешаных гонцов по всякому зверю. После этого уже татары-охотники обратили серьезное внимание на мешаных своих гонцов и стали выкармливать щенят (как волчат) в корытах и огороженных ямах, по несколько пометов вместе, образуя таким образом целые стаи однокорытников, собак по двадцати и более в каждой стае и затем, начиная наганивать их с верным гонцом, отцом их или матерью еще с шестимесячного их возраста, они доводили в гоньбе эти стаи мешаных собак до совершенства, таскаясь с ними по лесам чуть ли не каждый день. Вследствие чего с течением времени татары-охотники, совершенствуя породу своих гонцов и полевые качества, дошли до того, что слава о породе костромских гончих сделалась известной повсюду и гг. псовые охотники, не придерживающиеся породы своих собак, а нередко вынужденные к тому следствием чумы и других заразительных болезней, уничтожавших в те времена собак чуть не целыми псарнями, стали покупать у костромских татар съезженные и совсем готовые (не требующие хлопот) стаи гончих татарских, т.е. «*костромских*» собак, которые оказались вполне пригодными по своему досугу, но навсегда утратившими *красоту и правильность типа* настоящих

чистокровных русских прямогонных гончих. Вот как объясняют старинные псовые охотники происхождение и название гончих *костромской* породы собак.

198. По виду костромская гончая среднего роста, длинновата и низка на ногах, при этом очень ребристая, широка и высокопереда. Кроме того, очень шерстиста, шерстистее прямогонной гончей, всегда веселая и самая смиренная (т.е. не драчливая с своими собаками) из всех пород гончих собак.

199. Голова — вострочутовата и составляет исключительный признак или особенность породы костромских гончих собак; во лбу между ушей широка, а к чутью сужена.

200. Чутье — средней длины, прямое и от основания к концу суженное, но вместе с тем достаточно «развито».

201. Глаза — большие, навывкате, веселые и всегда темного цвета (см. «глазастая», ч. I).

202. Уши — полувисячие и составляют исключительный признак единственной породы гончих костромских собак, т.к. нет ни одной породы гончих собак, кроме костромской, которая бы обладала подобными ушами, несомненно доказывающими, что в породе костромских гончих есть кровь ищеек-остроушек.

203. Ребра — низкие, ниже локотков и бочковатые (см. «ребристая», ч. I).

204. Спина — прямая, *как бы покатая* к заду и без всякой напружины. Шея — толстая и короткая. Мочи — широкие, крепкие, тело — мускулистое, твердое, портки очень развитые.

205. Ноги — прочные, сухие и крепко-костистые, лапа круглая «в комке», постанов ног правильный, задних прибылых пальцев никогда не бывает, вообще костромские гончие должны быть в ногах низки и высокопереда. Стоять должны на коготках.

206. Гон — прямой, но более изогнутый и короткий, чем у прямогонных гончих и притом постанов гона более крутой, т.е. от основания приподнят кверху в виде серпа, только не прямо над спиной, как у крутогонных гончих, а как бы образуя со спиной тупой угол, но во всяком случае угол должен быть менее тупой, чем у прямогонных гончих (см. для сравнения «прямогонная», ч. I).

207. Шерсть — длинная сравнительно с шерстью прямогонных гончих, но также плотно прилегает к телу собаки и также неравномерно покрывает корпус собаки, а именно: на шее и верхней части спины длиннее, чем на боках, на голове, ушах и ногах очень короткая атласисто-гладкая, а на гачах и нижней стороне гона пушистая, и хотя пушистость эта резче означается у костромских гончих, чем у прямогонных (в особенности с основания гона, вследствие чего гон кажется к концу совершенно заостренным), но тем не менее эта пушистость шерсти не должна представлять ни «привеси», ни «уборной псовины». В возбужденном состоянии костромская гончая также шетинится и запорокидывает шерсть на спине и шее вперед.

208. Цвет шерсти у костромских гончих: серый, соловый, каурый, подласый, реже черный, но непременно с серым подшерстком и в подпалинах с очками, и также редко бывают пегие означенных мастей. Вообще костромские гончие бывают более светлых мастей, чем прямогонные, хотя белых совсем точно также не бывает.

209. Рост — средний.

210. Характер — веселый, смирный и очень привязчивый к зверю, при этом очень послушный и потому всегда вежливый. Но несмотря на это, относительно привязчивости к зверю костромские гончие необыкновенно разнохарактерны, так, например, одни необыкновенно привязчивы к волку и бывают замечательными «зверогонами», другие бывают хорошими «красногонами», а есть и такие заядлые «зайчатницы», что с ними ничего ровно не поделаешь при езде по волкам и поэтому нередко таких собак приходится оставлять дома или на квартире при взятии взводка волков, дабы с ними не испортить окончательно поля (что означает: зайчатники, красногоны и зверогоны).

211. Полаз — веселый, постоянно на скачках и у некоторых заемистый, при этом очень «добывчивы» и водят всегда во все ноги, преимущественно на верхнее чутье, хотя бывают костромские гончие и «с низким поиском». В добор по красному зверю некоторые зайчатники имеют слабость покрикивать «в жирах».

212. Паратость — средней ноги, но неутомимость их замечательная (см. «средней ноги», ч. I).

213. Голос у костромских гончих преимущественно ровный или тонкий и в большинстве «яркий» (см. «яркоголосая», ч. I), но иногда бывают и «с заливом». Очень крупных голосов у костромских гончих никогда не бывает.

214. Злоба у костромских гончих также неравномерна: есть собаки мертвой злобы к волку, а есть и совсем его не берущие, но привязчивость к гоньбе по зверю и зайцу вообще, за исключением «заядлых зайчатниц» (которые кроме зайца ничего другого знать не хотят), безграничная, а поэтому нередко встречаются такие гончие (из костромских преимущественно), которые превосходно гоняют по волку, но брать его не берут. Вообще костромские гончие, как гонцы, собаки очень хорошие.

ГЛАВА 14 РУССКАЯ БРУДАСТАЯ ГОНЧАЯ СОБАКА

215. Под словом «брудастые гончие» нередко подразумевают и курляндских, и французских, и английских выдровых, и других пород косматых собак. А поэтому нередко ошибочно определяют их вид, досуг и происхождение будто бы от овчарных собак. Быть может, что все эти породы курляндских, французских и английских выдровых собак и действительно выведены от собак овчарных (нельзя отрицать того, что не знаешь), но судя по описанию их и видевши некоторые экземпляры собак выдровых и французских косматых гончих, я должен сказать, что эти собак не имеют ничего общего с породой русских брудастых гончих собак — с породой, которая более тридцати лет велась в псовой охоте Ф.В. Протасьева (в с. Угле Сапожковского уезда) и которая по настоящее время еще сохраняется у меня, но только (сравнительно) в измельчавшем уже виде, за неимением поблизости собак этой породы для освежения крови. Откуда, как и кем выведена порода русских брудастых гончих, я сказать, наверное, не умею, но породу этих, во всех отношениях вполне замечательных собак я достаточно изучил в продолжении моей жизни и потому, не касаясь определения происхождения этой породы, я постараюсь

по возможности описать только наружные признаки и полезные качества этой замечательной породы русских брудастых собак.

216. По виду русские брудастые гончие — с клокастой, жесткой как у тюленя шерстью, с густыми бровями, нависшими над глазами и с такими же щетинистыми усами, при этом очень крупного роста, ребристы, широки и очень мощны. Вообще русские брудастые гончие страшны на вид, но при этом необыкновенно правильны, сухи, крепко-костисты и положительно в борзых ладах.

217. Голова — большая, длинночутовая, сухая и «с прилобью» (см. «с прилобью» борзую», ч. I), лоб — узкий, с заметно выдающимся острым, подбрудка не бывает даже и у осенистых собак.

218. Основание чутья — длинное, толстое и непременно ровное, не утончающееся к концу, также как и у прямогонных гончих и при этом чутье развитое.

219. Глаза — большие, черного или очень темного цвета и всегда «на слезе».

220. Уши — тонкие, правильные и плотно прилегающие к щеке собаки. При возбужденном состоянии она их никуда не запрокидывает, а только вздергивает вверх, как прямогонная гончая. Уши поставлены скорее высоко, чем низко.

221. Ребра — низкие, ниже локотков и бочковатые (см. «ребристая», ч. I).

222. Спина — прямая, с легкой напружиной, мочи — широкие, тело — мускулистое, твердое, портки очень развитые.

223. Ноги — прочные, сухие и крепко-костистые, лапа более продолговатая, чем у гончих всех других пород, при этом также «в комке», т.е. с плотно сжатыми, костистыми пальцами. Постанов ног правильный, задние ноги лучковаты всегда (см. «лучковатые» борзые, ч. I). Задних прибылых пальцев никогда не бывает (см. части гончей собаки ч. I), вообще брудастая гончая должна быть скорее высока на ногах, чем низка, но не «сохастовата» и не высокопереда. Стоять должна на «коготках».

224. Гон — прямой, круто-серповидный (см. «прямогонная», ч. I), во время гоньбы брудастые гончие несут гон как борзые во время скачки, во всяком другом положении собаки гона держатся так же, как у прямогонных гончих, только в более крутой форме серпа.

225. Шерсть — длинная, клокастая, грубая и жесткая, как у тюленя, в особенности на бровях и в усах, достигает нередко полуторавершковой длины и при этом как бы запрокинутая вперед, почти равномерно покрывает весь корпус собаки, с едва заметными изменениями длины шерсти на тех же частях тела, как у прямогонных и костромских гончих, под глазами (между усами и глазами), на ушах и на ногах шерсть очень короткая и грубая, на гачах же и на нижней стороне гона — пушистая, разной длины с обыкновенной шерстью собаки и также не должна представлять ни «привеси», ни «уборной псовины». В возбужденном состоянии у брудастых гончих на загривке только поднимается шерсть, как щетина, а на шее и спине это почти незаметно на глаз.

226. Цвет шерсти у брудастых гончих серый и преимущественно «в черенках», багряно-серый, кофейно-серый, черно-серый и черный, но непременно с серым подшерстком и также бывают брудастые гончие в подпалинах и с очками. Светлых мастей, пегих и белых брудастых гончих никогда не бывает.

227. Рост — очень крупный (см. «рослая», ч. I), как у выжловок, которые менее выжлецов бывают приблизительно только на один какой-нибудь вершок.

228. Характер — свирепый, привязчивый к зверю, упрямый и скоросый, но, несмотря на это, брудастые гончие очень умны, необыкновенно привыкают к своему доезжачему, и хотя очень послушны ему, но тем не менее они небезопасны так же, как и русские прямогонные гончие (см. ст. 174, ч. I).

229. Полаз — веселый, заемистый и «на скачках», совершенно одинаковый с полазом прямогонных русских гончих, ведут зверя во все ноги и преимущественно на верхнее чутье.

230. Паратость и неумоимость — страшные, но проносчивы и в жаркое время скоро зарьявают, зато в позднюю осень, по заморозкам, в болоте и по белой тропе, с перевозимья, брудастые гончие незаменимы.

231. Голос у брудастых русских гончих очень крупный, томный (с гнусью) и у некоторых бывает с заливом. Очень тонких голосов почти не бывает, даже и у выжловок.

232. Злоба и привязчивость к зверю, в особенности к волку, у брудастых гончих мертвая, нередко одиночная и безграничная. А поэтому из брудастых гончих всегда выходили в полном смысле «зверогоны». По зайцу гонят всегда неохотно и плохо, узнавши же зверя, гонять по зайцу совсем перестают. По лисе гоняют хорошо, но волка предпочитают всему, как вполне природные волкогоны и вполне одиночные, за редким исключением, волкодавы.

Примечание. Не смея ничего сказать о происхождении породы русских брудастых гончих, я тем не менее, изучив собак этой породы, считаю нелишним высказать мое личное предположение о происхождении этой замечательной породы зверогонов, судя по некоторым особенностям собак этой породы. Во-первых, необыкновенное сходство по наружному виду (за исключением шерсти) ладов брудастой гончей с русской прямогонной, затем сходство голосов, характера, гоньбы и полаза — несомненно доказывают, что в породе брудастых гончих преобладает кровь русских прямогонных гончих собак и, во-вторых, исключительный понастов задних ног: «лучковатость», затем «продолговатость» (а не «круглость», как следовало бы у гончих вообще) лапы и, наконец, узкость черепа «с прилобью», а также способность нести гон во время гоньбы, как борзая во время скачки, — наводит меня на предположение, что нет ли в породе русской брудастой гончей частички крови и брудастой борзой, смешанной с курляндской брудастой гончей? Некоторые псовые охотники определяют появление у нас в России брудастых гончих из Курляндии и Литвы, а между тем курляндские брудастые гончие к нашим брудастым гончим совершенно не подходят. Те много мельче наших, головасты, прибрюшисты, тонкоголосы и пеши.

ГЛАВА 15

ГОНЧИЕ АРЛЕКИНЫ

233. Арлекинами называют гончих собак, у которых при мраморном и непременно светло-сером или мраморно-пегом цвете их шерсти, еще находятся на глаза белые пятна, вследствие чего один или оба глаза делаются пестрыми, или глаза сплошь (также один или оба) бывают совершенно белыми. А потому у арлекинов никогда нельзя определить цвет их глаз, т.к. радужная оболочка (т.е. та именно часть глазного яблока, по которой определяется вообще цвет глаза), у арлекинов бывает покрыта вся или местами, как бы бельмами (голубовато-белыми пятнами). Порода этих гончих собак, по уверению старинных охотников, появилась у нас в России со времени персидской компании, но насколько это верно, утверждать я не берусь, зная только то, что арлекины были всегда достаточно хорошими, стайными гонцами по всякому зверю. При этом арлекины-гончие были собаками очень злобными, голосистыми и достаточно привязчивыми к зверю, но никогда они не были собаками очень паратыми, несмотря на всю их «борзовитость» по виду. Вообще эта порода гончих собак (быть может, как новинка), как редкость по цвету их шерсти, держалась у некоторых гг. псовых охотников в России очень недолго, приблизительно до сороковых годов, а затем уже она начала гаснуть и в настоящее время встретить чистокровного арлекина, я полагаю, очень трудно, если не совсем невозможно. Причина того, что арлекины не удержались в том же количестве (т.к. в прежнее время арлекинов было достаточно много) до сего времени, я полагаю, была та, что в породе этих гончих, кроме оригинальной их масти, ничего особенного не было, т.к. русские гончие во всех отношениях представляли собак, несомненно, более достойных как по виду, так и по полевым качествам.

234. По виду арлекины — среднего роста, очень сухи, подрывисты, ребристы и высоконоги, но вообще тонки костью и при этом обладая на нижней стороне гона и на гачах тонкой пушистой шерстью (как бы вниз висящей, вроде привеса), казались на вид необыкновенно борзоватыми. Кроме того, вид их был всегда серьезный и понурый, хотя на самом деле они были собаками очень досужими, привязчивыми и в гоньбе верными.

235. Голова — узкая, короткочутоватая (см. «узкоголовая», ч. I), очень сухая.

236. Чутье — ровное, коротковатое, немного вздернутое на конце и достаточно развитое.

237. Глаза — средней величины, скорее малы, чем велики, притом непременно пестрые, с голубовато-белыми пятнами или сплошь белые; и кроме того, нередко разные, т.е., например, один глаз пестрый, а другой — белый, или один глаз менее пестрый, а другой — более, и наконец, и так бывает: один глаз большой, а другой — маленький или один глаз с черными веками, а другой — подопрелый, как у некоторых борзых «с подопрелыми глазами».

238. Уши — очень тонкие, небольшие (не более уха прямогонных русских гончих), также суженные на концах, но т.к. они поставлены очень низко, то кажутся ушами более длинными и как бы слегка завернутыми в трубку, но повторяю, завернутыми очень мало. В возбужденном состоянии арлекины поворачивают уши (настораживают) на хрящах к переду (как сеттер на стойке).

239. Ребра — очень низкие, ниже локотков и бочковатые.

240. Спина — прямая, короткая и без всякой напружины; скорее как бы слегка провислая; зад и грудь средней ширины; мочи — слабоватые, портки — полные, хорошо развитые и вообще все тело крепкое, упругое.

241. Ноги — сухие, прочные, с правильной круглой «в комке» лапой; постанов ног правильный; задних, прибылых пальцев никогда не бывает; вообще арлекины на ногах высоки, но не «сохастоваты», очень «подрывисты» и стоять должны «на коготках».

242. Гон — прямой, круто-серповидный, недлинный, вроде гона костромских гончих, с той только разницей, что арлекины носят гон еще круче, чем костромские.

243. Шерсть очень короткая, как у пойнтеров, но только грубее; притом очень равномерно распределена по всему корпусу собаки, за исключением головы, ушей и ног, на которых шерсть еще короче и атласисто-гладкая, да за исключением шерсти на гачах и на нижней стороне гона, где тонкая пушистая шерсть, удлиняясь в середине гона до вершковой длины, обозначает как бы привесь у борзых или перо у английского сеттера, но повторяю, *как бы* обозначает, т.к. на самом деле пушистая шерсть на гону и на гачах вовсе не представляет у арлекинов ни привеси, ни уборной псовины борзых собак. При возбужденном состоянии у арлекинов приподнимается и щетинится шерсть во всю ширину спины и шеи так, что когда арлекин ощетинится, то можно видеть сквозь шерсть тело собаки.

244. Цвет шерсти у арлекина всегда мраморный или мраморно-пегий (см. «мраморные» и примечание, ч. I).

Примечание. Чистокровные гончие арлекины *обязательно должны совмещать*; «мраморный цвет шерсти и белые пятна на глазных яблоках». В противном случае это будут уже не настоящие арлекины, а собаки мешанные, тем более, что мраморные гончие собаки (без пятен на глазах) очень часто могут встречаться и в других породах гончих собак и в особенности у серо-пегих гончих.

245. Рост — средний.

246. Характер — скоросый, серьезный, упрямый и понурый; к зверю очень злобны и привязчивы в гоньбе, преимущественно по волку, хотя гонят хорошо по всякому зверю, имея при этом большую склонность гонять даже по коровам и свиньям и отъездить от этого арлекинов представляет для доезжачего труд немалый, но всегда возможный, при условии, если гончие еще не облакомились мясом домашней скотины.

247. Полаз — понурый, но только с напуска, а затем, как только гончая станет причуивать, идет горячо и охотно, на скачках, нижним поиском (стр. 79, ч. I). Когда же помкнет, то ведет во все ноги и верно. Зря голоса не отдает, и наоборот, некоторые любят водить даже умычкой (см. «умычкой водят», ч. I).

248. Паратость средней ноги.

249. Голос — ровный, с заливом и при этом (хотя и не особенно) редкосколоват. Очень крупные и очень тонкие голоса у арлекинов встречаются редко.

250. Злоба ко всякому зверю у арлекинов мертвая; ни зайца, ни лисицы целым нельзя отбить даже от одной собаки; в волка же арлекины влипают положительно как пиявки.

ГЛАВА 16

ПОЛЬСКИЕ ГОНЧИЕ СОБАКИ

251. Чистокровная польская гончая собака держалась довольно долгое время в некоторых псовых охотах, по причине нравящегося некоторым гг. псовым охотникам ее наружного вида, как бы напоминающего отчасти тип (незаменимых во всех отношениях по досугу и красоте) лягавых собак «Маркловской» породы. Но и в тех то псовых охотах порода польских гончих собак держалась только до тех пор, пока окончательно не убедились не только в ее непригодности *для псовой охоты*, но и в непригодности ее меси с другими породами. Как не мешали псовые охотники породу польских гончих и что ни предпринимали они к тому, чтобы вывести что-либо пригодное от этих собак для псовой охоты, но все эти их попытки не дали желаемых результатов. Из всех мешаных польских собак более других как бы удалась или охарактеризовалась порода мешаных гончих собак, под названием: «*польская паратая гончая*», обладающая длинной, прямой шерстью по всему корпусу, как у сеттера; длинным гоном, опущенным книзу и завернутым «в кольцо» с привесью на нем и уборной псовиной на гачах, как у борзых собак, и короткой шерстью на голове, ногах с задними прибылыми пальцами и ушах, средней величины. Но и эта порода выведенных гончих собак оказалась для псовой охоты также непригодной, в силу ее незлобности, мороватости, неприятных (дворноватых) голосов и самое главное — слабоватости чутья и мнимой ее паратости, выражающейся в проносливой ее резвости и немалой стомчивости (см. «стомчивая», ч. I). А вследствие этого эти так называемые «паратые польские» гончие не выдерживали в псовых охотах нередко даже одной осени и сбивались из них как «слабицы». Чистокровная же польская гончая собака оказалась непригодной для псовой охоты только по той причине, что она очень пеша; а вследствие этого никогда не могла выставить зверя в чистые поля из *крепкого места*. Для ружейных же охотников чистокровная польская гончая незаменима.

252. По виду чистокровная польская гончая — сыра, как бы мощна и достаточно велика, с подбрудком, как у Маркловских легавых и такой же сборчатой кожей на голове, вследствие чего польская гончая кажется на вид серьезной и понурой. При этом она очень передиста, т.е. очень широка впереди сравнительно с задом; на сырых ногах и *непреренно с задними прибылыми пальцами* (см. части гончей собаки, ч. I).

253. Голова — большая и сырая, с кожей в сборах (см. «головастая», ч. I) и с подбрудком.

254. Основание чутья — толстое, короткое, на конце немного вздернутое (см. «короткочутоватая», ч. I) и очень развитое.

255. Глаза — большие, серьезные, черного или очень темного цвета, но впалые и с отвислыми нижними кровяными веками, и при этом очень умные, выразительные.

256. Уши — средней величины, но т.к. поставлены очень низко, то и кажутся довольно длинными и «лопоухими» (см. «лопоухая», ч. I), при этом довольно широки и ровны полотном, с закругленными внизу краями. В возбужденном состоянии она их едва заметно, как бы вздергивая кверху, подает назад (как крутогонная русская гончая) или поворачивает полотном их к переду (как арлекин).

257. Ребра — очень низкие и бочковатые.

258. Спина — прямая и едва заметно покатая к задку. Грудь очень широкая, с страшно полными плечами, но не особенно выпуклая; зад заметно уже перед; портки развиты достаточно хорошо, но слабее перед; мочи слабоваты, вообще во всей собаке проглядывает более сырости, чем костистости и крепкой мускулатуры.

259. Ноги — пропорциональны росту собаки, прочны на вид, но сыры и непременно с задними прибылыми пальцами; лапа — круглая, большая и правильная, постанов ног очень правильный, и собака скорее должна казаться на высоких ногах, чем на низких.

260. Гон — серповидный, прочный в основании, и несет его собака очень правильно и красиво, вроде прямогонной русской гончей.

261. Шерсть — короткая, плотно прилегающая к телу собаки и всегда блестящая; при этом почти равномерно распределена по всему ее корпусу, за исключением, головы, ушей и ног, где шерсть еще короче и атласисто-гладкая. На гачах и на нижней стороне гона шерсть слегка пушистая.

262. Настоящий цвет шерсти у польских гончих черный, красно-подпалый с очками и подласый; с одноцветным подшерстком (см. в описании пешей французской гончей, ч. II). Пегих и других мастей *настоящие чистокровные* польские гончие не бывают.

263. Рост — более среднего; приблизительно около пятнадцати вершков. Выжловки значительно мельче выжлецов.

264. Характер — угрюмый, понурый и хотя драчливый но «не опасный» (как и у крутогонных русских гончих). Вообще польские гончие более кажутся свирепыми (на вид), чем они есть на самом деле по своему характеру. К зверю же достаточно злобы и привязчивы в гоньбе по всякому зверю, но зайца предпочитают всему. Доезжачему послушны и, за очень редкими исключениями, всегда вежливы.

265. Полаз — веселый, но тихий и преимущественно «с низким поиском»; при этом необыкновенно старательный, т.е. гончая не оставляет ни одного подозрительного места, стараясь обнюхать каждый кусточек и густую кулишку в острову, словом польскую гончую нельзя назвать не «полазистой» а наоборот, она очень «полазиста» и при этом «добывчива», верна (см. «гонец»), но «морвата» и пеша (см. «пешие», ч. I).

266. Паратости у польских гончих нет, а наоборот они все пеши, но не «стомчивы», хотя продолжительной езды в отъезжих полях и не выдерживают, разбиваясь ногами.

267. Голос — преимущественно ровный, но бывают и голоса тонкие; «очень крупных» или «страшных» голосов у польских гончих никогда не бывает, но зато всегда голоса у них правильные «тонные», хотя и без залива.

268. Злоба к зверю у польских гончих достаточно хорошая, но приватная (как бы из желанья угодить только хозяину); гоняют же по всякому зверю очень привязчиво, верно, хотя и тихо. Главная особенность породы польских гончих заключается в том, что они в гоньбе необыкновенно верны, редко скальваются; добывчивы, неотбивчивы, полазисты, стайны, позывисты, послушны, вежливы и не стомчивы, хотя у некоторых из них нередко и проявляется склонность к отдирчивости и в особенности в сборных стаях.

ГЛАВА 17

АНГЛИЙСКАЯ ГОНЧАЯ СОБАКА

269. Из всех пород английских гончих употребительнейшими собаками в псовых охотах были (насколько мне известно) английские серо-пегие гончие. А поэтому только эту породу собак я и постараюсь по возможности описать т.к. ее знаю.

Примечание. Кроме этой породы собак, я встречал гончих под названием также «английской породы» черно-пегих в подпалинах, с очками и багряно-пегих, но в этих собаках я всегда предполагал (быть может, и ошибочно) месь с русскими гончими; они мне никогда не представлялись по своему ладу собаками чистопородными. Других же мастей английских гончих я никогда не встречал за исключением единственного экземпляра — Жихоревского «Остана», который был шерстью черный красноподласый в подпалинах и после него я никогда не видал ничего прекраснее и правильнее из собак гончих, так хорош, велик и правилен был «Остан», давший гг. Жихоревым замечательных собак от меси с русскими прямогонными гончими. В нем было 16,5 вершков роста. Портрет его и сейчас сохраняется у Шацкого землевладельца В.Я. Яковлева; а поэтому никогда не позволяя себе говорить о том, чего не знаю, я решился лучше умолчать о черно-пегих и багряно-пегих гончих, называемых «английскими» в надежде, что кто-нибудь из гг. псовых охотников, знающих лучше меня породы английских гончих собак, объяснит безошибочно их происхождение и признаки.

270. По виду английская серо-пегая гончая велика, ребриста, подрывиста, достаточно широка (но по росту надо бы быть пошире) и как бы невысока. При этом, несмотря на «борзоватость» ее вида, английская серо-пегая гончая вообще (сколько я ни видал чрезвычайно однотипных собак этой породы) не представляет никакой сухости и костистости, и при тщательном ее осмотре нельзя не прийти к убеждению, что английская серо-пегая гончая скорее собака сырая и «бескостная».

271. Голова — средней величины, длинночутоватая и ровная; и хотя кажется сухою, но имеет *слабые* признаки подбрудка (см. что означает «подбрудок», ч. I).

272. Основание чутья — длинное, ровное, едва заметно как бы суженное к концу. Самое чутье, хотя развито достаточно хорошо, но не имеет в ноздрях той подвижности, какая бывает у других пород гончих собак, а потому английскую гончую назвать вполне «чутьистой» нельзя.

273. Глаза — большие, но не навывкате и не впалые, цвета темного, и нельзя их назвать очень выразительными, хотя и неглухие.

274. Уши — очень тонкие; средней величины и правильна скошенные книзу, на подобие уха прямогонной русской гончей; только поставлены уши у английской гончей много ниже и висят они не прямо, плотно прилегая к щеке собаки, а как бы слегка завертываясь «в трубку».

275. Ребра — низкие, но не ниже локотков и достаточно бочковатые.

276. Спина — прямая, с едва заметной напружиной; грудь и зад средней ширины; мочи широкие, пропорционально ширине переда и зада, но слабоваты; портки развиты хорошо. Вообще во всей собаке проглядывает более сырости, чем костистости и сухости.

277. Ноги — прочные на вид, но как бы сыроваты; лапа большая, круглая и нельзя сказать, чтобы она была «в комках» хотя и не очень распушенная. Постанов ног очень правильный; у некоторых задние ноги немного лучковаты; задних прибылых пальцев у английских гончих никогда не бывает. Кроме того, английская гончая должна казаться скорее на высоких ногах, чем на низких.

278. Гон — прямой, серповидный; носит его собака довольно правильно и красиво (вроде прямогонных гончих), но не всегда, иногда и в полазе идет она с пониженным против обыкновенного гоним, и в особенности когда «постомеет».

279. Шерсть — короткая, плотно прилегающая к телу собаки и равномерно распределенная по всему ее корпусу, за исключением головы, ушей и ног, где шерсть еще много короче и атласисто-гладкая. На гачах и на нижней стороне гона шерсть слегка пушистая.

280. Настоящий и единственный у этой породы английских гончих цвет шерсти: всегда серо-пегий и без подпалин. Серые отметины должны быть самого правильного цвета, т.е. не багряно- или кауро-серого цвета и т.п.

281. Рост — очень крупный (см. «рослая», ч. I). Выжловки бывают менее выжлецов приблизительно на один только какой-нибудь вершок.

282. Характер — довольно серьезный как бы понурый на вид, но не скоросый и даже можно сказать не драчливый; но если английская гончая освирепееет, то она небезопасна. В гоньбе по зверю достаточно привязчива и вместе с тем послушна доезжающему.

283. Полаз — веселый; у некоторых собак даже «заливистый», но всегда проносистый. Поиск низкий, но во время гона прихватывает нередко на верхнее чутье. В доборе по красному зверю голосов по большей части, за редкими исключениями, они не отдают, но водят во все ноги и достаточно верно, хотя изредка и проносятся, скальваются, но тем не менее быстро справляются. Ведут по большей части стайно: склонны «перечить» и иногда водить «умычкой».

284. Паратость — очень значительная, но неутомимость английских гончих несравненно менее безграничной неутомимости русских прямогонных гончих.

285. Голос у английских гончих преимущественно «крупный» не исключая и выжловок, но необыкновенно «редкоскол» (см. «редкосколая», ч. I), при этом отрывист и глух. Тонких голосов, как и очень крупных «страшных» басов, у английских гончих почти не встречается.

286. Злоба у английских гончих вообще неравномерна, скорее, можно сказать, средняя; т.к. все гончие этой породы, хотя и принимают волка, но необыкновенно разнохарактерно: некоторые берут мертво, а некоторые — довольно слабо, приватно; гоняют же по всякому зверю и зайцу (безразлично) очень привязчиво, но предпочитают всегда гоньбы по суходолу.

Примечание. Случалось иногда так: ведут лисицу, которая бежит болотом, а англичане эти, избегая воды, в голоса ладят за «мастером» по сухому берегу, опушкой болота.

ГЛАВА 18

ОБ ОБЩИХ ПРИЗНАКАХ ДОСУЖЕСТИ БОРЗЫХ И ГОНЧИХ СОБАК

287. Во всякой породе борзых и гончих собак бывают экземпляры хороших (т.е. досужих) и плохих собак, независимо от их типичных признаков породы. А т.к. борзые и гончие собаки нужны для охоты с ними, т.е. борзые для травли, а гончие для гоньбы, то поэтому необходимо для каждого охотника знать общие признаки досужести, т.е. полевых достоинств, как борзых, так и гончих собак, с помощью которых можно бы было, по виду собаки, уметь выбрать резвейшую борзую и более обещающую быть досужим гонцом гончую.

288. Каким образом узнавать признаки досужести борзых и гончих собак, научает опыт, любовь и внимательность к собакам. И поэтому не следует никогда слепо верить тому, что, например: «псовые борзые не должны иметь хороших черных мясов и бочковатых, крутых ребер *«при требовании от страшной пружкости, т.е. резвости»* и т.п., а всегда следует лично самому проверить все слышанное и обо всем этом вывести свое заключение, основанное на фактах, а не на одном (нередко мастерском) пустословии. Кто истинно любит собак, тот без особого труда постигнет эту (нередко выдаваемую за какую-то особенную охотничью премудрость) науку узнавать очень скоро каждую более досужую собаку во всякой породе. Для этого только надо отрешиться от всякого пристрастия, лицепрятия и личного вкуса (т.к. на вкус и цвет товарищей нет) и сравнить признаки досужих собак всех пород (не смешивая только борзых с гончими). А для того следует: отделив все *типичные признаки* собак каждой породы, оставить одни только общие *одинаковые* признаки, существующие одинаково у лучших экземпляров собак всех пород, сообразно их сорту, т.е. сорт гончих нельзя смешивать или сравнивать с сортом борзых собак. И тогда эти-то одинаковые признаки и будут настоящими и верными признаками, определяющими рабочую силу собак, т.е. «общими признаками полевого их досуга», который требуется в равной степени одинаково ото всех пород собак одного сорта, а именно: от борзых какой бы породы они не были, требуется *резвость*; а от гончих также всевозможных пород требуется хорошая *гоньба*. И так, если требование от собак всех пород (сообразно их сорту) одно и то же, одинаково, т.е. требование от сорта борзых *резвости*, а от сорта гончих — *гоньбы*, то и все признаки *резвости* и *гоньбы* должны быть *обязательно одинаковы* во всех породах борзых и гончих собак.

Так, например, если бы *резвость* у борзых зависела от того, что у них росла бы между глаз «шишка»; а гоньба у гончих от того, что у тех росла бы такая же «шишка» на затылке, то, понятно, во всякой породе собак, от которой требуется резвость, надо было бы требовать и искать «шишку» между глаз, а от которой требуется гоньба, у тех искать ее на затылке. Без существования у собак этого правильного признака: «*шишки*», от которого будто бы зависит *резвость* и *гоньба* их, никакая борзая и никакая гончая не будут оправдывать своего назначения; и собаки без признаков досужести для настоящего и дельного охотника ничего не стоят.

289. Что же касается требуемой псовыми охотниками от борзых и гончих собак злобы, то злобу эту к зверю определяют у собак не по наружным их признакам, т.е. не по виду собаки, а по крови ее, т.е. по породе собаки. Если собака породы злобных собак, то и от нее следует ожидать злобности, и наоборот, если собака породы собак незлобных, то и она никогда не будет собакой злобной.

ГЛАВА 19 ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ РЕЗВОСТИ БОРЗЫХ СОБАК ВСЕХ ПОРОД

290. От каждой борзой, какой бы она ни была, необходимо требовать общие признаки борзых собак, т.е. признаки, которые отличают этот сорт от сорта легавых, дворных, гончих и других охотничьих и неохотничьих собак, и которые у борзых выражаются совершенно особым их складом, дающим возможность этому сорту собак быть резвейшим из всех четвероногих ему подобных животных. А поэтому каждая борзая, какой бы породы она ни была, *обязательно* должна иметь, «общие признаки (присущей ей) резвости» независимо от типичных признаков породы и красоты ее. Признаки эти несут следующее:

- 1) большие, темного (обязательно) цвета, выразительные (умные) глаза, как доказательство совершенства собаки. Т.к. выражаемый глазами ум собаки всегда служит более или менее верным признаком совершенства *остальных ее частей* физической организации, необходимых с точки зрения ее полевых достоинств; умные глаза служат признаком понятливости ее, энергии, признаком осмысленных движений, действий и признаком нередко злобы к зверю, беззаветной преданности к хозяину, благодаря которой ей иногда приходится, с самоотвержением, исполнять понятое ею желание хозяина, вопреки даже природному ее призванию;
- 2) сухость головы, ног, общая крепкая костистость собаки, с правильным постановом ног и русачьей лапой как доказательство крепости, силы, легкости, соразмерности, правильности и эластичности движений собаки;
- 3) крутые, бочковатые плотные (нередкие) и низко спущенные ребра как доказательство свободы дыхания, силы и выносливости при быстроте движения на «броске» или при продолжительной скачке;
- 4) хороший подхват как доказательство легкости и свободы движения при сгибании и разгибании ступи собаки во время скачки;
- 5) огромные (пропорционально росту), полные, крепкие и упругие черные мяса, с хорошо развитыми мускулами, как *главное доказательство* силы, от которой зависит вполне быстрота движений собаки во время скачки. Задние ноги и черные мяса представляют главный двигатель, рычаг, с помощью которого только и возможна непомерная резвость собаки;
- 6) пропорциональная ширина зада, груди, крестца и ступи как доказательство силы, мощности собаки;

- 7) правильная длинная шея как доказательство поимчивости собаки;
- 8) правильность правила (сообразная порода) как доказательство изворотливости и ловкости при движениях собаки, т.к. правило у борзой всегда служит при поворотах во время скачки как бы рулем;
- 9) пропорциональность частей и их гармоничность между собой, быстрота и грациозность движений (сообразная породе) как доказательство ловкости, легкости и энергии собаки.

Примечание. Кроме общих признаков резвости многие псовые охотники имеют еще свои особенные приметы для определения резвости борзых собак, которые нередко тщательно сохраняют в секрете. Много из этих примет — не более не менее как плод суеверия, но некоторые действительно при существующих общих признаках резвости могут служить верными приметами собак резвейших, а поэтому я считаю грехом скрыть и не поделиться с молодыми моими собратами по страсти к псовой охоте, завещанными мне отцом и дедом, моими тремя охотничьими секретными приметами резвости борзых собак. Первая примета: «сарная кость у собаки обещает страшную резвость борзой». Что такое «сарная кость»? Считаю необходимым объяснить для незнающих охотников: «сарная кость» есть лишняя с одной стороны (а иногда и с обеих сторон) небольшая косточка, в виде коротенького добавочного ребрышка (подле последнего ребра), кончик которого бывает или как бы отломанным (что можно ощупать только рукой) или отогнутым к наружи (что заметно бывает из-под кожи даже глазом). И вот эта-то косточка (если бывает заметна только с одной стороны, т.к. с другой она бывает до такой степени мала и незначительна, что ее возможно ощупать только у очень худой собаки) и называется «сарной костью», которая у собак борзых встречается *очень редко*, но тем не менее в продолжении моей жизни у меня были две собаки с «сарными костями», да у Льва Васильевича Жихорева я знал трех собак из горской породы, а именно: старого Кайсака, Гарибальди и Лесту; и все эти пять собак были в полном смысле слова «лихие». Вторая примета: «чем дальше отстоят спинные позвонки от хвостовых у борзой (образуя между маклоками при соединении как бы беспозвоночное пространство, посредине которого остается только один соединительный позвонок), тем больше такая собака обещает резвость». Узнается это ощупыванием, через наложение (поперек), между маклоков, на позвоночный столб пальцев. Расстояние этого как бы беспозвоночного пространства, этой западины, измеряется вложением в эту западину (поперек) оконечности пальцев и по количеству укладываемых пальцев определяется приблизительно и резвость собаки, так, например, у которой укладывается два пальца, та собака должна быть менее резва, чем та, у которой укладываются три пальца; а та, у которой вкладываются три пальца резка менее той, у которой укладывается четыре пальца и т.д. до шести пальцев, более шести пальцев никогда поместиться в этой западине не может, да и это-то бывает очень редко и, наконец. Третья (лично мной усвоенная) примета: это определять резвость борзых по «нижним клыкам». Это узнается таким образом: взяв левой рукой за сжатый щипец борзую собаку, а правой приподняв с одной стороны верхнюю губу собаки, смотреть на сжатые зубы ее с одной стороны (т.к. с другой стороны будет одно и то же) и если *нижний клык* будет к концу

очень остр, при этом длинен на столько, что будет переходить за верхний рубчик верхней десны (и чем дальше, тем лучше), а самый конец клыка (как бы уклоняясь от основания) отогнут в сторону от верхней десны (к наружи) и не лежит на верхней десне, т.е. с ней не соприкасается, то такая собака (ручаюсь и прошу испытать) при существующих у нее «общих признаках резвости» (впрочем у тупиц таких зубов, т.е. такого постановки нижних клыков и быть не может) будет несомненно резвейшей из собак ей подобных. И чем лучше будут развиты при этом нижние клыки у борзой, тем более такая собака будет обещать резвости; вследствие чего степень резвости и определяется этой приметой по степени развития клыков в указанном мной виде. Но т.к. в большинстве у обыкновенных борзых нижние клыки не достают до верхнего рубчика, то по степени приближения конца клыка к рубчику или перехода его за рубчик, что бывает редко, а также по степени остроты и отклонения клыка, определяется и степень резвости собаки; причем необходимо нагло соображаться с возрастом собаки, помня, что всегда с возрастом собаки удлиняются (растут) и клыки, и лишь формы, т.е. постановка своего, клыки не изменяют, съедаясь с верхнего конца, как и все зубы у собак, только к старости; но и это (легко узнаваемое и всегда заметное обстоятельство) не может служить препятствием к определению резвости собаки по этой примете. Надо иметь только небольшой навык и желание усвоить себе разницу нижних клыков у собак разной резвости.

ГЛАВА 20

ОБ ОБЩИХ ПРИЗНАКАХ СЛАБОСТИ И ТУПОСТИ БОРЗЫХ СОБАК

291. Все, противоположное выраженному в 9-ти параграфах предыдущей главы составляет признаки слабости и тупости борзой собаки, но тем не менее самые главные признаки недосужести борзых следующие:

- 1) «белые» или «подслеповатые» глаза;
- 2) общая сырость собаки и в особенности ног и головы (см. «сырые ноги», ч. I);
- 3) узкость и тонкость костей (см. «бескостные», ч. I);
- 4) перелякость, растянутость и лещеватость собаки);
- 5) лыжеватость ног и когда они «в размете»;
- 6) гусиная лапа;
- 7) плохие черные мяса (см. «без черных мясов», ч. I);
- 8) непропорциональность частей и самое важное — это вялость, сонливость в движениях собаки.

ГЛАВА 21

ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ ДОСУЖЕСТИ ГОНЧИХ СОБАК

292. Каждая гончая, как и борзая собака, какой бы породы она не была, обязательно должна иметь «*общие признаки своей досужести*» независимо от типичных признаков ее породы и красоты. А поэтому каждая обещающая быть досужей гончая собака должна быть:

- 1) глазастая и еще лучше «с глазом на слезе». При этом глаза должны быть, за исключением пестрых глаз у арлекинов, *неприменно темного цвета*, умные и выразительные;
- 2) чутыстая;
- 3) крепконогая и скорее высокая, чем низка на ногах, при этом *обязательно* должна быть без прибылых пальцев, за исключением только гончих польской породы;
- 4) с правильными: гоном, ушами и головой, сообразно породе;
- 5) ребристая, подрывистая, широкая, мускулистая, костистая и сухая;
- 6) вообще пропорционально сложена, т.е. «ладистая».

ГЛАВА 22

ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ ПЛОХОЙ ГОНЧЕЙ, НЕОБЕЩАЮЩЕЙ БЫТЬ СОБАКОЙ ДОСУЖЕЙ

293. Все, противоположное выраженному в 6-ти параграфах предыдущей главы, составляет общие признаки недосужести гончих собак, но тем не менее самые главные приметы недосужести гончих собак следующие:

- 1) дурацкий и подслеповатый глаз;
- 2) сохастоватость, таксоватость, перелякость и прясловатость собаки;
- 3) мешаный гон и задние прибылые пальцы как признак меси и
- 4) непаратости гончей собаки;
- 5) общая сырость и прибрюшистость гончей;
- 6) густошерстость собаки, несообразная пород;
- 7) плохое, сухое и неразвитое чутье (см. «чутыстая», ч. I).

ГЛАВА 23

О ВОССТАНОВЛЕНИИ И ВИДЕНИИ ПОРОДЫ БОРЗЫХ И ГОНЧИХ СОБАК ВООБЩЕ

294. *«Каждая порода собак восстанавливается из себя самой, так например, положим, что чистопсовая борзая или брудастая гончая утратили некоторые признаки досужести, т.е. сделались мелки, лещеваты и т.п. (от кровосмешения в близком родстве) или утратили типичность своей породы (вследствие подмеси крови собак другой породы), то исправить (в породе) эти недостатки надо подбором к таким сукам и выжловкам таких кобелей и выжлецов, которые своими ладами, т.е. ростом, шириной, костистостью и т.п. могли бы восполнить недостатки первых, но подбор этот для восстановления утраченных качеств или типичных признаков породы у собак должен делаться непременно из той же породы, к которой принадлежат порочные собаки, т.е. если порочная сука породы чистопсовой, что и беспорочный кобель к ней должен быть из той же чистопсовой породы или если порочная выжловка брудастой породы, то и беспорочный выжлец к ней должен быть непременно из той же породы брудастых гончих и т.д.*

295. Восстановление утраченных признаков досужести собак совершается несравненно скорее, чем восстановление утраченных типичных признаков породы. Первая восстанавливается приблизительно через три или четыре генерации толкового обновления, а последние не как не ранее, как через десять генераций, а до той поры всегда будет проглядывать месь в обновленных пометах собак, хотя и не в такой уже степени, но тем не менее все же заметная. Причина тому та, что при восстановлении типичных признаков известной породы собак необходимо самое близкое кровосмешение, например: отца с дочерью, его же со внучкой, его же с правнучкой и т.д. И уже затем от плодов кровосмешения, утративших несомненно рост, мощность, костистость и другие качества следует выводить собак через обновление крови непременно обязательно с посторонними, т.е. неродственными собаками той же породы, восполняя недостатки суки или выжловки качествами кобеля или выжлеца и наоборот. Тогда только по прошествии трех-четырех генераций неродственного обновления можно надеяться вывести собак типа совершенного или желаемого. А все это взятое вместе требует очень продолжительного времени, потребного приблизительно для десяти генераций.

296. Для того, чтобы не испортить и не утратить навсегда известную породу собак, каждая порода борзых и гончих должна вестись отдельно и самостоятельно, не смешиваясь с другими породами собак. Поэтому для обновления крови собак известной породы необходимо брать лучших представителей *той же* породы и притом *непременно посторонних*, т.е. неродственных между собой кобеля и суку или выжлеца и выжловку.

297. В крайнем только случае можно блюсть кобеля и суку или выжлеца и выжловку в третьем колене родства, но по возможности следует избегать этого, т.к. от близкого родства собаки мельчают, теряют костистость и приобретают лещеватость, сонливость, вялость в движениях и многие другие пороки, так например, у гончих является потеря чутья, глаз; у борзых подуздоватость, тупость, белоглазость и т.п.

298. При ведении породы борзых или гончих собак необходимо обращать внимание на силу влияния производителей на приплод и уметь благотворно пользоваться этим влиянием при выборе их.

299. На приплод собак влияют главные четыре причины, а именно:

- 1) преобладающее превосходство отца перед матерью в передаче типичных признаков породы;
- 2) кровь производителей, т.е. чем чище кровь, чем чистокровней собака, тем сильнее влияет она на приплод;
- 3) совершенство сложения собак, т.е. чем лучше сложена собака, тем эти части скорее усваиваются в приплоде;
- 4) возраст соединяемых производителей, т.е. чем более в настоящем, совершенном возрасте собака, тем более она и преобладает в приплоде над слабеющим по возрасту производителем.

300. Т.к. в приплоде освежает кровь, исправляет недостатки (пороки) и восстанавливают типичные признаки породы преимущественно кобель, а не сука, то при выборе племенных производителей всегда следует обращать более внимание на чистокровность и совершенство кобеля, чем на суку на том основании, что кобель преимущественно преобладает над сукой в передаче типичных признаков породы, а сука, облагораживая и развивая все качества кобеля в щенятах, передает им (т.е. щенятам) «своего» не более, как только приблизительно на половину. Возьмем пример: кобель чистокровный, сука мешаная. От них приплод: щенята улучшились несравненно против матери, в них более видна порода, чем у матери. Возьмем наоборот: кобель мешаный, сука чистокровная. От них приплод: щенята ухудшились сравнительно с матерью и не улучшились сравнительно с отцом, в них видна *полная месь* отца. Другой пример: кобель борзой, гончая выжловка. От них приплод: щенята ближе к отцу, чем к матери. Возьмем наоборот: выжлец гончий, а сука борзая. От них приплод: щенята опять ближе к отцу, в них более преобладает тип гончей собаки.

301. Но независимо от преобладающего влияния на приплод кобеля или выжлеца в свою очередь и сука или выжловка, влияя на приплод, хотя и на половину, тем не менее должна быть назначаемая к кобелю или выжлецу сообразно его ладу, статям и породе, т.к. недостатки, т.е. пороки матери, точно также не сразу исправляются отцом, а остаются в щенятах, и чем эти недостатки породнее, т.е. сильнее продолжительнее передавались в нисходящем порядке рода, тем и исправление их потребует более продолжительного периода времени, более нисходящих генераций объявлений.

302. Кроме всего выраженного в предыдущих статьях этой главы, еще необходимо *знать и помнить*, «*что досуг и рост собак передает не «отец» и не «мать», а кровь, т.е. порода собак*». Вследствие этого от очень маленькой суки или выжловки, но при этом чистокровной и непременно из породы рослых собак щенята будут от однопородных с матерью кобеля или выжлеца обязательно досужими и крупными, сообразно породе отца и матери. Точно так же и мелкий кобель или выжлец, но чистокровной рослой породы, даст с однопородной сукой или выжловкой досужих и рослых, т.е. крупных щенят, сообразно своей породе. И наоборот: от *также случайно* вышедших рослых собак (будет ли то сука или выжловка, кобель или выжлец) щенята обязательно будут мелки, если в меси рослых производителей была кровь собак мелких.

303. При выборе племенных собак отнюдь не следует назначать в вязку кобеля и суку или выжлеца и выжловку с однородными недостатками, а наоборот, надо стараться назначать в вязку собак так, чтобы недостатки одной восполнялись безукоризненным достоинством другой собаки. Но и к этой мере прибегать следует только в силу необходимости, за неимением или невозможностью иметь что-либо лучшее, вообще же

надо стремиться к тому, чтобы порочных собак в племенные производители положительно не допускать.

304. Лучший возраст для вязки собак — от двух до четырех осеней, и этот возраст собак называется «совершенным». Более молодые или старые собаки не так уже надежны на безупречность приплода. При необходимости вяжут собак и других возрастов, но во всяком случае следует наблюдать, чтоб сука или выжловка всегда была моложе назначенного к ней кобеля или выжлеца, точно также как и в родственном отношении: кобель или выжлец должен быть всегда к назначенной ему суке или выжловке из восходящей, боковой линии, третьей степени родства, так например, не следует ставить тетку с племянником или внука с бабкой и т.п., а наоборот, надо стараться ставить дядю с племянницей или деда с внучкой и т.п.

305. Лучшее время для вязки — январь, февраль и март. В последние весенние месяцы вязать собак не следует на том основании, что щенята, пометанные в июне и июле, в самое жаркое время (когда мухи не дадут им покоя, а иногда и насиживают на глазах слепых еще щенят червей), нередко гибнут или выходят заморышами и в большинстве случаев болезненными. В летние и осенние месяцы никто из настоящих охотников собак не вяжет во избежание зимней выкормки щенят, всегда умаляющей рост, а иногда и правильность ног у собак.

ГЛАВА 24 О БЛЮДКЕ СУК И ВЫЖЛОВОК

306. Слово «блюдка» есть производное от глагола «блюсти», т.е. соблюдать, беречь.

307. Блюдут сук и выжловок только тогда, когда они распустуют, т.е. когда придут в «пустовку» или «расходку».

308. Началом пустовки сук и выжловок, т.е. первым днем ее считается тот день, когда покажется у суки или у выжловки «краска», т.е. кровь из петли.

309. Как только покажется «краска» у суки или у выжловки, сию же минуту ее следует отсадить в пустовочный чулан (дабы не сгрызлись подле нее кобели и выжлецы) и записать это число, в которое она запустовала и поступила «в отсидку» в имеющийся у ловчего на этот предмет книге).

310. Во время «отсидки» сук и выжловок каждый день по зарям утром или вечером необходимо их проваживать один раз в сутки на сворах и отнюдь не спуская их со свор ввиду того, что пустовочные собаки, находясь уже не в нормальном состоянии, легко могут «подыграть» и, не слушаясь охотника, *моментально* скрыться из его глаз, а там и повязаться с каким-либо *найденным ими*, нередко дворовым кобелем. При том проваживать их следует поодиночке, т.е. не брать по несколько собак вместе на одну свору, ввиду того, что в это время суки и в особенности выжловки бывают необыкновенно злы, а вследствие того могут сгрызться на своре и так, что трудно будет их разнять. Поэтому также, если одновременно приходится запирать нескольких сук или выжловок в пустовочный чулан, следует их всех привязывать по различным углам чулана на цепях и на таком расстоянии одна от другой, чтобы они не могли доставать друг друга.

311. В пустовочном чулане для каждой собаки должна быть свежая соломенная подстилка, и у каждой собаки в отдельных шайках постоянно должна находиться свежая колодезная вода, которую следует ежедневно утром и вечером заменять во время чистки чулана. Кормить следует пустовочных сук и выжловок обыкновенным кормом, но только один раз в сутки, по вечерам и непременно порознь, в отдельных шайках или ведрах. Если даже и захудают немного (что впрочем редко случается) пустовочные собаки, от непривычки к одной кормежке в день, то это не беда, а скорее даже полезно для верности во время вязки, т.к. очень сытые суки и выжловки (т.е. жирные) редко принимают и почти всегда «пустовывают», т.е. остаются нещенными, холостыми.

312. Когда суки и выжловки будут «в жиру», т.е. когда «краска» у них пропадет, а петля сильно распухнет, то тогда назначенных к вязке сук и выжловок в *одиннадцатый* и *тринадцатый* день, считая с первого дня пустовки, т.е. со дня, как только показалась «краска», блюдут с избранными к ним кобелями и выжлецами, но никак не более, как по два раза каждую и, как сказано, непременно через день.

313. Если же распустовавших сук и выжловок намерены отдержать, (т.е. не вязать и не брать от них щенят), то таких сук и выжловок оставляют в пустовочном чулане на таком же содержании, как сказано в ст. 311 до тех пор, пока они опустуют, что продолжается около 4-х недель и во всяком случае более 3-х недель со дня «отсидки».

ГЛАВА 25 ОБ ОТДЕРЖКЕ БОРЗЫХ И ГОНЧИХ СОБАК

314. Распустовавших в первый раз сук и выжловок, хотя бы только что погодовалых (что случается впрочем очень редко) и вообще какого бы возраста они ни были, отдерживать в *первый раз* никогда не следует на том основании, что отдержанные в первый раз суки и выжловки помимо того, что сравнительно утрачивают резвость и чутье, нередко подвергаются как бы параличному поражению, а иногда и совсем околевают от удара, стечки или бешенства и, кроме того, некоторые из сук и выжловок, перенесших первую отдержку, теряют нередко навсегда способность правильной пустовки, так, например: прежде показывается у суки припухлость петли, а «краска» после и преимущественно в то время, когда она должна быть «в жару» или случается так: «краска» покажется (как будто бы) и правильно, а петля совсем не припухает или припухнет в самом незначительном виде и при всем этом нет никакой возможности повязать такую суку или выжловку, она не подпускает близко к себе кобеля или выжлеца и грызет его наповал, да и кобели и выжлецы плохо льнут к таким неправильно пустующим сукам и выжловкам.

Случай. У меня была замечательной красоты и резвости чистокровная псовая, серопегая сука Дивна, которая по 2-й осени распустовала и, к несчастью, в последних числах августа. Как тут быть? Жаль первый раз и отдержать суку, и уж очень хотелось поохотиться с ней — осень, тем более, что, зная ее резвость один из собратов моих по охоте, Н.Ф. Славич, достав где-то знаменитого (будто бы) по резвости серо-пегого псового кобеля Выручай, не давал мне просто покоя, обещая отравить им на первом же поле мою Дивну «с ушей». Больно уж обидно мне было это от него слышать и тем более, что Выручай по виду был действительно собакой очень приметистой, а потому и самому мне очень хотелось померить с

ним мою Дивну, и я не выдержал: Дивну отдержал! (Я никогда этого не позабуду! И никогда не прощу себе этого малодушия). Отдержку Дивна (как казалось) перенесла совершенно благополучно, даже резвости не убавила, и не только эту осень, но и все последующие девять осеней, она не переставала до самой смерти утешать меня в поле, но в продолжение одиннадцати осеней ее жизни я ни разу не мог ее повязать и взять от нее щенят: и струнил ее на время вязки и держал ее, и чем только не кормил, прибегая ко всевозможным народным и даже суеверным приметам и средствам: кормил ее и сельдями солеными, и шпанскими мухами и разными зельями (я удивляюсь, как только не отравил ее!), но все это было только трудом напрасным! Она ни разу не подпустила к себе ни одного кобеля и околела, не давши ни одного щенка. А таких сук дожидаются десятками лет и когда их теряют, то не забывают их всю жизнь. Вот после этого случая я уже никогда не отдерживал сук и выжловок во время первой пустовки и у меня после того ни разу не повторилось ничего подобного. У знакомых же мне псовых охотников, одерживающих молодых сук, случаи параличного поражения, смерти и потери способности правильной пустовки, с отдержанными суками нередко, на глазах моих, повторялись.

315. Последующие, после первой повязки, отдержки для сук и выжловок уже не так вредны, а в некотором отношении даже необходимы, так, например, при желании взять другой помет от суки или выжловки, необходимо после первого помета (для того, чтобы щенята были лучше), ту суку или выжловку *непрерывно один год* отдерживать, т.е. если вы взяли щенят от суки или выжловки в 1885 году, то другой помет (других щенят) взять следует от этой же суки или выжловки только в 1887 году, а в 1886 году эту суку или выжловку необходимо отдерживать, иначе щенята будут выходить от ежегодно мечущей суки или выжловки не так рослы, крепки и досужи, как им следовало бы быть. Недаром существует охотничья примета, выраженная в поговорке: «Первые щенята царские, вторые — барские, а третьи — псарские».

Хотя в буквальном смысле понимать эту поговорку и нельзя, по той причине, что щенят *самого первого* помета от молодых сук и выжловок никто из настоящих охотников не оставляет, во-первых, потому, что молодые собаки пустуют иногда не вовремя, а отдерживать их не следует и потому щенята эти нередко бывают безвременными, во-вторых, потому, что первые щенята никогда не могут быть так развиты и совершенны, как последующие, т.е. вторые и, в-третьих, потому, что первые щенята-первенцы по охотничьим приметам (может быть, и суеверным) чаще бывают подвержены случаям стечки и бешенства, но тем не менее поговорка эта полна смысла в том отношении, что в ней под словом «первые щенята» подразумеваются щенята второго помета, т.е. те именно щенята, которых оставляют псовые охотники с соблюдением всех охотничьих правил, т.е. от сук совершенного возраста, своевременно распустовавших и уже сложившихся, вполне сформировавшихся.

316. Что же касается кобелей и выжлецов, то их обязательно нужно повязать по достижении ими двухлетнего возраста (т.е. весной второй осени) каждого по два раза, через день, но отнюдь не ранее двухлетнего возраста и затем уже без необходимости блюсти их не следует, имея в виду, что последующие отдержки кобелей и выжлецов кроме пользы, вреда им не принесут на том основании, что частая вязка кобелей и выжлецов, хотя бы только и ежегодная, их только старит и ослабляет. Поэтому, если и бывает нужно (для щенят) вязать кобеля или выжлеца, то более одной суки или выжловки в один год никакому кобелю и выжлецу давать не следует, исключая, конечно, тех, от

которых полевой работы по каким-либо причинам требовать нельзя или не желают. Вот в виду чего псовые охотники, сберегая полевую собаку, при необходимости взять щенят от одного кобеля или выжлеца с двумя суками или выжловками в один год стараются блюсти их с каждой сукой и выжловкой только по одному разу.

317. Отдержка кобелей и выжловок выражается тем что их не вяжут, оставляя их, как и всегда, вместе со всеми собаками на свободе, на псарном дворе, на котором понятно, пустовочных сук или выжловок никогда не бывает.

ГЛАВА 26 О ВЯЗКЕ БОРЗЫХ И ГОНЧИХ СОБАК

318. Вязка борзых и гончих собак производится всегда по утрам и как суки с выжловками, так и кобели с выжлецами, должны быть всегда натошак, т.е. не кормленными.

319. Вязка собак производится всегда в отдельном от других собак и скрытом от глаз помещении, в котором должен быть непременно глиняный или земляной пол.

320. Вязка собак производится следующим порядком: если желают повязать суку или выжловку один раз, то ее приводят в сказанное помещение в 12-й день, а если для верности желают повязать два раза, то в одиннадцатый и тринадцатый день пустовки, на гончем *и просторном для кобеля или выжлеца* смычке. На этом смычке и держит один охотник суку или выжловку, а другой охотник приводит назначенного к ней кобеля или выжлеца и, сняв с него ошейник или смычок, пускает его свободно.

321. Во все время вязки суку или выжловку со смычка не спускают, а держат ее за смычок в руках и при этом, если она робка, щекотлива или очень зла, то ее непременно предварительно надо сострунить и в особенности в том случае, когда назначен к ней молодой, еще невязанный кобель или выжлец.

322. Когда же кобель или выжлец повяжется, то приведший его охотник осторожно переносит ему одну переднюю ногу на сторону другой и надевает на него другой конец смычка, на котором находится повязанная с ним сука или выжловка и затем держат их сначала, пока не успокоятся собаки, минут пять охотники вдвоем, не позволяя кобелю или выжлецу оттягивать назад, для чего и придерживает его один охотник рукой сзади. Когда же собаки успокоятся и будут стоять рядом, голова с головой, смирно, тогда остается держать их один охотник, придерживая левой рукой за бок кобеля, чтобы он не оттягивал в сторону и, поправляя назад, если он оттягивает назад, а правой рукой держит крепко суку за смычок, не давая ей тянуться очень наперед, наблюдая при этом строго, чтобы смычком не давить и не тянуть кобеля, т.к. от давления шеи кобеля или выжлеца, он скоро, несвоевременно может развязаться. Кроме того, при повязке, в особенности молодых сук или выжловок, некоторые из них падают на землю и упираются ногами в кобеля или выжлеца, стараясь развязаться, причем очень визжат и кусаются; охотники, находящиеся при этом, положительно не должны этого допускать, *осторожно* поддерживая руками суку или выжловку за ноги или за бока, как удобнее, но только так, чтобы она не могла вертеться и падать на землю до тех пор, пока собаки не успокоятся и не отстоятся.

323. Когда же собаки развяжутся, то державший их охотник моментально снимает с кобеля смычок и на этом смычке уводит суку или выжловку в пустовочный чулан. Охотник же, приводивший кобеля или выжлеца, тут же и сию минуту дает повязавшемуся кобелю или выжлецу выпущенное в тарелку молока одно сырое куриное яйцо, и когда он это съест из тарелки и вберет «посик», то охотник этот берет мокрую тряпку с холодной водой и, подмыв собаку под брюхом хорошенько, на ошейнике или на смычке уводит ее на свое место.

Примечание. Одно сырое куриное яйцо, выпущенное в тарелку молока, необходимо дать повязавшемуся кобелю, потому что он, съев молоко с яйцом, скорее успокаивается и при этом сырое яйцо с молоком смягчит и как бы смазывает воспаленную поверхность языка, которым он облизывает слизистую оболочку «посика», а это утоляет боль при прикосновении воспаленным языком к слизистой и раздраженной оболочке «посика» и вообще успокаивает собаку.

324. Во время вязки собак ловчий обязан постоянно *лично присутствовать при этом* и тотчас же после вязки записать месяц и число блюдки кобеля и суки или выжлеца и выжловки в имеющуюся у него на этот предмет книгу.

325. Через час после вязки следует повязанных кобеля и выжлеца кормить вместе со всеми собаками, по заведенному порядку, обыкновенным кормом. Суки же и выжловки остаются до вечерней кормежки на содержании пустовочных сук без изменения, до окончания отсидки.

326. После последней повязки кобелю или выжлецу на другой день следует дать две столовых ложки касторового масла с молоком в тарелке, а если он не станет есть из тарелки, то перелить это слабительное в стакан или чайную чашку и вылить ему в рот. И после того, кроме обыкновенного тщательного общего ухода за всеми собаками, более ничего особо повязанные кобели и выжлецы не требуют.

ГЛАВА 27

О СОДЕРЖАНИИ ЩЕННЫХ СУК И ВЫЖЛОВОК И О МЕТКЕ ИМИ ЩЕНЯТ

327. По окончании отсидки, т.е. по прошествии трех недель, как отдержанных, так и поблюденных сук и выжловок подмывают с мылом и по просушке их в псарной избе каждую, перепробовав с каким-либо кобелем: действительно ли они отпустовали (т.к. некоторые суки и выжловки пустуют более 3-х недель), выпускают поодиночке на свободу к остальным собакам.

Примечание. Хорошо бы было вместо подмывки перемыть как следует, т.е. всю собаку вымыть, но не всегда это возможно по той причине, что некоторые *поздно* пустующие суки и выжловки начинают линять, а во время перелиньки мыть собак вообще не следует на том основании, что можно легко замочить старую псовину, которая не вылиняет до следующего года, а через это собака будет всегда худа и не в порядке.

328. Щенна ли сука или выжловка, нельзя узнать до второй половины ее щенности, т.е. до тех пор, пока не начнет прибавляться у ней брюхо, а это делается заметным только со второй половины, а именно: по прошествии 30—35 дней, со времени вязки. Определить же щенность сук и выжловок по «грядкам», т.е. по вымени не всегда возможно на том основании, что у некоторых отдержанных сук и выжловок показываются «грядки» и ко времени метки бывает даже молоко. А поэтому и *отдержанные* суки и выжловки весь период щенности и до самой полной перелиньки, как и *щенные*, считаются *безвременными*.

329. Во все время щенности сук и выжловок они не требуют особого улучшенного содержания (т.к. в это время они едят и так очень жадно), а требуют только *полного спокойствия и свободы* и в особенности в период первой половины щенности. Поэтому щенных сук и выжловок брать на охоту в поле *отнюдь не должно*, а также нельзя их брать в поле и после выкормки ими щенят — *во все время безвременности*, до тех пор, пока они не совершенно не подберутся и не перелиняют, в противном случае они могут получить неизлечимую (почти) болезнь «*распетлицу*», приобретаемую беременными суками и выжловками от натуги и простуды на охоте.

Примечание. Болезнь «распетлица» выражается у сук и выжловок тем, что из постоянно распухшей петли у них идет постоянное сукровично-гнионое кровотечение с нарастанием «дикого мяса» внутри петли. Болезнь эта почти неизлечима и продолжается до самой смерти. Но были, хотя и очень редкие, случаи, когда больные «распетлицей» не теряли еще возможности щениться, и после помета щенят некоторые больные иногда выздоравливали. Вообще держать больных «распетлицей» чрезвычайно неприятно и в большинстве случаев бесполезно.

330. Период щенности у сук и выжловок продолжается *шестьдесят три* дня, но случается, и нередко, что некоторые из них или перенашивают, или не донашивают (приблизительно от 1-го до 4-х дней). А поэтому оставлять недоношенных и переносенных щенят можно только при положительной уверенности, что сука эта или выжловка *не могла украсться ни в каком случае*.

331. Щенных сук и выжловок, находящихся на псарном дворе, следует по зорям проваживать пешком, раза три в неделю, но осторожно и по возможности без своры и без смычков. За три недели до метки и совсем их прекратить, оставляя на день щенных сук и выжловок на безусловной свободе.

332. За неделю до метки щенят, щенных сук и выжловок начинают запирачь на ночь, каждую в отдельные хлевы или чуланы, где они и должны будут метать щенят, наблюдая при этом строго за тем, чтобы хлевы эти или чуланы не находились на близком расстоянии один от другого, т.к. находящиеся в них суки или выжловки с щенками могут по близости одна у другой поедать щенят.

333. Во время метки щенят, и в особенности первых, молодыми суками или выжловками, необходимо, чтобы при каждой из них непременно находился если не сам выжлятник, т.к. некоторые, и в особенности молодые собаки, легко могут и перемять щенят, и задушить в отонке, и даже могут подъесть (пожрать) их.

334. Находящийся при щенении охотник обязан соблюдать строжайшую тишину и, как бы не обращая внимания на суку или выжловку сидя или лежа, смирно на своем месте, зорко наблюдать за ее действиями. И если он заметит, что сука или выжловка

неправильно щенится или не умеет обращаться со щенками, то сейчас же осторожно подходит к ней и, лаская ее, помогает ей и приучает ее к обращению со щенками, не давая при этом ей возможности ни задушить, ни подбегать щенят. Для этого помещение ночью (а темное помещение и днем) должно быть все время щенения освещено лампой.

335. Кроме одного, находящегося при щенении охотника, никого другого тут быть не должно, а также и не должно быть никакой ходьбы и шума.

336. По окончании благополучной метки щенков (оканчивающейся всегда приблизительно в течение 6—12 часов), находящийся при этом охотник, дождавшись, пока сука или выжловка не начнет кормить щенят и *радеть* к ним, осторожно пересчитывает их и идет сейчас же донести об этом ловчему, а последний доносит в свою очередь владельцу охоты.

337. В случае неблагополучной метки щенят, находящийся при щенении охотник сию же минуту сообщает о том ловчему, который немедленно и принимает против того свои меры.

338. Все щенята оставляются под матерями на одни сутки, по прошествии которых, т.е. на другой день, ловчий лично сам и своеручно осторожно отбирает уродливых щенков (которых сейчас же и уничтожают), а остальных, пересмотрев, оставляет еще на два дня под матерью.

ГЛАВА 28

О ЩЕНЯТАХ, ОСТАВЛЯЕМЫХ ПОД МАТЕРЯМИ И О ЩЕНЯТАХ ЗАБРАКОВАННЫХ

339. На третий день (по рождении) щенят из-под каждой суки и выжловки отдельно, в корзинах, на мягкой подстилке, приносят к владельцу охоты, который в присутствии ловчего и с ним советуясь, выбирает лучших для себя щенков, оставляя под каждой матерью у борзых никак не более четырех, а у гончих — шести щенков. Во всяком случае надо помнить: *чем менее оставлено щенят под матерью и в особенности у борзых — тем щенята будут крупнее, правильнее и лучше*. Выкормка щенят и в особенности в этом возрасте под матерью имеет *громадное значение* в будущем щенка.

Примечание. Если не будет для щенят в *неограниченном* количестве молока матери, *то как бы они ни казались сытыми на вид*, после того, т.е. когда возьмутся щенята за корм, как хорошо ни кормить их, они никогда не будут тем, чем должны были быть. Щенята во все время щенячьего возраста должны быть *жирные*, как *самые жирные поросята*, и отнюдь нельзя допускать того, чтобы у щенков можно было видеть маклочки или ребрышки, жир на них во время игры должен трястись, как студень. И поэтому более трех щенков у борзых я никогда не оставляю, а смотря по молочности суки и у горских сук, а также и у крымских ограничиваюсь нередко двумя, а иногда и одним только щенком.

340. Остальных же щенят, т.е. забракованных, если владелец охоты не намерен оставить под кормилицей, необходимо уничтожить при себе или *обязательно в присутствии ловчего — всех до единого*, и мертвых тотчас же зарыть в землю, отнюдь не

позволяя забрасывать щенят в воду или куда-либо *живыми*, во избежание как истязания щенят, так и повода к краже щенят любителями случайных (нередко за полштоф водки) приобретений.

Примечание. Как ни грустно, но подчас неминуемо уничтожение лишних щенков. А поэтому я нахожу необходимым сообщить о способах уничтожения забракованных лишних, в слепом возрасте, щенят, которые практиковались в силу необходимости старинными настоящими псовыми охотниками. Способы эти уничтожения слепых щенков, как причиняющие *моментальную* им смерть, без страданий и мучений, заключаются в следующем: один из псарей *в обязательном присутствии ловчего*, берет правой рукой (поперек) забракованного щенка и *сильным размахом руки* бросает его о каменный пол или о стену, и затем (т.к. брошенный таким образом щенок моментально будет мертв, убит) побитых щенят сейчас же зарывают в землю. Или во время выборов щенков приносился вместе со щенками и полный ушат воды, и в присутствии самого владельца охоты тут забракованных щенков псарь топил в этом ушате, погружая в воду каждого забракованного щенка несколько секунд рукой, вследствие чего щенок получал моментальную смерть и затем мертвый уже зарывался точно так же в землю.

Избежать уничтожения слепых щенят нельзя, а откладывать уничтожение их до более зрелого возраста, когда можно было бы вернее выбрать лучших щенят, я нахожу еще неудобнее, ввиду большей неприятности — уничтожать щенят в более зрелом возрасте, при положительной невозможности разведения собак в неограниченном количестве — при их плодовитости и при необходимости оставлять и брать только некоторых щенят для поддержания и усовершенствования породы собак. А потому, как ни грустно, как ни жаль уничтожать вообще жизнь животных, но тем не менее, подчиняясь требованиям жизни, люди уничтожают на земле еще с меньшим сожалением все живое, нередко без крайней необходимости и только ради удовлетворения своих эгоистических прихотей.

ГЛАВА 29 О ВЫБОРЕ ИЗ ПОМЕТА ЛУЧШИХ ЩЕНКОВ В СЛЕПОМ ВОЗРАСТЕ*)

341. При выборе лучших борзых и гончих щенков из помета в слепом возрасте, необходимо руководствоваться следующими соображениями и охотничьими приметам:

1) знать лучших собак в роде и выбирать щенят по отметинам их окраса и шерсти, наиболее подходящим по цвету, месту и форме к отметинам лучших представителей этого рода, но при этом надо *непрерывно* соображаться с *общим видом* щенка, т.к. одни отметины окраса и шерсти никогда не могут служить верным ручательством лучших достоинств щенка. Щенята нередко выраживаются в предков лет за сорок с лишком, а не всякий охотник может знать и помнить слишком за сорок лет отметины собак,

*) Щенята всех пород рождаются слепыми и остаются такими приблизительно до 12-дневного возраста.

замечательных по красоте и досугу, в таком случае он должен руководиться сходством щенят с лучшими представителями рода, известными ему лично или по слухам. Необходимо требовать, чтобы щенок имел окрас или цвет шерсти, свойственный своей породе, не допуская при этом особенно резких противоположностей, например, в породе белых собак — черных и т.п.;

2) вешать на весах каждого щенка и оставлять тех, которые тяжелее. Но при этом надо обращать внимание и знать, что последние, по времени появления на свет щенки могут быть иногда менее и легче первых того же помета*), но общий вид их, при необыкновенной подвижности и отсталости (мешковатости) кожи от костей, обещает в самом скором времени перегнать в росте первых щенят, если первые не обладают качествами последних. Какие первые и какие последние щенки опытный охотник узнает сам, а для неопытных — должен знать находившийся при метке щенят охотник;

3) при выборе щенят *от борзых «с ушами в откладе»*, следует считать лучшими щенками тех, у которых: голова ровная, продолговатая, во лбу — узкая; щипец длинный и кажется толще лба и длиннее его, т.е. верхней части головы, при этом надо, чтобы он был без западины, т.е. без переслежины у глаз, и к вошкю очень горбатый; уши должны лежать опрокинутыми раковиной наружу на затылке, и чем ближе одно к другому, тем лучше, остряк заметно выдающийся и по направлению к нему голова щенка как бы сужена. Общий вид у щенка должен быть живой, пружинистый, не вялый; при этом щенок должен быть длинный, ребристый и широкий. При осторожном прикосновении двумя пальцами (указательным и большим) к ротику щенка, с боков, как бы желая раскрыть его, хороший, здоровый щенок *ментально* начнет зевать; при этом чрезвычайно осторожно надо осмотреть, отворачивая слегка губки у щенка спереди, положение верхних и нижних десен: неподоздает ли он? Кроме того, возьмите каждого щенка осторожно в руки и положите его к себе на грудь (брюшком к груди и головкой кверху) и затем, подавшись грудью вперед, вы увидите, что хороший трехдневный щенок, как ястреб, вцепится коготками в ваше платье и будет держаться на отвесной груди один, без поддержки его руками, но более двух-трех секунд оставлять его в таком положении не следует, и притом совершенно отнимать рук от него не должно, дабы он не упал, оторвавшись, и оттого не ушибся и не испугался. У псовых и у курляндских борзых на щенках обязательно должна быть видна, несмотря на их трехдневный возраст, волнистая по всему корпусу щенка псовина; и только это может быть *верным признаком*, что щенок этот будет *непрерывно с прекрасной, в завитках*, псовиной в совершенном возрасте;

4) при выборе щенят *от борзых «с висячими ушами»* следует сказать почти то же самое, что сказано и о борзых *«с ушами в откладе»*, с той только разницей, что у лучших щенят, горской и крымской породы, уши должны быть чем толще и больше, тем лучше и при этом как бы вниз висящие. У щенят же горской породы должна быть заметна: *волнистость* псовины на всей наружной стороне ушей, что будет обещать у них в совершенном возрасте хорошие бурки на ушах;

5) при выборе гончих щенят следует считать лучшими щенками тех, у которых голова большая, ровная, брылястая; чутье к концу горбатое; уши толстые и большие, как бы вниз висящие; кожа подвижная, отстающая от костей (мешковатая) и на голове вся в «сборах» и с подбрудком; шея толстая, короткая. Общий вид щенка: живой, пружинистый, не вялый; при этом щенок должен быть ребрист, широк и непременно без прибылых пальцев на задних ногах, за исключением гончих щенят польской породы. При прикосновении к ротику пальцами, щенок так же, как и борзой, ментально зевает и, будучи положен на грудь охотника так же вцепляется коготками в платье, как ястребенок.

*) Т.к. выметка щенят продолжается нередко на продолжении 12 часов, то последние щенята могут появиться тогда, когда первые успели уже заматереть, что и дает первым видимое или кажущееся преимущество, которое со временем может и не оправдаться.

Примечание. Все эти опыты над слепыми борзыми и гончими щенками доказывают их здоровье, живость и энергию.

ГЛАВА 30

О СОДЕРЖАНИИ СУК, ВЫЖЛОВОК И КОРМИЛИЦ СО ЩЕНКАМИ

342. Когда владелец охоты пожелает от известной суки или выжловки оставить лишних, сверх полагаемого под матерью количество щенят, то для таких щенков следует брать кормилицу и лучше, если кормилица будет из того же сорта собак, например, к борзым щенкам и кормилицу борзую, а к гончим — кормилицу гончую. Но за невозможностью иметь кормилицу к щенкам из собак того же сорта, в крайнем случае можно брать в кормилицы собак другого сорта, например, дворных, легавых и т.п., хотя лично я этого не одобряю, убедившись, что с молоком кормилицы передается ее характер и щенкам.

343. Выбор кормилиц должен делаться преимущественно из таких сук, которые оценились приблизительно в одно время с матерью назначаемых под кормилицу щенят, т.к. при большой разнице во времени метки щенят между матерью и кормилицей, щенята нередко от резкой перемены молока заболевают, а вследствие того худеют в самом важном для них возрасте, когда необходимо щенята должны быть не только сыты, но положительно жирны.

344. Подкладывать щенят под кормилицу следует весьма осторожно, т.к. нередко встречаются суки, которые не только ни за что не станут кормить чужих щенят, но могут их сейчас же позакусить, т.е. загрызть до смерти. Поэтому необходимо делать это так: оставить у кормилицы столько ее щенят, сколько хотят подложить к ней чужих, стараясь оставлять ее щенят, имеющих приблизительно цвет шерсти подкладываемых и за тем, вымазав оставленных у нее ее щенков топленным коровьим молоком, положить их опять к ней на часть времени, при чем охотник должен посидеть подле нее. Когда же она оближет своих щенят и станет их кормить, то тогда опять взять от нее ее щенят и, подменив их чужими, т.е. борзыми или гончими, вымазанными маслом, подложить к ней и посидеть подле нее подольше, и если она этих щенят также оближет и будет кормить, то это означает, что она их приняла, и тогда можно оставить ее одну со щенками, а если она будет сторониться от щенят или огрызаться на них, то тогда надо попробовать подержать ее и дать щенкам ее пососать. Когда же и после того она будет огрызаться на щенят и отодвигаться от них, то тогда надо взять от нее щенят и искать для них другую кормилицу, а эта кормилица кормить их не будет и легко может их погрызть.

Примечание. Мазать борзых и гончих щенят тепловатым топленным маслом надо как можно осторожнее, чтобы не помять их в руках.

345. Во все время кормления щенят «матери» их и кормилицы требуют улучшенного корма и полной свободы, так чтобы они могли от щенят выходить и входить всегда свободно, для чего ни днем, ни ночью запирать их в хлевах или чуланах не следует.

346. На третий день каждой оценившейся суке и выжловке необходимо дать слабительное, состоящее из касторового масла (полагая по две столовых ложки на собаку) с молоком, или из конопляного (хорошего, т.е. непрогорклого) масла (полагая по $\frac{3}{4}$

обыкновенного чайного стакана на собаку). Касторовое масло выливается прямо в тарелку с молоком, и некоторые собаки едят его вместе с молоком прямо из тарелки; тем же собакам, которые не едят с тарелки с молоком, прямо выливают из стакана в рот. Конопляное же масло охотно едят из тарелки все вообще (за очень редким исключением) собаки, без всякой примеси, и лично я нахожу конопляное масло полезнее для собак, чем касторовое масло, в том отношении, что оно, влияя как слабительное действует еще и как противоглистное средство. Слабительное дается на третий день оценившимся сукам и выжловкам для того, чтобы их очистить и еще в виду того, что на третий день у сук и выжловок прибавляется молока, а количество щенят обязательно должно убавиться, вследствие чего молоко у матерей может пригубнуть, и от того образоваться болезнь «грудница». Слабительное же такому явлению противодействует.

347. Кормить сук, выжловок и кормилиц, находящихся со щенками, обязательно нужно три раза в день, а именно: поутру, в обед и вечером, и каждый раз свежим, вновь запаренным кормом. Корм для них должен быть приготовлен как объяснено в ст. 370. Что же касается мяса, то можно давать его сукам выжловкам и кормилицам только варенное из щей и мелкими кусочками изрубленное вместе с кормом, но очень немного (как говорится, «только для духу») и то только *такое, которое может быть употребляемо людьми и для людей приготовленное*. При таком только условии различие в мясе (т.е. будет ли то говядина или зайчатина, или свинина, или баранина) *значение для собак не имеет*. Всякое же мясо, покупаемое специально для собак и для них специально приготовляемое, будет ли то свежая битая конина или говядина (не говоря уже о сырье, т.е. сыром мясе) положительно вредно, не только для сук со щенками, но вообще для всех борзых и гончих собак. (О чем подробно говорю я в конце этой части «Руководства»). Оставлять корм на целый день у сук отнюдь не должно.

348. Кроме того в хлевах и чуланах у сук выжловок и кормилиц *постоянно* должна находиться в шайках чистая, холодная, колодезная вода для питья. Все нечистоты в хлевах и чуланах необходимо вычищать лопатой, а если пол деревянный, то запачканные места вытирают мокрой тряпкой или шваброй, но при этом не следует никогда мести пол и подымать пыль сухой метлой или веником в то время, когда в чулане находятся щенята, т.к. были случаи, что от пыли, набивающейся в ноздрюшки щенятам, щенята худели, заболели, а иногда и околевали.

349. Во время чистки хлевов и чуланов у слепых щенят, щенячьего гнезда касаться отнюдь не должно, до тех пор, пока щенята не проглянут и не будут выходить сами из гнезда. Сама мать и кормилица не допустят нечистот в гнезде у щенят. Единственный только раз вычищают гнездо у щенят и переменяют всю солому в нем на свежую, мягкую и сухую, это тогда, когда ловчий уносит щенят для выбора к владельцу охоты, т.е. на третий день после метки. Тогда (т.е. на третий день после метки) старое гнездо все выбрасывается вон из хлева или чулана, весь хлев или чулан выметается чисто и *непрерывно на том же месте*, где было старое гнездо, где метала сука или выжловка, весь пол усыпается «долматским» порошком от блох, и настилается (толщиной в пять вершков) чистая (перемятая руками), мягкая ржаная солома на подстилку в гнездо.

Примечание. Не касаться щенячьего гнезда до тех пор, пока щенята не станут выходить из него, и не переменять в нем солому (что может продолжаться только две недели) необходимо для того, чтобы никто кроме ловчего *не смел брать щенят в руки* и переносить их на время чистки гнезда в другое место. И, кроме того, потому что это беспокоит сук и выжловок, т.е. матерей и кормилиц, а пользы никакой особенной не приносят в силу того, что чистоту в гнезде всегда наблюдают сами матери, а от

беспокойства их у них портится нередко молоко, что вредно отзывается на щенятах.

350. Гнездо для метки сук и выжловок делается всегда на полу в углу хлева или чулана из двух наружных сторон закладывается двумя 4-вершковыми (по диаметру) круглыми бревнами для того, чтобы солома не расплзлась из гнезда в сторону. При этом гнездо должно быть четырехугольное и просторное, а именно: не менее $2\frac{1}{2}$ арш. длины и $1\frac{3}{4}$ арш. ширины.

351. Место гнезда, в котором пометала сука или выжловка, переменять до двух с половиной недельного возраста щенят ни под каким предлогом не следует на том основании, что большинство сук и выжловок всегда стремятся лежать со щенками в том месте, где они их пометали, и потому они нередко в зубах сами перетаскивают щенят по одиночке на старое место, при чем легко могут помять щенка и повредить его. Двух с половиной недельного щенка, когда он будет уже хорошо смотреть, не одна мать не решится таскать в зубах, и поэтому только тогда можно переменить место гнезда по желанию владельца охоты или ловчего.

352. Во все время нахождения щенят под матерями и кормилицами, т.е. пока щенки сосут только молоко матери или кормилицы и пока не едят еще никакого другого корма, лечить щенков ни от какой болезни не следует, а в это время против болезни щенят дают лекарства их матерям и кормилицам, через молоко которых оно действует и на щенят.

353. Кроме того, щенят, находящихся под матерями и кормилицами никогда не следует без особенной необходимости брать по рукам, а также не следует их *мыть* и *мазать* до четырехнедельного возраста *ни в каком* (за исключением указанного в ст. 344) *случае*.

ГЛАВА 31 О СОДЕРЖАНИИ И ВЫКОРМКЕ БОРЗЫХ И ГОНЧИХ ЩЕНКОВ

354. На двенадцатый день по рождении, щенята начинают проглядывать; а на шестнадцатый день ловчий борзых, а доезжачий гончих щенят обязаны *своеручно* приучать уже к корму.

355. Приучать щенят к корму следует так: берут парное молоко, *прямо из под коровы, каждый раз*, или берут неснятое молоко (вечерешник) с ледника и в таком случае выливают его в чистую бутылку и эту бутылку с молоком ставят на несколько минут в горячую воду для того, чтобы согреть молоко до степени парного молока; и за тем, наливши парное или подогретое, *непрокисшее* молоко в чайное блюдечко, начинают приучать к корму щенят следующим образом: ловчий или доезжачий садятся на угол самого гнезда и осторожно берут на колени к себе одного щенка, которого, придерживая правой рукой, начинают кормить из блюдечка (в левой руке) молоком. Но т.к. щенки в первый раз не умеют еще есть корм, то надо наклонять блюдечко с молоком и подносить его ко рту щенка так, чтобы щенок невольно окунул свой носик в молоко, после чего он начнет облизываться и высовывать язычок, как бы им лакая. В это время ловчий или доезжачий старается подставлять ему молоко под мордочку, и когда щенок несколько раз прихвативши язычком молоко, узнает в нем вкус, то тогда перестать кормить его и подложить к матери. Затем взять другого из помета щенка... и точно также проделав с

каждым из них такую процедуру, повторить такое кормление на первый день два раза, на второй, третий и четвертый по три раза, а на пятый приблизительно день щенки будут уже сами на свист и зов «Щуц, цуц!» из гнезда подходить к блюдечку с молоком и лакать его. Во все время приучение щенков к корму, с первого дня, ловчий и доезжачий должны во время кормления посвистывать щенкам; а при взятии в руки из гнезда, ласково звать их: «щучо, цуц», и когда щенки привыкнут к зову и свисту охотника и будут быстро являться на его зов, что необходимо для щенят и в будущем.

356. Приучая щенят лакать молоко, когда они начнут уже понемногу поедать из блюдечка, следует прибавлять в молоко (на половину) людских скоромных щей или картофельную скоромную похлебку, разминая руками все до кусочка картофелины и другие коренья. Щенята вообще это очень любят и от того скорее зажадняют к корму и примутся за него.

357. Когда щенята привыкнут лакать хорошо молоко и будут выползать (выходить) из гнезда на зов сами, словом, когда минет необходимость *брать щенят для кормления в руки*, тогда ловчий назначает из более опытных (или приученных ловчим) псарей — двух: одного к борзым, а другого под руководство доезжачего, к гончим щенкам и поручает им выкормку их, наблюдая лично сам за приготовлением корма щенятам, временем их кормления, и за постоянным за ними надзором псарей.

358. Борзые щенята должны кормиться псарями в присутствии ловчего, а гончие — в присутствии доезжачего и в особенности до пятимесячного возраста, за исключением только того случая, когда ловчий или доезжачий отлучаются: тогда заменяет их старший борзятник или назначенный доезжачим подгонщик.

359. Псари, назначенные к щенятам, должны представлять *вплоть безотлучных* за своими щенками няnek, они с ними ходят, гуляют, сидят подле щенят, когда они играют, словом, всюду и всегда щенки должны быть на глазах у своих псарей-няnek, вооруженных постоянно тоненькими, нитяными или маченцевыми (пеньковыми) кнутиками.

360. Когда щенки станут хорошо поедать корм из блюдечка, тогда блюдечко заменяется уже маленькими, низенькими, деревянными корытцами, сделанными для каждого помета щенят, а именно: для борзых щенят длиной в $\frac{1}{2}$ арш., шириной вверху 3 вершка, а в низу (т.е. во дне) в 2 вершка; вышина же корытца должна быть $1\frac{1}{2}$ вершка; для гончих же щенят должны быть такой же вышины и ширины, только длиннее, сообразно количеству оставленных под каждой выжловкой щенят.

361. Когда щенки станут выбегать из своих гнезд и начнут уже (хотя еще и слабо) бегать и играть подле своего гнезда, то всех борзых сук со щенками соединяют к дому ловчего и размещают их в отдельных соломенных шалашах*), вблизи и вокруг общего просторного щенячьего хлева, против которого должен непременно находиться в вороху (возов пять) чистый сухой песок для щенячьего игрища. Гончие же выжловки со щенками точно также соединяются по отдельным шалашам в кругу общего для гончих щенят хлева, находящегося со стороны гончего отделения на выпуск позади псарного двора, где также для игрища щенят должен быть приготовлен ворох чистого, сухого песку. Размещение сук и выжловок со щенками по отдельным шалашам делается с наступлением теплого времени, т.е. с апреля и мая, — не раньше; в марте же суки и выжловки со щенками должны находиться в тех же теплых помещениях, где они метали.

*) Шалаша эти устраиваются подобно тем, какие делают себе караульщики на огородах и бачках; величиной шалаш должен быть такой, чтобы в нем могла свободно поместиться сука со щенятами.

362. Со дня размещения сук и выжловок со щенками по шалашам, вблизи общих их щенячьих хлебов, начинают приучать борзых и гончих щенят (отдельно по своим местам, т.е. борзые щенки отдельно от гончих) к корму из одного общего щенячьего корыта, т.е. чтобы все борзые щенки ели корм вместе из одного общего щенячьего *своего* корыта, а гончие щенки ели корм вместе, также из одного общего щенячьего, но *своего* корыта.

363. Общее щенячье корыто как для борзых, так и для гончих щенят должно быть одинаковой формы с маленьким корытцем (ст. 360), но только увеличено, сообразно количеству щенят, в длину и ширину. Вышина общего щенячьего корыта и вообще его размере, не изменяя своей формы, увеличивается с течением роста щенят до совершенного возраста три раза; а потому общих щенячьих корыт при каждой псовой охоте должно быть как у борзых, так и у гончих щенят по три.

364. Вообще все корыта, а щенячьи в особенности, должны всегда находиться в чистоте и опрятности; для чего после кормления щенят оставшийся от них корм отдают доедать их матерям; после чего сейчас же все корытце и корыта вымываются чисто теплой водой и рукой, или чистой тряпкой; а затем споласкиваются чистой холодной водой и опрокидываются на подкладки, кверху дном, на своем месте.

365. Кормить щенят следует с того момента, когда они хорошо возьмутся за корм, что может быть около четырехнедельного их возраста, и кормить не реже как через каждые два часа в продолжение целого дня, давая при этом всегда наедаться щенятам досыта, т.е. как говорится, *до отвала и строго соблюдая каждый раз часы кормления щенят*, т.е. чтобы постоянно, ежедневно щенята кормились в одни и те же часы, например, если кормили сегодня щенят в 5, 7, 9, 11 и т.д. до 7-ми часов вечера (с 7-ми часов вечера и до 5-ти утра щенят не кормят), то и завтра, и после завтра, и всегда до каждого периода уменьшения кормежек во дню, щенята *обязательно* должны кормиться в *эти же часы*, и так продолжать кормить щенят до двухмесячного их возраста. С двухмесячного и до четырехмесячного возраста щенят следует через каждые три часа; с четырехмесячного и до шестимесячного возраста через каждые четыре часа, а с шестимесячного и до двенадцатимесячного возраста кормить щенят следует только три раза в день, а именно: утром, в обед и вечером, соблюдая при этом строго часы кормления щенят во все время щенячьей выкормки. Только погодовалых щенят следует кормить, как старых собак, обыкновенно два раза в день.

366. Во все четыре периода выкормки щенят следует щенкам давать наедаться досыта, до отвала, как они хотят, наблюдая при этом строго за тем, чтобы в корыте корм всегда оставался и никогда не доверяя псарям, не утешайтесь их словами: «нынче так ели щенята хорошо, как никогда, — *«в подлизку»*. Вот этой то самой *«подлизки»*, глубокоуважаемый собрат по охоте, *при выкормке щенят* Вы более всего опасайтесь; и никогда ни в каком периоде выкормки, не допускайте этой самой *«подлизки»*, если желаете, чтобы щенки Ваши были выкормлены хорошо и оттого дали бы все, что должны были дать в силу природных своих качеств и породы. Щенки, регулярно и хорошо кормящиеся, никогда не могут обжираться; а поэтому не бойтесь, «что щенок объестся», и давайте ему корму смело и всегда в волю, только давайте лишь этот корм ему *всегда своевременно, в свои часы, регулярно*.

367. В первый период выкормки щенят, а именно: когда щенки, находясь еще под матерью, станут хорошо есть молоко, т.е. когда блюдечко заменится корытцем, что приблизительно бывает около 4-недельного возраста щенят, тогда корм щенкам готовится так: одна часть запаренной кипятком (водой) овсянки; $\frac{1}{4}$ часть печеного мелко искрошенного, без корок, ржаного (черного) хлеба; $\frac{1}{4}$ части мелко изрубленной (как на котлеты) вареной, без костей, из людских шей говядины; 1 часть неснятого молока и 1 часть *наваристых* людских шей или похлебки с картофелем, морковью, луком и

солью, по людскому вкусу. При этом корм этот должен быть остужен до теплоты парного молока, коренья все измяты рукой в «тюрю», и весь корм вымешан руками так, чтобы нигде не осталось ни одной бобошки, и чтобы по всему корытцу корм был одинаковой температуры.

Примечание. Провизия для корма щенят и вообще собак должна быть *всегда свежая и лучшего качества*; повторять каждый раз об одном и том же я нахожу лишним. Как же запаривать овсянку и вообще готовить корм, — будет сказано подробно в главе о содержании и кормлении взрослых борзых и гончих собак (гл. 43, ч. II).

368. Во второй период выкормки щенят, а именно: двухмесячным щенкам (см. ст. 365) корм готовится так: одна часть запаренной кипятком (водой) овсянки; $\frac{1}{2}$ часть черного печеного ржаного хлеба; $\frac{1}{2}$ части вареной из людских щей говядины, без костей, и мелко изрубленной; две части неснятого молока и одну часть наваристых людских щей или похлебки с картофелем, морковью, луком и солью, разнообразя при этом корм так: один день со щами, другой — с похлебкой; в очень жаркое время немного холоднее парного молока; а в очень холодное — *не более как на два градуса* теплее парного молока. Главное надо обращать особое внимание, при размешивании корма (непреренно) руками, чтобы не оставалось ни одной бобошки от овсянки, т.к. при запарке овсянки нередко остаются склеившиеся кусочки овсянки, не развитые хорошо веслом, вследствие чего эти кусочки (или бобошки), будучи опущены даже в холодную воду, не скоро остывают, сохраняя внутри себя температуру кипятка очень долгое время; а потому, если собака или щенок во время еды наглотается таких не размятых руками бобошек, то легко может «зажечься», отчего непременно будет першить, т.е. кашлять и худеть так, что положительно зачахнет, и вылечить такую «зажженную» собаку или щенка пока нет еще никаких средств, невозможно.

369. В третий период выкормки щенят, а именно, четырехмесячным щенкам (см. ст. 365) корм готовится так: одна часть запаренной овсянки; $\frac{1}{2}$ часть черного искрошенного мелко, с корочками печеного ржаного хлеба; $\frac{1}{2}$ часть мелко изрубленной вареной людской говядины без костей; $\frac{1}{2}$ часть сырых (не вареных) заячьих кишек с легким, печенкой и сердцем, изорванных мелко руками *и нечищенных*; две части неснятого молока и одна часть людских щей или похлебка с картофелем, морковью, луком и солью. Заячьи кишки следует давать щенятам *всегда сырые и нечищенные, со всем, в них содержимым*, и притом попеременно: один день в корм, как сказано, на другой день после корма, сейчас же (полагая приблизительно кишки от одного зайца на двух щенков в день) и давать их только по одному разу в сутки. Остальные же разы в течение дня кормить щенят следует обыкновенным кормом, как сказано, но без прибавления заячьих кишек. За неимением заячьих кишек, поневоле обходятся и без них.

370. Четвертый период выкормки щенят, а именно шестимесячным щенкам (см. ст. 365) корм готовится так: одна часть запаренной кипятком (водой) овсянки; одна часть печеного ржаного (черного) хлеба; одна часть вареной и мелко изрубленной (без костей) людской говядины или зайчатины; две части молока и изредка простокваши и одна часть пшеничного кулеша, т.е. жиденькой пшеничной кашицы, вареной с зайчатинной и со свиным соленым салом или с костями ветчины.

371. Кроме того, во все четыре периода выкормки щенят следует обращать внимание на то, как едят щенята корм, и, сообразуясь с их аппетитом, корм щенкам необходимо разнообразить, т.е. иногда дать корма щенкам попростнее, т.е. поменьше мясного и побольше молока, и наоборот, стараясь вообще, чтобы щенки всегда ели корм с охотой, жадно (чему особенно способствует подбавка заячьих кишек) и притом всегда были бы веселы, здоровы, а для этого необходимо, чтобы корм щенкам давался всегда

своевременно, приготавливаясь с безукоризненной чистотой и опрятностью, посуда, в которой варят и приготавливают корм, должна быть всегда чистая, а провизия — свежая, не вонючая и не старая, т.е. не вчерашняя, оставшаяся вместе с разведенным кормом, т.к. разведенный корм всегда очень скоро портится, окисает и кроме вреда щенкам и вообще собакам ничего другого принести не может.

372. Помимо всего этого, при выкормке щенят необходимо тщательно наблюдать за состоянием их здоровья; в случае нездоровья щенка немедленно следует обращаться к ветеринару или с помощью своей опытности и знания оказывать ему немедленно пособие известными и общеупотребительными средствами. Но т.к. все болезни щенят происходят преимущественно от засорения желудка, глистов (обыкновенных и самотоков), вшей щенячьих и чесоточных клещей, то поэтому все, происходящие от сего болезни у щенят, необходимо предупреждать следующими средствами:

- а) от засорения желудка следует давать щенкам каждое первое число касторовое масло с молоком натошак в пропорции на одного щенка: от двух- до четырехмесячного возраста по одной десертной ложке один раз в месяц; от четырех- до шестимесячного возраста — по одной столовой ложке в месяц; от шести- до двенадцатимесячного возраста — по полторы столовых ложки, но по одному разу через каждые два месяца, исключая особые заболевания щенят, когда независимо от обыкновенной дозы слабительного, быть может, представится необходимость повторить им слабительное и не в очередь.

Примечание. В то время, когда щенки находятся под матерью или кормилицей, у них заметно расстройство желудка, слабительное дается их матерям и кормилицам, в размере двух столовых ложек касторового масла на собаку (см. ст. 346, ч. II) или $\frac{3}{4}$ стакана конопляного масла;

- б) от глистов обыкновенных и самотоков*) давать цитварное семя, мелко истолченное, так же с молоком или с коровьим маслом (в виде пилюли) натошак, в пропорции на одного щенка: с возраста как только перестанут щенки сосать мать до четырехмесячного возраста по одной чайной ложке в день (одного перемятого семени), соображаясь с возрастом щенка, для чего приблизительно следует уменьшать или увеличивать дозу назначенной пропорции; от четырех до шестимесячного возраста по одной десертной ложке в день и от шести до двенадцатимесячного возраста по одной столовой ложке в день; но при этом *обязательно необходимо*: после каждой дачи щенку цитварного семени через одни сутки, т.е. на другой день, непременно дать касторового масла, в количестве сообразном возрасту щенка (см. § а). Присутствие глистов обыкновенных у щенят замечается по следующим признакам: щенок ест корм хорошо, жадно, но худеет; глаза как бы слезятся; при этом изредка, без всякой видимой причины повизгивает, и, вытянув сидя задние ноги вперед, иногда ездит на задку по земле; или зубами как бы кусает задний проход. Присутствие же самотоков обнаруживается у щенят и вообще у собак временной потерей аппетита, урчанием в животе; собака скучна, больше лежит и, если бежит, старается найти траву и есть пырей. Такое явление продолжается у щенят и вообще у собак не более суток; после чего собака опять делается весела и здорова. Случается же это у собак и щенят преимущественно перед переменной погодой, перед ненастьем, вероятно, в это время у собак (самотоки) особенно бунтуют в кишечнике и беспокоят их. Поэтому предупреждение появления болезненного состояния у щенят от глистов и самотоков необходимо и никогда не вредно, как сказано, изредка давать щенкам цитварное семя;

*) «Самотоки» — род ленточных плоских коротеньких глистов, имеющих способность растягиваться и собираться (как пиявка) в четвертьвершковую и менее плоскую ленточку с концами как бы ровно отсеченными.

- в) от щенячьих вшей, которые нередко нападают даже на очень сытых щенят, в то время, когда щенки находятся еще под матерями, и преимущественно появляются около шеи, на ушах, на шее, ребрах и подмышками (у локотков), вследствие чего щенки начинают худеть и чесаться задними лапками, следует щенят осторожно вымыть *картофельной* водой*) с мылом и затем, когда вытертые осторожно щенки пообсохнут, сейчас же следует их тщательно вымазать подогретым конопляным маслом с чистым дегтем (полагая на один стакан масла одну рюмку чистого дегтя) и после того не мыть уже щенят до четырехмесячного их возраста. Картофельная вода должна быть от хорошо вываренного и вымытого от земли, но *неприменно не чищеного*, т.е. вареного в шкурке (в мундире) картофеля;
- г) от чесоточных клещей, присутствие которых в щенках узнается по тому, что щенки начинают чесаться и на теле у них показываются цыпки, т.е. редкая сыпь или пупырышки, с приподнявшейся на краях их как бы плотью, что видно глазом и ощущается рукой на ощупь, следует щенка вымыть осторожно теплой водой с мылом и, вытерев осторожно простыней, вымазать на ночь перуанским бальзамом (полагая 2 драхмы перуанского на одну унцию деревянного масла, см. ст. 217, ч. I); на другой же день поутру щенка необходимо вымыть от мази, и он после того должен выздороветь. В предупреждение же всех болезней от вшей и чесоточных клещей я нахожу более полезным щенят не мыть, а по достижении ими четырехнедельного возраста ежемесячно до четырехмесячного их возраста, по одному разу в месяц мазать их конопляным маслом с чистым дегтем, как сказано в § в. Это будет предохранять щенят от мух и всяких насекомых, вследствие чего щенки будут всегда веселы, сыты и хорошо спать; а это для щенят необходимо, т.к. рост их преимущественно зависит и от покойного сна в щенячем возрасте.

373. В продолжение всего щенячьего возраста щенята должны пользоваться на время дня безусловной свободой; и только на ночь щенят следует запираť по их щенячьим хлевам. Приставленные к щенятам псаря должны неотлучно находиться на время дня при щенках, и строго следить за щенками, чтобы они не баловались и не бросались за домашними птицей и скотиной, от чего останавливать они их должны словами и в случае непослушания должны слегка наказать их тоненькими прутиками (ст. 359).

374. Хлевы у щенят должны ежедневно вычищаться и выметаться; солома должна перебиваться вилами каждый день и два раза в неделю переменяться на свежую и сухую; и в это время под соломой и вообще в хлеве земляной пол должен усыпаться долматским порошком от блох. Кроме того, на ночь в щенячьих хлевах и на день — наруже, для питья щенкам должна постоянно находиться свежая колодезная вода в шайках или корытцах.

375. Щенят от матерей не отнимают, но когда матери их бросят сами кормить, что бывает приблизительно около двухмесячного возраста щенят, тогда особенно тщательно следует наблюдать за матерями щенят, чтобы они не таскали щенкам своим всякой гадости, падали и т.п.

376. С двухмесячного возраста щенят начинаю приучать уже к данным им по рождению кличкам, о чем ловчий сообщает находящимся при щенятах псарям, и следит, чтобы псаря не перепутали назначенных щенкам кличек. С этого времени псаря, приучая щенят к кличкам, дают им грызть вываренные говяжьи кости и непременно при себе,

*) Т.е. водой, в которой варился картофель.

каждому щенку по одной кости, причем кости эти (мослы) должны быть не очень малы, чтобы щенок не мог проглотить этой косточки, не подавился бы, и не очень велики, чтобы щенок не мог упираться в кость ногами, отдирая оставшееся на ней мясо, а такой величины, чтобы щенок, положив ее между передних лапок, мог бы свободно ее обглаживать. Для этого кость должна быть приблизительно величиной с небольшой кулак. Давать грызть кость щенкам необходимо для того, чтобы приучать щенят к рукам и кличкам; кроме того для укрепления челюсти и унятия зуда в зубах, при перемене щенячьих зубов на настоящие. Кости дают щенятам один раз в день, в промежуток кормежек совершенно голодные и грызть кости щенкам позволять можно никак не долее, как в продолжение получаса времени, после чего все недогрызенные кости от щенят следует отобрать и прибрать так, чтобы щенки не могли найти их и из-за них бы не грызлись между собой.

377. С четырехмесячного возраста щенят, когда они вылиняют, т.е. сбросят щенячью шерсть, следует гончих ежемесячно, а борзых еженедельно, — до будущей перелиньки, т.е. приблизительно до двенадцатимесячного возраста, — мыть теплой водой с простым мылом и, вытерев досуха щенят простынями, необходимо их после того держать в теплом помещении до совершенной просушки. В летнее время, по просушке, после мытья, щенков следует опрыскивать раствором карболовой кислоты из пульверизатора для того, чтобы мухи не разъедали им ушей и вообще не беспокоили щенят во время сна. При этом раствор карболовой кислоты употребляется слабый (см. стр. 143, ч. I), но, несмотря на это, при опрыскивании щенков следует остерегаться, чтобы не попадать щенкам раствором карболовой кислоты в глаза, для чего глаза щенкам на это время прикрывают рукой, и вообще при опрыскивании щенка надо быть осторожным, чтобы не напугать его. Во время мытья щенят надо остерегаться, чтобы вода не попала в уши щенка.

Примечание. Необходимо обращать особое внимание на то, чтобы после мытья щенята непременно обсыхали в теплом помещении *до совершенной просушки*; иначе очень легко можно распростудить щенят *даже и летом* — так что щенки от боли в ногах будут визжать и не будут на них становиться, и затем в страшных страданиях околевают. (У меня были подобные случаи смерти щенят от *простуды их летом* после мытья). Кроме того, купать щенят в пруду или реке не следует *без их собственного на то призвания*, а если они сами будут входить в воду и купаться, то препятствовать им в том также не надо; *такое купание щенят* кроме пользы им ничего другого принести не может. Купание щенят в пруду не может заменять мытья их теплой водой с мылом в избе или бане и потому мыть щенят следует, независимо от купания, регулярно, в свое время, за исключением осени, когда ловчий и доезжачий в отъезжем поле, а без них мыть щенят не следует.

378. По достижении щенками двенадцатимесячного возраста как борзые, так и гончие щенки поступают на псарный двор: борзые — по сворам (какие кому назначены), а гончие — в стаю; этим и оканчивается выкормка щенят.

ГЛАВА 32

О ВОСПИТАНИИ БОРЗЫХ ЩЕНКОВ

379. Воспитание борзых щенков заключается в том, чтобы щенки были вежливы, не бросались на домашнюю скотину и птицу, при этом были бы ласковы к человеку, послушны и смело подходили бы к рукам своего пса и ловчего для этого приставленный к ним псарь должен всегда обращаться со щенками ласково, прикармливать из рук каждого щенка имеющейся у него прикормкой, которая должна постоянно находиться у него в карманах, не бить щенков без причины и вообще не прибегать ни к каким крутым мерам дрессировки. Останавливать щенят от шалости он должен более словами, т.е. окриковать их, и в случае явного неповиновения щенка, наказать его слегка тоненьким кнутиком и после того *обязательно* должен этого щенка приласкать, в противном случае щенок будет дик и не будет подходить к рукам охотников.

380. Дрессировать борзых щенят и вообще борзых собак никогда не следует. Дрессировка для борзых настолько же вредна, насколько она необходима для гончих собак. Поэтому воспитание борзых щенков требует особого навыка и опытности: надо приучить борзого щенка с малолетства к вежливости, чтобы он присмотрелся ко всему шутя с щенячества, и знал бы, чего он трогать не должен, *не помня положительно никаких мер наказания*, и вместе с этим необходимо стараться не убивать, а развивать в щенке все прирожденные ему качества, т.е. энергию, азартность, злобу и жадность. Всякая же дрессировка убивает в борзых все прирожденные им качества досуга, и нередко в последствии они ставят охотника в поле, на охоте в такое положение, что он подчас бывает не рад и жизни.

381. По достижению борзыми щенками пятимесячного возраста, на них надевают (убавленные по ним на пряжках) ошейники и уже не снимают ошейников с них до тех пор, пока щенки не привыкнут ходить на своре вполне хорошо. В этих ошейниках щенки едят, спят и постоянно должны находиться, а по прошествии недель двух, когда щенки совершенно привыкнут к ошейникам, приставленный к ним псарь, находясь постоянно со щенками, должен шутя, с прикормкой, брать за колечко погончика одной рукой, а другой, оглаживая щенка и маня прикормкой, вываживать его по несколько раз в день, делая с ним каждый раз не более десяти-пятнадцати шагов, и не употребляя при этом никакого насилия. И таким образом, перебрав всех щенят по одиночке и по несколько раз, он незаметно приучит щенят ходить на ошейниках, после чего псарь должен продеть в колечко погонщика на ошейнике коротенькую веревочку и на ней, вместо своры, вываживать каждого щенка порознь, по одиночке, делая с ними уже более продолжительные прогулки, приблизительно шагов по сто и более каждый раз, смотря по степени послушания щенка. Ошейники с ростом щенка, должно постепенно прибавлять, распуская на пряжках по шее щенка.

382. С восьми- или девятимесячного (приблизительно) возраста щенят, словом, по окончании осенней охоты, борзые щенки распределяются по сворам борзятников, из которых каждый борзятник назначенных ему щенков старается уже приучить лаской и прикормкой к себе, т.е. «присворить». Для чего каждый борзятник ежедневно, при первой возможности, должен ходить к щенкам и, лаская своих щенков, прикармливать их и попривыкших к нему брать на свору сначала по одиночке, а после и по два щенка вместе, и делать с ними небольшие проводки пешком. В это время каждый борзятник приучает своих щенят и к старым своим борзым, с которыми вместе должны будут рыскать впоследствии за ним назначенные ему щенята.

383. По достижении же щенками двенадцатимесячного возраста, что приблизительно бывает весной, борзые щенки разбираются борзятниками по сворам и принимаются на псарный двор. С этого времени должна начинаться серьезная высворка молодых борзых и

сосваривание их со старыми, что всегда легко достигается борзятниками — частыми и толковыми проводками собак.

384. Каждый борзятник своих, а стремленной — барских собак обязаны каждый день чистить, т.е. чесать гребнем, конской щеткой, а голошерстных — в начале пучком соломы и затем частым гребнем, щеткой и вытирать суконкой, после же корма — обтирать щипцы и головы собакам полотенцем и в положенное время мыть собак теплой водой с мылом чисто, стараясь после мытья собаку вытирать простынями, как можно суше и в особенности ноги в пазанках и между тетивами и костями в западинах у колен, где всегда вода задерживается особенно долго. Вымытых щенят и вообще собак отнюдь не следует выпускать на воздух до тех пор, пока они совершенно не обсохнут в избе или бане.

ГЛАВА 33 О СЕРЬЕЗНОЙ ВЫСВОРКЕ БОРЗЫХ ЩЕНЯТ

385. Погодовалых борзых щенят следует высваривать сидя на лошади, всегда по одному со старой собакой и не более, как по две собаки на свору. При этом, взявши собак на свору со двора, следует идти с ними вначале всегда пешком с версту, ведя на чумбуре за собой свою лошадь, и когда собаки обойдутся, тогда уж можно садиться на лошадь верхом и вести собак на своре, сидя на лошади.

386. Во все время первоначальных проводок, собак со своры спускать не следует вплоть до самого псарного двора. В это время с собаками следует проезжать по стадам и подле дворных собак, если последние смирны и не будут приставать и лезть на борзых. При этом в стадах следует останавливаться, слезать с лошади и пешком, с борзыми на своре походить по стаду, даже не лишнее полежать с ними в стаде или посидеть, или постоять, разговаривая с пастухом, и как бы не обращать внимания на собак, но на самом деле необходимо *незаметным образом* строго следить за всеми движениями и наклонностями молодых борзых, изучая их характер и, в случае надобности, останавливая их каждый раз словами по кличкам, окликивать их, например, так; «Поспех! Назад!» или «Леста! Назад!» и т.п. После же того, как собака ослушается, т.е. «спустит уши», надо приласкать ее, а в случае непослушания — слегка хлестнуть ее арапником.

387. После двух недель такой езды, в проводках с молодыми борзыми, не включая дневок (т.к. высваривать и водить в проводку собак всегда следует через день или два, смотря по вежливости и выдержке собак), должно их, на некоторое время, в поле уже спускать со своры и ездить с ними без своры; вначале в таких местах, в которых нет скотины, а после и по стадам, но возвращаться из проводки к дому всегда следует с собаками на своре до самого двора и, отдавши или привязавши за чумбур к коновязи свою лошадь, отводить их во двор всегда на своре пешком, и уж только на псарном дворе спустить собак со своры. Это необходимо для того, чтобы борзые собаки не привыкали баловаться и не слушаться борзятника, т.к. если возвращаться с собаками домой без своры, они сейчас же от борзятника в усадьбе разбегутся в разные стороны, под окна к избам и т.п. местам, для разыскивания различных кусочков или костей себе на пищу, причем могут всегда сгрызться; или привыкнуть, возвращаясь домой от борзятника всегда убежать вперед, а этого допускать точно так же никогда не следует, ввиду того, что борзые не должны никогда оставлять своего борзятника, т.к. нельзя узнать, куда могут забежать (совершенно случайно) борзые собаки, и что они могут наделать или что они могут встретить, неожиданно, даже и в своей усадьбе, без охотника. Для примера предположите, что убежавшие к дому от охотника борзые нарвались на бешеную собаку. За что же вы, уважаемый собрат по охоте, потеряете, быть может, великолепных ваших борзых? *Если любите собак, прежде всего берегите их и будьте всегда и везде осторожны с ними.*

388. Главное основание для хорошей выворки собак — это постоянная регулярная езда в проводке с ними, вначале с одними, а после и вместе с гончими собаками, когда последние бывают в нагонке или проводке. Присворивание борзых зависит от ласк собак охотником и вкусной (вроде, например, кусочка ветчины) прикормки, без которой ни один борзятник никогда не должен ходить к своим собакам и не ездить с ними ни на охоту, ни в проводку.

389. Когда борзятник с молодыми борзыми сопутствует гончих в нагонке, то он должен своих борзых иметь всегда на своре и, занимая место под островом, первых зайцев никогда не должен травить, пропуская их мимо себя, и выдерживая борзых на своре, ласково окрикивая воззрившихся в зайца своих собак по кличкам, так, например: «Назад, Обругай, назад!» или «Назад, Быстра! Назад, Хапай!» и т.п., а иногда, в *крайнем случае*, должен и хлестнуть слегка непослушную арапником, приговаривая то же самое и таким образом выдерживая борзых, пропустив без травли мимо себя несколько зайцев, давая возможность в это время борзым прислушиваться к гоньбе гончих, порсканью доезжаемого и присмотреться к справляющим полями гончим и к скачке выжлятников; в следующую нагонку или к концу этой он должен будет, отъехав подальше от острова и заняв верный лаз в *чистых полях*, наждать на себя зайца и показать его своим борзым, и если собаки его поймают, то, обласкав собак, принять моментально их на свору и сейчас же дать им прикормки по одному кусочку*) каждой. Если же борзятник протравит зайца, и собаки его не поймают, то он должен немедленно и как можно скорее подловить своих борзых на свору и, лаская, укорять их словами: «Эх, ты, шалай! Упустил зайца!» и т.п.: и тогда собака, слыша укорительный голос хозяина, поймет свою оплошность, и на будущее время будет остерегаться огорчать хозяина. Но наказывать за то, что собака не поймала зайца (что видеть мне приходилось не раз в моей жизни) отнюдь не должно. Это в *высшей степени безрассудное наказание собаки* кроме вреда ничего другого принести ей не может. Для собаки достаточно вполне одного укорительного, как бы опечаленного голоса хозяина и вместе с этим необходимо для нее, даже и в этом случае, его ласки.

Примечание. Некоторые господа молодые охотники могут посмеяться надо мной и скажут: «Вот чудак! Он хочет, чтобы с ним собака чуть не разговаривала?!» Но это будет только ошибкой со стороны посмеявшихся. Собака вообще такое умное животное, что действительно *всегда может определять душевное состояние своего хозяина*. Она не только по тону голоса, но и по выражению лица хозяина всегда узнает, как ей поступать в данном случае: позволит ли безнаказанно ей хозяин порезвиться, пошалить или приласкаться к нему, или он в таком настроении, что, пожалуй, не простит ей ее шалостей? Мне не раз приходилось замечать за моими собаками, что в минуты моего душевного нерасположения очень грубые всегда и упрямые собаки делались на это время крайне послушными, и наоборот: всегда послушные собаки нередко выходили из повиновения в минуты моего доброго и веселого настроения. Я мог бы привести массу подобных фактов, но считаю это здесь неуместным, а желал бы, если Бог еще продлит мой век, окончить и издать особой книжкой начатые мной «*Рассказы и случаи из охотничьей жизни псового охотника*», которые должны будут служить как бы продолжением и подкреплением фактами всего, выраженного мной в этом моем «Руководстве ко псовой охоте». Но удастся ли мне осуществить мое желание и окончить начатое, пока сказать утвердительно я еще не смею.

*) Кусочек прикормки должен быть величиной не более тоненького ломтика обыкновенной тонкой копченой колбасы.

390. Когда же молодые борзые станут понимать требования борзятника, попривыкнув к гоньбе гончих, порсканью доезжачего и осмиреют к гончим собакам, тогда следует с дозволения ловчего посвятить одну неделю для ежедневной усиленной езды с молодыми борзыми и гончими собаками вместе, и езда эта с собаками должна производиться преимущественно по таким местам, в которых всегда можно рассчитывать найти большое количество зайцев. В эту, назначенную для усиленной езды неделю, следует ездить с борзыми и гончими собаками вместе, ежедневно, без дневок для борзых в продолжение всей недели; гончие же могут быть сменяемы через каждые два дня, т.к. всех собак, т.е. всей стаи для этой езды брать не следует, а достаточно вполне будет нескольких смывков смирных, т.е. вежливых гончих собак, которые могли бы хорошо выгонять из отъемных островов зайцев в поле, и этого вполне достаточно для окончательной высворки молодых борзых.

391. Борзятники в продолжение этой недели должны помнить, что езда им предстоит усиленная, ежедневная, и потому, хотя они и должны травить каждого побежавшего на них из-под гончих зайца, но травить их должны *толково*, давая отдыхать собакам после каждой травмы, дабы не затаскать молодых борзых окончательно.

392. Надо показывать борзым каждого добежавшего на борзятника зайца, когда борзые натешатся скачкой и подустанут, тогда борзятник к концу поля остановиться (вначале в отдалении, а впоследствии и ближе к острову) с молодыми борзыми, уже без своры. Таким путем достигнув возможности ездить под гончими с борзыми без своры, *толковый* борзятник может довести своих борзых до самой высокой высворки, заключающейся в том, чтобы борзые не уносились под гончих, вловились в зверя, поняли искусство мастерить зверя, сокращая себе расстояние, безрасчетно не разъезжались на угонках, понимали движения и желания хозяина и без его приказания не смели ни за чем броситься, даже и за бегущим на виду у них зайцем. Все это достигается только лаской, словами, т.е. разговором со своими собаками, временем и терпением борзятника, чем и оканчивается серьезная высворка борзых собак.

393. Ввиду всего, выраженного в этой главе, весьма ошибочно и нерасчетливо по отношению к борзым собакам и крайне несправедливо по отношению к борзятникам переменять собак из одной своры в другую, тем более (что фактически уже доказано), что многие борзые (понятно от хорошего борзятника) от пересворки перестанут положительно скакать. Да и для истинного охотника-борзятника что может быть огорчительнее и обиднее, как лишиться высворенной им собаки? Поэтому в настоящих, самостоятельных псовых охотах, без крайней необходимости пересворку борзых допускать положительно не следует.

394. Самое трудное время высворки для молодых борзых и единожды в жизни выпадающее на долю каждой борзой собаки — это усиленная, ежедневная в продолжение целой недели езда, а поэтому, по окончании этой усиленной для высворки езды, когда молодые борзые поймут в чем дело, и что от них требуется, необходимо дать собакам целую неделю отдыхать на свободе и заправиться телом, не трогая уже их никуда, т.к. после недели ежедневной езды собаки непременно похудеют, а этого допускать положительно нельзя, ибо собака должна быть для охоты выдержана, т.е. в полевом теле, но никак не худая.

395. Высворка молодых борзых должна быть окончена обязательно к 1 числу сентября, т.к. с 15 сентября должна уже начинаться настоящая, осенняя охота с собаками.

ГЛАВА 34

О ФОРМИРОВАНИИ СВОР БОРЗЫХ СОБАК

396. Формировать своры борзых собак самые лучшие из щенят восьми- или девятимесячного возраста, но если представляется необходимость формировать своры из взрослых собак, то при такой формировке свор требуется особенно тщательное сосваривание борзых, т.к. не свыкшиеся взрослые борзые, как и скоросые сосвариваются всегда очень трудно.

397. Формировать свору борзых следует из собак, во-первых, однохарактерных и приблизительно одинаковой резвости, во-вторых, по возможности одномастных, в-третьих, приблизительно одинакового роста, и в-четвертых, преимущественно из кобелей, не допуская ни в каком случае более одной суки при кобелях в одну свору.

Примечание. Более одной суки не полагается в одну свору правилами старинных охотников, которые говаривали так: «Сука то хоть и досужа, да дома любит сидеть дюже, а кобель то хоть и туп, да всегда бывает тут». Из смысла этой старинной охотничьей поговорки нельзя не вынести заключения, что старинные псовые охотники, отдавая преимущество в резвости сукам, тем не менее предпочитали им кобелей ввиду того, что суки очень часто на время настоящей охоты должны быть оставляемы дома «в отсидке», а кобель всегда «тут», т.е. в поле. Безвременных и пустовочных сук на охоту не берут.

398. В тех псовых охотах, в которых имеются борзые собаки разных пород, т.е. «легкие», к числу которых принадлежат: горские, крымские и т.п., собаки и «тяжелые», к числу которых принадлежат: псовые, курляндские, брудастые, хортые и т.п. борзые. Формировать своры борзых следует так: в свору, состоящую из 4-х собак, назначать одну легкую и трех собак тяжелых, в свору же, состоящую из трех собак, назначается опять-таки одна легкая и две тяжелых собаки, наблюдая при этом также, чтобы на своре никогда не было более одной суки, без различия ее породы. Такое распределение собак в своре при разнопородных борзых будет совершенно правильно и целесообразно на том основании, что при таком распределении борзых в сворах все своры выравниваются, и каждая такая свора имеет несомненно большую уверенность на успех при травле всякого зверя.

Примечание. Хотя по примеру, приведенному Г. Мачевариановым (стр. 97 его «Записок») и «нельзя свить жгута» из пруткой борзой с сильной собакой, но тем не менее нельзя и допустить в собаках *сильных* *непременную тупость*, в силу которой они не могли бы поспевать даже к угонкам пруткой борзой, и в *прутких* *собаках* *такую слабость*, чтобы они не могли передохнуть и после двух, трех угонок опять достать русака хорошими ногами?! А если возможно рассчитывать на резвость собак *сильных*, и если нельзя допустить в *прутких* абсолютной «слабицы», то несомненно, что одна, например, горская или крымская при двух или трех в своре только увеличит уверенность борзятников при травле даже и волка, не говоря уже о русаке и лисицах (для которых одна горская, а нередко и крымская борзая представляют положительную смерть), тем более, что горские и крымские борзые бывают очень злобны к волку, но только, как собаки небольшие, малосильны для хватки с ним, так для этого у такой борзой есть два или три надежных помощников из псовых и т.п. собак. При этом в горских, крымских да и во всякой породе борзых

собак бывают собаки такой резвости и так скоры, что не всегда выгадывают у них «накоротке» даже и чистопсовые, и псовые борзые. А как приятно бывает, многоуважаемый собрат, когда не в меру побежавшего зверя осадит и позадержит крымач или горская и тем даст возможность подоспеть Вашим волкодавам?! От горской же и крымской (понятно, не тупицы) не уйдет ни один матерый волк без догонки, и как бы при этом он далеко от нее ни побежал, лишь бы было чистое поле, а не лес. Да и скачка прутким собакам несравненно облегчается при сильных борзых. При сильных собаках пруткие борзые всегда имеют более возможности «передохнуть» и вновь «набрать» для нового и убийственного броска!..

ГЛАВА 35

О СОСВАРИВАНИИ СКОРОСЫХ БОРЗЫХ СОБАК

399. Сосваривать скоросых борзых следует начинать также, как и высваривать молодых щенят, т.е. пешком и вначале по одиночке, взявши на свору более робкую или слабейшую собаку, т.е. ту, которую обежает более сильная скоросая борзая, а последнюю иметь при себе без своры и делать с ними довольно продолжительные проводки. Во время этих проводок борзятник должен ласкать и прикармливать обоих собак вместе одновременно, но преимущественно ту, которая на своре, возбуждая тем как бы ревность у другой, более сильной, находящейся без своры, и когда последняя зарычит или броситься (от ревности) на первую, находящуюся на своре, то борзятник обязан моментально дать ей арапником (хвостцом) вдоль спины такого лозана, чтобы она, как говорится, «семь лет провизжала». И после этого *сейчас же* приласкать ее и дать ей прикормки, приняв ее на свору с другой борзой вместе, и при малейшем ее намерении сгрызться на своре (что заметить, предугадать всегда возможно по выражению ее глаз и положению ушей) борзятник должен строго окричать ее по кличке, так например: «Рогдай! Я тебя, шалава!» и т.п. и, быстро отпихнув ее рукой от другой собаки, стать по середине их и пройти с ними некоторое расстояние, находясь между собаками и ведя их обеими руками, подергивая слегка за ошейник и строго окрикивая грубейшую или виноватую борзую каждый раз при ее поползновении к драке. Когда же собаки поуспокоятся, тогда борзятник опять выходит из середины и ведет их с левой стороны вместе, повторяя подобные перемены вываживания при малейшем беспокойствии собак и тем не давая им возможности наделать одна другой хваток.

400. Кроме того, возражение из проводки с скоросыми борзыми собаками несколько дней и ночей сосвариваемые борзые должны находиться: если зимой, то в избе, если летом, то в хлеве вместе со своим борзятником, который на это время переселяется к ним в хлев, где и устраивает себе временную постель и во все время сосваривания борзых не оставляет их без себя ни на одну минуту. Например, идет борзятник обедать, своих борзых *обязательно должен* брать с собой (без своры) в избу, где во время обеда должен давать им кусочки прикормки, но непременно из рук, не бросая на пол, чтобы не стравить собак; при этом борзятник, хотя и должен ласкать этих собак, но по отношению к грубейшей борзой во все время не должен изменять своего строгого голоса до тех пор, пока не заметит, что собаки стали свыкаться.

401. Когда же скоросые борзые станут ходить при пешем борзятнике на своре смирно, тогда следует ехать с ними в начале без своры уже верхом на лошади «в наездку» по

зайцам, и затравив или протравив несколько зайцев, борзятник должен принять собак на свору и, пройдя с ними некоторое расстояние пешком, чтобы собаки обошлись, сесть на лошадь и дать им продолжительную до усталости проводку. По возвращении же из проводки борзятник обязан, не спуская собак со своры отвести их прямо в хлев и там, спустив их со своры, постоять некоторое время, и когда они улягутся на нары, оставить их одних в хлеве и затворить дверь хлева, но от хлева самому далеко не отходить на всякий случай до тех пор, пока кто-либо из дневальных охотников не приготовит для его собак корм и не позовет его кормить собаку. После чего борзятник должен растворить дверь и вызвать из хлева без своры к корму своих борзых и, накормивши их досыта, когда собаки сами отойдут от корыта и походят по двору некоторое время, загнать их в хлев словами «на место!», и когда собаки взойдут в свой хлев и улягутся, затворить за ними дверь и оставить их одних, но все-таки следует иметь за ними особенно усиленный надзор до тех пор, пока они совершенно не осмиреют и не сосворятся. А для этого необходимо время, неотлучное нахождение при скоросых собаках борзятника в начале и частые проводки или езда с ними.

ГЛАВА 36 О ВОСПИТАНИИ ГОНЧИХ ЩЕНЯТ

402. Воспитание гончих щенков заключается в неограниченном послушании и беспредельной привязанности к доезжачему. Для этого доезжачий обязан постоянно ласкать щенков, оглаживая их руками, прикармливать их прикормкой и по возможности большую часть времени проводить со щенками, разговаривая и играя с ними, независимо от постоянно находящегося при гончих щенятах назначенного ловчим псаря.

403. С двухмесячного возраста гончих щенков доезжачий начинает уже приучать шуточно, т.е., играючи с ними, к дрессировке, а именно: во-первых, к стойке у корыта с кормом словами: «Стой, гончие! Стой, маленькие, стой! Стой, ребятишки, стой!» и в это время, грозясь на них маленьким кнутиком, а в случае непослушания некоторых щенков этих он должен *своеручно* хлестнуть маленьким кнутиком, но на первый раз *непреренно чувствительно*, для того чтобы щенки с самого раннего возраста получив страх к доезжачему, впоследствии, позабыв совершенно о причине этого страха, никогда не переставали как бы *уважать* своего доезжачего, т.к. постоянная ласка щенят и справедливая строгость, выражаемая впоследствии *только одними словами*, заставит щенят беспредельно любить своего доезжачего и безотчетно подчиняться его распоряжениям, его голосу, не из-за страха к доезжачему (*первоначальное чувство страха при ласках и справедливости скоро позабывается в детском возрасте и заменяется всегда впоследствии чувством уважения, лишь бы наказание сделано было в таком возрасте, когда наказанный не мог бы помнить о нем впоследствии, и лишь бы впоследствии телесным наказанием, с развитием умственных способностей не только у щенят, но даже и у ребят не убивалось самолюбие и не делалась привычка к побоям, а вследствие того никогда не допускалось бы не только у ребят, но даже и у щенят: ни трепание за уши, ни толчки, ни подзатыльники и ни сечение розгой или кнутиком*), а из одной привязанности к нему и *безотчетного влечения к послушанию*, как бы из желания не огорчить слушанием своего воспитателя. Во-вторых, к позыву на голос: «Сюда! Сюда!», начиная употреблять (вначале) эти слова при входе к щенкам, зовя их так: «Цуцо! Цуцо! Сюда! Сюда! Сюда!» и при кормлении щенков (также вначале) употреблять слово: «Сюда!» вместо слова: «Дбруц!» И в-третьих, к стойке в кучке щенят во время игры с

ними стоять в кучке, словами: «В кучку! В кучку, ребяташки, в кучку!» И когда щенки послушаются, доезжачий должен дать им прикормочки и приласкать их.

Примечание. Все это делается со щенками играючи и не сразу, а постепенно, сначала приучают гончих щенят к одному и, когда они поймут это, тогда приучают их к другому, затем к третьему и т.д. в указанном порядке.

404. С трехмесячного возраста щенят доезжачий должен приучать их к позыву на рог. Делается это так: в первый раз перед разведенным в щенячем корыте кормом доезжачий должен прозвать в рог коротко и быстро (т.е. Allegro) вторую половину (т.е. последние три такта) «позыва гончим» и тотчас же подпустить щенят к корму. И так продолжать кормить каждый раз щенят с неделю, при этом доезжачий отнюдь не должен звать на рогу весь «позыв гончим» и вообще музыканить продолжительно, дабы не раздражать нервы щенков, которые немедленно при продолжительных звуках рога начнут выть и взбредивать, чего допускать не следует, а для этого необходимо, как только завоет щенок, сейчас же остановиться звать в рог и подпустить щенят к корму; когда же щенки станут есть корм, то в это время надо закончить половину позыва на рогу, но тихо, слегка заткнув нижний конец рога (в раструб) пятью пальцами одной руки, сложенными концами вниз. Затем, когда щенки попривыкнут к роговым звукам, т.е. не станут выть и взбредивать, то следует разнообразить каждый раз место кормления щенят, так например: один раз кормить их у щенячьего хлева, в другой раз — у ворот выпуска, в третий — в каком-либо углу выпуска, в четвертый — посередине выпуска и т.д. до тех пор, пока щенки привыкнут отыскивать по рогу место своего кормления. Тогда щенят, притекших к месту кормежки, доезжачий останавливает «настойку у корыта» словами: «Стой, гончие, стой!» и в это время делает на рогу, коротко, вторую половину «позыва», после чего проводит веслом по корму и, отряхнув весло от корма, стукнувши ребром его о край корыта, говорит щенкам: «Сюда! Дбруц!» и за тем во все время, пока щенки едят, доезжачий должен посвистывать им, приговаривая: «Дбруц! Дбруц, маленькие, дбруц!» и в то же время останавливает по кличкам тех щенков, которые рычат на соседних щенят у корыта, продолжая после того посвистывать и приговаривать щенкам ласковым голосом: «Дбру, дбру, дбру, дбруц, дбруц, миленькие дбруци!»

405. Когда же щенки поедят корм и начнут от корыта расходиться, тогда доезжачий зовет их словами: «Сюда, сюда, гончие, сюда!» и ведет в кучке их к хлеву, а псать в это время похлопывает кнутиком и окрикает щенкам: «Пошел, вались, к нему! Пошел, вались!» И когда доезжачий доведет щенят до хлева, то оборачивается к ним лицом и ставит их в кучку словами «В кучку, ребяташки, в кучку!» и когда щенки остановятся в кучке, тогда доезжачий вынимает из кармана горсть мелко изрезанных кусочков ветчины или соленого свиного сала и, как цыплятам, крошит прикормку щенкам по земле, и когда щенки бросятся жадно подбирать кусочки ветчины, доезжачий должен все время им посвистывать и за тем, когда щенки все подберут, приласкав их рукой, он уходит от них с выпуска.

406. Когда же щенки привыкнут хорошо течь на рог, тогда кормление щенков можно начинать делать и за стенами выпуска, точно также разнообразя место их кормежек. Для этого псать (незаметно от щенят) растворяет ворота выпуска и сидит со щенками в ожидании «уже полного позыва гончим», вследствие чего щенки, услышав рок, сейчас же засуетятся, отыскивая себе лазейку, куда бы пролезть им к рогу, тогда псать должен помочь им, подзывая их словами: «Сюда, сюда, ребяташки! Сюда, сюда!» и вместе с ними бегом бежать к отворенным воротам, откуда уже сами щенки потекут во все ноги на рог к доезжачему. После кормежки щенят за стенами выпуска доезжачий точно также отводит щенят «в кучке» к их хлеву, где точно также собирает их в кучку, прикармливает

(посвистывая непременно каждый раз) вкусной прикормкой и, приласкавши их, оставляет на выпуске.

407. Кроме того, в это же время дрессировки щенят доезжачий обязан приучать щенков к полазу и поиску. Это делается тогда, когда щенки попривыкнут стоять и ходить за доезжачим «в кучке», и делается это так: доезжачий заблаговременно и незаметно для щенят разбрасывает (с горсть, смотря по количеству щенков) в известном ему месте вкусную прикормку, т.е. кусочки ветчины или соленого свиного сала, и за тем собирают гончих щенков «в кучку» и ходит с ними, пододвигаясь к тому месту, где разбросана прикормка. Когда же он подойдет со щенками к тому месту, то шагах в трех от разбросанной прикормки он останавливается и останавливает щенков словами: «Стой, гончие, стой!» и за тем, когда щенки будут стоять подле него «в кучке», постояв некоторое время еще с ними, соображаясь с их чуткостью (вследствие чего иногда надо останавливаться дольше или ближе от прикормки), он начинает свистеть щенкам, как это делал он при кормлении щенят и при даче им прикормки, не трогаясь сам с места. Тогда щенки, видя такое действие доезжачего и не понимая еще хорошо, что оно означает, тем не менее засуетятся около его ног, и если они не зачуивают еще прикормки, то доезжачий должен, не трогаясь с места, подбрасывать им по направлению к разбросанной прикормке запасные кусочки ветчины из кармана, продолжая посвистывать щенкам и тихо в полголоса им попарскивать словами: «Полезь, миленькие! Полезь, собачки! Ах, ха-ха-ха-ха!» и т.п. (см. в главе о порсканье доезжачего), и затем, когда щенки доберутся до разбросанной прикормки, пусть они ее всю выберут и поедят, после этого доезжачий опять отводит их как и прежде «в кучке» к их хлеву, наблюдая, чтобы щенята во время течи за ним не разбрелись из «кучки», для чего он их то и дело окрикивает (ласково) по кличкам, прибавляя слова: «Сюда» или «Стой», смотря по положению щенка, а псарь в это время прогулки доезжачего со щенками исполняет роль подгонщика, окрикая на отставших от куч щенков словами: «Пошел, вались к нему! Пошел, вались!» Если таким образом продолжать заниматься со щенками, то они очень скоро поймут «напуск» и будут в последствии всегда послушными и полазистыми гончими собаками.

408. По достижению гончими щенками пятимесячного возраста на них одевают (борзые) ошейники и не снимают их с них до тех пор, пока щенки совершенно привыкнут к ошейникам и будут хорошо ходить на них. Для этого представленный к гончим щенкам псарь должен вываживать их на веревочке, каждого щенка по одиночке, как сказано о борзых щенках в ст. 381.

409. С восьми- или девятимесячного возраста, гончих щенят на ночь начинают уже запирают со старыми гончими, на гончем отделении псарного двора, но на день необходимо всегда щенят выпускать на свободу, дабы они могли ежедневно, играя, развивать лучшие свои мускулы и вообще правильное вытекать, т.е. формироваться. В это время почти всегда оканчивается осенняя охота и поэтому доезжачий начинает опять, по возвращении из отъезжего поля заниматься дрессировкой гончих щенков. Он повторяет с ними все, пройденное до его отъезда в отъезжее поле, и приступает к составлению их со старыми гончими, для чего, когда щенки попривыкнут к старым собакам, доезжачий перемикает каждого щенка со старой смирной гончей собакой и начинает пешком вываживать их за собой на смычках. При этом проводки щенят на смычках должны быть не продолжительны, не более полуверсты расстояния, но почти ежедневны (в начале) до тех пор, пока щенки окончательно не будут ходить на смычках спокойно, как старые гончие собаки.

410. С двенадцатимесячного же возраста гончие щенята поступают *на всегда* на псарный двор, и с этого времени начинается уже для них настоящая дрессировка, заключающаяся в их приездке и нагонке.

411. Во все время воспитания гончих щенят, начиная с четырехмесячного их возраста, словом, как только щенки сбросят щенячью шерсть (и как об этом сказано в ст. 377) должны мыть и, когда необходимо, мазать, под наблюдением доезжачего или ловчего, выжлятники и находящийся при гончих щенках псарь. Без ловчего и доезжачего мыть щенят не следует.

ГЛАВА 37 О ПРИЕЗДКЕ ГОНЧИХ СОБАК

412. Хорошая приездка гончих собак должна заключаться:

- 1) в стайной течке гончих за доезжачим;
- 2) в спокойной и «верной» стойке гончих под островом;
- 3) в молчаливом (т.е. не в голоса) приеме полаза гончих напуска;
- 4) в стайной гоньбе гончих;
- 5) неограниченном послушании гончих доезжачему;
- 6) в позывистости гончих к рогу;
- 7) в вежливости гончих собак к домашней скотине и птице.

413. Стайная течка гончих за доезжачим достигает частыми проводками гончих: вначале на смычках, а впоследствии без смычков, с частыми остановками и собиранием собак «в кучку», как об этом сказано о гончих щенках в ст. 405, лаской и прикормкой гончих собак доезжачим, и *толковой* подгонкой собак стаешниками или подгонщиками, окриками отставших собак постоянно словами по кличкам, так, например: «В стаю, Докука! В стаю!» и т.п., хлопнув в это время арапником.

414. Спокойная и верная стойка гончих без смычков под островом достигается приучением со щенячьего возраста гончих к стойке у корыта, частыми остановками во время проводок, под островом в разных расстояниях, стойкой с гончими в самой опушке и даже в середине острова, не позволяя при этом никогда ни одной собаке отделяться из стаи. Для этого доезжачий должен, собравши собак «в кучку», сначала недалеко и ненадолго отходя от гончих, оставлять стоять их одних, под присмотром подгонщиков, а затем впоследствии, постепенно увеличивая расстояние, доезжачий может уходить от гончих и на более далекое расстояние и на более долгое время. Подгонщики же, оставляемые на это время доезжачим при стае гончих, собранных «в кучку», должны строго следить за собаками и каждую собаку, намеревающуюся отделиться от стаи, тут же, *не упуская момента*, должны окричать по кличкам словами, так, например: «В кучку, Ворошило, в кучку!» и т.п. и даже, если нужно, хлестнуть виноватую арапником. Когда же гончие собаки поймут требуемое от них доезжачим и будут хорошо держать стойку «в кучке» без него, тогда он выбирает место в поле, у какого-нибудь оврага и неподалеку от него останавливает стаю и, собрав ее «в кучку», отсылает всех подгонщиков от себя в овраг, где они должны будут скрыться из вида гончих, а сам доезжачий остается один у стаи и начинает ездить вокруг стаи гончих, постепенно увеличивая свой круг и постоянно следя за гончими, чтобы они не разбрелись из «скупенной стаи», для чего он может возвращаться к гончим, *строго* окрикая виноватых по кличкам словами: «В кучку

(такая-то или такой-то), в кучку!» в это время грозясь и хлопая арапником. Когда же гончие, несмотря на это, разбредутся из «скупенной стаи», то тогда обязанные незаметно следить за гончими подгонщики быстро выскакивают из оврага и моментально приводят гончих арапниками к повиновению и вновь, на этом же месте, с доезжачим во главе, скупают опять стаю. Причем доезжачий повторяет опять то же самое, т.е. отсылает опять подгонщиков и опять удаляется от скупенной стаи, стараясь также скрыться от них в овраге, и когда гончая собака выдержит стойку, тогда доезжачий отправляет к ним прежде подгонщиков, которые, подъехав шагом (если требуется — другим аллюром) к скупенной стае, старается удержать собак на стойке до прибытия доезжачего, причем без необходимости они не должны тревожить собак разговором между собой и вообще ненужными действиями, а сам доезжачий (вначале не утомляя собак стойкой) выезжает к гончим после и, не доехав до них шагов на двадцать, слезает с лошади и берет к себе гончих словами: «Сюда, сюда, гончие, сюда!» или «позывом гончим» в рог, если (впоследствии) доезжачий будет находиться на очень далеком от них расстоянии, и сейчас же, как только гончие притекут к нему, он их останавливает (лаская): «Стой, ребятишки, стой, мои милые, послушные, стой!» и дает им вволю прикормки. После чего, обласкавши их всех руками, называя каждую по кличке, садится на лошадь и ведет стаю из проводки домой. Таким образом, повторяя несколько раз такие приемы дрессировки гончих собак, их можно всегда довести до такой стойки «в кучке», что доезжачий смело может впоследствии бросать скупенную стаю гончих в поле на целый (приблизительно) час времени с уверенностью, что гончие не разбредутся.

415. Молчаливый прием полаза гончих с напуска, т.е. чтобы гончие собаки не лезли с напуска в остров в голоса, достигается частой ездой с гончими и толковым напуском. Так, например, если доезжачий будет под островом размыкать гончих и не ставить их на стойку «в кучку», а прямо со смычков пускать их в остров поодиночке, то последующие гончие непременно будут лезть за первыми в голоса или, если доезжачий далеко от острова будет делать напуск так, что гончие должны будут несколько десятков саженей нестись к острову полем, то тогда гончие собаки точно так же, от азартности будут орать в голоса, что очень скоро обращается у гончих в привычку и отчего отучить их впоследствии будет уже довольно трудно. Эта дурная привычка гончих составляет большой недостаток приездки гончих собак, мешающий правильной охоте по зверю и ясно доказывает, что доезжачий их не имеет понятия о езде с гончими собаками. Поэтому во время приездки гончих собак ловчий должен обращать особое внимание на напуск гончих, делаемый доезжачим. Для этого доезжачий должен делать напуск вначале всегда так: разомкнув гончих в поле, приблизительно в версте расстояния от острова, он должен подходить к острову с гончими без смычков и, не дойдя до острова с полверсты, остановиться с ними и постоять минуты три или пять; затем тронуть лошадь и, сказав собакам: «Сюда!» — побежать к острову тихо, тем же шагом, останавливая и отмахивая арапником попрашивающихся вперед гончих и, подъехав к самой опушке леса, опять остановиться от острова, сказав гончим: «Стой, гончие, стой!» и затем, выдержав гончих на стойке минут пять, тронуть лошадь шагом, подкликнув гончих словами: «Сюда, ребятишки!», въехать в опушку острова и потихоньку (неазартно) засвистать гончим к полазу, а затем, когда гончие полезут и рассыплются по острову, доезжачий начинает порскать гончим вначале тихо, а потом все громче и уже во весь доезжаческий голос. Точно так же доезжачий должен поступать вначале и в болоте, идя в болото с гончими пешком. Когда гончие втянутся в езду, тогда доезжачий может делать напуск и не въезжая в опушку острова, а остановившись под островом приблизительно в 10—15 шагах, но никогда не далее такого расстояния. И это-то делается доезжачим с приезженными гончими для того, чтобы изучить лучше их характер и видеть глазами прием полаза каждой гончей собаки.

416. Стайная гоньба гончих хотя преимущественно и зависит от характера, возраста, ног и породы гончих собак, но тем не менее и приездка гончих имеет большое значение в деле стайной их гоньбы, для чего доезжачий и доводит, т.е. «доезжает» стаю частыми «нагонками», вниманием и толковитостью стаешников или подгонщиков. В то время, когда гончие наброшены в остров, все внимание выжлятников должно быть сосредоточено на гончих собаках, при этом кроме доезжаческого порсканья и редкого хлопанья выжлятников арапниками по острову, никаких разговоров и бесед между выжлятниками положительно не допускается: каждый выжлятник обязан строго и в высшей степени добросовестно исполнять принятую им на себя обязанность по отношению к гончим собакам и притом *всегда одинаково, однообразно* так, чтобы гончие собаки могли привыкнуть и понимать каждое требование выжлятников, каждый возглас и каждое действие доезжачего и подгонщика. С момента напуска гончих доезжачий должен идти серединой острова, порская гончим к поиску, а подгонщики, по сторонам доезжачего, должны строго следить за тем, чтобы гончие лезли островом по направлению доезжачего, а не в противоположную сторону и не в поля, откуда должно сейчас же их возвращать словами: «В стаю (такая-то, называя по кличке), в стаю!» или если подгонщик возвращает гончую с поля, с опушки, то окрикивают собаку так: «В остров (такая-то, называя по кличке), в остров!» и быстро, подходящим аллюром подгоняя гончую к стае, подхлестывая ее арапником. Точно так же и во время гоньбы доезжачий должен подваливать стаю к погнавшей гончей «подваливающим порсканьем», а подгонщики должны строго следить за тем, чтобы ни одна гончая не «шалалась» по острову, а чтобы все до единой участвовало в стае, подваливая каждую «шалающуюся» гончую словами: «Слушай, к нему, слушай!» и тут же тихим (т.е. вполголоса), но азартным, «подваливающим» или (смотря по необходимости) «травящим» порсканьем выводят подходящим аллюром и сокращенным путем не подвалившуюся гончую в стаю.

Примечание. При этом необходимо заметить, что никакой мастер-доезжачий или никакие мастера-стаешники или подгонщики не в состоянии будут съездить сбродных, разноногих (т.е. и пеших, и паратых вместе) гончих, на том основании, что как ни подваливай выжлятники пешую гончую к паратым, она никогда не может удержаться в стае паратых гончих и всегда отстанет, и будет всегда справлять удалелого позади паратых, чем и будет сбивать только последних. А поэтому *самое важное для стаи* — это односортность гончих собак; вследствие чего владелец охоты прежде всего должен обращать особое внимание на *сформирование стаи* гончих собак (Гл. 39).

417. Неограниченное послушание гончих доезжачему достигается страстью доезжачего к гончим собакам, постоянной лаской их, прикормкой, справедливой и уместной строгостью, вниманием, терпением, хладнокровием и *постоянно разумными действиями* доезжачего по отношению к гончим собакам.

418. Позывистость гончих к рогу преимущественно зависит от того, чтобы с щенячьего возраста и вообще всегда у корма и в поле позыв гончим делался одинаково и на одном и том же доезжаческом рогу, и достигается это очень легко — постоянной вкусной прикормкой, вытекших на рог гончих собак и мастерским, быстрым сбиванием из острова их подгонщиками, подваливающими возгласами: «Пошел, вались к рогу! Пошел, вались!» При этом подгонщики усиленно хлопают по острову все время арапниками.

419. Вежливость гончих собак к домашней скотине и птице достигается приучением гончих к домашним животным, птице, дворным и борзым собакам еще в щенячьем возрасте, когда гончие щенки, под наблюдением псаря, везде могут бегать, пользуясь

безусловной свободой и беспрепятственным выходом с выпуска, а также частыми проводками стаи по стадам, улицам (*своей деревни или села*) и по лугам, изобилующим гусями и утками.

ГЛАВА 38 О НАГОНКЕ ГОНЧИХ СОБАК

420. Нагонки гончих собак должны производиться два раза в год, а именно: в мае и августе, полагая приблизительно по *двадцать четыре утренних зари* для нагонок в каждом сказанном месяце.

421. Необходимость нагонок обуславливается следующими причинами, а именно: нагонки в мае необходимы, во-первых, для здоровья и моциона залежавшихся в зимнее время гончих собак, т.к. никакие проводки не могут никогда заменить нагонок в смысле полезности полезных для здоровья собак, когда каждая гончая может и побегать по своему усмотрению, расправляя залежавшиеся члены, и поест травы, какую она сама себе выберет по инстинкту, излечиваясь тем нередко от скрывающейся у нее болезни и, во-вторых, для составивания молодых гончих со старыми, для приучения их к настоящей стойке под островом, к пониманию порсканья доезжачего и к настоящему полазу, поиску и гоньбе. Нагонки в августе необходимы для выдержки гончих собак, т.е. для того, чтобы постепенно втянуть их в работу и подготовить толковой приездкой стаю гончих для предстоящей осенней охоты.

Примечание. Двадцать четыре для нагонки гончих собак в каждом месяце, а всего сорок восемь зорь, в течение двух месяцев совершенно достаточно для того, чтобы как следует приездить и нагонять гончих собак, а поэтому, если доезжачий в течение 24-х майских зорь не съездит стаи гончих как надо, то такой доезжачий не съездит гончих никогда, т.к. августовские нагонки преимущественно необходимы только как тренировки собак, выдержка, т.е. доведение собак до настоящего полезного их тела и необходимы для молодых (только) зверогонов.

422. В обоих этих месяцах нагонка гончих собак производится совершенно одинаково, как и вообще езда с гончими по зайцу и лисице (см. ч. III) и только в стаю зверогонов в августе, с первого же поля насаживают прямо на гнездо волков и наганивают уже только по красному зверю, для чего «настоящие» охотники всегда и жертвуют, если стая состоит преимущественно из молодых собак, одним или двумя взводками волков, которых по большей части назначают из гнезд, находящихся в местах не способных для охоты с борзыми собаками.

423. Во время нагонки гончих по волкам выжлятники должны стараться непременно, чтобы гончие сдавливали молодых волков и за тем доезжачий, таская за ногу сломленного волка, должен улюлюкать гончим собакам, лаская их и называя по кличкам каждую. Когда же гончие достаточно натешатся, и волк будет убит или приколот, тогда следует осторожно оттаскивая принять волка от гончих и тут же при них, т.е. при гончих, второчить волка на седло, а гончих, обласкав, подвести к воде и дать им полежать в воде и отдохнуть хорошенько. Повторное прохождение места может быть сделано, на первый раз, только однажды и то только при уверенности захватить в этом месте еще хоть одного волчонка, в противном же случае следует ограничиться одним напуском, не утомляя никогда молодых собак вначале.

424. Нагонка гончих собак преимущественно зависит от врожденных способностей собак и от мастерской езды выжлятников, вследствие чего как доезжачий, так и

подгонщики во время нагонок должны быть крайне внимательны как к своим обязанностям по отношению к гончим собакам, так и к полазу их с поиском, а также и к гоньбе. Поэтому выжлятники, во время нагонок в особенности обязаны исполнять тщательно правила езды с гончими, изложенные как в главе «О езде выжлятников», так и в III части «Руководства».

Примечание. Говоря о нагонке гончих собак, я нахожу необходимым заметить, что хорошо слаженная и нагоненная стая паратых гончих за многие месяцы всегда должна славливать «первого зверя» и того, который по каким-либо причинам (быть может, осмотрев борзятников и т.п.) вздумает позадержаться лишнее время в острову или болоте, будет ли то заяц, лисица или волк. А поэтому, кроме весьма похвального в этом для такой стая гончих и ее выжлятников ничего другого заключаться не должно. Сделать эту заметку я счел необходимым ввиду того, что многие из последователей учения г. Мачеварианова по его «Запискам» слепо верят правилу, выраженному им на 116 странице, что выжлятники «не должны душить зверя в островах, а выставлять на охотников, в противном случае — это срам и поношение как для владельца, так и для доезжачего и его помощников: всех их назовут шкурятниками». Такое толкование о гончих не совсем верно: пешие гончие, правда, не в состоянии словить зверя, но каким путем возможно остановить хороших и паратых гонцов (которые нередко в полях ловят русаков на угонках), чтобы они не славливали «первого зверя» при присущей им азартности, паратости и в особенности при порсканье доезжачего, что в сущности выражает *натравливание гончих на зверя*. Если гончие собаки, как бы пеши они ни были, не будут иметь надежды словить гоняемого ими зверя, то тогда они, наверное бы, гонять по зверю совсем не стали. Что и доказывают нам гончие собаки, потерявшие способность, а следовательно и надежду настичь зверя; они не только перестают гнать по зверю, но даже и в остров то не лезут, а, как невольники, едва тащатся за доезжачими. А поэтому чем больше гончие сгоняют зверя в острову, тем более докажется их добропорядочность. *Каждого же*, найденного и водимого гончими зверя, переловить в острову гончие физически не могут и поэтому для того, чтобы гончие не могли переловить даже молодых волков в острову, охота по волкам должна производиться в более позднее осеннее время, когда волки сделаются крупнее и когда словить их в острову для гончих будет мудренее, а затравить в полях борзыми — несравненно приятнее. Что же касается зайцев и лисиц, то точно также запротивить лисицу или подшкурить зайца в острову для гончих, даже очень паратых, нелегко в виду того, что допекаемые паратыми и верными гонцами как заяц, так и лисица живо попросятся в поля из острова и в силу только особенной какой-либо случайности или неосторожности самих борзятников, зверь запротивит и, решившись лучше умереть в острову, чем побежать с поля, может всегда попасть в зубы паратых гонцов гончих, в чем винить гончих положительно нельзя, как равно нельзя винить в том и доезжачего с подгонщиками, которые наоборот, должны заслужить этим полную похвалу от владельца охоты, а не порицание. Уж это не гончие собаки, которые целый день тьякают, а зверя ни словить в острову, ни выгнать в поля не могут. Хорошими гонцами можно назвать только такую стаю гончих собак, которая если уж помкнула по зверю и повела, то вполне и безошибочно можно было бы быть уверенным, что зверь этот будет или выставлен гончими «до тороков борзятника», или ими словлен! А иначе это будут уже не гончие!

Почему же некоторые охотники (подражая г. Мачеварианову) порицают гончих, которые могут сдавливать зверя в острову и винят в этом не только доезжачего с подгонщиком, но даже и самого владельца такой стаи гончих, осмеливаясь при этом обзывать их даже «шкурятниками» (стр. 116 «Записок» г. Мачеварианова)?! Но удивляться такому заключению и взгляду некоторых гг. охотников и на дело гоньбы гончих собак не следует на том основании, что мало ли есть на свете людей, которые, имея страсть к псовой охоте, случайно заведут у себя 4^{1/2} смычка гончих собак и в придачу к ним молодого двадцатилетнего («гения») доезжачего, в образе какого-нибудь «Степана» и, возмечтав, что «такой приездки и таких гончих собак ни прежде, ни после нельзя увидеть», вдруг и начнут проповедовать свои собственные правила, основанные единственно на одной смелости и фантазии пропагандирующего, нередко совсем позабывшего глубокий смысл русских пословиц; «Кто нови не видал, тот и ветоши рад», «Слышал звон, да не знает где он!»

Для меня всегда непонятны заключения людей, которые говорят «Этого нельзя делать, нельзя допускать!», а между тем умалчивают о том, почему нельзя этого делать и каким путем можно было бы не допустить то делать? Так, например, г. Мачеварианов в своих главных, основных правилах езды доезжачего и «псарей» говорит: «Не душить зверя в островах», иначе «это срам и поношение как для владельца стаи, так и для доезжачего и его помощника: всех их назовут шкурятниками» (стр. 116 его «Записок»), но между тем нигде не указывает, каким путем можно было бы довести гончих собак до того, чтобы они *только бы гоняли по зверю*, но никак не смели бы его трогать (т.е. брать) в острову, даже и в том случае, если бы гончие, в силу прирожденной им досужести, т.е. злобы и паратости, настигли (т.е. догнали) зверя в острову или поле, а наоборот, они должны были бы в таком случае, вероятно, остановиться перед зверем и, дрожа от жадности (как перед Степаном, стр. 110 «Записок»), не смея его тронуть, дожидались бы, пока зверь не отделится вновь от них на известное расстояние, чтобы им вновь иметь возможность опять начать гоньбу по нем?! Впрочем, тут «темна вода в облацех»! Я по крайней мере не понимаю такой езды и с такими гончими. И я объясняю такую пропаганду тем, что г. Мачеварианов, вероятно, не выяснил себе понятие о «переких» гончих, которых настоящие охотники в стаях (правда) не держат и о чем, как видно, г. Мачеварианов слышал, т.к. советует также «их *отучать* или сбывать» (стр. 116 его «Записок»), предполагая, что все зло, заключающееся, по его мнению, в том, что гончие (конечно, хорошие) славливают нередко в острову зверя происходит именно от них, т.е. от «переких» гончих, в силу этого и внес в одно из своих правил порицание гончих за одно из лучших их качеств. Но в этом своем предположении г. Мачеварианов жестоко ошибается, т.к. «переких» гончих сбывают охотник из стай не потому, чтобы они славливали зверя (что удастся им весьма редко), а потому, что «перекие» гончие *не гоняют*, а умычкой (т.е. молча) носятся по острову, с тщетным намерением сперечить зверя, но в большинстве случаев только сбывают этим гончих и уносят их со следа видимого зверя, а вследствие того теряется возможность не только словить зверя, но и справить-то его. Вот главная причина почему в хорошей стае не держат «переких» собак; в книге «Псовый охотник», о которой я неоднократно упоминал в моем «Руководстве» говорится так: «*Перек не держат в стае потому, что они*

уносят умычкой гончих со следа, т.е. сбивают гончих как бы вловившие в остров борзые и под ними носившиеся».

425. Во время нагонки гончих, смотря по месту, в какое слез или бежит зверь, выжлятники не всегда должны сбивать гончих, справляющих зверя полями, а наоборот, должны обязательно дать возможность гончим приучиться справлять зверя и полями, и через реку, и дорогами, и сорами, и всякими т.п. местами, для чего доезжачий с подгонщиками должен только никогда не отставать от стаи, ободряя гончих или «водным» (если не видать зверя), или «травящим» (когда зверь на виду) порсканьем.

426. Словленных гончими зайцев и лисиц во время нагонки выжлятники не должны принимать от собак, а наоборот, обязаны, отгокав гончим (словами: «Ого-го-го, гончие, стой! Дошел, дошел! Дбруц!») дать им пойманного зверя изорвать и съесть. Волка же принимают от гончих осторожно, дав им хорошенько потаскать его, потому волка гончие не могут скоро загрызть до смерти, а это только утомляет гончих собак и может довести их до сильной зарьялости, т.е. до крайней потери сил, а до этого без необходимости допускать собак, и в особенности молодых, никогда не следует.

427. Во время нагонок гончих доезжачий и подгонщики должны особенно наблюдать за тем, чтобы все гончие гоняли по зверю стайно, верно и при этом не «врали» бы, т.е. не кричали зря, не водили «в пята» и не справляли бы по собачьему и выжлятничьему следу в голоса, останавливая такую гончую беспрестанно словами: «Врешь (такая-то, называя по кличке), врешь!» и в случае ослушания следует подловить такую гончую и посечь ее хорошенько, приговаривая точно так же: «Врешь, Бандорка, врешь!» и т.п.; останавливая таким же порядком и покрикивающую «в жирах» собаку.

Примечание. Ввиду неоднократных указаний некоторых господ на то, что стая гончих во время гоньбы по зверю должна *«гнать треугольником с мастером впереди»*, или *«развернутым фронтом за своим вожаком и не гуськом на произвольную дистанцию»*, я считаю необходимым для того, чтобы не вводить доезжачих в заблуждение и избавить их от напрасного труда: *достижение недостижимого, заявить, что гоньбы гончих «треугольником», а равно и «развернутым фронтом» никогда не было, нет, да и быть не может!*

Если бы даже кто-либо из охотников и добился способом *особой дрессировки* (мне неизвестной) заставить стаю гончих гонять «треугольником» или «развернутым фронтом», то надо только желать, чтобы Господь Бог избавил каждого «настоящего» охотника от такой стаи гончих собак! Т.к. при таком положении стаи во время гоньбы (т.е. при фигуре треугольником или фронтом) гнать зверя будет только одна передняя из треугольника или срединная из фронта гончая собака, а остальные все должны быть «пустыми подлаями», которых в порядочной стае гончих ни один дельный охотник держать не станет, и которые при этом одним своим положением, т.е. фигурой развернутого фронта или треугольника, лишены будут навсегда возможности проверять идущую впереди или середине гончую и сознавать: по чем они гонят, т.е. по свинье ли или по зверю, не смея и не имея при таком положении никакой физической возможности (несмотря на способность гончих зачувивать след на расстоянии пяти-десяти шагов) прихватить на чутье след видимого зверя, находясь на неопределенно далеком расстоянии в стороне от означенного следа. Но, слава Богу, что такое неестественное положение стаи во время гоньбы по зверю сами гончие собаки, по своему благоразумию никогда не принимают, а это только одна мечта (к счастью,

не исполнимая на практике) охотника-фантазера, который не останавливается даже на этом, а идет дальше, уверяя «что гончие собаки по всякому зверю гоняют разными голосами, так, например: по волку — с подвывом, по лисе — с подлаем» (а по зайцу, вероятно, с отписком или вроде того?) и что *на этом-то основании* (будто бы?) *охотники всегда могут узнать по чем стая гончих* (виноват: при треугольнике и фронте — одна гончая!) *гоняет*, т.е. по волку ли, по лисе или по зайцу?

Ну, скажите, уважаемый читатель, что же это такое?! Не такая же это фантазия, вызывающая смех и горе?! Поэтому, желая ознакомить молодых охотников, и в особенности выжлятников, с положением стаи гончих собак во время гоньбы и со способом узнавать: по какому приблизительно зверю гоняют гончие, я счел необходимым в главе «О нагонке гончих собак» поместить по поводу этого еще несколько особых статей.

428. Положение стаи гончих во время гоньбы по зверю должно быть в полном смысле слова «*стайное*». Вследствие чего псовые охотники, разбирая гоньбу гончих собак, выражаются о гончих, гоняющих врознь, что «стая (такого-то) гоняет плохо «*разброе!*»», а о тех гончих, которые гоняют вместе, говорят, что «стая (такого-то) гоняет хорошо «*стайно*»», хотя выражение «*стайная гоньба*» для настоящего охотника вполне определяет понятие о положении стаи во время гоньбы, но тем не менее я постараюсь представить положение это более наглядным образом, именно так: представьте себе, уважаемый читатель, следующую картину: доезжачий ведет полями без смычков стаю гончих собак. Вдруг он увидел бегущего по полю зайца, к которому он бросился скакать на лошади, показывая его гончим. Так вот какое будет положение в этом случае несущейся полями, за доезжачим и зайцем, стаи гончих собак, такое-то именно положение стаи и *бывает всегда и во время их гоньбы по острову*, т.е. когда вся стая свалится и водит зверя. Положение это всегда представляет фигуру не скученной, а как бы распушенной стаи собак, заключенных как бы в черте вытянутого кольца или овала. Такое положение стаи дает возможность каждой гончей прихватывать на чутье водимого зверя, т.к. хорошие гонцы, несясь нередко стороной легко чувят след зверя на расстоянии 4—10 шагов и с помощью чутья участвуя в гоньбе все до единой из стаи, они всегда проверяют переднего гонца, которым не всегда бывает «мастер» или «вожак», т.к. «*мастера-гонцы*» нередко в силу своей паратости или отсталости при добычке зверя другой гончей собакой бывает не впереди, а в середине и даже в хвосте стаи, направляя во всяком своем положении скальвающих гончих.

429. Голоса у гончих собак такие, какие есть, такими всегда и остаются во время гоньбы и никогда не изменяются ни по какому зверю, т.е. каким голосом ведет гончая по зайцу, таким же голосом ведет она и по волку, и по лисе. Только тогда, когда гончая собака наткнется на зверя и увидит его, она как бы «заорет сильнее» или «зальется», почему охотники и выражаются об этом так: «Залилась по-зрячему» или «Ведет по-зрячему». Поэтому узнать по голосу охотник может безошибочно только то, что гончая наткнулась на зверя и «залилась по-зрячему», но на какого зверя она наткнулась — ни один охотник сказать безошибочно не может. Если бы можно было всегда безошибочно узнавать по голосам, по *чем погнались* гончие собаки (как уверяют некоторые), то выжлятники, *обязанные подавать роговой сигнал (по чем повели гончие)*, никогда не дождались бы «перевидеть зверя», а сразу, узнавши по голосам гончих, по чем они погнались, подавали бы роговые сигналы; но этого ни в одной порядочной псовой охоте ни один выжлятник не практикует, да и не смеет практиковать ввиду строгой ответственности (перед ловчим или владельцем охоты), за это, как за обман, вводящий борзятников в заблуждение, от чего всегда может быть нарушен весь порядок занятых лазов. Но тем не менее каждый дельный псовый охотник всегда может определить

приблизительно по чем не погнажи, а гоняют гончие собаки, только определение это делается дельными охотниками не по голосам собак, а по «*гону их*», т.е. по гоньбе гончих.

430. «Гон гончих собак», т.е. гоньба их всегда зависит от полаза зверя. А поэтому для того, чтобы определить по чем гоняют гончие, необходимо прежде изучить характер и полаз каждого зверя, т.е. полаз и характер волка, лисицы и зайца, а затем уже, принимая в соображение местность, в которой производится охота (т.е. каким зверем изобилует эта местность) каждый дельный охотник *приблизительно* может определить, по какому зверю гоняют гончие; и только *безошибочно* может всегда отличить гоньбу по зайцу от гоньбы по красному зверю. Отличить же гоньбу по волку от гоньбы по лисице может охотник только гадательно, основываясь на своей опытности и сообразительности, а в силу этого чем больше охотник сообразителен и опытен, тем и определение такого охотника в том, по чем гоняют гончие всегда бывает более верное, более безошибочное.

431. Ввиду того, что определение гоньбы гончих собак по какому зверю они гоняют, зависит преимущественно от полаза зверя, необходимо рассмотреть полаз и характерные особенности каждого зверя отдельно, для более верного определения гоньбы гончих по каждому зверю в отдельности, а именно:

- а) полаз зайца в острову преимущественно бывает «на кругах», а поэтому и гоньба гончих по зайцу также должна быть всегда на кругах. Кроме того, *при таком полазе зайца* он, во время гона по нем, беспрестанно попадает на глаза гончим собакам, а вследствие того гончие, во время гоньбы по зайцу, беспрестанно «заливаются по-зрячему» и, помимо этого гоня по зайцу, нередко скальваются, что происходит как от верчения зайца по острову, т.е. от полаза на кругах, так и вследствие слабости чутья от заячьего следа, сравнительно со следом красного зверя. Независимо от всего этого при определении гоньбы необходимо соображать каким местом водят гончие по острову, т.к. заяц преимущественно стремится из мест низких в бугры, из болот в суходол, и бег свой направляет по острову преимущественно по дорожкам, просекам и тропинкам;
- б) полаз лисицы более прямой и осторожный, и если когда лисица держится на кругах, то круги эти бывают много шире и ровнее (без зигзагов) кругов зайца, причем лисица вначале держится преимущественно опушки, дабы высмотреть поле, не представляет ли где ей опасности. Кроме того, лисица всегда стремится от гончих лезть лощинками, а в болоте серединою, вдоль болота до попавшейся впадины, ножки врага, перелеска и промывины, стараясь преимущественно бежать обвалами и кучугурами. На глаза гончим лисица попадает очень редко, вследствие этого гоньба гончих по лисице значительно рознится от гоньбы по зайцу, т.к. гоньба по лисице идет всегда правильнее, «без заливов по-зрячему» и вернее, «без сколов», притом стайнее, т.е. дружнее в силу большей чутьистости от следа красного зверя, а от того гоньба по лисе кажется как бы горячее, азартнее;
- в) полаз волка вначале всегда прямой и безразборный, напролом, притом гнездари при гнезде всегда подмениваются к гончим, дают большой круг и уводят гончих «прямоком» на далекое расстояние. Переярки и холостяки всегда лезут на «пряника», только прибылые вначале осени первоначально держатся на кругах и затем лезут излюбленными ими лазами по косогорам, перелескам, серединой болота, лощинами и редко чистым полем. Вследствие чего гоньба по волку значительно рознится от гоньбы по зайцу и всегда очень схожа с гоньбой по лисе, а потому охотники определяют гоньбу по волку преимущественно соображаясь с местностью, т.е. кого из красного зверя скорее можно встретить в известной местности: волка ли или лисицу, если самый полаз волка не будет

представлять резкой противоположности с полазом лисицы, что при прибылых волках иногда положительно возможно, тем более, что самая гоньба по волку, как и по лисице, т.е. вообще по красному зверю, всегда бывает верная, стайная, т.е. дружная и горячая или азартная в силу особенной чуткости следа. При взятии же взводка волков определение гоньбы гончих не представляет уже особенной трудности по виду того, что стая гончих быстро разбивается на несколько партий, из которых каждая ведет своего волка, но тем не менее и в таком случае с уверенностью сказать, что гончие гоняют по волкам нельзя, т.к. случается иногда, что одновременно гончие гоняют и по волкам и по лисице, почти всегда пребывающей при гнезде волков*), а вследствие того выжлятникам строго воспрещается не перевидав зверя подавать роговые сигналы.

ГЛАВА 39

О СФОРМИРОВАНИИ СТАИ ГОНЧИХ СОБАК

432. Приступая к объяснению формирования стаи гончих собак, необходимо прежде определить: что такое стая и какое она имеет значение? А поэтому необходимо заметить, что под словом «стая гончих» нельзя подразумевать всегда произвольное и неопределенное количество гончих собак, как нередко подразумевается под словом «стадо» или «табун» неограниченное количество коров и лошадей. Не странно ли слышать подчас от неохотника, когда он говорит: «А я сейчас встретил целую стаю борзых собак»? Как будто слово «стая», относящееся к гончим собакам, может быть применимо в равносильном смысле и к борзым, например: стая борзых, и к птицам: стая скворцов, стая воробьев и т.п.**)? Для псового охотника борзые собаки при борзятниках никогда не представляют «стаи», а представляют известное количество свор, без борзятников же неограниченное количество собак представляет «псарню», как равно и неограниченно большое количество гончих собак определяется словом «орава». Под такими названиями существовали во времена самой отдаленной древности «псарни» борзых и «оравы» гончих собак, которые уже и делились на особые стаи гончих, а борзые — нередко на двойные и тройные комплекты свор по борзятникам. Точно так же неправильно и неприятно для уха «настоящего» псового охотника, когда каких-нибудь пять-шесть смычков гончих называют стаей, равно как если и более сотни собак гончих (в полном смысле — «ораву гончих») называют нередко также стаей. Какие же это как в первом, так и в последнем случае, стаи, если для «настоящего» псового охотника слово «стая гончих» не представляет равносильного понятия с понятием о стае воробьев или о стаде скотины? Под словом «стая гончих собак» подразумевается съезженное и назначенное «в напуск» необходимое достаточное количество гончих собак для самостоятельной охоты с ними по каждому зверю, т.е. по зайцу, лисе и волку. И вот такое-то количество гончих собак всегда и называется «стаей», а для того, чтобы можно было самостоятельно производить псовую охоту по всякому зверю и в особенности по волкам, необходимо, чтобы «в напуску» было не менее *восемнадцати* и не более *сорока* собак гончих. А поэтому стаей называется только такое количество собак, которое составляет предельную необходимость для правильной и самостоятельной охоты, т.е. от восемнадцати до сорока гончих собак. Меньшее же против этого количество гончих собак исчисляется смычками, например: два смычка, пять смычков и восемь смычков в напуску и т.п. Более же сорока собак в напуску для *правильной гоньбы* и в *правильно организованной* охоте никогда быть не должно, а вследствие этого «стая гончих» должна включать в себе не менее и не более как 18—40 голов гончих собак (см. главы 3 и 4, ч. I).

*) Лисица очень часто пребывает в месте гнезда волков, чтобы кормиться остатками от их пищи.

**) Выражение «стая» вовсе неприменимо к борзым, а в птицах, если и применяется, то не показывает определенного количества голов (стая воробьев, журавлей и т.п.).

433. Т.к. назначение стаи гончих собак есть стайная гоньба по зверю, то потому для хорошей, стайной гоньбы гончих необходимо формировать стаю из собак «одной ноги», т.е. одинаковой паратости и одинакового характера, что достигается всегда однородностью гончих собак.

434. При формировании новой, целой стаи гончих собак, самое лучшее формировать стаю из однопородных щенков «однокорытников». Для этого следует оставить сразу от нескольких однопородных выжловков потребное для стаи количество гончих щенков и, воспитав их умело, затем «съездить». Такая стая «однокорытников» всегда скорее подчиняется нагонке и обещает много хорошего в будущем.

435. Кроме того, для формирования целой стаи из щенков-«однокорытников» необходимо знать хорошо породу и досуг собак, от которых желательно сформировать стаю. Поэтому от собак неизвестной породы, как бы они ни были хороши собой, оставлять гончих щенят для целой стаи никогда не следует и всегда рискованно.

436. Выжловки в стае должны считаться как бы заводными, запасными, т.к. при большом количестве выжловков в стае всегда можно рисковать, вследствие их осенней пустовки не иметь полной стаи гончих на самое нужное время производства охоты. А потому чем меньше выжловков в стае, тем лучше и всегда вернее для производства осенней и в особенности по волкам охоты, для которой менее восемнадцати собак «в напуску» никогда быть не должно.

ГЛАВА 40

О ЕЗДЕ ВЫЖЛЯТНИКОВ

437. Главное основание для правильной гоньбы гончих собак — это правильная и во всех случаях постоянно однообразное применение правил езды выжлятниками, правил порсканья, травли, остановки и вызова гончих собак. Ввиду чего, начиная с воспитания гончих щенят приездка, нагонка и езда с гончими собаками всегда должны производиться выжлятниками однообразно для того, чтобы гончие привыкли не только к интонациям голоса выжлятника, но привыкли бы понимать каждое слово их возгласа, каждый вид или род порсканья, означающий известное приказание гончим собакам. А поэтому как доезжачий, так и подгонщики или стаешники должны твердо знать как все виды порсканья и возгласов, так и все правила езды с гончими собаками.

438. Если выжлятники не будут уметь применять однообразно своих требований или приказаний гончим собакам, то несомненно, что гончие собаки никогда не будут понимать выжлятника, а через то получится совсем не то, что требовалось от собак гончих, а следовательно никогда нельзя будет ожидать от них правильной гоньбы.

439. Гончие собаки гоняют по зверю и ищут в силу прирожденного им к тому призвания. Поэтому собак без природного призвания гонять по зверю никаким искусством выжлятника заставить нельзя. Вследствие этого казалось бы, что для гончих собак с природным их призыванием гонять по зверю, не нужно бы было ни доезжачих, ни стаешников или подгонщиков, т.к. если пустил гончих в лес, они и будут гонять по зверю в силу их призвания. Но на самом деле это выходит совсем не так: брошенные таким образом гончие в лес, непременно займутся каждая из них своим собственным делом и будут каждая искать то, что попадется им на глаза, а именно: одна будет искать себе

зайца, другая, любительница мышей — займется разыскиванием их, а третья будет гонять по тетеревам и воронам и т.д. А поэтому производить псовую охоту с такими гончими положительно нельзя, ввиду чего необходимо: природные качества гончих собак развивать в них умелой приездкой и нагонкой так, чтобы охота с ними была возможной и кроме того всегда доставляла одно удовольствие, а не досаду и неприятности. Развить же прирожденные качества гончих собак и направить их на пользу и удовольствие человека может только понимающий дело псовой охоты страстный охотник в душе, умеющий толково воспользоваться качествами гончих собак, какими всегда и бывали (в прежнее старое время) мастера доезжачие и подгонщики.

440. Во время езды с гончими собаками все искусство езды доезжачего заключается в том, чтобы он умел хорошо проходить с гончими назначенным «к приходке» местом. Для этого доезжачий обязан, сделав правильно напуск гончих в остров (как об этом сказано в главе о приездке гончих собак), идти с гончими серединой или самым крепким местом острова, наблюдая при этом в особенности за тем, чтобы собаки непременно захватывали самые крепкие места острова (в которых можно предполагать найти всегда зверя), а не шалались вереницей по острову, оббегая крепкие места дорожками и полянками. Эта привычка шалаться по острову одна за другой приобретает у гончих бестолковым верчением или искрещиванием (как в наездку на хлопки (см. ч. III) острова доезжачим. А поэтому доезжачий обязан проходить остров с гончими как надо, т.е. *не вертаться* по нем и *не мешкая*, но и не оставляя подозрительных в нем мест; для этого доезжачий никогда не должен делать по острову крутых поворотов, а, смотря по быстроте полаза гончих, обязан направлять их легкими или пологими, едва заметными поворотами и толковым порсканьем, т.е. тихим или громким, смотря по характеру гончих собак, так, например: если собаки энергичны или еще не втянулись в работу и с напуска горячо несутся по острову, то доезжачий, сделав напуск, совсем не должен порскать гончим к поиску до тех пор, пока гончие не успокоятся, а, засвистев только к полазу гончим, остановиться и, подзвав их в рог, т.е. возвратив к себе, вновь начать (с этого же места) проходку острова *тихо* попарскивая гончим (некоторое время) и делая легкие повороты по острову для полного успокоения собак во время полаза, после чего он может начать уже сообразно порсканье гончим во весь голос. Кроме того, доезжачий обязан проходку острова делать всегда шагом и идти с гончими всегда напротив ветра, за редким исключением и то только в местах уймистых, в которых ветер всегда почти бывает внизу (т.е. по земле) незаметен. Независимо от всего сказанного, доезжачий, пройдя остров, обязательно должен выйти с гончими на «ветер» и непременно выйти в том месте, где указано ему ловчим или владельцем охоты. В этом умении проходить место и заключается одна из самых важных задач и обязанностей доезжачего.

441. Подгонщики или стаешники с напуска гончих в остров, смотря по величине острова и по мере необходимости, разъезжаются (верхами) от доезжачего или в одну сторону, или обеими сторонами доезжачего, и по направлению его в остров заравниваются с доезжачим также по острову шагом и молча, изредка похлопывая арапниками, *но не прежде того, как услышат арапник доезжачего*, наблюдая при этом за гончими, чтобы они лезли по направлению доезжачего рассыпным, развернутым фронтом, и не вываливались бы в поля и на опушки; для этого подгонщики должны избирать себе путь по острову всегда более удобный, т.е. дорожки полями, просеки и т.п., но никак не опушку острова со стороны, где стоят борзятники, т.к. с тех сторон острова, где стоят с борзыми, езда по опушке выжлятниками строго воспрещается ввиду того, что они могут оттопывать зверя от нажидающего его на лазу борзятника, и только *в крайнем случае* подгонщики могут выскакивать из опушки острова *во время полаза* гончих, *но не во время гоньбы их*, например, за вывалившейся в поля из острова собакой и т.п. и сейчас, возвратив гончую в остров, они обязаны моментально скрыться в опушке леса.

442. Когда же гончие начнут причуивать следы зверя, вертясь как бы на одном месте, то доезжачий может подзадорить их «подзадоривающим» порсканьем, но только тогда, когда гончие причуивают не горячо, а как бы лениво, в противном случае, если гончие горячатся, так что даже на этом месте причуивания начнут «похныкивать», т.е. «скучать», как бы повизгивать, то понятно горячить их «подзадоривающим» порсканьем в таком случае положительно не следует, а наоборот, покрикивающую в голос, как в жирах, необходимо даже остановить возгласом по кличке: «Врешь, Набат, врешь!» и т.п.

443. Когда же станет какая-либо гончая отзываться («в добор»*) по красному зверю (т.к. по зайцу в добор гончие собаки никогда не отзываются), то доезжачий обязан сейчас переменить «голосовое порсканье к поиску на порсканье к поиску на свисток». В это время все выжлятники перестают хлопать арапниками по острову до тех пор, пока гончая не помкнет по зверю, т.е. пока не поведет по нему.

444. Когда же помкнет по зверю какая-либо из гончих собак, то доезжачий обязан сейчас же выехать из крепкого места или, смотря по необходимости, на рысях или в галоп подвалить стаю гончих к погнавшей по зверю гончей подваливающими возгласами и (если нужно) «травящим порсканьем». Подгонщики же в это время также на рысях или в галоп (смотря по необходимости), но отнюдь не забирая переда у доезжачего (за исключением оставленного беречь поле для направления зверя со стороны, где нет борзятников), подравниваются к стае и также, наехав на неподваливающуюся на гоньбу гончую собаку, подваливают ее «подваливающими возгласами» и тихим (вполголоса так, чтобы слышала только одна собака) травящим порсканьем к стае гонящих гончих собак.

445. Когда же вся стая гончих «свалится» и будет водить зверя, то доезжачий обязан сейчас же смолкнуть, и даже если стая держит зверя на кругах, остановиться или ехать шагом (смотря по надобности) и только изредка извещать гончих о своем присутствии и тем ободряя их своим громким «водным» возгласом и «водным» порсканьем, старается не мешать гоньбе гончих бесполезной скачкой на лошади и положительно ненужным частым порсканьем. Если гончие бегут «прямика», т.е. прямо на вынос по острову, то доезжачий и подгонщики, *обязанные никогда не отставать от стаи*, должны преследовать гончих подходящим аллюром и сокращенным путем по острову, стараясь *всегда и во всяком положении* сберечь лошадей и не сбивать гончих с гоньбы по зверю неуместной скачкой и ненужным криком, помня, что только *изредка* один доезжачий во время гоньбы может употреблять «водные» возгласы и порсканье для извещения гончих о своем присутствии, что во всяком положении необходимо для того, чтобы ободрить гончих собак. Подгонщики же во время гоньбы гончих собак забирают противоположную сторону под занятых борзятниками лазов и направляют зверя толковым хлопаньем арапника бежать туда, куда надо; и только в единственном случае, когда гончие подведут *очень близко* зверя к кому-либо из подгонщиков, допускается тому подгонщику ободрить гончих «водным возгласом».

446. Когда же кто-либо из выжлятников перевидит водимого гончими зверя, то обязан сейчас же, если зверь этот красный, подать роговой сигнал по волку или по лисе. По зайцу голоса не подают, но иногда, в особенности на первом зайце допускается одному только доезжачему и то только для «шика», когда гончие будут выпирать уже зайца в поле, перед самой опушкой, крикнуть борзятникам громко и чисто: «Береги поле!!!», и вслед за этим сам доезжачий и подгонщики должны выскать за стаей гончих в поле (на хвосте стаи), и подгонщики моментально заскакав гончих, остановить стаю молодецким возгласом: «Стой, гончие, стой!» и когда стая остановится, отгोकать им так: «Ого-го-го-го! Дошел, дошел, стой! Гончие, стой, ого-го-го!» и, поворотив стаю гончих собак, окрикнуть им:

*) Означает, когда собака, добираясь по следу до красного зверя, изредка отдает голос.

«Пошел, вались к нему! Пошел, вались!» Доезжачий же в это время (если не сам завернул стаю, остановившись неподалеку от опушки острова, подзывает гончих или словами: «Сюда, сюда, гончие, сюда!»), или роговым позывом, смотря по расстоянию от гончих и по необходимости в том, помня всегда, *что зря музыканить в рог никогда не следует*. Подвалившихся же гончих собак доезжачий (сойдя с лошади) ласкает, дает им прикормку и каждую прибывающую, называя по кличке, отгокивает: «Ого-го-го, Водилушка или Громилушка, сюда, сюда, стой! Дошел, дошел, ого-го-го!» и т.п. Таким порядком выжлятники после каждого зверя останавливают и собирают гончих собак «в кучку».

447. Когда же гончие во время гоньбы сколются со следа, то доезжачий должен сейчас же, остановившись на том месте, где скололись гончие, подзадорить собак «подзадоривающим» порсканьем.

448. Когда же кто-либо из выжлятников (а в некоторых случаях и из борзятников, если охота производится в местах уймистых и в мелочах) увидит пролезшего зверя, по которому водили и скололись гончие, обязан (подав роговой сигнал, если зверь красный, и если по нем не было подано прежде голоса) сейчас же на том самом месте, где пролез зверь, начать называть гончих, впредь до прибытия доезжачего порсканьем «на горячий след». По прибытии же доезжачего, каждый из охотников, называющих «на горячий след», должен смолкнуть и обязанность навести на горячий след зверя принимает на себя уже только один доезжачий. При охоте *по волкам* на горячий след не называют, а ограничиваются подачей роговых сигналов.

449. Когда же бывает нужно «пропустить гончих полями», для того чтобы они «справили» зверя, слезшего с острова или «обратили» его, или «дошли» его, то в то время, когда гончие ведут зверя полями «на глазок» (т.е. ведя зверя перед собой), или когда в острову «несут его на чутье», доезжачий, смотря по мере необходимости и расстоянию гончих под зверем, должен употреблять или «*травящее*» порсканье, или «*водное*» порсканье и возгласы (см. следующую главу о порскании доезжачего).

450. Когда же представится надобность «сбить» гончих с гоньбы по острову, то доезжачий выводит на ветер из острова и начинает звать в рог, а подгонщики в это время, заскакав в острову гончих, т.е. забрав переда у гоняющих гончих, останавливают их, поступая как сказано в ст. 446 и, поворотив гончих хлопаньем арапника, окрикивают их словами: «Пошел, вались к рогу, пошел, вались!», продолжая хлопать, окрикивать гончих до тех пор, пока доезжачий не подаст роговой сигнал, что «гончие все».

Примечание. Несмотря на то, что езда с борзыми и гончими собаками занимает собой всю третью часть моего «Руководства ко псовой охоте», я счел необходимым изложить в этой II части самые элементарные правила о езде выжлятников ввиду того, что гончие собаки, подпадая со щенячьего возраста дрессировке доезжачих, не будут в состоянии усвоить себе учение от лиц, не знающих даже элементарных правил езды с гончими собаками. А без знания езды с гончими нельзя ни воспитать гончих щенят, ни производить приездки и нагонки их.

ГЛАВА 41 О ПОРСКАНИИ ДОЕЗЖАЧИХ

Оговорка.

Трудно передать на бумаге все виды доезжаческого порсканья и возгласа! Но тем не менее, убедившись, что в настоящее время нередко исполняют обязанности доезжачего люди, не имеющие положительно никакого понятия о значении и разнице каждого вида доезжаческого порсканья, я решился, по мере сил моих и умения изложить в возможно наглядном виде употреблявшиеся старинными «мастерами-доезжачими» порсканье гончим собакам, с подразделением его на виды (номера) и с объяснением применения каждого из этих видов порсканья к данным случаям. В виду же того, что каждый вид порсканья доезжачего и каждый его возглас имеют особенно свой голос (мотив), который должен выражать известное приказание гончим собакам и который поэтому всегда должен исполняться доезжачим одинаково для того, чтобы собаки могли привыкнуть и понимать каждый вид порсканья и каждый возглас своего хозяина (доезжачего), необходимо было бы положить все *порсканье* доезжачего на ноты, но для этого надо иметь талант гениального композитора, могущего переложить на ноты песни соловья, звуки морских волн, гром железных дорог и т.п. А т.к. я *только псовый охотник* и, к несчастью, не музыкант, то поэтому и не могу выразить *точно на нотах* доезжаческого порсканья, имея самое смутное понятие о музыке. А вследствие того, желая передать наглядным образом *как и когда* должен порскать доезжачий гончим собакам, я, хотя и избрал способ передачи порсканья *нотным делением*, но тем не менее, находя вполне это недостаточным в виду того, что невозможно не композитору *точно переложить на ноты* какие бы то ни было мотивы, я прошу уважаемых гг. псовых охотников отнестись к моему изложению «доезжаческого порсканья» снисходительно и видеть в этом только мое желание *указать путь к различию и значению видов доезжаческого порсканья*, с объяснением применения этих видов порсканья в известных случаях. Поэтому обращать внимание на самые *нотные звуки* в моем изложении не следует, т.к. я, как ни старался переложить мотивы порсканья на ноты, положительно не мог исполнить того, и поэтому взял *для наглядности только* произвольные нотные «do» «sol» и на них построил план приблизительной передачи видов порсканья, а *какой есть голос у доезжачего, таким он и должен порскать* гончих, подражая *только делению нот и словам*, употребляемым во время порсканья отдельно в каждом его виде или номере. При чем считаю нужным прибавить, что каждый охотничий возглас, означающий зов собак вообще, и в большинстве случаев выжлятническое порсканье гончим, за исключением окликов на собак и травли, должны оканчиваться всегда «подголоском», т.е. как бы нотой, взятой октавой выше.

451. Порсканье доезжачих бывает двух родов, из которых один род порсканья употребляется доезжачим при езде по зайцу и лисице, а другой — при езде по волкам.

452. Независимо от подразделения порсканья на роды, оно подразделяется еще в каждом роде на отдельные виды или номера. И поэтому *каждый* доезжачий обязан *твердо знать все виды порсканья* для того, чтобы уметь всегда однообразно применять их в данных случаях и тем помогать гончим, подзадоривать, наводить и ободрять их, а не

Порсканье к поиску продолжается или (вернее) повторяется через небольшие промежутки молчания (для отдыха доезжачего от одной до двух минут, не более) во все время езды с гончими по острову, впредь до натечки гончими зверя; до отдачи голоса в добор по красному; до причувивания какой-либо гончей зверя как бы на одном месте; до вранья гончих, когда доезжачий окрикивает их словами по кличкам: «Врешь (такая-то), врешь!», а иногда и наказывают непослушную, после чего, опять продолжая порскать к поиску, и до тех, пока перевидит кто-либо из охотников зверя в острову, после чего доезжачий сообразно действию собак и обстоятельства, изменяет порсканье к поиску сейчас же на порсканье, подходящее к представившемуся обстоятельству или случаю. Поэтому порсканью гончие ищут и лезут островом по направлению доезжачего, для чего доезжачий обязан непременно следить за гончими во все время полаза, чтобы они всегда находились в районе захватываемого им места и всегда были как бы впереди его. Для этого доезжачий должен или подзывать пронесшихся собак и отставших, или подравниваться к ним, или поджидать их, во всяком случае соображаясь с местностью, надеждой за зверем: можно ли ожидать тут зверя, стоит ли задерживаться в этом месте, и характером гончих собак. В противном случае доезжачий может остаться всегда в самом глупом положении: гончие будут неизвестно где, а он будет ехать островом один, порская дурак дураком неизвестно кому и для чего!?

№ 3-й
ПОДВАЛИВАЮЩЕЕ ПОРСКАНЬЕ
*(Начинается самым громким возгласом
и продолжается оживленно и азартно, но не особенно
(за исключением троевязных нот) учащенно).*

Подваливающее порсканье употребляется тогда, когда нужно подвалить стаю к погнавшей или помкнувшей по зверю гончей. При этом иногда, в случае если плохо валиться стая, присоединяют к «подваливающему» порсканью еще порсканье «травящее», применяя его целиком или частями, смотря по необходимости и по степени послушания гончих собак.

№ 4-й
ВОДНОЕ ПОРСКАНЬЕ

(Водное порсканье в сущности должно представлять собой скорее возгласы, употребляемые во время гоньбы гончих доезжачим для ободрения собак.

Порсканье это начинается сильным возгласом и оканчивается звонким подголоском. Порскать следует как бы торжественно, громко, спокойно).

Водное порсканье употребляется доезжачим во время гоньбы, когда гончие *стайно* ведут зверя и употребляется во все время гоньбы, но через достаточно продолжительные промежутки времени доезжаческого молчания, приблизительно минуты через три или пять.

№ 5-й
ПОРСКАНЬЕ НА ГОРЯЧИЙ СЛЕД
(Порскать громко, учащенно и азартно).

Порсканье на горячий след употребляется тогда, когда кто-либо из охотников перевидит в острову пролезшего зверя, и когда на след этого зверя представится надобность навести гончих. Называть гончих на горячий след доезжачий должен этим порсканьем, непременно стоя на том месте, где пролез зверь. Когда же гончие помкнут по следу, то доезжачий, подвалив к погнавшей (номером 3-м) стаю, смолкает и приступает, как сказано во время гоньбы гончих собак № 4-й.

Водное порсканье употребляется доезжачим во время гоньбы гончих по волкам и повторяется чаще водного порсканья по зайцу, хотя также с перерывами.

№ 4-й

ТРАВЯЩЕЕ ПОРСКАНЬЕ ПО ВОЛКАМ

(Порскать громко, азартно и часто, с небольшими перерывами только для отдыха доезжачего).

The musical notation consists of two staves. The top staff features a series of rhythmic patterns with notes and rests, accompanied by vocalizations: 'у-лю-лю-лю - у-лю-лю-лю - у-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю у-лю-лю! - у-лю-лю! - у-лю-лю-лю!'. The bottom staff continues the rhythmic patterns with similar vocalizations: 'у-лю-лю-лю у-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю - ий.'.

Травящее порсканье по волкам употребляется доезжачим тогда, когда гончие полями ведут волка «на глазок», и когда в острову они ведут его «в поляне».

№ 5-й

ПОРСКАНЬЕ НА ПЕРЕВИДЕННОГО ВОЛКА

Порсканье это как бы заменяет «порсканье на горячий след», но т.к. при специальной езде по одним только волкам, по волку на горячий след не называют, то поэтому порсканье на перевиденного волка делится на две части, а именно: первая часть, когда доезжачий сплет с гончими к подавшему роговой сигнал по волку охотнику, и вторая часть, когда доезжачий наводит гончих на след перевиденного волка.

И так:

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ПОРСКАНЬЯ НА ПЕРЕВИДЕННОГО ВОЛКА

(Порскать голосом тихо, т.е. не очень громко, но азартно).

The musical notation consists of two staves. The top staff shows a rhythmic pattern with notes and rests, accompanied by vocalizations: 'Сю-да!-Сю-да!- Гончи-а - Сю-да! у-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю Сю-да!'. The bottom staff continues the rhythmic pattern with similar vocalizations: 'у-лю-лю-лю! у-лю-лю-лю! Сю-да! - Сю-да! у-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю!'.

Это порсканье употребляется доезжачим в то время, когда он сплет с гончими рысью или в галоп на сигнал, поданным по волку. Подгонщики в это время подгоняют отставших

ГЛАВА 42

О СОДЕРЖАНИИ БОРЗЫХ И ГОНЧИХ СОБАК НА ПСАРНОМ ДВОРЕ

455. Содержание борзых и гончих собак на псарном дворе должно быть совершенно одинаково, с той только разницей, что насколько для борзых полезна безусловная свобода, настолько для гончих она вредна и непозволительна (см. примечание 2 к ст. 5, ч. 1). Но тем не менее как гончие, так и борзые, находящиеся на псарном дворе, требуют *обязательно моциона*. Ввиду чего проводки необходимы для собак, по крайней мере, через два дня на третий (если уже не через день) как для борзых, так и для гончих. Ежедневные же прогулки собак на травяных выпусках, находящихся при псарных дворах, хотя и нельзя сказать чтобы были совсем бесполезны, т.к. собаки во время этих прогулок днем едят растущую на выпусках траву и тем предупреждают некоторые болезни, но тем не менее для борзых особенно собак они недостаточны, т.к. для борзых самое полезное — это содержать их на безусловной свободе под присмотром дежурных борзятников, запирая собак на псарном дворе только на время ночи, но, к сожалению, такое содержание борзых собак при комплектных, самостоятельных псовых охотах и вообще при большом собаководстве не всегда возможно, поэтому поневоле приходится ограничиваться помещением большого количества борзых собак на псарном дворе, а меньшее оставлять на свободе, вследствие того охотникам необходимо изощряться в деле изобретения способов выпускать с псарного двора борзых собак, под присмотром дежурных борзятников днем на свободу, хотя по частям псарни борзых, соблюдая очередь, т.к. постоянно заключенные в стенах псарного двора борзые собаки положительно утрачивают полевой свой досуг, а именно: резвость, независимо от ежедневных их прогулок по травяным выпускам и от частых проводок.

456. Содержание собак на псарном дворе заключается преимущественно в том:

- 1) чтобы собаки на псарном дворе постоянно находились в чистоте и опрятности;
- 2) чтобы всегда были сыты;
- 3) чтобы ежедневно в начале июня все псарные собаки без исключения подмазывались легкой дегтярной подмазкой;
- 4) чтобы во время перелиньки собак, а также во время производства осенней охоты, до возвращения из отъезжего поля домой никогда собак не мыли, помня, что мыть борзых собак следует только по окончании их перелиньки, дабы не замочить старой псовины и через то не испортить псовины у собак на целый год;
- 5) чтобы всегда собаки имели моцион;
- 6) чтобы всегда были вычищены и вычесаны;
- 7) чтобы никогда не сообщались зрящими или бродячими дворными и т.п. собаками;
- 8) если кто из псовых охотников пожелает, чтобы не было «чумы» в его псовой охоте, и поверит моему опыту, то чтобы *никогда* взрослых собак не кормить *ни вареным, ни сырым мясом* и никакими (специально приготовленными для собак) бисквитами, за исключением свежего мяса, зайца и остатков в виде кусочка отваренного мяса, употребляемого в пищу людьми. О чем будет сказано в особой главе «О корме взрослых собак по моему способу».

457. Чтобы собаки на псарном дворе всегда находились в чистоте и опрятности, необходимо ежедневно по утрам пол в хлевах и весь псарный двор вычищать, выметать метлой и после того посыпать свежим песком; ржаную солому, т.е. подстилку на нарах в хлевах, утром и вечером ежедневно, во время кормежек собак, вычищать и перебивать вилами; и во все четыре времени года переменять солому на свежую по два раза в неделю, каждый раз при перемене подстилки подстилать нары далматским порошком от блох.

458. Чтобы всегда собаки были сыты, необходимо кормить собак хорошо и по два раза в день; утром и вечером. При этом на псарном дворе в каждом отделении, т.е. у гончих и у борзых, должна постоянно находиться чистая холодная колодезная вода, для чего в теплое время воду следует переменять раза по три в день. Не ставится вода собакам на псарном дворе только в зимнее морозное время.

459. Подмазывать ежегодно в начале июня всех без исключения собак, находящихся на псарном дворе необходимо ввиду того, что как бы хорошо ни содержались собаки на псарном дворе, в жаркое летнее время, их всегда будут одолевать разные микроскопические насекомые, не говоря уже о мухах и блохах, которых обязательно приобретает каждая собака, валяясь постоянно безобразно по земле. (Заметьте странную привычку вообще у собак валяться или кататься на спине по земле на самом скверном месте. Например, Вы идете или едете с собакой без своры, она бегаёт, обнюхивает встречающиеся на пути в поле предметы и вот вдруг случайно находит какие-нибудь остатки от высохшего, уже дохлого, зверька или какого-либо другого животного, вроде оставшейся шкурки или костей, внутренностей и т.п. и что же? Ваша собака непременно, за очень редким исключением, обнюхает все это и ляжет, и на спине повалится на месте этой гадости. А место такое нередко бывает полно всевозможными микроскопическими насекомыми! Без подмазки же псарные собаки легко могут зачесаться и получить забойку, парши, лишай и т.п. болезни, происходящие от различных чесоточных клещей и т.п. микроскопических насекомых. Кроме того, своевременная подмазка способствует своевременному линянию собак, не пропуская (как вещь маслянистая) сырости к корням псовины и, вопреки противоположному мнению некоторых гг. псовых охотников, *своевременная подмазка никогда* не может портить псовины у собак, а наоборот, избавляя собак от мытья во время их линяния, тем самым сохраняет ежегодно им настоящую их псовину. *Легкая подмазка* для здоровых, не зачесавшихся собак, должна состоять из одной части конопляного масла, двух частей чистого дегтя и двух частей неснятого молока. Всю эту смесь слить в один чугунок и разогреть до закипания, но кипеть не давать. Затем снять чугунок с огня, и когда остынет подмазка до такой степени, чтобы могла терпеть руки человека, вымазать хорошенько, втирая во все части тела собаки, всех до единой борзых и гончих, находящихся на псарном дворе. На это время перемазывания собак все хлевы, не исключая пола и под нарами, должны быть покрыты толстым слоем ржаной соломы, на которую и следует впускать каждую вымазанную собаку по своим местам, где и запирают их на целые сутки, выпуская только один раз в сутки к вечернему корму. На вторые и третьи сутки после подмазки собак их также следует держать взаперти по хлевам и выпускать уже по два раза в день к утренней и вечерней кормежкам, после чего опять сейчас же загонять по хлевам, не позволяя им валяться по голой земле, и только на четвертые сутки можно будет собак выпустить на псарный двор из хлевов среди дня и только в том случае, если не будет дождя и особенно сильного холода. На пятые же сутки собаки могут быть выпущены на травяной выпуск (только не во время росы) и вообще уже получают обыкновенное псарное содержание. Причем до окончания перелиньки чесать и мыть подмазанных собак не следует. Мазать собак следует всегда натошак, т.е. не кормленных и притом всегда в жаркий день.

460. Мыть собак взрослых не следует только во время их линьки и во время отъезжих полей. В первом случае — дабы не замочить псовины у собак от чего собаки могут не вылинять до следующего года, а во втором — дабы не распространить собак. Остальное время года борзых собак мыть необходимо ежемесячно, особенно собак псовистых, т.е. не голошерстных, т.к. голошерстных собак всегда возможно (даже и должно) ежедневно вычищать соломой и щеткой дочи́ста как следует, а псовистых собак без ущерба их псовине — чисто вычистить ни соломой, ни щеткой нельзя. Чесание же гребнем собаки только дает ей более приличный вид, но не облегчает ее. Поэтому ежемесячно мыть собак, и в особенности псовистых, необходимо. Мыть собак следует всегда в бане или жарко натопленной русской избе, для того чтобы во время мытья собаки она не ощущала холода и не дрожала. Мыть собаку всегда должны двое охотников, из которых один держит собаку на ошейнике, а другой ее моет. На время мытья ошейник на собаку одевается полотняный, т.е. сделанный из белого толстого плотного полотна, для того чтобы он не мог пачкать шеи у вымытой собаки, в особенности если собака белого или светлого окраса, т.к. обыкновенные временные ошейники всегда пачкают мокрую или еще сырую, необсохшую собаку. Мыть собак следует таким образом: приведя в баню и надев на собаку полотняный ошейник, один охотник держит ее на веревочной своре, а другой охотник подносит в шайке приготовленную (так, чтобы свободно терпела рука) теплую воду и осторожно обеими руками начинают смачивать водою всю собаку. Когда же псовина на собаке вся будет смочена, тогда охотник берет в руку кусок простого мыла и начинает этим мылом намыливать собаку, смачивая другой рукой места обсохшей псовины. Намыливши таким порядком собаку, он осторожно должен ногтями обеих рук все части собаки как бы чесать взад и вперед, стараясь отделить плоть от кожи собаки и, взмыливши таким образом всю собаку, он должен вновь приготовить теплой воды, но уже градусом попрохладней, и смыть с собаки все мыло, обдавая ее с головы до правила постепенно из шайки. В то время, когда охотник будет обдавать собаку из шайки водой, другой охотник, держащий собаку, обязан руками зажать уши собаки, чтобы в них не попала вода. После этого собаку следует еще намылить другой раз мылом и также ногтями хорошенько промыть ее, затем хорошо смыть с собаки мыло и, обдав также два теплой водой, спустить с псовины воду, оглаживая руками каждую часть тела собаки вниз по направлению псовины и в особенности между тетивами и костями у коленок и лапы, вытереть собаку тщательно досуха чистой полотняной простыней. После чего с собаки снимается мокрый ошейник, который идет на следующую предназначенную к мытью собаку, а на вымытую одевается такой же полотняный, но только сухой ошейник и на нем выводят эту собаку в теплый предбанник или в теплую избу на постланную чистую и сухую солому, которая должна быть постлана толстым слоем по всему полу избы или предбанника, где и оставляются без ошейника все перемытые собаки до тех пор, пока они совершенно обсохнут. Когда же вымытые собаки *совершенно* высохнут, тогда выпускают их из теплой избы прямо к корму и за тем уже по своим местам. Мыть собак всегда следует натошак, т.е. некормленных. Щенят моют точно так же, как и взрослых собак, с той только разницей, что вымытых щенят носят из бани на руках, завернутых в простынях в теплое помещение и там укладывают их на подстилку и покрывают тщательно чем-нибудь теплым, вроде ватного или байкового одеяла, вследствие чего щенки сейчас же заснут и будут спать как убитые, обсыхая совершенно спокойно, но при щенках в это время должен находиться человек, который мог бы прикрыть и уложить раскрывшегося щенка. Маленьких щенят всегда моют в стирочных корытах.

461. Чтобы псарные собаки всегда имели моцион, для этого необходимо как борзых, так и гончих собак водить в проводки, если не через день, то обязательно через два дня на третий. Но несмотря на это, для борзых собак одних проводок недостаточно и потому каждый владелец псовой охоты должен уже сам распорядиться, соображаясь с количеством своей псарни борзых таким образом, чтобы борзые его непременно

выпускались на свободу с псарного двора под присмотром дежурных борзятников чем чаще, тем лучше в разные стороны или в одну сторону попеременно, по частям псарни.

462. Чтобы собаки всегда были вычищены и вычесаны, для этого необходимо ежедневно по утрам, после утренней кормежки, голошерстных собак вначале вытереть хорошенько (по шерсти взад и вперед) свернутым из ржаной соломы жгутом, потом также вычистить собаку чистой конской щеткой, затем вычесать по направлению псовины частым тупейным гребнем и после того пригладить псовину суконкой. Псовистых собак только вычесать редким тупейным гребем, тщательно и осторожно расчесав свалывшуюся псовину, и также по направлению псовины выгладить собаку суконкой. Кроме того, после каждой кормежки собак, т.е. утром и вечером, следует у всех выпачкавшихся собак обтирать щипцы и головы сухими полотняными чистыми полотенцами.

463. Чтобы борзые и гончие собаки никогда не сообщались с зрящими или бродячими дворными и т.п. собаками, необходимо в видах предупреждения случаев заражения охотничьих собак различными болезнями и достигается это всегда легко: крайней осторожностью охотников, предупредительностью и находчивостью их в данных случаях, строжайшим надзором дежурных борзятников за выпущенными на свободу борзыми и беспощадным уничтожением из ружья всякой *зрящей*, *бешеной* собаки, забежавшей в усадьбу псарного двора. Что же касается того, чтобы предупреждать чуму у собак предлагаемым мной содержанием и кормом собак по моему способу, я рекомендую в 44 главе «Руководства» желающим испытать то, что достигнуто мной опытом в продолжение двух десятилетий, но быть может, достигнуто это в силу особенно счастливой случайности (хотя трудно допустить счастливую случайность в продолжение двадцати лет опыта), а потому независимо от изложения «о корме взрослых собак по моему способу», я считаю необходимым изложить в 43 главе способ кормления взрослых собак, практикованный старинными и вообще всеми псовыми охотниками.

ГЛАВА 43 О КОРМЕ ВЗРОСЛЫХ СОБАК ПО СПОСОБУ СТАРИННЫХ ПСОВЫХ ОХОТНИКОВ

464. Кормить взрослых собак, помещающихся на псарном дворе, следует всегда (за исключением дней производства охоты) по два раза в день, утром и вечером, в одном общем большом корыте, сделанном (согласно образцу маленького корытца для щенят, см. ст. 360, ч. II) по количеству имеющихся взрослых собак в псовой охоте.

465. Борзых собак кормить всегда следует порознь с гончими и, как собак сравнительно более скабежливых на корм, кормить необходимо их всегда прежде, т.е. вперед, гончих собак.

466. Корм для собак как борзых, так и гончих, должен быть всегда одинаковый.

467. Приготавливается корм для взрослых борзых и гончих собак следующим образом: сначала дневальные охотники кладут известное количество лошадиного, или какого прикажет владелец охоты, мяса в железный или медный котел (в последнем случае котел обязательно должен быть вылуженным), полагая приблизительно по фунту мяса на собаку и затем, налив в этот котел чистой колодезной воды, должны начать варить мясо. Когда же мясо уварится и навар от него в котле будет кипеть белым ключом, тогда только

следует приступить к запарке овсянки, о чем и извещает дневальный словами: «котел готов» (очередного) заездного или доезжачего (см. 42 и 46 ст., ч. I).

468. По извещении, что котел готов, очередной заездной или доезжачий идет в «зал» или «сени» для кормления собак (см. примечание 3 к ст. 7, ч. I), осматривает котел и, если действительно навар будет кипеть белым ключом, тогда только приступает к запарке овсянки, в противном случае приказывает дневальному прибавить дров под котел и дожидается, пока навар закипит белым ключом.

469. Как только навар закипает белым ключом, очередной заездной или доезжачий приступает к запарке овсянки, предварительно всыпав известное количество овсянки (полагая по два фунта на каждую собаку обыкновенного роста, на собак же очень крупных — по два фунта с половиной) по количеству всех борзых и гончих собак вместе, в общее большое собачье корыто и, взяв «весло», т.е. мешалку в руки, приказывает дневальному носить ему ведром или шайкой навар, который дневальный вначале должен вылить в конец корыта на разровненную по всему корыту овсянку. Это количество смоченной наваром овсянки очередной заездной или доезжачий начинает осторожно, не брызгая из корыта, размешивать веслом; второе ведро выливается подле первого, третье — подле второго, четвертое — подле третьего и т.д., пока не смочится и не вымешается вся овсянка в корыте. После чего «очередной» должен хорошо вымешать всю запаренную таким образом овсянку, постепенно вымешивая веслом вдоль корыта, махая взад и вперед веслом по дну его и сначала перебивая овсянку в одну сторону корыта, а потом — в другую, наблюдая, чтобы овсянка была при этом не очень жидка и не очень густа (в последнем случае он требует еще кипятку, навара) и, когда запаренная таким образом овсянка будет вымешана веслом так хорошо, что не останется в ней ни одной «бобошки», т.е. комочков, тогда вынимается весло из корыта, очищается мокрой рукой (намоченной в холодной воде) аккуратно от налипших остатков, ставится на свое место, а корыто покрывается плотно крышкой из досок на полчаса времени для того, чтобы овсянка в корыте поупрела хорошенько. Через полчаса же времени «очередной» приказывает дневальному снять с корыта крышку и отнимать на вечернюю кормежку запаренную овсянку в запасные для отъезжих полей складные корыта или в особо для того сделанное корыто с крышкой, где и запирается отнятая до вечерней кормежки запаренная овсянка. Отнимается запаренная овсянка из корыта смоченным в холодной воде (чтобы овсянка отлипала) большим железным, с ручкой, черпаком или ковшом.

470. В это время, пока прела запаренная овсянка в корыте, котел обязательно должен быть долит чистой, холодной колодезной водой из ушатов, а вынутое из котла вареное мясо перед запаркой овсянки железным крючком о двух рожках, опущенное в холодную воду для охлаждения, должно быть обрезано с костей в половинном количестве для утренней кормежки и на чистой доске изрублено мелко охотничьим ножом, и ссыпано в шайки, а кости и оставшееся мясо опять положено до вечерней кормежки в котел.

471. Когда же запаренная овсянка будет отнята для вечерней кормежки, а мясо нарублено, тогда «очередной» берет опять весло в руки, разравнивает по всему корыту оставшуюся половину запаренной овсянки, приказывает рассыпать ровно по всему корыту приготовленное мясо и затем, по всему же корыту, лить ведром холодную чистую колодезную воду, размешивая веслом хорошо овсянку после каждого вылитого ведра воды. Когда овсянка разбавится холодной водой настолько, что может терпеть в ней рука человека, тогда «очередной» засучивает рукава выше локтя и лезет руками в овсянку сам, не доверяя никому, и руками начинает размешивать овсянку, проходя несколько раз по корыту от одного конца к другому, разминая тщательно каждую «бобошку» овсянки и приказывая в это время подливать в то место корыта холодную воду, где он находит, что

температура горячее и, когда таким вот порядком он доведет корм до температуры парного молока и до надлежащей густоты, т.е. до густоты не очень жидкого кулеша, тогда он требует от дневального себе на руки холодной воды, обмывает от овсянки над кормом руки, затем вытирает их поданным ему полотенцем, берет опять весло и, вновь промешав осторожно корм, приказывает дневальным отнимать потребное количество корма в ушаты для гончих собак, для собак комнатных, для больных и отсидочных сук. Отнятый в ушаты корм оставляется в отдаленное место от корыта, а к оставшемуся в корыте корму подпускают борзятники борзых собак. Когда же борзые наедятся досыта и будут отходить от корыта, тогда их выгоняют из «сеней» или из «зала» словами: «На место!», запирают за ними «калитку», т.е. дверь, и выжлятники вводят в сени гончих собак, где скучивают их у корыта и затем, выложив из ушатов корм в общее корыто, прозвав в доезжаческий рог «позыв гончим», подпускают их к корму и кормят досыта. По окончании кормления гончих, тем же порядком выжлятники выводят их из сеней в гончее отделение псарного двора и запирают потом калитку в сени.

472. Вечерние кормежки борзых и гончих собак производятся точно таким же образом и рознятся от утренних только тем, что остывшая к вечеру запаренная овсянка вечером разводится не холодной, а подогретым в котле наваром для того, чтобы довести корм до температуры парного молока. При этом необходимо заметить, что в жаркое время корм может быть немного похолоднее и пожиже, а в холодное время — градуса на два, но не более, потеплее и погуще.

473. По окончании каждой кормежки псарных собак, охотники (к кому это относится) в шайках или ведрах разносят корм по комнатам больным и отсадочным собакам, а также расставляют везде, где нужно, свежую воду для собак.

474. Овсянка должна приготавливаться *всегда из овинного, крепко высушенного и чисто подсеянного овса*, и притом *смолотая мелко, но никогда не просеянная* через решето или сито, т.к. высеянная мука из овсянки для собак положительно вреднее даже очень крупной овсянки из плохо высушенного овса.

ГЛАВА 44

О КОРМЕ ВЗРОСЛЫХ СОБАК ПО МОЕМУ СПОСОБУ

Примечание. Прежде чем приступить к изложению моего способа кормления собак, способа, хотя и весьма обыкновенного, но тем не менее убедившего меня, что корм несомненно имеет большое значение в деле появления чумы у собак, я решился сообщить и о причинах, вызвавших такое мое заключение, тем более, что в течение двух десятилетий моего опыта, увенчавшегося полным успехом, нельзя не предполагать одну счастливую случайность, спасающую в продолжение двадцати лет моих собак от чумы, без которой редкий год в прежнее время не обходилось.

Избавить своих собак от чумы удалось мне совершенно случайно, а именно: по домашним моим обстоятельствам мне пришлось сдать имение мое в аренду и переселиться на жительство в город, куда я вынужден был перевести и небольшую мою псарню, состоящую из сорока двух собак. Содержание собак в городе, хотя и в своем собственном доме, причиняло мне, как страстному любителю собак, немало горя и неприятностей. Одни

мои соседи, рьяные противники собак, не давали мне прохода: то вой собак их беспокоит, то запах навары им неприятен... Словом, как я ни бился, а пришлось, ввиду недовольства соседей, перестать кормить собак мясом и перейти, как говорится, «на пустоварку», отчего собаки мои быстро стали худеть, вследствие чего я уже начал кормить собак нижесказанным способом, и собаки мои вновь пришли в порядок, стали сыты и веселы, но несмотря на это, борзые значительно убавили скачки. Последнее обстоятельство объясняется городским содержанием собак, т.е. постоянным заточением собак в стенах городской усадьбы, хотя они ежедневно пользовались полной свободой в саду и по двору (который постоянно был на замке) в продолжение целого дня, независимо от постоянных через день их проводок в поле, но тем не менее собаки мои ногами сделались слабее и потеряли прежнюю резвость. Первого зверя они ловили еще сносно, второго слабее, третьего — еще слабее и т.д. Это меня очень огорчало, но я ждал конца аренды моего имения, когда мог опять переехать на жительство с моими собаками в деревню, но зато в продолжение десятилетней городской моей жизни у собак ни разу не было чумы. В то время я относил это положительно к счастливой случайности, но, переехав в деревню и прожив в ней, я убедился в совершенно противном. По приезде в деревню, я прежде всего дал моим борзым полную на день свободу под присмотром дежурных борзятников, вследствие чего собаки очень скоро заскакали опять теми, как и прежде, до переезда в город, резвыми ногами и, желая послаще покормить моих собак, я распорядился опять по-старому кормить собак наваром и вареным мясом (сырым мясом я никогда и прежде собак не кормил). Но не прошло и пяти месяцев со дня моего распоряжения о кормлении собак наваром и мясом, как вдруг зачумели у меня три старых собаки, а затем чума стала перебирать и остальных, открывшись на собаках во всей своей силе. Делать было нечего! Много хороших собак тут я потерял! И от горя и досады велел тотчас же вычистить котел от навары, мясо уничтожить во всех его видах, и перешел на кормление собак без мяса и навары по нижесказанному способу, и вот с 1879 года и по настоящее время чумы на моих собаках ни разу не было. Между тем у других знакомых мне гг. псовых охотников, которые кормят собак наваром и мясом или только «бисквитами для собак», чума на собаках то и дело проявляется. Вот в силу-то всего этого я и решился предложить гг. псовым охотникам испробовать мой способ кормления собак, т.к. мое личное убеждение, что чума преимущественно зависит от корма собак, не есть еще несомненное доказательство, основанное на каких-нибудь научных данных, т.к. одного голого факта, что двадцать лет ни одного раза на моих собаках чумы не было, я полагаю, еще недостаточно. А быть может, это было действительно только счастливой случайностью? Трудно допустить такое предположение, но тем не менее вполне возможно. Думаю, что от испробования моего способа кормления собак вреда и убытка не будет. А что, если гг. псовые охотники действительно убедятся в том, что всякое мясо, покупаемое для собак, и все приготовляемое из него *также для собак* — главный источник чумы? Тогда, я уверен, многие из гг. истинных псовых охотников мне скажут спасибо, а этого для меня будет вполне достаточно и я вполне буду счастлив мыслью, что не пропал даром мой опыт и что хоть какую-нибудь пользу с его помощью я мог принести уважаемым собратам по страсти к собакам, а собак — этих лучших друзей человека, если не избавить то, по крайней мере,

предохранить от ужасной болезни, перед которой до сих пор бессильна наука. При этом считаю необходимым заметить, что порядок кормления собак, а также и способ приготовления корма почти одинаков с порядком кормления и порядком приготовления корма собакам по способу старинных псовых охотников, изложенному в предыдущей главе, а потому, во избежание повторения в этой главе одного и того же, я постараюсь изложить только о составных частях и пропорциях веществ, употребляемых в корм собакам по моему способу.

475. Корм для взрослых борзых и гончих собак во все времена года, за исключением зимнего времени, должен состоять постоянно только из овсянки, черного ржаного печеного хлеба, соли, чистой колодезной воды и молока. В зимнее же время, с окончанием езды с собаками, корм для собак должен состоять из овсянки, колобы, соли и чистой воды.

Примечание. «Колоба» есть местное название конопляных жмыхов, т.е. остатков, выжимков от конопляного семени при взятии из него масла посредством жома, нажима. Колоб преимущественно бывает в виде четырехугольной, крепко спрессованной древесины, от двухмерного заклада конопляного семени, и приобретает за очень недорогую цену (копеек 25 за пуд) в каждой обыкновенной маслобойне.

476. Количество овсянки в день на каждую обыкновенного роста собаку полагается 2 фунта, на очень крупную собаку — $2\frac{1}{2}$ фунта, печеного черного хлеба $\frac{1}{4}$ фунта и соли обыкновенной поваренной $\frac{1}{2}$ золотника в день на собаку. При разводке же корма полагается приблизительно на одну часть запаренной овсянки от двух до трех частей чистой холодной воды, смешанной с молоком и, если есть, со скоромными помоями, смотря по температуре корма. При этом надо обращать внимание на то, что чем больше молока, тем корм вкуснее и питательнее.

477. При недостатке в молоке и в особенности во время отъезжих полей, следует заменять молоко самым жиденьким, но достаточно жирным пшеничным кулешом, вареным с соленым свиным салом, свежей зайчатины или ветчины.

478. Во всякое время года, за исключением зимы, корм собакам готовится совершенно одинаково с приготовлением корма по способу, изложенному в предыдущей главе, с той только разницей, что там запаривается овсянка кипятком, наваром, а здесь — таким же кипятком, но только из чистой колодезной воды. Соль кладут в овсянку тогда, когда перестают лить кипяток и когда «очередной» вымешивает овсянку по всему корыту, после чего корыто накрывается крышкой. Черный хлеб крошится на мелкие кусочки и рассыпается по всему корыту на оставленную к утренней кормежке в общем корыте овсянку, каждый раз перед разводкой холодной водой корма. В оставленную запаренную овсянку для вечерней кормежки хлеба класть отнюдь не должно в виду того, что от хлеба овсянка к вечеру окисает.

479. В зимнее время корм собакам готовится почти также и в той же пропорции, как и во всякое другое время, с той только разницей, что «колобы» как заменяющей хлеб и молоко следует давать приблизительно около $\frac{1}{2}$ фунта в день на собаку, при том прибавлять «колобу» в овсянку следует, как и хлеб, перед каждой кормежкой и разводкой корма, не сухую, а непременно каждый раз свежераспаренную. Делается это так: берут «колоб» весом по количеству собак и рубят его топором на куски величиной в кулак, затем укладывают эти куски в чугуны (пропорциональной величины для одной кормежки), наливают чистой водой и ставят его в горн под котел или в печь на огонь. Когда же

«колоб» в чугуна хорошо прокипит (упускать из чугуна не следует) и когда он раскинется и превратится в кашу или жижу молочного цвета, тогда надо вынуть рогаком чугуна из печи и, взяв его мокрыми тряпками (чтобы не обжечь рук), вылить по всему корыту в запаренную и отнятую для настоящей кормежки овсянку пред ее накрытием крышкой и, промешав еще раз овсянку вместе с «колобой», покрыть и оставить на полчаса постоять, а затем разводить корм одной холодной чистой водой и кормить собак, как сказано в предыдущей главе, известным порядком.

Примечание. К корму с «колобой» собаки необыкновенно скоро привыкают, очень любят такой корм и едят его жадно, но *постоянно кормить собак с «колобой»* нельзя и не следует ввиду того, что «колоба» действует на них как сырое мясо в смысле питательности: собаки с «колобового» корма необыкновенно скоро поправляются и жиреют не менее, чем от мяса, при этом много пьют воды, не боятся холода, лежат прямо на снегу и, видимо, им жарко, как собаки, наевшейся мяса. А поэтому кормить собак с «колобой» можно только в зимнее время, когда работы от собак не требуется, а необходимо заправить их, привести в надлежащий, блестящий порядок после усиленной езды с ними. Кроме того, кормление собак с «колобой» в зимнее время кроме пользы собакам ничего другого принести не может, давая возможность собакам сноснее перенести зимнюю стужу и исправляя у них отправления желудка. Во время же езды от «колобового» корма собака скоро рьяет и вообще в скачке делается опышлива, а потому ни летом, ни во время езды с собаками, кормить их «колобой» не следует. Ржаной, хорошо выпеченный черный хлеб, крепит собаку, соль же, ежедневно прибавляемая в корм собакам в незначительном количестве (приблизительно около $\frac{1}{2}$ золотника на собаку, только для вкуса), регулирует отправления желудка у собак.

480. Самое главное: при уходе за собаками необходимо наблюдать, чтобы всюду и во всем была чистота и опрятность безукоризненная: посуда, в которой готовится корм собакам, должна быть всегда вычищена и вымыта и, если посуда медная, то непременно должна быть вылуженной. Овсянка должна быть всегда мелко смолотая из свежего (незатхлого), крепко высушенного и чисто подсеянного овса, ржаной хлеб — всегда хорошо выпеченным также из сухой (незатхлой) муки, «колобо» — свежая, не гнилая, вода всегда должна быть чистая, колодезная. Запаривать овсянку всегда следует только тогда, когда вода *будет кипеть «белым ключом»*, а не тогда, когда вода еще не перекипела, а только стала горячей.

ГЛАВА 45

ИСПЫТАННЫЕ МНОЙ СРЕДСТВА ПРОТИВ НЕКОТОРЫХ БОЛЕЗНЕЙ БОРЗЫХ И ГОНЧИХ СОБАК

Особая заметка. Все употребляемые при поранениях инструменты, а также материалы, как то нитки, булавки, вата, марля, полотно, моченец, кожа и т.п. должны быть самым тщательным образом дезинфицированы (обеззаражены), для чего советую опускать их перед употреблением в крепкий (40%) раствор карболовой кислоты и затем прополаскивать в слабом (4%) ее растворе. Нередко случается, что животное погибает из-за исключительного недосмотра в этом отношении. Инструменты от карболовой кислоты

чернеют, вследствие чего, после операции всякий раз их непременно надо чистить особым для этого порошком, который можно найти в любой хорошей аптеке.

481. Кровопускание собакам

Употребляется при воспалении у собаки, при ударе или параличе, при сильных ушибах собаки, например: когда борзая во время скачки убьется так, что даже не встанет с места, или если и встанет с места, то идет едва переступая, хотя переломов костей при этом иногда и не случается, и при сильных головных болях у собаки, если никакие другие средства не помогают излечению болезни.

Наставление. Бросать кровь собакам следует всегда «ланцетом» или еще лучше «шнипером», т.е. машинкой, с помощью которой ланцет пробивает жилу, при нажатии пальцем пружины шнипера, и бросать у собак кровь следует всегда и при всяких болезнях, требующих кровопускания, только из одной *шейной вены*, т.к. всякое кровопускание из других вен никогда не может оказать такой быстрой помощи и, кроме того, нередко приносит еще вред собаке. Бросают кровь собакам так: один охотник держит стоящую подле его ног больную собаку одной рукой осторожно за щипец или за чутье, а другой рукой оглаживает ее по спине и по противоположному от себя боку и, в момент бросания крови, придерживает собаку, как бы прижимая ее к своим ногам за бок. Бросающий кровь в это время перетягивает шею собаки ближе к плечам брючным или поясным (без набора) ремнем с пряжкой, смачивает теплой водой рукой из горсти, псовину или шерсть на шее с той стороны, с которой желает бросать кровь, делает пробор псовины над выдавшейся от перетяжки веной, накладывает вдоль жилы ланцет и делает удар ланцетом в середину вены. Если бросается кровь простым ланцетом, то чтобы нанести удар в жилу, ударяют по наложенному на вену ланцету простой деревянной колотушкой. Кроме того, бросающий кровь обязан обращать внимание на то, чтобы просекать вену всегда немного выше середины шеи и ниже раздвоения вены пальца на два, но никак не ближе к раздвоению вены, которое бывает при перетяжке всегда заметно, и которое находится у верхнего конца шеи, перед соединением шеи с головой. Если же удар ланцетом будет сделан в самое раздвоение вены, то легко можно пересечь вену, и тогда собака может изойти кровью, и смерть ее неминуема. Когда же пойдет кровь, то надо подставить под струю крови какую-нибудь посуду, чтобы можно было в ней определить количество выпущенной крови. Количество крови у собак выпускать следует соображаясь со степенью болезни, силой и величиной собаки, но никогда не более одной обыкновенной чашки. В случае потребности более бросить крови, лучше повторить кровопускание через 2—3 часа из другой шейной вены, т.е. с другой стороны шеи, или из этой же вены, но только просекая ее в другом месте, немного выше или ниже прежней ранки. Когда же надлежащее количество крови будет выпущено, тогда ремень снимается с шеи собаки, кровь с псовины у ранки смывается осторожно из горсти руки теплой водой, а ранка зашлифовывается поперек ее середины, в края кожи булавкой, вокруг которой наматывается нитка для закрытия ранки величиной с горошину, и так собака оставляется с булавкой и намотанной на нее ниткой до другого дня. По прошествии же суток булавка выдергивается за головку из клубочка ниток, который в это

время придерживается пальцами другой руки, и затем вся процедура кровопускания оканчивается. Зашпиливать ранку булавкой и заматывать ранку ниткой для того, чтобы кровь не шла из ранки.

Общие признаки воспаления у собак: сухое и горячее чутье, или вошек, глаза красные, воспаленные, пульс учащенный, дыхание ускоренное, с видимым вздыманием ребрами, т.е. собака «носит боками».

Примечание. Пульс ощупывается у собак на внутренней стороне ляжки через наложение пальцев на проходящую по задней ноге артерию.

При воспалении легкого у собак слышны хрипы, если приложить ухо к ребрам собаки. В этом случае полезно бока собаки натирать скипидаром, смешанным в равной пропорции пополам с нашатырным спиртом, или ставить на бока собаки горчичники, независимо от кровопускания.

При воспалении кишек собака ощущает сильную боль в кишках при дотрагивании рукой до них через живот собаки. В этом случае надо дать слабительное из касторового масла больной собаке, иногда даже необходимо поставить промывательное или клистир собаке, если кишки очень полны; класть лед на живот и держать собаку на строгой молочной диете до полного ее выздоровления. К кровопусканию прибегать надо только при безуспешности сказанных средств (см. клистиры и слабительное).

При воспалении мочевого пузыря собаки мочатся совершенно кровью. Перед заболеванием собака ощущает беспрестанный позыв к моче, мочится часто, помалу и мочой очень красного цвета, так продолжается дня три-четыре, причем собака ест хорошо и не особенно скучна, но моча делается все краснее и краснее и уже собака начинает жаловаться задом, с трудом вспрыгивает на нару и вскоре за этим у собаки образуется полное воспаление, собака носит боками и т.п. В таких случаях спасти собак от смерти мне приходилось только неоднократным кровопусканием. Случалось бросать кровь собакам по два, по три раза в один день (сообразуясь с силами собаки и количеством выпущенной крови) и при строгой диете, всегда молочной, мне удавалось восстановить здоровье собаки, которые после того без всяких дурных последствий жили по несколько лет не теряя своего досуга.

NB. Быть может, я неточно назвал определенную мной болезнь у собак «воспалением мочевого пузыря», но я не ветеринар, а потому передаю как умею и только то, что бывало с моими собаками, и чем удавалось мне спасти моих собак от смерти. О тех же случаях лечения собак и лошадей, которые не имели благоприятных результатов, я и не буду говорить в моем «Руководстве».

Общие признаки удара или паралича: собака, бывши совершенно здоровой, вдруг падает, впадает в беспамятство и иногда совершенно будто бы околела, с вытянутыми и окостеневшими ногами, или вдруг у нее парализуются некоторые ее части, например: отнимается зад, ноги, раскашиваются глаза, вошек, губы и т.п. При ударе и параличе с собакой, а также при ушибе в поле, кровопускание должно быть сделано собаке немедленно и чем скорее, тем лучше.

Общие признаки головной боли: глаза собака постоянно щурит, притом они воспалены, слезятся или гноятся, собака избегает света, ходит, опустив голову и как бы остерегается

трясти ушами, причем иногда повизгивает. В таких случаях прежде всего собаке дают слабительное и, если очень сильный жар в голове, делаются холодные компрессы к голове или прямо кладут лед на голову собаке, причем собаку, конечно, держать, чтобы она не сбросила льда или компресса. И только за неуспешностью всех этих уже средств прибегать к кровопусканию

Примечание. Вообще прибегать к кровопусканию следует только в крайних и критических случаях и всегда — весьма осторожно.

482. Клизирь или промывательное.

Употребляются собакам при сильных запорах, обжорстве и при воспалении кишек.

Наставление. Клизирь, или промывательное, делается так: берут щепотку сухой травы ромашки и настаивают ее как чай в горячей воде. Затем настоем ромашки процеживают сквозь полотно в каменную посуду, вливают в настой такое же количество холодной мыльной воды, и на два стакана такой смеси кладут одну чайную ложку поваренной соли, одну столовую ложку деревянного масла и клизирь, доведенный до температуры парного молока готов. Клизирь для взрослой собаки, смотря по величине ее, должен быть в пропорции от одного до трех стаканов на собаку, и ставится всегда лежащей на боку собаке из клизопомпы или клизирной трубки, причем собаку в это время всегда следует держать, чтобы она лежала спокойно.

Общие признаки запора у собак: собака беспрестанно бегает, присаживается и жилится, но бесполезно. Иногда бывает при этом вздутие живота.

483. Слабительное собакам

Дается при запорах, засорении желудка и в предупреждение различных болезней у собак.

Наставление. Слабительное для собак должно всегда состоять из касторового масла, полагая на взрослую собаку две столовых ложки касторового масла, вылитого в полстакана парного молока или из одного конопляного масла в количестве $\frac{3}{4}$ стакана на взрослую собаку. Давать слабительное собакам следует тем, которые могут есть его прямо из тарелки, а тем, которые не едят его сами, следует выливать в рот. Делается это таким образом: один охотник становится как бы верхом на собаку и, придерживая ее ногами (слегка) с боков, поднимает осторожно ей голову кверху и обеими руками раскрывает ей рот. Дающий лекарство в это время вливает в рот собаке слабительное небольшими (чтобы не подавить собаку) приемами, и как только он отнимет стакан ото рта собаки, то первый охотник сейчас же должен зажать рот собаке и поддержать ее за шипец или чутье в таком положении до тех пор, пока собака лекарство не проглотит, для этого второй охотник одной рукой слегка поминает горло собаки или постукивает, также слегка, рукой по ее горлу. И таким образом в два-три приема выливается большая доза лекарства в рот собаке, небольшая же доза лекарства должна всегда выливаться вся без остатка в один прием в рот собаки во избежание излишнего ее беспокойства.

484. От «восцы», или мокрых лишаев.

Состав мази: Зеленого мыла (sapo viridis)..... 1 фунт.
Нашатырного спирта..... $\frac{1}{8}$ фунта.
Керосина..... $\frac{1}{8}$ фунта.

Наставление. Все это смешать и хорошо стереть в каменной ступке и затем сложить в банку и хранить до употребления. Употреблять эту мазь собакам следует так: взять на руку кусочек этой мази и втереть ее рукой в пораженные восцей места собаки и оставить собаку вымазанной на сутки. Затем через сутки вымыть вымазанные места теплой водой и вытереть полотном досуха, по просушке же собаки, часа через два, опять вымазать эти больные места мазью и через сутки опять смыть эту мазь и вновь намазать мазью. После повторения такого лечения раза три или четыре болезнь должна у собаки пройти.

485. Средство от сухих лишаев и чесоточных клещей.

Состав мази: Перуанского бальзама..... 2 драхмы.
Деревянного масла..... 1 унция.

Наставление. Прежде надо растворить Перуанский бальзам в винном спирте, полагая на 1 часть спирта 6 частей бальзама, а затем соединить масло с бальзамом в сказанной пропорции, слить в пузырек и хранить для употребления.

Употреблять эту мазь собакам следует так: прежде вымыть теплой водой больные места, когда обсохнет собака намазать мазью, через сутки опять смыть мазь и опять намазать. Через два-три раза такого повторения болезнь у собак проходит. Если тело собаки покрыто сплошными лишаями, то мыть и мазать надо всю собаку. Перед употреблением надо мазь взбалтывать. Мазать следует собаку хорошо втирая мазь руками.

486. Средство от забойки у собак.

Состав подмазки: Чистого дегтя..... 4 фунта.
Белого куриного помета..... 1 фунт.
Измятого пороха..... 6 золотн.
Толченой горючей серы..... 6 золотн.
Масла коровьего..... 1 фунт.
Масла конопляного..... 1 фунт.

Наставление. Все это смешать и слить в один чугунок. Затем кипятить всю эту подмазку на легком огне, чтобы не вспыхнул состав. Когда же подмазка хорошо раза три прокипит, тогда сить чугунок с огня и, прикрыв его, поставить в чулан для охлаждения до такой степени, чтобы едва могла терпеть рука человека, будучи опущена на дно чугуна, в подмазку. Во время варки подмазки необходимо вымешивать весь состав со дна палочкой во все время варки.

Мазать бальную забойкой собаку следует так: когда подмазка остынет до такой степени, чтобы только едва терпела рука человека, тогда один охотник приводит назначенную в подмазку собаку на своре в помещение, где назначено мазать собак, и

держит ее, не спуская со своры, на ошейнике. Другой охотник приносит чугунок с подмазкой, ставит на пол подле приведенной собаки и, засучив рукава рубашки выше локтя, опускает руку с небольшой тряпкой на дно чугуна, вымешивает подмазку со дна рукой и, вынув смоченную в подмазке тряпку, начинает мазать собаку, втирая подмазку в тело ее, и не оставляя *ни одной части* не промазанной у собаки. Когда же подмазка будет хорошо втерта во все до единой части тела собаки, и когда собака будет казаться совершенно искупанной, тогда ее, не вытирая, отводят летом, в жаркое время, в хлев, а в холодное время — в топленую теплую избу на соломенную подстилку и оставляют ее там дня на четыре, выпуская только к корму и то, в сухое теплое время. Поле подмазки собак мыть до окончательной перелиньки не следует. Если же собака попала в подмазку несвоевременно, т.е. не в мае и июне, а уже перелинявшей, например: в августе и последующих месяцах, то на двенадцатый день со дня подмазки, собаку можно вымыть теплой водой пополам со щелоком и мылом. Самое лучшее время для подмазки собак — май и июнь, и при такой, т.е. своевременной подмазке собак, никогда и ни у какой борзой псовина не портится, а наоборот, с помощью *своевременной подмазки* собак псовина у них улучшается в том смысле, что всегда дружнее вырастает.

Примечание. Считаю не лишним заметить, что если забойка или парши показались на своих собаках во псовой охоте, а не на вновь приобретенных (которых никогда не подмазывали сказанной подмазкой не следует соединять со своими собаками, дабы не заразить последних, т.к. узнать забойку на собаке в начале болезни положительно нельзя), то вывести ее у собак можно только тогда, когда будут перемазаны все до единой даже и здоровые собаки, имеющиеся у владельцев псовой охоты и не исключая никакого сорта собак, с которыми борзые и гончие могут сообщаться, и при этом перемазанные все одновременно, а не в разное время.

487. Средства от паршей собак.

<i>Состав крепкой подмазки:</i>	Чистого дегтя.....	4 фунта.
	Конопляного масла.....	1 фунт.
	Синего купороса.....	$\frac{1}{2}$ фунта.
	Горючей серы.....	$\frac{1}{2}$ фунта.
	Яри травянки.....	4 золот.
	Сала свиного.....	$\frac{1}{2}$ фунта.
	Одну столовую ложку купоросного масла	

Наставление. Деготь и конопляное масло смешать, слить в чугунок и поставить кипятить на легком огне. В это время, пока кипятиться деготь, купорос пережечь на сковороде (как пережигают кофе) до изменения его цвета в серый. Затем истолочь в медной ступке хорошенько: пережженный купорос, серу, ярь и свиное сало и все это всыпать в кипящую смесь из дегтя и конопляного масла. После этого, мешая палочкой со дна, дать покипеть еще с полчаса, и когда все сало растопится влить в эту подмазку одну столовую ложку купоросного масла и, прокипятив еще один раз, снять чугунок с огня и дать остыть подмазке настолько, чтобы едва терпела рука; мазать больную собаку как сказано в предыдущей 486 статье, с той только разницей, что через четыре-пять дней, словом, как только приподнимется короста (как плоть) на псовину или шерсть, собаку следует вымыть теплым щелоком с мылом и затем, выгтерев собаку досуха, повторить еще один раз это лекарство, промазав преимущественно те места, на которых плохо отстала короста. После подмазок вообще собак следует кормить в

особенности вкусно и хорошо, чтобы наедались досыта. Мазать собак следует всегда натошак.

488. Средства от сухих паршей у собак (довольно опасное).

Состав мази: Каломели..... 2 драхмы.
Топленого свиного несоленого сала..... 1 унция.

Состав отвара: Сулемы..... 2 драхмы.
Соляной кислоты..... $\frac{1}{2}$ драхмы.
Горсть мелких хвостиков от корня чемерицы и штоф речной воды

Наставление. Каломель смешать с топленным свиным салом в каменной ступке хорошенько и выложить затем в банку — это будет мазь. Отвар приготавливается так: горсть корней чемерицы кладется на один штоф речной воды и кипятится на огне до тех пор, пока отвара останется половина, т.е. полштофа. Сулему же надо растворить в соляной кислоте, растирая ее в стеклянной ступке стеклянным пестиком до тех пор, пока сулема совершенно разойдется. Тогда раствор сулемы выливают в чемеричный отвар и, остудив все, сливают в бутылку и хранят для употребления.

Лечение. Прежде всего больную собаку надо вымазать всю сказанной мазью из каломели и затем, надев на нее чехол (сделанный из холстины) и широкий металлический ошейник, чтобы собака не могла лизаться и рвать чехол, положить ее в избе под наблюдением дежурных охотников на сутки. На другой день снять с собаки чехол и опять намазать сказанной мазью, затем опять надеть чехол и так держать и продолжать мазать собаку трое суток, оставляя голову собаки не завязанной. На четвертый день собаку следует вымыть щелоком с мылом и дать ей весь день отдохнуть от мази и чехла в той же теплой избе. На пятый день всю собаку следует смочить чемеричным отваром и опять надеть чехол до полной просушки собаки. Тем оканчивается лечение. Если же сухие парши после этого лечения не пропадут, что бывает, когда микробы сидят глубоко в теле собаки, и шерсть не будет вырастать правильно, то курс такого лечения повторяется до двух и трех раз, но не ближе как через недельные промежутки времени.

489. Средство от бельма на глазу собаки.

Состав порошка: мелко истолченный и подсеянный сквозь частую кисею сахар.

Наставление. Т.к. в большинстве случаев бельмо на глазу у собаки приобретается от укола, ушиба и засорения глаза, причем появлению бельма всегда предшествует воспаление глаза (что выражается его краснотой, слезоточением, иногда припухлостью век и постоянным прищуриванием глаза), то приступать к согнанию бельма отнюдь не следует до тех пор, пока не будет уничтожено воспаление в глазу собаки. Уничтожать воспаление глаза следует холодными компрессами из чистой холодной воды. Компрессы делаются из тонкого чистого полотна, полотно это складывается вчетверо в форме небольшого квадратика, могущего прикрыть всю глазную орбиту, и затем смачивается в холодной воде,

слегка выжимается и накладывается на больной глаз собаки, где привязывается широким бинтом кругом головы собаки. Когда бинт станет на глазу собаки согреваться, тогда надо снять его, намочить опять в колодной воде и опять прибинтовать к глазу собаки и опять повторять, не давая согреваться компрессу до тех пор, пока воспаление в глазу совершенно не уничтожится, т.е. глаз откроется как нужно, слеза перестанет идти и вообще, глаз примет вид здорового глаза, только останется бельмо на глазу. Тогда только возможно будет приступить к согнанию бельма, вдувая мелкий, как пыль, сахар из обрезанного с обоих концов перышка в количестве, сколько можно захватить концом пера, в глаза собаки раза по три в день. При этом необходимо быть осторожным, чтобы пером совсем не выколоть глаза собаки.

Примечание. Сколько я ни испробовал средств от бельма, но пришел к убеждению, что *более безвредного и более действенного средства, как один, без всяких примесей, сахар, ничего другого нет, а потому и рекомендую это средство.*

490. Средство от червей у собак:

Скипидар и нюхательный табак.

Когда мухи насидят червей у собак, тогда следует залить червей в ранке скипидаром и затем засыпать или, вернее, залепить червей в ранке нюхательным табаком. После повторения этого приема два-три раза черви все подохнут и повывалятся сами из раны. Когда же червей уже не будет, то ранку надо раза по два в день спринцевать (если очень глубокая) или примачивать слабым 3% раствором карболовой кислоты до тех пор, пока ранку затянет.

491. Средства для заживления ран и хваток у собак.

№ 1. Слабый раствор карболовой кислоты (3%).

№ 2. Настойка арники.

№ 3. Крепкая*) водка в пропорции 15-ти капель на полстакана горячей воды. Когда остынет, годна к употреблению.

Все эти средства в виде примочек необыкновенно скоро заживляют раны, но лучшим средством я нахожу № 3-й, Лечение производится, смотря по положению и величине ран, или способом примачивания раны по нескольку раз в день, или способом спринцевания, или посредством прикладывания компрессов, и в этом случае компрессы необходимо завязывать бинтами.

492. Средство от ссадин мякишей у собак.

Закапывать с зажженной сальной свечи свечным теплым салом оссажденные мякиши лап у собаки раза по три в день.

493. Средство от подгрызания мякишей собаками.

Мазать мякиши лап у собак дегтярной подмазкой от забойки, подогрев ее до того, чтобы едва терпела рука (ст. 486).

*) Т.е. назыв. — «царская водка», которую можно достать у дрогистов.

494. Средство от беспричинной худобы собаки.

Покормить собаку дня три или четыре «до отвала» сырыми и еще лучше парными (т.е. неохладельными еще) зайцами совсем с шкуркой, т.е. с шерстью.

495. Средство предохранять собак от чумы.

Следует кормить собак по моему способу, изложенному в главе 44, не допускать никакого сообщения своих собак с другими неизвестными собаками и в отъезжих полях не останавливаться с собаками на тех дворах, на которых перед тем квартировала другая неизвестная чья-либо охота.

496. Средство от чрезмерного трясения ушами и чесания задней ногой ушей собаками.

Спринцевать ухо собаки (в глубину отверстия) раствором (4%) карболовой кислоты, если это не поможет дня в два, то раствором (не очень крепким) ляписа, когда же и это не поможет, тогда смазывать внутри ушной раковины в глубину крепкой подмазкой (ст. 487) или Перуанским бальзамом (ст. 485).

497. Средство от разбития ног или дробления ногами у собак.

Вместо всяких лекарств спустить больную ногами собаку с псарного двора и дать ей безусловную свободу днем и ночью, пусть ходит и бегает где угодно до совершенного ее выздоровления. При этом, конечно, ни на охоту, ни в поле брать эту собаку не следует, и приблизительно через месяц собака будет совершенно здорова. Всякое же лечение собаки от разбития ног при псарном содержании, скорее приносит вред собаке, а не пользу. Если собака дробит ногами во время ревматизма, то давать по 20 гран на прием салицилового натра утром и вечером и держать собаку в теплом помещении. Лечение продолжать до выздоровления дней 4—5.

498. О выправлении повихнутых правил у борзых щенят.

Выправлять повихнутые правила у борзых собак возможно только в период щенячьего их возраста, а именно: с четырехмесячного до двенадцатимесячного возраста. С двенадцатимесячного возраста можно сломать правило, но не выправить. Выправлять правило следует так: если правило повихнуто на левую сторону, то тогда туго берется в кулак левой руки правило щенка у места повихнутости и как раз крепко придерживая указательным и большим пальцами тот хвостовой позвонок, от которого начинается повихнутость, правой рукой захватив крепко также в кулак и плотно около левой руки, повихнутую часть правила, делают легкий поворот повихнутой части направо как бы по прямой оси. Если же правило повихнуто на правую сторону, то правило придерживается выше повихнутости правой рукой, а поворот делается левой рукой налево. Причем лучше не довернуть правила, чем перевернуть, т.к. выправляется повихнутость не сразу, а в несколько приемов, которые должны делаться или повторяться до полного выправления правила не чаще, как через месячные промежутки времени и не более трех раз, ибо привыкший править правила выправлять их должен всегда в один-два раза.

ГЛАВА 46

ИСПЫТАННЫЕ МНОЙ СРЕДСТВА ПРОТИВ НЕКОТОРЫХ БОЛЕЗНЕЙ У ЛОШАДЕЙ

499. Кровопускание лошадям.

Употребляется при воспалениях, параличе, сильных ушибах, при падении лошади на скаку, головных болях, опое и разбитии ног у лошади.

Наставление. Бросать кровь лошадям следует лошадиным ланцетом или шнипером и также при всех болезнях непременно и всегда *из шейной* (какой-либо одной) *вены*. При этом, кто умеет, следует бросать кровь лошади, не перетягивая ремнем шею, а нажав вену средним пальцем левой руки, а указательным с большим пальцами той же руки, наложив шнипер на вену, спустить пружину, а если бросают кровь простым ланцетом, то, поступая так же левой рукой, удар по ланцету наносят колотушкой из правой руки. Когда же после удара ланцетом кровь выступит, тогда взять железное ведро, приставить его к шее лошади и краем ведра нажать шею лошади вместе с веной ниже ранки, и тогда кровь струей сейчас же пойдет в ведро, которое и держат так, не отнимая от нажатой им вены до тех пор, пока получится в ведре требуемое количество крови. Кто же не умеет бросать так кровь, то по необходимости только можно шею лошади перетягивать ремнем, и в таком случае перетягивать шею следует ближе к плечам, и не отпускать ремня до тех пор, пока выпустится в ведро потребное количество крови. (Бросание крови у лошадей с перетяжкой шеи нередко вызывает дурноту у лошади). Во время течения крови в ведро, держащий лошадь на поводу должен положить палец под язык лошади и пошевеливать им под языком для того, чтобы лошадь делала движения ртом (как бы жевала) во время истечения крови. От этого кровь у лошади идет быстрее и ровнее, что и требуется в интересах большой пользы от кровопускания. Просекать шейную вену следует также вдоль и ниже ее раздвоения пальца на четыре. Количество крови у лошади следует выпускать смотря по степени болезни и силе лошади: от восьми до двенадцати фунтов в один раз, т.е. от одной до двух третей конного ведра средней величины. По окончании кровопускания кровь с шеи лошади смывается теплой водой (которой также смачивается шерсть на шее лошади и перед кровопусканием, для большей видимости жилы), затем ранка зашлифовывается булавкой (поперек, в края кожи) и заматывается ниткой или выдернутыми из гривы лошади волосами. Через день же, не ранее, после кровопусканий, булавку выдергивают осторожно за головку из ранки, придерживая моточек волос или ниток пальцами другой руки, чем устраняется опасность, чтобы после того ранка не открылась и кровь не пошла снова.

Признаки сказанных болезней, требующих кровопускания у лошадей, те же самые, что у собак. (Об опое и разбитии ног у лошадей говорится отдельно, см. ниже). При воспалении легкого при дыхании лошадь хрипит и ее лечат кровопусканием и растиранием боков ребер, нашатырным спиртом, смешанным со скипидаром по равной части.

500. Клизмы, или промывательное лошадям.

Употребляются при сильных запорах, воспалении кишек, выпадении заднепроходной кишки и некоторых других болезнях.

Наставление. Клизтир лошадям делается из теплой воды, постного конопляного масла и мыла, в пропорции от 8 до 12 стаканов на одну лошадь, полагая на два стакана мыльной воды одну столовую ложку масла. Ставить клистир лошади можно и в стоячем ее положении, причем необходимо для того, чтобы лошадь не могла убить или ударить задней ногой человека, переднюю ногу у нее поднять и держать в руках другому человеку во все время операции.

Общие признаки запора и вообще болезни живота у лошади. Лошадь беспрестанно ложится, смотрит на свой живот и катается на спине по земле.

501. Слабительное лошадям.

Оно употребляется при запорах, воспалении, засорении желудка и некоторых других болезнях.

№ 1. Состав жидкого слабительного:

Глауберовой соли.....	1/4 золот.
Конопляного масла.....	1/2 фунта.
Молодого кваса.....	1 1/2 фунта.

Наставление. Прежде глауберову соль распустить в квасе, когда она разойдется, влить в квас и конопляное масло, разболтать хорошенько и вылить из бутылки в рот лошади. Делается это так: поднять на недоуздке голову лошади кверху, перекинуть повод от недоуздка через какую-нибудь прочную связь или перекладину и держать в таком положении, не опуская головы до тех пор, пока дающий лекарство выльет из бутылки всю сказанную пропорцию в горло лошади, и пока лошадь лекарство все это проглотит, для чего следует во все время дачи лекарства осторожно мять рукой горло лошади или постукивать по нему, чтобы лошадь глотала, иначе почти все лошади задерживают лекарство во рту, и когда отпустят ей повод, то она его выливает изо рта на землю. При этом следует выливать лекарство из бутылки в рот лошади крайне осторожно, вставляя горлышко бутылки в рот лошади с одной стороны или через беззубое пространство между коренными зубами и резцами или между щекой и коренными зубами, но так, чтобы лошадь не могла откусить горлышко бутылки и из-за этого не могла подавиться или изрезать стеклом себе рот. При выливании жидкого лекарства необходимо немного вынимать на противоположную сторону от стороны, с которой выливают лекарство, язык лошади и затем освободить его каждый раз из руки для свободного глотания влитого в рот лошади лекарства.

№ 2. Состав слабительного в пилюлях:

Сабура.....	12 золот.
Ялапного корня.....	3 золот.
Простого мыла.....	3 золот.

Наставление. Все это истолочь в медной ступе, и когда из смеси образуется тесто, выложить это тесто из ступки и сделать из него пилюли величиной с грецкий орех, дать их все лошади по одной за раз. Давать пилюлю лошади следует так: вытянуть слегка на сторону язык лошади, вложить

одну пиллюлю к самому горлу на основание языка и затем выпустить язык из рук, и лошадь пиллюлю проглотит, затем также дать следующую пиллюлю и так продолжать пока все количество сказанной пропорции лекарства дано будет одной лошади. Вкладывать пиллюлю весьма удобно, надевая пиллюлю на тонкий прутик, но надо делать это осторожно.

502. Средство от исплека у лошади.

Определение болезни. Исплек у лошади всегда бывает в лопатке плеча и не есть вывих, как многие предполагают. От исплека лошадь хромает на больную переднюю ногу, вследствие чего плечо, т.е. лопатка, сохнет и при движении лошадь неправильно ступает ногой, что в особенности заметно, когда лошадь пятится назад, тогда она, не сгибая прямо ногу в коленке, будет обволакивать ее стороной, образуя как бы полукруг. Происходит эта болезнь у лошадей от сильного удара чем-либо по плечу, от убоя плеча при падении, от разезда передних ног на скользком месте, от внезапного крутого поворота лошади в сторону и т.п. случайностей, вследствие которых связывающая лопатку с ребрами клетчатая (пенообразная) плева, или перепонка, вытягивается, сотрясается и придавливается, от чего она поражается, а вследствие того сохнет, причиняя сильную боль лошади при движении. При этом очень быстро начинает сохнуть все плечо лошади, начиная с места повреждения плевы лопатки, и лошадь сильно хромает.

Излечивает лошадь от исплека совершенно «глухая заволока».

Делается и ставится исплеченной лошади «глухая заволока» так: взять хорошо выбранного от кострики маченцу (пеньки), свернуть из него жгутик длиной в четверть аршина и толщиной в палец и положить этот маченцевый жгутик в скипидар, чтобы он хорошенько напитался им. Затем у исплеченной лошади наверху сухого места плеча, т.е. лопатки, захватив кожу лошади в складку, разрезать ее поперек на полвершка в длину, подлупить ее на пространстве сухого места лопаточкой и кругом ранки, стараясь отделять кожу от тела более книзу от ранки, и затем вложить через ранку, вдоль лопатки, под кожу весь хорошо напитанный скипидаром сказанный маченцевый жгутик, прибавив после того в ранку еще $\frac{1}{4}$ рюмки скипидара и ранку не зашивать и не закрывать. После этой операции привязать лошадь в стойле на четыре или пять дней, не трогая ее с места, для чего даже поить лошадь необходимо из ведра, принося каждый раз ей воду в стойло. Затем у лошади все плечо должно распухнуть, и чем более займет места опухоль, тем лучше. На пятый приблизительно день где-нибудь между ранкой и локтем должна образоваться небольшая плешь, представляющая нарыв, тогда необходимо осторожно два раза в день выводить лошадь из стойла и водить каждый раз по четверти часа, не делая крутых поворотов. После этого нарыв, приблизительно дня через два, прорвется, и вместе с гноем выпадет и сама заволока, а затем рана сама по себе заживет и лошадь будет совершенно здорова.

503. Средство от опоя лошади.

Признаки опоя. Если напоить разгоряченную лошадь досыта водой и оставить ее без движения на месте, т.е. поставить ее стоять, то лошадь непременно падет на ноги, что легко заметить, если взять лошадь за повод и повести ее. Опоянная лошадь с большим трудом, осаживаясь на задние ноги, будет передвигать передними ногами, как палками или подставками, причем в сочленениях, т.е. в коленке и нижнем суставе, соединяющем «бабку» с берцовой костью, показывается как бы легкая припухлость и затем вскоре

у опоенной лошади будет идти копыто, т.е. неправильно и быстро отрастать, а подошва копыта как бы выпячивается.

Лечение.

Опоенную лошадь сейчас же следует выдержать от водопооя, т.е. не поить ее совсем три дня, предварительно, т.е. на первый же день после опоя, бросив лошади восемь фунтов крови из шейной вены, и затем утром и вечером ставить на целый час лошадь в воду, заводя ее в пруд или реку выше колена, но при этом не давать ей пить воды. На четвертый день дать лошади выпить только один стакан колодезной воды, на пятый — два стакана, на шестой — три стакана и т.д., до девяти стаканов в день, после же девяти стаканов воды, на следующий день дать лошади утром 10 стаканов и вечером 10 стаканов, затем с каждым днем можно уже увеличивать дозу воды утром и вечером, доводя водопой постепенно до потребного лошади количества воды. В продолжение всего курса лечения, кроме хорошего сена или травы, никакого другого корма лошади не давать. Ставить же лошадь в воду по зарям утром и вечером следует в продолжение не более одной недели и избегать очень холодных позднесенних дней. По окончании же сказанного выпаивания лошади, спустить ее на ворок и с самой ранней весны на подножный корм, на траву, после чего только можно надеяться, что лошадь совершенно исправится. Во все время лечения лошадь следует расковать и еженедельно копыта расчищать и обрубать края, давая правильное направление копыту. По выздоровлении лошади и взятии ее в работу, необходимо передние ноги ей хорошо подковать и затем регулярно ковать ее ежемесячно в продолжение целого года, не позволяя копыту принимать неправильную форму, выправляя постепенно каждый день копыто на подкове и ежедневно смазывая роговую поверхность копыта с заусенцами мазью, состоящей из равных частей голландской сажи, воска, терпентина*), меда и свиного сала и притом хорошо сваренной и остуженной. Копыта смазывать этой мазью небесполезно и даже необходимо у всех и здоровых охотничьих лошадей для придания им жизни и красивого вида. Несмазанное же копыто делается сухим — мертвеет.

504. Средство от разбития лошади ногами.

Причины разбития ног у лошади. Когда берут лошадь с продолжительной стойки в усиленную работу, не втянув постепенно лошадь в работу, т.е. не выдержав или не приготовив лошадь постепенным упражнением ее к усиленной работе, а также и от чрезмерно усиленной и бестолковой продолжительной скачки на ней всегда есть основание ожидать разбития ног у лошади.

Общие признаки разбития ног у лошади. Разбитая лошадь дробит ногами, т.е. при движении как бы остерегается ступить ими; когда стоит, то беспрестанно отставляет попеременно больные ноги и вообще ступает ногами неправильно, как бы жалуясь ногами, двигая передние ноги как бы всем плечом и осаживаясь на задние ноги, причем в передних ногах замечается дрожание, общая легкая припухлость колен и сухожилий и впоследствии — согнутость ног в коленях.

*) Надо брать желтый густой, как мед, так называемый венецианский терпентин.

Лечение.

Захваченная в начале болезнь излечивается бинтованием ног до колена и обливанием забинтованных ног холодной водой, не допуская до согревания полотняных бинтов фонтанелью, поставленной внизу груди между передними ногами и растиранием плеч составом, состоящим из скипидара с нашатырным спиртом в равной пропорции. При этом в езду лошадь не брать, и по окончании курса лечения спустить ее табун на ворковое содержание и на подножный корм, на траву на всю весну и лето. При разбитии ног с воспалением, прежде всего бросают лошади кровь.

Наставление.

Бинтовать ноги следует всегда снизу вверх, начиная от самого заусенца, т.е. с копыта, причем бинтовать следует не очень туго и держать ноги забинтованными только в продолжение дня, каждый раз освобождая ноги от бинтов на ночь и ежедневно продолжать бинтовать только три дня кряду, долее бинтовать ноги не следует. Во все же время бинтования ног мокрыми бинтами, т.е. в продолжение трех дней, следует из лейки поливать на бинты холодную воду для уничтожения жара, приблизительно через каждый час времени и во весь день, с утра и до вечера, когда ноги разбинтовываются на ночь до следующего утра. Фонтанель ставится также по разбитии ног немедленно и делается это так: берут старую кожу (например, старую полувальную подошву от сапог), вырезают из нее ножницами кружок в полтора вершка по диаметру, из которого в середине вынимают скважину, чтобы мог пройти свободно весь большой палец руки. Затем края этого кружка, через отверстие в его середине, обматываются моченцом (без кострики) или льном так, чтобы этот кружок представлял собой плоское маченцовое кольцо, которое намазывается густым терпентином и смачивает скипидаром, затем обваливается в мелко толченых сухих шпанских мушках и вставляется в прорезанную ранку (будучи сложенным вдвое) под кожу лошади, где под первоначально отделенной от тела пальцем кожей кружок расправляется и помещается своей серединой, т.е. отверстием как раз против отверстия ранки в коже. Ранки должна быть не более полувершковой длины. Поставленная таким образом лошади фонтанель оставляется у нее на три недели, после чего крючком вытаскивается из раны, а рана потом залечивается очень скоро слабым раствором карболовой кислоты в виде примочки. Состав для натирания плеч делается из скипидара и нашатырного спирта, взятых в равной части и хорошо взболтанных каждый раз перед употреблением. Натирать следует у больной лошади плечи и всю область лопаток как можно крепче и продолжительнее, чтобы хорошо втереть состав в тело лошади. При этом натирать следует не голой рукой, а туго свернутым жгутом из ржаной соломы утром и вечером в продолжение, не долее. По прошествии трех дней лошадь спускается в просторный денник, и когда плечи станут обрастать после мази шерстью, тогда лошадь выпускается в табун, где и ходит с фонтанелью до истечения трехнедельного срока.

505. Средство от мокреца или от подседа у лошади.

№ 1.	Свиного сала.....	2 золот.
	Лаврового масла.....	1 ¹ / ₂ золот.
	Яри травянки.....	1 золот.

Протереть все вместе хорошенько и мазать больные места раз в день.

№ 2.	Серой ртутной мази (т.е. политани).....	4 золот.
	Нашатырного спирта.....	2 золот.

Стереть вместе и натирать больные места раз в сутки в продолжение пяти дней. Если от этого не пройдет болезнь, то взять 6 золотников хлористой извести, смешать с 8-ю золотниками едкого калия, подмешивая известь постепенно и понемногу, отчего получится порошок, который надо держать в хорошо закупоренной банке и употреблять его при мокрецах следующим образом: насыпать порошок на кружок, приготовленный из льна, приложить к больному месту и забинтовать ногу. Продолжать употреблять ежедневно до тех пор, пока пройдет опухоль и струпья, тогда нужно ногу вымыть и держать в чистоте.

506. Средство от побоя лошадей седлами.

При наминке только седлом, т.е. когда у лошади делается от наминки седлом одна только припухлость, то следует класть на это место холодные, ледяные компрессы, и опухоль пропадет. Если же у лошади побита часть спины и холки седлом до раны, то тогда нужно два раза в день рану эту мазать керосином, и когда струп отстанет от краев, то осторожно снять его и примачивать рану примочкой № 3 (см. ст. 491) впредь до полного заживления, после чего место это, где была рана, мазать теплым коровьим маслом или волчьим салом. Причем, если лошадь нельзя оставить, а необходимо на ней ездить, то надо по месту побоя устраивать седло так, чтобы оно уже не могло более растирать это место, о чем говорится в главе 12, ч. I.

507. Средство от выпадения заднепроходной кишки у лошади

Дубовой коры — $\frac{1}{2}$ фунта, воды — 3 фунта. Варить, пока будет отвара дубового $1\frac{1}{2}$ фунта. Потом дать остыть, процедить, распустить в нем 2 золотника квасцов и примачивать кишку раза три в день, не осушая компрессы, кроме того, во все время лечения лошади необходимо ставить ей клистиры из теплой воды, постного масла и мыла (см. ст. 499), по два раза в день, утром и вечером. При этом необходимо захватывать болезнь вначале, не допуская до того, чтобы кишка обветрилась, распухла и воспалилась, что может перейти в антигонов огонь, а тогда смерть неминуема. Когда же болезнь запущена и вышедшая заднепроходная кишка настолько распухла и обветрила, что вправить ее не представляется возможности, тогда надо припаривать ее теплым молоком или теплым процеженным отваром травы ромашки до тех пор, пока опухоль опадет настолько, что можно будет осторожно кишку вправить рукой, намазанной деревянным маслом, после чего промочить компрессом из сказанного отвара дубовой коры и прижать хвост лошади, туго привязать его за трок, пропустив его между задних ног лошади, впредь до следующей примочки, и когда при вторичной примочке кишка не выйдет, то тогда дать лошади постоять некоторое время без привязки хвоста, до испражнения после клистира, не отходя от лошади во все время и строго наблюдая за тем, чтобы в случае выпадения кишки она была тотчас же опять вправлена и примочена сказанной примочкой. Лечение продолжается впредь до полного выздоровления лошади, которое должно последовать в период одной-двух недель.

508. Средство от чемера (запора) у лошади.

Общие признаки чемера. Лошадь делается беспокойной, топает и бьет землю передними ногами, оглядывается беспрестанно на живот, бьет задними ногами по животу, беспрестанно ложится и катается по земле на спине, далее: у лошади глаза начинают сверкать, выступает холодный пот, лошадь усиленно бросается на землю, валяется с боку на бок, бьет головой о землю и теряет сознание, не слышит ни голоса человека, ни ударов. Это

последнее — уже плохое дело, лошадь может очень быстро околеть. Поэтому необходимо захватывать болезнь в самом ее начале. Главное дело в том, чтобы как только можно скорее освободить лошадь от содержимого у нее в кишках и желудке и тем предотвратить воспаление.

Лечение.

Заболевшей чемером лошади сейчас же дать слабительное № 1 (ст. 500) и независимо от сего через каждый час ставить ей клистиры из мыльной воды и постного конопляного масла (ст. 499) впредь до того, когда лошадь хорошо прослабит и очистит. Кроме того, если у лошади при этом сильное вздутие живота от скопления газов, то надо спустить: взять цевку в виде камыша, вершков в шесть длиной, с просторной пустотой внутри и толщиной в палец, и вставить ее вершка на два в задний проход, затем с другого конца дуть ртом в эту цевку и потом, придерживая рукой цевку и потом, придерживая рукой цевку в проходе, мять лошадь с боков в последние ребра и живот (что делает удобнее, если лошадь лежит), вследствие чего, при пожатии лошади с боков, будут быстро выходить газы, при остановке же их опять следует надувать воздухом изо рта через цевку кишки лошади и газы при соединении с воздухом вновь пойдут из цевки наружу при пожатии живота. Продолжая действовать таким образом, возможно облегчить лошадь от газов. Кроме того, в охлажденные ноздри лошади следует изо рта вдвухать поваренную соль и затем по вдутии соли потереть ноздри через храп рукой для того, чтобы лошадь начал фыркать, что способствует облегчению лошади. Главное же при лечении чемера отнюдь не позволять лошади кататься по земле, т.к. от этого бывает усиление болезни и тогда лечение не спасет лошадь от смерти. Когда же лошадь хорошо прослабит, и лошадь возьмется за корм и не будет ложиться, то это означает, что болезнь уступила лечению, и лошадь выздоровела. Если лошадь во время болезни, не уступающей лечению, начнет «носить боками», то необходимо ей бросить кровь, независимо от слабительного и клистиров.

509. Средство от запора мочи у лошади.

Общие признаки запора мочи. Лошадь при запоре мочи делается невесела, опускает голову и уши, смотрит на живот, иногда выражает желание лечь, жилится и надувается до извержения газов, вытянувшись как бы для мочеиспускания, но бесполезно.

Лечение.

Дать лошади две столовых ложки селитры, разведенной в одной бутылке молока, внутрь через рот и затем взять луковицу, разрезать ее на три части и из средней части луковицы осторожно облупить самое ее сердечко, оставив его толщиной немного крупнее толщины гусяного пера и это самое сердечко луковицы поглубже вставить рукой в мочевой канал лошади так, чтобы оно не могло выскочить само по себе. При этом надо лошадь поставить и через каждые четверть часа постепенно выливать одно ведро холодной воды на почки и крестец лошади. Сказанную же дозу селитры с молоком повторить через один час, но в большинстве случаев после вставленного сердечка лука, вынутого из луковицы, лошадь начинала мочиться и выздоравливала. Если кто-то умеет и имеет возможность, то спускают мочу у лошади посредством катетера. Если же при запоре мочи у лошади болезнь эта осложнена другими заболеваниями, например, воспалением и т.п., то тогда (сообразуясь с другими болезнями) производится и сообразное лечение лошади.

510. Средство от паршей у лошади.

<i>Состав мази:</i>	Чистого дегтя.....	4 фунта.
	Конопляного масла.....	1 фунт.
	Синего купороса.....	1/2 фунта.
	Горючей серы.....	1/2 фунта.
	Яри травянки.....	4 золотн.
	Сала свиного.....	1/2 фунта.
	и одну столовую ложку купоросного масла.	

(Наставление, как приготовить лекарство см. ст. 487).

Лечение. Больную лошадь в холодное время держать в топленой теплой избе, в летнее время — в теплом деннике, где бы не было сквозного ветра, а среди дня, в тихий безветренный день, можно держать лошадь на солнце. Как только сваренная подмазка остынет настолько, что едва может терпеть в ней рука, тогда человек должен взять конскую щетку и, обмакивая ее в очень теплую подмазку, мазать *всю лошадь*, втирая щеткой мазь особенно тщательно в шею, уши, вымя, морду, губы и гачи с внутренней стороны, словом, где больше свирепствует эта болезнь. Затем через три дня после мази, если короста не вся поднимется на концы шерсти лошади, то надо вымыть лошадь горячим щелоком с мылом, и по просушке лошади, повторить еще сказанное лекарство тем местом, где будет заметна эта болезнь и после каждого смазывания необходимо мыть лошадь через три дня горячей водой с щелоком. При этом кормить лошадь надо овсом и вообще хорошо, а также держать лошадь в тепле постоянно во все время лечения.

511. Средство от зачеса хвостов лошадьми

Кормить лошадь, зачесавшую хвост, папушным табаком вместе с овсом, полагая одну горсть мелко измятого папушного табака на один гарнец *спрыснутого* овса, *спрыснутого* для того, чтобы пристал к овсу смешанный с ним табак. Кроме того, необходимо три раза в день мыть лошади задний проход *крепким* красным рассолом, полагая на один стакан горячего кваса полстакана поваренной соли. Это необходимо ввиду того, что лошадь чешет хвост не вследствие того, что у лошади чешется, зудит задний проход, беспокоиваемый нередко выходящими из него угрями, которые от табака дохнут во внутренностях лошади и выходят уже мертвыми. Крепкий же квасцовый рассол успокаивает зуд у лошади в проходе и тем не менее, соль действует на угрей, которые, как вообще черви, не выносят соли.

Примечание 1. Вообще при лечении лошадей, когда приходится человеку обращаться с лошадью подле зада, необходимо поднимать лошади переднюю ногу и держать ее в руках до окончания осмотра или операции, во избежание того, чтобы лошадь не могла убить осматривающего или оперирующего человека задней ногой.

Примечание 2. Оканчивая вторую часть «Руководства ко псовой охоте», я счел нелишним упомянуть о некоторых средствах, испытанных мной против некоторых болезней собак и лошадей, зная, что не везде бывает возможность обратиться за помощью к ветеринару. При переломах костей и вывихах у собак и лошадей, следует немедленно обращаться за помощью к костоправам, имея постоянно в запасе на всякий несчастный случай полотняные бинты и лубки.

ЧАСТЬ III.

beckman.ru

ОТ АВТОРА

Приступая к изложению III части «Руководства», заключающей в себе правила производства псовой охоты, т.е. правила езды с собаками по всякому зверю, я для удобства изложения и для того, чтобы указать все существующие виды и способы езды, счел необходимым всю III часть моего «Руководства», независимо от первых двух частей его, как самую трудную для изложения, подразделить на два раздела, а каждый раздел — на два отдела, с подразделением каждого отдела на виды и способы езды, оставляя в остальном всю III часть «Руководства» в том же, что и первые две части, порядке положения глав и статей, и с особыми, где нужно, моими примечаниями. А поэтому все, не вошедшее в разделы, должно относиться ко всей III части «Руководства» вообще, не вошедшее же в отделы относится к тому разделу, в котором оно помещено и безразлично для обоих его отделов, и вошедшее в отделы должно относиться к тем только отделам, в которых то изложено.

ЧАСТЬ III

О производстве псовой охоты вообще

ГЛАВА 1

О СПОСОБАХ ПРОИЗВОДСТВА ПСОВОЙ ОХОТЫ

1. Производство псовой охоты подразделяется по времени охоты: на езду по чернотропу и на езду по белой тропе.

2. Псовая охота производится как по чернотропу, так и по белой тропе, двояким способом, а именно: или ездой с одними борзыми, или ездой с борзыми и гончими собаками вместе.

3. Езда по каждому зверю с одними борзыми или с борзыми и гончими собаками вместе, рознится от езды по другим зверям и имеет в обоих случаях свои исключительные правила.

4. Все способы езды с собаками, в отдельности взятые, имеют нередко противоположные правила, как, например, правила езды по зайцу, правила езды по лисе и правила езды по волку, а потому необходимо знать и помнить каждый способ езды, по каждому зверю отдельно.

5. Кроме всего этого, для производства охоты необходимо знать *«Главные основные правила псовой охоты»*, т.к. без знания этих правил на охоте всегда могут произойти спор, ссора, неприятности, положительная неудача поля и совершенно напрасный (не по вине собак) уход зверя, в ущерб дела псовой охоты, т.е. травли зверей.

ГЛАВА 2

ГЛАВНЫЕ ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА ПСОВОЙ ОХОТЫ

6. Псовая охота не должна представлять собой детской игрушки, а потому требует серьезного отношения к делу, вследствие чего нужно стремиться к тому, чтобы избежать по возможности публичного прохождения псовой охоты по улицам городов, сел и деревень, стараясь обойти полем или выгоном каждое жилое место, дабы не дразнить дворных собак и не быть предметом любопытства нередко балованной толпы праздных мальчишек и зевак.

7. Занимая квартиру, и во все время квартирования на ней, следует строго соблюдать порядок, тишину и благопристойность, причем вся прислуга должна помнить, что псовая охота существует только для охоты за зверем, а не для каких-либо непозволительных кутежей и гулянок по кабакам и трактирам, т.к. такие гулянки по веселым местам нередко влекут за собой очень грустные последствия для владельца охоты, который должен

служить примером для своих подчиненных и строго следить за своей прислугой, чтобы она всегда была на своих местах.

8. Неограниченное послушание и беспрекословное исполнение распоряжений владельца охоты или ловчего всеми лицами, участвующими в составе псовой охоты, обязательно необходимо для порядка, гармонии псовой охоты и удачи полей, т.е. главной цели псовой охоты.

9. Т.к. псовая охота есть своего рода удовольствие, то поэтому не следует отравлять удовольствие на охоте никакими ссорами и неприятностями.

10. Всякий спор, касающийся охоты, решается на квартире, а не в поле, владельцем охоты, без оскорбления самолюбия спорящих.

11. Производство псовой охоты должно быть основано на полном доверии друг к другу, и потому, чтобы не было ошибок в деле производства псовой охоты, не было неприятностей и ссор на поле между охотниками, никто из псовых охотников ни под каким предлогом не должен лгать и обманывать друг друга.

12. Псовый охотник должен быть непременно трезв на поле, сметлив, проворен, ловок, смел, хладнокровен, рассудителен, находчив, правдив, честен и беспристрастно справедлив.

13. Каждый борзятник обязан беречь занятый им лаз строго, тихо и тайко.

14. Никто из охотников, участвующих на охоте, не должен переезжать занятый борзятником лаз между ним и островом, дабы не помешать ему в нападении зверя, а должен объехать его сзади. Производить охоту псовые охотники должны всегда против ветра, за исключением езды уймистой по волкам, при которой иногда допускается езда по ветру.

15. Каждый борзятник обязан травить только своего зверя, который на него побежал, или которого он наехал, и только тогда, когда он увидит, что зверь от травившего его борзятника уходит, он обязан замастерить зверя и подпустить своих борзых в силу следующего главного правила псовой охоты.

16. Все охотники во время производства охоты обязаны непременно помогать друг другу, дабы найденный зверь не ушел, а был бы *обязательно затравлен*, в силу главной цели производства охоты, т.е. травли зверей, наблюдая при этом строго одно самое важное условие: «не жадничать к чужому зверю», т.е. побежавшему на другого борзятника, а честно и бесхитростно оказывать помощь товарищу только тогда, когда зверь от него уходит, т.е. собаки затянулись за зверем или они его не принимают.

17. В силу предыдущего правила, точно так же каждый борзятник обязан помогать выжлятникам, чтобы гончие не прорывались в поля, для этого протравивший зверя борзятник, если видит, что нет выжлятника, обязан прежде всего вернуть гончих в остров, окрикая их: «Стой, стой, гончие, стой!», а когда гончие останутся, тогда он должен отгोकать им: «Ого-го-го! Дошел, дошел, гончие, стой! Сюда, сюда!» и поворотить их, крикнуть на них: «В остров! Пошел, вались в остров, пошел, вались!» и погнать их в остров; иногда же непослушную гончую борзятник должен подловить и, привязав на свору, отвести к острову выжлятникам. Выжлятники же, в свою очередь, увидав вловивших в остров борзых, обязаны немедленно прогнать их из острова к борзятнику, а если борзая носится под гончими, то, подловив ее, хорошенько высечь арапником в острову и также прогнать из острова на зов борзятника.

18. Езда с одними и теми же собаками должна производиться никак не более двух дней кряду, а на третий день должна быть дневка для отдыха собакам, в противном случае можно затаскать и разбить собак так, что они не будут готовы для охоты на все время осени. И, кроме того, псовые охотники должны ездить с собаками всегда не иначе как шагом, как при выезде на охоту из дома, так и по возвращении с охоты домой, а равно и во все время производства псовой охоты, за исключением моментов травли, заездов или заскакивания зверя, словом, когда представляется только крайняя необходимость, переменить шаг на другой, подходящий к данному случаю, более усиленный аллюр.

19. Никто из охотников, участвующих на охоте, не должен мыкаться от одного борзятника к другому и тем самым нарушать тишину и порядок охоты.

20. Опушничать борзятникам вообще и ездить по опушке выжлятникам со стороны, где стоят с борзыми, строго воспрещается, за исключением езды болотистой.

21. Начинать травить, т.е. показывать борзым собакам зверя, следует только тогда, когда зверь бежит или побежал.

22. Когда же зверь не бежит еще, а только, отойдя от опушки, осматривает местность или идет полем, не замечая борзятника, то показывать его собакам *отнюдь не следует*, а в это время борзятник обязан, смотря по положению зверя, или *нажидать его на себя в меру*, или подъезжает к нему непременно шагом, сберегая борзых и не отвлекая на себя внимание зверя, или, дав волю зверю, избрать себе путь, замастерить его, предупредить его направление и сперечить или повстречать его. В противном же случае, не выдержав зверя, не узнав его намерения, что он хочет предпринять, борзятник из десяти девять раз или втравит зверя в остров, или прогонит его без травли, нередко не показав даже собакам, во всех случаях никогда, наверное, его не затравит, а только нарушит бесполовой скачкой порядок в охоте, произведет общую кутерьму и, в конце концов, бесполезно измучает свою лошадь и собак.

23. При травле зайца борзятник, желая показать его собакам, должен поскакать за ним и заатукать собакам, показывая арапником вперед на зайца и произнося учащенно вполголоса: «Ото-то-то!» до тех пор, пока собаки не пометят зайца. При травле лисицы и волка, борзятник точно так же должен поскакать за зверем и в первом случае, подняв арапник кверху, а во втором — поднять кверху правой рукой шапку, заулюлюкать собакам, произнося учащенно и вполголоса: «Улю-лю-лю! Улю-лю-лю!» до тех пор, пока собаки не пометят зверя. И только при травле волка, отскакав от острова, борзятнику позволяется, когда борзые догонят волка, ободрить собак своим присутствием и заулюлюкать им так, чтобы они услышали голос хозяина.

24. Когда затравлены заяц или лисица, т.е. пойманы борзыми, борзятник обязан, живо соскочив с лошади и отгокав борзым, произнося «Ого-го-го!», крикнуть на них: «Арап!» и принять моментально зверя от собак и зайца; отколов и отпазанчив задние лапки, второчить в заднее тороко на седло, первого с левой, а второго — с правой стороны и затем перекинуть зайца на другую сторону, так что первый заяц будет висеть с правой стороны головой вниз, а второй — с левой стороны и т.д., продолжая в таком же порядке, а лисицу пришибить в голову, по переносью, кнутовищем арапника и также второчить в седло, только не за задние ноги, а за шею, и перекинуть также на другую сторону седла трубой книзу и брюшком к седлу.

Примечание 1. При приеме лисицы от собак непременно удостоверится, хорошо ли она пришиблена, т.к. нередко были случаи, что лисица, не будучи убита по поспешности борзятника, оживала в седле, из-за чего неоднократно происходили грустные последствия: лошадь сбивала охотника и сама

убивалась наповал. Для большей уверенности в том, что лисица не оживет, следует поступать так: после того, как охотник пришибет ее кнутовищем арапника или, взяв за ноги и ударив головой о землю, стать одной ногой на шею лисице, а руками взять за задние ноги и, повернув лисицу (перекрутив), потянуть кверху, вследствие чего у лисицы произойдет смертельный вывих позвоночника.

Примечание 2. Откалывают и отпазанчивают зайцев так: левой рукой взять зайца за шею сзади или за уши, а правой отколоть зайца, воткнуть нож в его грудь между плечами на $1\frac{1}{2}$ —2 вершка в глубину, в вертикальном направлении, чтобы, проткнув кожу зайца, не ранить себя сильным ударом. После этого правой рукой взять зайца за заднюю ногу и, встряхнув его головой вниз, чтобы стекла кровь, отпазанчить его так: левой рукой взять зайца за задний пазанок, а правой на суставе пазанки сделать пониже колена надрез кожи, надломить руками сустав и, сложив на этом перегибе пазанок вдвое, прижать к кости, лежащей выше колена и затем, поддев нож правой рукой под надломленный сустав острым краем кверху, одним взмахом ножа вверх отрезать пазанок. Когда оба пазанка отрезаны, в одной из задних ног делают прорез между сухожилием и костью выше колена и вставляют в него другую ногу. В образованную таким образом ногами петлю продевают один ремень тороков и, подтянув зайца поближе к седлу, этим ремнем охватывают обе ноги зайца и затягивают петлю.

25. К принятому собаками волку борзятник, подскакав, обязан живо соскочить с лошади и, *улюлюкая борзым*, моментально взять волка за заднюю ногу и, не выпуская ноги из левой руки, воткнуть нож правой рукой под переднюю лопатку в бок волка. Когда же волк будет зарезан, борзятник подает голос в рог по волку*), затем берет борзых на свору и занимает свой лаз, оставив или стащив волка на примеченное им место, откуда по окончании охоты на волков и берут волка на телегу. Если же нужно бывает вывезти волка на сборное место на верховой лошади, то волка кладут поперек лошади на задние торока и правыми тороками привязывают волка к седлу под передние лопатки, а левыми — между ребрами и задними ногами поперек спины волка и в таком виде вывозят его на сборное место.

Примечание. Всякий зверь торочится на седло брюхом к лошади, а спиной вверх. Заяц — за задние ноги, лисица — за шею, а волк — поперек спины.

26. Пойманные борзыми в поле заяц или лисица принадлежат всегда тому борзятнику, чья борзая поймала зайца или лисицу и *не спустила*.

27. Волк принадлежит тому борзятнику, чьи борзые, приспев к волку первыми, его опрокинули, остановили на месте и приняли, а не тому, чьи собаки, догнав волка первыми, только его подвыщипывали и обрехивали: от такой приемки волк всегда будет бежать, отщелкиваясь на собак зубами и всегда уйдет безнаказанно. Поэтому пропагандируемое некоторыми охотниками правило, что *волк должен принадлежать тому борзятнику, чья собака его догнала первой и щипками задерживала его бег, хотя бы то была сучонка в пол-аршина*, не только неверно, но и нелепо по той причине, что волка подщипывающей его полуаршинной сучонкой никогда нельзя затравить, а если и пропагандируется, преимущественно вечными зайчатниками подобное правило, то это ясно доказывает только их желание при случае незаслуженно и в высшей степени недобросовестно воспользоваться чужой волчьей шкурой.

*) Голос подавать нужно только тогда, когда борзятник затравил волка из взводка, по случайно затравленному волку голоса не подают.

28. Подозренный в поле только один заяц (т.е. никакой другой зверь) принадлежит тому, кто его подозрел на логове и тем дал возможность желающим борзятникам померить резвость своих борзых. Подозренный заяц в таком случае принадлежит подозревавшему его даже тогда, когда у него нет ни одной борзой собаки.

29. «*Борзятник, береги поле и травы борзыми в поле, а доезжачий — гончими в острову*». На основании этого старинного правила пойманный зверь, хотя бы и борзыми, но в острову, где гоняют гончие, принадлежит всегда выжлятникам, в наказание борзятнику за непозволительное втравливание зверя в остров.

30. Зверь, затравленный в поле, когда никто не видел, чьи борзые его поймали, принадлежать тому борзятнику, кто первый прискакал к зверю и принял его от собак. Когда же при этом на звере были гончие, хотя бы даже одна собака, то зверя берет, бесспорно, прискакавший прежде борзятника выжлятник на том основании, что борзятник, обязанный беречь поле, не должен как втравливать зверя и борзых в остров, так и не должен их просматривать и вообще зевать в поле.

31. Громкое атуканье на зайца и улюлюканье на лисицу и волка во время их травли из-под гончих и во время езды по лисицам «в равнинку» и «в пороши» строжайше воспрещается, за исключением травли матерого волка, и то только в том случае, если собаки у борзятника ненадежны.

32. Громкое и продолжительное улюлюканье следует всегда понимать в смысле просьбы о помощи, поэтому, если борзые надежны, то и при травле даже матерого волка чрезмерно громкое и нередко в несколько голосов улюлюканье, ни к чему хорошему не ведет, т.к. этот страшный крик, шум, это нелепое, бессмысленное оранье на охоте кроме вреда, ничего не приносит, нередко даже отвлекая сиротливых борзых от их дела и нарушая тишину и спокойствие во всей охоте, без чего нельзя нажить зверя, только сбивает гончих и тревожит борзых других свор. Поэтому для правильной охоты необходимо борзятникам стараться травить каждого зверя как можно тише и никогда не входить в «телячий восторг», что нередко делают неопытные охотники.

Раздел I

Езда по чернотропу

ГЛАВА 3 ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

33. Езда по чернотропу, независимо от подразделения ее на езду с одними борзыми и борзыми и гончими собаками вместе (ст. 2), еще подразделяется по времени охоты на езду в брызги, езду по пожару и на езду осеннюю с ездой в узерку (см. ст. 176, ч. I).

34. Во всякое время, способное для охоты с борзыми и гончими собаками по чернотропу, псовая охота производится одними и теми же способами и правилами езды, которыми производится *езда осенняя*, занимающая собой (как самая главная и настоящая езда с собаками) весь I раздел III части «Руководства».

Отдел I

Езда с одними борзыми

ГЛАВА 4

ЗНАЧЕНИЕ ЕЗДЫ С БОРЗЫМИ И РАЗДЕЛЕНИЕ ЕЕ НА ВИДЫ

35. Езда с одними борзыми представляет иногда необходимость и столько разнообразия и удовольствия, что практикуется без исключения всеми псовыми охотниками.

36. Постоянно производится езда с одними борзыми только теми псовыми охотниками, которые не держат у себя стаи гончих собак, а в комплектных самостоятельных псовых охотах тогда, когда приходится брать такие изобилующие зверем места, где гончие собаки бывают совсем не нужны, за неимением таких мест, куда бы можно было набросить гончих и, кроме того, в отъезжих полях, при переходе с одной квартиры на другую, когда никто из «настоящих» охотников во время перехода полями не бросает гончих в места, хотя и подходящие для того, по той простой причине, чтобы не растерять гончих и не запоздать с ними приходом на квартиру, куда приходиться всегда следует засветло для того, чтобы не обмеркнуть в поле, не заплутаться и не проехать неизвестно куда, а также и для того, чтобы засветло успеть разместить все по своим местам на новой квартире.

37. При езде с одними борзыми всегда следует, смотря по степени усталости борзых и по времени, в которое производится охота, после каждой травли *непрерывно* давать борзым отдыхать, т.е. полежать, и еще лучше у воды, если таковую случится найти на поле, в продолжение 10—20 минут, а иногда и долее, если собаки ловили в очень жаркое время.

38. Езда с одними борзыми подразделяется на три вида, а именно: на *езду в наездку*, *езду в равнинку* и на *выездку на зарю*.

ГЛАВА 5

ЕЗДА В НАЕЗДКУ

39. Езда в наездку производится чрезвычайно разнообразными способами и потому, сообразаясь с местностью и временем, в которое производится охота, подразделяется на: езду на хлопки, езду на мышковку, езду с кричанами, езду с ищейками разного рода и вида, и на езду на узерку.

40. Все эти способы езды в наездку существуют для езды с борзыми в одну свору, т.е. для езды одного охотника, хотя можно ездить в наездку и в несколько свор, т.е. нескольким охотникам, но в этой езде общего между ними ничего быть не может, исключая приятную беседу во время отдыха или завтрака.

41. При езде в наездку борзые должны рыскать за охотником без своры, но непременно в ошейниках, для предупреждения всякой случайности, когда при необходимости охотник

мог бы взять собак на свору, при этом количество борзых в своре за охотником может быть вполне произвольное: от одной до четырех собак и, пожалуй, более, что зависит от вкуса охотника и качеств борзых, но правильное никогда не следует при езде в наездку иметь более двух собак в одной своре.

42. При езде в наездку каждый охотник старается отыскать сам себе зверя и поэтому несколько не должен обращать внимания на своих товарищей, т.е. других охотников (если они есть), сосредоточиваясь на одной только мысли, чтобы не оставить и не проехать не захваченного им ни одного подозрительного места, в котором можно ожидать найти зверя.

43. Все способы езды в наездку зависят вполне от местности, в которой охотник желает производить охоту, и от зверя, по которому он намеренно охотится, а потому необходимо рассмотреть каждый из этих способов езды в наездку отдельно.

1 способ: езда на хлопки

- а) Езда на хлопки производится всегда в местах отъемных по мелочам, по небольшим окладинам, величиной в одну десятину и менее того, по кочкарным, травяным болотам, в то время, когда пойдут уже заморозки, и по врагам, покрытым редкими небольшими кустиками мелколесья.
- б) Езда на хлопки производится только по зайцу, т.к. лисицу и волка при этом способе езды затравить никогда нельзя, разве только благодаря особенно счастливой случайности.
- в) Производить езду на хлопки возможно с одинаковым успехом во всякое время дня, т.е. и утром, и в полдень, и перед вечером.
- г) При езде на хлопки охотник, въезжая в мелочи или в отъем, искрещивает его на лошади во всех направлениях и хлопает в это время арапником, стараясь выпугнуть из него зайца. Борзые же его в это время должны находиться на опушке отъема и зорко следить, не побежит ли из-под арапника хозяина какой-либо зверь, которого они тогда и залавливают, а охотник, подняв в отъеме зайца, скачет за ним и травит собаками, атукая во все свое молодецкое горло по желанию, и теша тем свою широкую натуру, он несколько не будет вредить делу охоты при таком способе езды, т.к. только один этот единственный способ езды на хлопки позволяет без ущерба делу охоты, всякий крик и уханье при травле зайца.
- д) Для того, чтобы борзые рыскали по опушке и не шли за охотником в чащу, середину отъема, охотник должен, подъехав с борзыми к отъему, въезжать в него не прямо к центру, а кружить отъем по краю опушки спиральной линией, винтообразно, постепенно углубляясь к центру, и стоит только поднять одного-двух русаков в опушке, как борзые поймут, в чем дело, и сами уже после того не пойдут за охотником в отъем, а будут строго следить по опушке, наживая зверя из охлопываемого отъема.

2 способ: езда на мышковку

- а) Езда на мышковку начинается не ранее, как с первых чисел октября, когда красный зверь вылиняет и молодняк может задерживаться в полях, денничая для добывания себе пищи и нередко удаляясь для того на довольно значительное расстояние от мест своего взводка, и этот способ езды производится преимущественно в местностях открытых, т.е. полистых или степных по ссорам, жнивам, яровищам, голым врагам, обвалам и т.п. местам.
- б) Езда на мышковку производится преимущественно по лисицам, но тем не менее представляя собой один из самых правильных способов езды с борзыми наездку, дает положительную возможность находить и всякого другого зверя, с большей уверенностью на успех и удовольствие при травле.
- в) Самое лучшее время для производства езды на мышковку — это самое раннее утро, хотя охота может продолжаться в течение и целого дня, но во всяком случае, на мышковку выезжать следует из дома всегда затемно, чтобы успеть приехать к месту охоты на брезгу, т.е. задолго до восхода солнца. В это время лисица еще мышкует по полям, и поэтому всегда удобнее застать ее на поле и отрезать ей путь к возвращению к назьмам.
- г) Езда на мышковку производится вначале таким образом: приехавший к месту охоты, т.е. к лисьим местам (где преимущественно держатся лисицы) охотник слезает с лошади и, помещаясь у назьм или в полугоре, или в какой-либо окладине, лощине, впадине, чтобы не особенно быть на виду с лошадей, должен дожидаться в таком положении полного рассвета и, соблюдая при этом строжайшую тишину, не позволяя себе даже громко кашлянуть (для чего в случае приступов кашля, он должен снять шапку и откашляться, закрыв ею рот), наблюдать, не набежит ли на него возвращающаяся к назьмам лисица или какой другой зверь, которых, в случае успеха ожидания, он показывает собакам, садит на лошадь и травит молча.
- д) Когда же станет совсем светло, охотник садится на лошадь и с борзыми, также без своры, начинает езду по местам более подозрительным, объезжая тихо каждую густую кулишку в жнивах, каждую промывину, травяные межи и с глубокими бороздами ссоры, окладинки и кочкарные болота, но не позволяя себе в них хлопать арапником, стараясь изъезжать их на лошади, и при этом зорко должен следить, не краснеет ли что в полях, т.е. не лежат ли где в жнивах или взметах лисица, и не мышкует ли где она на зорьке.
- е) На заре, по росному следу, борзые легко зачуивают лисицу, и бывалые в поле собаки «смордничают»*), в этом охотник не должен им препятствовать, а, наоборот, должен помогать им в отыскании зверя, стараясь выезжать тщательно все подозрительные местечки в районе исхоженного зверем места, назирком и шагом преследуя борзых, которые нередко сами и находят зверя.
- ж) Когда же борзые, припав к следу на чутье, понесутся во все ноги, то это означает, что зверь пробудился, вскочил, и поэтому охотник должен в галоп преследовать борзых, смотря далеко впереди собак по сторонам, не мелькнет ли где пробудившийся зверь и, если увидит, то во все ноги должен броситься за ним на лошади, показывая его собакам тихим улюлюканьем и стремясь непременно приблизиться к зверю на лошади, чтобы удобнее было пометить его собакам.

*) Выслеживают чутьем зверя.

- з) Когда приходится показывать борзым побежавшего не в меру зверя, то скакать на лошади следует за ним не прямо, а слегка ломанной линией, таким образом всегда скорее можно ввоззреть*) борзых в зверя и не смять несущихся по лошади впереди собак. При этом надо знать, что скачка ломанной линией позволительна только на таком расстоянии, когда борзые могут пометить зверя, а когда начинаешь только уезжать чрезмерно далеко побежавшего зверя, то понятно, прежде всего надо стремиться приблизиться к зверю и ломанной линией увеличивать себе расстояние не следует. Когда же борзые пометят зверя, то охотник обязан тот час же сократить аллюр лошади и перейти на галоп на все время ловли борзыми, сберегая лошадь для предстоящих травлей.
- и) Езда на мышковку производится всегда тихо, без всякого крика при травле и без хлопанья арапником по отъемам, а также, как и всякая езда в наездку, требует частых (после каждой травли) отдыхов борзым собакам.

Примечание. Некоторые охотники находят вредным для собак после травли подпускать их для отдыха к воде на том предположении, что будто бы с собаками из-за этого делаются колики, разбитие ног и т.п. заболевания. Но я с этим предположением не могу согласиться на том основании, что в продолжение долголетней моей практики у меня ни одна зарьявшая собака от воды не заболела, а наоборот, мне неоднократно приходилось спасать от смерти зарьявших борзых водой, и один раз в моей жизни, когда я не успел донести зарьявшую собаку до воды, то из-за этого я потерял ее — она околела. Это случилось таким образом: придерживаясь старинного обычая, 1 сентября как в день охотничьего праздника, псовым охотникам необходимо сделать первый выезд на охоту, я всегда выезжал в этот день с собаками в ближайшие к дому острова. На грех, как нарочно, в одном из этих островов, в которых кроме двух-трех зайцев никогда ничего нельзя было найти, гончие натекли волка, которого и выставили на одного из моих борзятников; тот, вероятно, не выдержал зверя и втравил его опять в остров, с которого он вынесся саженьях в полутора от меня и закружил полем к казенному лесу. Поле было верст на пять. Я не выдержал и замастерил его лощиной, несмотря на невыносимый жар в этот день. Выскакав из лощины, я сперечил волка с тремя кобелями не далее 20 сажень. Когда я заулюлюкал и показал его собакам он поворотил было по угону, но Завьял живо его достал и осадил за гачу, приспели остальные — и волка накрыли, но удержать не могли, волк стрехнул собак и бросился к лесу. Завьял опять достал волка и треснул его и ухо сбоку, волк опрокинулся, молодой кобель Завид вцепился в гачу, а Отмен с Завьялом приняли волка в горло, словом, растянули так, что мой стременной, мальчик лет 14, догоняющий меня с двумя крымками, которые также вцепились в волка, крикнул мне: «Барин, отбивайте всю шкуру изорвут!» (я долго после того смеялся над ним и вспоминал его азарт). И я действительно соскочил с лошади, чтобы принять волка, как вдруг он опять стряхнул собак к ушел в лес, на ходу подрываемый крымками и провожаемый неистовым улюлюканьем стременного. Из моих же собак не одна не поскакала за волком, все остались на месте с высунутыми языками, страшно дыша и шатаясь, как пьяные. Зарьялость собак была так велика, что с ними начались колики и спазмы, собака не могла двинуться с места и при малейшем движении, а

*) Т.е. показать борзым.

также при дотрагивании до нее, она взвизгивала и издавала жалобные стоны. Дело принимало плохой оборот в наказание за мое малодушие: не следовало мне травить в такое жаркое время! Я бросил лошадь и на руках стал носить собак в воду, находящуюся от места катастрофы саженях в семидесяти. Пока я успел перенести поодиночке двух собак и положить их в воду, и когда шел уже за третьей — за Отменом, то он на глазах моих как стоял, так и шлепнулся на бок с вытянутыми ногами, я побежал к нему, но не успел захватить его живого: запрокинув голову кверху, он потянулся, задрожав всеми членами, и с вытянутыми, как палки, ногами, тут же отошел, окостенев моментально. Те же собаки, отлежавшись в воде, встали, пошатываясь и повизгивая из воды на берег, где, полежав немного, совершенно оправились и вполне здоровыми пришли за мной домой, не имея никаких последствий простуды от воды. И таких примеров, на которых я убедился, что вода только спасает от смерти зарьявших собак, не причиняя *никогда* собакам никакого вреда, я мог бы представить массу, а потому смело утверждаю, что ни вода причина разбития ног у собак, колики, спазм и др. болезней, а скорее бестолковая езда с ними без отдыха и дневок.

3 способ: езда с кричанами

- а) Езда с кричанами, в сущности, есть дело не псовой охоты, а скорее охоты ружейной, т.к. для ружейников это дело может быть организовано вполне правильно и всегда будет достигать своей цели, но для езды с борзыми кричане могут принести столько же пользы, удобства и удовольствия, сколько может доставить неприятного ожидания псовому охотнику каждая случайность, позволившая ему неожиданно или травить неожиданного зверя, или, видя много зверя, не сметь ни одного из них показать борзым с уверенностью на успех. При езде с кричанами последнее случается чаще и вернее, когда борзятник, проехав нередко целый день, возвращается с порожними тороками домой. Происходит это от того, что кричане могут только своим криком взбудить зверя, но никогда не выгонят его в поле из крепкого места. Всякий зверь, по чувству самосохранения, стремится не в открытое поле, а всегда к местам крепчайшим, поэтому зверь, взбуженный кричанами в крепком месте, никогда не пойдет в поля, где могут и должны стоять охотники с борзыми, а будет лазить, нередко между цепью кричан, по излюбленным и изученным им лазам в том же крепком месте, где с большим удобством могут и должны встречать его ружейники, но где никогда не могут находиться с борзыми псовые охотники, ибо в лесу, в чаще, борзые ловить не могут. А из этого выходит, что для того, чтобы выгнать зверя из крепкого места, нужны гончие, преследующие по следу и настигающие в острову зверя, а не кричане, не обладающие способностью незаменимых верных и паратых гонцов. А потому ввиду вышеизложенного езда с кричанами может только производиться с успехом для псовых охотников по отъемистым мелочам, небольшим окладинам, кочкарным и травяным болотцам, словом, только там, где всегда возможна и более целесообразна езда на хлопки*).

*) Я сказал «целесообразна» ввиду того, что обязанность каждого охотника — стремиться к тому, чтобы затравить каждого найденного зверя, а не распугивать их только, поэтому, выскакивая из-под арапника преимущественно поодиночке, зайцы могут быть все до последнего перетравлены, а из-под кричан могут сразу побежать несколько зайцев, и тогда по пословице «За двумя зайцами не угонишься», наверное, некоторые из них уйдут даже и без травли.

- б) Кричан охотник нанимает из местных крестьян по условленной поденной цене и вывозит их на телегах к местам охоты, где они уже пешком обходят по указанию охотника отъемные островки, и своим криком и гайканьем выпугивают из них зверя. Если при такой езде несколько свор охотников, то они окружают со всех сторон отъем, и каждый травит своего зверя, т.е. который на него побежал, при этом борзые должны быть у всех охотников на сворах. Других правил для езды с борзыми и кричанами существовать, ввиду вышеизложенного в § а, не может и потому для псовых охотников езда с кричанами настолько представляет невинную детскую забаву, насколько правильно организованная облава с кричанами для ружейников (имеющая положительные свои особые правила при загонах) представляет серьезный и самый страшный способ охоты в смысле уничтожения всякого рода зверей массами. Но это удел ружейных охотников, а для нас, псовых охотников, такой способ охоты заменяет, только с большей прелестью в смысле поэтичности, порядочности, в смысле дела (я не могу выразить удачнее, яснее) более облагороженного и комфортабельного, недоступного по своим высокоблагородным принципам никакому обществу тенетчиков-промышленников, только одна комплексная, правильно организованная и самостоятельная псовая охота, т.е. правильная езда с борзыми и гончими собаками вместе.

4 способ: езда с ищейками

- а) Езда с ищейками всякого рода и вида представляет собой способ езды, так называемый, «*однодворческий*», т.е. способ охоты промышленника, у которого есть пара борзых собак и при них какая-либо дворняга-ищейка, или лягаш, или лайка, а иногда и старая, пешая, какая-нибудь из сбывчивых гончая собака, которая, занимая у него при доме обязанности дворняжек-сторожей, вместе с тем служат ему и для охоты.
- б) Езда с ищейками производится также в местах более полистых, где удобно травить борзыми, т.е. по мелочам, отъемам, болотам, жнивам, яровищам, сорам, удобным врагам и т.п. местам, и совмещает в себе все способы езды в наездку, причем охотник должен соотноситься с местностью и временем, так, например: в начале осени, вскоре после уборки с полей хлебов, когда лист на деревьях еще не трогается, т.е. не опадает, когда заяц лежит тайко и крепко, тогда охотник при езде по зайцу, независимо от того, что ищейка, бегая впереди его, ищет, может крепкие местечки в кустах по отъемам и прохлопывать, когда же он едет по лисицам, то хлопать арапником и шуметь никогда не следует, так же как и в позднюю осень, когда заяц бывает пудчее и когда всегда следует рассчитывать наехать и лисицу, в местах, где лисицы бывают или водятся.
- в) Езда с ищейками производится таким образом: охотник выезжает в поле с борзыми без своры и с одной или двумя ищейками, которые, бегая впереди охотника по полям, ищут ему зайцев, а иногда и лисиц, которых охотник (когда зверь побудится) и травит борзыми собаками. При езде с ищейками, когда они начнут в полях причуивать (что охотник замечает по их особенной суетливости, усиленному размахиванию хвостами и тщательному разнохиванию следов), причем припадают чутьем к земле, в чем нередко принимают участие и борзые, охотник должен как можно тщательнее изъезжать подозрительные места, преследуя собак и смотря во все стороны зорче, не вскочит ли где какой зверь и не побудился ли он из-под собак, чтобы не прозевать его.

Примечание. Эти оба способа езды в наездку, т.е. как езда с кричанами, так и езда с ищейками, нередко могут быть заменяемы способом езды с верховыми (без собак) «хлопальщиками», которые при езде по зайцам, въезжая в отъемы, хлопают арапниками и выгоняют зайцев, которых охотник с борзыми и травит, а при езде по лисицам «хлопальщики» уже не хлопают арапниками, а стараются только тщательно изъезжать все подозрительные в поле местечки и тем способствуют охотнику с борзыми в отыскании зверя.

5 способ: езда на узерку

- а) Езда на узерку производится в самое позднее время осени, когда заяц уже «выцветет», станет «цветным» или «цвелым», т.е. вылинявшим, переменившим летнюю шерсть на зимнюю, когда пожелтевший лист на деревьях почти весь облетит, когда заяц от постоянно беспокоящего его шума от опавших листьев выйдет из леса в поля, а из выбитых стадами жнив, яровищ и т.п. мест переберется в озими и взметы, словом, когда охотник может легко и далеко увидеть — «узреть» зайца, т.е. «подозреть» его на логове. Такое время охоты с борзыми поэтому и называется «узеркой» и для любителей травли зайцев составляет истинное наслаждение, т.к. в «узерку» всегда представляется более возможности рассмотреть и сравнить резвость борзых собак.
- б) Езда на узерку производится в местах полистых и более открытых, при этом охотник не должен хлопать арапником, а должен стараться подозревать зверя на логове. Зайца искать в узерку следует преимущественно в озимях и взметах, а лисицу — в жнивах, сорах и взметах, как в более излюбленном зверем местах для лежки, но тем не менее оставлять без внимания никакой местности не следует, т.к. всякий зверь в местах, где он держится, нередко и по независящим от него обстоятельствам, может залегать везде, где представится к этому возможность.
- в) При езде на узерку борзые за охотником должны рыскать без своры, и в местах, изобилующих зверем, они необыкновенно скоро привыкают ловить на логове, что в неспособное время и в неспособном месте для травли бывает нередко бесполезным, в предупреждение случайностей, когда собака может или вытянуть себе жилы в очень топкое время, или оборваться в колоть и жечь так, что нескоро будет годна для охоты или даже убится, нередко смертельно, в местах обрывистых или по косогорам, изрытым промывинами, или в пеньках по порубу.

Примечание. Хотя ни одна борзая собака при ловле, во время скачки за зверем, не гарантирована от возможности убится насмерть и на ровном, как паркет, месте, но тем не менее по пословице «*Береженого Бог бережет*», каждый охотник, обязанный беречь своих собак, должен всегда по возможности предупредить случайности и избегать всего того, что может клониться к вреду его любимцев, так, например, травля в пеньках по порубу всегда дает больше шансов опасаться, чтобы борзая не убилась и поэтому этой травли в пеньках охотник должен по возможности всегда избегать и т.п.

- г) Чтобы приучить борзых ловить на логове, охотник должен, когда подозреет зайца, подъехать к нему сажени на три, а если можно, даже ближе и затем

остановиться на лошади передом к зайцу, начать, тихо называя собак по кличкам и в это время подняв арапник кверху, им атукать, произнося протяжно: «А-ту-е-го!» и, постепенно усиливая голос, наблюдая за положением зайца, чтобы очень громким голосом не взбудить его несвоевременно, продолжать атукать, возбуждая тем борзых до тех пор, пока борзые увидят зайца, или он не улежит и сам вскочит, и тогда борзые его заловят. Если же молодые борзые, несмотря на атуканье, но уже возбужденные необыкновенным для них действием охотника, не понимают еще приказания и не видят зайца, то тогда охотник берет кусок прикормки (которая всегда должна быть в кармане борзятника) и, подняв также руку с прикормкой, вместо арапника, кверху (предварительно дав понюхать прикормку ближайшей к нему борзой) продолжает также протяжно атукать, потом вдруг бросает прикормкой в зайца, от этого борзые, бросившись за прикормкой, побудят зайца, который вскочит и побежит, а собаки тотчас же его заловят, позабыв и о прикормке. После этого поймают борзые зайца или он уйдет от них (что для собак при первых разгах безразлично), надо подозревать другого зайца, и когда охотник проделает над ним точно такую же процедуру, борзые сейчас же поймут в чем дело и после первой возможности захватить зайца на логове или на первых его прыжках у логова, они уже никогда не забудут не только возгласа атуканья, но даже и знака поднятия руки с арапником кверху, и при этих сигналах охотника борзые будут, моментально ввоззрившись, без промаха ловить и зайца, и лисицу на логове.

Примечание. При этом охотник должен быть как можно осмотрительнее, т.к., погорячившись, обозревший охотник нередко и очень легко может принять какой-нибудь камень, кость лошадиной головы или пень за зайца и тогда, заатукав над ним по ошибке, может насмерть убить наметанную борзую или расшибить все зубы ей о камень и т.п., что нередко у горячих охотников с борзыми собаками и случалось.

44. Все указанные способы езды в наездку дают полную возможность псовому охотнику, соображаясь с местностью, временем и зверем, за которым он намерен охотиться, применять каждый из вышеуказанных приемов к представляющемуся ему данному случаю на охоте, и умелое использование этих приемов *во всех* способах псовой охоты, хотя бы даже при езде с борзыми и гончими вместе, будут доказывать только мастерство или искусство езды псового охотника. Поэтому для псового охотника мало еще знать на память все правила езды с собаками, а главное — ему нужно уметь применять их на деле и умело ими пользоваться, что вполне уже зависит от опытности и сообразительности псового охотника, а частью и от его страсти к псовой охоте. А вследствие этого есть много псовых охотников-любителей, которые на словах, кажется, знают все и все правила езды с собаками, но, не умея их применять и ими пользоваться на охоте, никогда не могут успеть в деле псовой охоты против настоящего ездока псового охотника, чем и оправдывается нередко пословица «Дело мастера боится».

ГЛАВА 6 ЕЗДА «В РАВНИНКУ»

45. Езда в равнинку может производиться борзятниками только в несколько свор, и чем больше свор участвует в охоте, тем лучше в смысле большей уверенности на успех охоты,

если же менее трех свор, т.е. менее трех человек борзятников выезжает в поле, то производить езду в равнинку нельзя.

46. Слово «равнинка» образовалось от слова «равнение», т.к. главное правило езды в равнинку и заключается именно в *умелом равнении местами* борзятников рассыпным и развернутым фронтом и в равномерном движении этого фронта, насколько это позволяет местность.

Примечание. Хотя выражение «*проравниваться местами*» может относиться и к одному борзятнику, но тем не менее нельзя из этого выводить заключения, чтобы возможно было в одну или в две своры производить езду в равнинку с соблюдением существующих для этой езды правил и с уверенностью в успехе.

47. *Умелое равнение борзятников* заключается в том, чтобы уметь не оставить не одного подозрительного на своем пути места, не проехать мимо зверя, не потерять линии равнения, не ехать проеханным уже другим борзятником местом, т.е. не быть у него «на хвосте», не переезжать никогда пути соседнего борзятника, не жать его, т.е. не теснить, и не теряться самому при равнении из вида ближайшего товарища.

48. Езда в равнинку производится преимущественно по лисицам и поэтому не требует чересчур тщательного изъезживания подозрительных мест, т.к. красный зверь вообще несравненно осторожнее и пудчее зайца, и поэтому достаточно проехать только кроме или поперек подозрительного места, чтобы залегший в том месте зверь тотчас же побудился и побежал.

49. При езде в равнинку плохо высворенные борзые должны быть *непрерывно на сворах* для того, чтобы во время травли одним борзятником, борзые собаки от другого борзятника не уносились бы на ту травлю и оттого не вымахивались бы бесполезно, а хозяин их не оставался бы без собак ни на одну минуту.

50. При езде в равнинку строго воспрещается хлопать арапником, и вообще эта езда должна производиться с соблюдением полнейшей тишины, без шума, громких возгласов при травле зверя и при зове проловивших борзых и даже, если есть вероятность наехать зверя в известных местностях, борзятникам воспрещается громко кашлять и тем более вести между собой громкие разговоры.

51. Хотя езда в равнинку может производиться и в продолжение целого дня, но езда в самое раннее утро, захватывая места до прихода стад, которыми нередко распугивается зверь с полей, *всегда дает большие шансов* рассчитывать на более удачный успех работы.

52. При езде в равнинку каждый борзятник обязан обращать внимание на товарищей и своей ездой не портить охоты товарищу, а, наоборот, должен помогать ему, так например, если бы борзятник *А* ехал правым фланговым от борзятника *Б* и подозрел впереди себя, предположим, лисицу, то тогда *А* должен заехать лисицу не с левой стороны от *Б*, а с правой стороны от поля, для того чтобы лисица могла скорее побежать в сторону борзятника *Б*, а не в чистые поля и т.п.

53. При езде в равнинку борзятники, приехав к месту охоты, разравниваются развернутым фронтом и захватывают место поля, назначенного к проходке с борзыми, на расстоянии один от другого, например, в сорах — не ближе 150 саженой, в жнивах — не ближе 200 саженой, а в более открытых местах — и того далее друг от друга. Жаться один

к другому нет никакой надобности, чем дальше борзятник от борзятника будет ехать, тем лучше, т.к. лисица вообще такой зверь, которого подозревать всегда можно довольно далеко, и притом лисица сама очень близко, за редкими исключениями, к себе не подпустит. В большинстве случаев лисица вскакивает от охотников очень далеко и поэтому, находясь на более далеком расстоянии один от другого, борзятники всегда удобнее могут сперечить и завстречать побежавшего зверя. Поэтому нисколько не будет считаться неправильным, если борзятники будут держать линию равнения в известном месте и на более далеком один от другого расстоянии, которое очень часто может доходить до 400 и более сажень, в особенности в самое позднее осеннее время, когда зверь бывает вообще строже и пудчее.

54. Линия равнения борзятников должна иметь как бы дугообразную форму так, чтобы середина линии вначале, постепенно отставая, дала бы возможность фланговым борзятникам забрать переда и затем уже вся линия равнения должна постепенно держаться такой фигуры, образуя собой полукруг борзятников, строго соблюдающих принятые ими и приблизительно равные между собой интервалы.

55. Равняться следует по ловчему или по знающему места борзятнику, который непременно должен идти серединой линии равнения. По нему борзятники равняются и при поворотах его в какую-либо сторону, меняя направление равнения, должны соотноситься с его действиями, так например, при повороте ловчего в левую сторону левая сторона борзятников, т.е. левое крыло, осаживает, а правая сторона забирает переда; при повороте ловчего направо правая сторона борзятников, т.е. правое крыло, осаживает, а левая сторона забирает переда, соблюдая при этом равенство интервалов и форму линии равнения.

56. Если при езде в равнину побежит лисица далеко и по угону от срединного борзятника, то фланговые, а иногда и ближайšie к нему борзятники обязаны замастерить лисицу непременно ко врагам, т.к. лисица всегда старается бежать врагами, и притом, соотносясь с местностью и направлением зверя, мастерить следует или от назым, или от крепких лесных мест, или болотистых. Вот в этом-то умении захватить зверя и заключается искусство и мастерство езды борзятника, а для того, чтобы, не мучая лошадь и собак бесполезной скачкой, уметь занять самую выгодную для себя позицию, борзятнику никогда не следует горячиться, а наоборот, следует всегда хладнокровно, но быстро сообразить положение местности и направление зверя и только тогда предпринять должно что-либо к тому, чтобы зверь не ушел.

57. Если при езде в равнину кто-либо из борзятников, занимающих среднюю часть линии фронта, обозрит, т.е. увидит вдали мышкующую лисицу или бродящих волков, то обозревший зверя борзятник обязан моментально остановиться и, подав известным пантомимный сигнал по лисе или по волку, обратив лошадь головой к зверю и не спуская его с глаз, не трогаться с места до тех пор, пока остальные борзятники быстро и осторожно подходящими аллюрами, смотря по положению зверя и по мере расстояния между зверем и борзятниками, выдвигаясь вперед и передавая один другому на ходу означенный пантомимный сигнал обозревшего до фланговых включительно, не закружат зверя, т.е. пока не возьмут его в круг, после чего борзятники, обратив лошадей в сторону зверя, т.е. к центру круга, едут на него шагом, постепенно суживая кольцо круга, и когда зверь побежит, прорываясь из круга, то ближайšie к нему борзятники начинают его травить.

58. Если обозрит мышкующую лисицу или бродячих волков фланговый борзятник сбоку, т.е. в стороне от линии равнения, то он обязан также, обратив лошадь головой к

зверю и дав пантомимный сигнал, остановиться и стоять в таком положении до тех пор, пока борзятники его крыла, до срединного или до ловчего *не включительно*, не примут направления в поворот направо, если обозревший зверя — правофланговый, и направление в поворот налево, если обозревший — левофланговый, а срединный или ловчий с другим, противоположным крылом борзятников, не подравняется к ставшему таким образом срединным фланговому борзятнику (обозревшему зверя) с другой стороны, т.е. если обозревший — правофланговый, то с правой стороны, а если — левофланговый, то с левой его стороны и, став к нему ближайшим борзятником, изменив моментально подходящими аллюрами направление фронта под прямым углом, не возьмут зверя в круг способом, указанным в предыдущей, 57 статье, соблюдая при этом строго: быструю на ходу передачу товарищам поданного обозревшим зверя сигнала, и помня: когда правое крыло делает поворот в поворот направо, то левое крыло должно делать поворот в полтора оборота направо, а когда левое крыло делает поворот в поворот налево, то правое крыло делает поворот в полтора оборота также налево, вследствие чего при перемене фронта правое крыло становится левым, а левое крыло — правым.

59. Если фланговый борзятник обзрит мышкующую лисицу или бродящих волков впереди себя, т.е. перед собой, то точно также останавливается, дает пантомимный сигнал и стоит в таком положении до тех пор, пока борзятники его крыла не объедут его сзади, а срединный или ловчий с другим крылом борзятников не примкнут к обозревшему зверю и, таким образом оставив его срединным в линии фронта, не возьмут зверя в круг, поступая по всем сказанным в предыдущих статьях способам.

Примечание. Все выраженное в статьях 56—59 относится до зверей, обозранных борзятниками на очень далеком расстоянии; когда же попадет зверь борзятникам на таком расстоянии, что борзые могут его пометить, то тогда они его тут же начинают травить, как только зверь побежит (см. ст. 139, ч. III «Мера»).

60. Равняться борзятники должны ломаными линиями, стараясь переезжать поле поперек борозд или, по крайней мере, наискось их, для того чтобы было виднее и удобнее подозреть зверя, лежащего в бороздах, при этом подозрительные местечки, как например, крушистые взметы, озими, густые кулижки в жнивах, сорах, бобовники, травяные рубежи, промывины, впадинки, ложбинки, отвершки и т.п. борзятники должны непременно захватывать мимоездом и тщательно высматривать.

61. Если борзятнику придется равняться по пути, врагом, то он не должен ехать руслом врага, а непременно по его краю, и то только в том случае, если по полугорью врага есть подозрительные местечки, т.е. промывины, кустики и бобовники, в большинстве же случаев борзятникам следует надеяться наехать зверя вблизи врага, сажень в 50-ти, а иногда и немного далее, во впадинках, отвершках, густых кулижках в жнивах, болотцах и т.п. местах, т.к. характерная особенность красного зверя заставляет его держаться всегда в местах слизистых, т.е. способных для осмотра своих преследователей и тайкого слеза от них, а потому красный зверь избирает всегда себе места для лежки самые подходящие и преимущественно держится на высоких местах около врагов, залегая в тайничках, т.е. местах, называемых охотниками подозрительными.

62. При езде в равнину, как и при всякой другой езде с одними борзыми, необходимо после каждой травли давать отдыхать собакам (ст. 35) и при том уметь во время этой езды никогда не отставать от своих товарищей, не употребляя для этого никакого другого аллюра, *кроме шага*, при этом следует помнить, что каждый борзятник обязан *всегда* сберегать силу своих собак и своей лошади, а поэтому затравивший или протравивший

зверя, и от того отставший от товарищей борзятник должен всегда *не спеша хорошенько дать отдохнуть проловившим собакам*, имея ввиду, что равнение производится борзятниками ломаными линиями, а он, избирая кратчайший для себя путь и догоняя их прямой линией, всегда может поспеть к ним очень скоро шагом, не измучив при этом ни своих собак, ни лошади; в выборе пути он должен соображаться с направлением равнения и местностью, так всегда поступают дельные охотники-ездоки, поспевая куда нужно всюду вовремя.

63. Выбывшего из линии равнения борзятники не дожидаются, а должны, немедленно сомкнувшись, занять интервал выбывшего борзятника и продолжать равнение до окончания проходки известного места.

64. Отставший борзятник, догнав линию равнения, занимает место в линии борзятников по своему усмотрению, где найдет удобнее, с фланга или где-либо в середине линии, в последнем случае борзятники обязаны разомкнуться в линии на дистанцию соблюдаемых интервалов и дать место догнавшему их товарищу.

65. При езде в равнинку все своры борзятников по проходке *каждой* указанной местности съезжаются к владельцу охоты или по его приказанию к ловчему, где спешиваются в ожидании дальнейших распоряжений и дожидаются не подъехавших еще остальных товарищей.

Общее примечание. При езде в равнинку и вообще при производстве псовой охоты соблюдать первоначальный порядок номеров, как это бывает на облавах у ружейников (т.е. чтобы № 1 находился подле № 2, а № 2 — подле № 3 и т.д.), нельзя, да и требовать от псовых охотников постоянного соблюдения порядка номеров (т.е. чтобы Иван был всегда подле Петра, а Петр подле Сидора и т.п.) *никогда не следует*, в особенности при езде в равнинку на том основании, что из-за этого беспрестанно должны будут делаться несвоевременные остановки в ожидании отставших борзятников, или отставшим борзятникам придется догонять своих товарищей всегда рысью, в ущерб собакам и лошадям, а следовательно и всему делу охоты, и тем более, что псовая охота по обстоятельствам дела, иногда совершенно независимо от желания борзятника сохранить соседство, *положительно* не допускает такого условия или порядка*), а вследствие того при езде в равнинку очень легко и очень часто принятый первоначально порядок может быть представившимся случаем всегда нарушен, а потому нередко приходится находившемуся в середине борзятнику очутиться крайним или фланговым, и наоборот. В интересах более успешной травли и в интересах дела псовой охоты вообще, нужно знать только количество свор борзятников, качество занятых ими лазов, какая сторона бережет поле и какая без охраны, а при равнении захвачено ли правильно поле необходимыми, смотря по местности, интервалами. Вот все, что нужно знать для распорядителя охоты, а кто подле кого стоит или едет во время псовой охоты — это не должно иметь особого значения, при условии, лишь бы лазы не оставались незанятыми, и при равнении не пустовали бы интервалы выбывших борзятников.

*) Исключая стремного при господние, т.к. эти двое охотников должны представлять одно целое и занимать одно место.

ГЛАВА 7

ВЫЕЗДКА НА ЗАРЮ

66. Выездка на зарю производится только в такое время осени, когда гнездари начнут водить с собой молодых волков на добычу, но еще держатся при гнезде. Такое время в средней полосе России для наездки на зарю начинается с сентября и продолжается до последних чисел октября, т.к. в конце октября волки уже начинают бродить в разные стороны и, хотя придерживаются еще места своего взводка, но тем не менее редко остаются там, где случится им ободнять.

67. Выездка на зарю может производиться и в несколько свор борзятников, и в одну свору, т.е. и одним охотником.

68. В комплектных, самостоятельных псовых охотах выездка на зарю практикуется борзятниками не всегда по той причине, что перетравить волков борзятникам комплексных охот представляется более возможности из-под гончих, а если и практикуется иногда в комплектных псовых охотах такой способ охоты, то только для натравливания молодых борзых собак на волков, за неимением в сворах опытных борзых волкодавов, и у мест уймистых, из которых наждать в чистые поля волков из-под гончих борзятникам не представляется никакой возможности. А поэтому, при желании натравить молодых борзых собак на волков, борзятники должны травить их, *начиная непременно с прибылых*, т.е. молодых волков, и притом с самого раннего времени осени. Те же псовые охотники, которые не держат у себя стаи гончих собак, не обладают хорошими борзыми-волкодавами, практикуют такой способ охоты за волками, т.е. выездку на зарю в продолжение всей осени, до самых порош, и при этом травят волков всякого возраста.

69. Выездка на зарю может производиться только у взводка волков, т.е. у гнезда, и поэтому, чтобы производить охоту таким способом, нужно прежде всего обыскать взводок волков способом, указанным в главе 21, III части «Руководства», и затем уже, изучив ходу волков на добычу, можно начать выездку по зверю.

70. На выездку на зарю борзятники должны выезжать из дома или из квартиры затемно, чтобы успеть затемно доехать до места охоты и занять места на берегу, нажидая волков с похода, должны оставаться до полного рассвета, приблизительно часов до 8 или 9 утра, после чего борзятники могут возвращаться домой или проравниваться местами, по желанию.

71. При выездке на зарю количество борзых собак за каждым борзятником должно быть не менее трех и не более четырех собак в одной своре.

72. Во время выездки на зарю молодые борзые собаки должны быть все непременно на сворах, дабы они не могли унести от охотника за чем-либо на темной заре в сторону. А поэтому, чтобы удобнее было держать четырех собак на своре (т.к. более трех собак водить на своре, сидя на лошади, никогда не следует) и для того, чтобы не отдавать какой-либо из борзых лапы лошади, борзятник должен по приезде на место, спешиться и, собрав всех молодых своих борзых собак на свору, стоять с ними на лазу пешком, в нажидании волков, а не сидя на лошади.

73. Во время выездки на зарю со старыми, т.е. бравшими уже волков, надежными борзыми-волкодавами, всех собак держать на своре никогда не следует, а должно оставлять двух собак всегда без своры, а остальных двух собак *непременно иметь на*

своре по следующим соображениям; во-первых, потому, что на темной заре, т.е. на брезгу, собаки всегда скорее охотника могут осмотреть зверя и, находясь без своры, скорее могут к нему приспеть и с ним покончить, а во-вторых, потому, что на рассвете всегда может представиться возможность, имея двух собак на своре, одновременно затравить двух волков, показав бессворным собакам прежде одного, а тем, которые на своре, в то же время другого волка. При этом оставлять без своры следует тех собак, в которых охотник может быть более уверен, что они, кроме волка, ни за чем другим, т.е. ни за птичкой, ни за дворной собакой и ни за какой-либо домашней скотиной не бросятся и от охотника на темной заре не унесутся.

74. Выездка на зарю производится следующим порядком: приехав к месту охоты, борзятники занимают места со стороны волчьей ходы затемно и расстанавливаются или в опушке острова, в котором находится гнездо волков, или по полю, саженьх в ста приблизительно от этого острова в каких-нибудь отъемах (если таковые находятся на пути волчьей ходы), или у ометов какой-либо соломы, или у стогов сена, или у какого-либо дерева или куста, если что-либо подобное имеется в этой местности, словом, нужно стараться, чтобы борзятник занимал место в поле под какой-либо зашитой или под прикрытием, и притом занимал лучшие лазы для волчьей ходы, например, лощины, вражки, перелески и т.п., но занимал эти места так, чтобы можно было ему видеть при рассвете как остров, так и местность волчьей ходы на достаточном пространстве, а поэтому никогда не следует забираться ни в русла врагов, ни в середину глухих и больших отъемов, откуда дальше своего носа ничего нельзя видеть, и притом места эти должны быть осмотрены борзятниками и облюбованы заранее и засветло, при обыске волков и изучении волчьей ходы на добычу.

75. При выездке на зарю, точно так же, как и при езде в равнину и на мышковку, охотниками должна соблюдаться полная и строжайшая тишина, и только при приемке молодыми собаками волка допускается борзятникам, хотя и не особенно громкое, но продолжительное улюлюканье, причем борзятник должен заколотого уже волка взять за заднюю ногу и, потаскивая из стороны в сторону, продолжать улюлюкать собакам, и тем дать более возможности борзым принять волка плотнее и приемистее. После того, когда молодые борзые примут волка хорошо, т.е. замрут на хватке, борзятник должен огладить их по спинам и, продолжая улюлюкать, называя каждую по кличкам, так: «Улю-лю-лю, Поспех! Улю-лю-лю!», «Улю-лю-лю, Наградушка! Улю-лю-лю!» и т.п., продолжая ласкать собак, осторожно оттащить их от волка и, собрав на свору, отойти с ними на некоторое расстояние от затравленного зверя, где постоять с ними для того, чтобы дать собакам отдохнуть и успокоиться от озлобления. Когда же борзые отдохнут и совершенно успокоятся, тогда борзятник должен подойти опять к затравленному волку и, взяв его на руки поперек, осторожно положить на седло и второчить, не пугая лошади. Затем уже он везет волка на сборное место или домой, на квартиру.

76. Занимая места на опушке острова, в котором пребывает взводок волков, борзятники должны становиться по опушке, саженьх в восьмидесяти один от другого со стороны волчьей ходы, и стоять должны в опушке так, чтобы их не было видно с поля, а они могли бы видеть на достаточном пространстве всю местность, через которую ожидают возвращения волков к гнезду. Для этого борзятник затопляется в опушку острова, осадив назад лошадь задом к опушке леса, а головой к полю так, чтобы из-за опушки леса не было видно ни борзятника, ни лошади, и в таком положении наживая зверя с поля, борзятники должны начинать показывать собакам волков не ближе ста саженьх от занимаемой ими опушки острова и непременно осторожно, т.е. только усвистнув собакам или тихо улюлюкнув, в противном случае волк или успеет прошмыгнуть в остров, или

успеет, возвратившись моментально назад от крика охотника, уйти от борзых, даже и не показавшись им.

77. Занимая места в поле на волчьей ходо, борзятники должны становиться (как сказано в ст. 72) приблизительно сажень в ста от острова, в котором взводок волков пребывает, и стоять на лазах у защиты со стороны острова, боком или передом к нему (смотря по удобству прикрытия), защищая себя от противоположной стороны, т.е. от поля, через которое ожидается возвращение к гнезду волков так, чтобы не быть видным для бегущих в тот остров волков, а самому борзятнику можно было бы хорошо видеть при рассвете всю местность волчьей ходо на достаточном пространстве и, наживая в таком положении волков с поля, борзятник должен начинать показывать собакам волка только тогда, когда волк с ним поравняется.

78. При выезде на зарю многочисленного количества свор борзятников, занимать места следует им на волчьей ходо в два ряда, а именно: в опушке острова и в поле; ряд борзятников занимает места против середины интервалов, находящихся между местами, занятыми борзятниками в опушке. При этом расстояние между борзятниками как стоящими по опушке, так и стоящими по полю, должно быть увеличено приблизительно сажень до 120 один от другого, а расстояние от острова до находящихся на поле борзятников должно быть увеличено приблизительно сажень до 150. Такая расстановка борзятников дает большую уверенность на успех при травле волка, которого при такой расстановке борзятников приходится по большей части травить в две своры, так, например, если от стоявшего в поле борзятника волк будет уходить к острову, то стоявшему в опушке борзятнику всегда представляется возможность завстречать и отрезать волка от острова и тем не дать возможности зверю уйти в лес.

79. Желая показать борзым одновременно двух волков, борзятник обязан сначала показать бессворным собакам (ст. 73) одного из них, и когда бессворные борзые пометят и бросятся за волком, тогда только он, обратив лошадь за другим волком, должен показать его собакам, находящимся у него на своре. Когда же его борзые примут обоих волков, то борзятник этот должен немедленно принять от собак прежде волка, более старого по возрасту, т.е. матерого — прежде переярка, а переярка — прежде прибылого, а равно и от собак менее надежных в смысле злобности и мощности борзых, но тем не менее и от собак более надежных борзятник не должен мешкать приемкой и второго волка, а наоборот, он обязан точно также быстро принять волка, не мешкая ни минуты и не допуская до того, чтобы у борзых от продолжительного держания волка ослабли челюсти, а это всегда может случиться с собаками, и после того волк всегда может уйти от них.

80. Случается, что при приемке волков азартные борзые прихватывают и пронзают насквозь верхним клыком верхнюю свою губу, надев ее на клык, вследствие чего от боли и неловкости даже очень злобные борзые отрываются от волка и, передними лапами царапая себе голову, вертятся на месте. А поэтому охотник обязан немедленно соскочить с лошади и рукой снять у собаки губу с клыка, что делается очень просто, и после чего злобная борзая моментально опять вцепится в волка и нередко с большим еще азартом.

81. Изучение всех видов и способов езды с одними борзыми собаками дает возможность борзятникам применять все, подходящее и к езде с борзыми и гончими собаками вместе.

Отдел II

Езда с борзыми и гончими вместе

ГЛАВА 8 ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

82. Правильная езда с борзыми и гончими собаками вместе может производиться только правильно организованной комплексной и самостоятельной охотой и притом безразлично, будет ли та псовая охота малой или большой по своему комплексному составу охотников, людей, участвующих в деле псовой охоты и количеству борзых и гончих собак (см. ст. 15—19, ч. I).

83. Разница между малой и большой псовыми охотами, в обоих случаях правильно организованными, в смысле количественном уничтожении зверей вообще и красного зверя в особенности, не имеет никакого значения на том основании, что все количество зверей, находящееся в острову, одинаково как малый, так и большой псовыми охотами, обязательно должно и может быть взято из этого острова все, как говорится, до шерстинки. Кроме того, берут зверей из острова не всех разом вместе, т.е. не одновременно, а постепенно, по одному, по два в продолжение известного количества времени дня, следовательно, одна стая гончих, будет ли состоять из 18 или 40 собак, безразлично, работая одновременно, вместе, в острову и одинаково выставляя зверей из него поочередно до последнего, не может своим количеством ни изменить количества зверей в острову, ни ускорить самого производства охоты, т.к. степень быстроты бега зверя из-под гончих зависит не от количества собак в стае, а от их качества. Предположение же, что большое количество гончих собак в стае может обещать более уверенности в том, что, например, 40 собак скорее 18 могут сразу натечь более зверя в известном месте, предполагая, что каждая гончая поднимет хотя по одному зверю одновременно, итого 40 голов зверя, есть положительный абсурд, т.к. ничего подобного никогда быть не может на том основании, что неограниченного количества зверя в острову нет (звери — не грибы, которые рождаются и растут не по дням, а по часам), а есть или известное гнездо зверей, или несколько голов зверя набродного, что отыскивается в острову опять-таки не количеством, а качеством, т.е. мастерством в натечке гончих собак. Что же касается количества свор борзятников при псовых охотах, то это также не представляет особого значения на том основании, что для каждого комплекта свор при псовых охотах (большой и малой) указаны правила езды, соблюдая которые, борзятник одинаково ни одного зверя, при условии досужести борзых и качества свор вообще*) (см. главу 3, примечание 3, ст. 17 и § 3 примечания к ст. 21, ч. I).

84. Комплектная и самостоятельная псовая охота должна представлять собой как бы подчиненный военной дисциплине летучий отряд правильно организованного войска, имеющий у себя начальника в лице ловчего, и лиц, составляющих сам отряд, т.е. борзятников и выжлятников, имеющих известную форму (обмундирование), известный порядок в построении и известные правила езды с борзыми и гончими собаками (см. главы 7, 8, 10, ч. I).

85. Езда с борзыми и гончими собаками вместе подразделяется на четыре вида езды, а именно: на езду островную, езду вражистую, езду болотистую и езду уймистую.

*) Понятно, что от борзятников малой псовой охоты требуется больше искусства, чем от борзятников большой охоты.

86. Каждый из этих 4-х видов езды с борзыми и гончими собаками вместе имеет как для борзятников, так и для выжлятников особые правила езды и особые правила по каждому зверю отдельно, т.е. правила езды по зайцу, правила езды по лисе и правила езды по волку, сообразные с характерными и врожденными наклонностями каждого зверя.

87. Производить езду с борзыми и гончими собаками можно двояким способом, а именно: около дома и в отъезжих полях. В первом случае езда производится во всякое время года, способное для езды с собаками, во втором же случае, т.е. в отъезжих полях, езда производится только в осеннее время и должна начинаться (в нашем климате) не ранее как с половины сентября, словом, когда красный зверь перелиняет, молодняк заматерееет, а жара спадет.

88. При езде с борзыми и гончими собаками вместе плохо высворенные борзые должны быть *непрерывно* на сворах, дабы они не могли уноситься от борзятника под гончих и на травлю других охотников. При этом количество борзых в каждой своре, смотря по величине псовой охоты (ст. 15—17, ч. I) и смотря по тому, по какому зверю охота производится, может быть произвольное: от двух до четырех собак в одной своре, не более.

89. При езде с борзыми и гончими собаками, смотря по месту и времени, в которое производится охота, после каждого справленного и выставленного гончими зверя, гончим собакам нужно давать отдыхать в продолжение не более 10 минут приблизительно, и изредка подводить стаю гончих к воде, если гоньба была по суходолу и в жаркое время. Отдыхи для гончих никогда не должны быть очень продолжительными, точно так же, как и сбор их при переходе из одного места в другое и перед повторным прохождением того же места.

90. При езде с борзыми и гончими собаками борзые собаки не требуют частых и продолжительных отдыхов после травли, за редкими исключениями, и поэтому при удачных травлях борзятники должны стремиться к тому, чтобы как можно скорее принять от собак затравленного зверя и как можно скорее, сию же минуту, занять опять свой лаз. Для борзых собак езда с гончими в большинстве случаев представляет самый легкий способ езды, а потому борзые собаки всегда могут отдыхать во время нажидания борзятником зверя из-под гончих.

91. Удача охоты с борзыми и гончими собаками вместе зависит преимущественно от гоньбы гончих собак, а поэтому езда выжлятников должна иметь особенное значение в деле производства псовой охоты, но т.к. езда с гончими по зайцам и лисицам совершенно одинакова, т.е. имеет для выжлятников одинаковые правила и рознится только с ездой по волкам, которая имеет совершенно другие правила езды для выжлятников, то поэтому следует рассмотреть эти правила езды по зайцам и лисицам отдельно от правил езды по волкам. А поэтому все, изложенное в «езде домашней» должно относиться всецело к езде только по зайцам и лисицам, т.к. езда по волкам изложена особо в описании «езды в отъезжих полях».

Примечание. Принимая во внимание: 1) что езда выжлятников рознится правилами езды по зайцу и лисе от езды по волкам; 2) что только езда по волкам производится всеми четырьмя видами езды с борзыми и гончими собаками, т.к. езду по зайцам и лисицам способом езды уймистой, т.е. по уймам, производить нельзя; 3) что только езда по зайцам и лисицам может производиться домашним способом езды без всякого предварительного приготовления к охоте (езда по волкам, как более

серьезная, требует тщательной подготовки к делу производства охоты за ними); 4) что в отъездные поля псовая охота в большинстве случаев выходит со специальной целью уничтожения волков (т.к. уничтожение зайцев и лисиц почти всегда возможно способом езды домашней) — я нашел необходимым, для большей ясности и удобства изложения правил езды с борзыми и гончими собаками вместе подразделить езду эту на два способа, а именно: I способ — езда домашняя и II способ — езда в отъездных полях, из которых в I войдет преимущественно езда по зайцам и лисицам, а во II — главным образом езда по волкам.

Способ I

Езда домашняя или обыденная около дома

ГЛАВА 9 О СБОРЕ НА ОХОТУ

92. Ловчий обязан ежедневно по вечерам являться к владельцу охоты, согласно правилу, выраженному в окончании 37 ст., для отрапортования о состоянии псовой охоты и для получения приказаний, должен, согласно распоряжениям, полученным от владельца, призвать к себе накануне назначенного для охоты дня доезжачего, старшего борзятника и стремennого и передать им о распоряжении господина, назначив при этом час и место сбора псовой охоты; кроме того, в это время ловчий советуется с доезжачим, каких гончих взять в поле, сколько смычков и каких оставить дома, смотря по тому, в каких местах владелец охоты желает производить охоту; назначает количество борзых в свору каждого борзятника, а стремennому передать приказание господина даже о том, какие для господина вещи и от кого их получил, обязан взять с собой в поле.

93. В день выезда на охоту, ловчий обязан заблаговременно до назначенного часа сбора лично наблюдать за точным исполнением охотниками его распоряжений, и осмотрев весь отряд псовой охоты, назначенный к выступлению, со всем, к нему относящимся, он выводит этот отряд псовой охоты к назначенному часу на сборное место, где и ожидает вместе с охотниками выхода владельца (см. главу 10, ч. I).

94. Сборное место назначается по желанию владельца и избирается или против господского дома, если ничто тому не препятствует, или на выгоне села, или на поле, но непременно в отдалении от псарного двора, и не на улицах крестьянских поселений, во избежание беспокойства собак, назначенных на охоту от воя оставленных на псарном дворе и во избежание случайностей, могущих всегда произойти от дворных собак, кур, свиней и крестьянских ребятишек, которыми всегда переполнены улицы крестьянских поселений.

95. На сборном месте все борзятники за исключением стремennого, выстраиваются в одну линию, имея на правом фланге у себя заездного, т.е. старшего борзятника, и ожидают выхода владельца охоты, стоя пешими, держа левой рукой борзых на своре, а правой — за чумбур свою лошадь. Ловчий же в это время должен находиться также пешком с левого фланга и впереди линии борзятников на столько, чтобы можно было ему

видеть весь фронт борзятников, стоя лицом к фронту, т.е. боком; при этом ловчий должен наблюдать, чтобы борзятники не жались один к другому и оставляли бы между собою равные, сажени в три приблизительно, интервалы. Стременной же, если господин его выезжает на охоту вместе с охотниками, ожидает у крыльца своего господина и подает ему его собак и лошадь; если же господин его не едет вместе с охотниками, а обещается приехать к месту охоты в экипаже, то стремной с собаками своего господина на своре в левой руке и лошадью его в правой руке, сидя верхом на своей лошади должен находиться во фронте правее заездного с правого фланга. Выжлятники со стаей гончих помещаются впереди линии борзятников, перед серединою фронта, сажень в пяти приблизительно от линии и ожидают, сидя на лошадях верхом, с гончими «в кучке», задом к фронту, а передом к месту выхода владельца охоты; левая рука у выжлятников должна находиться на поводках, которыми они управляют лошадью, а правая с арапником должна быть опущена вниз, по направлению правой ноги.

96. При появлении перед псовой охотой владельца охоты доезжачий вешает арапник на шею себе и снимает шапку перед господином, приветствуя его от лица всех охотников словами: «Здравия желаем!» А остальные все охотники, не снимая шапок, молча*) делают головой глубокий поклон владельцу охоты. Доезжачий должен находиться все время без шапки, опустив правую руку с шапкой вниз по направлению ноги, вперед до приказанья владельца охоты: «Накрыться».

Примечание. Каждый борзятник, когда находится без борзых на своре, а выжлятники — без гончих обязаны в то время, когда с ними разговаривает господин или гость его, снимать шляпу и отвечать всегда вежливо.

97. Владелец же охоты на приветствие охотников отвечает: «Здорово, ребята!» и затем осмотрев псовую охоту и сделав какие найдет нужным распоряжения или замечания охотникам, отдает ловчему приказание к выступлению словами: «Ну, едемте!» или «Отправляйтесь!», если в последнем случае господин не едет сам вместе с охотниками до места производства охоты.

ГЛАВА 10 О ВЫЕЗДЕ ПСОВОЙ ОХОТЫ ИЗ ДОМА

98. По получении приказанья от владельца охоты к выступлению словами: «Отправляйтесь!» ловчий командует охотникам не особенно усиленным голосом, но достаточно громко: «*Борзятники, выходи вперед!*» и затем последним выходить с сборного места за борзятниками со стаею гончих за собою. Борзятники же по получении команды от ловчего поворачивают направо и выходят за заездным со сборного места один за другим пешком по направлению к известному месту охоты. Стременной ведет лошадь и собак господина подле заездного с правой стороны (§ б. ст. 77, ч. I).

99. По получении приказанья от владельца охоты к выступлению словами: «Ну, едемте!», ловчий командует: «*Заездной сзади, заравнивайся слева*» и что также остается последним с гончими. Борзятники же по получении команды ловчего пропустить владельца охоты с его гостями вперед, поворачивают направо и выходят за господином, с заездным во главе, один за другим со сборного места пешком. Стременной идет за своим господином с левой стороны на пол-лошади сзади (§ б. ст. 77, ч. I).

*) Для того чтобы дружным (вроде солдатского) возгласом не «булгачить» (булга) собак, т.е. не бунтовать, не беспокоить их.

100. Команда ловчего: «*Борзятники, выходи вперед!*» означает, что борзятники должны идти к месту назначения охоты, принятым и уже известным порядком, т.е. чтобы при движении с места борзятники, имея борзых на своре, всегда без исключений делали поворот направо, а не налево, даже и в том случае, когда нужно с места идти в левую сторону, в последнем случае борзятники поворачивая направо кругом выезжают на левую сторону. Такой порядок движения принят борзятниками для того, чтобы при поворотах налево не отъехать ноги борзым собакам, находящимся на своре у борзятника с левой стороны, и далее: чтобы борзятники шли с места непременно пешком в известном порядке один за другим (гуськом) за заездным, который через ловчего должен знать заблаговременно, куда и как идти.

101. Команда ловчего: «*Заездной сзади, заравнивайся слева!*» означает, что заездной должен идти позади владельца охоты и позади его гостей и по наступлении времени, когда следует развернуть фронт псовой охоты, он обязан заравняться с левой стороны от владельца охоты и его гостей (если они есть), т.к. вообще гостям и хозяину, при подходе к месту, назначенному для производства охоты, всегда следует уступать *правую сторону* развернутого фронта борзятников для того, чтобы борзые, находящиеся на своре у гостей и владельца шли спокойнее и не жались под лошадей, невольно попрашиваясь в сторону к собакам других охотников, тем более что при проходке к месту охоты от дома, интервалы между борзятниками бывают нередко очень незначительного (приблизительно до 25-ти сажений) расстояния.

102. Самое спокойное место для езды с борзыми из дома, пока собаки еще не успокоились и горячатся, это место правофлангового; и поэтому оно должно всегда быть уступлено владельцу охоты; но, если он пожелает из любезности уступить его кому-либо из своих гостей, то это будет вполне зависеть уже от самого хозяина, и потому до ловчего это относиться не должно.

ГЛАВА 11 О ПРОХОДЕ К МЕСТУ ОХОТЫ ИЗ ДОМА

103. Когда борзятники пройдут приблизительно около ста сажений *пешими* с места сбора и выйдут в поле, передний из них, т.е. заездной или владелец охоты, т.е. правофланговый останавливается, а остальные постепенно подравниваясь с левой стороны к правофланговому, выравниваются в линию развернутого фронта; после чего если приказано было ловчему накануне: «Травить, во время проходки, попадающихся на пути зверей», то ловчий, разровняв количество свор борзятников на два равные крыла, входит в середину линии фронта между левым и правым крылом и, по получении от владельца охоты команды: «Заравнивайся!», — садится на лошадь одновременно со всеми борзятниками и идет серединою фронта к месту, назначенному для охоты с гончими. При этом он выбирает места более подходящие для того, чтобы наехать по пути зверя. Борзятники же, после команды владельца охоты: «Заравнивайся!», размыкаются на соответствующие, сообразно местности, интервалы и заравниваются по ловчему способом равнинки в 6-й главе, ч. III, а выжлятники со стаей гончих идут в двухстах (приблизительно) саженьях позади ловчего за серединой линии борзятников.

Примечание. Выходить с места (т.е. из дома или с квартиры) с борзыми всегда следует пешими для того, чтобы борзые опорожнились и хоть немного

успокоились на сворах, т.е. не вертелись ласкаясь, не лезли под лошадь и не грызлись на своре между собой.

104. Если владельцу охоты приказано было ловчему идти проходкой к месту охоты прямо и не травить дорогой попадающихся зверей, и если вместе с охотниками едет и сам владелец охоты, то борзятники, пройдя также один за другим пешими, имея впереди себя владельца охоты, дожидаются пока владелец охоты сядет на свою лошадь, а ловчий после этого командует борзятникам: «Разомкнись на проходку!», садятся на лошадей и выравниваются в линию развернутого фронта с левой стороны от владельца охоты, на расстоянии приблизительно 25-ти саженой один от другого и идут к месту охоты, избирая по возможности более удобные для рыска борзых местечки, так, например, в грязное, топкое время — травяные рубежи, торные тропинки, луговины и т.п. места, стараясь своих лошадей держать по правую сторону удобного для рыска собакам места, т.е. по правую сторону рубежа, тропинки и т.п., для того чтобы борзые шли по рубежу, а не рыскали по грязным и топким местам и не «наватывали» бы себе на лапы грязи, что всегда препятствует настоящей скачке борзых и что, как лишняя ноша на лапах собак, всегда их утомляет. Борзятники обязаны всегда и везде сохранять своих борзых для предстоящих скачек, а поэтому они должны всегда избегать по возможности того, что может утомлять или обессиливать их борзых собак. Ловчий же, по произведении команды: «Разомкнись на проходку!», сев на свою лошадь, направляется к владельцу охоты и едет позади его в трех саженьях как бы с правой стороны, если владелец охоты не прикажет ему ехать с ним рядом. В последнем случае, если владелец охоты прикажет ловчему ехать рядом, то ловчий помещается с левой стороны владельца, приблизительно в трех саженьях расстояния от него, а стремленной в это время отстает и едет позади владельца охоты на таком же расстоянии как бы с правой стороны хозяина. Стая гончих идет приблизительно в двухстах саженьях позади ловчего.

Примечание. Во время проходки к месту охоты из дома и во время проходки от одного места охоты к другому борзятники всегда должны идти развернутым фронтом, для того чтобы борзые шли спокойнее на сворах, не имея никого впереди себя, в противном случае борзые непременно тянулись бы на сворах за передними охотниками и тем себя только утомляли бы. Кроме того, при развернутом фронте всегда удобнее избежать всякой встречи на поле, например, скотины, дворной собаки, гусей и т.п., для чего стоит только разомкнуться фронту борзятников и пропустить или объехать все, препятствующее на пути псовой охоты. При этом следует помнить *всегда*, что при встрече в поле дворной собаки, скотины, домашней птицы и т.п., несмотря на уверенность в вежливости, т.е. смирноте своих борзых собак, всегда следует на это время брать собак на свору, или объезжать по возможности дальше всякую подобную встречу, т.к. иногда и очень вежливая борзая, желая только «подыграть», может побросаться на скотину, а за ней уже хотя бы и самые смирные борзые непременно побросаются и растянут без разбора все, что бы им ни попало.

105. Когда же владелец охоты не участвует в проходке вместе с охотниками, то ловчий в большинстве случаев ведет псовую охоту к месту охоты порядком, указанным в ст. 104, занимая место по произнесении команды: «Разомкнись на проходку!» между засадным и стремленным, который должен быть всегда с правой стороны ловчего. Гончие идут позади ловчего в двухстах саженьях, как сказано в предыдущих статьях.

Примечание. Приказание владельца охоты «Не травить проходкой зверей» относится только к *зверям немерным*, т.е. побежавшим не в меру, неспособно, и до зайцев вообще. А поэтому, если случайно во время проходки попадутся волк или лисица и при этом так, что показать их собакам способно, то затравить такого *мерного* зверя *всегда* следует обязательно в силу главной цели охоты, т.е. травли зверей, и нарушением приказа в подобных случаях владелец должен всегда оставаться доволен в силу того, что, отдавая приказание, никогда нельзя предвидеть такой счастливой случайности.

106. Подойти к месту, назначенному для охоты, ловчий останавливается саженях в пятидесяти от этого места и слезает с лошади. Остальные же борзятники съезжаются к ловчему и окружают его на расстоянии один от другого не ближе трех саженей, слезают также с лошадей и, скучившись таким образом в круг, дожидаются приезда владельца охоты пешими. В это время ловчий делает распоряжения относительно того, кто из борзятников и где должен занять какой лаз, а неопытным даже объясняет, как и что они должны делать при производстве охоты. Гончие же в это время также останавливаются на том же расстоянии от ловчего, на каком они шли позади него и выжлятники, за исключением кого-либо одного из них, могут также спешиться в ожидании дальнейших распоряжений ловчего, для того доезжачим откомандировывается к ловчему один из подгонщиков, который посмышленей.

Примечание. Во всякое время, когда стая гончих останавливается в поле и скучена, один из выжлятников обязан постоянно находиться при стае, сидя на лошади верхом, для предупреждения всякой случайности.

107. Подъехавшему к ловчему за распоряжением подгонщику ловчий приказывает или объехать проворно подходящим аллюром, т.е. рысью, или в галоп (смотря по величине места и количеству имеющегося впереди времени до приезда владельца охоты) назначенное для напуска гончих место и осмотреть его, нет ли в нем скотины и т.п. и по возможности устранить это обстоятельство, т.е. или уговорить пастуха выгнать скотину из острова, или отогнать ее на некоторое расстояние от места охоты и обо всем этом подгонщик обязан немедленно сообщить ловчему, который, согласно его донесению, и делает собственные распоряжения относительно производства охоты, или, если место, которое желают брать гончими, верное, хорошо известное, и притом распоряжения о напуске гончих несложны, ловчий через этого подгонщика подает приказание доезжачему, откуда он должен делать напуск гончих и куда должен выходить с ними, при отдаче такого распоряжения ловчий должен соображаться с направлением ветра и местностью, имея в виду, что по ветру гончих *никогда*, за очень редкими исключениями, а именно: только в местах уймистых и при охоте только за волками) не бросают, и вообще, с одними борзыми или с борзыми и гончими вместе охоты по ветру не производят. Если же относительно напуска гончих и вообще производства охоты распоряжения могут быть сложны, то ловчий присланного к нему подгонщика отправляет к стае гончих и вытребывает к себе лично доезжачего, гончие на это время остаются под присмотром подгонщиков.

108. Если же вместе с охотниками прибыл к месту охоты и сам владелец охоты, то и в его присутствии, в местах неверных или малознакомых ловчий обязан также принять все меры предосторожности указанным в ст. 107 способом, и вообще распорядиться производством охоты так, чтобы во все время ее владелец охоты не получал бы неприятных сюрпризов в виде, например, необходимости платы за перетравленную скотину и т.п.

ГЛАВА 12

О ВОЗВРАЩЕНИИ ПСОВОЙ ОХОТЫ С ПОЛЯ ДОМОЙ

109. По окончании охоты ловчий и все охотники, за исключением владельца охоты и его гостей, участвующих с ним на охоте, не должен уезжать домой до тех пор, пока не будут собраны все до единой гончие собаки, исключая единственный случай, когда часть гончих собак уведет из слуха по матерому волку. В этом исключительном случае ловчий откомандировывает одного или двух выжлятников за неперееханными гончими, а остальным выжлятникам приказывает собрать всех оставшихся гончих собак и идти домой или вместе со всеми борзятниками, или одним, когда борзятникам приказано будет проравняться полями к дому.

110. Если борзятники возвращаются с охоты рано, т.е. засветло, и притом такими местами, в которых можно надеяться наехать зверя, то, по желанию владельца охоты или ловчего, смотря по степени усталости борзых собак, такими местами должны проравняться и по команде владельца охоты или ловчего: «Заравнивайся к дому!» заравниваются все борзятники способом равнинки, указанным в 6 главе III ч. «Руководства», а также упомянутым и в ст. 103.

111. Если же охотники запоздали на охоте, а до дома ехать далеко, то ловчий, по собрании гончих собак, командует охотникам: «Гончие — позади, борзятники — по два в ряд, за мной, не отставай!» едет к дому ближайшим путем впереди всей псовой охоты и *непрерывно шагом* во все время пути.

Примечание. В случае, если бы пришлось возвращаться с охоты очень поздно вечером или ночью, то ехать к дому или на квартиру всегда следует *известной торной дорогой*, а не напрямиком, полями, дабы не заплутаться в поле и тем не утомлять бесполезно собак и лошадей, т.к. ничего нет легче, как заплутаться в темную осеннюю ночь, и потому в подобных случаях самонадеянность неуместна.

112. Когда же вместе с охотниками возвращается с поля и сам владелец охоты, то ловчий доносит ему, что «Гончие все» и, получив от владельца приказание словами: «Ну, едем!», повторяет команду охотникам: «Гончие — позади, борзятники — по два в ряд, не отставай!», едет позади владельца охоты, если не получит приказания от господина ехать с ним рядом, после чего ловчий и поступает, как сказано об этом в конце ст. 104.

113. При возвращении с охоты домой борзятники, идя по два в ряд, не должны жаться один к другому, дабы не смять борзых, сидя на лошадях и, кроме того, все охотники, в том числе и выжлятники с гончими в хвосте псовой охоты обязаны соблюдать равные, приблизительно саженой на 10 интервалы между гончими и парами борзятников, дабы не напирать на собак передних охотников.

Примечание. Все борзятники обязаны иметь при езде с борзыми и гончими собаками вместе своих борзых на сворах, но т.к. бывают (должны быть) борзые *хорошо выворенные*, то поэтому предоставляется каждому борзятнику право, по его личному усмотрению, *во всякое время* известных ему собак держать и без своры, но с тем условием, что за все, что произойдет во вред псовой охоте или владельцу ее от его борзой, спущенной им со своры, он обязан принять всю ответственность и все убытки, через то произошедшие, лично на себя. А поэтому каждый борзятник обязан быть

всегда предусмотрителен, сметлив и осторожен, дабы из-за своей небрежности и ротозейства не подвергнуться личной ответственности и не причинить кому-либо неприятности и ущерба в имуществе, т.е. не стравить чего-либо.

ГЛАВА 13 ОБЩИЕ ПРАВИЛА ЕЗДЫ С СОБАКАМИ

114. На охоту выезжать следует с собаками всегда некормленными, т.е. натошак, для того чтобы собаки были жаднее к зверю, легче к рыску, полазу и скачке, т.к. накормленная собака всегда бывает в поле ленивее, скорее может утомляться, зарьявать, при этом нередко подвергается различным заболеваниям, как, например, коликам, спазмам, удару и разбитию ног.

115. Езда с одними борзыми и с борзыми и гончими собаками вместе должна производиться охотниками по возможности *всегда против ветра* для того, чтобы при езде с одними борзыми можно было подъехать к зверю ближе, а при езде с гончими, имея то же ввиду, удобнее было доезжачему слышать гончих и затем, приходя с гончими напротив ветра, доезжачий, выйдя из острова на ветер, будет иметь большую возможность собрать гончих скорее, т.к. рог его будет несомненно слышнее по ветру для оставшихся на острове гончих.

116. Напуск гончих делается всегда по занятии борзятниками лазов, о чем доезжачий извещается роговым сигналом: «Бросай гончих!» (ст. 69, ч. I) или по заблаговременному распоряжению ловчего.

117. Выход с гончими из места, в которое они были наброшены, зависит от доезжачего в том только случае, когда в этом месте не оказалось или не осталось после гоньбы еще никакого зверя, во всяком же другом случае выход с гончими зависит от ловчего, который дает об этом знать доезжачему роговым сигналом: «Выходи!» (ст. 69, ч. I).

118. По выходе доезжачего из места, в котором наброшены были гончие или по подаче ловчим рогового сигнала о выходе гончих, *все борзятники* съезжают со своих мест, т.е. занятых ими лазов, и собираются к месту сбора гончих, где и остаются впредь, до дальнейших распоряжений владельца охоты или ловчего, находясь в некотором отдалении от гончих.

ГЛАВА 14 ЕЗДА ОСТРОВНАЯ

119. Островной ездой называется езда, которая производится с борзыми и гончими собаками по местам по островным местам, т.е. отъемным лесом, хотя бы леса эти заключали в себе даже более трехсот и т.п. десятин, лишь бы лес этот представлял собой остров, окруженный со всех сторон полем, на котором возможно бы было стоять борзятникам и производить борзыми травлю зверей.

120. Островная езда с собаками производится так: выжлятники стоят под островом до тех пор, пока борзятники займут все места кругом острова, о чем извещается доезжащий роговым сигналом ловчего: «Бросай гончих!» самим ловчим или заездным, словом, тем из них, кто разводил по местам борзятников (ст. 116, ч. III), также см. ст. 38 и 69 ч. I.

121. Занимать места борзятники должны на лазах, соображаясь с местностью, преимущественно с той стороны острова, с которой имеются в виду более крепкие места, т.е. уйма, крепчайший остров, болота или враги, словом, куда всякий зверь, потревоженный в острову мог бы преимущественно направлять свой бег. Но тем не менее и противоположные стороны острова не должны оставаться совершенно незанятыми охотниками для того, если возможно, отряжаются по одной или две своры борзятников (смотря по количеству борзятников в охоте) в эти так называемые «слабые» стороны острова или поручается охранение тех сторон подгонщиком, которые обязаны во все время производства охоты не пропускать зверя в те, не занятые охотниками стороны острова хлопаньем арапниками и ездой по опушке, или в недалеком от нее расстоянии по полю, проезжая взад и вперед (смотря по гоньбе гончих) по видному для зверя месту.

122. Если же остров находится в таком благоприятном для зверей месте, что все стороны его представляют одинаково «слазистые» места, то борзятники должны разравниваться полазом со всех сторон острова приблизительно на равные интервалы и в этом случае должны становиться от острова на лазах далее обыкновенного ввиду того, что места занимают борзятниками при такой расстановке их реже и ввиду того, чтобы удобнее было каждому борзятнику сперечить бегущего стороной, т.е. не занятым лазом зверя.

123. Кроме того, при занятии лазов, борзятники должны иметь всегда ввиду, что на лисицу занимать места следует от острова дальше, а на зайца можно становиться на лазу к острову ближе. При этом, занимая лазы, борзятнику необходимо иметь ввиду следующие соображения: если он, т.е. борзятник, занимает лаз на лошине, враге или отвершке, то он не должен становиться с собаками не на самом лазу, т.е. не в самом враге или лошине, а побочь врага или лощины так, чтобы он мог видеть с лошади русло врага или лощины, никогда не загораживая собой лаза зверю, в противном случае, набежавший на него зверь всегда может «переломя ногу» возвратиться назад в остров своим лазом, а борзятник при этом может очень легко его и не осмотреть. Кроме того, борзятник, забившийся в лошину или враг, никогда не увидит зверя, могущего пробежать не низом, а верхом лаза, т.е. верхом врага или лощины. При этом борзятник всегда должен стараться становиться под прикрытием какого-нибудь куста, стога, омета, копны или дерева. Если же ничего подобного в поле нет, то борзятник должен становиться или как можно дальше от острова в чистом поле, выбирая и тут какую-нибудь западинку, или в самой уже опушке острова, затопившись в опушку задом, а лицом в поле (ст. 76). Становиться же с борзыми через все поле, в опушке противоположного острова или уймы, словом, в опушке того места, в которое направляется бег зверя, никогда не следует, за исключением небольших «прогалин» и «перемычек» (см. ст. 178, ч. I), ввиду того, что показывать борзым зверя при таком положении приходится всегда под самой опушкой, а при таком показании зверя для борзых остается очень мало шансов к тому, чтобы поймать его. Вследствие чего следует занимать места на лазу всегда приблизительно посередине, между большими островами или крепкими местами, чтобы всегда была возможность собакам не разъехаться только со зверем, а дать ему еще несколько угонок на чистом месте.

124. При островной езде ни один борзятник не должен съезжать с занятого им лаза вперед до выхода гончих из острова, за исключением ловчего, который может во всякое

время уезжать со своего места по своему усмотрению для различных распоряжений, могущих относиться как к борзятнику, так и к выжлятникам, а вследствие того место ловчего никогда не принимается в расчет при занятии лазов борзятниками, т.к. ловчий всегда занимает тот лаз, который ему останется или который он видит плохо занятым.

125. Доезжачий же, по получению сигнала или приказанию когда бросать гончих, набрасывает всю стаю в остров и идет серединой острова, заблаговременно распорядившись подгонщиками, согласно приказанию ловчего, и порская собакам, сообразно их действиям (см. «О езде выжлятников» и «О порскании доезжачих», гл. 40 и 41, ч. II). Причем по выставлении каждого зверя гончим в поле, доезжачий, с находящимся при нем ближайшим и не занимающим охраны сторон острова подгонщиком, обязан вместе с гончими выскакать из острова и моментально останавливать стаю, возвращаясь с ней каждый раз обратно в остров для добывания следующего зверя, впредь до сигнала о выходе (ст. 117).

ГЛАВА 15

ЕЗДА ВРАЖИСТАЯ

126. Вражистой ездой называется езда, которая производится с борзыми и гончими собаками по врагам или балкам, покрытым крупным лесом или частым мелколесьем.

127. Вражистая езда с собаками производится вначале всегда так: выжлятники дают возможность заехать борзятникам порядком, указанным в ст. 116, остановившись у места напуска, как и под островом, а затем, по совершившемся заезду борзятников, доезжачий делает напуск гончих и идет серединой врага с подгонщиками, едущими по бокам врага, крепкими местами полугорий, и в таком виде обходят все крепкие отроги врага и все примыкающие к этому врагу острова, стараясь не пройти ни одного подозрительного места. При чем доезжачий должен порскать гончим сообразно их действиям, не особенно громко и не особенно учащенно.

128. При вражистой езде выжлятники должны идти с гончими как можно спокойней, только чаще обыкновенного хлопая арапниками для того, чтобы не пройти зверя, которого при вражеской езде гончие скорее могут пройти, вследствие беспрестанного перебивания собаками по оврагу друг друга, а это всегда может служить для гончих некоторым образом отвлечением от правильного или тщательного добывания ими зверя.

129. При вражистой езде всегда более полезно набрасывать неполную стаю гончих, а только несколько смычков гончих собак, выбранных из стаи, которые по послушнее и по вернее, в виду того, что большое количество собак в узких местах только будет как бы препятствовать правильной езде с гончими, которые при большом количестве скорее будут только носиться одна за другой по врагу бесполезно для дела охоты.

130. Доезжачий при вражеской езде не преследует на лошади гончих во время гоньбы, а преследуют погнавших гончих на лошадях и останавливают где нужно подгонщики, возвращая каждый раз собак доезжачему, который, подзвав в рог собак, продолжает проходку врага с того места, откуда увели гончие. При такой только езде возможно

правильно, без напрасного промедления времени и не пропуская нередко целых, лучших и крепчайших мест врага обойти все, предназначенные проходки с гончими, враги и балки.

131. Борзятники же при вражистой езде, изображая своим положением как бы фигуру птицы с головой, хвостом и двумя крыльями, разравниваются смотря по количеству свор в охоте на четыре части, из которых две главные части называются левым и правым крылом и занимают всегда обе стороны врага, а остальные две части борзятников, нередко состоящие из двух-четырех свор, называются сторожевыми и берегут — одна часть борзятников сторону врага с напуска, и называется задними сторожевыми (хвост), а другая — противоположную сторону от напуска, и называется передними сторожевыми (голова). Эта последняя часть борзятников, т.е. передние сторожевые, должны постоянно во главе с заездным находиться впереди в заезде, за исключением перехода гончих из одного врага в другой, к нему примыкающий, когда на время проходки с гончими того отрога передние сторожевые становятся задними сторожевыми, а задние, пересекая поле под углом к вершине того отрога, становятся передними сторожевыми. По миновании же проходки гончими того отрога, и когда выжлятники будут брать с верхов другую ножку врага или другой отрог, сторожевые борзятники опять вступают в первоначальное положение, т.е. передние остаются опять в заезде передними, а задние остаются опять в хвосте задними сторожевыми. При этом заездной с передними сторожевыми, находясь в заезде, никогда не должен становиться с ними за большим, назначенным к проходке с гончими отрогом и не занятыми еще никем из «крыловых» борзятников, а должен размещаться у устья таких отрогов, на лбах, т.е. углах (образовавшихся при соединении или в падении врагов) или на прогалинах и перемычках перед ними, дабы не дать возможности зверю, не дойдя до них (т.е. до передних сторожевых борзятников), свернуть в большой, не занятый отрог и уйти без травли. «Крыловые» же борзятники при переходе гончих в другой отрог, впадающий в главный враг со стороны, например, правого крыла, поступают так: правое крыло борзятников, разделившись на две равные, приблизительно, половины, занимает с обеих сторон новый отрог таким порядком: передняя половина крыла переезжает на другую сторону отрога и разравнивается вдоль него по ту сторону, а задняя половина крыла остается на этой стороне и, разравнявшись по эту сторону отрога, находится как бы против другой своей половины через отрог. Левое же крыло борзятников в полном его составе, в это время остается на своей стороне, т.е. на левой стороне главного врага, подавшись вперед настолько, чтобы приблизительно быть против проходимого с гончими правого отрога и, разместившись по подходящим лазам, берегут свою сторону врага, наживая прорвавшегося из правого отрога зверя. Когда же с гончими берут отрог, впадающий в главный враг с левой стороны, то левое крыло борзятников разделяется на две половины и поступает так же, как сказано правом крыле, а правое крыло в это время остается на своей правой стороне и размещается по лазам, как сказано о левом крыле, в наживании так же только прорвавшегося с левой стороны зверя. Вообще при вражистой езде все борзятники без исключения приостанавливаются на лазах на самое непродолжительное время, а преимущественно равняются с гончими, имея гончих всегда в середине цепи или в середине как бы *растянутого кольца борзятников, движущегося по направлению гончих* и как бы совместно с ними. При чем каждый борзятник, соображаясь с гоньбой гончих и качеством лаза, должен избирать места себе по своему усмотрению, подаваясь при необходимости подходящим аллюром или вперед, или назад в районе занятого им интервала, стараясь при этом не портить дела соседнему борзятнику, и по возможности соблюдать размеры занятых интервалов, не выходя никогда за черту их района.

ГЛАВА 16

ЕЗДА БОЛОТИСТАЯ

132. Болотистой ездой называется езда, которая производится с борзыми и гончими собаками по болоту, покрытому крупным или мелким лесом, например, ольшаником, березняком и т.п. лесом и камышами.

133. Если болото представляет собой форму в виде длинной ленты, тянущейся в русле врага, то тогда езда с собаками производится по такому болоту способом езды вражистой, изложенной в предыдущей главе. Если же болото представляет собой форму круглой котловины или острова, то тогда езда в нем производится псовыми охотниками способом езды островной, изложенной в главе 14-й. Вся особенность езды болотистой заключается в том, что доезжачий в болоте должен в большинстве случаев находиться с гончими пешком, а борзятники занимать лазы кругом болота и производить травлю более спокойно и предусмотрительно, помня, что не всегда бывает возможно во всяком месте переехать на другую сторону иногда самую незначительную на вид лощинку или ножку врага, выходящую из болота или к нему примыкающую. А поэтому все псовые охотники как выжлятники, так и борзятники заблаговременно должны узнать от местных жителей обо всех переездах в болоте и около него, и заблаговременно перед напуском гончих перебраться на все стороны болота по тем переездам для того, чтобы в какую сторону болота гончие ни вывели зверя, везде бы и беспрепятственно их мог повстречать охотник, т.е. выжлятник или борзятник.

134. При болотистой езде выжлятники дают возможность борзятникам занять места в лазах, и затем доезжачий в таком топком болоте, по которому нельзя ездить на лошади, отдает лошадь одному из подгонщиков и, ведя с собой в болото разомкнутую стаю гончих собак, идет серединой болота пешком, порская во весь голос гончим к полазу и поиску. Ведущий же на чумбур доезжаческую лошадь подгонщик едет опушкой болота, немного отставая от доезжачего, а остальные подгонщики, заблаговременно перебравшись по переездам через топкие места и разделившись по обеим сторонам болота, едут опушками тихо и не хлопая, только изредка окрикивая вывалившихся на опушку болота гончих словами: «В остров, (такая-то), в остров!» и все время равняются с гончими впереди доезжачего и как бы забирая у него переда, не дают гончим бесцельно уноситься на очень далекое расстояние от доезжачего. Доезжачий же во время полаза гончих по глухому, т.е. крепкому болоту, должен непременно изредка подзывать их в рог, а находящиеся впереди его подгонщики в это время подваливают подходящими и короткими окриками гончих к рогу (см. гл. 40, ч. II).

135. Во время гоньбы гончих доезжачий выходит из болота и, сев на свою лошадь, ободряет гончих собак «водным» порсканьем с опушки, подравнявшись к гонящей стае. Когда же гончие выведут зверя из болота на его сторону, то он с находящимися при нем подгонщиками, останавливает в поле стаю и заводит ее опять в болото для добывания следующего зверя или пешком, если собаки не лезут, или делает напуск прямо с опушки болота, и в последнем случае, порская гончим, доезжачий едет на лошади краем болота, по опушке, постепенно подравниваясь к гончим собакам. Когда гончие выведут зверя на другую сторону болота, то там останавливает гончих в поле и возвращает их в болото находящийся на той стороне подгонщик, а доезжачий в это время подзывает гончих в рог с этой стороны. Когда же собаки с другой стороны ввалятся в болото, подаваясь к доезжачему на рог (что доезжачий узнает по тому, что подгонщик, возвратившись из поля гончих собак, на той стороне смолкает, т.е. перестает окрикивать гончих, или в мелколесном болоте, видя сам с этого берега, что гончие ввалились в опушку болота),

тогда он звать в рог перестает, а начинает порскать собакам к «поиску», продолжая далее порсканье, сообразно действиям гончих собак (см. гл. 40 и 41, ч. II).

136. Борзятники же при болотистой езде занимают лазы по обе стороны болота, заблаговременно перебравшись по переездам на другую его сторону, и становясь преимущественно у лошины, впадины и отрожков болота, избирают себе место на лазах по возможности под прикрытием кустов, стогов и т.п. предметов, и сообразно положению и фигуре болота, поступают как сказано об этом в 133 ст.

Примечание. Охота псовая по зайцам и лисицам уймистым способом езды с борзыми никогда не производится на том основании, что травить борзыми зайца и лисицу по уймам в лесу нельзя, а потому о езде уймистой изложено будет в отделе II.

ГЛАВА 17

ОБЩИЕ ПРАВИЛА О ТРАВЛЕ ЗВЕРЯ БОРЗЫМИ ИЗ-ПОД ГОНЧИХ (преимущественно лисицы и зайца)

137. Борзятники, стоя под островом, должны нажидать зверя на лазах из-под гончих всегда хладнокровно и тайко, т.е. борзятники никогда не должны *видимо горячиться* и никогда не должны «вылазить», т.е. выдвигаться из-под прикрытия при нажидании зверя и, еще того хуже, если борзятник будет на лазу беспрестанно крутиться на лошади. При беспокойном положении борзятника, если он не будет стоять на лазу смирно и тихо, а будет делать неуместные движения или будет кричать на собак или лошадь, или, наконец, начнет разговаривать с кем-нибудь громко, то вообще наждать даже зайца в меру трудно, а волка и лисицу, можно наверное сказать, что такой беспокойный борзятник не найдет на лазу никогда.

Примечание. В разговоре и при объяснении положения охотников и собак во время производства охоты, если не требуется более точного определения мест, которые наброшены гончими, под словом «остров» следует подразумевать всегда всякое место, куда могли быть брошены гончие, будет ли то уйма, болото, враг или мелоча, лишь бы место это доставляло возможность для проходки его с гончими, вследствие чего даже установился у выжлятников на вываливающихся собак возглас: «В остров, (такая-то), в остров!» хотя бы гончие эти вываливались из уймы, врага, болота, камышей или мелочей (см. ст. 178, ч. I).

138. Занимая лаз под островом, борзятник должен в то время, когда лезет на него зверь лазом из-под гончих, совершенно замереть на месте, а находясь на виду в чистом поле даже припасть к луке, т.е. прилечь на седле корпусом на шею лошади и не трогаясь, не шевелясь ни одним мускулом, *выдержав зверя и, подпустив его в меру*, усвистнуть собакам и, тихо улюлюкнув или заатукав вполголоса (смотря по тому, кого травит борзятник, красного зверя или зайца), показать его борзым, преследуя молча собак и зверя на лошади подходящим аллюром (чаще усиленным галопом), впредь до того момента, когда собаки поймают зверя, или когда сделается совершенно ясным для борзятника, что зверь ушел. В последнем случае, да и вообще борзятник никогда не должен бросать, т.е.

оставлять своих собак на произвол случайностей, а обязан стараться всегда подловить их как можно скорее на свору и опять скорее занять свое место.

139. Что следует псовому охотнику подразумевать под выражением «Показать зверя в меру»? Понимать такое выражение одинаково с понятием о выражении «Стрелять зверя в меру» нельзя на том основании, что собака не есть ружье. Из ружья дали промах — и зверь ушел, а собака, хотя и дала промах, т.е. угнавши зверя, охватила, не зацепила его, — еще далеко не доказывает, что зверь этот непременно от нее ушел, т.к. от резвой борзой, несмотря на бесчисленное количество ее угонок (т.е. промахов) зверь уйти не должен. А поэтому под выражением «Мера для травли зверя собаками» нельзя подразумевать *одно только расстояние* зверя от собак, тут еще должна подразумеваться и *местность*, на которой предполагается травить зверя, так, например, для одной и той же борзой, для которой расстояние от зверя в сто сажений, будет мерой очень малой, иной раз только расстояние в две сажени может оказаться для нее мерой совершенно невозможной, т.к. *в чистом поле* собака эта может всегда поймать, предположим, русака, побежавшего от нее в ста саженьях и поймать, не давши ему пробежать еще и пятидесяти сажений, но если этот же русак набежит на эту же собаку в две сажени расстояния, но под самой опушкой, то он всегда может уйти от нее. Следовательно для того, чтобы в точности исполнять правило: «Показывать борзым зверя в меру» — правило, упоминаемое в предыдущей и в 22-й статьях, необходимо, чтобы борзятник под островом занимал лаз на таком месте, где бы он мог допустить зверя к себе на дистанцию, сообразную резвости и поимчивости его собак, показав его борзым так, чтобы они *могли всегда его поймать*. А для этого борзятника, занимая места в поле и под островом, или в опушке его, и соображаясь, как должен будет бежать зверь относительно его положения, обязан непременно и всегда *выдерживать зверя*, т.е. отпустить его от острова настолько, чтобы зверь, при нажидании его борзятником на себя, сделался ближе к его собакам, чем к острову, из которого бежал, а при травле из опушки, по уgonу, чтобы дальше отбежал от острова, и тогда только борзятник должен будет показать зверя своим собакам. В противном же случае, т.е. если борзятник не выдержит зверя, то зверь тот от собак всегда может вернуться назад в лес и всегда может уйти даже от очень резвой борзой без угонок или с угонкой, но под самой опушкой леса, а это, кроме риска убить собак, кроме нарушения порядка охоты и положительно позора для борзятника, не сумевшего насадить борзых — ничего другого не принесет.

140. Кроме того, показывать борзым зайца и лисицу борзятник должен стараться всегда по уgonу, в поперек и с искоса, но не в лоб, т.е. не в встречу, т.к. в встречу собаки всегда могут с зайцем и лисицей разъехаться, а при этом могут опрокидываться и нередко ушибаться как об землю, так и между собой, при скучивании одна о другую. Когда же представится *необходимость* подпустить свору собак к другому травящему борзятнику, то подпускать собак в лоб, т.е. в встречу, *отнюдь не должно к зайцу и лисице*, т.к. при таком случае всегда представляется более возможным перебить собак на смерть при встрече одной своры с другою.

141. При травле из под гончих каждый борзятник обязан травить только того зверя, который на него побежал, и дабы не заслужить порицания со стороны других охотников и не получить от них названия «шкурятника», он *никогда* не должен подпускать своих собак к зверю, побежавшему на другого борзятника, без явной в том необходимости, допускаемой в исключительных случаях главным правилом псовой охоты, выраженным в 16-й статье этой части (см. гл. 2, ч. III).

Примечание. О травле волков будет добавлено особо в гл. 28-й, способа II, отдела II, ч. III.

Способ II

Езда в отъезжем поле или езда по волкам

ГЛАВА 18

О ПРИГОТОВЛЕНИИ К ОТЪЕЗЖЕМУ ПОЛЮ

142. Около 15 числа июля, но никак не позднее этого числа, владелец охоты приказывает ловчому отправить обыщика с подвывалом для обыска волчьих взводков и исправить все, требующие починки, необходимое для псовой охоты в отъезжем поле.

143. По получении такого приказанья от владельца охоты ловчий немедленно снабжает обыщика потребным количеством денег на расход по предстоящей ему с подвывалом дороге, дает телегу, двух лошадей и два седла (как об этом сказано в 49 статье, ч. I) и, снабдив их надлежащими указаниями, куда им ехать и где искать волков, при себе выпроваживает их из дома.

144. По отправке обыщика для обыска волков ловчий приступает с помощью различных мастеровых к исправлению и подновлению всего, принадлежащего ко псовой охоте, и вообще приводят всю псовую охоту со всем к ней относящимся, к первому сентябрю в самый блестящий вид и порядок, что всегда должно составлять гордость ловчего, и на что полуторамесячного срока всегда вполне достаточно.

145. Первого же сентября, совместно с владельцем охоты, если он находится на лицо и если пожелает участвовать лично на охоте, (а если его нет, то ловчий сам в его отсутствие) обязательно должен (по старинному обычаю) выехать на несколько часов для производства охоты в ближайшие к дому места в полном комплектном составе псовой охоты (за исключением обоза для ознаменованья начала производства осенней охоты, в день охотничьего праздника (почитаемого старинными псовыми охотниками) первого сентября, так и для необходимого осмотра всей псовой охоты, в деле, на поле, т.к. все, кажущееся исправным дома, оказывается нередко в деле никуда не годным. Поэтому, произведя смотр псовой охоты 1-го сентября, и найдя что-либо требующим исправления, перемены, а иногда и удаления из комплектного состава псовой охоты, назначенного в отъезжее поле, всегда будет возможно до 15-го сентября, т.е. до времени настоящего выступления псовой охоты из дома в отъезд, — исправить или заменить все, негодное и нетерпимое в охоте.

146. С первого же сентября (к этому числу обыщик с подвывалом *обязаны* возвратиться из обыска) ловчий составляет маршрут стоянкам в отъезжем поле, с отметками, где наняты обыщиком квартиры для псовой охоты, и где не наняты и по какой причине, и затем маршрут этот подает владельцу охоты, который, просмотрев его и сделав необходимые по своим соображениям изменения и дополнения, утверждает маршрут своей подписью и передает его обратно ловчому для руководства, назначив при этом ловчому день выхода псовой охоты из дома в отъезжее поле.

147. По утверждении маршрута ловчий за неделю до выхода псовой охоты в отъезд делает смотр «обозу для отъезжих полей» в полном его составе и при полном количестве людей, назначенных владельцем к обозу.

Смотр обоза производится ловчим в присутствии самого владельца, если он того пожелает, и в этом случае ловчий выстраивает обоз перед господским домом для осмотра его владельцем, и затем пропускает весь обоз мимо себя, по дороге, рысью и шагом. После чего тщательно осмотрев лошадей и экипажи до последней гайки, ловчий обязан подтвердить кучеру, фурщикам и багажным, что «каждый из них должен беречь свой экипаж» лошадей и поклажу под личной их за все ответственностью» и сдать каждому все на руки на хранение, предупредив их, что «о малейшей, замеченной ими неисправности они обязаны заявить ему сейчас же, заблаговременно, а не тогда, когда обоз уже выступит в дорогу».

148. Когда же будет все приготовлено *как надо*, для выступления псовой охоты в отъездное поле, то накануне дня выхода псовой охоты приступают к укладыванию обоза и затем в назначенный владельцем час, псовая охота со всем к ней относящимся, выезжает в отъездное поле. (См. главы 14 и 15, ч. I)

ГЛАВА 19

О ВЫСТУПЛЕНИИ ПСОВОЙ ОХОТЫ В ОТЪЕЗЖЕЕ ПОЛЕ

149. В назначенный день для выступления псовой охоты в отъездное поле ловчий приказывает к известному часу подмазать обозные уже уложенные экипажи, и затем при себе производить запряжку лошадей в них, наблюдая, чтобы каждый из фурщиков, кучеров и багажных делал запряжку своих лошадей тщательно, правильно, не торопясь и не мешкая, а как следует; после чего, когда лошади все будут в обозе запряжены и заводные привязаны у коновязей (см. ст. 105, ч. 1), а кучера на своих местах на козлах, тогда ловчий приказывает запасным людям, находящимся при обозе, «занимать свои места», и при себе выпроваживает обоз на дорогу из дома с обыщиком в качестве путевого.

150. Выпроводив при себе обоз на дорогу, ловчий возвращается домой и приказывает охотникам подготовиться к выезду в отъездное поле, вследствие чего борзятники и выжлятники приступают к седланию себе лошадей, и часа через два по уходе обоза к указанному ловчим часу, весь отряд псовой охоты, назначенный в отъездное поле, в полном его составе, выходит на сборное место и затем вместе с ловчим выезжает в отъезд из дома порядком, указанным в 9 и 10 главах, части I «Руководства».

ГЛАВА 20

О ПРИБЫТИИ ПСОВОЙ ОХОТЫ НА КВАРТИРУ И ВСТУПЛЕНИИ В ДЕЛО ПРОИЗВОДСТВА ОХОТЫ В ОТЪЕЗЖЕМ ПОЛЕ

151. По прибытии обоза на квартиру, находящиеся при обозе люди обязаны немедленно приступить к приготовлению квартиры указанным в главе 16 и 17, ч. I «Руководства» порядком, соблюдая во всем все правила, изложенные в гл. 15 той же части «Руководства». И затем приготовить квартиру, а обыщик — все необходимое для псовой охоты, т.е. сено, овес, печеный хлеб, мясо, пшено и т.п. из провизии, словом, что нужно и что приказано ему, — дожидаются приезда владельца охоты и охотников, для чего отряжается один человек из обозной прислуги за околицу села, для встречи охоты и для

проведения ее на квартиру ближайшим путем и, по возможности, не улицами села или деревни, а выгоном их или «задами» крестьянских дворов (ст. 6, ч. III)

152. По прибытии же охотников на квартиру, псовая охота размещается указанным в гл. 17, ч. I «Руководства» порядком, а ловчий сию же минуту приказывает переседлать себе другую, какую-либо из заводных или обозных лошадей и, смотря по погоде: насколько силен ветер, берет с собою одного или двух человек охотников (в том числе обыщика или подыввал, знающего место волчьего гнезда) и едет вместе с ними проверять взводок волков засветло. Если же псовая охота опоздает приходом на квартиру, и поэтому ловчий не успеет засветло приехать ко взводку волков для проверки его, то проверка волков должна быть отложена до следующего дня, а псовая охота в это время должна обязательно дневать на квартире, т.е. делается дневка, согласно указанию, выраженному в гл. 19, ч. I «Руководства», т.к. без проверки взводка брать волков или охотиться за волками *отнюдь не должно*, во избежание неудачной охоты и во избежание риска — потронуть взводок волков с места, и через то лишиться возможности перетравить всех волков во взводке, как следовало бы.

153. Проверка волков должна производиться ловчим всегда накануне дня, назначенного для охоты за ними, и только в таком случае «удача поля» т.е. удачная травля волков может быть обеспечена.

154. Перед взятием взводка волков, т.е. перед днем охоты за волками, всегда полезнее делать дневку, чем производить в это время охоту по какому-либо другому зверю. Охотиться за лисицами и зайцами всегда следует *по взятии уже взводка волков*, т.к. на волков всегда лучше и надежнее выезжать в поле с собаками свежими, отдохнувшими, т.е. передневавшими.

ГЛАВА 21 ОБ ОБЫСКЕ ВОЛКОВ ВООБЩЕ

155. Обыск волков производится в промежуток времени с 15 июля по 1 сентября в нашей местности, т.е. в средней полосе России, ежегодно обыщиком и подывалом по расспросам местных жителей о местах, изобилующих волками, и обязательно личной проверкой указанных теми жителями волчьих мест, т.к. полагаться на слова жителей никогда не следует в виду того, что местные жители нередко ошибочно указывают на такие места (преимущественно ближайшие к ним), в которых волки держаться никогда не могут. Это ошибочное указание происходит по большей части от того, что крестьяне, озлобленные на волков за погубленную ими у них домашнюю скотину*), нередко из жажды мести стараются уговорить охотников хоть поугадать волков в их местности, где

*) Что совершенно естественно со стороны крестьян и, пожалуй, не менее естественно со стороны волков как бы в наказание беспечных хозяев, которые со времени уборки с полей хлебов и до самой зимы, т.е. до первого снега, распускают свою скотину и в особенности свиней и лошадей по полям и лесам положительно без всякого за ними присмотра и караула, ни мало не стесняясь тем, что распушенная ими на произвол случайностей их скотина нередко вытравляет и портит *чужие* угодья!.. А поэтому было бы несравненно справедливее, человечнее и полезнее не отравлять стрихнином и т.п. ядами волков, уничтожая в то же время несравненно большей процент домашних животных и в особенности собак охотничьих, а строго обязать: всех владельцев домашней скотины не распускать свой скот на произвол случайностей, а беречь его *всегда за постоянным караулом и только по своим угодьям*. Это, наверное, уменьшило бы если не совсем уничтожило бы зло, происходящее (якобы) от волков, а заставило бы всех тунеядцев относиться с большим уважением к чужой собственности. А то, помилуйте, мы бесчеловечно, (и самым низким способом — отравлением) смертью, караем волка за то, что он съел шатающуюся без присмотра, брошенную хозяином свинью Ивана, а к хозяину свинья относимся снисходительно за то, что рылом свиньи Ивана у вас изрыт сад, огород, и погублены все овощи, за которыми вы ухаживали все лето, и которые вам стоили не мало труда и денег.

волки иногда совершенно справедливо *бедят скотину*, но где уже, наверное, волки держаться не могут, т.к. волки никогда у своего гнезда скотины не трогают, а на корм уходят от гнезда всегда не ближе, как версты за четыре, а иногда и далее того. А поэтому, хотя в большинстве случаев местные жители о волках всегда лгут, но опытный охотник никогда не должен этим смущаться, а наоборот обязан всегда тщательно повыспросить о волках, ибо если гнезда волков и нет вблизи селения, то всегда надо предполагать, что оно есть где-нибудь верстах в четырех, пяти от этого места при условии частой, почти ежедневной «потраты» скотины волками в этой местности. Выспрашивать о волках всегда следует так:

- 1) Не видите ли волков?
- 2) В каком количестве и в каком месте?
- 3) Не слышите ли вытья волков? Т.е. *скалят* ли (по народному выражению) волки?
- 4) Когда, т.е. в какое время воют (скалят) волки?
- 5) Во много ли голосов воют волки?
- 6) Толстыми ли или тонкими голосами воют волки?
- 7) Тянут ли, т.е. протяжно ли воют волки, или брешут, как щенята?
- 8) Все ли вместе воют волки или каждый по одиночке, порознь, т.е. сначала один, потом другой, потом третий волк и т.д.?
- 9) Часто ли слышно вытье волков?
- 10) Не видал ли кто волчицы с волчатами, и сколько видели волчат?
- 11) Как велики волчата и вообще виденные волки?
- 12) Часто ли бедят скотину волки?
- 13) Из какого места приходят волки «бедить» скотину?
- 14) Крепко ли и велико ли то место?
- 15) Есть ли вода в том месте?
- 16) Нет ли в том месте пчельника, и не живет ли на том пчельнике пчелинец? Или: нет ли там караулки, шалаша или пригона для скота? Ночует ли кто-либо из людей в том месте, и кто именно?
- 17) Берегут ли в том месте скотину, и какую?

Затем по полученным ответам на предложенные вопросы обыщик выводит заключение о справедливости показанного и, убедившись, что действительно волки должны быть в сказанном месте, отправляется вместе с подвывалом, а в местах незнакомых и с нанятым на этот предмет провожатым из местных крестьян (который бы хорошо знал дорогу к этому месту), чтобы лично проверить все слышанное о волках на месте.

Примечание. По приведенным вопросам можно убедиться в справедливости показаний местных жителей, например: если говорят, что воды в данном озере нет, а волки есть, то очевидно, что последнее ложно; или одни из крестьян уверяют, что слышали вой волков, а другие — не слышали, тогда надо проверить показание вопросом: «Как выли волки, во много ли голосов»? Не слышавший воя, но уверяющий, что слышал его, ответит на этот вопрос так, что ложь его будет очевидна. Вопрос: кто живет в том месте (на пчельнике или в караулке) необходим для того, чтобы у живущих так проверить показания первых и т.п. Вопросы эти можно

разнообразить без конца, и приведенные мною вопросы указаны только как образец; всех же вопросов предусмотреть заранее невозможно.

156. Обыскивают волков только тех, которые имеют «гнездо», т.е. семейство, детей-волчат. Холостых же волков никто из псовых охотников не обыскивает на том основании, что холостяки-волки никогда не имеют постоянного местопребывания.

157. Под словом «гнездо волков» нельзя подразумевать то, что подразумевается под понятием о гнезде, например, птицы или о гнезде собаки со щенками. Волк гнезда в буквальном смысле не имеет. Самка мечет волчат где придется, выбирая при этом только самое глухое место в лесу, на бугре или в полугоре врага, где бы было лишь сухо, и куда бы не могла дойти нога человека, в противном случае, опытная гнездарка, как только заметит, т.е. учует по следам, что гнездо ее открыто, моментально всех волчат своих перетаскивает в зубах с этого места на другое; и таким только путем ей удается иногда спасти своих детей от бесчеловечного увечия и избиения их безжалостными гнездоразорителями, поступающими во всех отношениях хуже всякого рассвирепелого волка*), и «взвести» (т.е. вскормить и вырастить) свой «взводок» молодых волков до совершенного их возраста. Поэтому выражение: «в (таком-то) месте есть гнездо волков», означает: что в этом месте есть только взводок молодых волков, а вследствие того искать в этом месте собственно «волчьего гнезда» никогда не следует, иначе это будет напрасная трата времени, т.к. волчата, пометанные в какой-либо ямке, разрытой лапами волчицы, или в углублении под корнем повалившегося дерева, или в середине куста мелколесья, в кочках и т.п. местах, никогда не остаются со времени их прозрения, т.е. как только волчата начнут смотреть (волчата рождаются всегда слепыми, подобно щенятам), мать их сама вначале перетаскивает с одного места на другое, а затем, когда волчата начнут бегать, переводит их и перепугивает взбрехами и осторожным покусыванием зубами с места на место, приучая их тем к тайкости, осторожности и умению быстро скрываться от преследования, по способным для того «креням», в районе этого же лесного места. А также знакомя их, этим способом переводок, со всеми крепчайшими местами острова и со всеми ближайшими и более скрытными лазами по нем, гнездарка строго воспрещает волчатам выходить наружу из этого острова впредь до той поры, когда сама она найдет возможным выводить их с собою на корм, и с этого только времени и начинается вытье волков, что приблизительно бывает около числа 8 июля. До этого же времени волки никогда не воют, и в это время нередко можно застать гнездарку, подкарауливающую с опушки леса своих волчат, и когда она заметит волчонка на опушке острова, то горе тому ослушнику, вышедшему из леса наружу: она моментально бросается на него, страшно рычит, бьет его лапами и как бы грызет его, кувыркая своею мордой, и тут же обращает его в бегство в лес, где и скрывается уже наказанный волчонок.

158. Обыскивают волков по имеющимся всегда у каждого *нетронутого гнезда волков* признакам. Признаки пребывания гнезда волков следующие:

- 1) логова;
- 2) тропы;
- 3) стол;
- 4) игрище;
- 5) водопой;
- 6) следы;
- 7) регулярное еженочное вытье волков по зорям.

*) Мне неоднократно приходилось находить молодых волков с обрезанными пальцами, отсеченными лапами, хвостами и ушами. И с этих пор я возненавидел этих варваров, всегда низко кланяющихся, просящих и плачущих, а в душе смеющихся над всяким проявлением добросердия, над всяким благородным порывом вашего сердца, и всегда готовых, при первой же возможности, за ваше доброе (но всегда ошибочное) сочувствие к ним, поступить с вами не лучше, чем с волчатами. Правда, бывают исключения, — но увы, очень редко!

159. Объяснение признаков пребывания гнезда волков.

- 1) Логовами называются видимые на траве лежки волков, и бывают они преимущественно в районе излюбленной волками местности острова, в котором волки имеют постоянное пребывание. При этом надо заметить, что логова волков никогда не представляют *постоянных логовищ*, т.е. таких мест лежек, на которых волки постоянно ложились бы, зная свое одно постоянное место или логово. В этом отношении волки поступают совершенно наоборот; они почти всегда выбирают себе каждый раз свежее местечко на свежей, мягкой и по большей части высокой траве, на которой бы они могли, свернувшись (пособачьи) порознь, т.е. по одиночке, но обязательно вблизи один от другого и непременно в районе одной и той же излюбленной ими местности острова, отдохнуть, укрывшись по возможности в траве или мелкоколесье (подседе) от ворон и т.п. птиц, постоянно беспокоящих волков. А вследствие того, при взводке, состоящем, например, из девяти волков, всегда можно наехать до пятидесяти и более логов, но при этом охотники обязаны непременно различать свежие логова от старых, т.к. только свежие логова могут служить несомненным признаком действительного пребывания волков в этом месте. Свежие логова узнаются по свежести травы и ровной ее примятости, происходящей от лежания на ней волка. На старых же логовах трава уже будет не так свежа и при том не так ровно примята, ибо некоторые отдельные стебельки травы от времени, и в особенности во время дождя, могут отдыхать и приподниматься; вследствие чего логово будет представляться не ровно примятым, а как бы взъерошенным, что и служить доказательством того, что логово это старое.
- 2) Тропами называются видимые волчьи следы *по траве* или *камышам* острова, в котором волки постоянно пребывают. Но при этом надо знать, что собственно следов волчьих, т.е. отпечатков лап по траве, заметить никогда невозможно, разве только изредка — кое-где, можно увидеть по направлению тропы отпечаток волчьей лапы на местах, плохо покрытых травой и грязноватых. А поэтому для охотника не представляется надобности отыскивать по тропам отпечатки волчьих лап, т.к. волчьи тропы, достаточно хорошо всегда видимые, по исхоженной волками траве, преимущественно находятся в таких глухих местах острова, в которых держатся волки, куда домашняя скотина редко заходит, да и человек в большинстве случаев оббегает дальше эти волчьи места, а потому тропы по траве или камышам, при других признаках, в таких местах явно свидетельствуют, что они поделаны волками, имеющими привычку, в спокойном состоянии, ходить по острову всегда в разных направлениях, один за другим.
- 3) Столом называется то место в острове, в котором держится взводок волков, куда волки-гнездари всегда приносят волчатам добычу. Место это бывает преимущественно неподалеку от логов, но и не очень близко к логовам. На этом месте, т.е. «на столе», всегда можно увидеть обглоданные кости от домашних животных и перья от съеденных гусей и т.п. птиц. Место для «стола» выбирается гнездателями преимущественно на какой-нибудь полянке, в середине острова, и когда уже молодые волки хорошо возмужают, тогда «стол» у них бывает и около острова, на поле.
- 4) Игрищем называется то место на опушке острова или на поляне, но непременно ближе к опушке острова, в котором постоянно держится взводок волков, куда перед походом на добычу с молодыми волками, гнездарка собирает всегда их всех; и в это время на этом месте она начинает «подыгрывать» с волчатами,

увлекая *тем* их за собой в поход, при чем роет лапами землю, играет, ласкает волчат и делает различные прыжки, а молодые волки, в свою очередь, а также нередко и переярки, пребывающие при гнезде, играя между собою и с гнездаркой, делают на этом месте различные накопы, роя передними лапами землю, кочки и пни, а задними — царапая землю так, что она летит вместе с травой из-под когтей их в разные стороны, и тем как бы расправляя свои когти, и как бы выражая игрою свою радость пред предстоящей работой, весь взводок волков оставляет на этом месте неизгладимые следы своего пребывания, что и называется псовыми охотниками: «игрищем», и что бывает всегда у каждого нетронутого гнезда волков и что служит всегда одним из верных признаков существования взводка. Игрище старое ясно отличается от свежего.

- 5) Водопоем называется находящаяся в острове, в котором держится постоянно взводок волков, вода, не высыхающая в продолжение лета, и заключающаяся в каких-либо «баклугах», озерах, реке, пруде, ручейках и родниках, словом, вода, никогда не пересыхающая на все время пребывания взводка волков в острове и могущая всегда служить хорошим водопоем, в особенности для молодых волков. Если же воды совсем не будет в острове, в котором предполагают искать волков, то положительно можно быть уверенным, что взводка волков в таком месте никогда быть не может, т.к. без водопоя для молодых волков гнездарка не продержится в таком месте и двух дней. Вследствие этого, хотя волчица и мечет волчат нередко в таких местах, где совсем нет воды (в болотах волчица никогда не мечет), но из таких суходольных мест она немедленно по прозрении волчат перетаскивает их или в прилегающие к тем местам болота или в места, хотя и суходольные, но непременно с находящимся в них хорошим и скрытым в лесу водопоем. А поэтому обыскивать взводок волков, хотя бы по рассказам и «видали волчицу с волчатами» в таком месте, где нет воды, никогда не следует.
- 6) Следами по чернотропу называются отпечатки волчьих лап по земле. Но т.к. по чернотропу не на всяком месте могут быть видны следы, то в том месте, в котором обыскивают волков, волчьи следы надо усматривать и всегда, если есть волки, находить можно: на песках, т.е. на песчаном грунте, по пыльным и грязным дорогам, на грязи подле водопоя, на мягких, хорошо вспаханных пашнях и озимях и по краям плотин или гатей, а также (на утренней заре) по росе на траве, что и называется в последнем случае «росным следом».
- 7) Регулярное еженочное и в особенности по вечерним зарям вытье волков может служить несомненным признаком пребывания в известном месте взводка волков только тогда, когда в этом вытье волков будут принимать участие и молодые волки. Если же выть будут только старые волки или переярки, а голосов молодых волков не будет слышно, то это должно служить доказательством того, что молодых волков нет, что взводок потратился, перебит или перетравлен. Вытье волков подразделяется по времени на вечернее и утреннее вытье, а по голосам — на вытье старых волков, на вытье переярков и на вытье молодых волков. При существовании взводка волков, волки обязательно воют всем гнездом, т.е. и матерые волки гнездари, и переярки (если есть при гнезде), и молодые, словом, все вместе. Самым верным признаком для определения *места пребывания* взводка должно служить: *первое вечернее* вытье, т.к. вторично вечером (или ночью*), а также и на утренней заре волки воют иногда и не на самом месте постоянного своего пребывания, а нередко в местах, совсем не способных для пребывания волков, на местах, попавшихся им по дороге, на ходе на добычу или при возвращении волков с добычи ко гнезду.

*) Случается, что первое вытье слышится очень поздно ночью.

160. Все эти признаки волчьего гнезда могут существовать только у нетронутого взводка волков. У стронутого же с места гнезда волков некоторых из перечисленных в ст. 158 признаков может и не быть; но тем не менее какие-либо из них при каждом взводке волков существовать должны обязательно. Количество и ясность признаков у старого взводка всегда зависят от продолжительности пребывания взводка на новом месте. Поэтому при обыске волков необходимо все это принимать в соображение и помнить, что взводок волков может быть стронут с места и не одними охотниками или облавой — стронут с места, т.е. потревожить волков так, что они перейдут из этого острова в другой, всегда могут и неумышленно крестьяне, во время покоса в этом месте, во время собирания ягод, грибов; во время рубки леса и собирания валежника. Кроме того, в местах тонких, небольших и к тому же людных взводок волков всегда держится крайне осторожно, так что иногда, при опытных гнездарях, в местах тонких волки даже и не воют, и не отдают голосов на подвой, как и волки, подбитые плохими подвывалами. Но это никогда не должно смущать обыщика на том основании, что помимо вытья волков, есть много других признаков, о которых говорилось в предыдущих статьях и которые всегда могут служить вернейшим доказательством пребывания взводка волков в известном месте.

ГЛАВА 22 О ВЫТЬЕ ВОЛКОВ ВООБЩЕ

161. Вытье волков, как сказано в предыдущей главе, подразделяется по голосам на три вида, а именно: на вытье старых волков или гнездарей, на вытье переярков и на вытье молодых волков. Все эти три вида вытья волков значительно разнятся между собой как тоном голосов, так и мотивом вытья, поэтому каждый псовый охотник и в особенности ловчий, обыщик и подвывало обязаны знать голоса волков и уметь их различать; а подвывало — даже и уметь подражать своим голосом вытью старых волков.

Примечание. Для точного изучения вытья волков необходимо слышать *действительное вытье волков самому у их гнезда*, т.к. передать на бумаге тоны голосов и мотивы вытья в точности невозможно, но тем не менее указать на особенности вытья каждого вида я считаю необходимым и, по мере моего умения, постараюсь объяснить это следующим, более или менее, наглядным образом.

162. Особенность вытья старых волков или гнездарей заключается в том, что они постоянно голосами *«тянут»*, и все вытье их состоит из двух только колен *протяжного воя*. При этом голоса старых волков-гнездарей (матерых) грубы и в особенности у самцов басисты. Голоса самок много тоньше голосов самцов. Мотив вытья матерых волков выражается примерно так: если взять скрипку и первым пальцем левой руки взять, например, ноту на басовой струне «la» и, правой рукой ведя смычком, не переменяя пальца левой руки, вести этим первым пальцем по басовой струне протяжно до ноты «fa», затем тянуть эту ноту «fa» приблизительно два такта, не перерывая тона, после того, вести тем же пальцем по той же струне назад к нижним нотам, приостановившись на ноте «do», тянуть ее в продолжении одного такта, и сходить постепенно к нижайшим нотам на басовой струне, не отнимая первого пальца левой руки, вплоть до последней нижней ноты «sol», — это и будет как бы выражать первое колено вытья матерых волков; второе колено вытья матерых волков начинается по прошествии приблизительно одного такта молчания, прямо с «диеза» ноты «fa», взятой также на басовой струне первым пальцем левой руки, и протянутой приблизительно два такта, после чего, не перерывая тона, надо вести пальцем

по струне назад к нижним нотам, остановившись на ноте «ге», тянуть ее также приблизительно два такта, и затем, сделав на этой ноте как бы два перебоя (две четверти) выражающие как бы *перебрех*: «гам, гам», вести (первым же пальцем левой руки) протяжно к нижайшей ноте «sol», на которой и оканчивается все вытье матерых волков, т.е. оба колена. А т.к. подвывать взводок волков следует *обязательно голосами матерых только волков*, то поэтому для большей наглядности или понятливости я приблизительно постараюсь изобразить оба колена вытья матерых волков нотами, предупреждая, что голосом следует подражать вою, не для заметных переходов из тона в тон, а если на скрипке кто пожелает усвоить себе мотив вытья, то должен, как сказано выше, первым пальцем левой руки вести протяжно по басовой струне скрипки, не разделяя тонов и полутонов, сливая их как бы в один звук, исходящий из-под смычка, при ведении пальцем левой руки по струне, останавливаясь только на продолжительных или «целых» нотах, как показано приблизительным делением нот.

ПОДРАЖАНИЕ ВЫТЮ МАТЕРЫХ ВОЛКОВ ДЛЯ ПОДВЫВАЛЫ

Скрипка. На одной басовой струне все ноты брать первым пальцем левой руки, — сливая звуки.

1-е колено.

голосъ: у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-у-о-о-о-о-о-о-а.

2-е колено.

голосъ: у-у-у-у-у-у-о-о-гам-гам-а-а-а-а-а-а-а-а-а.

Подвывать волков следует голосом, подражая вытью матерых волков и запрокинув немного голову назад. Во время подвывания необходимо, чтобы лошадь под подвывалом стояла смирно и не дергала, не вертелась, дабы голос седока не прерывался от движения его лошади, в противном случае матерые волки-гнездари сейчас же поймут подвывку (т.е. обман) и могут в эту же ночь свести молодых волков. т.е. взводок, из этого места в другое. Поэтому самое лучшее подвывать волков стоя пешком на земле, а не сидя на лошади. Главная особенность в подражании вытью волков заключается в том, чтобы подвывало старался *выть* как можно *томнее*, т.е. не выговаривая *ясно* слов или букв при переходе звуков, выражающихся как бы буквами: «У-о-а!», и в особенности на «перебрехе» во втором коленце вытья, где слова «Гам-гам» должны вырабатываться не языком или губами, а только движением подбородка при не совсем закрытом рте и без перерыва голоса впредь до окончания вытья, т.е. до самой нижней ноты, а именно до «Sol», и на ней голос должен замирать как бы улетающая в пространство.

Примечание. Некоторые подвывалы при вытье закрывают «для томности звука» рот с обеих сторон ладонями, делая у рта из рук как бы раструб, рупор и соединяя и разъединяя ладони по мере надобности для скрытия переходом звуков и для выражения «forte piano» подвивают волков довольно искусно, но тем не менее я знал *замечательных мастеров-подвивал*, которые всегда подвивали волков просто ртом, без помощи рук, но всегда запрокинув голову назад как бы для того, чтобы голос их несся вверх, в пространство, и они всегда подвивали безошибочно, удачно и неподражаемо верно. И всегда подвивая волков сам лично я пришел к тому убеждению, что подвивка волков прямо голосом, без помощи рук, может быть несравненно вернее и для волков неузнаваемее, в чем неоднократно меня убеждали волки при держании их на вытье для перевода из одного места в другое. Главное — нужно стараться подражать вытью матерых волков грудным голосом.

163. Особенность воя переярокв заключается в том, что голоса их значительно тоньше голосов матерых волков, и при том переярки, начиная только подражать матерым волкам, хоть и тянут голосом до половины первого колена так же, как и матерые, но вторую половину колена оканчивают всегда вытьем или «скалом» молодых волков (см. ниже). Поэтому всегда неопытному охотнику легко ошибиться и счесть переярокв за молодых, вследствие чего нужно быть крайне внимательным к вытью молодых волков, которые в позднюю осень начинают так же, как и переярки тянуть, но только молодые волки тянут голосом в очень позднее время осени, и при том тянут еще короче переярокв.

164. Особенность вытья молодых волков заключается в том, что молодые волки, т.е. прибылые, никогда не тянут, за исключением самой поздней осени, да и в это время тянут очень коротко, не более одного такта вытья матерых волков, а всегда «скалят», т.е. как бы брешут или как бы хохочут очень тонкими голосами, варьируя с нижних нот на верхние и наоборот, выражая при этом голосами своими как бы частый хохот человека, приблизительно вроде следующего примера, положенного мной для наглядности на ноты.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ ВЫТЬЕ МОЛОДЫХ ВОЛКОВ

Такое вытье слышится при одновременном вое нескольких голосов молодых волков, когда же вслушаться в вытье одного молодого волка, то слышатся слова не «Ха-ха-ха», а как бы слова «У-у-о-а-а».

ГЛАВА 23 О ПОДВЫВАНИИ ВОЛКОВ

165. Когда представляется *необходимость* подвывать волков, тогда только подывалы должны подвывать их, подражая вытью *только матерых волков*, но никак не голосам переярков и молодых волков, ибо взводок послушен всегда только голосам гнездарей, т.е. матерых волков (см. гл. 22).

166. Подвывать волков должно только в следующих случаях:

- 1) когда *стронутый* с гнезда взводок волков только перешел на новое место и потому не успел еще завести никаких заметных признаков;
- 2) когда ловчий опоздал приездом на проверку взводка волков и вследствие того по причине темноты не успел найти места настоящих их логов в острове, а травить волков назначено владельцем охоты обязательно на следующее утро. (Такие требования и поспешность со стороны владельца охоты, хотя и не основательны, а иногда и вредны для дела удачной травли, но тем не менее для ловчего обязательны);
- 3) когда представляется *необходимость* (вследствие ли неприступного для борзятников положения взводка или по каким-либо другим причинам, например, чтобы избежать охоты во владениях неприятного хозяина и т.п.) перевести взводок волков из одной части уймы в другую ее часть или в ближайший отрок или остров, но только непременно в смежные или прилегающие к этой уйме или острову места, где волки постоянно держались, т.к. на далекое расстояние от места постоянного пребывания взводка перевести волков вытьем, т.е. подыванием, нельзя;
- 4) при неясности признаков и «немоте» взводка, т.е. когда волки самопроизвольно сами по себе не воют, словом, при неуверенности охотника в пребывании взводка волков в известном месте. Во всех же других случаях подвывать волков отнюдь никогда не следует, дабы не подбить их и, при малейшей неловкости подывалы не прогнать их совсем с места.

167. Поэтому, ввиду вышеизложенного, подвывать волков следует только в таком случае, когда волки самопроизвольно сами по себе (т.е. без подывания их) не выли, а для этого всегда следует стараться обыщикам как только возможно дольше выждать у взводка *самопроизвольного вытья волков* и *только при неуспехе ожидания* приступить, через подывал, в самое позднее время воя к подыванию их, при чем подвывать волков следует всегда умело и крайне осторожно, никогда не злоупотребляя искусством подывания, заставляя тем выть взводок волков по два и по несколько раз ради одной только глупой потехи и в ущерб (в большинстве случаев) предстоящей охоте.

168. Подвывать волков всегда следует со стороны ходы волков на добычу или с той стороны, где у волков сделано «игрище», при этом подвывать волков следует всегда в тихую погоду и только при слабом ветре, стараясь подвывать по ветру. В сильный же ветер подвывать совсем не следует, и всегда полезней для удачи поля ограничиваться остальными признаками пребывания гнезда и перевидением волков на утренней заре.

169. При первой же отдаче голосов волками на подвой, подывало обязан моментально смолкнуть, т.е. перестать подвывать, и, выслушав взводок волков, ехать обратно на квартиру, не тревожа волков излишним и всегда бесполезным, если не вредным,

подвыванием*). При том во время обыска при проверке и в особенности при подвывании волков, охотники обязаны соблюдать у гнезда крайнюю осторожность и безусловную тишину, не позволяя себе никаких громких разговоров «ауканий», т.е. переключек, и даже открытых (т.е. не прикрывая шапкой рта) покашливаний.

Примечание. Некоторые подвывалы из желания похвастаться искусством подвывания заставляют выть взводом волков по несколько раз, что положительно вредно для дела охоты и что строго должно быть запрещено ловчим, и нередко оправдываются тем, что это они делают для того, чтобы узнать по голосам количество молодых волков во взводке. Но такому оправданию подвывая верить никогда не должно на том основании, что пересчитать голоса молодых волков во время их вытья *положительно* невозможно. Можно по голосам приблизительно определить велик или мал взводок, но сколько именно молодых волков во взводке узнать никогда нельзя. Количество молодых волков узнается верно только по перевидении взводка глазами, когда гнездарка ведет их за собой, и на утренней заре по росному их следу, но в последнем случае, т.е. по росному следу, узнать количество молодых волков верно можно только тогда, когда при взводке нет переярков, или число их известно, в противном же случае определение количества молодых волков может быть только приблизительно, но не точное.

170. При подвывании волков следует обращать особое внимание на вытье волков, т.к. по ответному на подвой вытью можно всегда определить, удержится ли взводок до следующего дня или опытные гнездари, поняв обман, сведут взводок волков из этого места в какое-либо другое. В первом случае гнездари оканчивают свое вытье правильно, как показано в предыдущей главе приблизительным нотным примером, а во втором случае, когда волки разберут обман, гнездарка при конце вытья сразу оборвет вытье взводка «обрехом», т.е. «гамкнет» на свой взводок, произнеся быстро и сурово как бы слово «Гам!» так что вытье всего взводка волков *моментально* прекращается и сразу, в одно мгновение как бы отсекается. После этого если какой-либо из волков и попытается возобновить, по глупости своей, вытье, то можно тут же услышать, как гнездарка в мгновение бросится на него, не давши ему протянуть и одной ноты, и так отгрызет его, что навсегда отобьет у него охоту к несвоевременному пению. Через несколько минут можно также иногда услышать, как гнездарка начнет сводить взводок, собирая их всех тихим на бегу «поскучиванием», т.е. повизгиванием как бы тихо и в нос произнося слова: «Гм, гм, гм». В таком случае подвывать этих волков отнюдь не должно, а следует ловчому взять с собой несколько человек из охотников в качестве дозорных и, расстановившись с ними у мест, в которые по предположению могли сойти волки, ожидать перевидеть волков на утренней заре, и тогда перевидевший волков дает немедленно знать о том (не пугая ничем волков и не тревожа их) ловчому, который, смотря по местоположению, оставляет двух человек из дозорных караулить волков у того места, или остается сам с ними и посылает за охотниками кого-либо из лишних людей, в ожидании прибытия псовой охоты. По прибытии же ее приступают к травле волков с рассветом немедленно, т.к. оставлять волков в этом месте до следующего дня невозможно, ибо волки из этого места непременно сойдут.

171. Кроме того, при подвывании волков ловчими необходимо предусматривать и устранять все причины, могущие обличать волкам обыск их, т.к. волк и в особенности, как говорится, «травленный», старый, такое умнейшее животное из всех травимых собаками зверей в нашей местности, что «провести» его подвывалам не так-то легко.

*) За исключением случаев, когда необходимо их перевести в другое место, что может быть сделано только по распоряжению ловчего.

Примечание.

Вот один из подобных случаев: на проверке взводка волки отлично ответили на подвой искусного подывалы, все признаки гнезда были ясны. Наутро бросают гончих прямо на гнездо и, увы, ни одного волка на гнезде в острову нет! Вечером того же дня — опять проверка: весь взводок волков самопроизвольно отвыл на логовах великолепно. Опять поутру бросают на логово гончих, и волков опять нет! Что же оказывается? Гнездари вплавь через реку свели в эту ночь весь взводок на другую сторону реки в чистые поля и, оставив там одних молодых во все время полаза гончих по их острову, преспокойно вдвоем (гнездарь и гнездарка) сидели на бугре противоположной стороны, за рекой и наблюдали за действиями обманутых ими охотников, и сидели на самом видном месте нимало не стесняясь присутствием своих врагов. Когда же один из борзятников прозрел, перебрался вплавь на другую сторону реки, то волки моментально скрылись от него из глаз, разбежавшись в разные стороны, так что он не мог даже показать их собакам. Взводок был оставлен, но через неделю весь перетравлен со включением самого гнездаря. Пощажена была только одна гнездарка. Какие же были причины к тому, что волки несколько дней кряду на день сводили с логова взводок? Предположить, что опытные гнездари узнавали или предугадывали охоту за ними по плохому подыванию их нельзя на том основании, что на первый день проверки взводка подывка волков была сделана, можно смело сказать, неподражаемым подывалой, притом волки отвечали хорошо и правильно, а на другой и третий день проверки ездили без подывалы, и никто волков не подывал, а выли они регулярно, каждую ночь сами по себе, но на утро волков ни разу на гнезде, т.е. в острову, охотники не находили. Решено было взводок этот оставить и перейти к другому, находящемуся от этого в 18-ти верстах. По прибытии на новую квартиру владелец охоты был несказанно обрадован, найдя на квартире ожидающего его уже другой день господина N.N., друга и постоянного товарища с ним на охоте в отъезжем поле, оставшегося дома по болезни. N.N. был опытный старый псовый охотник и в отъезжем поле всегда был главным распорядителем во время производства охоты. После обыкновенных приветствий все стали наперерыв рассказывать об оставленном взводке волков, и вся компания товарищей владельца охоты приступила к нему с вопросами объяснить причину такой неудачи поля. Выслушав все хладнокровно, N.N. спросил: «Кто ездил на проверку и кто подывал взводок?» и когда получил ответ, что подвыл Яков, он выразил недоумение, промолвив только: «Странно!» и, велев позвать Якова, спросил: «Скоро ли отвечали волки и правильно ли ответили?» Получив удовлетворительные ответы, N.N. обратился к ловчему, довольно дельному псовому охотнику с вопросом: «А скажите-ка мне, пожалуйста, не видали ли вы на проверках матерых волков?», и когда ловчий ответил, что каждый раз видели то одного, то двух волков на опушке или вблизи острова на поле, на дороге, тогда он сказал всем вообще: «Ну, что же, господа, я бы сделал так: завтра мы возьмем этот взводок, который я вчера от нечего делать сам проверил, уйти ему некуда, а послезавтра вернемся к оставленному взводку и его перетравим». Это было сказано с такой уверенностью, что у всей компании хозяина невольно вырвалось с языка: «Браво!», а сам владелец охоты сказал: «Ладно, так и сделаем, быть посему!» На другой день действительно взводок был взят великолепно, и пропущены были только гнездари, которых N.N. всегда запрещал травить, убеждая (совершенно

основательно) такими словами: «Ну, что же мы их затравим, а на будущее время останемся без гнезда? *Трави сколько хочешь холостых матерых, а затравить гнездарку — избави Боже каждого настоящего псового охотника*». Поэтому, щадя гнездарку в большинстве случаев во избежание ошибки, щадили и гнездарей. Затем на следующий день псовая охота к обеду была уже опять на старой квартире у оставленного взводка. После обеда N.N., взяв у хозяина квартиры трех крестьянских лошадей и приказав их подседлать, отправился на них с Яковом и ловчим к гнезду волков. Когда и как уехал N.N. на проверку никто из гостей и владелец охоты не видали, только перед вечером, отдохнувши по русскому обычаю после обеда, один из гостей, узнав что N.N. уехал на проверку волков и видя у коновязи лошадей уехавших охотников, удивленно спросил служащих: «Да, на чем же они уехали?» и, узнав, что уехали они на хозяйских крестьянских лошадях, немедленно сообщил о том владельцу охоты и всей компании товарищей, прибавив, что «N.N. должно быть превеликий чудодей: зачем, спрашивается, поехал он с охотниками на крестьянских клячах, а не взял из заводных или обозных лошадей, если уже он пожалел своих верховых?» На это заметил, улыбаясь, владелец охоты, который знал хорошо N.N. мало его знающему гостю: «Ты, брат, действительно не ошибся, назвав его «чудодеем». Это он докажет тебе завтра тем, что если ты пожелаешь, то завтра же будешь первый травить и первого в твоей жизни волка, только об этом тебе надо попросить его. А что он уехал на крестьянских клячах, то поверь, у него на это есть какие-нибудь основания, я в этом уверен». После этого был подан чай и ломберный стол, желающие сели играть в карты, а некоторые занялись решением вопроса: зачем N.N. уехал на крестьянских клячах, а не на своих охотничьих лошадях? Но молодые охотники спорили долго, а ничего не объяснили до тех пор, пока N.N., в десять часов вечера возвратившийся с проверки, не объявил сам, что мы на утро будем травить волков. А что поехал он на крестьянских лошадях, то это он сделал именно для того, чтобы завтра травить волков. Такой ответ, понятно, не мог удовлетворить желающих узнать настоящую причину влияния лошадей на волков, и потому все пристали к N.N. с просьбой объяснить ее. Тогда он сказал: «Господа, вы слышали, по словам ловчего, что каждый раз по проверке взводка, они видели матерых волков и я, возвращаясь с проверки так же по дороге повстречал гнездара. Что же это значит? Это означает то, что гнездари — опытные. Они смело отдали голос на безупречно прекрасный подвой Якова, но они этим не ограничились, а пожелали проверить, нет ли уж тут обмана, не охотники ли отыскивают их убежище? И поэтому опытные гнездари, выхода из острова и разнюхивая следы охотничьих лошадей, отличают их от следов обыкновенных крестьянских лошадей, постоянно «в ночном» находящихся у их гнезда. Какая же может быть разница между следами охотничьих и крестьянских лошадей? У наших верховых лошадей переда у всех кованы, обозные же подкованы кругом, а крестьянские лошади по большей части совсем некованы, вот я поэтому и поехал по взводку на крестьянских лошадях, т.е. на раскованных, следы которых волки видят каждый день около своего гнезда, и видел, как гнездарь тщательно разнюхивал наши следы по нашему тракту (т.к. мы ехали, как обыкновенно, целиком, а не дорогой) и даже, когда мы миновали его, он на следу нашем повалился, а потому я и надеюсь, что завтра волки не сойдут». И действительно на другой день весь взводок волков, как

сказано выше, был перетравлен, из числа которых (т.к. об этом просил владелец охоты господина N.N.) первого волка затравил молодой охотник, назвавший N.N. чудодеем, а ловчий в отместку за бывшую неудачу, тремя кобелями повалил старика гнездая, уверяя N.N., будто бы собаки его так рванулись к волку, что чуть-чуть было не стащили его с седла и вырвали у него свору. Этим он хотел оправдаться перед N.N., запрещавшим травить гнездая, но этому все плохо верили и признали за ловчим право: отомстить волку, нанесшему некоторым образом ему обиду, а N.N. в конце концов признал за ним редкую сметливость и молодечество. Кроме этого бывает очень много на охоте за волками подобных случаев, которых перечислить все невозможно, но дельный псовый охотник, и в особенности ловчий, обязан всегда объяснить их себе и предотвратить.

172. При держании волков на вытье (ст. 166, § 3) для перевода взводка из одной части острова в другую, ловчий должен расстановить подывал, сообразуясь с направлением ветра и ходой волков, в концах того места, куда он желает вывести волков с их логов, приказав при этом подывалам подвывать взводок следующим порядком: сначала должен подвывать волков один подывало (т.е. тот, которому прикажет начинать ловчий) через продолжительные промежутки молчания (приблизительно через 10—15 минут), исполняя каждый раз, как и всегда, оба колена вытья. Когда же волки побудут к этому подывале на подвой, то он обязан *сейчас же* совсем перестать подвывать, стоя смирно и тихо на своем месте. В это время, когда перестанет подвывать первый подывало, второй должен начать подвывать также как и первый, через продолжительные промежутки молчанья, и когда волки побудут на подвой ко второму подывале, тогда он также моментально должен смолкнуть, а первый опять начинает подвывать, и таким образом чередуясь с подывкой, умелые подывалы могут продержат около себя на вытье весь взводок волков до самой утренней зари. Присутствие волков узнается подывалом или по голосам, или по скучанию, или по шороху от беганья волков, или в не очень темную ночь они их видят. Ловчий же в это время, наблюдая под ветром за волками и находясь в стороне к логовам, на темной еще заре, отмечает тенетами волков от гнезда и посылает нарочного на квартиру с донесением о том владельцу охоты. По прибытии же псовой охоты на место, борзятники еще на брезгу должны занять места по указанию ловчего, обязанного встретить охотников под островом. До прибытия же псовой охоты ловчий ожидает ее прихода под островом (т.е. у волков в гостях), удерживая взводок в той части острова, куда он сведен всеми возможными средствами, зависящими от его находчивости и распорядительности.

173. На обыск, подывку и проверку волков псовые охотники должны отправляться всегда верхом на лошадях и вооруженные только охотничьим ножом и арапником, другого, и в особенности огнестрельного оружия, *ни под каким предлогом псовые охотники с собой брать никогда не должны*. В противном случае это будет служить доказательством несомненной трусости псового охотника и, кроме того, выстрелом у гнезда по волку можно стронуть взводок волков с места.

174. Все, выраженное в 21, 22 и 23-й главах этой части «Руководства», всецело должно относиться к проверке волков ловчим, т.к. обыск волков обыщиком с подывалом производится более поверхностным образом, т.е. они обыскивают взводки волков преимущественно по видимым признакам и по самопроизвольному вытью волков, прибегая к подыванию их только в самых крайних случаях, при полной неуверенности обыщиков в прибывании взводка, при чем, конечно, они должны руководствоваться указаниями, изложенными в сказанных главах «Руководства».

ГЛАВА 24

О ПРОВЕРКЕ ВОЛКОВ ЛОВЧИМ

175. Проверка взводков волков производится всегда накануне дня производства охоты ловчим и, с потребным для того количеством подвывал*), а иногда даже и с запасным человеком, взятым из обозной прислуги в качестве посыльного для сообщения распоряжений ловчего в квартиру псовой охоты.

176. По прибытии ловчего к месту взводка, он прежде всего должен осмотреть это место (если оно незнакомо), т.е. как оно расположено и что оно представляет собой: отъемный ли остров, враги, болото или уйму. Затем он приступает к осмотру признаков, проезжая по острову, если возможно, верхом на лошади, а если нельзя по причине топей, то пешком с подвывалом (оставя лошадей своих или на каком-либо пчельнике, или у кого-либо из сопровождавших их на проверку), и с разных сторон, по одиночке, в разных направлениях и скрещивая с соблюдением крайней осторожности и тишины то место или остров, осматривают признаки волков.

177. Осмотревши признаки гнезда, ловчий оставляет подвывалу с его лошадью на том месте, с которого он должен будет подвывать волков, а сам уезжает от него под ветер, поставив и посыльного (если он есть) в третьем месте, для того чтобы лучше можно было с разных сторон слышать вытье взводка, определить место вытья его, и все остаются на занятых ими местах, ожидая вытья волков. И если взводок провояет самопроизвольно (в таком случае подвывать волков уже не надо) или ответить на подвой (после чего также подвывало должен смолкнуть), все участвующие в проверке волков съезжаются к условному месту, откуда все вместе и отправляются на квартиру или, согласно распоряжению ловчего, остаются у гнезда до утренней зари.

178. Оставаться до утренней зари у гнезда волков следует только в двух случаях: когда необходимость заставляет вывести волков с их логов и продержат их на вытье до утренней зари на новом месте, и когда квартира псовой охоты отстоит от гнезда волков на таком далеком расстоянии, что нельзя успеть с вечерней проверки поспеть из квартиры опять к гнезду на утреннюю проверку, а неудача вечернего обыска требует непременно проверки взводка на утренней заре. В первом случае ловчий извещает владельца охоты через посыльного о времени присылки к гнезду требуемого им количества крыльев тенет и о времени прихода псовой охоты, а во втором случае ловчий никакого извещения на квартиру не делает впредь до утра, когда с проверки обязательно должны приехать или все, или кто-либо один из участвующих в деле волков, для извещения владельца охоты о результате проверки.

179. На утренней заре ловчий старается перевидеть волков и сосчитать молодых, для чего расстановливает находящихся с ним людей по разным подходящим местам. И если (что нередко и случается) волки не вберутся в место своих логов, а застрянут в каком-либо другом острову, то ловчий или сам остается с кем-нибудь, или оставляет кого-либо из участвующих в обыске, караулить волков в том месте и не пропускать их**), а одного из людей или посыльного немедленно отправляет на квартиру за псовой охотой, которая должна ускоренным шагом быстро прибыть к тому месту для травли волков.

*) В местах тонких, отъемных, достаточно одного, в местах же уймистых и вражистых — не более двух подвывал.

**) Удерживают и не пропускают волков разными способами, смотря по месту, где задержались волки или куда они свернули, так, например, иногда бывает достаточно только кашлянуть человеку, чтобы возвратиться обратно в лес вышедшего на опушку волка, а иногда этого бывает недостаточно, тогда нужно крикнуть на волка или хлопнуть арапником, или погнаться за ним и т.п.

180. Псовая же охота до извещения с проверки волков ни в коем случае не должна выезжать с квартиры никуда для полевания по другому зверю во избежание возможности потерять взводок волков, в противном случае, при желании перетравить взводок волков, необходимо будет жить около взводка на квартире лишнее время всей псовой охоте.

ГЛАВА 25 ОБЩИЕ ПРАВИЛА КВАРТИРОВАНИЯ, ВЫЕЗДА И ВОЗВРАЩЕНИЯ С ПОЛЯ

181. Лошади — как верховые, так и упряжные, обозные, во все время отъезжего поля, *ежедневно* получают сено и, кроме того, утром и вечером овес, полагая приблизительно на верховых по три, а на упряжных — по два гарнца овса в дачу на каждую лошадь.

182. Содержанке лошадей и собак в отъезжем поле должно быть двоякое, а именно: в дни охоты, т.е. в дни езды с собаками, люди получают завтрак и ужин, а собак кормят один раз в день — вечером. Во время же дневок люди получают обед и ужин, а собак кормят два раза в день — утром и вечером. Порция водки людям выдается ежедневно перед едой, два раза в день, т.е. перед завтраком и ужином, или перед обедом и ужином. Кто же из людей не пьет водки, тех, по приказанию владельца, буфетчик в своей комнатке поит чаем из другого чайника одновременно с господами, для того чтобы не проводить долго времени за чаепитием, а чтобы как только господа откушают чай, так и вся прислуга их была готова. Поэтому «чаевники», входя поочередно к буфетчику, обязаны пить чай, как говорится, наскоро, не теряя времени и тем не задерживая других.

183. Греть котел для собак в отъезжем поле следует всегда дальше от строений и по возможности у воды, но непременно в месте, указанном хозяином квартиры (см. ст. 129, ч. I). Когда же к назначенному часу вода в котле закипит белым ключом, тогда очередной к котлу обязан сейчас же прийти на квартиру и доложить об этом ловчему, а если его нет — то владельцу охоты, который в отсутствии ловчего, если только он истинный в душе страстный псовый охотник, должен каждый раз в отъезжем поле приказывать запаривать овсянку при себе, т.к. от плохой запарки (не кипятком) овсянки зависит нездоровье собак, а с заболевшими собаками в отъезжем поле охота будет уже плохая.

184. По запарке в корыте овсянки, люди, находящиеся при котле, устанавливают корыто с запаренной овсянкой, а также и котлы на телегу, и везут все на квартиру, т.е. на тот двор, на котором помещаются собаки, где снимают корыто на более чистое и сухое место, разводят корм собакам и, приготовив его как следует, кормят собак в присутствии ловчего или владельца охоты.

185. Корм собакам в отъезжем поле готовится так же, как об этом сказано в 43 и 44-й главах II части «Руководства», только при кормлении собак по моему способу (гл. 44, ч. II), за невозможностью достать в отъезжем поле иногда молока в достаточном количестве для собак, следует заменять его пшениным кулешом, варенным с зайчатиной и со свиным салом. Ржаной печеный хлеб прибавлять в овсянку также постоянно необходимо. Кормить собак *в отъезжем поле следует вечером* всегда позднее и при фонарях ввиду того, что осенние ночи очень длинные, а поэтому собаки к утру следующего дня будут очень голодны, чего для охоты не требуется, но и подкармливать поутру, перед ездой, собак не следует, а вследствие того лучшее время для вечерней кормежки собак — это 8—9 часов вечера.

186. Когда собаки находятся на квартире, то двор этот постоянно должен быть заперт, т.е. ворота затворены на засовах, и никто из посторонних, в особенности крестьянские ребятишки, на этот двор не должны впускаться и в особенности во время кормежек собак, для этого постоянно должен быть караульный, назначенный ловчим из обозной прислуги, да и хозяин квартиры должен принимать в этом участие, разгоняя от двора толпы любопытных зевак, т.к. эти любопытные всегда могут стравить собак и спустить их со двора в угоду своей глупой потехи и нередко в убыток владельцу охоты.

187. В дни езды с собаками к четырем часам утра для господ должен быть приготовлен уже самовар, а для людей — завтрак, лошади все напоены и им задана утренняя дача овса. К 5-ти часам утра лошади и собаки должны быть вычищены, а верховые — оседланы на слабых подпругах и оставлены в седлах у корма впредь до распоряжения владельца охоты о выезде в поле.

188. К покойному и нестронутому взводку волков очень рано выезжать с собаками никогда не следует на том основании, чтобы не помешать им, и дать волкам возможность вобраться всем в место своих логовов, а поэтому быть с собаками у такого взводка следует всегда не ранее 8—9 часов утра. К выведенному же с логовов ловчим взводку, или к стронутому с места и бродящему зря, или застрявшему на пути и перевиденному ловчим взводку приезжать с собаками следует на темной заре — для того, чтобы быть готовым псовым охотникам с рассветом взять взводок, который очень легко может на рассвете «перебродить», т.е. по одиночке перейти из этого места в другое.

189. Во все время осенней охоты в отъезде поле у настоящих псовых охотников господ выезжают на охоту с квартиры, напившись только чая, а люди — позавтракав, и если кто уже привык и не может обойтись несколько часов без еды, то тот берет с собой что-либо из закуски в карман и ездит с собаками целый день, не устраивая в поле никаких привалов и завтраков во избежание потери времени в продолжении и так очень короткого для езды с собаками осеннего дня.

Примечание. Постоянный моцион и еда один раз в день в отъезде поле необыкновенно восстанавливает здоровье и укрепляет силы человека. Кроме того, езда с собаками на голодный желудок много легче, приятнее человек не чувствует такой усталости, его не беспокоят ни сонливость, ни изжога, он чувствует себя на лошади бодрее и веселее, а по приезде на квартиру с охоты с каким удовольствием и аппетитом он покушает приготовленные для него кушанья!

190. Выходить с квартиры на охоту борзятники должны пешком, ведя лошадь на чумбуре и борзых на сворах, впредь до выхода из околицы поселения, стараясь по возможности избегать многолюдных улиц. А для этого самое лучшее и безопасное всегда выходить с собаками с квартиры (из крестьянского двора) в задние ворота двора на выгон и выгоном уже выходить в поле на дорогу к месту охоты, сообразуясь во всем с главными основными правилами псовой охоты и «ездой домашней» (гл. 2, 8—11, ч. III). Гончие следуют позади борзятников, как сказано об этом в отделе «Езды домашней».

191. Когда псовая охота идет ко взводку волков, то борзятники как во время проходки к месту охоты, так и во время производства охоты за волками, травить зайцев не должны.

192. По взятии взводка волков, на этот день охота должна считаться оконченной, и охотники, ввиду того, что производством охоты по другому зверю в этот же день утомлять собак, и в особенности гончих, не следует, должны возвратиться прямо на

квартиру, несмотря на то, как бы рано взводок волков ни был перетравлен ими. А поэтому гончих собак всегда следует отправлять после охоты за волками на квартиру прямо дорогой, борзятники же могут, разравнявшись полями (способом равнинки) по пути к месту стоянки псовой охоты, травить попадавшихся им лисиц и зайцев, но и при этом надо стараться сберечь борзых и в особенности бывших в деле собак, помня, что ничто так не утомляет борзых, как травля волка, а гончих — гоньба по волкам. Для борзых легче поймать пять зайцев, чем взять одного, даже прибылого, волка, а для гончих легче гонять целый день по зайцам, чем два часа по волкам. Это можно заметить по степени усталости собак, доходящий до того, что собака после гоньбы по волкам или после приемки волка вся как бы «обрынется», т.е. как бы переложится на некоторое время, так, например, из крутой станет как бы растянутой и при этом «разсошится» и т.п., и в особенности это заметно на собаках мертвой злобы.

193. По возвращении с поля, т.е. с охоты, на квартиру, каждый раз борзятники обязаны размыть осторожно лапы у своих свор борзых, а стремени — у господских собак, устраняя всякую навалявшуюся грязь между пальцами лап. Размывать лапы борзым следует после вечерней их кормежки теплой водой, подводя каждую собаку к ведру с теплой водой и осторожно отмачивая намокнувшую между пальцами грязь. Размывать ноги собакам борзятники должны всегда вдвоем, при чем один держит на своре собаку, а другой размывает ей лапы. По размывке лап у собаки следует воду с лапы рукой тщательно спустить и как бы выжать, а затем отвести собаку прямо на место, на солому, чтобы она не грязнила по двору сырые еще ноги.

194. Специальная охота по лисе и зайцу должна производиться в последующие дни за днем взятия взводка волков и в тех случаях, когда местность стоянки псовой охоты изобилует таким зверем, и владелец охоты пожелает для того пробыть, т.е. простоять лишнее время на квартире, при чем необходимо обращать внимание на свежесть собак и, сообразуясь с состоянием их здоровья, следует не забывать очередных и обязательных для собак дневок (см. гл. 19, ч. I).

Примечание. Повторять подробности обо всем том, что уже изложено в отделе «Езды домашней» в 8—12 главах, я нахожу лишним ввиду того, что езда в отъезде поле производится почти таким же порядком, как и при езде домашней с той только разницей, что выходы псовой охоты с квартиры и приход ее на квартиру с поля производятся менее этикетным и добычливым порядком, т.е. в отъезде поле охотники перед квартирой владельца охоты не выстраиваются и во время проходов не забираются вдаль, в непопутные места, для отыскивания зверей способом равнинки, которая в дни взятия взводка волков допускается только в единственном случае, а именно: *по возвращении борзятников с поля и только по пути к квартире.*

ГЛАВА 26 О ЕЗДЕ ПО ВОЛКАМ ВООБЩЕ

195. Езда по волкам с борзыми и гончими собаками производится всеми четырьмя видами, а именно: ездой островной, ездой вражистой, ездой болотистой и ездой уймистой (ст. 85).

196. При каждом виде езды по волкам ловчий обязан заблаговременно, при проверке волков, определить: нужно ли брать в поле тенета или можно обойтись и без них, или, согласно такому определению, делает соответствующие распоряжения о тенетниках, ружейниках (если он есть), количестве крыльев тенет, назначает заведующего тенетами и уже отмечает на месте тенета всегда при себе (см. гл. 20, ч. I).

197. Распоряжение ловчего о взятии в поле тенет должно зависеть от расположения местности, в которой держится взводок волков, от слазов для зверя из этой местности и от положения самого взводка волков.

198. Тенета при производстве охоты за волками необходимы для преграждения пути волкам к слазу такими местами, на которых стоять с борзыми невозможно, и поэтому, чтобы взять взводок волков как следует, весь, необходимо неудобные для борзятников слазы отметить тенетами, что заставит волков или сторониться тенет и бежать лазами, занятыми борзятниками, или упрямый волк попадет в тенета, где и принимают его тенетники, согласно распоряжению ловчего, живым или мертвым. Вообще поимка волков в тенета при производстве псовой охоты встречается *очень редко*, по большей части волки, осмотрев тенета, бегут из-под гончих вдоль тенет и возвращаются на другие лазы, занятые борзятниками или по крайней мере которые должны быть заняты охотниками.

199. Из всех четырех видов езды по волкам менее всего требует тенет езда островная, т.к. при островной езде по волкам тенета требуются только в единственном случае, а именно: когда к острову примыкает какая-нибудь топкая лощина или враг, покрытый густым лесом или мелколесьем, но так, что занять этот слаз с борзыми нельзя, а между тем он соединяет остров с какою-либо уймой или с другим островом, и которым некоторые волки могут слезть из острова без травли и увести за собой гончих собак. Во всех же остальных видах езды, за очень редкими исключениями, тенета при производстве псовой охоты за волками необходимы.

200. Кроме того, при езде по волкам *обязательно* следует, за *очень редким исключением*, делить стаю гончих на три, а большую стаю, приблизительно в 40 собак — на четыре части, из которых одна часть стаи назначается к напуску и идет на логово за доезжачим, а две или три другие части стаи отдаются ловчим на погоны двум или трем подгонщикам, которых ловчий и расстанавливает по своему соображению, на путях от мест трудных для подброса (см. ст. 67, ч. I).

201. При делении стаи на три или на четыре части необходимо обращать особенное внимание на то, чтобы каждая часть стаи ни в коем случае не должна быть менее шести собак, т.к. и шесть-то собак-зверогонов считается количеством, едва достаточным для того, чтобы отразить нередко встречающееся нападение гнездарей на собак во время их полаза с напуска, ибо гнездари, находясь при гнезде, и в особенности в раннюю пору осени, когда молодняк бывает еще мал, защищая своих детей, очень часто нападают на гончих и иногда насмерть подкалывают их в острову.

Примечание. Гнездари вообще бывают опаснее при маленьких детях и всегда защищают их с большим самоотвержением, что всегда псовому охотнику следует иметь ввиду, даже и при обысках волков. Когда же прибылые волки возмужают и станут более способными защищать себя скрываться от преследования, то тогда гнездари защиту своих детей преимущественно выражают тем, что стараются увести за собой гончих собак и только некоторые из очень уж кровожадных волков (т.к. и в волках бывают нередко экземпляры более или менее кровожадные по характеру) иногда

подкалывают собак, и чаще всех страдают от них зверогон, ведущий волка «передом» (т.е. впереди стаи) или «прихвативши» (т.е. водящий) волка в одиночку.

202. Исключение из правила 200 статьи, деление стаи на три или на четыре части, при напуске гончих на гнездо волков, делается только в единственном случае, а именно: когда гнездо волков находится в таком отъёмном и небольшом острову, который окружен полем на очень большое пространство и притом поле это должно быть ровное, без топких лощин и без непроездных врагов, словом, поле вполне способное и достаточное для того, чтобы выжлятники имели всегда возможность уехать и остановить стаю гончих собак, подхвативших кого-либо из гнездарей, которые всегда могут увести за собой стаю хороших гонцов за десятки верст. В этом случае можно набрасывать всю стаю гончих собак.

203. Деление стаи на три или на четыре части при напуске гончих необходимо по следующей причине:

- 1) для того, чтобы *вся стая* не могла увести по материку за десятки верст. А если при невозможности переехать гончих и уведет по гнездарю с напуска третья или четвертая части стаи гончих собак, то, чтобы две или три части стаи всегда оставались на погонах у подгонщиков и были бы всегда готовы для того, чтобы разгромить оставшийся взводок волков как следует, т.к. при таком только делении стаи на части владелец охоты со своими борзятниками может быть всегда гарантирован от неудачи поля, и вследствие того ему никогда не придется возвращаться на квартиру от взводка волков под предлогом случайной неожиданности, с пустыми тороками, по поговорке: *«Как бы несолоно похлебавши»*, а наоборот, взводок волков всегда должен быть взят охотниками и будет взят, при делении стаи на части непременно, как следует весь, в тот же день и в то же поле;
- 2) для того, чтобы с напуска гончих на гнездо волков (которые легко могут не находиться на месте своих логов), гончие шли прямо в добор по волкам, а не по другому какому-либо зверю, т.к. в третью или четвертую часть стаи, назначенную к напуску, всегда возможно отобрать и всегда следует отбирать самых вернейших зверогонов, которые по зайцу не отдавали бы даже голоса. В противном случае, т.е. если гончие с напуска натекут прежде волков зайца, то гоньбой по нем могут испортить всю охоту по волкам, т.к. волки в это время, от гоньбы по зайцу, могут разбрестись по острову, нередко предоставляющему страшную уйму, а иногда, в слазистом месте, и совсем из него удалиться. Собирать же волков после того будет для гончих мудрено, если не совсем уж невозможно;
- 3) для того, чтобы от трудных мест или неспособных для борзятников или вообще от тенет, если напуск гончих делается не от них, можно было бы с разных сторон подбросом гончих с поганов сбить волков с тракта и направить их в стороны, занятые борзятниками. А вследствие того напуск гончих должен делаться на гнездо волков *обязательно* в присутствии ловчего, который и распоряжается: кто из подгонщиков и где должен находиться с гончими на погонах, и когда и откуда должен будет сделать «подброс» гончих на гоньбу, т.к. один только ловчий может знать, как распорядитель охоты и делавший проверку волков, какие места и стороны заняты борзятниками, и в какую сторону волки преимущественно должны попрашиваться.

204. Езда по волкам должна производиться охотниками очень тихо, и до натечки гончими волка, доезжачий обязан порскать собакам только на свисток, как об этом сказано в ст. 454, ч. II «Руководства». Вследствие чего, *до натечки гончими волков*, в острову и кругом острова должна быть, как говорится, мертвая тишина, среди которой изредка только должен раздаваться монотонный посвист доезжачего.

205. Перевидевший или поваливший волка в острову выжлятник, а также перевидевший или затравивший волка борзятник, при взятии взводка волков, обязан подать в рог голос: *«по волку»*, как об этом сказано в § а, ст. 71 и 72, ч. I «Руководства».

206. Выжлятники принятого ими в острову из-под гончих волка должны вывести из острова на опушку на сучья дерева повыше, чтобы не могли его достать собаки, например, на месте, до окончания охоты или сдать его кому-либо из тенетчиков, которые обязаны прибирать затравленных волков на телегу. Борзятник же, затравивший волка, оставляет его на приметном месте в поле, где затравил. И только по окончании охоты подгонщики и борзятники собирают принятых ими волков и вывозят на седле к сборному месту; или указывают места, на которых оставлены ими волки для сбора их на телегу (см. окончание ст. 75, ч. III).

207. Главная особенность езды выжлятников, при езде с волками, заключается в том, что при всех четырех видах езды с собаками, места не проходят с гончим и от начала до конца, как это делается при езде по зайду и лисе, а напуск гончих делается всегда прямо на логово или приблизительно с подходящего для волков места, т.е. с крепчайшего места острова, где можно предполагать захватить волков. И только при повторном прохождении с гончими того острова выжлятникам допускается проходка его из конца в конец.

208. Борзятники же, занимая места во время езды по волкам, и при *всех видах езды*, за исключением езды уймистой и вражистой, с напуска гончих и до самого их выхода из острова, должны стоять всегда на лазах, не трогаясь с места и крайне тайко, тихо и осторожно, и только при повторном прохождении места выжлятниками, борзятники поступают, сообразуясь с полазом гончих и видом езды, как сказано в 14, 15 и 16 главах, способа I, отдела II, занимая при этом лазы, как и на лисицу и как вообще об этом сказано в ст. 123 и в упомянутых главах «Руководства».

209. При езде островной, вражистой и болотистой во время производства охоты по волкам, псовые охотники как выжлятники, так и борзятники сообразуясь со всем тем, что изложено в настоящей главе «О езде по волкам вообще», независимо от сего, обязательно должны руководствоваться и всем тем, что изложено в 14, 15 и 16-й главах, способа I, отдела II, этой III части «Руководства», за исключением только того, что положительно сказано в настоящей главе: «О езде по волкам вообще» и того, что доезжачий не обязывается при езде по волкам «висеть на хвосте у стаи» и за каждым, выведенным в поле волком, выскакивать вместе с гончими из острова, а борзятники, при вражистой езде по волкам, в силу выраженного в предыдущей 208 статье, не равняются с гончими (как об этом сказано в 15 главе) до повторного прохождения места, а занимают лазы и стоят в них, как под островом, и как об этом сказано в 121—124 статьях способа I, отдела II «Руководства», помня, что при езде по волкам занимать следует преимущественно со стороны ходы волков на добычу, о чем неоднократно упоминалось и в главе 6, «о выезде на зарю», с одними борзыми.

210. Несмотря на то, что псовые охотники (как выжлятники, так и борзятники) обязаны руководствоваться всеми правилами езды с собаками, изложенными в настоящей III части «Руководства», сообразуясь в каждом данном случае с правилами езды *по ее видам и по*

каждому зверю отдельно, тем не менее они должны помнить, что предусмотреть каждую случайность на охоте ни в каком руководстве невозможно, т.к. «Руководство ко псовой охоте» может указать только общие или главные приемы или правила езды с собаками, а в каждом представившемся случае на охоте, каждый охотник, руководствуясь *общими указаниями*, обязан по своему соображению применять из указанных правил, которое более к тому случаю походит, не делая никакого различия между выраженным в способе 1-м II отдела от выраженного в способе 2-м того же отдела (т.к. это разделение на способы сделано мной единственно для удобства изложения), так, например, в главе о езде островной в ст. 125 сказано, что «доезжачий со свободным подгонщиком обязан, выставляя каждого зверя в поле, выскакивать из острова вместе с гончими и моментально останавливать стаю». И это сказано в способе 1-м езды домашней, где преимущественно описана еда по зайцу и лисе. В способе же 2-м в ст. 209, где преимущественно описана езда по волкам, сказано: «Доезжачий так поступать не обязывается». Почему же такое действие доезжачего при езде по зайцу и лисе ставится ему в обязанность, а при езде по волкам для него оно не обязательно? Ответ: по той причине, что гоньба гончих по зайцу и по лисице *обязательно должна быть стайная*, а по волкам стая гончих гонит преимущественно разбившись на несколько частей, например, на три, четыре и т.п. части, смотря по тому, на сколько волков сразу натекли гончие. А вследствие этого при гоньбе по зайцу или по лисе доезжачему, обязанному всегда быть при гончих в острову, очень удобно и возможно быть «на хвосте» у стаи, ведущей по зайцу или по лисице, а при гоньбе по волкам, когда стая, разбившись на несколько частей, ведет сразу нескольких волков и по разным направлениям, доезжачий сделать этого, т.е. быть «на хвосте» у стаи физически не может (не разорваться же ему!) Если же случится так, что вся стая свалится на одного волка и ведет его одного полной стаей, то доезжачий, будучи верхом в острову, если со стаей вместе не вынесется в поле за гончими, то ясно погрешит против правила, выраженного в ст. 125, хотя и не прямо относящейся к езде по волкам, но тем не менее прямо обязывающей доезжачего поступать в данных случаях никак не иначе, т.к. все правила, указывающие езду с собаками, обязывают каждого охотника применять эти правила к положению собак и зверя в каждом данном случае, без различия зверя по его виду или названию, будет ли то волк или заяц, *если только дело гоньбы или травли сложилось так*, что разницы в этом между волком и зайцем для охотника никакой не представляется.

ГЛАВА 27 ЕЗДА УЙМИСТАЯ

211. Уймистой ездой называется езда, которая производится с борзыми и гончими собаками по местам уймистым, т.е. по таким сплошным лесистым местам, которые более или менее представляют возможность травить борзыми собаками, хотя бы только одних волков, т.к. травить борзыми зайцев и лисиц по уймам, т.е. в лесу, положительно невозможно, да никогда и не следует в виду того, что при травле зайца и лисицы в лесу всегда возможно убить борзую собаку, а затравить их никогда нельзя. Вследствие этого уймистая езда производится с борзыми и гончими собаками только по волкам и при том по таким только уймам, которые представляют хотя некоторые удобства для травли.

212. Удобства для травли борзыми волка в уйме всегда возможно считать:

- 1) крупный, строевой, но очень редкий без подседа лес, в котором бы можно было видеть бегущего волка, по крайней мере, саженой за пятьдесят;

- 2) перелески, представляющие разновидность лесной сплошной площади, т.е. уймы, так например, крупный, удобный для травли лес рядом с крепким (густым или частым) мелколесьем, или (местами) по уйме чистые, без поросли, вырубы леса;
- 3) большие по уйме поляны и суходольные, проездные, травяные или моховые болота;
- 4) просеки и множество лесных по уйме дорог;
- 5) благоприятная фигура места пребывания волков в уйме, так например, выделившийся из уймы крепкий отрог или ножка, которые возможно отметить от главного места тенетами и, если гнезда волков в них не находятся, то было бы возможно перевести волков в них с логов и т.п. В сплошной же, ничего подобного не представляющей уйме и в особенности избыточной не проездными, топкими местами, охоты производить с борзыми даже и за волками невозможно.

213. Уймистая езда с борзыми и гончими собаками производится только по волкам, и представляет один из самых тяжелых и трудных видов езды как для охотников вообще, так и для борзых собак.

214. При уймистом способе езды как выжлятники, так и борзятники должны быть расторопны, сметливы, смелы и искусны в езде, т.е. мастероваты. В противном случае, неопытный, не расторопный и к тому же трусливый охотник, боящийся оцарапать себе «личико» при представляющейся иногда скачке чащей леса, если он выжлятник — потеряет гончих, а борзятник — ничего, никогда в уйме не затравит: у него перед носом пролезет волк, и он его не увидит или не покажет, как надо собакам, и поэтому волк от него всегда уйдет.

215. При уймистой езде за борзятниками должны рыскать во все время охоты без своры (но обязательно в ошейниках), для этого борзые должны быть непременно хорошо высворенными, т.е. чтобы они не уносились под гончих и не отпрыскивали от своего хозяина.

216. Перед началом уймистой езды, ловчий обязан особенно тщательно, при проверке волков, определить место их логов и ходу волков на добычу. Для этого на проверку иногда одного дня не достаточно, и в особенности, если взводок волков далеко углубился от опушки, что впрочем случается очень редко, т.к. преимущественно в уймах волки держатся всегда неподалеку от опушки.

217. Перед взятием взводка волков в уйме ловчий, смотря по положению волков, или переводит их в более способное для травли место, указанным в ст. 172 способом, или, не переводя их, отмечает на темной заре от крепчайших мест пребывания волков тенетами; и затем, указавши борзятникам (приблизительно) должное направление или лаз волков, и разделивши стаю гончих, согласно правилу, (выраженному в 200—203 статьях) на части, и расстановив подгонщиков с гончими на погонах, по подходящим местам, для подброса их на гоньбу, делает напуск гончих *обязательно при себе, лично*.

218. Борзятники же занимают места по направлению предполагаемого лаза волков у концов линии тенет даже и в том случае, если напуск будет сделан от тенет, и со стороны противоположной напуску, и как бы окружая взводок волков в уйме, становятся гуще со стороны ходы волков на добычу по дорожкам, просекам, полянам, перемычкам, вырубу и

редколесью, словом по таким местам, где бы возможно было указать борзым зверя, но никогда не забираясь с собаками в самую чащу уймы, где показать зверя борзым нельзя; а при уймистой езде, для борзых и в особенности для наметанных собак достаточно только пометить волка, которого они, нередко прихватив на чутье, следом ловят и в самой чаще острова, вследствие чего самое важное для борзятника уметь занять такое место, на котором можно показать зверя собакам, и при этом уже не «зевать» в уйме.

219. Заняв места, борзятники нажимают волков (с борзыми без своры, в уйме) только до настоящей гоньбы гончих, и как только (тщательно вслушиваясь в гоньбу гончих) какой-либо борзятник услышит, что гончие ведут по направлению в его сторону, обязан моментально, соображая путь, по дорожкам и т.п. удобным местам, и забирая (подходящим аллюром) переда у гончих (приблизительно) саженой на сто, повстречать ведомого гончими волка в самой уйме, наждав его, остановившись на выбранном им месте быстро, тайно и тихо.

220. Вообще езда борзятников в уймистом месте должна быть очень подвижная, стоять на местах борзятники должны самое непродолжительное время, имея в виду всегда, что если с первой гоньбы волк не побежал занятым борзятником лазом, то это значит, что он и не пойдет им, а поэтому борзятник этот обязан сейчас же замастерить гончих *по слуху*, т.е. слушая гоньбу гончих, подаваясь в ту или другую сторону к гончим, но никогда не оставляя при этом совсем занимаемой им стороны, т.е. не заезжая в сторону, оберегаемую соседним борзятником. А поэтому, *приняв на глазок* (т.е. увидав) *другого борзятника*, первый обязан уже остановиться, передав право мастерить гончих соседу, т.е. другому борзятнику, оставаясь оберегать свою сторону; второй же борзятник лишь только определит по голосам направление гончих, начинает мастерить их и поступает также относительно третьего и т.д. до того борзятника, в сторону которого или на которого выведут гончие волка. В случае же, когда волк из-под гончих полезет назад по линии борзятников, то борзятники принимают обратное движение в том же порядке, оберегая каждый свою линию своей стороны. Если же волк прорвется сквозь цепь борзятников, то пропустивший волка борзятник обязан непременно если не уехать на лошади волка с борзыми, то остановить гончих, когда волк полезет в такое место, откуда взять его будет уже нельзя.

221. Выжлятники производят езду по уймам, как сказано в главе: «О езде по волкам вообще» с тою только разницей, что при уймистой езде все выжлятники, разбившись порознь за каждой частью разбившейся стаи, по числу прихваченных гончими волков, более настойчиво и неотступно преследуют каждый свою часть гончих, не отставая от собак до тех пор, пока волк не будет ими словлен или затравлен борзыми собаками. При уводе же частью стаи гончих по матерому волку борзятник, мимо которого пролезет матерый волк, и которого затравит в уйме, т.е. в лесу, никакими борзыми (хотя бы резвейшими из резвых и раззлыми из злыми) положительно невозможно, если не представится для того *особенно по листой в уйме местности*, обязательно должен помочь выжлятнику в деле сбивки и остановки гончих собак.

222. В случае же оказавшейся невозможности остановить гончих, уведших из слуха по матерому волку, то по взятии взводка волков, с помощью оставшихся на погонах гончих, ловчий отражает двоих выжлятников для немедленного отыскания уведших по волку собак.

223. Отыскивание уведших по волку гончих собак производится отраженными на этот предмет выжлятниками в той стороне, куда увели гончие по волку, с помощью расспросов о них у встречающихся по пути людей и с помощью частых роговых позывов гончим. При

этом отыскивающие собак выжлятники обязаны нередко приостанавливать на лошадях и беспрестанно прислушиваться, не взывают ли где гончие собаки.

Примечание. Нередко случалось, что выжлятники, разыскивающие гончих собак, находили хороших зверогонов за двадцать и более верст, и иногда вместе с «загонным» ими матерым волком. В последнем случае гончие редко бросают волка (Боже мой! Какие бывают умные и прелестные собаки!), а наоборот: лежат у загрызенного ими волка и, услыша роговые позывы, взывают и тем дают охотнику знать о себе, или некоторые вывалившись на рог к выжлятникам, и не даваясь в руки им, весело приподняв гоны и иногда обрехивая на охотников, упорно бегут от них вперед, беспрестанно останавливаясь и оглядываясь на хозяина, выражая тем как бы требование: «Ступай за мной!» и доводят таким порядком до места трофея совершенной ими победы. А поэтому в подобных случаях выжлятники обязаны всегда ехать за собакой следом и никогда не должны ее останавливать.

ГЛАВА 28

О ТРАВЛЕ БОРЗЫМИ ВОЛКОВ ИЗ-ПОД ГОНЧИХ (добавление к главе 17-й)

224. Травля борзыми волков из-под гончих, а также занятие лазов борзятниками под островом и насаживание свор борзых на зверя производится таким же порядком, как сказано об этом в главе 17-й «В общих правилах о травле зверя борзыми из-под гончих» с той только разницей, что при травле волков борзятники должны иметь в виду, что мера для показания зверя борзым не для всякого волка может быть одинакова; т.к. волки, подразделяясь по возрасту на матерых, переярков и прибылых волков, имеют громадную разницу между собою в быстроте бега, сообразно их возрасту, а поэтому что может быть мерой, например, для прибылого волка, то никак уже не может быть мерой для матерого и переярка.

225. Степень резвости волков подразделяется по их возрасту так:

- 1) резвейшим не только из волков, но и из всех зверей, травимых у нас собаками, т.е. волка, зайца и лисицы нужно считать матерого волка;
- 2) переярки бежит хотя и резво, но много слабее матерого волка;
- 3) прибылые волки бегут очень слабо, т.е. нерезво и «вахлавато», словом, бегут так, что каждого молодого волка всегда можно догнать в чистом поле на лошади средней резвости. А потому показывать борзым следует матерого волка в самую близкую дистанцию, переярка на более (но не особенно) далеком расстоянии, а прибылых волков можно показывать борзым на всяком расстоянии, лишь бы борзые могли его пометить и имели бы при этом достаточное поле для того, чтобы догнать его.

Примечание. Случилось так, что в то время, когда борзятник был занят травлей и приемкой затравленного им волка, другой прибылой волк уходил из острова «из видков» незанятым лазом и никем незамеченным; и только тогда уже, когда гончие вываливаясь из острова и справляя полями,

наводили борзятника на предположение что, вероятно, пролез прибылой волк в то время, когда он травил другого волка, он усиленным галопом бросался на лошади, с борзыми без своры, мастерит гончих (понятно, соображая полистость местности) и нередко травил «уханного на лошади» им волка за четыре и пять верст расстояния. Поэтому для борзятника бояться не успеть показать в чистом поле прибылого волка собакам никогда не следует. Всегда для борзятника полезнее выдержать зверя, и прибылого волка в особенности, т.к. никакой волк не сумеет так быстро под опушкой или в перелесках укрыться от собак, изменив моментально направление бега, как прибылой волк, вынужденный к тому неуверенностью в своей силе и резвости, а отчасти и трусливостью, сохраняя при этом врожденную способность волков всех возрастов (и развитую в особенности у матерых волков) делаться по угону почти всегда к каждой подпущенной своре борзых.

226. Кроме того, при распределении борзятников по местам на лазах, при взятии взводка волков, ловчий, указывая места борзятникам через заездного или лично сам, обязан непременно иметь в виду: на какого волка какую свору, на какой лаз и кого из борзятников следует поставить. Соображение это при распределении свор борзятников ловчий обязан иметь в виду для более удачной травли волков.

227. При соображении на какой лаз и кого из борзятников следует поставить, ловчий должен знать:

- 1) качество каждой своры борзых;
- 2) езду каждого борзятника;
- 3) лазы, т.е. направление бега каждого волка по возрасту волков и по времени производства охоты за ними.

228. Качество свор борзых собак при производстве охоты за волками определяется ловчим не по породе собак и красоте их, а по левому их досугу. Поэтому на матерого волка и на переярка ставят своры борзых более злобные, приемистые, мощные и резвые; а на прибылого волка можно ставить своры борзых и менее достойные или менее досужие.

Примечание. При производстве псовой охоты вообще, а по волкам в особенности, при определении *досужести свор* необходимо подразумевать *под понятием свор* досуг не одних только борзых собак, а вместе с ними досуг лошади и искусство езды борзятника. Когда все вместе гармонирует одно другому, тогда только можно определить точно достоинство своры. В противном случае, например, если борзятник ездок или мастер (гл. 168, ч. I), а собаки у него дрянь, и наоборот: собаки превосходны, а борзятник плох, никогда нельзя дать точного определения достоинству своры, и свору такую назвать «надежной» никогда невозможно, ибо нередко случалось так, что и от превосходных по досугу собак, при плохом борзятнике, в большинстве случаев, волк уходил, например, собаки приняли волка, а борзятник пропустил момент (нередко от трусости или от нерасторопности, или от тупости лошади и т.п.) принять его от собак, и волк ушел и ушел оттого именно, что собаки долго держать волка не всегда могут, — зевы у них всегда могут ослабнуть (устать) и тогда держать волка им будет нечем, и они начнут «спускать» его, и наконец, собаки могут зарьять так, что не будут в состоянии вобрать языка или

совсем попадают, т.е. лягут, повалются. Потому при определении своры по досугу для занятия лазов на волков, ловчий обязан каждую часть своры (т.е. охотника, собак и лошадь) иметь в соображении, помня, что мастер и ездок борзятники всегда представляют свору более надежную, даже и при собаках менее досужих (гл. 168, ч. I).

229. Езда борзятников определяется ловчим по смелости, сметливости, опытности и расторопности борзятника, т.к. умение борзятника показать зверя, вовремя насадить собак на него и вовремя принять зверя от них — имеет особенно важное значение при травле волков. А потому более надежного борзятника следует ставить всегда на более трудный лаз, на котором утравить нелегко иногда бывает и прибылого волка. Можно ставить также надежную свору и на более легком лазу, но непременно на более крупных по возрасту волков.

Примечание. Трудным лазом признаются: перелески, перемычки, поляны, дороги и т.п. (см. ст. 178, ч. I). Легким и хорошим лазом признаются: безлесные лощины, овраги и чистое поле (см. «поля», ч. I).

230. Лаз волков, т.е. направление бега волков из-под гончих, приблизительно определяется так: гнездари в раннюю пору осени, когда молодняк бывает еще мал, никогда не уходят совсем от гнезда, а делают громадные круги по окрестности гнезда, возвращаясь очень часто (при плохих гончих) в местопребывание своего взводка в то же поле и на виду у охотников. В такое время гнездари ведут преимущественно за собой стаю гончих «на полене», т.е. лезет гнездарь или гнездарка тихо почти на виду гончих, уводя за собой собак преимущественно в сторону мест крепчайших; в позднюю же пору осени, когда молодняк заматерееет, гнездари бегут не только из-под гончих, но опытные гнездари бегут даже от звука смычков, происходящего от размыкания гончих, в противоположную сторону от напуска (как бегут и холостяки-волки) и по большей части в противоположную сторону от настоящего лаза волков. Переярки волки, находящиеся при гнезде, бегут преимущественно к местам крепчайшим, придерживаясь направления к стороне ходы волков на добычу. Прибылые же волки в раннюю пору осени держатся преимущественно «на кругах» по излюбленным и изученным ими лазам в острову, и, удаляясь от гоньбы гончих, лезут по возможности вражками, перелесками и т.п. скрытными лазами; в позднюю же пору осени прибылые волки бегут преимущественно в сторону ходы волков на добычу и в первоначальное место своего гнезда, если только волки были стронуты с прежнего места, и при этом бегут более смело, более открытыми лазами.

ГЛАВА 29 ОБ ОКОНЧАНИИ ПСОВОЙ ОХОТЫ ПО ЧЕРНОТРОПУ

231. Осенней охотой оканчивается езда с собаками по чернотропу. Узерка, т.е. самое позднее время осенней охоты, всегда служит верным предвестником окончания езды с борзыми по чернотропу.

232. Время, наступившее для окончания псовой охоты по чернотропу, считается когда земля так замерзнет, что лошадь не в состоянии продавливать землю шипами своих подков, а борзые собаки не в состоянии ловить зверя без ущерба для своих ног. В это время псовые охоты возвращаются из отъезжих полей домой, и домашняя езда с собаками прекращается до наступления порош, т.е. до наступления езды по белой тропе.

233. По окончании осенней охоты и по возвращении из отъезжих полей домой, всех собак следует обязательно перемыть и обсушить в бане или в особом теплом помещении; и после того никуда их уже не трогать, т.е. ни в проводку, ни на охоту, впредь до наступления «езды по белой тропе», стараясь в это время особенно усиленно питательным кормом привести собак в самый блестящий порядок.

Примечание. Езда с собаками по чернотропу производится во всякое время, способное для охоты с борзыми и гончими вместе и порознь, совершенно одними и теми же способами езды, изложенными в этом I разделе, III части «Руководства», а поэтому говорить особо о езде по чернотропу в «брызги», «по пожару» и в «узерку» (за сделанным мной некоторым пояснением в 176 главе, ч. I) — я нахожу лишним.

Раздел II

Езда по белой тропе

ГЛАВА 30

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

234. Езда по белой тропе производится, как и езда по чернотропу, двояким способом (ст. 2, ч. III), т.е. ездой с одними борзыми или с борзыми и гончими вместе.

235. Езда с собаками по белой тропе, независимо от ее подразделения на езду с одними борзыми и на езду с борзыми и гончими вместе — подразделяется еще, по времени охоты: на езду в порошное время и на езду по насту.

236. Езда в порошное время бывает в первозимье, т.е. в начале зимы, и считается лучшим временем для охоты с собаками по белой тропе. В это порошное время псовая охота может производиться по всякому зверю, т.е. по зайцу, по лисе и по волку.

237. Охота по насту производится преимущественно только по зайцам, т.к. волков и лисиц никто из настоящих псовых охотников травить в конце зимних и в начале весенних месяцев не станет, в виду бесцельного уничтожения красного зверя, в это время уже подлинявшего, а самок нередко и щенных. Кроме того охота по насту очень редко бывает безвредной для борзых собак, так например: предположим очень хороший наст, но он не прикрыт достаточным количеством свежего, мягкого снега, — и вот он уже будет неудобен для охоты по нем с борзыми собаками на том основании, что борзые, после травли в первое же поле посрежут себе мякиши лап, а после этого несомненно будут болеть, и долгое время, пока не заживут совершенно лапы у собак, не будут годны для охоты; наст, хотя и хорошо прикрыт свежим снегом, но недостаточно крепок, а поэтому борзая, прорываясь на скаку, т.е. прошибая ногами местами наст, может очень легко переломить или вывихнуть себе ногу. Вообще охоту по насту следует производить крайне осмотрительно и по возможности с собаками более легкими, как, например, горскими, крымскими и вообще небольшими собаками и других пород, т.к. с тяжелыми борзыми, как, например, псовыми, курляндскими и т.п. собаками охота по насту является всегда

более рискованной. Наст для охоты с борзыми считается только тогда способным, когда он *везде* будет держать лошадь на шагу. Тогда только можно быть уверенным, что и борзая собака (даже самая тяжелая) не будет прорываться или прошибет наст на скаку. Если же наст хотя местами не будет держать лошадь на шагу, то никогда и никакую борзую, даже и самую легкую, не удержит на скаку (см. «Наст», ст. 176, ч. I).

238. Во всякое время, способное для охоты с борзыми и гончими собаками по белой тропе, псовая охота производится одними и теми же способами и правилами езды, какими производится езда в порошное время, занимающая собой, как более удобная езда с собаками по белой тропе, весь II раздел III части «Руководства». А поэтому все, относящееся к езде порошной, псовые охотники всегда могут применять и во время езды по насту.

239. Вообще езда по белой тропе производится в большинстве случаев с одними борзыми ввиду того, что многие гончие не умеют гонять хорошо по белой тропе, и не умеют по той причине, что многие псовые охотники (совершенно основательно) никогда не позволяют, *и в особенности настоящим зверогонам*, гонять по белой тропе в силу того убеждения, что гончие, привыкшие гонять по белой тропе, отвыкают гнать парато и привязчиво по чернотропу, т.е. в осеннее время — самое нужное для настоящей охоты по красному зверю.

Примечание. Насколько приятна и полезна охота с гончими по белой тропе для ружейных охотников, настолько же она неудобна и небезвредна в смысле порчи гончих для псовых охотников. Гоняющие по белой тропе гончие привыкают справлять зверя не одним чутьем, а с помощью глаз, разбирая глазами видимый след зверя на снегу, приучаются и покрикивают в жирах, на тропах и на двойках, желая поскорее взбудить зайца, и при глубоком снеге привыкают гнать зверя тихо, апатично, шагом, как гоняют вообще подружейные пешие гончие, а вследствие этого теряют азарт и привязчивость к зверю, необходимую в гончих при псовой охоте, а впоследствии совершенно отвыкают «валиться» на гоньбу. Вообще гончие, гоняющие по белой тропе, очень скоро делаются «отдирчивыми» (стр. 76, ч. I).

240. Определить продолжительность времени езды по белой тропе, даже и приблизительно, положительно невозможно на том основании, что езда в порошное время и езда по насту зависят вполне от погоды. Случается так, что удобное время для охоты с борзыми продолжается довольно долго, т.к. пороши выпадают очень часто, почти ежедневно, но случается и так, что порошок совсем не бывает, и тогда охоты с борзыми уже вовсе быть не может, точно также и наст — иногда бывает очень хороший, крепкий и держится довольно продолжительное время (недели две-три), а иногда и совсем его не бывает. А вследствие этого езда с собаками по белой тропе производится всегда около дома, домашним способом, и в отъезжие поля на пороши никто из псовых охотников никогда не ездит ввиду того, что никогда нельзя узнать, что будет завтра, т.е. какая будет погода: будут ли пороши и будет ли возможность охотиться с собаками, а в силу того псовые охотники, производя охоту около дома, очень дорожат каждой выпавшей порошей и непременно пользуются возможностью поохотиться в этот день, нередко единственный, удобный для охоты день за все время зимнего полугодия (см. «Пороши» и «Наст», ч. I).

ГЛАВА 31 О ПОРОШАХ ВООБЩЕ

241. Слово «пороша» образовалось от одного корня с глаголом порошок. Припорошил землю (или старый, прежде выпавший снег) новый, свежий снежок, и вот этот-то слой свежего снега, выпавшего на землю или на старый снег, но в таком количестве, что дает возможность ловить борзым зверя или, по крайней мере, видеть следы зверя, и называется «порошей».

242. Пороши, способные для езды с борзыми, преимущественно бывают в перевозимье (ст. 236), но тем не менее могут быть и во время наста и очень часто выпадают и среди зимы. А т.к. не всякая пороша может быть способна для производства псовой охоты, то поэтому псовые охотники и подразделяют пороши на *способные* и *неспособные* для езды с собаками.

243. Способными порошами для псовой охоты считаются такие пороши, в которые представляется возможность борзым ловить, хотя бы и с трудом, всякого зверя. А поэтому такие пороши по их качеству, т.е. по степени представляющейся более или менее их способности для скачки борзых и для съездки зверя по следу, подразделяются

- 1) на мертвые пороши;
- 2) на хорошие пороши;
- 3) на бойкие;
- 4) на поездные пороши;
- 5) на слепые пороши.

1) *Мертвыми порошами* называются такие пороши, когда теплый мокрый снег выпадает ровным слоем толщиной в четыре с лишком вершка. В такую порошу заяц совсем не встает с логова дня по два, а иногда и более, при условии если только все это время стоит теплая погода или, в особенности прибылые зайцы, походят около своего логова в кругу (по диаметру аршинов в два-три) и опять ложатся на свое место, а вследствие этого в такую порошу заячьих следов почти никогда не бывает. Травля зайцев в такую порошу считается псовыми охотниками самой неприятной, т.к. заяц в это время, спугнутый с логова, не бежит по причине глубокого для него снега, а как бы плывет по нему, оставляя за собой след своей груди, которой бороздит снег, и в большинстве случаев во время бега в такое время заяц кричит, как бы умоляя охотника о пощаде. В мертвую порошу почти каждого зайца можно на логове взять руками, так не хочется ему, предвидя свою погибель, расставаться со своим логовом, и поэтому он так крепко лежит в это время. Лисица и волк в мертвую порошу также ходят немного, но для травли волков мертвая пороша считается самым удобным или способным временем.

Примечание. Кроме времени мертвой пороши, зайцы иногда также лежат очень крепко и во всякое другое время, так, например, в морозное время, когда всякий зверь вскакивает от охотника очень далеко по причине шума, происходящего от езды по лошади или от ходьбы пешком по замерзшей земле, заяц нередко и в такое время подпускает к себе охотника очень близко. Причина этому следующая: зайцы вообще имеют особенную способность предугадывать перемены в погоде и перед наступлением теплого времени, оттепели или дождя, они лежат всегда очень крепко, даже и в морозное время, и поэтому вскакивают от охотников всегда очень близко, допуская его чуть не наступить на себя лошадь. Перед

наступлением же морозов, даже и в очень теплое время (в которое еще нельзя и предположить о быстрой перемене погоды) зайцы становятся очень чуткие и вскакивают от охотника очень далеко. Такое свойство зайцев может служить всегда вернейшим признаком того, что если не в эту же ночь, то на следующий за ней день *обязательно последует перемена погоды*, так, если заяц лежит крепко, то будет тепло, если же заяц вскакивает далеко — то к морозу.

2) *Хорошими порошами* называются такие пороши, когда теплый мокрый снег выпадает ровным слоем толщиной около двух-трех вершков. В такие пороши травля всякого зверя и зайца считается самой удобной и способной для борзых собак.

3) *Бойкими порошами* называются такие пороши, когда снег выпадает на мерзлую землю ровным или неровным, с передувками*), слоем толщиной около одного вершка на ровном месте, не принимая во внимание передугов, образовавшихся у травяных меж, в жнивах, лощинах, впадинах и т.п. местах. В такие пороши тонкий слой снега мало для скачки борзых прикрывает мерзлый, жесткий, по-охотничьи «бойкий» грунт земли и хотя несколько и улучшает для скачки собак жесткое, *бойкое* поле, на котором борзая всегда может обрывать себе когти, пазанки и мякиши лап, тем не менее не избавляет совсем собаку от возможных во время скачки поранений или побоев по бойкому грунту земли, а потому такие пороши и называются *бойкими*. В бойкую порошу травля борзыми является всегда трудной и считается не совсем способной.

4) *Проездными порошами* называются такие пороши, когда сухой, как пух, снег выпадает на мерзлую землю хоть и ровным и толстым слоем, но как не приставший, не прилипший, не примерзший к земле, не дает для борзых во время скачки упора ногам и в особенности при угонках, когда борзая, прошибая до земли снег и раздвигая его ногами, скользит, *проезжает* по инерции по мерзлой земле, как по льду. Вот вследствие этого такие пороши и называются проездными, такие пороши (так же как и бойкие) для травли борзыми считаются не совсем способными.

5) *Слепыми порошами* называются вообще всякие пороши, когда вследствие позднее выпавшего снега, завалившего следы, или вследствие поземки, или от быстрого вставания (в очень теплое время) и т.п. причин следов на снегу не бывает видно никаких, т.е. ни волчьих, ни лисьих, ни заячьих, и это случается иногда во время порош, очень хороших для травли борзыми.

Примечание. Поземкой называется такое зимнее время, когда от дуновения ветра снег ползет или перекачивается по земле, уничтожая всякие следы на снегу.

244. Неспособными для псовой охоты порошами считаются такие пороши, во время которых борзые не только ловить зверя, но и скакать за ним положительно не могут. Такие пороши называются псовыми охотниками *никуда не годными*, и на охоту в такие пороши с собаками никто из псовых охотников *никогда* не ездит. Такие пороши бывают преимущественно среди зимы, когда по причине глубоких и зачерепелых снегов борзые, прорываясь в снегу по брюхо и до крови царапая черепком снега себе ноги, скакать совсем не могут, а заяц и лисица бегут в это время по снегу как по насту или как по лубку. В такое время охота может быть очень хорошей только для ружейников, которые на лыжах могут сходить зверя по следу и стрелять его из ружья, но не для псовых охотников, для которых не только травить зверя собаками, но даже и съезжать его по следу верхом на лошади не представляется никакой физической возможности, без ущерба здоровью лошади.

*) Снежные бугры, нанесенные ветром.

Отдел I

Езда с одними борзыми в порошное время

ГЛАВА 32 ОБЩИЕ ПРАВИЛА

245. Езда с одними борзыми в порошное время производится почти так же, как и езда с одними борзыми по чернотропу (см. 4—7 гл. ч. III) с той только разницей, что:

- 1) в порошное время при езде с борзыми соблюдается еще более и положительно всегда, т.е. без всякого исключения, строжайшая тишина;
- 2) в порошное время борзятники с собой в поле рожков никогда не берут и в случае надобности сигналы подают пантомимными знаками;
- 3) в порошное время отыскивание зверей преимущественно зависит от видимых на снегу следов их, направление следа заячьих накопов и так же — от места привады, устраиваемые нередко охотниками *только в лесистых местностях* для травли волков борзыми.

Езда в порошное время подразделяется на следующие три вида: езда на съездку, езда на глазок и езда (только по волкам) с помощью привады.

246. Ездой на съездку называется езда борзятников, когда они отыскивают зверя, съезжая его по следу. Ездой на глазок называется езда борзятников, когда они отыскивают в порошное время зверя не по его следу, а по местам, изобилующим зверем, стараясь увидеть зверя прямо без следа. Ездой с помощью привады называется езда борзятников за волками, когда они отыскивают волков в районе известной им местности, в которую приваживают волков привадой (см. ниже гл. 35).

247. Как езда на съездку, так и езда на глазок могут производиться по всякому зверю, но по зайцу охота производится преимущественно ездой на съездку на том основании, что как бы ни была длинна съездка зайца по следу, все-таки съехать его можно. Лису же и волка съехать по следу не всегда представляется возможным, т.к. лисица почти всегда денничает (т.е. мышкует днем), а волки, хотя также отчасти бродят днем, но и ночью исхаживают такое количество верст, что для того, чтобы съехать волка или лисицу следом, иногда бывает недостаточно одного очень короткого поздне-осеннего или зимнего дня.

248. В деле езды на съездку для борзятников особенно важное значение имеет длинен или короток след зверя. Длинный или короткий след зверя зависит всегда от того, в какое время надстанет (т.е. перестанет) идти снег перед порошей. Если снег перед порошей надстанет с вечера, например, в девять часов пополудни, то след всякого зверя несомненно будет очень длинный, и поэтому для съездки будет невыгоден, т.к. придется много терять времени на его съездку. Когда же надстанет снег перед порошей в полночь или перед рассветом, то после того след зверя всегда бывает короче, и поэтому съездка зверя по такому следу всегда представляется для охотника более выгодную в том отношении, что, тратя немного времени на съездку зверя, он имеет более возможности в продолжение того же дня съехать и затравить большое количество зверей.

249. Полуночная или перед рассветом остановка снега в порошное время для езды по зайцам считается самой лучшей, для езды же по красному зверю, т.е. по лисицам и волкам, чем позднее перестанет идти перед порошей снег (даже если надстанет снег не рано утром), тем это всегда выгоднее для охотников. Для езды по лисицам и в особенности по волкам несколько не будет служить препятствием, если тихий снег (понятно, не метель и ураган) будет идти даже и днем во время производства охоты с борзыми по пороше, точно так же, как не препятствует для езды по красному зверю и небольшой туман, который скорее способствует охотнику подобраться поближе к зверю или наждать его на себя, а вовсе не будет мешать делу охоты в порошное время.

250. Когда езда с борзыми производится в туманное время и в несколько свор, то борзятники отнюдь не должны далеко отъезжать один от другого, дабы не отбиться от товарищей и не заплутаться, а для этого необходимо при равнении никогда не терять из вида соседнего борзятника, т.е. ехать от него на таком расстоянии, чтобы всегда можно было хотя бы слабо его видеть.

251. Езда в порошное время должна производиться борзятниками *всегда верхом на лошадях и с борзыми без своры*, но в видах короткости зимнего дня, при желании употребить на охоту большее количество часов в продолжение дня, допускается подвозить собак и борзятников к месту охоты на санях, в которых возможно всегда ехать по дороге рысью (что, понятно, сократит время пути) и за которыми на чумбурах, находящихся на это время в руках борзятников, легко могут бежать верховые лошади. Привязывать же лошадей за чумбуру к саням никогда не следует, дабы не рвать чумбуры и не упустить лошади, могущей всегда оторваться от саней. Подвозка же борзых к месту охоты на санях по ровному зимнему пути, вреда собакам принести не может, и в особенности для собак смирных, не скоросых, не могущих подраться и перехвататься в санях между собой, а наоборот, при дальнем пути, например, при десятиверстном расстоянии от дома до места охоты, подвозка собак в санях по уверению некоторых гг. охотников, приносит им еще некоторую пользу в том отношении, что собаки, привезенные в санях (т.е. по зимнему, следовательно, предполагается, более ровному и покойному пути) будут свежее собак прорыскавших десять и более верст. Но лично я не уверен еще в этой предполагаемой пользе собакам от подвозки их даже и по ровному зимнему пути, как бы он ровен и покоен ни был, а все-таки езда в санях собаку порастрясет и укачает, а вследствие этого собака несомненно будет уже не в том расположении духа, в каком она бывает, рыская за охотником на своих ногах нередко даже целый день, и вообще мне приходилось замечать, что собаки, после подвозки их на санях, ничем особенно не выделялись из собак, рыскавших за охотником прямо из дома, если не казались как бы потерявшими энергию.

Примечание. Некоторые гг. псовые охотники, в видах более покойного положения привезли на санях, чем верхом на лошади, в зимнее время всегда на порошу выезжают в санях, но в таком случае во время производства охоты находящиеся в санях являются скорее зрителями в деле охоты, чем действующими лицами, несмотря на то, что иногда и они могут помочь делу охоты, и в особенности по красному зверю, как нередко случайно может также оказать помощь в деле охоты и всякий какой-нибудь воз с дровами, проезжающий по дороге. Что же касается манеры возить борзых целый день в санях для травли зверей, то это совершенно лишнее для дела охоты на том основании, что когда собакам возможно или способно скакать за зверем, то тогда, несомненно, и рыскать за борзятником для них будет удобно. Когда же собакам очень трудно и тяжело рыскать за борзятником, то тогда и скачка зверя за ним будет положительно

невозможной, и никакие сани им в этом не помогут. А поэтому сани для собак могут быть не лишними в том только отношении, чтобы поскорее приехать с ними к местам охоты и чтобы по окончании поля поскорее на санях, следовательно рысью, возвратиться охотникам домой к сытному обеду и в особенно приятное после порошной езды комнатное тепло. Кроме того, некоторые псовые охотники оправдывая езду в порошное время в санях с собаками, доказывают что «красный зверь, привыкший встречать очень часто неопасных для него проезжающих в санях по дорогам, оттого подпускает к себе и охотников в санях с собаками ближе, чем охотников, находящихся на лошадях верхом». Такое доказательство было бы вполне основательно если не принимать во внимание всю неподвижность, неповоротливость езды в санях при показывании зверя и его заездах, всю трудность положения упряжных лошадей при возке собак и людей по бездорожному, нередко покрытом довольно глубоким снегом полю, имея еще в виду набои снега во врагах и переезды через них, и вообще все неудобства езды на санях во время охоты с борзыми. При мастерской же езде псовых охотников, т.е. при умении их съехать и объехать зверя по всякое время года, способное для скачки борзых, строгость зверя в порошное время к охотникам, находящимся верхом на лошадях, *никогда не должна служить поводом* к тому, чтобы обозренный ими зверь мог уйти от них потому только что он близко не подпускает к себе охотника, находящегося верхом на лошади. При мастерской езде псовых охотников, что достигается только при езде верхом и на хороших лошадях, всякий и самый строгий, даже не в меру побежавший зверь, *обязательно* должен быть поставлен в такое положение охотниками, что он волей или неволей, а вынужден будет побежать мимо кого-либо из борзятников, и в самом недалеком от него расстоянии. При езде же на санях борзятники ничего подобного никогда не будут в состоянии достигнуть по сказанным выше причинам.

ГЛАВА 33 ЕЗДА НА СЪЕЗДКУ

252. Езда на съездку производится разными по каждому зверю способами и поэтому подразделяется на: способ езды по зайцу, способ езды по лисе, способ езды по волкам.

1-й способ: езда по зайцу

а) Езда по зайцу на съездку должна производиться борзятниками *всегда в одну свору*, независимо от того, сколько бы борзятников ни выехало в поле, на том основании, что каждый из них, выехав из дома в поле и наехавши на заячий след, должен съезжать его сам и травить съеханного им зайца один, не требуя ни от кого никакой помощи, *при условии*, если съездка хороша, т.е. заячьи следы видны на снегу хорошо и представляются совершенно отпечатанными. Езда на съездку в одну свору обязательно для борзятников по тем причинам, что всегда для них удободостижимо и выгодно в том отношении, что, выехавши на порошу несколько свор борзятников, могут одновременно съезжать и травить нескольких (т.е. каждый своего) зайцев, а из-за этого представляется более шансов перетравить большее их количество в одно поле и вместе с тем устраняется

неприятная для охотника картина травли одного несчастного зайца нередко десятью и более собаками.

б) Если же заячий след только *маячит*, т.е. вместо следов видны только *маяки*, требующие усиленного со стороны борзятника внимания при рассматривании их, для чего нередко охотнику приходится слезать с лошади и идти пешком, наклоняясь к маякам заячьего следа, чтобы можно было лучше их рассмотреть — то тогда съезжать зайца необходимо всегда в две своры или двум борзятникам, из которых один должен сходить пешком зайца по следу, а другой должен ехать верхом неподалеку от первого, сбоку, не затаптывая следов зайца, и зорко смотреть во все стороны, чтобы не прозевать вскочившего зайца, которого рассматривающий маяки борзятник очень легко всегда может просмотреть, т.е. не увидит как он вскочит и уйдет незамеченным ни им самим, ни даже, нередко, его собаками.

в) При езде на съездку борзые должны быть всегда без своры, но непременно в ошейниках, как и всегда это должно быть во время охоты для предупреждения всякой случайности, когда борзятник мог бы взять собак на свору. При этом количество борзых в своре за борзятником должно быть никак не более двух собак, а некоторые утонченные любители травли зайцев берут в хорошее порошное время, даже и по одной только собаке в свору, не находя ничего интересного давить зайца массой собак, но и в этом последнем случае необходимо соображаться с качеством борзых и качеством пороши, так, например, в бойкую или проездную порошу всегда следует брать лишнюю борзую в свору для того, чтобы в трудное для травли время не утомлять собак бесполезно, имея *всегда* в виду, что двум борзым всегда удобнее скорее поймать зайца, чем одной.

г) Каждый из охотников, выехав на съездку из дома, должен стремиться наехать себе заячий след и съезжать его один, согласно § а. Выезжать из дома на охоту в порошное время охотники должны вообще до рассвета, на темной заре для того, чтобы с рассветом можно было быть в месте производства охоты и прямо с рассветом, как только можно будет видеть следы, начать съездку зверя.

Примечание. Ранняя выездка на охоту в порошное время обязательна для всех видов езды и по всякому, в особенности по красному зверю. Это необходимо ввиду очень коротких зимних дней и ввиду того, чтобы захватить места для охоты прежде других, случайно проходящих или проезжающих, могущих всегда спугнуть или распугать зверя.

д) Съездка по следу зайца требует большой опытности, навыка и внимания. Хотя съездка по следу одного зайца и не представляет никакой трудности для всякого охотника, но разобрать следы нескольких зайцев, дьялявших почти одним следом и суметь съехать каждого из них, требует действительного мастерства и искусства со стороны охотника, тем более что теоретически научить этому без практического указания того в поле, представляется чрезвычайно трудным. Если нельзя научить умению находить (предположим) родственное сходство в лицах разных людей, т.к. два разных человека имеют всегда и разные на это взгляды (один, например, находит, что «что-то родственное в лице данного субъекта есть», а другой совсем того не находит, и наоборот), то точно так же нельзя и научить словами разбирать перепутанные по одному пути следы нескольких зайцев, в большинстве случаев совершенно однообразные между собой; но тем не менее опытные охотники умеют всегда разобрать такие перепутанные следы, находя значительную разницу между самыми однообразными следами зайцев и всегда сойдут или

съедут в полях*) каждого из этих нескольких зайцев, несмотря на то, как бы сильно они не перепутали свои следы на одном и том же пути. Но для этого, кроме навыков при разбирании заячьих следов, требуется еще от охотника и особенная внимательность, т.к. при разбирании следов он обязательно должен обращать внимание и запоминать все особенности заячьих следов, в общем чрезвычайно схожих между собой, так, например, надо обращать внимание на положения отпечатков заячьих лап, которые у некоторых зайцев представляются более в размете, и наоборот; или например, один заяц, не поднимая высоко на скачке задних ног, изредка царапает снег когтем одной или обеих своих лапок, при переносе задних ног за передние; или заяц, проложивший след после другого зайца, прежде прошедшего, затаптывает своим следом след первого, а замечается это только по изредка попадавшей след в след заячьей лапке и т.п. Кроме того, очень часто разбирается след по времени ходьбы зайца, а именно: который пораньше шел к логову, а который позднее, это узнается по шедшему нередко ночью снегу, или по инею, или по поземке, ибо ранний след будет более припорошен, чем поздний; и наконец, не говоря уже о заметной разновидности «малика» с более крупными старших по возрасту зайцев, охотники разбирают еще следы по температуре времени, в которое дылял (т.е. ходил) заяц, так, например, с вечера было очень тепло, к утру заморозило, и наоборот, — тогда следы зайца (и вообще зверя), ходившего в теплое время, имеют значительную разницу со следами зайца (и вообще зверей), ходивших по замерзавшему или по замерзнувшему уже снегу, что представляет некоторую разницу в отпечатках следов, узнается же это по тому, что след, проложенный в теплое время по мокрому снегу, имеет обледенелую поверхность отпечатка, след же, проложенный в морозное время, того не имеет, и притом, смотря по степени мороза, замечается по краям отпечатков следов или проломленной черепок снега (т.е. корочка, образовавшаяся на поверхности мокрого снега от мороза), или пушистость самого отпечатка следа (т.е. не полная примятость снега в отпечатке следа), сделанного лапой зверя по сухому снегу как бы по сыпучему песку и т.п. А поэтому ввиду того, что всех тонкостей при разбирании перепутанных следов на одном пути перечислить и точно передать на бумаге невозможно, каждый охотник, желающий изучить в совершенстве съездку зверя по следу, обязан изучать это в поле частой практикой с полнейшим вниманием.

е) Съезжать заячий и вообще всякий след охотник должен не затаптывая его, для чего должен ехать с какой-либо одной стороны заячьего следа, стараясь рассматривать след не сбоку, подле лошади, а смотря через голову ее вперед — настолько, насколько это позволяет ему его зрение. Съездка следа таким образом всегда будет скорее, т.е. успешнее и удачнее в том отношении, что охотник, смотрящий вперед, всегда может скорее увидеть побудившего от него всякого зверя, чем тот охотник, который, наклонивши голову вниз, по направлению заячьего следа будет «музюкать» его (т.е. медленно разбирать, рассматривать) сбоку, у ног своей лошади.

ж) Кроме всего вышесказанного о съездке зайца, охотнику необходимо знать, что заяц вообще кормится, т.е. ходит на корм но ночам, а на день ложится и лежит весь день на логове, если никто его не спугнет, во время «заячьей гонки» (которая бывает по белой тропе только по «насту») некоторые гоняющиеся самцы и самки дыляют иногда по несколько часов днем, но и тогда стремятся к постоянной дневной своей лежке, а поэтому каждый заяц, хотя и не имеет постоянного логова, ложась на день каждый раз на новом месте, тем не менее, бодрствуя ночью, оставляет на снегу след всегда с двумя, совершенно различными отпечатками лапок, а именно: когда он идет со старого логова на корм и когда возвращается с корма на новое логово; в первом случае, т.е. когда заяц идет со старого логова на корм, след его идет небольшими (приблизительно) аршинными

*) В лесу, где зайцы делают целые тропы своих многочисленных следов, разобрать след каждого из них нельзя.

прыжками, с частыми остановками, заметными по отпечаткам на снегу задних его пазанков с коленками, на которых он, видимо, сидел прислушиваясь и осматриваясь кругом, во втором же случае, когда заяц возвращается с корма на новое логово, след его указывает на более уже торопливый его ход, и поэтому прыжки его, достигающие (приблизительно) полуторааршинного расстояния, отпечатываются на снегу более размашистым, т.е. поспешающим и без частых остановок ходом. Кроме того, при ходьбе на корм, заяц всегда жирует, независимо от жировки его на месте кормежки, и иногда не двойт; при ходьбе же с корма на новое логово, он непременно двойт, а иногда и тройт, делает сметы и после того к самому уже логову идет трехаршинными и более (почти как пудак) прыжками, не исключая даже того времени, когда он ложится на месте своей жировки, т.е. «в жирах» (см. ст. 179, ч. I).

з) Охотник, наехавший на заячий след, должен съезжать его *неотступно* (т.е. шаг за шагом) до первой *двойки* и, если он не видит смета, то должен или приостановиться на двойке, или укоротить шаг своей лошади (съезжать заячий след всегда должно шагом) и тщательно посмотреть на обе стороны от двойки; нет ли смета, и в особенности у таких мест двойки, где на ней видны следы задних пазанков с коленками, что означает что заяц сидел обдумывал — хороша ли местность для лежки и, не найдя местность для себя подходящей, отправился по избранному им пути далее по двойке, вследствие чего и получается на снегу в большинстве случаев след, называемый *тройкой*, или же с этого места заяц делает смет, всегда присаживаясь перед сметом как для осмотра местности, так и для более усиленного прыжка. С тройки же сметов *почти* не бывает, а по ее окончании заячий след обыкновенным порядком ведет дальше, и в таком случае охотник продолжает съездку до следующих двоек и троек до тех пор, пока не увидит с них смета, тогда охотник должен оставить след, с которого зайцем сделан смет, и ехать уже по направлению смета, который или ведет его прямо к логову, или опять переходит в обыкновенный след зайца и ведет до неминуемых следующих двоек, с которых обязательно уже делается зайцем смет к логову. Съехав зайца по следу до логова, охотник начинает его травить борзыми, как об этом сказано в I-м отделе езды по чернотропу. Если же при съездке зайца охотник наедет на жиры, то тогда он не должен вертеться по ним во избежании промедления времени, а должен объехать их кругом и, сочтя входы и выходы, при лишнем выходе, продолжает съездку по следу далее от жиров по направлению следа, предварительно отыскав лишний выход, делая большие объезды, т.е. круги, или поперечные переезды следов, если следы выходны с одной стороны, а при лишнем входе отыскивает зайца, съезжая его по следу или на глазок (как удобнее) в месте его жировки, т.е. в жирах, где иногда ложатся (и преимущественно прибылые) зайцы.

г) По пудаку, т.е. по гонному следу, зайцев не съезжают во избежании потери времени, т.к. пудак может увести охотника очень далеко и при том близко к себе охотника не подпускает, а вскакивает от него также очень далеко.

2-й способ: езда по лисице

а) Езда на съездку по лисице производится только тогда, когда след ее бывает самый короткий (ст. 248 и 249) и при том хорошо видный на снегу, т.е. отпечатки следа ясны, отчетливы; в противном случае, когда лисьи нарыски кое-где только видны на снегу, охотники лисицы по следу не съезжают, а отыскивают их «на глазок» способом езды, изложенным в следующей главе.

б) Езда по лисицам, хотя и может производиться в одну свору, т.е. одним борзятником, так же, как и по зайцу, но такая езда, т.е. езда в одну свору по лисицам, никогда не должна представлять для охотника уверенности в смысле удачи поля, т.к. при самых

благоприятных условиях порошной езды, лисица очень редко дает себя съехать по следу, т.е. очень редко подпускает к себе охотника на близкое расстояние, разве уже она так крепко заснет на своей лежке, что не услышит как подъедет к ней съезжающий ее охотник, но это случается очень редко и преимущественно в очень теплое время, или в таких местах, где нет охотников, где лисицы держатся совершенно непуганными; а поэтому, подобные случаи охотника должны считать для себя особенно счастливыми. В большинстве же случаев, лисица в порошное время всегда осматривает охотника на очень далеком иногда более, чем за версту расстоянии, а поэтому от одного борзятника ей всегда представляется большая возможность спастись бегством по излюбленным ею врагам и лощинам, где показать ее собакам для охотника бывает очень трудно. А вследствие этого, езда по лисицам, даже и на съездку, должна производиться не менее, как *тремя* охотниками, из которых один должен съезжать лисицу по следу, а остальные двое или четверо, словом, сколько находится при этом борзятников — разравниваются от съезжающего по обе его стороны на расстоянии от него не менее 250 сажень, а иногда в местах открытых, полистых — и того далее, доходя нередко до одной или более версты расстояния, и стараются мастерить съезжающего по его направлению, забирая у него переда и *всегда шагом* к врагам, лощинам и т.п. местам слизистым и подозрительным, тщательно посматривая во все стороны, не лежит ли или не побежала ли где лисица.

в) При езде по лисицам даже и на съездку должны участвовать каждый раз все наличные своры борзятников, разравнявшись, как сказано в предыдущем параграфе, по обе стороны съезжающего. При этом охотникам всегда надо иметь в виду, что если есть лишний борзятник, т.е. превышающий собой минимальное количество трех охотников, необходимых для съездки и удачной травли лисицы, то такого борзятника следует всегда оставлять у мест лисьих назем на тот предмет, чтобы он мог всегда повстречать бегущую к назьмам лисицу и затравить ее своей свежей сворой собак, т.к. очень часто случается, что лисица, куда бы ни увела своим следом, будучи взбужена или поднята охотниками, и обманув их и собак врагами, или вымахав кучугурами (т.е. обвалами) борзых до того, что они догнать ее уже не могут, направляя *всегда бег свой к назьмам*, назьмиться (т.е. уходит в назьму) на виду нередко преследующих ее охотников безнаказанно.

г) По-настоящему и при езде с лисицами брать борзых на своры в порошное время не следует, но иногда для того, чтобы борзые не уносились на скачку других охотников, при не особенно дальнем расстоянии один от другого во время равнения их, надо иметь борзых на своре и в особенности молодых, плохо высворенных. Поэтому в теплое время, когда снег не будет намерзать на лапы собакам, водить борзых на своре каждый борзятник может смело, не боясь вреда от того собакам, хотя в такое порошное время голошерстных собак, как, например, горских, крымских и английских — он обязательно должен спускать со своры на несколько минут в продолжение производства охоты, пользуясь каждым удобным для того моментом, без вреда для других охотников и для себя. Удобными моментами для спуска борзых со своры считается борзятником такое его положение, когда он может быть уверен, что собаки его не могут никуда от него унести и никому не помешают, а это может быть только тогда, когда борзятник едет на очень далеком расстоянии от соседних борзятников, или когда он едет врагом, западинами, мелочами и т.п. местами, в которых собак его никто не видит, и он никого из охотников увидеть не может, и когда кто-либо из борзятников затравил и протравил зверя, после чего для приискания следующего следа есть полное вероятие не поднять еще зверя в продолжение некоторого времени, вот этим-то временем или положением своим борзятник и должен воспользоваться для спуска борзых со своры, и тем дать им возможность погреться, бегая по произволу, на свободе около своего хозяина. В морозное же и вообще очень холодное порошное время в поле брать собак на своры никаких не следует, а для того, чтобы борзые не уносились на травлю и скачку других борзятников, все участвующие в деле производства охоты борзятники, при равнении в несколько свор и при заездах заезжающего полями, обязаны иметь между собой интервалы самых наибольших

размеров, не теряя однако никогда из виду соседних борзятников. Такая езда борзятников в порошное время по красному зверю всегда дает большую уверенность в том, что найденный зверь не уйдет, а непременно кем-либо из участвующих в том борзятников будет затравлен.

Примечание. Выраженное в этом параграфе правило, когда следует и когда можно в порошное время водить борзых в поле на сворах, должно относиться ко всем видам езды по белой тропе и поэтому, во избежание повторения при дальнейшем описании езды по белой тропе я обращаю внимание гг. охотников на *этот параграф* и прошу их руководствоваться этим правилом в каждом данном случае при езде порошной, помня, что борзые, находящиеся на сворах, всегда зябнут более тех, которые рыщут за охотником без своры, а переозябшие собаки теряют энергию и убавляют на это время скачку, не говоря уже о том, что нередко после того и в особенности голошерстые собаки перехварывают, т.е. болеют несколько дней.

д) Количество борзых в своре при езде по лисицам должно быть (так же, как и при езде по зайцам), не более двух за каждым борзятником.

е) При езде на съездку по лисицам охотники должны выезжать из дома особенно рано — так, чтобы с рассветом они могли быть уже у лисьих мест, в которых предназначена езда по лисицам. В день, назначенный для охоты по лисицам, охотники отнюдь не должны съезжать и вообще отыскивать зайцев, в противном случае съездка зайцев может отвлечь охотников от лисиц, и при всем их желании затравить лисицу, они не только никогда не затравят лисицы и не увидят ее, но и никогда не будут в состоянии даже доехать до настоящих лисьих мест, и в особенности в таких местностях, где зайцы будут попадаться очень часто. А поэтому при езде по лисицам, как ни грустно иногда бывает для борзятника проехать мимо заячьей двойки или логова, но подчиняясь правилам езды по лисицам, *он обязан проехать зайца и не травить его*, оставляя всякую мысль о нем до следующих, не способных для езды по лисицам порош, или до окончания этого поля, тогда при возвращении с охоты домой, борзятники, если не запоздают в поле, могут без ущерба делу охоты травить и зайцев, попадающихся им по дороге к дому.

ж) Для более успешной съездки лисицы по следу, некоторые псовые охотники берут с собой (и совершенно основательно) умеющего съезжать зверя по следам, запасного или лишнего, без борзых за ним собак охотника и в комплектных охотах преимущественно назначают для того кого-либо из выжлятников, который должен верхом на лошади и на рысях съезжать лисиц следом. Борзятники же в это время со своими сворами борзых мастерят его (т.е. съезжающего охотника) шагом, забирая у него всегда переда, как сказано об этом в § б быть впереди охотника, съезжающего по следу зверя рысью, борзятникам, едущим шагом, всегда очень легко и возможно, и смущать это может только того, кто сам в поле с борзыми никогда не ездит и зверя по следу не съезжал. Когда же борзятник съезжает по следу лисицу со сворой собак, то съезжать лисицу следом он должен *обязательно всегда шагом*, т.к. со сворой собак ни один порядочный охотник без крайней необходимости нигде, никогда и ни при каких обстоятельствах ездить, кроме шага, никаким другим аллюром не будет, имея *всегда в виду*, что он обязан сберегать постоянно силу своих собак и их не вымахивать даже и при возвращении с охоты домой, не говоря уже о переездах во время производства охоты из одного места в другое, в силу главного основного правила псовой охоты, выраженного в статье 18, ч. III.

з) След одной лисицы (точно так же, как и следы зайцев) имеет разницу со следом другой лисицы, Разница эта в лисьих следах узнается опытными охотниками или по неодинаковой величине отпечатков лисьих лапок на снегу, сообразно возрасту и величине

лисицы, или по каким-либо другим особенностям лисьего следа, независимо от разновидности следов лисицы, происходящей от времени ее мышковки, т.е. от времени ходьбы ее (см. I способ раздела II, езда по зайцу § д). Поэтому охотник, съезжающий лисицу по следу, обязан быть особенно внимательным к тому, чтобы не переехать со следа одной на след другой, подменившейся на том же пути лисицы, т.к. такая ошибка охотника в большинстве случаев ведет к самым плачевным результатам, а именно: почти доеханная лисица остается в таком случае всегда нетронутой на своем месте, а другая новым следом может увести его за несколько верст от этого места далее, или может проводить его целый день, даже и не показавшись ему на глаза, что нередко и случается, когда охотник попадает на дневной след лисицы. Но несмотря на это, съездка лисицы для охотника, при коротком следе (ст. 248), в смысле разбирания ее следов, представляется всегда более легкой, чем разбирание перепутанных следов заячьих. Это объясняется тем, что лисицы никогда не перепутывают на одном пути своих следов так, как перепутывают их зайцы. Очень редко случается, что две-три лисицы смешают свои следы на одном пути, более же трех лисиц почти не случается встречать мышкующими одним следом. В смысле же доездки лисицы, несмотря на всю короткость следа (ст. 248), лисьи следы всегда представляют для охотника более трудности против заячьих следов на том основании, что большую часть дня лисицы все денничают, а вследствие этого охотник, съезжающий лисицу, нередко принужден бывает переезжать свой собственный след по несколько раз в день, съезжая лисицу, которая, денничая, переходит неоднократно следу съезжающего ее охотника в то время, когда он проехал уже ее следом далее, а поэтому в одну свору, т.е. одному борзятнику, съехать такую лисицу, которая денничает, положительно не представляется никакой возможности, при съездке же такой лисицы в несколько свор, т.е. при нескольких сворах борзятников, одна только назьма может спасти ее от участи быть затравленной. При этом необходимо заметить, что лисицы вообще никогда на следу своем не делают ни двоек, ни троек, ни сметов, а только, делая круги перед лежкой, оставляют на снегу перепутанные крестообразно свои собственные следы, которые в этом перепутанном крестообразно месте и называются «крестами» (см. ст. 179, ч. I).

и) Охотник, наехавший на след, обязан сейчас же дать пантомимный сигнал своим товарищам, выражающийся *поднятием правой рукой аранника кверху*. Этим сигналом в порошное время приглашается (если есть) запасной охотник без борзых (§ ж) для съездки лисицы следом, а если запасного охотника нет, то сигнал этот означает, что наехавший на лисий след борзятник начал съездку лисицы по этому следу, при этом съезжающий следом охотник, кто бы он ни был, обязан изредка, время от времени, повторять этот сигнал, показывая тем другим борзятникам в продолжение всего времени съездки, что он не затерял лисьего следа и что продолжает его съезжать. Увидев такой сигнал (в порошное время), все остальные борзятники разравниваются по обе стороны съезжающего охотника и начинают мастерить его, как сказано в § б. Если же кто-либо из охотников увидит лежащую или мышкующую лисицу, но не в меру так, что травить ее самому и показать своим собакам рискованно или неспособно, то тот охотник должен подать (в порошное время) своим товарищам пантомимный сигнал выражающийся *поднятием правой рукой кверху своей фуражки или шапки*; в первом случае, если лисица лежит, охотник подает сигнал, остановив свою лошадь на месте, с которого увидел лисицу, а во втором случае, если лисица мышкует, сигнал этот подает охотник, продолжая ехать к лисице шагом. Если же охотник увидит, что лисица вскочила и побежала, то он должен подать этот же сигнал на скаку, т.е. поскакавши за лисицей. Такой сигнал, поданный кем-либо из охотников (в порошное время), обязывает всех участвующих на поле борзятников, в первом случае (когда лисица лежит) закружить ее тихо и без всякой суетливой поспешности, во втором случае (когда лисица мышкует) замастерить подходящими аллюрами и также взять ее в круг, придерживаясь правил езды «в равнинку» (гл. 6, ч. III), а в третьем случае (когда лисица побежала) заскакать ее от назьм, врагов, лощин и вообще от мест слазистых и крепких, куда могла бы попроситься побудившаяся лисица, причем борзятники в этом случае обязаны соотноситься с

положением и направлением зверя, а также и с местностью. Ближайший же к побежавшей лисице борзятник показывает ее своей своре борзых и травит тихо, без всяких уханий и громких улюлюканий.

и) Лисий след не требует такой, как заячий след, неотступной, шаг за шагом, съездки, лисий след должен съезжаться с охотником только до первого «креста», т.е. до первого следа, перешедшего поперек след съезжаемый (причем, понятно, охотник не должен ошибаться, разбирая тщательно следы, чтобы не переехать со следа одной на след другой лисицы, § 3 и 1 способ § д), а затем съезжающий охотник бросает след съезжаемый и едет по направлению следа перешедшего, и так продолжает съезжать до самой лежки лисицы или до доездки ее, когда она должна будет непременно показаться охотникам на глаза, если только след ее не доведет до той назьмы, в которую она и поназьмилась. Съездка лисицы таким способом значительно сокращается, т.к. все круги, даваемые лисицей, при такой съездке выбрасываются и остаются не объеханными, а из-за этого охотником выигрывается много времени, которое должно бы было быть потраченным на бесполезную их объездку, ибо сделанный лисицей круг опять бы вышел на этот же самый ее след, с точки перекрещивания которого съезжающий охотник и должен начинать всегда продолжение съездки по направлению следа перешедшего, т.е. с «креста» (см. ст. 179, ч. I). Если кто-либо из равняющихся борзятников в это время съездки перейдет лисий след, то точно так же должен подать сигнал (поднять арапник кверху) и начать съезжать его, но не на очень дальнее расстояние, словом, пока убедится в том, что этот след есть след другой лисицы, а не той, которую съезжает съезжающий охотник, видимо не подчиняющийся сигналу борзятника, а упорно продолжающий съездку в своем направлении, после чего он, т.е. борзятник, запоминая в какую сторону направился и в каком месте попался ему лисий след, должен немедленно его оставить, как след не той, т.е. не съезжаемой, а другой лисицы и замастерить опять съезжающего охотника: если же съезжающий охотник по подаче сигнала переехавшим лисий след борзятником поворотит в его сторону и будет ехать по направлению следа к нему, то борзятник этот должен осадить в правую (если он правого крыла) или в левую (если он левого крыла) сторону и начать мастерить съезжающему по сторонам его нового направления (см. гл. 6, ст. 55, ч. III), борзятники же противоположного крыла в это время усиленным шагом и сокращенным путем, постепенно забирают стороной у съезжающего *пе́реда*, и также продолжают мастерить его до окончательной доездки лисицы. Запоминать в какую сторону прошел след другой лисицы необходимо борзятнику для того, чтобы по доездке первой (съезжаемой) лисицы не тратить времени на отыскивание новых лисьих следов, а прямо ехать на съездку следа другой лисицы, оставившей замеченный борзятником след в известной уже местности.

к) По гонному следу, в большинстве случаев, охотники не съезжают лисиц, но в местностях, где лисиц мало и притом в местах полистых, не травленную лисицу, т.е. не пуганную, а только просмотренную охотниками, от которых она сползла, оставив гонный след, съезжать можно, но только с большой осторожностью и предусмотрительностью со стороны борзятников, так как лисица эта, пробежав некоторое расстояние, хотя и «остепенится», т.е. пойдет шагом, но все-таки будет очень строга и близко к себе уже не подпустит охотника, а поэтому борзятники которые будут мастерить съезжающего охотника, обязаны непременно (по соображению с местностью и лозом лисицы) перехватывать путь лисицы на очень далеком от нее расстоянии к назьмам и местам крепким и слазистым, задерживаясь на некоторое время обязательно на врагах и лощинах, которыми лисица непременно будет бежать по направлению к назьмам и местам крепким. А для этого нередко приходится некоторым борзятникам заскакивать лисицу совершенно в противоположную сторону от направления ее бега, так, например, лисица побежала по угону от охотников на север, охотники же, зная, что назьмы или крепкие места остались на юг от них (т.е. позади их), и что впереди лисицы есть какой-нибудь овраг или лощина, которые, огибая полем на большое пространство, соединяются с местами крепкими или

ведут прямо к лисьим назьмам (т.е. находящимся от охотников на юге), то тогда некоторые из ближайших борзятников к тем врагам и лощинам в то время, когда другие борзятники преследуют лисицу по угону, обязаны замастерить ее к тем врагам и лощинам и нередко в юго-западную или юго-восточную сторону от места, с которого началась травля лисицы охотниками и, остановившись на том враге или лощине, или продолжая подаваться вперед шагом по этому врагу, нажидать бегущую хотя и на север лисицу, которая, если не будет затравлена в это время другими сворами, никогда не минует нажидающего ее на хорошем (т.е. на коренном ее) лазу борзятника.

3-й способ: езда по волкам

а) Езда на съездку по волкам производится преимущественно в таких местах, в которых волки пребывают взводками, и в большинстве случаев в мертвые пороши, но *всегда* при «коротком следе» (см. ст. 248—249). Бродящего же по ночам близ сел и деревень волка съехать по следу, хотя и при «коротком следе», бывает иногда и возможно, но затравить его борзыми очень редко удается борзятникам в силу крайней его осторожности, т.к. такой волк очень редко подпускает к себе с собаками в меру, скорее можно загонять его на лошадях в местах степных или полистых, чем затравить его борзыми собаками, зная только уж очень хорошо местность, борзятники могут предупредить направление волка, завстречав его от мест, в которые он «грабится» (т.е. идет, направляется), но и при этом необходимо несколько свор борзятников для того, чтобы, преследуя в то же время волка они могли вместе с передними борзятниками, затравившими зверя, одновременно взять его в круг, после чего каждый борзятник, ближайший к прорывающемуся из круга волку, и начинает его травить.

б) Езда на съездку по волкам *обязательно* должна производиться охотниками в несколько свор, и чем больше будет участвовать борзятников на охоте, тем лучше и, кроме того, независимо от количества свор борзятников, необходимы для съездки волков еще особые, без борзых собак, два запасные охотника, которые в комплектных псовых охотах назначаются преимущественно из выжлятников,

в) Количество борзых собак в своре при езде по волкам должно быть не менее трех и не более четырех за каждым борзятником и, смотря по погоде, борзые могут рыскать за борзятниками без своры или на своре, согласно примечанию к § г способа 2, ст. 252.

г) При езде на съездку по волкам охотники должны выезжать на охоту так же, как и по лисицам, очень рано ввиду того, что волки в большинстве случаев стараются всегда до рассвета добраться до лесных или вражистых мест, где могли бы они укрываться от глаз пробудившегося уже с рассветом народа, а т.к. места эти находятся по большей части не на очень близком от дома расстоянии, то следовательно для того, чтобы доехав до них, необходимо известное время, а терять это время на дорогу до таких волчьих мест из очень короткого зимнего дня, едва достаточного для съездки одного-двух волков, положительно уже не расчет для охотника, а поэтому охотники *обязательно должны выезжать на порошу всегда затемно*, за несколько (смотря по расстоянию пути) до рассвета.

д) При езде на съездку по волкам борзятники отнюдь не должны увлекаться следами других зверей и, кроме одних волков, никакого другого зверя *искать* не должны по тем причинам, которые изложены в § е способа 2, ст. 252.

е) След волка или волков преимущественно бывает в более прямом направлении, т.е. представляет линию менее ломаную или изогнутую, изверченную в разных направлениях, чем линия следа лисьего, а поэтому съезжать волчий след должны выжлятники*), соображаясь с положением борзятников, их мастерящих, давая возможность им забирать у

себя переа шагом, для этого выжлятники обязаны и сами нередко укорачивать или замедлять ход своих лошадей. Съезжая волков следом, выжлятники должны постром ехать рядом, имея волчий след в середине, между собой впредь до того момента, когда они увидят, что волчий след направился в какое-либо отъемное лесное место, тогда они немедленно должны разъехаться в разные стороны и рысью объехать остров с обеих сторон, стараясь держаться при этом как можно дальше от острова, дабы топотом своих лошадей несвоевременно не побудить могущих задержаться в этом острову волков и если, объехав остров, съехавшиеся выжлятники не увидят выходных волчьих следов, то сию же минуту, остановившись на противоположной от борзятников стороне острова и на видном месте, должны подать пантомимный сигнал, что волки здесь, а именно: поднять правой рукой кверху свои фуражки или шапки; когда же борзятники, увидев этот сигнал, займут места кругом острова порядком, указанным в гл. 14 раздела I, ч. III «Руководства» (что выжлятники всегда могут сами увидеть), тогда оба выжлятника въезжают в этот остров и изъезжают его в разных направлениях изредка и слегка похлопывая арапниками, увидав же волков в острову, что, впрочем, редко случается, т.к. волки с первого хлопка в порошное время бегут из острова вон и всегда скорее попадают на глаза борзятникам, чем съезжающим их выжлятникам, они должны погнаться за ними и, направляя их бег в известную сторону усиленным хлопаньем арапниками, крикнуть громко борзятникам: «Береги прямо!» или «Береги лево!», или «Береги право!», или «Береги назад!», смотря по направлению бега преследуемого ими волка. Во все же остальное время при езде по волкам по белой тропе и в особенности на съездку, должна соблюдаться всеми охотниками строжайшая, мертвая тишина. Если же волки не задержались в этом острову, а вышли из него (что видно по выходным волчьим следам), то тогда первый, наехавший на выходной след волков выжлятник должен подать пантомимный сигнал, что волки вышли, и он поехал следом, а именно: подняв правой рукой арапник кверху, продолжает съездку, другой же выжлятник, в это время объехавший остров кругом, догоняя первого и присоединившись к нему, продолжает съезжать зверя вместе и рядом с первым, как сказано об этом в начале этого параграфа.

Примечание. В порошное время псовыми охотниками подаются только два пантомимных сигнала и одинаково как по лисе, так и по волку, а именно: когда охотник наехал на след красного зверя и когда съезжает по следу красного зверя, то тогда в обоих случаях охотник должен поднять правой рукой арапник кверху, а когда охотник увидел (видит) красного зверя (т.е. лисицу или волка — безразлично), он должен поднять правой рукой свою шапку или фуражку. Узнают же охотники, что сигнал подан по волку, а не по лисе и наоборот по тому, что, выезжая на порошу, охотники заранее должны обязательно знать: по чем они намерены охотиться — по лисицам или по волкам. По зверю же, случайно попавшемуся, сигнала не подают, например, при езде по волкам попала лисица, как говорится, «из-под ног», тогда борзятник ее травит молча, т.е. тихо, и никакого сигнала не подает, и наоборот, при езде по лисицам вдруг случайно попадает волк, и его травит борзятник так же спокойно, тихо и не подает сигнала. Единственное только допускается исключение, когда при травле в меру попавшегося волка борзые его догоняют, но не берут, тогда только допускается борзятнику во время травли на скаку дать сигнал, т.е. поднять кверху правой рукой фуражку или шапку, что должно означать, что он травит красного зверя, и именно волка, которого догоняют собаки, но принять его не могут, а потому борзятник и просит помощи у товарищей. По побежавшему же не в меру случайному зверю охотник сигнала не подает, и его не травят при неуверенности его затравить.

*) Для удобства я буду называть «выжлятниками» вообще охотников, съезжающих без борзых по следу красного зверя.

ж) Волчьи следы (ст. 179, ч. I) так же, как и следы других зверей, имеют разницу между собой по времени ходьбы волков, по величине следа, сообразно возрасту волков и по разным другим особенностям следов, указанным приблизительно в предыдущих двух способах езды по зайцу и лисице (см. § д, I способа и § з, II способа). Поэтому при съездке волков, которая производится в общем так же, как и по лисице, выжлятники, съезжающие волков по следу, обязаны при «переходах следов» (что волки нередко делают, на подобие лисьих крестов), бросая направление первоначального следа и продолжая дальнейшую съездку по перешедшему следу (см. § и, II способа) быть также внимательным при определении следа, т.е. тот ли именно этот перешедший след, по которому они съезжали волков, или этот след прежней их ходьбы и т.п. При этом необходимо заметить, что выжлятники, съезжающие след одного волка, должны быть более внимательны к определению волчьих следов, чем при съездке следов бродящего взводка волков, т.к. бродящие взводком, т.е. целым гнездом волки, как бы ни расходились в разных направлениях по волнам, всегда собираются вместе в районах своего или постоянного, или временного местопребывания, размещаясь в различных положениях в районе тех мест, в самом не дальнем один от другого расстоянии.

з) При выезде из дома на охоту по волкам, все наличные охотники разравниваются (так же, как и по лисицам) полями, способом езды в равнинку, изложенным в гл. 6-й ч. III «Руководства», и едут к местам волчьим развернутым фронтом в виде полукружия, обращенного своими концами вперед, имея в середине линии фронта выжлятников, а фланговых борзятников по концам линии впереди.

и) Когда же во время равнения полями кто-либо из борзятников наедет на волчий след, то тогда тот борзятник обязан подать пантомимный сигнал, а именно: «поднять правой рукой арапник вверх», что означает, что он наехал на след красного зверя (т.е. волка при условии езды по волкам); и тогда взятые с собой для съездки по следу выжлятники быстро, т.е. рысью подъезжают к подавшему сигнал борзятнику, принимают от него след и начинают съезжать волков следом, изредка повторяя этот сигнал, и соблюдая правила, выраженные в § е, а борзятники в это время разравниваются на два равные крыла и начинают мастерить выжлятников, поступая во всем согласно выраженному о езде на съездку по лисицам во II-м способе этой главы.

и) Съездка волком по гонному следу может производиться охотниками только при тех же условиях, при каких можно производить съездку лисицы по гонному следу, но только еще с большей осторожностью (см. § к, способа II-го).

к) Травля волков при езде на съездку и вообще в порошное время должна производиться борзятниками крайне осторожно, т.е. тихо, без громкого улюлюканья и без крика и шума, всегда бесполезного при травле зверя.

ГЛАВА 34 ЕЗДА НА ГЛАЗОК

253. Езда на глазок производится псовыми охотниками преимущественно по красному зверю и в особенности по лисицам, т.к. по волкам езда на глазок в порошное время может производиться только в таких изобилующих волками местах, в которых охотники безошибочно могут рассчитывать наехать (т.е. найти) волков, в противном же случае, и в большинстве их, езда на глазок по волкам будет представляться не верной, а как

говорится, «на удачу» или «на счастье». Точно также, но еще с меньшей уверенностью на удачу поля, можно производить езду на глазок и по зайцам; причина этому та, что зайцы в порошное и вообще в зимнее время всегда ложатся на день в таких местах, где нередко нельзя и предположить найти их тем более, что в «набоях» (т.е. сугробах, наносах снега) зайцы, делая себе как бы норы, уходят в них и лежат весь день, не оставляя в бесследный день никаких почти признаков своего местопребывания. Лисицы же во всякое время года держаться преимущественно в районе своих постоянных мест пребывания, при том всегда почти денничают, и потому езда на глазок по лисицам в порошное время считается ездой одной из самых лучших и добычливых.

254. Езда на глазок производится псовыми охотниками только во время «слепых порош», во время очень «длинного съезда» (ст. 248) и во время «односледа».

Примечание. «Односледом» называется такое время, в которое следы зверей в продолжении нескольких дней остаются видными и не изменившимися на снегу. Такое время, или «однослед», — бывает только тот, когда, после выпавшей пороши устанавливается хорошая погода в продолжении нескольких дней, и температура воздуха остается та же, при чем нет ни ветра, который мог бы образовать поземку, ни снега, идущего сверху, и не инея, могущего придавать разновидность следам; а вследствие этого следа зверей как первого после пороши дня, так и последующих за ним дней остаются совершенно одинаковыми и не изменятся во все эти дни вперед до перемены охоты, когда следы зверей могут быть или совсем уничтожены, т.е. занесены идущим сверху или ползущим по земле (во время поземки) снегом, или получать разновидность отпечатков произошедшую от времени ходьбы зверя, так например, вчерашний след был прикрыт инеем, а сегодняшней — нет, или вчерашние следы были проложены в теплое время, а сегодняшние проложены в морозное — и т.п. время. В такое время, т.е. во время «односледа», съехать зверя по следу и разобрать следы зверей (словом, когда один какой-нибудь заяц может наследить в продолжении нескольких дней столько, что неопытный охотник легко может счесть след этого одного зайца за следы нескольких зайцев) не представляется для охотника никакой возможности; а поэтому псовые охотники, пользуясь нередко очень хорошей порошей для скачки борзых, во время односледа езду производят всегда на глазок.

255. Езда на глазок должна производиться всегда в несколько свор, и чем больше борзятников будет участвовать на охоте, тем лучше.

256. Езда на глазок производится псовыми охотниками способом езды в равнину, изложенным в главе 6, ч. III «Руководства»; при чем во время езды на глазок борзятники должны соблюдать с направлением нередко попадающихся на рысках красного зверя, направлением заячьих маяков и местом их накопов (см. ст. 179, ч. I). Вообще езда на глазок, по какому бы зверю ни производилась, требует так же, как и езда на съездку, полной тишины и предварительного соглашения о том, по какому зверю псовые охотники согласились производить охоту, т.к. согласно этому соглашению они назначают места для охоты и количество борзых собак в своры, руководствуясь при этом во всем правилами, изложенными в предыдущей главе «О езде на съездку».

257. При езде на глазок псовые охотники обязаны также выезжать из дома до рассвета, чтобы с рассветом они могли быть уже у мест охоты, и тогда только можно будет рассчитывать на удачу поля, в смысле нахождения зверя.

258. При езде на глазок псовые охотники, при виде красного зверя, подают пантомимные сигналы, свойственные порошному времени, как об этом сказано в предыдущей главе «О езде на съездку», а именно при виде красного зверя поднимают правой рукой кверху шапку или фуражку, после чего все борзятники поступают так, как сказано об этом в § и, спос. II, стат. 252.

259. Если случится при езде на глазок в слепую порошу борзятникам наехать на денной след красного зверя, то наехавший на след борзятник подает пантомимный сигнал, т.е. поднимает правой рукой кверху арапник и начинает съезжать зверя, а все остальные борзятники заравниваются по нем и начинают мастерить его, по правилам, изложенным во II-ом способе статьи 252.

ГЛАВА 35

ЕЗДА ПО ВОЛКАМ С ПОМОЩЬЮ ПРИВАДЫ

260. Способом езды по волкам с помощью привады может быть употребляем псовыми охотниками только в лесистых местностях, где волки пребывают в страшном количестве и вследствие того делаются более дерзкими и смело набрасываются как на приваду, так и на все, подходящее им на потребу их желудка.

Примечание. В местах же степных, полистых и вообще не изобилующих особенным количеством волков, привады их к месту привады, чтобы они задерживались до утра на приваде или по крайней мере вблизи ее, для охотников представляется делом почти невозможным на том основании, что волки на день очень редко и почти никогда в местах полистых не остаются у привады, а уходят к утру за несколько верст от нее в леса, балки или враги, где и сохраняются в продолжение целого дня. При том, в местах мало изобилующих волками, волки крайне осторожны и разве уж очень дойдет их голод, вследствие которого они иногда решаются попробовать привады ночью, но и в этом случае они не остаются вблизи привады, а той же ночью уходят в места, более отдаленные, скрытные и при том, в большинстве случаев, всегда разные (т.е. скрываются не постоянно в одних и тех же местах), т.к. нетронутые даже взводки волков и те с поздней осени начинают уже бродить, т.е. не всегда остаются в месте бывшего их гнезда. А поэтому охота с собаками за волками с помощью привады, если и бывает возможна, то только единственно в местах лесистых. В местах же степных или полистых такой способ езды никогда не представляет собой верного способа охоты, который бы давал охотникам уверенность на удачу поля в смысле непременно или несомненного нахождения зверя вблизи привады, а в большинстве случаев псовым охотникам приходится в порошное время находить и травить волков в местах, изобилующих ими, или способом езды на съездку, или способом езды на глазок, т.к. ни «голландской ниткой с

колями», ни «ездой в санях по ночам возле самой привады»)* удержать волков на приваде невозможно, и если охотникам удастся иногда застать волков в районе места привады утром, т.е. днем, то это следует считать не более и не менее как счастливой случайностью, с помощью которой неоднократно приходилось и крестьянам заставлять волков у себя на дворе и в овечьих хлевах. Вообще способ езды по волкам с помощью привады, заимствованный у ружейных охотников (для которых он, несомненно, представляет один из самых верных способов охоты, для стрельбы волков на приваде ночью) практикуется псовыми охотниками очень редко и *только в начале зимы*, пока борзые собаки не потеряют еще возможности скакать по белой тропе от глубоких и зачерепелых снегов (ст. 244) и *при том в местах сплошных уймистых*, т.е. в таких изобилующих волками лесных местностях, в которых не представляется борзятникам никакой возможности затравить зверя собаками, без перевода его в другие места, более способные для травли.

261. Способ езды по волкам с помощью привады производится псовыми охотниками в лесных местах ввиду того, что в сплошных уймах травить волков борзыми в порошное время не только неудобно, но иногда и совсем невозможно, а с помощью привады борзятникам иногда представляется возможность переехать волков, т.е. повстречать их на пути между привадой и сплошными лесными местами, в которые волки на день скрываются. А для этого приваду для волков следует класть всегда не *«в полуверсте от усадьбы»* и не *«на возвышенном, издали видном месте»*, чтобы рассматривать волков из усадьбы, которая также должна находиться *«на возвышенном месте, хотя бы в бинокль»*, или *«с вышки или дерева»* (как об этом сказано в том же «Охотничьем Календаре» на стр. 233 и 234), а приблизительно в двух или трех верстах расстояния от сплошной уймы (где преимущественно пребывают волки), в какой-нибудь отъемной роще или в отъемных островах и мелочах, словом, в таком же лесном месте, но только непременно в отъемном, отделяющем от уймы месте полевым, способным для травли, пространством, т.е. в таком лесном месте, где волки могли бы, скрываясь от глаз народа, без всякой опасности для себя иногда залегать и на день. При таком положении привады в местностях, изобилующих волками, волки, хотя и не сразу, попробовав привады, но раз уже облакомившись достаточным количеством мяса палых животных, начнут посещать приваду и затем постепенно попривыкнут оставаться иногда и на день в этом лесном, отъемном месте.

262. Привада для волков готовится из мяса палых домашних животных, которое скупает по окрестным селам и деревням отряженный на этот предмет особый человек, обязанный с наступлением морозов привозить целыми тушами мясо домашних животных (например, лошадей, коров, свиней и овец) и в известное время и в указанных местах сваливать эту пададь под личным надзором опытного охотника, которому заблаговременно поручается ловчим или владельцем охоты, как укладывать приваду (т.е. когда и в каких местах), так и следить ежедневно за привадой, и также за волками, ее посещающими, ибо от этого охотника должна всегда зависеть охота за волками, он один должен знать, посещают ли волки приваду и ежедневно верхом объезжая рано по утрам остров с привадой, он первый извещает владельца, когда объедет волков в острову, после чего только и возможен будет выезд охотников с борзыми в поле, для травли объеханных им волков.

*) См. стр. 233—237 «Охотничьего Календаря», составленного Л.П. Сабанеевым.

263. Приваду следует класть со времени окончания езды по чернотропу, и никак не ранее времени наступления самых сильных морозов. Ранее этого времени класть приваду не следует как во избежание распространения зловоний и заразы от сваленной в кучу в теплое время падали, так и ввиду того, что по чернотропу, пока скотину еще не стонят окончательно с полей на дворы и пока вырывать земляных зверьков еще возможно, волки, имея большую возможность добывать себе пищу, на падали, т.е. на приваду, не пойдут, и если случайно и нападут на нее, то в большинстве случаев ее не трогают.

264. Место для привады выбирается (согласно ст. 261) отъемное и непременно лесное, приблизительно в двух или трех верстах от сплошных лесов, в которых волки преимущественно пребывают, но при этом необходимо обращать особенное внимание *на самое важное*, а именно на то, чтобы пространство, отделяющее место привады от мест пребывания волков, было *вполне удобное* как для травли борзыми, так и для занятия борзятниками лазов, а вследствие этого расстояние между местом привады и местами волков не имеет еще особенного значения, и потому может быть, смотря по местности, или укорочено, или увеличено без всякого ущерба для дела охоты.

265. В избранном для привады месте охотник, которому поручено следить за привадой и волками, обязан вначале положить приваду в количестве двух-трех ободранных туш крупной скотины в опушке этого места и не со стороны мест, где пребывают волки, даже и не с противоположной стороны от них, а с боковой стороны и приблизительно с той, с которой предполагается более частая ходьба волков на добычу. При этом необходимо заметить, что выбранное место для привады, чем далее будет находиться от усадьбы и вообще от жилых поселений, тем лучше в том отношении, что волки смелее будут оставаться в районе привады на день, и дворные собаки не будут в состоянии как беспокоить их своим лаем, так и быстро уничтожать приваду, положенную совсем не для них, а это всегда бывает, когда привада положена *в полуверсте от усадьбы* и поселений.

266. Положенная, как сказано, привада, остается на своем месте без изменения до тех пор, пока волки не начнут посещать ее. После же того, как только волки тронут приваду, т.е. поедят ее, охотник, обязанный следить за этим, немедленно должен на первый же день, после ночного посещения привады волками, подбавить немного падали к тронутой приваде и в новых, приблизительно двух-трех местах разложить в достаточном количестве туши по две или по три крупной скотины в каждом месте еще падали в опушке того же острова, но уже с противоположной стороны от волчьих мест так, чтобы добраться волкам до новых куч привады можно было бы не иначе, как пройдя к ним или опушкой острова, или через самый лес, серединой его, где волки, ознакомившись с этим лесным местом и убедившись, что их никто не беспокоит в этом месте, что оно наоборот даже дает им некоторую возможность скрываться от глаз народа, начнут в самом непродолжительном времени застревать (т.е. оставаться) в районе места привады и на день, а это только и требуется для травли волков борзыми.

267. С того дня, как волки начнут посещать приваду, охотник, которому поручено следить за волками, обязан ежедневно рано по утрам (но никак не ранее рассвета, чтоб можно было видеть следы зверя) объехать один раз в день верхом на лошади кругом всего острова или того места, в котором положена привада, и если волки не застряли на день в острову (что узнает он по входным и выходным следам их), то он осторожно (т.е. по возможности не подъезжая близко к приваде, стараясь не оставлять своих следов подле самой привады) осматривать приваду, тронута ли она и много ли ее осталось от волков, и, смотря по количеству оставшейся привады, в послеобеденное время подкладывает на эти же места новой падали, и так продолжает поступать во все время, способное для охоты с борзыми за волками. Если же охотник этот, сочтя входные и выходные следы волков, при

объезде им кругом острова, убедится в том, что волки находятся в районе объеханного им места, то тогда он, ничем не беспокоя волков, быстро возвращается домой и доносит ловчему или владельцу охоты о том, что волки им объеханы.

268. По получении такого известия владелец охоты делает распоряжение о немедленном выезде борзятников в поле, которые, согласно приказанию владельца, быстро собираются со своими сворами и одновременно, все вместе выезжают к месту охоты верхом или, смотря по расстоянию от дома, в санях с верховыми лошадьми на чумбурах, для скорости доездки до места охоты, а объехавший волков охотник, по извещении о том в доме, и, не дожидаясь сбора борзятников, обязан немедленно возвратиться обратно к месту нахождения волков, где остановившись в отдалении от того места на прогалине, отделяющий волков от сплошной уймы и карауля их, дожидается приезда борзятников, стараясь не пропустить ни в каком случае (могущих иногда побудиться со своего места) волков в места уймистые.

Примечание. Для того, чтобы не пропустить по возможности волков из острова в места уймистые, караульный охотник должен, если увидит выходящих из острова волков, или ездит спокойно на виду у них взад и вперед вдоль опушки уймистых мест, что может заставить волков возвратиться в остров и задержаться некоторое время в нем, или при упорном направлении волков в уйму поскакать на переём им, стараясь отрезать им дорогу, или молча или с улюлюканьем и хлопаньем арапников, словом, как выгоднее и действительнее, имея в виду, что при этом необходима особенная сообразительность охотника (приобретаемая всегда только опытом) и находчивость, с помощью которых охотник мог бы применить все свои действия не всегда однообразно, а всегда соображаясь с положением, намерением, причиной тревоги волков (что можно заметить по их движениям) и количеством выходящих или вышедших из острова волков, так, например, если вышли из острова все находившиеся в нем волки, то тогда охотник может или погнаться за ними с улюлюканьем и хлопаньем арапников, чтобы разбить их врознь и некоторых из них возвратит в остров, или с той же целью броситься навстречу волкам или поскакать их от мест уймистых и т.п., а только один или несколько, то тогда гонять их с криком не следует, дабы не тревожить оставшихся в острову волков. Когда же волки не трогаются из острова, то караулящему их охотнику необходимо стоять на лошадях (или пешком, имея, лошадь в поводу), смирно и тихо, поджидая борзятников.

269. По прибытии же борзятников с собаками на место охоты и по занятии ими лазов, стараясь по возможности окружить остров, становясь гуще от мест уймистых, борзятники поступают во всем согласно правилам, изложенным в гл. 14 раздела I, ч. III «Руководства». Приехавшие же верхом с ними без собак два выжлятника или запасных охотников (которых обязательно следует брать с собой на охоту в данном случае) присоединяются к караульному охотнику и вместе с ним, *по занятии борзятниками лазов*, выезжают в остров с противоположной или со слабо защищенной борзятниками стороны и, изъезжая его в разных направлениях (нередко соображаясь с направлением волчьих следов) и слегка, изредка похлопывая арапниками, выгоняют волков из острова на поле, где, встречая волков, борзятники и начинают ближайших к себе травить борзыми.

Примечание. Вообще в порошное время всякий красный зверь очень пудок, а волки в особенности, поэтому при выгнании волков из острова никаких особенных усилий со стороны выжлятников не требуется, а также не

требуется для выжлятников в таких случаях никаких ни револьверов, ни ружей, и вообще ничего из огнестрельного оружия, при условии если псовые охотники жалеют травить волков борзыми, а не стрелять их. В порошное время волки так чутки и так пудки (пугливы), что иногда бывает достаточно малейшего звука и одного крика, возгласа человека, чтобы заставить их покинуть свое место.

Отдел II

О езде в порошное время с борзыми и гончими вместе

ГЛАВА 36 ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

270. Езда с борзыми и гончими вместе в порошное время производится почти совершенно одинаково, как и по чернотропу, способами езды домашней (см, способ I, езда домашняя), с той только разницей, что в порошное время нередко и без ущерба делу охоты можно ограничиваться при гончих одним доезжачим без участия в поле подгонщиков и, кроме того, во время езды с гончими в порошное время доезжачий не должен, как говорится, «висеть на хвосте у собак». При этом порскать гончим доезжачий должен как можно реже и при натечке гончими зверя обязан только свалить собак подваливающим порсканьем, а затем, когда поведут гончие, он должен окончательно смолкнуть и употреблять водное порсканье только тогда, когда собаки сколются или начнут скальваться, и в таком-то случае он будет поступать лучше, если будет употреблять не все водное порсканье, а только один его возглас, т.е. целые ноты с подголоском (см. № 4 ст. 453 и № 3 ст. 454, ч. II). Вообще в порошное время езда с гончими должна производиться доезжачим более спокойно, без усиленного порсканья и менее строго в отношении гончих собак.

271. Когда участвуют несколько человек выжлятников при гончих в порошное время, то сигнальный рог с собой в поле берет только один доезжачий для исполнения на нем единственного сигнала, а именно: «позыва гончим», чтобы с помощью этого сигнала можно было вызвать из острова и собрать гончих собак. Остальные же выжлятники, а равно и все борзятники в порошное время в поле с собой рогов брать не должны, т.к. никаких роговых сигналов в порошное время псовые охотники вообще не подают, заменяя их в случае надобности двумя пантомимными сигналами, употребляемыми в порошное время (см. прим. к § е, способа III, ст. 252).

Примечание. В морозное порошное время на рогах с металлическими мундштуками звать следует осторожно и прежде, чем приложить губы к мундштуку, чтобы дать позыв гончим, доезжачий должен отдуть мундштук, т.е. некоторое время воздухом изо рта дуть на него, не прикладываясь к нему губами, вследствие чего мундштук от прикосновения к нему теплого изо рта воздуха покроется быстро как бы снегом и затем, когда мундштук отойдет, т.е. этот морозный снегоподобный слой с мундштука стает от

дыхания на его или от воздуха изо рта человека, тогда только охотник может без вреда для себя приложить губы к мундштуку и звать в рог, в противном случае мороз моментально прихватит губы человека к мундштуку и прихватит так, что очень легко можно будет сдернуть с них кожицу, а вследствие того губы могут всегда болеть.

272. Главная особенность езды в порошное время с гончими заключается в том, что всю стаю гончих и в особенности молодых собак не только можно, но даже должно с собой в поле не брать как во избежание возможности порчи их для *псовой охоты* вследствие езды с ними по белой тропе (см. прим. а, ст. 239, ч. III), так и ввиду того, что пользы от гоньбы целой стаей в смысле выгонки зверя особенной не представляется, т.к. в порошное время зверь бежит одинаково хорошо и пудко, нередко даже из-под одного смычка гончих. А поэтому для охоты с гончими в порошное время всегда следует ограничиваться только несколькими смычками гончих (понятно, сообразуясь с местом), а не брать целую стаю.

273. Борзятники же при езде с гончими вместе в порошное время должны также руководствоваться правилами езды, изложенными в разделе I ч. III «Руководства», и только во время езды по зайцам в местах, находящихся вблизи жилых поселений и гумен, они должны, независимо от занятия ими обыкновенных лазов зверя, на зайца обязательно занимать места еще и от этих поселений, и в особенности от их гумен, т.к. в порошное время зайцы, и в особенности русаки, бегут преимущественно прямо на гумна и вообще в поселения.

274. Количество борзых в своры, при езде с гончими вместе, назначается в порошное время борзятникам никак не более двух собак в свору за каждым борзятником, и только при езде по волкам следует брать в свору не менее 3-х и не более 4-х собак, но езда с борзыми и гончими вместе по волкам в порошное время может быть только случайной, т.к. настоящей езды, т.е. определенной, иначе говоря — такой, чтобы заранее можно было рассчитывать охотиться с борзыми и гончими вместе по волкам в порошное время почти быть не может.

Примечание. Не находя нужным ничего более прибавить к езде порошной с борзыми и гончими вместе, и ввиду краткости этого II отдела, я счел нелишним пополнить этот отдел еще одной главой: «О порезке съемки, расправки, высушки и сохранения шкур с затравленных и словленных собаками красных зверей».

ГЛАВА 37

О ПОРЯДКЕ СЪЕМКИ, РАСПРАВКИ, ВЫСУШКИ И СОХРАНЕНИЯ ШКУР С ЗАТРАВЛЕННЫХ И СЛОВЛЕННЫХ СОБАКАМИ КРАСНЫХ ЗВЕРЕЙ

275. По возвращении с поля охотники затравленных борзыми и словленных гончими красных зверей обязаны снять каждый своего в этот же вечер при огне и только в крайнем случае, если охотники возвратились на квартиру или домой ночью и притом очень утомлены ездой по причине дурной, дождливой или очень холодной погоды, усиленной работы и т.п. — можно оставлять зверей неснятыми на дворе до следующего утра, в

которое звери *обязательно* должны быть сняты. В противном случае, если оставить красных зверей неснятыми на более продолжительное время, мех их (т.е. шерсть), если и не подлезет по причине холодного времени, но зато, наверно, сделается более слабым, непрочным, т.е. во время носки его скорее будет вытираться так же, как и очень скоро всегда вытираются меха, собранные из шкурок зверей, отравленных стрихнином и т.п. ядами.

276. В псовых охотах принято снимать красных зверей так: каждого зверя (т.е. волка или лисицу) охотник прежде всего берет за заднюю ногу и острым концом охотничьего отточенного ножа или еще удобнее небольшим остроконечным (вроде хлебного, крестьянского) тонким и острым ножом поддевает под кожу зверя у пятки с задней стороны и затем делает прямой разрыв кожи от пятки кверху, по задней стороне ноги, вплоть до заднего прохода, стараясь при этом, держа нож лезвием кверху, линию разреза делать всегда немного ближе ко внутренней стороне ноги, чем к «полевой», т.е. к наружной; это следует делать для того, чтобы большая часть шкуры с шерстью на гачах оставалась бы при спинке, а не при брюшке шкуры зверя. Затем охотник осторожно отделяет шкуру от мяса, придерживая пальцами левой руки за край от разреза шкуру, а правой рукой осторожно, чтобы не прорезать шкуры, подрезает ножом находящееся под кожей мясо, направляя лезвие ножа как бы от шкуры к мясу так, чтобы нож скорее мог сделать порез на мясе, чем на шкуре, но при этом не следует оставлять мясо и на шкуре, стараясь как можно чище отделять ножом мясо от шкуры. Когда же таким образом будет снята одна задняя нога зверя, тогда охотник, поступая таким же порядком, снимает другую заднюю ногу и затем обе передние ноги, делая на передних ногах разрез кожи от пятки с задней стороны посередине, вдоль ноги вверх до самого локотка ее. Когда же будут сняты таким порядком все четыре ноги зверя, тогда охотник делает сквозной порез между сухожилием (тетивой) и костью задней ноги у коленки и, продев в это отверстие свору или веревочку, привешивает зверя кверху на высоте своей груди посередине избу за какой-нибудь печной или палатный брус, или в сенях, или в сарае (где удобнее) за какую-нибудь связь или перекладину, но так, чтобы он мог свободно ходить кругом привешенного зверя и уже тогда приступает к съемке хвоста следующим порядком: прежде всего охотник делает тщательно осторожный прямой долевой разрез шкуры вдоль по стержню хвостовых позвонков, с нижней стороны хвоста, начиная от заднего прохода и до самого окончания последнего хвостового позвонка и затем осторожно, чтобы не оторвать хвост, начинает с основания хвоста отделять пальцами одной руки шкуру от стержня, слегка подрезая под шкурой в местах, не поддающихся отделению пальцами, кожу стержня до тех пор, пока не будет отделена вся шкурка хвоста от его стержня в виде ленты, покрытой шерстью зверя с одной стороны. После того, когда и хвост будет снят, охотник отрезает прочь у основания стержень хвоста и бросает его, чтобы он не мешал остальной съемке, и приступает к снятию шкуры с туловища зверя, что делается очень легко, если заворачивать шкуру кругом туловища по направлению к переду зверя, осторожно постаскивая ее книзу левой рукой, а правой — с ножом, обращенным лезвием к стороне мяса (как сказано выше), подчищая под шкурой и стаскивая (т.е. снимая) таким образом шкуру мешком до передних ног зверя. Дойдя же до передних ног зверя, охотник должен снятые передние ноги поодиночке вытащить на поверхность мездры, шкуры в те отверстия, которые получились при предварительном снятии передних ног, но для того, чтобы свободно можно было вытащить в эти отверстия уже снятые ноги, необходимо перерезать ножом мускулы и сухожилия у локотков передних ног, вследствие чего ноги будут свободно сгибаться в локотках, а от того легко можно будет их вытащить в отверстия на сторону мездры шкуры, где они и привязываются веревочкой к прицепке задней ноги на время съемки шеи и головы, чтобы они не мешали охотнику. После этого охотник снимает шею и голову зверя до ушей его и так же легко, как и туловище, но как только обнаружатся из-под завороченной шкуры уши зверя, он должен, стараясь как

только возможно сдвинуть шкуру ниже с головы, перерезать хрящи ушной раковины, оставив небольшую их часть при тушке зверя, продолжать съемку шкуры до конца, т.е. до вошка, хрящи которого он перерезает по направлению ножа к деснам и оставляет вошек при шкуре головы, снятой по краям десен зверя. Этим и оканчивается съемка каждого зверя.

277. Лисьи шкурки бывают очень часто изорваны собаками, и поэтому по съемке такой изорванной шкурки надо ее, прежде чем расправлять на пялках, всю вычинить сырую так, чтобы не осталось на ней ни одной не зашитой дырки. Делается это так: взяв в руки только что снятую изорванную шкурку, обращенную мездром наружу, а мехом внутрь и рассматривая удобу ее, каждую дырку на ней следует, сложив краями вместе (как бы если сплюснуть кольцо), через край зашить всю иглой с прочной ниткой, и так поступить со всеми до единой дыры на шкурке, стараясь при этом подправлять иглой мех внутрь шкуры так, чтобы он не виден был из-за швов на мездровой стороне шкурки. Чинить изорванные шкурки можно только что снятые — сырые, а если шкурка снята давно, так, что уже подсохла, то ни чинить, ни хорошо расправить на пялах такую шкуру нельзя. Поэтому, чтобы не портить шкуры зверей, необходимо *обязательно сейчас же по съемке их изорванные шкуры вычинить и, не давая им завянуть, тотчас же приступить к расправке их на пялках.*

278. Пялки, на которых расправляют шкуры зверей, делаются из раздвоившихся молодых деревьев, которые срубают на четверть ниже раздвоившихся побегов и таким образом, получив рогульки требуемой величины и толщины, смотря по шкурке зверя, т.е. для какого зверя они приготавливаются — для волка или для лисицы, охотник обдeldывает их ножом, очищая от сучьев и обрезая концы пялок настолько, насколько это нужно для того, чтобы от каждой вытянутой на пялах шкуры оставалось еще ниже задних лап шкуры приблизительно четверти две свободного места рогулек. Это необходимо для того, чтобы за эти свободные места рогулек охотник мог брать пялки с расправленной на них шкурой и ставить, для просушки шкуры, пялки на эти концы так, чтобы хвост никак не соприкасался с тем местом, на котором стоят пялки, а висел бы между рогулек на шкурке зверя, достигнуть же этого можно только тогда, когда рогульки будут длиннее шкурки четверти на две от лап (приблизительно).

279. Расправлять шкуры на пялках следует таким порядком: охотник берет подходящие к шкурке зверя пялки (которые у охотника должны быть заготовлены заранее), ставит их (волчьи на пол, а лисьи — на лавку, судя по тому, как ловчее) на рогульки, предварительно посадив их насколько надо веревочкой, и затем надевает на них шкурку зверя, обращенную мехом внутрь, а мездром — наружу, так, чтобы вошек как раз наделся на обделанный для того общий створ рогулек, и затем натягивает всю шкуру на задние ноги настолько, насколько возможно вытянуть ее при условии, чтобы не разорвать ее и, натянув сначала одну заднюю ногу, сделав предварительно у места лапок на рогулке ножом зарубку (чтобы не съезжала завязка кверху при сушке шкуры), привязывает одну ногу в месте зарубки к одной рогулке, затем натягивают другую заднюю ногу, делает также на другой рогулке зарубку и также шнурком или тонкой бечевкой привязывает другую заднюю ногу к другой рогулке, после этого охотник должен выправить руками на пялках шкуру так, чтобы середина спины с хвостом приходилась как раз посредине рогулек и против середины брюха и передних ног; затем он распускает насколько нужно рогульки, т.е. отпускает веревочку, которой стягивал он рогульки при надевании шкуры на пялки и приступает к обдeldыванию передних ног и хвоста. Для этого охотник должен сделать три пучка из немятой ржаной соломы длиной по длине передних ног и хвоста, а толщиной приблизительно пальца в три по диаметру и затем, подкладывая по одному пучку под каждую ногу и хвост со стороны меха, поочередно он начинает растягивать в

ширину ленту ноги или хвоста от самого основания до конца, обматывает вместе с пучком ленты ног и хвоста (спиральной линией) прочной ниткой или очень тонким шнурком из ниток, укладывая спиральные обороты нитки на два пальца расстояния один от другого, вследствие чего растянутые в ширину и в длину ленты ног и хвоста, мездром кверху, на соломенных пучках не подлезут и скоро просохнут. Обделанная таким порядком шкура зверя считается вполне расправленной и в таком виде остается на пялках до полной высушки.

280. Лисьи шкуры во всякое осеннее и порошное время следует сушить в жаркой русской избе на печке, ставя на печи пялки в наклонном положении брюшком книзу на концы рогулек так, чтобы хвост и вообще шкура не могла прикасаться к горячей печки, а только чтобы теплый, *жаркий избяной* воздух мог влиять на просушку шкурки, и тогда для полной ее высушки бывает совершенно достаточно полутора суток. При этом необходимо заметить, что если сушить шкурки приходится в «курной избе», т.е. в такой, которая топится по-черному, словом, в которой нет дымовой трубы при печке, то тогда надо ставить лисьи шкурки на печи и только после того, когда дым из избы весь сойдет, в противном случае мех потемнеет, т.е. закоптится. Во всяком же случае не просохнувшую как следует шкурку снимать с пял и вообще снимать с печи (за исключением времени топки печей в курных избах) никогда не следует. Волков же постоянно просушивают на дворе, на воздухе, и в избы «*на печи*» отнюдь вносить волков не следует, иначе они непременно подлезут. Волк сушится довольно долго, что зависит от состояния погоды, но при этом необходимо следить за тем, чтобы поставленных также в наклонном положении (для усиленного проветривания) отнюдь не мочило дождем. Теплый, солнечный день и сильные холода, мороз и ветер для просушки шкур одинаково полезны и вреда принести не могут, а только будут разнообразить время продолжения сушки.

281. По высушке каждую шкуру следует снять с пялок, выворотить осторожно, чтобы не разорвать, на другую сторону, т.е. мехом наверх, и затем расчесать гребнем, а сырую шерсть (что случается иногда от крови) просушить: лисиц — над печкой, а волков — на солнце, надев на эти же пялки мехом наверх и без всяких привязок, после чего, когда вся просохнет, поотмять рукой осторожно засохшую на шерсти кровь, вычесать также гребнем, стряхнуть как следует, взяв за головку рукой и затем каждый охотник шкурки своих зверей, т.е. затравленных его сворой борзых, а доезжачий — словленных гончими, приносят к ловчему и передают ему на хранение.

282. Хранить невыделанные шкуры красного зверя следует в сухой теплой комнате и еженедельно вычесывать гребнем и стряхивать, чтобы не завелась *моль* или *шашель* и чем чаще это повторять, тем лучше. Во всяком случае вернее можно сохранять меха, выделанные скорняками, а потому невыделанными шкуры зверей иногда не следует держать очень долго, чем скорее они будут отданы скорняку для выделки, тем лучше. Выделанные шкуры зверей следует хранить в сундуках, поставленных в сухом месте, в которых уложенные рядами шкуры следует пересыпать каждый ряд перемiatым (в руках) русским понюшным курительным табаком; в летнее же время в лучшие солнечные ведреные дни следует все шкуры на ветру и на солнце среди дня развесить на протянутых веревках для проветривания и просушки их часа на три-четыре и повторяя таким порядком просушку в продолжение лета раза три-четыре, можно ручаться, что меха сохранятся невредимыми в продолжение нескольких лет, но для того, при укладывании меха в сундуки всегда следует пересыпать меха, как сказано, свежим сухим (словом, таким, который бы мог крошиться в руках), понюшным русским табаком. А что же касается того, что от просушки на солнце меха выцветают, как уверяют некоторое, то этого я не замечал, сохраняя лисьи меха по несколько лет.

Примечание. Зайцев снимают, расправляют и просушивают так же, как и лисиц, но я о них не упомянул отдельно ввиду того, что кто же не знает, как снимают зайца и притом заячьи шкурки в псовых охотах всегда отдавались в пользу затравивших их борзятников из прислуги и выжлятникам в поощрение их к езде с собаками. Мясо же зайцев обязательно должно поступать в распоряжение ловчего для щенят и собак.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Окончив мое «Руководство ко псовой охоте», на которое было употреблено мной немало труда и времени, я, в конце концов, остался все-таки недоволен тем, что написал его не ко времени. К чему говорить о том, чего быть не может? К чему «Руководство ко псовой охоте», когда в самом недалеком будущем грозят нам, псовым охотникам, поголовное уничтожение псовых охот, несмотря ни на какие существующие в настоящее время собачьи выставки и ни на какое поощрение дело охоты со стороны правительства, если только оно не поспешит обратить свое внимание на то зло, которое допущено в последнее время многими земствами в среде народа с целью уничтожения волков и лисиц, и которые несомненно должно будет повлечь за собой уничтожение псовых охот в России, т.к. я полагаю, что никто из охотников не станет держать у себя псовую охоту для травли собаками разве одних только крыс и мышей, которые, с уничтожением волков и лисиц, несомненно расплодятся в несметном количестве. А положить окончательный предел этому злу, запретить отравителям эту ужасную и пагубную не для одних волков и лисиц раздачу ядов и ядовитых веществ в среде народа, словом, пресечь эту манию людей к душегубству, к деянию, недостойному имени человека, может только своим справедливым распоряжением одно наше правительство! Неужели вы, гг. истинные страстные псовые и ружейные охотники, старающиеся совершенствовать породы охотничьих собак и для того старающиеся поощрять собаководов на выставках раздачей им наград за представленные ими достойные экземпляры собак, не хотите видеть и согласиться с тем, что способ уничтожения волков и лисиц, распространенный в настоящее время многими земствами в среде простолюдинов, так ужасен, не только в смысле уничтожения зверей хищных, но и в смысле уничтожения домашних животных или редко людей, что не только охотиться или держать псовую охоту, но даже и людям-то жить в настоящее время небезопасно? Припомните, уважаемый читатель, существующий закон (выраженный в 867 и др. ст. Уложения и в гл. 3 разд. II, кн. II, уст. судебн.), запрещающий торговлю ядами и вообще ядовитыми веществами в среде народа и обратите ваше внимание *на цель этого закона!* Недаром же он существовал и существует? А ныне самый ужаснейший яд, как например, стрихнин в массовом количестве всегда можно найти в любом селении у каждого простолюдина, заявившего земству о себе, что он охотник и желает уничтожать зверей хищных.

Я никогда не охочусь с гончими по белой тропе, но спросите тех гг. псовых и ружейных охотников, которые производят охоту с собаками в порошное время: могут ли они с уверенностью сказать, что их гончие (а иногда и борзые собаки) будут *всегда* гарантированы от случайной смерти отравлением в таких местностях, в которых практикуется такой бесчеловечный и в высшей степени неблагоприятный способ уничтожения животных ядом? Я уверен, что никто из них не скажет, что собаки их были гарантированы от отравления, даже и в соседних местах с такой нанесенной отравителями местностью, и с которой перетаскивание даже птицами разбросанных отравителями и не съеденных зверями колбас и тушек, начиненных ядом, всегда возможно. На моих глазах у М.А. Траковского погибли три таких псовых кобеля, а именно: Ахид, Опромет и (старый)

Злорад, за которых денег нет, и которых в сорок лет не дождешься! И погибли они моментально в поле, во время порошной езды по таким местам, в которых и волков то никогда не бывает, а отрава разбрасывалась там (как после было указано) лишь «из любви к искусству» крестьянином Сергеем Карауловским, и разбрасывалась потому только, что Сапожковское земство, отыскивая подобных «аматоров» (вероятно, из желания расширить поле своей деятельности, выразившейся, как слышно за последнее время, в очень приличной цифре растраты) в числе многих других, и его наделила ужаснейшим ядом. И это — не единственный случай отравления домашних животных! Я мог бы привести несколько, даже не из области происшествий, касающихся псовой охоты, но я не судебный следователь и потому не стану говорить о том, что хорошо всем известно из судебной практики: как много еще существует фактов, доказывающих, что случаи отравлений и т.п. преступлений совершаются по большей части под влиянием грубой мести, зла, ревности, чувства зависти, досады, а когда под руками всегда легко можно найти орудие, как например, стрихнин, распространенный земствами в среде народа для отравления волков и лисиц, то, полагаю, что не может быть и сомнения в возможности увеличения в среде людей злоупотреблений этим ядом. Но довольно об этом. Лучше взглянем на то, в чем заключается такое ужасное зло со стороны волков и лисиц, за которое люди решились так безжалостно их уничтожить.

Волков винят за их способность, присущую всем крупным хищникам: питаться *иногда* и домашними животными, независимо от главной и постоянной их пищи, состоящей из падали всех вообще животных и преимущественно из отыскиваемых ими мышей и других полевых земляных зверков. А поэтому невольно является вопрос: почему, когда, т.е. в какое время, и на каких преимущественно домашних животных нападают волки?

На это получается ответ в большинстве случаев всегда и везде ото всех, недовольных волками, один и тот же, а именно: волки режут «в ночном» жеребят, а иногда и спутанных или уже очень слабых, худых, старых лошадей, принадлежащих преимущественно крестьянам, и режут еще также в осеннее время принадлежащих крестьянам свиней на воле и овец в таких стадах, при которых пастухи больше спят или лапти плетут, чем смотрят за скотиной, т.к. волки на глазах у людей днем скотины никогда не «бедят».

Такой ответ всякому, малознакомому с деревенской нашей жизнью, несомненно, на первый взгляд, может показаться довольно странным, ввиду такой будто бы ненависти волков к крестьянам, но, вникнув поглубже в суть настоящей нашей деревенской жизни, в то небесцельное со стороны крестьян небрежное их отношение к чужой собственности, в то, наконец, грубое жестокосердие к своей домашней скотине хозяев, людей, не имеющих ни сердца, ни страха, ни совести, а наоборот, поступающих всегда, как говорится, только себе на уме, и тогда причиной всего, показавшегося на первый взгляд странным, объясняется очень просто. Я не буду говорить о таких местностях, в которых волки будто бы нападают целыми сотнями и на людей вместо скотины, таких мест я не знаю, но в центральной России, где волков осталось так мало, по причине уничтожения крепких лесных мест и вследствие бесчеловечного повсеместного избиения крестьянами волчат и лисят в слепом еще их возрасте, где понимающему мало-мальски дело охоты за волками, нетрудно перечесать в каждой местности всех волков чуть не по пальцам, где, отыскивая волков, нередко приходится ездить за сотни верст, *я с уверенностью могу сказать*, что, если б крестьяне не распускали своих свиней по полям и лесам со времени уборки хлебов и до первого снега, т.е. на время всей осени, и с целью дарового их прокормления по чужим угожьям, не оставляли бы их на произвол случайностей положительно без присмотра, теряя всякую возможность справляться о существовании своих свиней впредь до сбора их по пороше (как русаков) по следу, а также берегли бы своих лошадей под хорошим караулом в «ночном», овец — при хороших пастухах, при которых волки овец

из стад не таскают, а ненужных для работы лошадей не бросали бы, как и свиней, на осеннее время без присмотра, то и не пришлось бы жаловаться на то, что волки «бедят» у них скотину и никогда не пришлось бы крестьянам разыскивать своих свиней и лошадей (как это очень часто случается) по чужим угожья, по которым лошади нередко заходят за пятьдесят и более верст от дома!

Но, к несчастью, слабость людская — это падкость людей на «даровщинку и на чужбинку», затмевая собой всякое понятие о праве и неприкасаемости чужой собственности, служит причиной того, что сами хозяева, распуская свою скотину на произвол случайностей, и повторяю: часто небесцельно поступают в данном случае ничем не лучше самых дерзких волков, поступающих, в свою очередь, с их скотиной совершенно так же, как поступают ее хозяева по отношению к чужой собственности, к чужим угожьям. Я полагаю, что прежде всего каждый владелец домашних животных *обязан кормить и беречь свою скотину и непременно под караулом* не ради того, чтобы волки «бедили» ее, а ради того, чтобы отравой озимей, садов, лугов и огородов *своей* скотиной не причинять ущерба имуществу своего *соседа*. Ведь за подобные деяния и волков не щадят, а наоборот, ежегодно массами уничтожают их и псовые охотники, и ружейники — с помощью облав, и промышленники с помощью тенет, капканов, западней, ям, ружей и т.п. средств и без помощи ядов и ядовитых веществ умерщвляющих как волка, лисицу, так и собак, кошку, а также и свинью, человека. И неужели всех этих охотничьих и промысловых способов уничтожения волков и лисиц человеку мало и недостаточно, чтобы не прибегать к гнусному душегубству, к этому безразборному и беспощадному уничтожению вместе с волками и других, нередко очень ценных домашних животных, к этому варварскому стремлению человека — к отравлению и поголовному истреблению всего, созданного Творцом Вселенной?

Неужели Творец Вселенной, сотворив, в числе других животных волка и лисицу, совершил тем великую ошибку, которую исправить поголовным истреблением волков и лисиц так смело взялись благоразумные люди? Ну скажите, уважаемый читатель, справедливо ли это? Я не буду продолжать о волках, а только спрошу: за что же лисиц-то решились люди также извести со света? Ведь они скотины не «бедят» и людей не трогают, а наоборот, представляют собой самых полезнейших для каждого земледельца животных, которые в громадном количестве истребляют мышей, сусликов, вражков и т.п. земляных зверьков, опустошающих целыми нивами хлебные посевы, против чего само правительство неоднократно стремилось принимать меры! Но, видите ли, на лисиц ожесточились (хотя и неосновательно) за последнее время ружейники, но не те, которые действительно стреляют и тетеревов, и рябчиков, и всякую другую *пернатую* дичь, которые смело и *в одиночку* ходят и на медведя, а преимущественно те ружейники, которые проявляют свое искусство стрельбы только на голубиных садках (хоть бы уж стреляли-то они в какие-нибудь шары стеклянные, а то ведь только губят ни в чем не повинную Божью птичку, этих несчастных голубей, забавляясь картиной страдания изорванных и изувеченных выстрелами своих жертв, как какие-нибудь глупые и злые дети, зверски увечащие галчат и воробьят ради своей непозволительной потехи*) да те, которые в лаковых сапожках, обвешанные всевозможными нужными и ненужными атрибутами ружейника, желая изображать из себя будто бы настоящих охотников, без запинок и с присущей им на словах только смелостью, как и дельные будто бы охотники повсеместным уменьшением дичи и при этом уверяют, что корень-то этому злу составляют лисицы, которые поедают яйца тетеревов, рябчиков и других птиц, вследствие чего несомненно (будто бы) тетерева, рябчики и всякая другая пернатая дичь за последнее время уменьшилась, а потому и следует всех лисиц, как самых вреднейших животных, извести со света. Насколько справедливо подобное обвинение лисиц, я представляю

*) Но ведь и детей-то за это порют розгами.

судить читателю! Я же, хотя и не причисляю себя к числу настоящих ружейных охотников, но тем не менее в свободное от езды с собаками время, с большим наслаждением охочусь и с ружьем, а потому отчасти понимаю дело охоты и ружейной, беседуя нередко об охоте с настоящими ружейниками, от которых ничего подобного никогда не слышал, могу согласиться с доводами таких гг. голубеистребителей только в том, что действительно за последнее время пернатой дичи, как и всякой другой, стало меньше, но не потому, чтобы лисицы, уничтожая птичьи гнезда, были тому причиной, всякая лесная дичь с сотворения мира существовала в одних и тех же местах, где существовали и волки, и лисицы. Это подтверждается даже тем, что и в настоящее время тетерева и рябчики в изобилии сохраняются преимущественно в таких глухих, крепких лесных местах, в которых в несравненно в большем количестве держатся и сейчас лисицы к волки, и всякие другие им подобные (якобы истребляющие птичьи гнезда) звери, а уменьшается лесная дичь вследствие уничтожения лесов, что вызвало уже правительственное распоряжение для их охраны и вследствие несоблюдения теми же ружейниками закона, вследствие несвоевременной их охоты «по перу», и вследствие неопозволенного уничтожения дичи силками, сетями и т.п. промысловыми орудиями! Вот причины почему уменьшается дичь, а вовсе не лисицы и волки тому виной! Невольно вспоминается басня Крылова: «На волка только слава, а ест овец-то Савва».

Грустно я тяжело видеть, когда люди стремятся разрушать и уничтожать все то, что существовало веками и что сотворено и заведено было не ими! Что за бесцеремонная самонадеянность и смелость у таких господ? Уничтожить жизнь каждого животного и таким подпольным, гнусным способом, как отравление ядом, всегда легко и всегда возможно, но это никогда не составляло доблести и не делало чести отравителю, а наоборот, заставляло каждого человека с отвращением сторониться от него как от изверга. Смело и с уверенностью надеюсь, что гг. истинные в душе псовые и ружейные охотники никогда не причислят это гнусное и недостойное человека дело — отравление животных ядом к делу какой бы то ни было охоты, т.к. такое душегубство не есть охота! Будем же надеяться, что мудрое правительство не замедлит обратить свое внимание на это зло и запретит отравление животных ядом, как занятие ненужное, скорее, вредное, чем полезное, и по характеру своему крайне неблагоприятное.

П.М. Губин

ПРИЛОЖЕНИЕ:

СТАРИННЫЕ РУССКИЕ МЕРЫ ДЛИНЫ, ВЕСА И ОБЪЕМА

МЕРЫ ДЛИНЫ

Дюйм	2,54 см
Вершок	4,45 см
Аршин	71 см
Сажень	2,13 м
Верста	1,06 км

МЕРЫ ВЕСА И ОБЪЕМА

Доля	44,435 мг
Гран	62,2 мг
Драхма	3,73 г
Золотник	4,266 г
Уncia	29,8 г
Фунт	358,323 г
Пуд	16,38 кг
Чарка	0,123 л
Бутылка	0,615 л
Штоф	1,23 л